

WIDENER

HN XWK2 +

ДВѢ ВОЙНЫ

1876—1878 гг.

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ СОБЫТІЙ
ПОСЛѢДНИХЪ ВОЙНЪ.

Н. В. МАКСИМОВА.

(Бывшаго корреспондента на театрѣ военныхъ дѣйствій).

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть I. Война въ Сербіи. — Часть II. Война въ Болгаріи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. ТУЗОВА.

1879.

0tt 714.6

MRHP

Типография Б. Г. Янпольскаго, Демидовъ пер. домъ № 5.

ОТЪ АВТОРА.

Вотъ идетъ уже третій годъ со времени начала славянской распри. Мы дождались конца кровавой драмы. Всѣ мы находимся подъ свѣжими впечатлѣніями минувшаго кровопролитія... Ужась и смерть — повсюду смерть и ужась!.. ужась и смерть въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ!.. Голова кружится, грудь сдавлена, духъ захватило, въ вискахъ стучить, въ ушахъ барабанный бой, гудящая въ воздухѣ граната, вопли раззоренныхъ болгаръ и нашихъ вдовъ и сиротъ, дикій шумъ, ревъ, пальба, звяканье штыковъ, сабель, ржанье лошадей, стоны, крики, команда, восклицанія, предсмертный хрипъ — и все это сливается въ одинъ общій хаосъ. Въ разстроенномъ воображеніи рисуется рядъ ужаснѣйшихъ картинъ; то намъ кажутся полуобнаженные люди разбросанные по полямъ битвы, надъ которыми носятся свинцовыя тучи... человѣческія руки, ноги валяются, какъ щепки, и лакомятъ собою хищныхъ птицъ и собакъ; то намъ представляются на

Балканахъ фигуры окоченѣвшихъ людей; то мы видимъ на Шипкѣ обезглавленные трупы, съ конвульсивно застывшими руками въ тотъ моментъ, когда раненому хотѣлось вырвать ножъ изъ рукъ убійцы; то отрѣзанныя головы, съ багровыми пятнами на щекахъ и на лбу, катятся какъ мячики, внизъ подъ шипкинскую гору...

Таковы впечатлѣнія войны, таковы ея ужасы.

Въ дополненіе этой картины: моръ гулялъ по лазаретамъ и косилъ жизнь тѣхъ людей, которые еще, благодаря счастливому случаю, избѣгли смерти или увѣчий на полѣ битвы. Этотъ моръ дерзко врывался и въ предѣлы нашего отечества.

Процессъ двухъ войнъ: сербско-турецкой и русско-турецкой произошелъ на нашихъ глазахъ, а теперь мы дождались и конца ихъ.

Какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели эти два акта на зрителей, а въ особенности на дѣйствующихъ лицъ славянской драмы! Надо замѣтить, что я былъ однимъ изъ статистовъ этой драмы. Я теперь отдыхаю въ обществѣ мирныхъ соотечественниковъ, но тѣмъ не менѣе чувствуется, какъ голова моя горитъ, нервы возбуждены, воображеніе не разстается съ рядомъ кровавыхъ сценъ, убійственныхъ эпизодовъ. Боже мой! какъ отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній недавняго прошлаго? Какъ вылечить?! Какъ уговорить разгулявшіеся нервы?!

Развѣ взять перо и подѣлиться впечатлѣніями съ читателями?

Я взялся за перо. Дѣйствительно стало легче! Жажда бесѣды съ читателемъ охватила мое существо. Никогда еще я не чувствовалъ такой потребности, рассказывать читателямъ послѣдовательно обо всемъ, рѣшительно обо всемъ, что я видѣлъ, слышалъ, переживалъ, перечувствовалъ и что переживали и перечувствовали окружающіе меня люди. Предлагаю вамъ послѣдовательный рассказъ пережитаго; читайте если интересуетесь, любуйтесь прелестями картинокъ боины, только... дайте мнѣ возможность отдѣлаться отъ нихъ.

Предварительно считаю долгомъ сдѣлать оговорки. Относительно сербско-турецкой войны слѣдующую: Я служилъ въ арміи полковника Хорватовича, куда прибылъ въ концѣ августа мѣсяца 1876 года. Полковникъ Хорватовичъ, какъ извѣстно, командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, составлявшимъ правый флангъ арміи Черняева; слѣдовательно я могу вамъ передавать исторически *подробности* боевой жизни только этого корпуса за время моего пребывания. Корпусъ Хорватовича, находился въ связи съ Джунисомъ, съ арміею Черняева; такимъ образомъ успѣхи и потери этого корпуса находились въ связи съ успѣхами и потерями арміи Черняева. Пріѣхавъ въ Россію и перечитавъ предварительныя корреспонденціи изъ Сербіи, я пришелъ къ тому убѣжденію, что причинъ послѣднихъ потерь сербской арміи вы не знаете. Эти причины кроются въ дѣятельности арміи Хорватовича; поэтому, прослѣ-

дивъ за интересною дѣятельностью этой арміи до момента заключенія перемирія, вы приобретете ясное понятіе отъ общемъ исходѣ сербско-турецкой войны. Такимъ образомъ смѣю думать, что ни мое изолированное пребываніе въ *одномъ* корпусѣ, на *одной* позиціи, ни мой пріѣздъ въ Сербію въ серединѣ войны не могутъ умалить значеніе моего разсказа.

Вторая моя оговорка такова: я буду разсказывать послѣдовательно обо всемъ, что видѣлъ, слышалъ, *самъ лично* переживалъ и что переживали окружающіе меня люди. Ограничиваясь передачею фактовъ, я не буду удаляться отъ истины; а истинные факты сами собою такъ или иначе очертятъ каждое дѣйствующее лицо моего разсказа.

Касаясь русско-турецкой войны—слѣдуетъ замѣтить, что мы побѣдили—несомнѣнно. Но побѣды кружатъ головы и вводятъ общество въ самообольщеніе. Самообольщеніе же, въ большей части случаевъ, ведетъ къ грустнымъ результатамъ. Противъ этого яда существуетъ противоядіе: безпристрастное, критическое отношеніе къ дѣятелямъ войны, фактамъ и явленіямъ и къ самимъ себѣ вообще, т. е. не нейтральнымъ свидѣтелямъ войны. Во время совершенія побѣдъ, народное ликованіе понятно, но оно не всегда удобно—послѣ войны. Вызывайте болѣе критическаго отношенія къ самимъ себѣ и... тогда будетъ, право, лучше.

Мнѣ приходилось выслушивать замѣчанія не-

многихъ литературныхъ критиковъ относительно субъективности нѣкоторыхъ моихъ впечатлѣній. Принимая ихъ съ благодарностію я, однако, и въ этой книжкѣ не отступаю отъ этого, такъ какъ думаю, что и сама субъективность впечатлѣній чловѣка, пережившаго извѣстныя чувства, подъ огнемъ не-пріятеля — можетъ, до нѣкоторой степени, интересовать читателя.

Авторъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВОЙНА ВЪ СЕРБІИ.

17-11-1911

17-11-1911

I.

Первые слухи съ поля битвы.

Были двадцатые числа августа мѣсяца 1876 г. Погода стояла прекрасная. Какъ теперь помню, день былъ жаркій, солнечный, когда австрійскій пароходъ привезъ насъ, человекъ тридцать добровольцевъ, въ Бѣлградъ, изъ Буда-Пешта. На пристани въ Бѣлградѣ встрѣтила насъ толпа народа; народъ съ любопытствомъ осматривалъ каждого добровольца съ головы до ногъ. Изъ толпы выдѣлился священникъ съ красивымъ крестомъ на лѣвой рукѣ и полицейскій агентъ; они предложили къ нашимъ услугамъ нѣсколько телѣгъ („колы“, какъ ихъ называютъ сербы), заранѣе приготовленныхъ для перевозки нашего багажа.

— Много русскихъ прибыло въ Сербію? поинтересовались мы узнать у священника.

— Съ каждымъ пароходомъ пріѣзжаютъ все больше и больше, отвѣтилъ намъ пошъ, хорошо говорившій по-русски:—на-дняхъ ожидаемъ партію въ двѣсти человекъ.

Извѣстіе насъ порадовало.

Сербы перенесли на телѣги нашъ багажъ; пошъ за нами ухаживалъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ намъ угодить; пріемъ былъ самый радушный.

— Какъ дѣла въ Алексинацѣ? спрашиваемъ у священника.

Священникъ пожалъ плечами.

— Ничего не знаю; въ Бѣлградѣ знаютъ меньше чѣмъ гдѣ либо.

Наша партія раздѣлилась на группы. Группами размѣстились мы по гостинницамъ. Я попалъ въ общество казака гигантскаго роста, съ громадною, окладистою бородою, съ широкою грудью и съ манерами рисующагося человѣка. Онъ говорилъ густымъ басомъ, любилъ хвастнуть. Рѣзкій контрастъ представлялъ собою другой мой компаньонъ по номеру въ гостинницѣ, бывший адъютантъ московскаго генераль-губернатора. Это былъ женатый офицеръ съ ринсе-пез на носу, съ нѣсколько изнѣженными манерами, съ необыкновенно мягкимъ голосомъ. Къ намъ присоединились еще два брата москвича неопредѣленнаго званія, молодые люди замѣчательно крѣпкаго тѣлосложенія и здоровья; одному изъ нихъ завидовалъ даже казакъ, который, покручивая усы, все любовался ростомъ москвичей и прочилъ ихъ обоимъ подъ свою команду. Пятымъ въ нашемъ обществѣ былъ маленькій прапорщикъ армейскаго полка, молчаливый, скромный, симпатичный юноша:

— Вы въ пѣхоту? спросилъ меня казакъ, когда мы заняли номеръ въ гостинницѣ „Сербская Крона“.

— Думаю въ пѣхоту.

— Охота вамъ! Давайте формировать эскадронъ...

— Помилуйте, да я на конѣ никогда не сидѣлъ.

— Выучимъ.

— Формировка эскадрона займетъ много времени.

— А вамъ хочется скорѣе въ строй?

— Хочется.

— Какъ хотите, а мнѣ такъ нельзя... я человѣкъ бывалый; надо подумать... да, надо подумать.

Казакъ задумался.

— Пословица говорить: „пять разъ примѣрь,—одинъ отрѣжь“.

Москвичи слѣдили за казакомъ; они очевидно связывали свою судьбу съ нимъ; прапорщикъ присоединился ко мнѣ; адъютантъ былъ въ нерѣшимости.

Не прошло и часа, какъ мы отправились въ министерство подавать на службу. Меня нѣсколько поразила оживленность города, когда мы проходили по его улицамъ. Мечтая о Бѣлградѣ, признаться, я никогда не ожидалъ встрѣтить въ немъ большого оживленія; мнѣ казалось, что война за свободу и независимость страны привлекла на поле сраженія все молодое и здоровое население Сербіи, а слѣдовательно и Бѣлграда. Но на дѣлѣ я видѣлъ противное: толпы здорового люда безцѣльно шатались на улицахъ изъ угла въ уголъ или праздно сидѣли передъ кофейнями; то былъ преимущественно интеллигентный классъ городского населенія.

Мы прошли дворецъ Милана, по внѣшности имѣющій много общаго съ губернаторскимъ домомъ какого нибудь далекаго губернскаго города; впрочемъ весь Бѣлградъ въ общемъ имѣетъ видъ губернскаго города, хотя мѣстами и напоминаетъ собою города Востока.

Въ узенькомъ переулкѣ мы нашли военное министерство. Вмѣсто высокихъ палатъ — встрѣтили низенькій, скромный, двухэтажный домикъ, съ крошечными, темными комнатами; въ комнатахъ сидѣли, по одному или по два, чиновники. Одинъ чиновникъ принималъ документы и зачислялъ на службу, другой выдавалъ бумагу на получение платья изъ цейхгауза, сабли и револьверы—

изъ склада; кассиръ снабжалъ семью дукатами подъемныхъ денегъ; наконецъ четвертый давалъ „объяву“, иначе подорожную. Не прошло и получаса, какъ мы уже покончили съ министерствомъ; оставалось только принять платье,—и мы готовы хоть въ бой!

Въ Сербіи это просто дѣлалось.

Въ передней мы встрѣтили двухъ русскихъ офицеровъ, только-что вернувшихся изъ арміи. Это была первая встрѣча съ очевидцами бывшихъ прежде сраженій; понятно, что встрѣча насъ заинтересовала.

— Ну, что, какъ дѣла въ арміи? окружили офицеровъ.

— Плохи дѣла! отвѣчали русскіе.

— Вы участвовали въ послѣднемъ пятидневномъ сраженіи при Алексинацѣ?

— Были каждый день въ битвахъ.

— Что же?

— Да ничего... насъ разбили... вообще турки бьютъ, сербы бѣгутъ.

— Алексинацъ взять?

— Нѣтъ.

— Какъ же мы читали извѣстія о побѣдахъ?

— Не знаемъ. Полковникъ Раевскій былъ разбитъ; его войска оставили позицію; его самого убили въ сраженіи.

Офицеры передали подробности послѣднихъ сраженій; сербы характеризовались ими трусами, постоянно отступающими, а турки—храбрыми, наступающими. Офицеры сказали намъ, что русскіе—просто несчастныя жертвы, которыя гибнутъ въ каждомъ сраженіи, не принося никакой пользы для себя и для арміи.

— Очень многіе изъ русскихъ убиты, многіе ранены.

— Значить трудно уцѣлѣть? интересовались новички.

— Трудно, говорили бывалые.

Физионіи наши вытянулись.

— Такъ сербы дерутся плохо?

— Не дай Богъ!.. чуть ли не каждого приходится гнать въ бой.

— Какъ гнать?

— Саблей, револьверомъ.

— Какъ же была телеграмма самого Черняева, что сербы дрались „какъ львы“?

Бывалые расхохотались.

— Какое!..

— Вы куда же теперь?

— Будемъ проситься въ отпускъ, въ Россію.

Разошлись. Веселое настроеніе добровольцевъ исчезло.

— Вотъ тебѣ и на, замѣтилъ одинъ изъ братьевъ-москвичей: — стоить ли въ такомъ случаѣ поступать въ армію? Не лучше ли обратиться всцѣть?

— Какое малодушіе! сказать ему адъютантъ: — Повѣрьте мнѣ, что всѣ эти рассказы—вздоръ! Не слѣдуетъ вѣрить этимъ двумъ пріважымъ господамъ; это малодушные, которые оставили поле сраженія изъ трусости. Такіе люди очевидно будутъ рассказывать всякій вздоръ, чтобы оправдать себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

Я готовъ былъ присоединиться къ мнѣнію адъютанта просто потому, что мнѣ не хотѣлось вѣрить въ успѣхъ турецкаго оружія, что воображеніе мое было иначе настроено.

— Да наконецъ, что же изъ этого, если даже въ рассказахъ этихъ офицеровъ и есть доля правды? Изъ этого еще ничево не слѣдуетъ, продолжали мы хладнокровно разсуждать другъ съ другомъ: — Не надо забывать,

что сербская армія—народное войско; оно не обучено, не знакома съ дисциплиной; въ настоящее время прибываетъ много русскихъ офицеровъ, и прибыль эта не останется; слѣдовательно есть надежда на то, что армія укомплектуется вполне; коль скоро армія будетъ укомплектована русскими офицерами—съ батальоннаго командира до ротнаго включительно,—явятся и дисциплина, и умѣнье регулярнаго солдата. Такимъ образомъ дѣло далеко еще не потеряно; слѣдуетъ только каждому изъ насъ добросовѣстно исполнять свои обязанности.

— Конечно!.. конечно!.. соглашались всѣ.

— Слѣдуетъ сближаться съ солдатомъ, учить его въ лагерѣ и во время боя.

— Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ слушать бѣглецовъ.

— Это трусы или выгнанные изъ арміи офицеры!

— А можетъ быть это люди, пріѣхавшіе сюда съ расчетами замѣнить главнокомандующаго; когда имъ дали роту,—они остались недовольны.

— Да, это люди нечестные! порѣшили всѣ единогласно.

Разсѣялась тучка сомнѣній, омрачившая на мгновеніе воображеніе нашихъ добровольцевъ, и снова чувствуютъ они притокъ энергіи, душевныхъ силъ! Снова веселы ихъ лица и радужны надежды.

II.

Первая встрѣча.

Мы направились въ крѣпость, гдѣ выдавали казенное платье и оружіе. Пригонка платья—дѣло получаса. Встрѣтилось затрудненіе при пріемѣ револьверовъ; оказалось,

что ихъ не было натицо. Сабель хватило на всѣхъ и могло хватить еще на многихъ въ будущемъ. Только какія это были сабли! онѣ напоминали мнѣ сабли статистовъ провинціального театра.

Что же дѣлать?! На нѣтъ и суда нѣтъ!

Приняли, что было, — пошли осматривать крѣпость.

Крѣпость старая, но при хорошемъ вооруженіи она можетъ постоять за Бѣлградъ со стороны Дуная.

Намъ предложили посѣтить плѣнныхъ турокъ. Интересно было взглянуть на военную добычу, заточенную въ одну изъ камеръ пустыхъ крѣпостныхъ казармъ. Мы поднялись въ верхній этажъ, въ отдѣльную комнату, гдѣ содержался одинъ плѣнный турецкій офицеръ. Офицеръ встрѣтилъ насъ стоя, съ добродушнымъ, приветливою улыбкою на устахъ; это былъ среднихъ лѣтъ мужчина, средняго роста, не особенно плотной комплекціи; одѣтъ онъ былъ въ турецкій офицерскій мундиръ длиннаго покроя съ фескою на головѣ. Тщетно искалъ я въ его физиономіи отпечатка звѣрскихъ инстинктовъ; нѣсколько рѣзкія черты лица, смуглый цвѣтъ кожи, черные глаза, смуглыя руки и вѣчно улыбающаяся физиономія. Обстановка комнаты была убогая: стулъ, столъ, краюха черного хлѣба на столѣ и больше ничего. Обмѣнялись рукопожатіемъ.

— Чѣмъ его кормятъ? спрашиваемъ провожатаго.

— Его пища: хлѣбъ, вода и мясо.

— Довольны вы пищею? спрашиваемъ плѣннаго.

— Доволенъ, отвѣчаетъ онъ черезъ переводчика.

— Гдѣ вы взяты въ плѣнъ?

— При Зайчарѣ.

— Какимъ образомъ?

— Увидѣвъ я барана; пошелъ за бараномъ, хотѣлъ его поймать; тутъ меня и схватили.

Очевидно онъ говорилъ неправду. Въ общемъ турокъ не казался хитрецомъ. Онъ предлагалъ намъ табакъ. Мы дали ему нѣсколько русскихъ серебряныхъ монетъ. Плѣнникъ остался очень доволенъ нашимъ подаркомъ.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщались плѣнные нижніе чины. Среди тридцати человекъ мы нашли здѣсь смѣсь одеждъ и лицъ, хотя собственно всѣ они были одного племени. Турки сидѣли поджавши ноги и съ любопытствомъ осматривали вошедшихъ.

— Нѣтъ ли черкесовъ?

Намъ показали двухъ молодыхъ. Дѣйствительно въ ихъ фizioноміяхъ я замѣтилъ нѣчто разбойничье. Интереснѣе другихъ была дуковная особа, турецкій мулла, взятый въ плѣнъ въ началѣ войны. Во время войны они ходили по турецкимъ селамъ и деревнямъ волѣвъ за арміей и силою своихъ проповѣдей поднимали мусульманское народонаселеніе подъ зеленое знамя. Старая, сморщенная, черная, непріятная фizioномія, съ маленькою, исклоченною бородою, смотрѣла на насъ непріятливо, изиодлбѣя.

Мулла сидѣлъ, согнувшись, и бросалъ притворно-страдальческіе взгляды. Ему дали нѣсколько монетъ; онъ принялъ ихъ, но не поблагодарилъ. Вообще выраженія лицъ плѣнныхъ турокъ были непріятливы; нѣкоторые казались апатичными; другія—злыми; добродушнѣе остальныхъ смотрѣли низамы изъ Малой Азіи; низенькаго роста, коренастые, низамы были одѣты въ новыя буртки и панталоны; остальные были въ лохмотьяхъ. Бритые, смуглые арнауы имѣли видъ бритыхъ преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Посѣтители начали надѣвать нѣкоторыхъ деньгами; турки брали деньги съ нѣкоторою апатією и неудовріемъ,

какъ будто они не доверяли стоимости тѣхъ монетъ, которыя получали. Одинъ оборванный высокій турка, выдѣлившись изъ среды плѣнныхъ протянулъ руку.

— Я сербъ изъ Старой Сербии, я христіанинъ, ска- залъ онъ по сербски:—дайте мнѣ денегъ.

— Какимъ же образомъ ты попалъ въ турецкія войска?

— Пятнадцать лѣтъ я сидѣлъ въ тюрьмѣ; турки выпустили меня на свободу и погнали въ строй.

— Вреть! пеннулъ мнѣ нашъ сербъ-проводникъ:— это турка, это плутъ.

Не знаю, кто изъ нихъ былъ правъ.

Плѣнныхъ пускали гулять по двору, но не занимали никакими работами.

Между тѣмъ наступила обѣденная пора: было 3 часа по полудни. Передъ гостинницей „Сербская крома“, ближайшей къ крѣпости, за отдѣльными столиками группировалось общество по кучкамъ. Здѣсь я въ первый разъ встрѣтился съ полковникомъ Беккеромъ *), Измайловымъ **) и цѣлой стаей иностранныхъ корреспондентовъ; въ особенности было много нѣмцевъ. Измайловъ, украшенный Таковскимъ крестомъ, переходилъ отъ столика къ столику, знакомясь съ вновь прибывшими добровольцами. Случайно встрѣтилъ я между прочими одного репортера газеты, котораго встрѣчалъ ранѣе, въ Петербургѣ. Репортеръ представилъ меня Измайлову, какъ сотрудника нѣкоторыхъ изданій. По пословицѣ, что у кого болѣе,—тотъ о томъ и говорить, — Измайловъ заговорилъ о штабѣ. Само собою разумѣется, что этотъ низенькій человекъ, съ американской бородкой, бѣгающими малень-

* Служилъ при сербскомъ министерствѣ.

** Москвичъ, служившій въ началѣ войны при Черняевѣ въ штабѣ, но скоро оставившій армію.

кими глазами, не имѣвший ничего воинственного въ своей фигурѣ, началъ сейчасъ же упоминать имя Комарова. Известно было, что Комаровъ тогда принялъ назначеніе начальника штаба, на мѣсто котораго можетъ быть считывалъ самъ Измайловъ; такъ по крайней мѣрѣ я по-нялъ изъ его разговоровъ. Его разговоры сводились къ порицанію состава штаба, распоряженій Черняева, Комарова и Монтеверде; послѣдній былъ помощникомъ Комарова. Измайловъ не упоминалъ объ арміи, не говорилъ о результатахъ битвъ, о способности сербовъ воевать съ турками; для Измайлова существовалъ одинъ только штабъ, штабная жизнь, штабная дѣятельность. Не мудрено было догадаться, что Измайловъ — обиженная, обойденная личность. Измайловъ разсказалъ публикѣ, что Черняевъ дѣлаетъ промахи, что Монтеверде дерзко и грубо обходится съ офицерами, что Комаровъ даже не знаетъ, гдѣ находится та или другая бригада. Не придавая особенной вѣры словамъ „обойденнаго“, я попробовалъ навести справку у одного серба объ Измайловѣ какъ о личности и о причинахъ возвращенія его изъ арміи. Сербъ только пожалъ плечами и отвѣчалъ мнѣ:

— Теперь такое время, что говорить объ этомъ нельзя.

— Почему нельзя?

— Потому что никто ничего вѣрнаго не знаетъ.

Положимъ, что мы и теперь ничего вѣрнаго не знаемъ о бывшихъ отношеніяхъ Измайлова къ Черняеву; но тогда меня удивило это незнакомство мѣстнаго серба съ событіями въ арміи, — удивило не какъ единичный фактъ, а какъ общее всѣмъ сербамъ явленіе. Сербъ ничего не знали; они знали менѣе чѣмъ мы, пріѣзжавшіе изъ Россіи. Въ какомъ положеніи армія? каковы начальники? каковы результаты послѣднихъ битвъ? что творится тамъ,

на границѣ Сербіи? Съ этими вопросами бесполезно было обращаться въ сербамъ.

Авторитетъ Черняева въ Сербіи сразу далъ о себѣ знать; это порадовало русскихъ волонтеровъ, потому что мы вѣрили въ Черняева, потому что на Черняева мы смотрѣли какъ на „русскаго героя“.

Излишняя откровенность Измайлова произвела не-пріятное впечатлѣніе на вновь прибывшихъ добровольцевъ.

— Раскусить его нетрудно, замѣтилъ казакъ.

А тутъ, на грѣхъ, подошли еще офицеры, только-что прибывшіе изъ арміи, и начали рассказывать о событіяхъ въ арміи, въ томъ же направленіи, другой партіи вновь прибывшихъ добровольцевъ.

— Да что же это такое? погорячился низенькій прапорщикъ:—вѣдь всѣ эти Измайловы, бѣглецы и имъ подобные господа, портятъ дѣло; они рассказываютъ здѣсь разный вздоръ, разочаровываютъ пріѣзжающихъ; надо гнать изъ Бѣлграда этихъ опасныхъ господъ.

— Совершенно вѣрно! согласился многіе:—другой послушаетъ,—назадъ вернется.

— Сдѣлайте имъ поворную демонстрацію, предложилъ кто то изъ насъ.

Мысль подхватили.

— Господа! не слушайте этихъ недобросовѣстныхъ людей, вскочилъ адъютантъ, обращаясь къ слушателямъ рассказчиковъ.

— Это трусы, которые бѣжали съ поля сраженія!

— Позвольте узнать ваши фамиліи: мы опубликуемъ ихъ въ русскія газеты, послышались голоса со всѣхъ сторонъ.

Вышелъ маленький скандальчикъ.

— Да! вы трусы! вы бѣгунцы! шумѣла публика:—вы позорите русское имя!

Какой то сербскій офицеръ, изъ военнаго министерства, сжалился надъ рассказчиками и успокоилъ волнующихся.

Судите сами, подъ влияніемъ какого настроенія мы явились въ Сербію.

Послѣ этого немудрено, что cadaго изъ русскихъ волонтеровъ такъ вотъ и тянуло въ армію. Нужно было видѣть, какъ они торопились удалиться изъ Бѣлграда, какъ хлопотали о томъ, чтобы поскорѣе достать себѣ колу, поскорѣе встать въ ряды арміи!

III

„Я ду... я ду мнѣ!“.

Я пробылъ въ Бѣлградѣ четыре дня. Большинство со мною прибывшихъ уѣхало раньше меня въ армію. Казакъ занялся формировкою эскадрона; адъютантъ ему помогалъ; московскіе атлеты раздумали поступать въ дѣйствующую армію; они выѣхали со слѣдующимъ же парходомъ изъ Бѣлграда и отправились, по ихъ словамъ, въ Черногорію. Маленькій прапорщикъ торѣлъ нетерпѣніемъ ѣхать въ Делиградъ.

Въ одинъ изъ дней моего пребыванія въ Бѣлградѣ я пошелъ на пароходную пристань, чтобы встрѣтить пароходъ, ожидаемый изъ Семендрія. Пароходъ долженъ былъ привести съ собою русскихъ раненыхъ; до тѣхъ поръ мнѣ не случалось видѣть раненыхъ. Пароходъ присталъ къ пристани, и я вошелъ на палубу.

— Гдѣ раненые?

— Около трубы, отвѣтилъ мнѣ капитанъ.

Среди парохода, на палубѣ, стояли три койки. На койкахъ лежали раненные: два русскихъ офицера и одинъ американецъ. У одного изъ русскихъ офицеровъ и у американца были отрѣзаны правыя ноги. Другой русскій офицеръ былъ раненъ въ ляшку.

За ранеными ухаживали: фельдшеръ и денщикъ изъ русскихъ.

— Кто это — съ отрѣзанною ногою? спросилъ я у денщика.

— Офицеръ генеральнаго штаба.

Онъ назвалъ фамилію офицера.

Я подошелъ къ несчастному. Блѣдное, исхудалое лицо, впавшіе въ орбиты глаза, сухія губы, страхъ сдѣлать движеніе—таково было состояніе больного.

Чувство, которое вы испытываете при видѣ раненаго—конечно чувство состраданія.

— Вы страдаете? наклонился я къ больному.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Вы пали духомъ? сорвалось у меня съ языка.

— О, нѣтъ, весело улыбнулся офицеръ.

Его улыбка была такъ скромна, такъ искренна!

— Вы офицеръ генеральнаго штаба?

— Да.

— Вы служили конечно въ штабѣ?

— Нѣтъ, я дрался въ строю арміи.

Признаться, это обстоятельство меня нѣсколько удивило; я объяснилъ этотъ фактъ недостаткомъ въ арміи офицеровъ.

— Какъ дѣла въ арміи — хороши, плохи? задалъ я все тотъ же вопросъ, которымъ я сильно былъ заинтересованъ.

Раненный улыбнулся и сдѣлалъ движеніе правымъ плечомъ:

— Какъ вамъ сказать?...

Онъ задумался.

— Чтобы не оторчать васъ, скажу, что дѣла не въ безнадежномъ положеніи.

Больной сдѣлалъ особенное удареніе на частицѣ „не“.

— Значить еще есть надежда?

— Есть, снова улыбнулся онъ.

Въ это время два серба взылись за носилки.

— Ахъ, скажите Бога ради, чтобы несли поосторожнѣе, испугался раненый.

Больной напрягъ всѣ свои силы, сдѣлалъ легкое движеніе туловищемъ, и я видѣлъ, какъ лицо его страшно искажилось отъ боли.

Сербы апатично смотрѣли на больныхъ.

Я подошелъ къ слѣдующему офицеру. Онъ имѣлъ бодрый видъ, смотрѣлъ веселѣе.

— Вы куда ранены?

— Въ ляшку.

— Больно вамъ?

— Нѣтъ, засмѣялся офицеръ.

Американецъ не говорилъ по русски. Онъ попросилъ меня по англійски, чтобы я передалъ сербамъ его просьбу: нести носилки на рукахъ до больницы, а не класть ихъ на телѣгу.

Больныхъ унесли на рукахъ.

„Несчастные! мелькало въ моемъ воображеніи:—изувѣчены!.. калѣки!.. еще такъ молоды!.. что они будутъ дѣлать?.. служить они не могутъ! теперь довольствуйся грошовой пенсіей, живи на благотворительность, а пожалуй и того не будетъ!..“

Вдругъ странная мысль пришла мнѣ въ голову: „Ну, а что если со мною то же случится?“

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Мнѣ стало страшно. „Что-жь! подсказалъ разсудокъ: — не я одинъ! Страшно не это!.. страшно когда тебя турки схватятъ, возьмутъ въ плѣнъ, привяжутъ къ дереву, разведутъ подъ тобою костеръ, окутаютъ въ солому, польютъ керосиномъ и сожгутъ на огнѣ,—вотъ что страшно!“

И морозъ снова пробѣгаетъ по тѣлу.

„Я застрѣлюсь! мелькаетъ въ воображеніи. Впрочемъ (воображеніе разгуливаетъ crescendo)... впрочемъ какъ же застрѣлиться?... а если вдругъ такой случай: падаетъ граната, контузить, я лишаюсь чувствъ, прихожу въ себя и вижу, что я въ плѣну... я обезоруженъ непріателемъ, револьвера нѣтъ у меня!.. вдругъ меня ведутъ на казнь!.. нѣтъ!.. ахъ, нѣтъ!.. такъ нельзя!.. надо взять яду, во что бы то ни стало надо взять моментально дѣйствующаго яду!.. яду!.. яду мнѣ!!“

— Доктора! обратился я къ знакомому доктору, вернувшись въ гостиницу:—Бога ради дайте мнѣ яду!

Съ докторомъ я ѣхалъ вмѣстѣ изъ Буда-Пешта.

— Зачѣмъ вамъ ядъ?

— Какъ зачѣмъ?!.. чтобы не быть сожженнымъ на медленномъ огнѣ.

— А, понимаю!.. что же?... съ удовольствіемъ!

Пошли въ аптеку.

Докторъ далъ мнѣ два куска синеродистаго калия.

— Хорошо дѣйствуетъ? спрашиваю доктора, глядя на пузырьречекъ.

— Въ случай чего останетесь довольны...

— И поблагодарю васъ, докторъ?... да?... а какой ядъ вкусомъ?

— Знаете, эдакій непріятный, нѣчто въ родѣ горькаго миндаля...

Докторъ даже чмокнулъ губами,

— Прекрасно!..

Пузырекъ съ ядомъ былъ у меня въ карманѣ до конца компаніи.

Когда я на-дняхъ рассказывалъ объ этомъ одной прелестной дамѣ, она меня искренно спросила:

— И вы его не употребили?

Однако къ дѣлу!

IV.

Сборы и отъѣздъ въ армію.

На другой день я поѣхалъ въ Топчидере. Это загородное мѣстечко, лѣтняя резиденція князя Милана. Поэтическое мѣстечко! Тамъ помѣщалась главная больница для раненыхъ. По дорогѣ я встрѣтилъ князя Милана.

— Гдѣ онъ былъ? спрашиваю возницу.

— На охотѣ, отвѣчаетъ сербъ.

Чудакъ князь! Страна его обливается кровью, а онъ ѣздитъ на охоту!

Въ больницѣ было много раненыхъ. Больница эта могла заинтересовать медика: въ ней лежали самые разнообразные, интересные субъекты; а на меня она произвела просто тяжелое впечатлѣніе.

— У васъ тутъ впрочемъ хорошо!.. похваливалъ я, гуляя съ фельдшеромъ взадъ и впередъ:—воздухъ чистый!

— Такъ точно-съ! соглашался фельдшеръ.

— Просторно!

— Такъ точно-съ!

— Опрятно.

— Такъ точно-съ!

— Только все-таки я не желаю бы попастьъ къ вамъ на излеченіе.

— Почему такъ-съ?.. милости просимъ!..

Я посмотрѣлъ на фizioномію фельдшера, думая: „что, онъ шутитъ или говоритъ серьезно?“

Нѣтъ! онъ говорилъ серьезно.

Чтежь! По крайней мѣрѣ гостепріимны! Однако я поторопился выйти изъ больницы.

На третій день вечеромъ я рѣшился ѣхать въ армію. Мнѣ сказали, что каждый день вечеромъ въ армію отправляется почта и что съ почтою можете ѣхать одинъ пассажиръ.

Явился я въ почтамтъ, нашелъ почтмейстера и говорю ему:

— Вотъ я хочу ѣхать на поле битвы.

— Вы русскій офицеръ?

— Да.

— Прекрасно! очень радъ! очень радъ!.. милости просимъ!.. Вотъ сейчасъ же, съ почтою! вотъ вамъ шарбанъ! Пожалуйста! заторопился почтмейстеръ: — сдѣлайте одолженіе!..

„Какіе, думаю: — сербы любезные!.. какъ они насъ скоро отправляютъ въ *битки* (битвы)... Правду про нихъ въ газетахъ писали, что сербы радушно принимаютъ русскихъ... Что же будетъ, когда мы побѣдимъ?“

Шарбанъ былъ о двухъ колесахъ; смотро: лошаденка запряжена тощая, маленькая (впослѣдствіи англійскіе корреспонденты описывали этихъ сербскихъ лошадей такимъ образомъ: „въ Сербіи существуетъ-моль особенная порода лошадей, называемая „конями“).

Вотъ такая то лошадь, изъ породы „коней“, потащила

меня сначала до гостиницы, гдѣ я взялъ свой чемоданъ съ бѣльемъ, а потомъ вывезла меня за городъ на шоссевую дорогу.

Провѣзая по одной изъ улицъ Бѣлграда, у насъ сломалось колесо. „Худой признак! говорю я остановившемуся любопытному прохожему сербу: — это значить, не надо ѣхать въ Делиградъ... турки убьютъ... такъ ли?“

— Ништо!.. ништо!.. пустяки!.. совершенно хладнокровно замѣтилъ сербъ.

— Хорошо тебѣ „ништо!“: ты здѣсь остаешься, а я ѣду въ армію ѣду!..

— Съ Богомъ!.. съ Богомъ!.. замахалъ руками сербъ: — „стрѣчный путь“ (добрый путь).

„Спасибо на добромъ словѣ“, думаю.

Перемѣнили колесо, — тронулись.

Лошаденка побѣжала легкою рысцою. По улицамъ Бѣлграда мы ѣхали съ музыкою: почтальонъ и въ то же время кучеръ трубилъ въ трубу какіе то особенные сигналы, на которые впрочемъ никто не обращалъ никакого вниманія. Съ перваго же шага пришлось почувствовать ужасъ предстоящаго путешествія; таратайка прыгала по булыжнику мостовой и подбрасывала меня какъ мячикъ. Невольно пришлось пожалѣть о томъ, что я не поступилъ въ кавалерію; по крайней мѣрѣ я совершилъ бы путешествіе верхомъ на лошади. Впрочемъ, чтобы совершить путешествіе верхомъ на лошади, не нужно было и поступать въ кавалерію. Сербское министерство охотно снабжало лошадей всякаго русскаго офицера, желавшаго ее получить; можно сказать, что министерство часто отпускало лошадей офицерамъ даже безъ разбора ихъ рода оружія; конечно министерство поступало такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока лошади имѣлись въ наличности,

07255

а такъ какъ желающихъ заручиться лошадьми было много, а казенныхъ лошадей мало, то и оказывалось, что министерство всегда нуждалось въ лошадяхъ. Я объясняю это простою любезностью министерства. „Бери, молъ, что хочешь; только поѣзжай, братецъ, поскорѣе въ армию“.

Мы выѣхали за городъ, на шоссе. Шоссейный путь тянулся узкою полоскою вдоль травянистой долины, мѣстами врываясь въ возвышенности горъ. Вечеръ кончился, наступала темная ночь. Минувшій день былъ жаркій, ночь — сырая до-недлая. Сырость вызвала ознобъ; но лишь только мы поднимались на гору, грудь вдыхала въ себя мягкій, предельный, теплый воздухъ. Хотя вѣтра не было, но тучки постепенно сгущались на небѣ и грозили разразиться дождемъ. Все сплошнѣе и сплошнѣе стягивались облака, все темнѣе и темнѣе сгущался мракъ южной ночи.

На горизонтѣ сверкнула молнія, раздался гулъ отдаленнаго грома; молнія повторилась, гулъ приблизился; сталъ накрапывать мелкій дождь. Еще нѣсколько минутъ, — и страшный трескъ грозovýchъ тучъ послышался наконецъ у насъ надъ головою. Гроза вступила въ свои права. Проливной дождь промочилъ насъ до костей.

— Гайдъ!.. гайдъ!.. *) погонялъ возница свою тощую лошаденку, какъ бы желая убѣжать отъ грозы.

Я кутался въ казенное пальтишко солдатскаго сукна; мой сербъ ушелъ всецѣло въ какую-то рясу капуцинскаго покроя.

Гроза была непродолжительна.

„Гроза по выѣздѣ изъ Бѣлграда!.. сломанное колесо!..“ опять было мелькнуло въ моемъ воображеніи.

* „Гайдъ“ сокращенное турецкое слово: „айда!“, употребляемое всѣмъ сербскимъ народомъ,

— Ты русскій? перебилъ мою мысль сербъ.

— Русскій.

— Русскіе—наши братья!..

— Братья, говорю.

Мы хорошо понимали другъ друга, хотя каждый говорилъ на своемъ языкѣ.

— Ты къ Черняеву ѣдешь?

— Къ Черняеву.

— Черняевъ—хорошій человекъ.

— Сербскій народъ его любитъ? спрашиваю.

— Любитъ... добрый генералъ... Ты женатъ?

— Женатъ, сказалъ я ему нарочно, чтобы прослѣдить за впечателѣніями серба.

— И дѣти у тебя есть?

— И дѣти есть.

Сербъ зачмокалъ губами и закачалъ головою, какъ будто ему хотѣлось сказать: „удивительно!“

— Что же тутъ удивительнаго? понялъ я его мысль: —другой отъ жены на войну ѣдетъ... всяко бываетъ....

Сербъ удивленно и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Ёкъ! (нѣтъ!) сказалъ онъ съ убѣжденіемъ.

Очевидно онъ не допускалъ такой преступной мысли.

Мы замолчали.

— Много русскихъ еще пріѣдетъ? снова началъ сербъ.

— Много.

— Дай Богъ!... мы тогда турокъ прогонимъ....

— Русскіе—храбрый народъ, замѣтилъ я ему.

— Храбрый... а вотъ наши старѣйшины ничего не стоятъ!...: они умѣютъ только подъ ручку съ женами гулять, а въ битвахъ все за кустами прячутся.

Это былъ первый отзывъ представителя народа о

сербскихъ „старѣйшинахъ“; такой отзвѣвъ, впрочемъ, я не разъ слышалъ въ послѣдствіи изъ устъ простаго народа.

— Они бунтовщики! продолжалъ сербъ.

— Не можетъ быть!...

— Вѣрно говорю!... какъ же?.. Они Милоша убили... князя Милана хотѣли убить... Видишь ты, какъ это было: князь Миланъ былъ тогда еще мальчикомъ... однажды онъ пошелъ гулять, а сербскіе старѣйшины хотѣли мостикъ взорвать; приближенные князя узнали раньше и не пустили князя на мостикъ.

— А сербскій народъ любитъ князя Милана?

— Князь Миланъ—добрый князь... мы всѣ его любимъ... и княгиню Наталью любимъ...

— За что вы ихъ любите?

— Какъ за что?.. за то, что они князь и княгиня?.. ихъ нельзя не любить...

— Ну, а турокъ вы любите? подшутилъ я надъ сербомъ.

— Бѣтъ! съ тою же наивною серьезностью и холодностью отвѣтилъ мнѣ сербъ, съ какою онъ говорилъ о любви своей къ князю и княгинѣ.

По моему, это былъ просто одинъ изъ массы наивныхъ сербовъ, которые въ сущности одинаково любятъ всѣхъ на свѣтѣ и которые такъ же любили бы и турокъ, если бы послѣдніе не выжидали ихъ сель и деревень.

Впереди насъ заскрипѣли колеса; мы встрѣтили нѣсколько „колъ“, запряженныхъ волами и нагруженныхъ сѣномъ. Возница затрубилъ въ трубу; колы посторонились и дали намъ дорогу.

— У тебя есть револьверъ? спрашиваю я своего серба.

— Револьверъ?.. нѣтъ!... зачѣмъ мнѣ револьверъ?

— Какъ же ты въ военное время возишь почту безъ револьвера?.. а вдругъ турки нападуть!...

— Бѣтъ!.. Черняевъ ихъ сюда не пуститъ, быть совершенно увѣренъ сербъ.

— Разбойники могутъ напасть.

— Разбойниковъ у насъ теперь нѣтъ.... разбойники у насъ прежде были, а теперь они всѣ въ армию поступили....

— Какъ въ армию поступили? имъ по настоящему нужно въ крѣпости сидѣть.

— За что имъ въ крѣпости сидѣть?... наши разбойники— славный народъ!

— Странно!

Недоразумѣніе однако объяснилось просто. Сербъ имѣлъ въ виду тѣхъ изъ старо-сербовъ, которые до войны постоянно жили на границѣ Турціи и которые специально занимались грабежами турецкихъ деревень; на сербской территоріи они были такими же честными мирными жителями, какъ и всѣ остальные сербы; коль скоро они переходили границу Сербіи и вступали на турецкую территорію,—они становились разбойниками: уводили скотъ, занимались конокрадствомъ, подчасъ не жалея турецкой головы. Такого рода профессія, сопряженная съ постоянными опасностями, вырабатывала въ этихъ людяхъ отвагу, смѣлость, энергію и хитрость, т. е. всѣ свойства, присущія хорошему, войнѣму. Вы понимаете теперь, почему сербъ называлъ ихъ „славнымъ народомъ“.

V.

Артиллеристъ и саперъ по пути въ Делиградъ.

Наконецъ дождь окончательно прекратился. Словохотливый сербъ замолкъ. Не взирая на неудобства моего

путешествія, я тоже уткнулся въ поднятый верёвникъ и началъ было дремать. Но заснуть не было никакой физической возможности: таратайка такъ вотъ и прыгала по дорогѣ.

Оставалось только утѣшать себя тою мыслью, что до Дебреграда всего сутки ѣзды на почтовыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ мы остановились у первой „міаны“ (гостиницы или, вѣрнѣе, набѣжка), появившейся намъ по дорогѣ. Такихъ „міанъ“ по дорогѣ много. Сербъ не въ силахъ миновать „міаны“; онъ непременно остановится хотя на минуту и зайдетъ въ нее выпить графинчикъ „раки“ (мѣстной водки, выгоняемой изъ сливъ). „Міана“, какъ и всѣ „міаны“ Сербіи, помѣщалась въ длинномъ одностанномъ, каменномъ домѣ съ длинною галлереею, украшенною колоннами. Съ наружной стороны это былъ чистенькій домикъ; внутри находишь грязь возмутительную. Въ серединѣ, у задней стѣны, помѣщается печь, которая никогда не топится, только разводится небольшою костеръ, на которомъ готовится черный турецкій кофе. Способъ приготовленія этого кофе простъ. Въ небольшую жестяную посудину, по вместительности своей равняющуюся двумъ, тремъ маленькимъ чашкамъ, всыпаютъ толченый кофе помоламъ съ мелкимъ сахаромъ, вливаютъ туда же воду и все это кипятятъ на огнѣ. Вода вскипѣла,—значитъ и кофе готовъ! Тутъ же рядомъ съ печью, въ стѣнѣ, вырѣзано окошечко; черезъ это окошечко хозяинъ „міаны“ сноится съ кухней. Я попробовалъ разъ заглянуть въ это окошечко, и безцеремонность обращенія повара-серба съ кускомъ говядины, предназначавшимся для моего желудка, равно какъ и вся грязная обстановка кухни и сервировка вообще, отняли у меня аппетитъ по крайней мѣрѣ на цѣлыя сутки.

Само собою разумеется, что это было въ самомъ началѣ моего прїѣзда въ Сербію, когда я еще не былъ знакомъ съ прелестями походной жизни вообще. По другую сторону печки обыкновенно стоитъ столикъ съ большими кувшинами краснаго, бѣлаго вина и „раки“; затѣмъ на томъ же столикѣ—рядъ графинчиковъ различной величины. Вдоль по стѣнамъ тянутся большіе столы и скамейки; въ зимнее время года вы найдете пожалуй еще желѣзную поореди комнаты печь; на грязныхъ стѣнахъ висятъ литографированные портреты нашего Государя, Государыни, часто всего августѣйшаго дома князей: Милоша, Милана и княгини Наталіи; независимо отъ этихъ портретовъ, не было „міаны“, въ которой бы я не находилъ картинъ нѣмецкаго лубочнаго изданія, подъ названіемъ „Послѣднія минуты жизни Максимилиана“. Эти картинки сильно распространены по всей Сербіи; одинъ народный учитель объяснилъ это близостью Австріи, откуда эти картины вывезены, и тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, какое произвела исторія и смерть Максимилиана на сербскій народъ.

Ночью трудно что либо достать въ такой „міанѣ“, исключая вина и „раки“. Днемъ прейсъ-курантъ „міаны“ ограниченъ. Вамъ дадутъ „поприкашъ“, если вы требуете горячаго, или необыкновенно грязный супъ подъ названіемъ „капусъ“. „Паприка“ продолговатый фруктъ, нѣчто въ родѣ каенскаго перца, съ красными зернышками внутри зеленой оболочки. Сербы варятъ бульонъ изъ баранины и разводятъ его паприкой такъ сильно, что съ неприятки захватываетъ духъ, когда вы глотаете первую ложку „паприкаша“; „капусъ“—это просто вареная капуста съ кусками той же баранины. „Свиное мясо“ считается деликатнымъ кушаньемъ въ „міанѣ“; это—тоже что стерлядка въ нашемъ ресторанѣ, хотя стоимость порціи и не превышаетъ двухъ грошей (40 сантимовъ).

Другая половина „міаны“ отдѣлена для путешественниковъ, желающихъ переночевать на дорогѣ; въ ней находятся: общая комната съ парами вдоль стѣнъ и отдѣльные номера для желающихъ.

Такія „міаны“, въ особенности помѣщаящіяся на соединеніи нѣсколькихъ дорогъ, обыкновенно переполнены съ утра до ночи публикою. Сербь, какъ и всѣ восточные народы, большіе любители праздно проводить время. Сербъ-вознику не надо, напримеръ, зазывать въ „міану“; его приходится выпроваживать оттуда; за графинчикомъ раки сербъ готовъ просидѣть цѣлый день. Сербскій народъ, собственно говоря, лѣнивый народъ; эта лѣньность сербовъ въ связи съ грязною обстановкою ихъ жизни дали поводъ австрійцамъ называть сербовъ „поросятами“.

Когда я ночью вошелъ въ „міану“, хозяинъ ея дремалъ въ углу; за столикомъ сидѣли двѣ знакомыхъ мнѣ личности, два волонтера, съ которыми я ѣхалъ изъ Буда-Пешта на одномъ пароходѣ. Одинъ былъ артиллерійскій полковникъ изъ отставныхъ; другой — отставной рядовой изъ саперной команды.

Пожилой артиллеристъ представлялъ собою типъ отставнаго военнаго изъ „спившихся“; очевидно онъ съ давнихъ поръ находился въ отставѣ. Низенькаго роста, нѣсколько сторбленный, съ орденомъ въ петличкѣ, онъ говорилъ мягкимъ голосомъ, нѣсколько въ носъ. Рядовой саперной команды былъ горькій пьяница; по крайней мѣрѣ его поведеніе по дорогѣ изъ Буда-Пешта и длинный лиловый носъ говорили въ пользу этого предположенія. Оба они сидѣли за столомъ другъ передъ другомъ; передъ ними стояли графинчикъ раки и тарелка съ жареной бараниной. Сальная свѣча тускло освѣщала комнату.

Мой возница отпавился перепрыгать лошадежку, такъ какъ рядомъ съ „мианой“ помѣщалась первая станція по пути. Я тѣмъ временемъ прилетѣлъ на скамейку въ „мианѣ“.

Саперъ и артиллеристъ изъ отставныхъ не обратили на меня особеннаго вниманія и молча сидѣли другъ противъ друга. Оба они были уже зѣло выпивши. Въ комнатѣ царило гробовое молчаніе. Вдругъ саперъ тяжело вздохнулъ:

— Чтоже, ваше высокоблагородіе, выпьемъ что ли еще по рюмочкѣ.

— Видите ли что...

Отставной полковникъ говорилъ съ солдатомъ на „вы“, а саперный солдатъ говорилъ съ полковникомъ на „ты“ и на «вы» въ перемену.

— Оно конечно... выпить можно... только чтобы эта рюмочка была послѣдняя... съ утра намъ пить воспрещается...

— Не затѣмъ мы, братецъ, ѣдемъ, убѣдительно сказалъ солдатъ, наливая стаканчики.

— То-то и есть...

— Не за тѣмъ мы ѣдемъ! Это вѣрно! тяжело вздохнулъ саперъ.

Выпили.

— Что вы это все вздыхаете? спросилъ полковникъ.

— Грустно.

— Оно конечно грустно, согласился полковникъ и снова налилъ только-что выпитый стаканчикъ...

Наступило молчаніе.

— А вы замѣтили, какъ на насъ венгерцы косились? спросилъ полковникъ, указывая на налитые стаканы.

— Богъ съ ними! махнулъ рукою солдатъ!

Выпили по второй.

— Конечно, Богъ съ ними!.. А все-таки, знаете, досадно, закусывая продолжать полковникъ.

— Досадно!

Опять наступило молчаніе. Солдатъ сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы желая вырвать свое сердце. „Эхъ-ма“! сорвалось у него съ языка.

— Что же вы чувствуете?

Солдатъ молча взялъ графинчикъ и снова налилъ „по третьей“.

— Вы ужь больно зачастили, замѣтилъ ему полковникъ.

— Дѣйствительно!.. Не за тѣмъ мы ѣдемъ, повторилъ своею фразою солдатъ.

— Не за тѣмъ мы ѣдемъ, согласился еще разъ полковникъ.

Собесѣдники задумались надъ рюмками.

— Что-жь!.. вдругъ во всю мочь крикнуть солдатъ:— На все воля Божья!..

— Дѣйствительно на все воля Божья!

Рюмки моментально опорожнились.

Опять воцарилось молчаніе.

— А что вы въ Пештѣ дѣлали? спросилъ полковникъ.

— Сходилъ я, братецъ, на родительскую могилку, помолился... началъ солдатъ въ минорномъ тонѣ.

— Развѣ ваши родители тамъ похоронены?

— Отецъ тамъ лежитъ, сказалъ солдатъ.

Я приподнялся со скамейки, посмотрѣлъ на солдата; онъ говорилъ серьезно.

— Помолился я, братецъ, Богу... Господи! подай душѣ усопшаго, рабу твоему!

— Какимъ же образомъ вашъ отецъ туда попалъ?

— Въ крѣпости служилъ, тамъ и похороненъ.

— Въ какой крѣпости?..

— А вотъ что на горѣ-то, въ Пештѣ, по ту сторону Дуная построена...

Полковникъ видимо сомнѣвался.

— Какъ же вынѣ отецъ могъ въ австрійской крѣпости служить?

— Въ австрицкой!.. никогда!.. она русскими построена...

— Что вы пустяки говорите?..

— Вѣрно говорю!.. потому мой отецъ въ венгерской кампаніи былъ!..

— Нѣтъ, вы ужъ что-то замираетесь...

Солдаты только опустили голову на грудь и, еще разъ тяжело вздохнувши, задумался.

— Эхъ, ты мое горе-горькое! сильно крикнулъ солдатъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

Хозяинъ „міаны“ даже вздрогнулъ съ просонья.

— Какое же горе можетъ у васъ быть? скептически улынулся полковникъ.

— Дѣтокъ вспомнилъ, братецъ ты мой! Жаль мнѣ ихъ!..

— А много у васъ дѣтей?

— Много ли, мало ли, все дѣтки родныя!..

— Конечно!

— Одинъ большенькій, другой махонькій... Даль я маткѣ денегъ семьдесятъ пять рублей... а на остальные вотъ сюда ѣхалъ... Осталось еще три ханька, сосчиталъ солдатъ, вынувъ деньги изъ кармана.

— Доброе дѣло!..

— Вѣстимо доброе!.. Богъ насъ не оставитъ...

— Не оставитъ!.. а все-таки грустно!

— Грустно!..

— Бросьте объ этомъ думать, посоветовалъ полковникъ, наливая еще по стаканчику раки:—Давайте лучше о другомъ говорить... Вы замѣтили, какъ на насъ венгерцы косились?

— Богъ съ ними! махнулъ рукою солдатъ.

— Нѣтъ, а все-таки вы замѣтили?

— Ну, какъ же!.. вѣстимо косились!.

— А вы знаете, почему косились?

Солдатъ молчить.

— Потому косились, что они сербамъ не сочувствуютъ...

— Наплевать! плюнулъ солдатъ въ сторону.

— А вы бы не обращали на нихъ вниманія, посоветовалъ полковникъ, тоже послѣ довольно выразительнаго плевка.

— Господь съ ними!.. каждому воздастся по дѣламъ его... можетъ и насъ застрѣлять.

Полковникъ замолчалъ.

Полковникъ долго о чемъ-то думалъ. Наконецъ онъ всталъ съ мѣста, наклонился къ солдату и произнесъ съ разстановкою и съ чувствомъ собственного достоинства:

— А я, милостивый государь, на нихъ никакого вниманія не обращаю!..

— На кого? ошалѣлъ солдатъ, вылупивши полуявные глаза на полковника.

— На венгерцевъ, милостивый государь, на венгерцевъ!.. возвысилъ голосъ полковникъ:—понимаете ли вы?

— Понимаю, ваше высокоблагородіе... очинно понимаю!.. скороговоркою отвѣтилъ солдатъ.

— Я, милостивый государь, русскій полковникъ! да!.. я русскій полковникъ!.. стукнулъ онъ по столу.

Солдатъ даже испугался.

— Вы видите этот мундиръ?.. видите?.. все болѣе и болѣе разгорячался полковникъ; онъ трясъ себя за обшлагъ мундира.

Онъ былъ въ русскомъ мундирѣ отставнаго военнаго.

— Вы видите его, спрашиваю я васъ?

— Вижу, ваше высоко—родіе, вижу!..

— Вы видите этотъ орденъ?

— Вижу, ваше высоко—родіе, какъ не видать!..

— Вы знаете, какой это орденъ?

— Знаю, ваше высоко—родіе, вѣстимо орденъ! окончательно перетрусилъ солдатъ.

— Солдатъ даже поднялся съ мѣста.

— Это, милостивый государь, русскій орденъ!.. да!.. русскій... Владиміръ въ петличкѣ!.. В-л-а-д-и-м-і-р-ъ в-ъ п-е-т-л-и-ч-к-ѣ!.. понимаете ли вы?

— Вѣстимо Владиміръ въ петличкѣ!

— То-то и есть... такъ что мнѣ послѣ этого венгерцы?.. плевать на нихъ!..

— Плевать и больше ничего, ваше высоко—родіе!

— Сядьте!.. успокоился полковникъ, опускаясь на скамью и дѣлая начальническій жестъ рукою, позволявшій солдату сѣсть на мѣсто.

Солдатъ сѣлъ на мѣсто, но еще не могъ придти въ себя.

— Мнѣ говорить, продолжалъ полковникъ уже болѣе спокойнымъ тономъ: — говорить: снимите вашъ мундиръ, потому венгерцы косятся... Зачѣмъ?.. зачѣмъ я сниму мундиръ?.. скажите вы мнѣ: зачѣмъ?.. Я русскій полковникъ съ мундиромъ и пенсіономъ въ отставкѣ!.. я кавалеръ ордена Владиміра въ петличкѣ!.. я служилъ безпорочно тридцать пять лѣтъ!.. Зачѣмъ я сниму мундиръ?.. Венгерцы косятся!.. скажите пожалуйста!.. ха!..

ха!.. ха!.. я нарочно въ мундирѣ въ Пештѣ ходилъ!.. я нарочно, милостивый государь, орденъ мой носилъ всѣмъ на показъ: вотъ! нате, молъ, смотрите!.. я русскій полковникъ!..

— Нехорошо!.. замѣтилъ было солдатъ.

— Какъ нехорошо?.. почему нехорошо?.. снова вскипятился полковникъ.

Солдатъ опять перетрусилъ.

— Потому я говорю: „не хорошо“, ваше высоко-родіе, что вашихъ въ крѣпость сажали...

— Въ крѣпость!..

Тутъ полковникъ остановился.

— Меня въ крѣпость посадить не смѣютъ, если я себя чинно веду. Мнѣ даже австрійскій солдатъ честь отдалъ...

— Такъ точно!

— Вотъ видите!.. меня венгерецъ спрашиваетъ: „вы въ Сербію ѣдете?“ — Въ Сербію! говорю. — „Зачѣмъ?“ — Турокъ бить—вотъ зачѣмъ!..

— Ха!.. ха!.. ха!.. отъ души засмѣялся солдатъ.

Откровенность полковника ему очень понравилась.

— Нѣтъ!.. а я ни-ни!.. сказалъ солдатъ... притаился въ Пештѣ, ни живъ, ни мертвъ!.. Сидимъ бывало всѣ сообща съ земляками въ одномъ мѣстѣ, а не разговари-ваемъ, потому страшно!.. въ крѣпость сажаютъ!.. оном-нясь венгерецъ присталъ было ко мнѣ, „тычетъ пальцемъ“, спрашиваетъ: „русь?.. русь?..“ а я головою покачиваю. „Кто-жъ, молъ, ты?“ Американъ, говорю.

— Что же венгерецъ?

— Засмѣялся, да и пошелъ въ сторону.

— Ну, вотъ видите!..

— Чудной народъ!

— Дураки! рѣшить полковникъ.

— Боть съ ними! заключилъ солдатъ и потребовалъ еще графинчикъ „раки“.

— Нѣтъ ужъ, позвольте, теперь моя очередь! оставилъ его полковникъ.

Я видѣлъ, что бесѣда нѣсть конца. Тѣмъ временемъ коня моего перемѣнили. Возница утѣстился виномъ, я раскланялся съ волонтерами и продолжалъ свой путь.

VI.

Семендрія и благодать Сербіи.

Передъ разсвѣтомъ мы вѣхали въ Семендрію; это первый городъ по пути изъ Бѣлграда въ Делиградъ, сербская крѣпость на берегу Дуная. Хотя сербы и говорятъ про Семендрію, что онъ „лѣвый варонгъ“, т. е. красивый городъ, но вся его красота собственно заключается въ томъ, что онъ не похожъ на деревню. Длинные, узкія, кривыя улицы, вымощенныя булыжникомъ, застроены низенькими, тахіиш двухъ-этажными домами; трехъ-этажный домъ—это рѣдкость въ городѣ. Семендрія не имѣетъ ничего общаго съ европейскими городами. Открытыя хлѣбопекарни, конуры взаимнѣ просторныхъ лавокъ и магазиновъ, полнѣйшее отсутствіе вкуса и роскоши, цѣлый рядъ грязныхъ „міанъ“, уличная открытая торговля мясомъ, шкурами, табакомъ и т. д. — все это напомнило мнѣ обстановку городовъ Востока средней величины; при этомъ одна гостинница, одинъ соборъ, одинъ госпиталь и непроходимая грязь на улицахъ въ зимнее время года; представьте себѣ уличную жизнь народона-

селенія, — и вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о Семендріѣ. Крѣпость защищаетъ городъ со стороны Дуная, а самый городъ гнѣздится у подошвы возвышенности, которая скрываетъ его, когда вы подъѣзжаете къ Семендріи по пути изъ Делиграда. Внутренняя невзыскательность города нѣсколько сглаживается внѣшностью его. Природа беретъ свое. Красивой голубой лентой течетъ Дунай вдоль крѣпостныхъ стѣнъ и скрывается среди дальнѣйшихъ береговыхъ возвышенностей. Густо заросшая травой долина зеленѣетъ по другую сторону Семендріи; надо замѣтить, что путь изъ Бѣлграда въ Делиградъ круто новорачиваетъ отъ Семендріи внутрь страны. Вы любуетесь свѣжею зеленью вокругъ города и находите ее даже на улицахъ.

Повернувъ въ переулочекъ, мы остановились у почтамта. Горожане еще спали. Никто насъ не встрѣтилъ. Вовница перепрегъ лошадей, вынулъ изъ подъ нашего сѣдалища нѣсколько пакетовъ, адресованныхъ въ Семендрію и отнесъ ихъ въ почтовую контору. Отъ Семендріи меня повезъ уже другой почталіонъ.

Разсвѣло. По мѣрѣ моего вторженія внутрь страны я все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что Сербія одна изъ живописнѣйшихъ, благодатныхъ странъ Европы. Вгляните вы на эти тучныя поля поспѣвающей кукурузы, которыя бросаются вамъ въ глаза въ сторонѣ отъ дороги; взгляните вы на эти обширные виноградники, посмотрите вы на эти хаты минуемой деревни! Стоять домики особнякомъ, построены они изъ дерева просто, но крѣпко, часто покрыты штукатуркою. Большинство изъ нихъ имѣютъ видъ домовъ любого нашего уѣзднаго города или посада, но никакъ не деревни. Каждый домикъ прячется въ глубинѣ зелени фруктоваго сада. Здѣсь въ саду ра-

стеть и слива, и груша, и яблоня; рядомъ съ хатой зеленѣютъ виноградники; сзади хаты желтѣетъ кукуруза. Каждый домикъ снабженъ необходимыми пристройками; тамъ амбаръ, складочное мѣсто для кукурузы, конюшня, здѣсь курятникъ и хлѣва для рогатаго скота и свиней. Въ сторонкѣ отъ зданія находится специальная постройка для гонки „раки“ изъ сливъ; далѣе, въ сторонѣ отъ дома, стоитъ вмѣстительный хлѣвъ для козъ и барановъ, куда ихъ загоняютъ, конечно въ зимнее время года. Деревенки расположены преимущественно у горнаго ручья. Свиньи и поросята цѣлыми десятками хрюкаютъ вдоль и поперекъ дороги; козы, бараны сотнями пасутся на со-сѣднихъ поляхъ и въ зеленыхъ чащахъ. Гуси, утки—у ручья, пѣтухи, курицы, цыплята—въ садахъ и на дворѣ, короче обстановка сербскаго крестьянина дышетъ такимъ довольствомъ, такимъ, смѣло можно сказать, богатствомъ, что вы, русскій человекъ, знакомый съ убогою обстановкою нашего крестьянина, завидуете положенію серба. Чего ему недостаетъ? Чего не хватаетъ? Вы нарочно ищите этого чего то, но рѣшительно не находите. Я бывалъ во многихъ деревняхъ Сербіи, подробно осматривалъ домашнюю утварь сербскихъ крестьянъ, постройки, пристройки, амбары, всю ихъ собственность и вездѣ рѣшительно находилъ довольство селянина, доходящее до прихоти. Бѣдность и нищета — рѣдкое явленіе въ Сербіи. Природа щедро надѣляетъ серба не только необходимымъ, но и излишкомъ. Сербъ—хлѣбопашецъ и торговецъ одновременно. Слива и виноградъ даютъ ему возможность добывать вино и раки въ такомъ количествѣ, котораго достаточно для дома и для продажи. Почти у каждаго крестьянина я находилъ погреба, въ которыхъ хранились бочки съ бѣлымъ и краснымъ виномъ. Постоянное при-

ращеніе домашнего скота и птицы куетъ сербу „пары“ (общее выраженіе: деньги); скопленные „пары“ рожаютъ дукаты. Такимъ образомъ въ благодатной Сербіи далеко не рѣдкость встрѣтить крестьянина съ сотнями дукатовъ постоянного запаснаго капитала. Въ этой странѣ, которую мы почему то привыкли всегда считать „бѣдной страной угнетенныхъ братьевъ“, замѣчается еще та приятная особенность, что богатство и капиталы страны распределены довольно равномерно въ средѣ ея обитателей. Богачъ здѣсь такая же рѣдкость, какъ и бѣднякъ. Не надо особенно вглядываться въ сербскихъ крестьянъ, чтобы замѣтить въ каждомъ изъ нихъ страстишку къ торговству. Можетъ ли она проявляться въ бѣдномъ народѣ, терпящемъ постоянную нужду, вѣчныя лишенія? Наконецъ эта поразительная дешевизна жизни въ странѣ, обремененной войною,—дешевизна, которая невольно удивляла меня на каждомъ шагѣ въ такъ называемое „военное время“,—не служитъ ли она нѣкоторымъ доказательствомъ того, что эта воевавшая страна или, вѣрнѣе, этотъ воевавшій народъ далеко отъ бѣдности, не знаетъ нужды? А спросите вы любого серба: „Вашъ народъ бѣденъ или богатъ?“ „Бѣдный народъ! отвѣтитъ вамъ сербъ:—страна наша маленькая, откуда у насъ богатство?“ И эта „маленькая страна“—единственный аргументъ серба. Такому аргументу не слѣдуетъ вѣрить; онъ можетъ вліять пожалуй на „казенный сундукъ“, на достатки правительства, но никоимъ образомъ не вліяетъ на бытъ и на жизненные достатки крестьянина. Вы меня пожалуй спросите: чѣмъ же объяснить всѣ эти бывшія горячія воззванія сербскаго народа о помощи отъ насъ, русскихъ братій, которыя дѣлались въ началѣ войны и которыя такъ вотъ и дышали народною нуждою? Сербы дѣйствительно нуж-

дались въ помощи уже потому, что страна эта сама по себѣ слишкомъ мала, для того чтобы самостоятельно, выдерживать всѣ нужды войны съ сильнѣйшимъ врагомъ, да еще покровительствуемымъ англичанами. Чтобы упрямиться самостоятельно, сербамъ нужно было бы пожертвовать *всѣмъ*, а это было бы равносильно полному разоренію сербскаго народа. Послѣдствія доказали только, что Россія была слишкомъ щедра по отношенію къ Сербіи, что лично сербскій народъ больше ханжесествовалъ чѣмъ жертвовалъ; но объ этомъ будемъ говорить въ послѣдствіи, когда фактъ за фактомъ дойдетъ до отношенія сербовъ къ войнѣ вообще.

И такъ, отъ станціи до станціи я ѣхалъ понеречь Сербіи, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ достаткахъ народнаго хозяйства. Тѣмъ грустнѣе мнѣ было приближаться къ тому мѣсту сербской территоріи, на которое уже вступила вражья сила, гдѣ уже прошли эти варвары турки, имѣющіе обыкновеніе предавать огню и мечу все, что имъ попадается по дорогѣ.

“Да! что то я встрѣчу тамъ... далѣе... на границѣ Сербіи? думалось мнѣ:—Какъ страшны, какъ непріятны, какъ ужасны должны быть картины всеобщаго разоренія и опустошенія!”

Эти картины дали о себѣ знать еще задолго до Парачина.

VII.

Бѣгунцы съ поля битвы.

И безъ того довольно оживленный путь, по которому я ѣхалъ, благодаря постоянному движенію колъ, запря-

женныхъ вѣснми, оживлялся все болѣе и болѣе по мѣрѣ моего приближенія къ Парачину. Сначала я началъ встрѣчать сербскихъ воиновъ, по законнымъ причинамъ удалявшихся изъ армій. Это были впрочемъ довольно оригинальныя встрѣчи. Блеснетъ далеко впереди меня что то свѣтлое на солнцѣ, и черезъ нѣсколько минутъ встрѣчаю двухъ, трехъ, четырехъ раненыхъ. Идутъ они кучкой, еле-еле тащатся. Одѣты въ синія чикчиры, коричневый зицунчикъ съ мѣдными солдатскими пуговицами, съ суконною шапочкою на головѣ; обуты они въ сербскія „опанки“. Я прошу читателя обратить вниманіе на эти „опанки“, такъ какъ эти „опанки“ впоследствии будутъ фигурировать въ моемъ разсказѣ, какъ одна изъ причинъ извѣстнаго слѣдствія. Нога сербскаго воина обернута въ шерстяной дырявой кусокъ матеріи; она открыта со всѣхъ сторонъ, исключая подошвы, которая защищена тонкимъ кускомъ бычачьей кожи; эта кожа тоньше чѣмъ подошва любого сапога. Такого рода подошва сербской обуви держится подъ ногою при помощи ремня, которымъ обматывается вся верхняя часть ноги и крѣпится какъ помало. Какъ видите, обувь довольно проста и необыкновенно легка для пѣшехода въ лѣтнее время года.

И такъ, идетъ такой воинъ въ описанномъ костюмѣ, и на плечѣ у него стволъ ружья играетъ на солнышкѣ; самъ онъ смотритъ такимъ убогимъ, истомленнымъ, несчастнымъ человѣчкомъ. Тащится онъ по дорогѣ такъ тихо, тихо, и вся то его фигурка съежилась, сгорбилась, потъ льется градомъ со смуглаго, загорѣлаго, безбородаго лица или украшеннаго крошечною, рѣдкою бородашкою, тащится онъ по дорогѣ и охаетъ. Смотришь бывало на такого воина, да и думаешь: „Какой это воинъ, да это

просто какой то калика перехожій... Впрочемъ что же я? Вѣдь онъ раненъ, бѣдный... Вотъ у него кажется рука обвязана грязною тряпкою“.

— Эй, ты, молодецъ!.. подь-ка сюда! остановишь на минутку таратайку.

Подожелъ воинъ, снялъ шапку, кланяется. За нимъ подошли и два его спутника.

— Вы изъ арміи?

— Изъ арміи.

— Куда идете?

— „До кучи“ (домой).

— Вы ранены, что ли?

— Ранены, господинъ, ранены! таково жалостно заматають сербы головами.

— Ахъ, вы несчастные! Что же вы, всё въ руки ранены?

— У руки, господинъ, у руки.

— Ну-ка, покажи, разверни тряпку-то.

Долго развязываетъ воинъ свою руку; вѣроятно вѣдь онъ такъ медленно разматываетъ грязную тряпку!

Смотришь: между пальцами скользнула пуля, слегка задѣвши мягкую часть кисти. Отодрванная кожа когда-то больного мѣста покрылась уже пеленою новой, розовой кожицы. Дотронешься бывало до больного-мѣста или возмешь его пальцы въ руку, а онъ:

— Ой, ой, ой! „куку *), ой! „куку мэнэ!..“ „куку мэнэ!“ запрыгаетъ на одной ногѣ.

— Что ты врешь-то, другъ сердечный?

*) „Куку“— возгласъ серба, равносильный нашему „охъ!“ Раненный сербъ всегда „кукуетъ“, когда онъ чувствуетъ боль или старается показать, что ему больно.

— „Истинно куку!..“ „куку мѣна!..“ „куку, господыня!..“

Физиономію скорчить жалостную.

И смѣшно на него смотрѣть, и досадно!

— А у тебя что же, другъ любезный? обратишься къ слѣдующему.

Слѣдующій отвернетъ тряпку, — то же самое! или много-много пальца нѣтъ на рукѣ, а рана залечена.

— Ахъ, вы, такіе сякіе!.. разсердишься на нихъ:— да вамъ „батиць треба“ (нужно батоговъ) дать, а не до-мой васъ отпускать!

— Екъ! наивно скажутъ сербы и пойдутъ себѣ, не-довольные вашимъ заключеніемъ.

Проѣдешь нѣсколько далѣе,—опять такой же раненый въ руку воинъ сидитъ у канавки; ноги свои онъ свѣсилъ въ канаву, а ружье положилъ около себя. Минуешь его, а онъ голову опуститъ на грудь, точно и въ самомъ дѣлѣ тяжело раненый. Проѣдешь еще далѣе, встрѣчаешь „колу“ на волахъ; ѣдетъ „кола“ медленно, а на „колѣ“ опять сидитъ такой же раненый.

Господи, Боже мой!.. бывало даже самъ сербъ-возница расхохочется.

Спрашиваешь самъ себя: „Зачѣмъ же они ружья-то съ собою тащутъ? каждое ружье вѣдь заряжается съ казенной части!.. каждое ружье можетъ десятки турокъ положить!... придетъ въ армію свѣжій человѣкъ, спроситъ ружье, а ему отвѣтять: „Нѣтъ у насъ ружей, Румынія не пропускаетъ...“ Значить... что же значить? — „Значить начальство виновато“. — „Почему?“ — Потому, порядка не соблюдаетъ“.

Не мало такихъ воиновъ оставили армію въ началѣ войны и оставляли ее въ продолженіе ея — много, очень

много разбрелось по разнымъ дорогамъ и направленіямъ Сербіи, такъ много, что если сосчитать всѣхъ, то чего добраго будемъ считать тысячами. Я прибавлю къ этому, что подобные факты повторялись до конца войны.

Впервые я вспомнилъ тѣхъ офицеровъ, которые вернулись изъ арміи въ Бѣлградъ и которымъ мы устроили позорную демонстрацію. Они передавали намъ между прочимъ и объ этомъ фактѣ, прибавляя, что сербы нарочно наносятъ себѣ раны въ руки изъ трусости, дабы имѣть возможность оставить армію въ качествѣ раненаго. Мнѣ хотѣлось провѣрить: дѣйствительно ли сербы сами причиняютъ себѣ раны въ руки или эти раны являются отъ вражьей пули? Впослѣдствіи, при всемъ моемъ желаніи поймать виновника на мѣстѣ преступленія во время боя, я не наткнулся ни на одного изъ такихъ героев; но, принимая во вниманіе тотъ фактъ, что у большинства изъ нихъ были ранены лѣвые руки, лишь придерживающія стволы ружей во время стрѣльбы, и принимая во вниманіе положеніе стрѣлка, всегда въ полуоборотъ къ непріятелю,—слѣдуетъ признать, что раны эти дѣйствительно наносились самими сербами простымъ образомъ: сербъ приставлялъ пальцы къ дулу ружья и ногою своею или инымъ способомъ спускалъ курокъ его. Что же касается раненыхъ въ правую руку, занятую при стрѣльбѣ спускомъ курка, то и эти раненые едва ли выбывали изъ строя благодаря турецкой пулѣ. Трудно себѣ представить, чтобы ружье могло стрѣлать сзади... не правда ли? Трудно себѣ представить, чтобы и вражья пуля могла случайно попадать въ пальцы правыхъ рукъ, не трогая остальныхъ частей тѣла, и притомъ попадать въ большинство случаевъ. Сербы же легко могли наносить себѣ подобныя раны заглазно; въ горячкѣ боя труд-

но услѣдить за каждымъ дѣйствующимъ лицомъ, въ особенности когда бой происходитъ на гористой мѣстности; заросшей кустарникомъ, лѣсомъ и т. д.; человекъ легко можетъ спрятаться, убѣжать, нанести себѣ рану, — все что хотите. Этимъ я объясняю то обстоятельство, что мнѣ не удалось поймать подобнаго героя.

Однако, трусость есть отличительная черта всякаго народнаго войска. Крестьянинъ-семьянинъ, оторванный отъ дома, отъ родной семьи — жаждетъ жизни, а не смерти.

VIII.

Картина бѣгства и переселенія.

Мы проѣхали Ягодинъ, миновали Чуприю — маленький городокъ, расположенный на берегу рѣки Моравы, на довольно живописномъ мѣстѣ. Крестьяне строили тогда въ Чуприи укрѣпленія подъ надзоромъ опытнаго инженера, пожилаго полковника изъ сербовъ. Укрѣпленія воздвигались фундаментальныя, и вообще вся позиція вокругъ Чуприи могла постоять за себя на случай отступленія нашихъ войскъ и наступленія турокъ по пути къ Бѣлграду. Многое еще было не окончено, но работы производились безостановочно. Инженерный полковникъ, строитель укрѣпленій, съ которымъ я познакомился на обратномъ пути, возлагалъ тогда на эти укрѣпленія большія надежды.

Грустную картину встрѣтилъ я, приближаясь къ Парачину, — картину всеобщаго бѣгства и переселенія жителей городовъ и деревень, въ которые уже вступили

турки. Оboзы селяковъ тянулись по шоссеиной дорогѣ безпрерывно. Скрипѣли деревенскія колы на волахъ, нагруженныя домашнею утварью крестьянъ, наложенною видимо впопыхахъ, кое-какъ, въ минуту всеобщей паники и бѣгства. Сотни семействъ, отъ мала до велика, жившихъ въ довольствѣ, подѣ кровлей роднаго имъ дома, внезапно выгнаны изъ этихъ домовъ штыкомъ турецкаго ружья и выброшены на произволъ своей злосчастной судьбы, подѣ открытое небо. Скрипять ихъ колы подѣ тяжестью полуразрушеннаго, полурастеряяннаго имущества, и какъ-то уныло страшно дѣйствуетъ этотъ скрипъ на ваши нервы. Боже мой! взгляните вы на эту группу жалкихъ переселенцевъ! Изъ осѣдлыхъ, богатыхъ крестьянъ они быстро превратились въ какихъ-то нищихъ. Взяло пошатываясь съ боку на бокъ, еле-еле тащить два вола скрипучую колу. Идетъ сбоку этой колы старый сербъ, грустно опустивъ свою сѣдую голову на впалую грудь, и какъ-то нехотѣя подгоняетъ онъ своихъ лѣнивыхъ воловъ. За плечомъ у него ружье, заряжающееся съ дула или просто кремневое. Глаза его апатично смотрятъ куда-то въ неопредѣленную даль; тоска страшная, тоска, хватающая прямо за сердце, запечатлѣлась на его лицѣ. На головѣ его полукрасная, полугрязная феска; тощее тѣло прикрываетъ длинная бѣлая рубаха, на ногахъ болтаются широкія, дырявыя, полотняныя панталоны. На колѣ его набросаны въ страшномъ безпорядкѣ разныя вещи домашняго хозяйства: на курятникѣ, на примѣръ, лежить столъ, ножками кверху; въ курятникѣ кудахтаютъ куры; изъ-подъ стола выглядываетъ свиная морда; рядомъ лежить мѣшокъ, должно быть спасеннаго платья; на мѣшкѣ—сундукъ, на сундукѣ—баранъ со связанными ногами. Скамья, разбитый шкафъ, десятокъ тыквъ, два,

три стула—все это перемѣняно, все это схвачено и зря брошено на телѣгу; а на высотѣ этого нищенскаго воза изъ-подъ разнаго хлама выглядываетъ свѣжее, румяное личико здоровенькаго ребенка. Смотритъ бѣдный пятилѣтній ребенокъ такъ удивленно на окружающихъ, широко открылъ онъ свои голубые глазенки, сидитъ онъ смиренно и не понимаетъ, что вокругъ него дѣлается. Жилъ онъ до сихъ поръ въ теплѣ тяткиной хаты, вдругъ отца взяли и куда-то увели; видѣлъ онъ, какъ мать его долго плакала, а потомъ пришелъ дѣдъ, побросалъ всѣ вещи на телѣгу, посадилъ его на ворохъ, рядомъ съ поросятами, курами, утками, баранами, и повезли его куда-то въ даль, въ неопредѣленную даль какихъ-то горъ и долинъ. Мать его идетъ сзади телѣги, тащить въ мѣшечкѣ за спиною полугодоваго братишку и заливается горькими, горькими слезами; три сестры его и еще одинъ братъ побольше бѣгутъ за матерью въ припрыжку, схватившись за дырявый подолъ ея платья; бѣгутъ они и всѣ какъ-то боязливо оглядываются назадъ. Взглянетъ ребенокъ на суроваго дѣда, обернется онъ назадъ, посмотреть на родную мать, инстинктивно испугается и заплачетъ во всю мочь своихъ дѣтскихъ силъ. Сердце обольется кровью при видѣ такого кортежа, такъ вотъ и захочется отвернуться и не смотрѣть на обнищавшихъ странниковъ.

Но куда же отвернуться? Отвернешься въ сторону отъ дороги, — представится картина не легче послѣдней: на полѣ расположились два, три такихъ же воза, и кочуютъ ихъ спутники, какъ цыгане, подъ открытымъ небомъ. Даже палатки нѣтъ у нихъ, чтобы скрыться отъ дождя! Обернешься назадъ, — видишь тылъ процессіи! посмотришь впередъ въ даль дороги, — нѣтъ конца то-скливой вереницѣ! Лишь стада угоняемыхъ барановъ

и свиней отдѣляютъ одну колу отъ другой. На что смотреть?..

Куда всё они ѣдутъ?.. куда стремятся?—Они и сами не знаютъ куда они ѣдутъ... они не ѣдутъ, они бѣгутъ отъ фанатина, растлѣвающего ихъ дочерей, убивающаго ихъ младенцевъ, сажаящаго на колъ ихъ отцовъ и братьевъ... А гдѣ ихъ новое жилище?—Тамъ, гдѣ нибудь, въ оврагѣ, на открытомъ полѣ, подъ деревомъ или просто подъ голубымъ небомъ своей родины.

— Бырзо!.. бырзо!.. (скорѣй!.. скорѣй!..), погоняешь возницу, засмотрѣвшагося на родственную ему, но незнакомую до сихъ поръ нищету.

Ударить возница кнутомъ свою лошадедку, и побѣдить нашъ конь быстрѣе. Ёдетъ полчаса, часъ проходить еще полчаса, время клонится къ вечеру; но вотъ слава Богу наконецъ и Парачинъ!

IX.

Французъ въ Парачинѣ и австрійскій „сочинитель“

Парачинъ — такой же грязный, такой же неказистый городишко, какъ и всё оставшіеся у насъ позади.

Мы ѣдемъ по главной улицѣ, останавливаемся вблизи моста, перекинутого черезъ какую-то грязную рѣчку. На всѣхъ четырехъ углахъ моста по мѣстѣ. Вся улица буквально загромождена пѣшими, верховыми, колами, бабами, ребятишками, старымъ и молодымъ народомъ. Ёдутъ, идутъ, скрипятъ, кричатъ, группируются на мѣстѣ — и все это на одной главной улицѣ! Если бы отправиться

на почтовой таратайкѣ сейчасъ же далѣе изъ Парачина, можно было бы достигнуть Делиграда къ ночи; такимъ образомъ тотъ, кто ѣхалъ на почтовыхъ, выгадывалъ цѣлыхъ двое сутокъ, такъ какъ на обыкновенныхъ колахъ доставляли волонтеровъ изъ Бѣлграда въ Делиградъ въ трое сутокъ. Почти вся Сербія проѣзжается лѣтомъ въ 72 часа; зимою конечно на такое путешествіе нужно убить пять, шесть сутокъ. Но я не могъ ѣхать далѣе изъ Парачина на той же таратайкѣ. Я чувствовалъ страшное утомленіе и былъ весь разбитъ. Нужно было отдохнуть, переночевать и уже явиться въ штабъ на слѣдующій день подкрѣпленнымъ свѣжими силами.

Начальникъ парачинской станицы любезно обѣщалъ дать мнѣ колу на слѣдующій день въ шесть часовъ утра. Я остановился въ одной изъ гостинницъ.

Первая моя встрѣча въ гостинницѣ была съ французскимъ полковникомъ (такъ по крайней мѣрѣ онъ рекомендовался мнѣ), который возвращался изъ арміи въ Бѣлградъ. Полковникъ передалъ мнѣ, что онъ служилъ въ арміи Черняева и что въ настоящее время онъ совершенно разочарованный положеніемъ дѣлъ въ арміи, ѣдетъ обратно во Францію. Причины разочарованія сводились все къ одному и тому же: къ трусости сербовъ, къ отсутствію энтузіазма въ войскѣ, норядковъ, дисциплины и т. д. Мнѣ хотѣлось узнать его мнѣніе, какъ иностранца, о личности и о дѣятельности генерала Черняева.

— Генераль Черняевъ опытный генераль, говорилъ я ему:—Черняевъ былъ въ Ташкентѣ; онъ нашъ герой, наша гордость, и притомъ онъ доброй души человѣкъ; мы возлагаемъ на него большія надежды.

— Все это легко можетъ быть, отвѣтилъ мнѣ французъ:—какъ человѣка я его совсѣмъ не знаю и не инте-

ресуюсь имъ съ этой стороны, такъ какъ я желаю видѣть въ немъ въ настоящее время прежде всего полководца; можетъ быть онъ и герой Ташкента или герой по личной своей храбрости, но... личная храбрость не цѣнится въ полководцѣ такъ, какъ она цѣнится въ каждомъ отдѣльномъ солдатѣ; наконецъ смѣю думать, что героизмъ въ Ташкентѣ легче давался человѣку, чѣмъ здѣсь въ Сербіи. Въ Ташкентѣ регулярныя войска Черняева дрались противъ дикой, иррегулярной толпы; здѣсь въ Сербіи положеніе его измѣнилось, здѣсь иррегулярными оказались войска Черняева, и этимъ войскамъ приходится теперь драться съ регулярнымъ войскомъ Турціи, все-таки европейской страны и притомъ страны сильнѣйшей сравнительно съ Сербіей.

— Значить, по вашему, Черняевъ противъ рожна пошелъ?

— Этого не скажу... по моему, Черняевъ просто на просто дѣлалъ и дѣлаетъ непростительныя ошибки.

— Какъ полководецъ?

— Да, какъ полководецъ!

— Въ чемъ же выражаются эти ошибки?

— За время моего пребыванія въ арміи Черняевъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ. Онъ форсированнымъ маршемъ началъ кампанію, затѣмъ сейчасъ же отступилъ назадъ и этимъ сразу деморализировалъ свое войско.

— Позвольте!.. мы читали, что Черняевъ потому отступилъ назадъ, что этого потребовалъ сербскій генеральный штабъ.

— Штабъ не потребовалъ бы отступленія, если бы не было наступленія. Ошибка заключалась именно въ самомъ наступленіи. Прежде всего Черняевъ, какъ полководецъ, долженъ былъ взвѣсить силы непріятеля; взвѣ-

сивъ силы, онъ непремѣнно долженъ былъ придти къ тому заключенію, что турки сильнѣе сербовъ во всѣхъ отношеніяхъ; а потому Черняеву въ началѣ войны слѣдовало держаться оборонительнаго положенія, но никакимъ образомъ не наступать. Укрѣпивъ сербовъ на хорошей позиціи, Черняевъ могъ два, три раза отбросить турокъ, — сербы способны къ самозащитѣ, — этимъ онъ поднималъ бы сразу духъ своей арміи и нѣсколько деморализировалъ бы непріятеля, а тамъ впослѣдствіи, при такомъ нравственномъ состояніи войскъ, можно было бы попробовать перейти и къ наступленіямъ... Богъ вѣсть, можетъ быть въ результатѣ сербы и выиграли бы.

— Черняевъ рассчитывалъ на Болгарію.

— Хорошій полководецъ рассчитываетъ только на то, что у него въ рукахъ... наконецъ Черняевъ зѣвалъ!.. Черняевъ уступалъ туркамъ хорошія позиціи и давалъ имъ возможность укрѣпляться на нихъ... Извѣстно, что если туркамъ дать 24 часа времени, то они въ эти 24 часа зароются въ землю какъ кроты, а тамъ попробуй-ка ихъ выгнать!.. Вы ѣдете теперь въ армію, вы увидите тамъ наши и турецкія позиціи; турки, будучи сильнѣе сербовъ, заняли высоты, которыхъ не слѣдовало уступать имъ; турки сосредоточили свои силы на меньшемъ пространствѣ чѣмъ сербы; сербы растянуты до нельзя и обезсилили себя.

— Но вѣдь было же пятидневное сраженіе подъ Алексинацемъ, значитъ Черняевъ все-таки отстаивалъ позиціи? Туркамъ не легко дались эти позиціи.

— Да, онъ отстаивалъ, но выходило все какъ-то такъ, что когда дѣйствуетъ одна часть черняевской арміи, — другая молчитъ; когда начинается другая, — первая умол-

касть и т. д.; не было совокупности дѣйствій, необходимаго единодупія...

— Вы говорите, замѣтилъ я французу: — что Черняевъ давалъ возможность туркамъ зарываться въ землю. Но вы забываете, что Черняеву приходилось и приходится драться съ турками и въ тоже время организовывать свою армію.

— Это опять-таки ошибка Черняева. Полководецъ не долженъ начинать войны, если у него армія не организована. Правда, полководецъ — исполнительная власть, инициатива же войны можетъ принадлежать другому лицу, но только не въ настоящемъ случаѣ; этого нѣтъ по отношенію къ Черняеву. Черняевъ — русскій генералъ, Черняевъ все-таки до нѣкоторой степени чужой Сербіи человѣкъ, а потому я не могу принимать его за исполнителя чужой инициативы. Если онъ принялъ командованіе надъ сербской арміей, значитъ онъ тотъ же инициаторъ.

— Онъ могъ увлечься идеей. Вѣдь мы же съ вами увлеклись идеей!.. Вѣтъ не шутка!.. гранатная рѣчь идетъ за свободу и независимость страны.

— Мы — маленькіе люди, а хорошій полководецъ не долженъ увлекаться.

— Разсуждая такимъ образомъ, легко придти къ такому заключенію, что Черняевъ просто не понималъ что дѣлалъ?

Французъ не отвѣчалъ ни слово; онъ только улыбнулся и пожалъ плечами.

— Что же объ этомъ говорить, замѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — я началъ разговоръ съ моего пониманія Черняева какъ полководца; теперь же мы сводимъ разговоръ нашъ къ идеѣ...

— Какъ же иначе? перебилъ я француза: — Въ лич-

ности Черняева: такъ тѣсно связаны челоѣкъ идеи и полководецъ арміи, что, по моему, его нельзя рассматри-
вать, изолируя то или другое.

— Пожалуй я согласенъ съ вами, но и на это я
вамъ отвѣчу такимъ образомъ: свѣтлый умъ увлекается
только *здоровыми* идеями, т. е. тѣми, которыя имѣютъ
подъ собою *здоровую* реальную почву, а тупой челоѣкъ
не можетъ быть хорошимъ полководцемъ.

— Вы должно быть божанартистъ?

— Напротивъ, самый рьяный республиканецъ!

— Въ такомъ случаѣ я васъ не понимаю.

— Извольте, я вамъ объясню.

Французъ началъ фразу съ разстановкою.

— Видите ли: разумно поднимать угнетенный, ли-
шенный свободы народъ и драться въ рядахъ этого на-
рода противъ такого деспота-угнетателя, который однако
свободѣе возставшаго народа; но совсѣмъ глупо поды-
мать болѣе свободный народъ противъ поработеннаго
властилина. Теперь кто дерется?—Теперь дерутся турки
по глупости или по фанатизму, а вѣрнѣе: Черняевъ де-
рется съ нашею Абдуль-Керимомъ, но сербскій народъ
въ этой войнѣ собственно не участвуетъ, потому что для
сербовъ эта война неестественна, потому что онъ ее не
понимаетъ, не чувствуетъ въ ней потребности, не нуж-
дается въ ней. Послужите вы въ арміи, въ рядахъ этихъ
сербовъ, поговорите съ ними, и вы сами придете къ
тѣмъ же заключеніямъ. Могу васъ увѣрить, что это такая
ерунда, вся эта *сербско-турецкая* война, что чего добраго
исторія посмотреть на нее какъ на траги-комическій эпи-
зодъ нѣтъ жизни сербскаго народа.

— Что же, вы хотите сказать, что сербы свободны
и независимы?..

— Извините! перебилъ меня французъ: — я этого не говорю; но я утверждаю, что сербы *чувствуютъ* себя свободными настолько, что имъ нѣтъ необходимости воевать и что пока имъ не надо иной свободы и независимости! Значить не пришло еще то время, когда слѣдуетъ взяться за оружіе. Вотъ почему я и говорю, что всѣ тѣ лица, которыя поднимаютъ народъ на войну за свободу и независимость раньше времени, раньше чѣмъ самъ народъ поднимется, — такія личности — преступники, ибо они ведутъ народъ просто на закланіе. Народная война — это не война регулярныхъ войскъ. Въ народной войнѣ можетъ драться на ножахъ только тотъ, кто ясно понимаетъ и чувствуетъ, за что онъ дерется... Въ противномъ случаѣ это будетъ простое пушечное мясо. Вѣдь вашъ Черныаевъ журналистъ? вдругъ спросилъ меня офицеръ.

— Журналистъ.

— Какъ же онъ прежде не подумалъ о томъ, что онъ затѣваетъ? Или онъ большой патріотъ и заботился объ интересахъ одной Россіи?..

При этомъ французъ потрясъ пятернею, приставивъ палецъ ко лбу.

— Впрочемъ вы меня извините, вамъ, какъ русскому, можетъ быть непріятно это слышать? извинился французъ.

На томъ разговоръ нашъ и кончился.

На меня этотъ разговоръ произвелъ впечатлѣніе простаго препровожденія времени. Я еще не былъ въ арміи, не былъ свидѣтелемъ распоряженій и дѣйствій главнокомандующаго, не былъ знакомъ съ сербскимъ народнымъ войскомъ, съ отношеніями этого войска къ войнѣ вообще, — короче за мной не было фактовъ, и поэтому я не былъ въ состояніи соглашаться и не соглашаться съ тѣми или другими выводами француза. Но разговоръ съ францу-

зомъ произвелъ на меня все-таки непріятное впечатлѣніе. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, — тѣмъ больше дровъ. Землики разочаровали насъ въ Бѣлградѣ въ сербахъ. Одинъ фактъ, сообщенный ими, подтвердился на моихъ глазахъ по дорогѣ въ Делиградъ; другіе факты, какъ-то: трусость сербовъ, отсутствіе энтузіазма, ихъ постоянное бѣгство и т. д., — подтвердилъ французъ, совершенно посторонній человѣкъ въ этомъ дѣлѣ. Да еще въ концѣ концовъ мнѣ передаютъ такого рода *будто бы* факты, которые разочаровываютъ меня и въ личности главнокомандующаго, человѣка, въ котораго мы такъ вѣрили, къ которому ѣхали, на котораго надѣялись, на котораго уповали. Мало того, мнѣ говорятъ объ этой личности въ такихъ выраженіяхъ, въ такой формѣ, что, иначе говоря выйдетъ то же самое: „Куда ты, дуракъ, ѣдешь?... ты ѣдешь драться за свободу и независимость народа, который тебя вовсе объ этомъ не просилъ... Ты не храбрый воинъ, а водевильный актеръ!.. Ты чего добраго умрешь, — и умрешь не въ роли героя послѣдней моды, а въ роли горохового шута!“

Впрочемъ кто же это говорить?—Это говорить французъ, которому въ сербской войнѣ все равно, что въ чужомъ пиру похмѣлье; это говорить пожалуй какойнибудь авантюристъ, не республиканецъ, а чего добраго карлистъ.

Входитъ въ это время въ комнату русскій волонтеръ съ круглымъ, здоровымъ, румянымъ лицомъ.

— Вы ѣдете въ армію?

— Да.

— Вы кто такой?

— Мѣщанинъ Тульской губерніи.

— Зачѣмъ вы ѣдете въ армію?

— Какъ затѣмъ?.. извѣстное дѣло драться съ турками.

— За что?

Волонтеръ удивленно посмотрѣлъ на меня.

— Да, я васъ спрашиваю, за что?.. объясните мнѣ, что васъ побудило ѣхать въ Сербію?.. Вы поѣхали для идеи?..

— Извѣстное дѣло для идеи.

— Для какой идеи?

Волонтеръ снова посмотрѣлъ на меня. Его фязіономія имѣла видъ человѣка, желающаго сказать: „Да что ты ко мнѣ пристаешь въ самомъ дѣлѣ!“

— Нѣтъ, пожалуйста, скажите мнѣ: во имя какой идеи вы поѣхали въ Сербію?

— Какая тамъ идея, никакой тутъ идеи нѣтъ!.. тутъ просто турка... бить его надо,—вотъ и все!..

— Что же вамъ турки худаго сдѣлали?..

— Какъ что худаго?.. нѣшто такъ можно болгаръ обижать?

А-а-а... вотъ она, разгадка нашего русскаго увлеченія! Вотъ какъ вопросъ просто рѣшается. Вотъ почему поѣхали въ Сербію всѣ мы, русскіе! Вотъ почему становятся подъ знамена всѣ въ одинъ рядъ, безъ различія званія, лѣтъ, положенія, партій и національностей! Вотъ почему сошлись на полѣ битвы: солдаты, полковники, мѣщане, крестьяне, купцы, студенты, либералы, социалисты, и т. д.

— Я не знаю какъ вы, сказалъ я французъ:—а мы, русскіе, пріѣхали сюда мстить туркамъ за болгаръ. Затѣмъ пріѣхалъ и Черняевъ! Развѣ можно его осуждать за это?

— Я не осудилъ бы его, отвѣтилъ французъ:—если бы подъ вліяніемъ этого увлеченія Черняевъ всталъ въ строй

простым добровольцем. Но ведь онъ командующій арміею чужаго народа! Былъ ли онъ вправѣ съ ничтожною, въ сущности, толпою сербовъ мстить за болгаръ, которые его даже не поддерживали? Ну, и получилась въ концѣ концовъ какая-то ерунда въ результатъ: сербы мстить и умирають за болгаръ, а болгары служатъ шпионами туркамъ; черногорцы отказываются драться въ рядахъ сербовъ, а сербы недовольны русскими.

„Что съ нимъ разговаривать, съ этимъ фраздузомъ! подумаль я:—все это нужно провѣрить самому“.

И... подъ влияніемъ такой мысли я заснулъ крѣпкимъ сномъ утомленнаго человѣка.

Сильный стукъ въ изголовье моей кровати разбудилъ меня съ расвѣтомъ; оказалось, что кровать моя стояла какъ разъ противъ затворенной двери, выходившей на улицу. Я открылъ глаза, выглянулъ въ окно. Солнышко подымалось надъ горизонтомъ, ярко, весело врываясь своими лучами въ нашу общую спальню. Было необыкновенно тепло и тихо въ воздухѣ. За то на улицѣ Парачина была уже суматоха; стоялъ гулъ скрипа телегъ, смѣшаннаго съ человѣческими возгласами. Толпа, какъ и вчера, двигалась вдоль и поперекъ улицъ.

Воложтеръ-мѣщанинъ еще спалъ, французъ торопился уѣхать въ Бѣградъ. Онъ простился со мною, обмѣнявшись комплиментами истаго парижанина. Въ углу нашей комнаты я замѣтилъ новаго человѣка. Какой-то длинный, худощавый господинъ, въ длинномъ потасканномъ сюртукѣ, въ картузѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ необыкновенно вонючею сигарою въ зубахъ, сидѣлъ за маленькимъ столомъ и былъ занятъ какою-то письменною работою. Передъ нимъ стояла бутылка пива и маленькая походная чернильница. Длинная фигура изрѣдко

останавливалась писать, затягивалась своею вонючею сигарею, выпускала струйку сѣро-желтаго дыма и вперяла свой взоръ черезъ окно въ даль пространства. Фигура долго смотрѣла въ эту даль пространства, затѣмъ принимала въ себя два глотка пива, снова нагибалась къ столу и снова что-то нализывала на бумагу. Человѣкъ этотъ имѣлъ видъ „сочинителя“ не въ смыслѣ литературномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Фигура обратилась ко мнѣ на нѣмецкомъ языкѣ, когда я прошелся по комнатѣ:

— Вы говорите по нѣмецки?

— Говорю.

— Вы изъ арміи ѣдете?

— Нѣтъ, я ѣду въ армію... а что?

— Такъ, я думалъ, что вы ѣдете изъ арміи, хотѣлъ собрать отъ васъ кой-какія свѣдѣнія.

— Зачѣмъ вамъ онѣ?... Вы корреспондентъ?

— Я помощникъ корреспондента одной вѣнской газеты, иначе говоря, его агентъ? Самъ корреспондентъ находится въ Бѣлградѣ.

Такимъ образомъ я имѣлъ дѣло съ однимъ изъ закулисныхъ представителей вѣнской прессы. Представитель разговаривалъ со мною и между прочимъ передалъ мнѣ способъ составленія корреспонденцій. Оригинальный способ! Большинство изъ корреспондентовъ нѣмецкихъ газетъ жило въ продолженіе войны постоянно въ Бѣлградѣ. Они не ѣздили въ армію, потому что встрѣчали затрудненія въ министерствѣ на полученіе „объявы“ и потому, что Черняевъ не пускалъ ихъ въ армію. Такъ, покрайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ агентъ вѣнскаго корреспондента.. Свѣдѣнія въ Бѣлградѣ получались ими съ трудомъ, такъ какъ ихъ оппозиціонное направленіе не могло нравиться

правительству и публикѣ. Частныя лица, бѣлградцы, не могли ничего передавать корреспондентамъ, потому что они сами, какъ сказано выше, бродили во мракѣ неизвестности относительно военныхъ событій дня. Поэтому каждый изъ корреспондентовъ заручался своимъ агентомъ; агентъ incognito отправлялся въ мѣста, ближайшія къ арміи, гдѣ и терся среди народа, собирая разные свѣдѣнія для своего патрона. Такого рода приѣмъ давалъ возможность корреспондентамъ спокойно жить въ Бѣлградѣ и отъ нечего дѣлать сочинять дуэли съ русскими добровольцами.

Агентъ былъ очень золъ. Должно быть не было достаточнаго матеріала, а нужно было посылать письмо своему патрону. Чтобы сорвать накопившее зло, онъ началъ ругать Черняева.

— Какой порядочный полководецъ будетъ запрещать свободное пребываніе корреспондентамъ въ арміи!.... das ist ja schweinerei!... кричалъ длинный нѣмецъ.

X.

Делиградъ. — Сербскія и турецкія позиціи. — Мирныя занятія въ штабѣ.

Версты за двѣ до Делиграда извилистая дорога вѣзлась въ лѣсную чащу, откуда уже выходила на Моравскую долину. Мы вѣхали въ лѣсокъ. Послышался барабанный бой. Сердце мое дрогнуло. И немудрено! Судите сами: я приближался къ мѣсту кровавыхъ битвъ; я ѣхалъ туда, твердо рѣшившись вступить въ ряды сербской арміи. Быть можетъ завтра, быть можетъ даже се-

годня первая граната въ моей жизни попнеть у моего ногъ и первыя сотни пуль просвижутъ надъ моею головою! Быть можетъ завтра, а быть можетъ и сегодня какой-нибудь шальной осколокъ, это страшное орудіе смерти, распоретъ мнѣ животъ или какая-нибудь глупая пуля покончитъ съ моею существованіемъ. Развѣ можно было не волноваться?

Откровенно говоря, я предполагалъ худшее, когда вѣхалъ въ армію. Советую всѣмъ предполагать худшее, когда кто-нибудь изъ васъ рѣшится идти на войну первый разъ въ жизни. Когда вы предполагаете худшее, — вы постепенно привыкаете къ этой мысли „худшаго“; мысль эта перестаетъ васъ тревожить, страшить, и вы сами не замѣтите перелома въ самомъ себѣ отъ понятной жажды жизни къ равнодушію собственнаго существованія. Иначе вы будете трусить.

Барабанъ выбивалъ тактъ маршировки. Я слышалъ, какъ къ барабанному бою присоединился рѣзкій звукъ сигнальнаго рожка. На дорогѣ показались двѣ роты какого-то баталіона. По первому же взгляду было замѣтно, что шли двѣ роты иррегулярнаго войска, а не солдаты — „военная косточка“. Въ нихъ не было выправки, согласія, деревянности армейскаго воина. Шли они вяло, не въ ногу, какъ то сгорбившись, растянувшись и держали свои ружья на разныхъ плечахъ; при двухъ ротахъ не было ни одного офицера. Встрѣтившись со мною, унтер-офицеръ изъ сербовъ, который велъ эти роты, ограничился дружескимъ кивкомъ головы безъ отданія воинской чести.

За лѣскомъ широко развернулась Моравская долина.

— Гдѣ же Делиградъ? спросилъ я возницу при видѣ долины, окаймленной хребтами горъ, — долины, на кото-

рой бѣжали передо мною всего лишь два дома, да замѣтно было нѣсколько деревенскихъ хатъ, прятавшихся въ зелени правѣе отъ дороги.

— А вотъ же Делиградъ, указаль мнѣ сербъ на бѣлые дома:—а тамъ далѣе будетъ Алексинацъ. Тебѣ куда надо ѣхать—въ Делиградъ или Алексинацъ?

— Вези меня въ штабъ Черняева.

Сербъ проѣхаль первый домъ, оставивъ его влѣво отъ дороги. Очевидно въ этомъ домѣ помѣщалась когда то міана, а въ настоящее время надъ дверями висѣлъ бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ перевязочнаго пункта. Мы миновали мостъ, у котораго стояли часовые, проѣхали еще мимо одного дома и свернули съ дороги нѣсколько правѣе къ бѣлому одноэтажному зданію, стоящему особнякомъ въ сторонкѣ. Я почему то мечталъ найти въ Делиградѣ лагерь со всеми его атрибутами, т. е. палатками, цѣнью часовыхъ, постройками и т. д. и т. д. Ничего подобнаго я не встрѣтилъ. Стоялъ себѣ просто домикъ штаба, окруженный заборомъ съ двумя воротами. У воротъ стояло по два человѣка часовыхъ. Рядомъ съ домомъ, подъ открытымъ небомъ, на землѣ горѣли костры, на огнѣ которыхъ сербы варили себѣ „паприкашъ“; здѣсь помѣщался караульный при штабѣ батальонъ. Далѣе, сзади батальона, возлѣ дороги, тянулись палатки, построенныя рѣдко изъ досокъ, а болѣе изъ древесныхъ сучьевъ, и покрытыя лиственницей. Въ ближайшихъ къ дому палаткахъ помѣщались штабные офицеры, затѣмъ шли палатки мѣтнаго коменданта, почта, двѣ импровизованныя „кафаны“. За кафанами гнѣздились нѣсколько деревенскихъ домовъ, покинутыхъ жителями; затѣмъ шла дорога, ведущая въ сторону, по направленію къ Крушевацу, Шильговацу и т. д., и наконецъ тянулся тотъ лѣсокъ, изъ

котораго мы выѣхали. Въ лѣсу, тамъ и сямъ, стояли бивуакомъ нѣсколько батальоновъ и тѣ части кавалеріи, которыя находились въ Делиградѣ. По другую сторону штабнаго дома замѣтны были навѣсы штабной конюшни. Делиградъ защищался нѣсколькими батареями, воздвигнутыми частью на отдѣльныхъ высотахъ, въ глубинѣ долины, частью же внизу, поперекъ самой долины. Независимо отъ батарей, задній фась Моравской долины былъ защищенъ фортификаціонными работами, какъ то: волчьими ямами, рвами, искусственными преградами и т. д. Одна дорога шла вдоль лѣвой стороны долины (если смотрѣть по направленію къ Нишу) въ Алексинацъ, другая поворачивала при началѣ долины вправо, шла мимо двухъ деревень и, врываясь въ возвышенности, поворачивала влѣво вокругъ джунисскихъ высотъ и затѣмъ уже, скрывшись отъ глаза наблюдателя изъ Делиграда за высотами сначала Джуниса, Каоникъ, потомъ Раговицы, шла почти параллельно алексинацкой дорогѣ. Короче, для болѣе нагляднаго объясненія всѣхъ позицій прошу читателя представить себѣ долину, окруженную горами. Встаньте вы въ глубинѣ долины, лицомъ по направленію къ Нишу, — и вы увидите рѣку Мораву, идущую съ правой стороны долины, поперекъ ея. къ Алексинацу, т. е. къ лѣвому ея окончанію. Стѣнами этой долины служатъ: съ лѣвой стороны возвышенность, по которой идетъ дорога въ Алексинацъ; въ одномъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Делиграда, эта дорога поворачивается въ селеньице Бобовясты: съ правой стороны долины идутъ высоты: Джунисъ, Каоникъ, Раговицы, Суповацъ и т. д. Фонъ долины образуютъ отдѣльныя высоты съ отдѣльно воздвигнутыми батареями. Теперь представьте вы себѣ, что въ эту долину со стороны Ниша вливается отдѣль-

ная возвышенность, которая идетъ мимо Алексинаца съ одной стороны и мимо Раговицъ съ другой стороны (Алексинацъ почти *vis-à-vis* съ Раговицами), тянется почти параллельно алексинацкой дорогѣ слѣва и высотамъ Раговицъ и Каоникъ—справа. Это отдѣльная гора, въ началѣ (т. е. начиная съ Раговицъ и Алексинаца) очень высокая, склоняется по мѣрѣ своего мысообразнаго вторженія въ Моравскую долину и, дойдя или, вѣрнѣе, упершись въ правый берегъ пересѣкающей долину рѣки Моравы, переходитъ въ плоскую долину. Это отдѣльная, мысообразно-врывающаяся въ долину высота была занята турками. Сербскія войска окружали турецкую позицію, начиная съ Алексинаца, Бобовистъ, Делиграда и затѣмъ кругомъ: джунисскими, каоникскими, раговицкими и суповацкими высотами. Такимъ образомъ Алексинацъ, Бобовисты и Делиградъ были отдѣлены отъ турокъ рѣкою Моравою; *vis-à-vis* Алексинацу приходились раговицкія высоты, но тотъ и другіе были отдѣлены высотами турецкихъ позицій. Делиградъ и Алексинацъ были отлично защищены отъ турокъ, этому способствовала сама природа. Всякая попытка турокъ перейти рѣку Мораву и ударить на Алексинацъ или Делиградъ была бы безуміемъ ихъ полководца, такъ какъ сербскія батареи отлично обстрѣливали непріятеля, спускающагося въ долину. Но тѣмъ не менѣе нетрудно было замѣтить, что и турецкія позиціи были чрезвычайно сильны. На трехъ господствующихъ пунктахъ ихъ высоты турки воздвигнули три главныхъ батареи по линіи этой высоты, врывающейся въ долину. Эти батареи обстрѣливали главнымъ образомъ Алексинацъ съ одной стороны и сербскія позиціи, начиная съ Каоникъ, съ другой стороны. Затѣмъ у турокъ были и другія батареи, воздвигнутыя въ разныхъ мѣ-

остахъ. Защита всѣхъ позицій, начиная съ Каоникъ (Раговицы, Вубовацъ, Оуповацъ), была ввѣрена отдѣльному корпусу Хорватовича. Это былъ правый флангъ сербской арміи. Такимъ образомъ позиціи полковника Хорватовича были во всякомъ случаѣ отвѣтственныя позиціи остальныхъ сербскихъ начальниковъ по ту сторону Моравы. Нельзя было также не замѣтить, что турки были дѣйствительно сосредоточены на сравнительно съ нами меньшемъ пространствѣ; сербскія войска, окружая турокъ съ трехъ сторонъ, были растянуты ужасно. Последніе боевые факты моего разсказа покажутъ, насколько были сербы растянуты и насколько они ослабѣвали вслѣдствіе этой растянутости. Конечно маневръ турокъ, занявшихъ такую позицію, окруженную сербами съ трехъ сторонъ, казался дерзкимъ маневромъ; потому что представьте вы одно успѣшное нападеніе сербовъ съ крайняго ихъ праваго фланга и съ крайняго лѣваго,—и... турки отрѣзаны отъ Ниша, армія ихъ окружена, а пожалуй и уничтожена непріятелемъ! Я никогда не принадлежалъ къ числу сторонниковъ военныхъ талантовъ турецкихъ полководцевъ, но долженъ признать, что въ сербско-турецкую войну турки должно быть сознавали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Занимая свои позиціи, турки или разсчитывали на свои силы, на сильныя подкрѣпленія, оставшіяся въ Нишѣ, или же они просто были *совершенно упреты* въ томъ, что сербы не въ силахъ ихъ отрѣзать отъ Ниша. Въ противномъ случаѣ они бы не рисковали быть окруженными сербами съ трехъ сторонъ. Окончательный планъ дѣйствій турокъ доказалъ, что въ турецкомъ генеральномъ штабѣ были хорошіе совѣтники. Вспомните, какъ это было: сначала турки разбили, отдѣлили отъ Черняева и оттиснули корпусъ Хорватовича, потомъ взя-

ли отдельно Джунисъ, а потомъ уже ждалъ конецъ они приступали къ бомбардированію Алексинаца и Делиграда. Турки вступили въ Алексинацъ бѣсъ боя уже послѣ того, какъ сербы отступили съ джуниескихъ высотъ; такимъ образомъ вы видите, что турки не поспѣли сначала туда, гдѣ сама природа помогала сербамъ. Турки сначала разбили Хорватовича, а потомъ уже начали тѣснить Черняева. Теперь вы видите, какое громадное вліяніе имѣли успѣхъ или потери корпуса Хорватовича на исходъ войны. Если я последовательно расскажу вамъ дѣйствія арміи Хорватовича, то вы усвоите себѣ общій и частные планы войны. Изъ этого легко понять, что самое ответственное, самое серьезное положеніе было: положеніе полковника Хорватовича. И дѣйствительно, за время моего пребыванія въ Сербіи, самые серьезные, самые жестокіе, кровопролитные бои были: между турками и Хорватовичемъ, какъ то: 16-го, 18-го сентября, 7-го, 8-го, 9-го и 17-го октября.

Делиградъ былъ оживленъ достаточно, когда я въѣхалъ въ него. Но это было какое то странное оживленіе, вовсе не военное. Положимъ, что въ этотъ день не было боя, но опять-таки, я не встрѣтилъ того, чего ожидалъ. Мимо Делиграда тянулись все тѣ же переселенцы изъ Алексинаца. Много крестьянъ, даже бабъ, дѣтей, тѣснилось на дорогѣ; много всадниковъ—боевыхъ кавалеристовъ и простыхъ смертныхъ; много воловъ, телѣтъ, но не было войска, не слышно было сигналовъ, и нигдѣ не видно было передвиженій этого войска, какъ будто его вовсе не было! Короче, весь Делиградъ, какъ будто бы, находился подъ вліяніемъ мирнаго настроенія и вовсе не похожъ былъ на мѣстечко, приведенное на военное положеніе, и притомъ еще на резиденцію главнаго войскаго штаба.

Сербъ-возница подвезъ меня къ воротамъ штабнаго дома. Я вошелъ во дворъ. На дворѣ были раскинуты двѣ, три палатки. На балконѣ, окружавшемъ домикъ, толпилось нѣсколько молодыхъ офицеровъ. На груди одного изъ нихъ висѣлъ: Таковский крестъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ одинъ изъ ординарцевъ Черняева, нѣкто Мусинъ-Пушкинъ, возведенный въ званіе „героя“, но бывшій всегда почему то предметомъ злыхъ насмѣшекъ и попрековъ остальныхъ штабныхъ офицеровъ. Вообще на балконѣ толпились офицеры штаба въ ожиданіи обѣда. Между ними я нашелъ одного изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, молодаго офицера.

— И вы пріѣхали въ Сербію? спросилъ онъ меня.

— Какъ видите.

— Корреспондентомъ?

— Нѣтъ, хочу поступать въ армію.

Я обратился къ Мусину-Пушкину:

— Можно явиться къ Черняеву?

— Генераль занятъ. Генераль принимаетъ только до 9 часовъ утра, важно замѣтилъ мнѣ Мусинъ-Пушкинъ.

Оказалось, что онъ былъ дежурнымъ въ этотъ день.

Остальные офицеры молча слушали нашъ разговоръ, не безъ любопытства осматривая меня съ головы до ногъ.

— Значить мнѣ надо ожидать завтрашняго дня?

— Значить! рѣзко отвѣтилъ мнѣ тотъ же офицеръ.

— Куда бы мнѣ вещи свои убраться?

— А ужъ этого я не знаю!..

— Гдѣ бы можно было закусить?

— Гдѣ хотите, тамъ и закусывайте, отвѣтилъ мнѣ дежурный. Здѣсь есть одна кафана, только едвали вы теперь что нибудь найдете въ ней.

— Что же?.. мнѣ такъ и быть безъ ѣды?

Мусинъ-Пушкинъ пожалъ плечами.

— Здѣсь всё мы на военномъ положеніи, ко всему надо привыкать.

Въ это время кто то крикнулъ:

— Господа! обѣдать!.. обѣдъ поданъ.

Всѣ опрометью бросились въ корридоръ дома. Я одинъ только и остался на дворѣ.

Прекрасный приѣмъ! Нечего было дѣлать, пошелъ я отыскивать кафану. Во время моего приѣзда въ Делиградъ было всего двѣ кафаны; въ одной можно было найти раки, вино и кофе, въ другой, „полевой“, т. е. построенной въ полѣ, приготавлиали „паприкашъ“, „капусъ“ и „свиное мясо“, но приготавлиали одинъ разъ въ день; къ 2 часамъ по полудни въ кафанѣ уже трудно было достать что нибудь. Я приѣхалъ послѣ 2 часовъ; такимъ образомъ въ первый день моего приѣзда въ Делиградъ, я буквально ничего не ѣлъ. За то на другой день, наученный горькимъ опытомъ, я съ утра нашелъ продавцовъ жаренаго мяса и запасся цѣлымъ полбараномъ. Продавцы: крестьяне жаренаго мяса и хлѣба помѣщались обыкновенно въ одинъ рядъ въ сторонѣ отъ шоссеиной дороги. Впослѣдствіи явились и конкуренты—кафанщики, но это случилось только впослѣдствіи, когда стало притекать больше русскихъ добровольцевъ.

Проголодавши цѣлый день, не доставало только остаться безъ ночлега. Я отыскалъ моего знакомаго изъ штабныхъ и помѣстился въ одной изъ штабныхъ палатокъ.

Офицеры играли въ карты и разговаривали между собою о турецкихъ событіяхъ. Какой это былъ странный разговоръ!

— Вы слышали, господа, какъ вчера М. отличился?

— Уголъ отъ рубля!.. а что?..

— Черняевъ его посылаетъ на батарею; а онъ, кажется не добавая до нея, привозить ему отвѣтъ...

— На квить!.. Что же такое?.. Посмотрите, господа, М. получить Таковский крестъ.

— Твоя бита!.. М. получить такъ же Таковский крестъ, какъ и Мусинъ-Пушкинъ получилъ.

— Дама, дама!.. пойду на пе!..

— А какъ же Мусинъ-Пушкинъ получилъ?

— Ты развѣ этого не знаешь?.. Ахъ, чортъ возьми!.. второй карты не даешь!.. свинство!

— Какъ не знаешь?.. знаю!.. Мусинъ-Пушкинъ мостъ сжегъ.

— Три рубля карта!

— Какой мостъ?.. никакого моста у турокъ не было!..

— Три рубля биты!.. Что ты говоришь! я самъ этотъ мостъ видѣлъ.

— Значить врешь!

— Былъ мостъ!

— Не было моста!..

— Господа!.. я начинаю!..

— А вы знаете, кажется майора П. смѣнять?

— Давно пора!

— Дай дукать въ займы!..

— Съ карты не даю!.. убирайся къ чорту!.. А что майоръ сдѣлалъ?

— Говорятъ, пьянъ напился, бой завязалъ.

— Онъ всегда пьянъ!.. Я кончаю играть.

— Сколько выигралъ?.. сколько выигралъ?.. сыплется со всѣхъ сторонъ.

Банкометъ молча собираетъ деньги и уходитъ изъ палаты на свѣжій воздухъ.

Публика ложится на койки, долго перемиывает еще многихъ, сводить все какъ то на мелочные интересишки и наконецъ около полуночи засыпаетъ до ранняго утра.

XI.

Штабъ Черняева.

Мелочные интересишки свойственны мелочнымъ людямъ. Съ глубокимъ убѣжденіемъ, съ полнымъ сознаніемъ истины своихъ словъ, не принимая на душу свою никакого грѣха, — я говорю, что никогда въ жизни ни въ одномъ коллективномъ учрежденіи я не встрѣчалъ такого подбора, такого сброда мелочныхъ людишекъ, какихъ я встрѣтилъ въ штабѣ генерала Черняева. Штабъ Черняева порицали не разъ въ нашей печати, и въ этомъ отношеніи мнѣнія пишущихъ не расходились. Прежде всего я долженъ замѣтить, что, за исключеніемъ немногихъ, штабъ Черняева состоялъ изъ молодыхъ офицеровъ въ малыхъ чинахъ. Сербовъ было очень мало при штабѣ Черняева, а именно: экономъ, кассиръ, начальникъ артиллеріи, кажется еще начальникъ кавалеріи, главный врачъ и еще два, три какихъ-то сербскихъ офицера. Число русскихъ офицеровъ въ штабѣ Черняева увеличивалось постепенно по мѣрѣ приближенія времени къ концу кампаніи. Изъ высшихъ чиновъ я зналъ: Дохтурова, Комарова и Монтеверде; остальные были молодые ординарцы и адъютанты. Последнюю группу можно было раздѣлить на людей двухъ категорій: на людей съ хорошими аттестаціями отъ своихъ высокопоставленныхъ родителей (благодаря рекомендательнымъ пись-

мамъ послѣднихъ) и на людей съ дурною аттестаціею отъ своего начальства, — на людей, почти-что келейно выгнанныхъ изъ русской службы. Незнаніе своихъ обязанностей, отсутствіе такта, образованія, специальной подготовки, ухарство въ мирной обстановкѣ шалаша и трусость на позиціи, совершенное отсутствіе малѣйшаго дарованія, таланта, напротивъ тупость, доходящая въ нѣкоторыхъ личностяхъ чуть-чуть не до идиотизма, при всемъ при этомъ извѣстная доля армейскаго нахальства, претензія казаться *чѣмъ-то* въ родѣ *чего-то* и даже полнѣйшее отсутствіе чести въ нѣкоторыхъ изъ нихъ — вотъ собственно отличительныя черты характеровъ гг. бывшихъ штабныхъ офицеровъ генерала Черняева. Я убѣжденъ въ томъ, что всякій порядочный, развитый человекъ не въ силахъ былъ бы выдержать подобнаго общества и, будучи назначенъ въ штабъ Черняева, бѣжалъ бы изъ него при первой возможности. Я конечно не преувеличиваю; въ доказательство своихъ словъ имѣю рядъ личностей и фактовъ.

Первый спутникъ Черняева, имя котораго надѣлало много шума въ печати, — былъ Измайловъ. Откуда явилась эта личность, кто онъ такой, чѣмъ онъ замѣчателенъ, по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько извѣстенъ, — объ этомъ никто ничего не зналъ. Знали только, что Измайловъ у Черняева въ Сербіи, думали, что Измайловъ близокъ къ Черняеву. Явился наконецъ самъ Измайловъ съ довольною фізіономіею въ Москву во время войны, подобно тому какъ провинціальный актеръ является послѣ удачно-исполненной имъ роли въ театральнѣйшій буфетъ, переполненный купечествомъ. Зашумѣла московская публика, застрочили репортеры, загудѣли трактирные органы, взамѣнъ колоколовъ, и повезли московское купе-

чество Измайлова изъ одного трактира въ другой. Приѣзжаютъ въ „Эрмитажъ“, церемоніймейстеръ спрашиваетъ публику: „Знаете, кого привезли?“ — „Кого?“ — „Измайлова привезли изъ Сербіи“. — „Го!..го!..го!“, гудитъ публика — другі! освободитель!.. шамнанскаго!“ и... пошла писать!.. Съ той торжественной минуты каждый шагъ Измайлова описывался въ московскихъ газетахъ и съ жадностью перепечатывался петербургскою прессою. Надавали Измайлову кучу денегъ, торжественно отправили обратно въ Сербію. Взявъ Измайловъ эти деньги, приѣхалъ въ Сербію. И что же?—Оказывается, что Черняевъ *ошибся* въ Измайловѣ. Измайловъ быстро сходитъ со сцены.

На сценѣ театра войны появляются новыя личности: Комаровъ, и Монтеверде; Комаровъ въ качествѣ начальника штаба, Монтеверде — въ качествѣ помощника послѣдняго.

Оставляя въ сторонѣ ихъ подробную характеристику, какъ людей, давно уже сошедшихъ со сцены—я замѣчу только, что обыкновенно съ каждымъ штабомъ слишкомъ тѣсно связывается имя главнокомандующаго. Штабъ главнокомандующаго отвѣтствуетъ за нравственное состояніе войскъ, раздѣляетъ горе и радости главнокомандующаго, принимаетъ на себя нравственную отвѣтственность за исходъ дѣла, наконецъ характеризуетъ самого главнокомандующаго, попадетъ въ исторію вмѣстѣ съ нимъ. Неужели этого всего не зналъ генералъ Черняевъ? Неужели Черняевъ, этотъ умный человѣкъ, каковымъ его привыкла считать извѣстная часть нашего общества, могъ довольствоваться обществомъ какихъ-то недоучившихся мальчишекъ, дышать съ ними однимъ воздухомъ, денно и ночью жить подъ одною кровлею, дѣлить горе и радости? Не-

ужели онъ могъ находить въ нихъ известную опору, советниковъ въ своемъ трудномъ дѣлѣ? Или ему вовсе не нужны были эти советники? Или онъ нарочно приглашалъ въ штабъ именно такихъ людей, которые не могли бы быть его опорой? Или Черняевъ рассчитывалъ на успѣхъ и въ случаѣ успѣха хотѣлъ удержать этотъ успѣхъ всецѣло за собою, отсираяя отъ него весь свой штабъ? Или наконецъ подобная среда могла дѣйствительно удовлетворять его, сливаться съ нимъ?

Я оставляю эти вопросы открытыми. Правда, меня могутъ спросить: были ли вообще такіе люди въ Сербіи, изъ которыхъ можно было бы составить порядочный штабъ? На это я отвѣчу, что были такіе, изъ которыхъ во всякомъ случаѣ можно было бы составить болѣе порядочный, болѣе нравственный штабъ, чѣмъ онъ былъ. Если не было геніевъ, высокоталантливыхъ людей, то во всякомъ случаѣ были люди не безъ дарованія — и дѣльные, и честные.

XII.

Впервые на позиціи.

Что-то очень рано проснулся штабъ. Засуетились. Но вся это суета казалась какой-то безцѣльной суетой. Офицеры то входили въ штабный домъ, толкались въ коридоры, то снова выходили на дворъ, группировались на балконѣ, болтали. Въ это время подъѣжали новые волонтеры. Наконецъ около 9 часовъ утра на балконъ выскочилъ штабъ-офицеръ, стройный блондинъ, человѣкъ средняго роста, съ голубыми глазами, длинными, блѣ-

курыми усами, съ видомъ атлета-гусара, съ напыщенною важною въ лицѣ и въ голосѣ, съ быстротою прислушивающагося человѣка въ движеніяхъ. Онъ произнесъ скороговоркою:

— Гдѣ дежурный офицеръ?.. господинъ дежурный офицеръ?.. потрудитесь приготовиться!.. генераль идетъ на позицію.

Это былъ Монтеверде.

Штабные офицеры бросились съ балкона, кто въ конюшни, кто въ палатки.

Я подошелъ къ Монтеверде.

— Честь имѣю явиться! такой-то!..

— Вы являлись къ начальнику штаба? служебно спросилъ меня Монтеверде.

— Нѣтъ еще.

— Потрудитесь явиться! приказалъ Монтеверде и побѣжалъ отъ меня прочь къ корридору.

— Гдѣ тутъ начальникъ штаба? обратился я къ дежурному офицеру.

— Вотъ онъ, выходитъ отъ Черняева.

Изъ комнаты главнокомандующаго вышелъ въ корридоръ Комаровъ.

Я представился Комарову.

— Очень хорошо-съ, сказалъ мнѣ Комаровъ: — Вы являлись къ главнокомандующему?

— Нѣтъ еще, но я желалъ бы явиться къ нему.

— Теперь онъ занятъ, я представлю васъ послѣ. Отдайте вамъ паспортъ въ канцелярію, я васъ назначаю въ луковскія войска. Тамъ нуждаются въ офицерахъ.

Комаровъ удалился въ свою комнату, смежную съ комнатою Черняева.

Минуть черезъ пять отворилась дверь главнокоман-

дующаго; на порогѣ появилась фигура Черняева. Онъ былъ одѣтъ въ походный зипунъ, съ генеральскими вы-
тушками на плечахъ, въ красныхъ чикчирахъ, въ боль-
шихъ сапогахъ, съ крестомъ на шеѣ. Все что было въ
корридорѣ,—все это сразу вытянулось. Черняевъ, накло-
нивъ нѣсколько голову, прошелъ быстрымъ шагомъ по
корридору и вышелъ на балконъ. Толпа хлуныла за нимъ.
На дворѣ стояли: осѣдланые кони. Черняевъ и весь его
штабъ сѣли на коней и, шагомъ выѣхавъ за ворота, по-
вернули направо, по направленію къ Алексинацу.

— Куда они поѣхали? спросилъ я дежурнаго.

— На позицію. Сегодня предполагается бой въ Бо-
бовистѣ.

Лишь только офицеръ произнесъ фразу,—пушечные вы-
стрѣлы огласили спокойный воздухъ тихаго лѣтняго утра.

Черняевъ еще не доѣхалъ до позиціи.

Пушечная пальба вошла въ свои права.

Я вышелъ на шоссе и всталъ задомъ къ
штабному дому. Вправо отъ меня раздавалась рѣдкая
пушечная пальба; влѣво заиграли горны и барабаны, за-
били походный маршъ. Я оглянулся въ сторону этихъ
звуковъ и увидѣлъ, какъ изъ лѣсу вышли 2 батальона
и приближались къ штабу. Впереди батальона ѣхалъ
на маленькомъ конѣ капитанъ, батальонный коман-
диръ, плотный мужчина съ черною, круглою бородою;
въ петличкѣ у него былъ Георгіевскій крестъ. Рядомъ
съ нимъ ѣхалъ адъютантъ въ какой-то блузѣ на подобіе
блузъ французскихъ рабочихъ. Сзади ихъ тянулся ба-
тальонъ съ чернымъ знаменемъ, на черномъ фонѣ кото-
раго былъ изображенъ бѣлый черепъ съ перекрещенными
бѣлыми костями. Знамя принадлежало пластунамъ, храб-

рѣйшей части сербскаго войска. Вотъ звуки горна и барабана умолкли, нѣсколько голосовъ грянули пѣсню:

„Ахъ, вы сѣни мои, сѣни,
Сѣни новыя мои!“

Боже! то были русскіе! Я бросился въ сторону этого батальона и съ какою-то жадностью, съ какимъ-то дѣтскимъ любопытствомъ началъ осматривать русскія лица. Впереди всѣхъ, въ первой линіи, шли исключительно русскіе запѣвалы. Бодрый видъ этихъ молодцовъ, ухарство русской натуры сразу дали о себѣ знать. Далѣе люди были смѣшаны. Въ батальонѣ, были перемѣшаны: болгары, сербы и русскіе. Повзводно и поротно шли русскіе офицеры. Офицеры тоже храбрились, прибодрялись, старались смотрѣть такъ весело, смѣло, но... какой-то неестественною веселостью казались вдохновленными эти люди. И въ голосѣ самой пѣсни звучала какая-то дребезжащая нотка, и въ движеніяхъ этихъ добровольцевъ было что-то искусственное, натянутое, и храбрость ихъ казалась напускною, не искренною, и во взглядѣ офицеровъ сверкала какая-то принужденная бойкость. Батальоны дошли до штаба.

— Стой! крикнулъ командирь.

— Максимовъ! Здравствуй! бросился ко мнѣ одинъ молодой офицеръ Совримовичъ. *)

Мы обнялись.

— Куда васъ гонять?

— Въ бой! Прощай!.. въ случаѣ чего не поминай лихомъ!..

Сказалъ онъ это такъ просто, храбро, смѣло, бодро, а... голосъ его все-таки дрожалъ. Я взялъ его за руку,

*) Впослѣдствіи онъ былъ тяжело раненъ въ первомъ же бою 16-го сентября, онъ былъ убитъ турками и разрубленъ по частямъ.

—она была и холодна, и какъ-то нервно увертлива. И какъ-то особенно выговорилъ онъ это слово: „прощай!“, такъ какъ вотъ ни одинъ актеръ не выговорить! На всю мою жизнь запечатлѣлось это воспоминаніе. Въ этомъ простомъ, въ сущности малозначущемъ, холодномъ: „прощай!“—Совримовичъ высказалъ и удалъ, и безнадежность, и радость, и тоску, и прелесть жизни, и ужасъ смерти.

Ахъ какъ, защемило мое сердце! Я зналъ Совримовича за хорошаго человѣка. „Ему вѣдь жить надо!“ мелькнуло въ моей головѣ. Мнѣ стало ужасно жаль Совримовича.

— Ты не боишься? нарочно спросилъ я Совримовича.

— Какой вздоръ!.. Эй! братики, нервно крикнуть онъ своимъ сербамъ;—Пѣсню! Давайте пѣсню!

А самъ такъ вотъ и егозить на мѣстѣ, какъ будто его лихорадка бьетъ.

— Ничуть не страшно! Впрочемъ знаешь... такъ, немножко! сказалъ онъ мнѣ такъ тихо, тихо, такъ искренно. Ему какъ будто совѣстно было сознаться въ томъ, что ему страшно.

Хорошій, бѣдный юноша!

Подлетѣлъ адъютантъ Чярняева, ловко остановился на всемъ карьерѣ и крикнуть:

— Батальоны, назадъ, на прежнее мѣсто! Генераль отставилъ приказаніе!.. вы нейдете въ бой!

Я обрадовался за Совримовича.

— Вы пожалуйста здѣсь не кричите, не командуйте! обидѣлся батальонный командиръ съ Георгіемъ въ петлицѣ, хладнокровнѣйшій изъ смертныхъ: — Здѣсь есть батальонный командиръ, которому вы обязаны передавать приказанія только отъ имени генерала. Понимаете?

Адъютантъ, вѣроятно свыкшійся съ подобнаго рода

афронтами; промолчать, повернуть только лошадь и поспасать въ карьеръ догонять Черняева.

— Выскочка! выругался командиръ: — Смирно! Налѣво круууу-гомъ! Пушки на лѣво раааамо! Шагомъ маршъ!...

Многіе изъ солдатиковъ, въ особенности изъ сербовъ, такъ обрадовались этому приказанію, что пошли даже въ припрыжку.

Цѣлый день меня подмывало поѣхать на позицію въ Бабовисты, посмотреть на битву, пережить впервые эти невѣдомыя мнѣ до тѣхъ поръ ощущенія. Все, рѣшительно-все интересовало меня на полѣ битвы и, признаюсь, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни не возбуждался интересъ до той степени, до какой онъ былъ возбужденъ въ данную минуту. Какъ теперь помню: во мнѣ какъ будто притушилось чувство гуманности; и мною вдругъ овладѣли какіе-то совершенно новые для меня хищническіе инстинкты; мнѣ вдругъ захотѣлось видѣть перваго попавшагося раненаго, убитаго человѣка сейчасъ же на полѣ битвы; мнѣ захотѣлось видѣть кровь, быть очевидцемъ человѣческаго страданія, слышать стоны, вопли умирающаго; меня вдругъ начала манить къ себѣ эта картина чловѣческой бойни, это удовлетвореніе жажды обоюдной смерти двухъ огнѣнѣлыхъ враговъ. Мнѣ захотѣлось взглянуть на турка на воюющаго серба, захотѣлось стать свидѣтелемъ результатовъ сегодняшняго боя, видѣть доктора, перевязывающаго раны. Я даже чувствовалъ какую-то потребность слышать звукъ гранаты, видѣть ее лопнувшюю у моихъ ногъ, познакомиться со свистомъ пуль, выпущенныхъ изъ непріятельскихъ ружей. „Что же? Стоитъ только поѣхать и посмотреть!“ думалъ я. „Посмотрѣть! легко сказать! Поѣхать и посмотреть на

полѣ битвы! Поле битвы—это вѣдь не итальянская опера! Хоръ гранатъ—это вѣдь не хоръ изъ „Фаворитки!“ Легко захотѣть поѣхать и посмотреть, но какъ-трудно на это рѣшиться!“

Главнымъ образомъ васъ удерживаетъ сознание бесполезности вашей смерти, въ случаѣ если эта смерть на первыхъ же шагахъ задумала бы подкосить ваше существованіе. А это такъ возможно, такъ просто! Умереть зрителемъ—это ужасно! Тѣмъ не менѣе жажда сильныхъ ощущеній окончательно овладѣла мною, и я обратился къ вонвойному при штабѣ уряднику съ просьбою дать мнѣ лошадь. Урядникъ адресовалъ меня къ заведующими штабными лошадьми сербскому офицеру. Офицеръ приказалъ осѣдлать коня и передать его мнѣ съ просьбою не рисковать... „У насъ такъ мало лошадей, что право жаль терять послѣднихъ!“ замѣтилъ онъ мнѣ при прощаньи. „Какой милый офицеръ! Ему не жаль было меня; ему жаль было лошади!“

День близился къ вечеру. Западная часть небосклона загорѣлась яркимъ заревомъ небеснаго пожара. Если бы не канонада нашихъ и турецкихъ батарей, дошедшая до полного разгара, въ воздухѣ было бы такъ тихо, покойно. Канонада усиливалась не по часамъ, а по минутамъ. Скоро должны были наступить сумерки. Я выѣхалъ на алексинацкую дорогу и легкою рысцою направился на Бабовисты.

Я проѣхалъ первую батарею второй линіи. Нужно было повернуть вправо, спустится въ долину и, оставляя лѣсохъ по лѣвую руку, выѣхалъ въ селеніе Бабовисты, за которымъ были берега рѣки Моравы—мѣсто сегоднѣшней битвы. Бабовисты— это собственно деревенька, расположенная въ моравской долинѣ, на низменной мѣст-

ности, на берегу узенькой, мелкой рѣчки: Моравы, въ сторонѣ отъ дороги изъ Делиграда въ Алексинацъ. Деревенька пряталась въ густой зелени орѣха, дуба и сливы, яблони и груши отъ глаза наблюдателя, провѣщающаго по алексинацкой дорогѣ.

Бабовисты, была одна изъ тѣхъ несчастныхъ деревень, которыя были брошены своими жителями на произволъ ихъ злосчастной судьбы. Передъ деревню, вдоль по рѣкѣ, тянулись плоскіе, низменные берега Моравы. Они были засѣяны кукурузою. Въ день, приведенный выше, Бабовисты—какъ одинъ изъ пунктовъ общей позиціи сербскихъ войскъ—были заняты сербскими баталіонами. Сейчасъ же по другую сторону рѣки Моравы начинались турецкія позиціи, постепенно возвышающіяся въ гору. По мѣрѣ моего приближенія къ проселочной дорогѣ, поворачивающей въ деревню, все сильнѣе и сильнѣе раздавались звуки пушечной пальбы. Вотъ наконецъ слышалась ружейная перестрѣлка. Это непрерывный, нескончаемый и въ то же время совершенно неправильный рядъ выстрѣловъ, рядъ глухихъ звуковъ, напоминающихъ удары твердыхъ тѣлъ. Но вотъ что-то загудѣло въ воздухѣ страшнымъ, заунывнымъ звукомъ, упало на землю въ двухстахъ шагахъ впереди меня, вскопало землю, подбросило куски этой земли на аршинъ слишкомъ въ высоту и разорвалось съ необыкновеннымъ трескомъ фейерверочнаго бурака. То была граната! „Ого! какъ онѣ близко падаютъ! подумалъ я:—Чего добраго!“

Лошадь вдругъ остановилась. Раздался новый выстрѣлъ, —выстрѣлъ сильный, близкій, страшный, возбуждающій всѣ нервы. Наша батарея отвѣтила туркамъ. Лошадь видя моимъ шпорамъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Но вотъ вижу: сначала огонекъ, потомъ дымъ, затѣмъ

слышу—звукъ выстрѣла издалека,—и въ воздухѣ снова страшно гудитъ убійственная граната. Конь дрогнуть всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ при звукѣ пушечнаго выстрѣла, бодро выпрямилъ свою шею, поднялъ голову, наострилъ уши; конь слушаетъ и ищетъ въ воздухѣ гудящую массу чугуна, широко раздувая своими ноздрями. Граната лопнула приблизительно въ томъ же мѣстѣ. Конь повернулся назадъ. Два-три лишнихъ удара плетью,—и молчаливое животное снова идетъ впередъ! Нѣтъ, оно не идетъ, а нервно бѣжитъ горячею рысью туда, гдѣ оно инстинктивно чувствуетъ найти опасность.

„Ѣхать ли далѣе?.. Турецкія гранаты перелетаютъ наши батареи... А какъ убьютъ?.. убьютъ бесполезно для себя и другихъ?.. убьютъ ради глупаго любопытства?“

— Гдѣ штабъ Черняева? спросилъ я пробѣжавшаго мимо меня сербъ.

— Овде!.. (Тамъ!) указалъ мнѣ сербъ на показавшіеся изъ-за зелени дома деревни Бабовисты.

„Какой вздоръ! конечно Ѣхать!.. Какое малодушіе!..“ снова ободрился я духомъ.

Я пробѣжалъ мимо резервнаго баталіона, расположеннаго сейчасъ же сзади деревенскихъ избъ.

Я въѣхалъ въ деревню. Боже! Какая пустота на улицѣ, какая глушь, какая одичалость! Ставни закрыты, двери открыты, все разбросано, разбито, полуразрушено! Стало вечерѣть. Всюду гробовая тишина! Какъ будто я въѣхалъ въ дикую мѣстность дремучаго лѣса, или на какое нибудь одичалое кладбище. Всѣ какъ будто вымерли. Одинъ только гранатный звукъ да трескотня ружейныхъ выстрѣловъ нарушали могильную тишину брошенной деревни. Я испытывалъ тѣ же чувства, какія бывало испытываешь передъ страшною грозой.

Я проѣхалъ далѣе по деревнѣ. Два-три серба проѣхали мимо меня.

— Куда бѣжите?.. Зачѣмъ?..

— Нѣма варошъ, господынэ!.. Богоми нѣма!.. (Нѣтъ патроновъ, видить Богъ, нѣтъ!), побожились сербы и опрометью кинулись въ сторону.

Гранаты падали правѣе или лѣвѣе деревни, по линіи нашихъ дѣйствовавшихъ батарей. Вдругъ вижу: просвѣтъ въ концѣ улицы; мелькнуло что-то въ родѣ голубой ленты рѣвки. Вдругъ слышу: что-то очень пронзительно просвистало мимо лѣваго уха и целенуло о стѣну ближайшаго дома. „Ахъ, это шальная пуля!.. Я, кажется, далеко забираюсь?! сейчасъ выйду на поле битвы!“ Сердце мое быстро забилося; какъ-то невольно, безсознательно я дернулъ лѣвый поводъ моей лошади. Она радостно, сильно шарахнулась въ сторону. Конь самъ собою повернулся назадъ; безъ всякихъ понужденій—онъ готовъ былъ броситься въ карьеръ. Я удержалъ коня и увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ, прятавшихся за большимъ домомъ. Подѣхавъ къ всадникамъ, я нашелъ штабъ Черняева. Всѣ штабные офицеры сидѣли верхомъ на лошадяхъ. Самого Черняева не было здѣсь; онъ находился въ это время на одной изъ батарей. Офицеры молчали. Всѣ лица присутствовавшихъ выражали тревогу, волненіе. Разговоръ какъ-то не клеился.

Я присоединился къ штабу. Къ намъ подѣхалъ тучный, здоровый всадникъ въ черногорскомъ костюмѣ. Загорѣлое лицо, добродушный взглядъ, волненіе въ лицѣ, нервность въ движеніяхъ...

— Боже мой!.. Боже мой!.. сколько моихъ юзаконъ сгинуло! проговорилъ онъ жалостнымъ тономъ.

Это былъ черногорскій воевода Врѣбица, представи-

тель Черногоріи, находившійся въ штабѣ Черняева. Онъ только-что вернулся изъ линіи огня.

— Много убито черногорцевъ? переспросилъ его одинъ изъ офицеровъ.

— Ахъ, какъ много!.. Боже мой... какъ мнѣ ихъ жалъ!.. очень много!.. и все убитые!.. мало раненныхъ...

— Впередъ лѣзутъ... оттого! хладнокровно замѣтилъ ординарецъ П.

— А вотъ сербы все удираютъ... смотрите!.. указаль воевода.

Дѣйствительно по улицѣ пробѣжало еще нѣсколько сербовъ. Два офицера бросились ихъ останавливать. Въ руки послѣднихъ попался только одинъ; остальные удрали. Я подѣхалъ къ группѣ. Молодой сербъ трясся какъ осиновый листъ. Лицо его было блѣдно какъ полотно. Его била страшная лихорадка. Онъ еле-еле произносилъ слова. Слезы такъ вотъ ручьемъ и катились изъ безумно блуждающихъ глазъ.

— Гайда напредъ!.. Гайда!.. кричали офицеры, потогняя его нагайками.

— Господыня, молимъ!.. не могу!.. Богоми не могу!.. куку моя майка (мать)!.. куку мои братья!.. куку мэнэ!.. молимъ, господыня!..

Онъ плакалъ навзрыдъ, плакалъ какъ малый ребенокъ. Слова безсвязно выходили изъ его гортани. Онъ глоталъ свои слезы, снова начинать плакать и снова глоталъ ихъ.

— Оставьте его!.. сжалился одинъ изъ офицеровъ:— какой онъ воинъ?.. посмотрите, онъ дрожить какъ осиновый листъ... Его убьютъ какъ собаку, а онъ и выстрѣла не сдѣлаетъ въ турокъ...

— Каналья!.. крикнулъ другой офицеръ, взмахнувъ нагайкой:— Гайдъ натракъ! (назадъ!)

Сербъ живо бросился бѣжать по деревнѣ.

Темнота наступала быстро. Выстрѣлы стали рѣдѣть. На улицѣ показалась новая группа людей. Шесть человекъ сербовъ несли окровавленный трупъ. Я кинулся къ трупу. Какая ужасная картина! На двухъ ружьяхъ, вѣмѣнъ носилокъ, лежалъ убитый. Изъ праваго виска струилась свѣжая кровь. Голова, руки и ноги болтались въ воздухѣ; ротъ открытъ; зубы стиснуты. Блѣдность мертвеца. Глаза открыты; они закатились за верхнюю вѣку: изъ-подъ вѣки видны одни только бѣлки. Выраженіе ужаса запечаталось въ лицѣ убитаго. Страшно было взглянуть!.. Страшно вспомнить!...

— Куда вы шесть человекъ идете?... Достаточно двухъ!.. Двое стащить убитаго!.. Гайда у лапцы? (въ цѣпь!), прогнали офицеры лишнихъ сербовъ.

Четыре серба оставили импровизованныя носилки и вернулись назадъ. Я видѣлъ, какъ они пользуясь наступившею темнотою, попрятались за крайніе дома.

— Они вонъ спрятались! указалъ я ординарцу.

— А вы думаете ихъ мало попряталось по кучамъ?.. Тутъ надо отдѣльный батальонъ, чтобы ихъ выгонять изъ домовъ.

Быстрымъ шагомъ пробѣжалъ въ это время батальонъ въ помощь сражающимся сербамъ.

— Съ Богомъ! съ Богомъ, юнацы!.. подбодрить ихъ черногорскій воевода.

— Съ Богомъ!.. Богъ помози!.. крикнули въ отвѣтъ нѣкоторые сербы.

Бѣжали сербы быстро, нервно. Нѣкоторые опять-таки отставали и прятались.

— Напредъ, братья!.. съ Богомъ!.. Напредъ!.. неистово крикнулъ батальонный командиръ изъ русскихъ

офицеровъ Онъ молодцовато взмахнулъ своею саблею и самъ кинулся впередъ батальона.

— Снадите пожалуйста, господа, не знаете ли вы, кто командуетъ цѣпью дѣйствующихъ стрѣлковъ? спросилъ полковникъ Дохтуровъ, только что подѣбхавшій къ штабной группѣ изъ линіи огня.

— А что?

— Пожалуйста узнайте фамилію этого офицера и запишите ее. Отлично дѣйствуетъ! Правильно, хладнокровно; молодцомъ распоряжается!

Одинъ изъ ординарцевъ приложилъ руку къ козырьку и отдѣлился отъ насъ. Но онъ не поѣхалъ въ линію огня.

— Поѣдѣте впередъ... посмотримъ, чѣмъ кончится бой? предложилъ Дохтуровъ черногорскому воеводѣ.

Воевода согласился. Нѣсколько офицеровъ и я присоединились къ полковнику.

Мимо насъ пронесли нѣсколькихъ тяжело раненныхъ. Одинъ стоналъ, ужасно стоналъ!..

Ведутъ лошадь подъ уздцы. На лошади еле-еле сидитъ сербскій офицеръ, свѣсившійся всѣмъ туловищемъ на бокъ. Его поддерживаютъ сербы.

— Раненъ? спросилъ полковникъ.

— Раненъ.

— Куда?

— Въ спину.

Ѣдемъ дальше. Еще нѣсколько шаговъ, — и передъ нами развернулася поляна, засѣянная кукурузою. По нашу сторону рѣки, въ кукурузѣ, была раскинута цѣпь стрѣлковъ. Было уже темно. Турокъ не было ясно видно. Видны были только огоньки отъ выстрѣловъ, рядъ непрерывныхъ огней вдоль по другому берегу Моравы. Сербы, спрятавшіеся въ кукурузу, стрѣляли въ турокъ, турки стрѣляли въ сербовъ.

Я не могу себѣ представить болѣе безсмысленнаго сраженія! Это не было сраженіе, сопряженное съ маневрами, съ отступленіями, наступленіями, атаками, передвиженіями, съ резервами или безъ резервовъ. Это было просто какое то тупое, безсмысленное побоище, избіеніе людей, черезъ маленькую рѣчку Мораву. На одномъ бѣгу турки, на другомъ — сербы. Тѣ и другіе избивали другъ друга изъ своихъ скорострѣльныхъ ружей, мѣстами пользуясь ружейными ложементами. Послѣ такого боя, сколько бы онъ ни продолжался, нельзя рѣшить, кто выигралъ и кто проигралъ. Можно только подвести итоги и въ концѣ концовъ сказать: съ нашей стороны пало столько-то, со стороны турокъ приблизительно столько-то.

Надо замѣтить, что почти всѣ битвы при Бобовистахъ отличались такою безсмысленностью, отсутствіемъ правильныхъ постѣдовательныхъ маневровъ. Въ продолженіе войны турки не разъ начинали на этомъ мѣстѣ наступленія. Очевидно, они имѣли цѣлью перейти рѣку Мораву, которая переходилась мѣстами въ бродъ, и отрѣзать Алексинацъ отъ Делиграда. Турки нападали днемъ, пробовали дѣлать и ночныя нападенія. Но ихъ попытки никогда не увѣнчивались успѣхомъ, не столько благодаря стойкости сербовъ, сколько благодаря дѣйствию сербской артиллеріи. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ турки встрѣчали такой сильный артиллерійскій огонь, гранатный и картечный, что всегда въ концѣ концовъ отступали съ большимъ урономъ для себя.

Прежде чѣмъ выѣхать на поляну, мы остановились за стѣнами одного изъ крайнихъ домовъ деревни. За этимъ домомъ находился перевязочный пунктъ. Большой домъ, плотно построенный, защищалъ доктора, его прислугу и раненыхъ, отъ долетавшихъ до этого мѣста пуль. Гра-

наты сюда не падали. Раненыхъ было такъ много, что русскій докторъ еле-еле управлялся съ ними. Тяжкихъ раненыхъ отправляли сейчасъ же на дальнѣйшіе перевязочные пункты. Здѣсь, вмѣстѣ съ докторомъ, мы нашли начальника позиціи: маіора Петерсона (въ то время онъ командовалъ этой позиціей, впослѣдствіи же былъ переведенъ на другую). Отъ маіора Петерсона я узналъ о томъ, что въ этотъ день за часъ до моего пріѣзда, былъ тяжело раненъ гранатою Гольдштейнъ. Много говорили объ этомъ случаѣ, такъ какъ Гольдштейномъ интересовались многіе. Его знали въ арміи за храброго, энергичнаго и необыкновенно хладнокровнаго воина, не терявшагося ни при какихъ обстоятельствахъ битвы. Онъ подавалъ большія надежды; онъ открыто, смѣло, честно смотрѣлъ смерти прямо въ глаза, и эта смерть зло отомстила ему за дерзость. До этого дня Гольдштейнъ отличился при защитѣ редута, которымъ онъ командовалъ подъ Алексинацемъ. Исторію его раны мнѣ передавали такимъ образомъ: Гольдштейнъ пріѣхалъ въ этотъ день на позицію изъ чувства простаго любопытства. Вотъ оно чувство любопытства-то! Гольдштейнъ встрѣтился съ маіоромъ Петерсономъ. Послѣдній предложилъ Гольдштейну выѣхать съ нимъ на позицію и прослѣдить за битвою. Гольдштейнъ сначала отпѣкивался, а потомъ согласился. Къ нимъ присоединились еще какіе то офицеры. Верхами на коняхъ они выѣхали изъ деревни и стали на открытомъ мѣстѣ. Въ группѣ были двѣ бѣлыя лошади.

— Смотрите, господа, не лучше ли намъ развѣхаться и сойти съ коней, замѣтилъ одинъ изъ нихъ: — а то турки, чего доброго, насъ гранатою подарятъ.

Не успѣлъ совѣтникъ высказать свое предположеніе,

какъ турецкая граната упала между Петерсономъ и Гольдштейномъ; граната разорвалась, Гольдштейнъ моментально упалъ съ лошади, пораженный осколкомъ гранаты въ бедро; подъ вліяніемъ страшной боли, онъ приподнялся на обѣ руки и, обратясь къ Петерсону, сказалъ ему будто бы съ укоризною:

— Что же вы удовлетворены?

— Чѣмъ?

— Видите, я исполнилъ ваше желаніе и теперь раненъ изъ любопытства.

Гольдштейна отнесли на ближайшій перевязочный пунктъ, находившійся на пути между Делиградомъ и Алексинацемъ.

XIII.

На перевязочномъ пунктѣ.

Послѣдствія показали, что бой 30-го августа при Бабовистѣ былъ однимъ изъ жаркихъ боевъ сербско-турецкой войны; въ этотъ день было много убитыхъ и раненыхъ. Наступила вечерняя мгла, и турки прекратили перестрѣлку. Все рѣже и рѣже стали раздаваться выстрѣлы съ обѣихъ непріятельскихъ сторонъ, пока не наступила окончательная тишина. Замолкли непріятельскія батареи, разрядились ружья послѣдними выстрѣлами и на обоихъ берегахъ р. Моравы ярко загорѣлись ночные костры. Мы ѣхали по полю, поминутно натываясь на сербовъ, убиравшихъ раненыхъ и убитыхъ. Черногорскій воевода занялся приведеніемъ въ ясность числа убитыхъ и раненыхъ черногорцевъ. Небольшая часть штабныхъ

офицеровъ осталась при немъ, другіе отправились отыскивать генерала Черняева. Я ѣхалъ рядомъ съ воеводою.

— Съѣздите Бога ради къ генералу Черняеву, обратился воевода ко мнѣ:—и передайте ему мою просьбу о томъ, чтобы генералъ распорядился немедленной присылкой патроновъ. Съ разсвѣтомъ турки могутъ повторить нападеніе, а у насъ патроны всё вышли.

Мнѣ дали конвоира-ординарца изъ унтеръ-офицеровъ. Мы поскакали на алексинацкую дорогу.

Выѣхавъ на дорогу, я повернулъ къ Делиграду и черезъ нѣсколько минутъ догналъ генерала. Черняевъ ѣхалъ шагомъ впереди своего штаба молча, понурия голову. Ближайшими къ нему ѣхали Комаровъ и Монтеверде. Штабные офицеры разговаривали вполголоса. Услыхавъ топотъ галопна нашихъ лошадей, Черняевъ быстро поднялъ голову, остановилъ лошадь и тревожно спросилъ меня:

— Въ чемъ дѣло?..

Я передалъ просьбу воеводы.

Черняевъ успокоился. Онъ передалъ приказаніе Комарову.

— Гдѣ же самъ воевода? спросилъ онъ меня.

— Остался на позиціи.

— Передайте ему, что приказаній никакихъ нѣтъ и что я ожидаю его у себя въ штабѣ. Я послалъ за нимъ коляску.

Если не ошибаюсь, черногорскій воевода былъ въ этотъ день слегка раненъ въ ногу. Я не засталъ воеводу на позиціи, онъ ранѣ моего возвращенія проѣхалъ въ Делиградъ.

Было около 9 часовъ вечера. Послѣ тревожнаго, громоваго, боеваго дня, наступила тихая, безмятежная ночь.

Я ѣхалъ по полю. Темнота все гуще и гуще спускалась постепенно на сырую землю и тщательно припрятывала всѣ земные предметы подъ свой таинственный покровъ; одни лишь костры ярко горѣли на возвышенностяхъ турецкаго лагеря, да тускло свѣтились два окна въ бѣломъ домѣ перевязочнаго пункта. Ни одинъ листъ на деревѣ, ни одна травка не колыхались въ этомъ тихомъ, спокойномъ воздухѣ южной ночи. Земля какъ будто замерла. За то небо... небо было полно жизни! Ни одно облачко не пятнало темно-голубаго фона безпредѣльнаго неба. Это небо дышало жизнью своихъ миллиардовъ звѣздъ. Блеснетъ ярко звѣздочка и... угаснетъ!.. угаснетъ и снова блеснетъ она, весело въ глубинѣ чарующей сферы. Боже мой! такъ вотъ и манить къ себѣ эта безпредѣльная даль небеснаго пространства! Такъ вотъ и хочется отдѣлаться отъ этой гадкой, обгащенной человѣческою кровью земли и взлетѣть туда... туда, на высоту этихъ чистыхъ небесъ! Сколько умерло людей, можетъ быть счастливыхъ людей, въ продолженіе сегодняшняго дня, въ продолженіе этой оргіи смерти! Подумаешь объ этомъ, затѣмъ взглянешь на это полное жизни темно-голубое небо, и такъ досадно сдѣлается за все человѣчество, такими гадкими, мизерными представлятся эти людишки, съ ихъ вѣчною, ненасытною враждою.

Я опустилъ поводья моей лошади. Утомленный конь медленно подвигался по тропинкѣ. Чувство моего любопытства, волновавшее меня въ продолженіе цѣлаго дня, было удовлетворено. Но я не благодарилъ судьбу. Голова моя горѣла, нервы были возбуждены до болѣзненности. Мною овладѣла какая то апатія, точь въ точь такое же чувство, какое испытываетъ больной послѣ сильнаго пароксизма. Я ѣхалъ шагомъ, и мнѣ не хотѣлось

скакать; я ѣхалъ молча, и мнѣ не хотѣлось думать. Однако мозги не слушались; они работали и работали надъ результатами сегодняшнихъ впечатлѣній. Я вспомнилъ нервно бѣжавшій батальонъ, и вдругъ въ моихъ ушахъ повторился печальный голосъ воеводы: „Боже мой!.. Боже мой!.. сколько моихъ юнаковъ стигуло!..“ Я вспомнилъ бѣжавшаго съ поля сраженія серба, и вдругъ страшный мертвецъ на двухъ ружьяхъ, со стиснутыми зубами, съ болтавшеюся блѣдною головою, представился въ моемъ воображеніи. Заунывный звукъ гранаты продолжалъ тревожить мой слухъ, и вдругъ этотъ звукъ смѣнился печальнымъ рыданіемъ убѣгающаго серба... „не могу, господынэ... куку моя майка... мои братья!“ раздалось въ моемъ ухѣ... а мертвецъ!.. можетъ быть и у того мертвеца была въ живыхъ его „майка“. Можетъ быть и онъ былъ единственнымъ сыномъ, единственною подпорою своей старухи матери! Гдѣ она несчастная? Чуетъ ли ея материнское сердце ужасъ скорого для нея извѣстія? А онъ не одинъ—этотъ мертвецъ! Умерло много вмѣстѣ съ нимъ; умерли отцы цѣлыхъ семействъ, подпора многихъ членовъ семьи. Эти члены семьи—нищіе, выгнаны теперь изъ домовъ, спятъ гдѣ нибудь въ лужѣ, кочуютъ подъ открытымъ небомъ и живутъ единственною надеждою: увидѣть своего отца. И что же?.. Увы!.. ихъ отецъ убить, зарыть въ сырую землю... Гдѣ зарыть?—тамъ... гдѣ то въ ямѣ!.. а гдѣ?—того никто не знаетъ.

Стонъ раздался въ сторонѣ отъ тропинки. Темныя человѣческія фигуры заколыхались въ камышѣ. Конь вытянулъ шею и поднялъ уши. Я подѣхалъ къ группѣ. На землѣ лежалъ раненый съ раздробленною ногою; глаза его смотрѣли на небо, туловище лежало безъ движенія. Около раненаго спокойно сидѣли, поджавши ноги, два серба и глодали корку черстваго хлѣба.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ раненый тутъ у насъ! безмятежно указаль одинъ изъ сербовъ.

— Затѣмъ вы его не несете къ доктору?

— Умаялись, господинъ! такъ же хладнокровно отвѣтилъ мнѣ сербъ.

Боже мой! Люди перестаютъ даже быть людьми. Человѣкъ стонетъ, а они корку гложутъ.

— Маршъ къ доктору!

Сербы встали и понесли раненаго.

Я выѣхаль на алексинацкій путь и остановился у бѣлаго дома перевязочнаго пункта.

„Ужъ если пить чашу,—такъ пить до дна, подумаль я: — разстроишь нервы окончательно, — авось они и закалятся!“

Я отдалъ коня одному изъ солдатиковъ, окружавшихъ домъ, а самъ вошелъ въ комнату.

Тускло горѣлъ на широкомъ столѣ огарокъ сальной свѣчки, и еле-еле освѣщаль онъ обшпирную, грязную комнату полумертвецовъ. Около свѣчки лежали корпія: и футляръ съ хирургическими инструментами. Русскій докторъ, низенькій, плотный мужчина, съ круглою бородкою, въ очкахъ, при всей своей симпатичности, имѣлъ видъ мясника; онъ также спокойно отрѣзываль части человѣческаго тѣла, какъ мясники обыкновенно рѣжутъ какойнибудь бычачій филей или телячью ножку. Руки его были всѣ въ крови, даже папироска его, которую онъ держаль въ зубахъ, была въ крови. На груди висѣлъ кожаный передникъ, рѣшительно весь обогренный человѣческою кровью. Около него вертѣлся фельдшеръ съ полотенцемъ. Докторъ отрѣзываль палець сербу, раненому въ руку.

— Ой!.. куку!.. куку!.. подпрыгивать сербъ отъ боли.

— П-а-а-а-а-гади!.. п-а-а-а-а-гади!.. е-е-ще немножко!.. е-е-еще немножко!.. вотъ такъ! отрѣзалъ докторъ палець и успокоился; онъ швырнулъ этотъ палець куда то подъ столъ.

— Давайте другаго!

Поднесли раненаго на носилкахъ.

— Пуля въ ногѣ! отпрапортовалъ фельдшеръ.

Докторъ посмотрѣлъ, пощупалъ, запустилъ въ рану инструментъ и вынулъ коническую пулю.

— Спрячь въ карманъ на память, подшутить операторъ, подавая сербу вынутую пулю:—Слѣдующаго!..

Поднесли раненаго въ грудь.

Докторъ нагнулся, посмотрѣлъ, сосчиталъ пульсъ и приложилъ руку ко лбу больнаго.

— Пусть себѣ тамъ въ сторонкѣ умираетъ! скомандовать врачъ.

Все это шло какъ по маслу.

— Еще кто тамъ?

— Гранатная рана!..

— Давайте иглоку!

Началось зашиванье.

— О-го-го-го! бась въ раненый.

— П-у-у-у-стяки!.. п-у-у-у-стяки!..

— О-го-го-го!.. не соглашался больной.

— Не любишь!.. то-то!.. утѣшалъ врачъ.

Подвели раненаго въ руку.

— Тебѣ брать руку отрѣжутъ!

— За что? наивно спросилъ сербъ.

— Съ турками не воюй!

„Вотъ, думаю:—нервы то, чортъ бы его побралъ!“

Я оглянулся вокругъ себя. Всѣ столы, всѣ скамейки,

весь полъ были заняты тяжело ранеными и умирающими. Я заглядывать въ фizioноміи многихъ и рѣшительно не могъ различить: кто изъ нихъ еще живъ и кто уже мертвъ; всё мнѣ казались мертвецами, исключая конечно тѣхъ, которые стонали.

— Господинъ!.. умре!.. таинственно указаль больничаръ (слуга) на одного изъ тяжко-раненыхъ, подойдя къ доктору и осторожно дергая его за руку.

— Въ яму его!.. тащи другаго!.. освобождайте мѣста! Въ комнату со двора внесли новаго больного.

— Докторъ не вытерпѣлъ я: — неужели это всегда такъ бываетъ?

— Что будешь дѣлать. Привыкать надо!

Онъ былъ правъ! Дѣйствительно привыкать надо. Только съ непривычки оно кажется страннымъ, а привыкнешь—ничего!

Докторъ былъ одинъ, а раненыхъ прибывало сотнями.

Въ смежной комнатѣ лежалъ раненый Гольдштейнъ.

— Можно туда войти? попросилъ я врача.

— Можно.

— Какъ Гольдштейнъ?

— Плохъ! отвѣтилъ мнѣ врачъ.

Я осторожно отворилъ дверь комнаты, въ которой лежалъ Гольдштейнъ. Какой-то сыростью пополамъ съ вонью пахнуло изъ маленькой, грязной каморки. Гольдштейнъ, худощавый брюнетъ, съ бородою, болѣзненно-блестящими глазами, блѣдный, съ предсмертнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ, лежалъ на соломѣ, которая была постлана на простой, деревянной кровати. Онъ лежалъ на спинѣ, голова его покоилась на какой-то грязной подушкѣ. Около кровати стоялъ столикъ, на столѣ горѣла сальная свѣча. Рана Гольдштейна была забинтована; больной

былъ покрытъ казенною шинелью. Гольдштейнъ видимо сильно страдалъ отъ боли, ибо на его лицѣ поминутно отражались эти физическія страданія. Независимо отъ физическихъ страданій, Гольдштейнъ страдалъ нравственно.

Гольдштейнъ посмотрѣлъ на меня апатично, закинулъ голову назадъ и застоналъ.

— Боже мой!.. какъ больно!.. какъ страшно больно!.. есть у васъ револьверъ? спросилъ меня страдалецъ.

— Есть.

— Застрѣлите меня!.. Бога ради застрѣлите!..

— Что за вадоръ! вы поправитесь... рана ваша вовсе не такъ опасна, поспѣшай я утѣшить Гольдштейна.

— Ахъ, нѣтъ!.. я умру... я это чувствую... но къ чему эти страданія? къ чему они? Ахъ, если бы можно было умереть безъ нихъ...

Больной задумался.

— И какая глупая смерть!.. тихо заговорилъ Гольдштейнъ: — Съ одной стороны, смерть изъ любопытства, съ другой... съ другой я и самъ не знаю, за что я умираю?!..

Боль снова исказила лицо Гольдштейна.

— Умереть такъ—глухо! повторилъ страдалецъ: — я ошибся... эти сербы не стоятъ нашей смерти... весь этотъ славянский вопросъ ложно поставленъ... Къ чему умирать?.. Ахъ, мнѣ не хочется умирать!.. мнѣ жить хочется...

— Да вы не умрете!

— Нѣтъ, я умру. Гдѣ мнѣ вынести! Если бы вы видѣли рану! Животъ распоротъ, кость раздроблена.

— У васъ есть родные? спросилъ я съ участіемъ.

— Ну ихъ! сердито отвѣтилъ Гольдштейнъ: — Чортъ ихъ возьми! Не хочу о нихъ думать!.. Не стоятъ они!..

Впрочем... впрочем у меня есть братъ, хорошій человекъ... Онъ живетъ въ Таганрогѣ... Напишите ему... впрочемъ нѣтъ!.. не пишите... письмо испугаетъ его... зачѣмъ пугать!.. не надо!.. Боже, какъ больно! Больной снова застонать.

— Убейте меня!.. да застрѣлите же наконецъ!

Гольдштейнъ разсердился.

Я вышелъ изъ комнаты. Слишкомъ тяжело было видѣть и слушать Гольдштейна.

— Докторъ, можно дать Гольдштейну револьверъ, онъ желаетъ застрѣлиться? спросилъ я врача.

— Сохрани Богъ! что вы говорите!

— Развѣ есть надежда?

— Положимъ надежды никакой нѣтъ, а стрѣляться все-таки нельзя.

— Лучше страдать, по вашему?

— Почему знать!.. можетъ поправится... чего на свѣтѣ не бываетъ! Я не знаю, какая у него натура... другая натура и вынесетъ...

Однако Гольдштейнъ не вынесъ; черезъ два дня онъ умеръ. Передъ смертью Черняевъ наградилъ его Таковскимъ крестомъ. Изъ некрологовъ, появлявшихся своевременно въ печати, читатели знакомы съ прошлымъ Гольдштейна, этого несчастнаго человека, который всю свою жизнь маялся жизнью честнаго труженика и умеръ съ глубокимъ, тяжелымъ убѣжденіемъ безполезности своей смерти, въ моментъ необыкновенной жажды жизни. Гольдштейнъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ добровольцевъ, которые сознательно и исключительно „изъ-за идеи“ явились въ Сербію и умерли въ Сербіи, опять-таки сознавая, что они глубоко ошиблись въ этой идее, благодаря ложно поставленному вопросу.

Достаточно мнѣ было побывать на перевязочномъ пунктѣ, чтобы нѣсколько освоиться съ поразительною дѣйствительностью моего будущаго въ Сербіи, которое впоследствии меня уже не поражало.

Поздно ночью вернулся я въ штабную палатку.

— Желаніе являться къ генералу Черняеву—вставайте! разбудилъ меня утромъ штабный офицеръ.

Было 9 часовъ утра.

Я наскоро одѣлся и поспѣшилъ въ штабный домъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ меня Монтеверде, столкнувшись со мною въ корридорѣ штаба.

— Желая явиться къ генералу Черняеву.

— Хорошо-съ! Я сейчасъ доложу.

— Пожалуйста! пригласилъ Монтеверде, доложивъ генералу.

Я вошелъ въ небольшую комнату главнокомандующаго.

Письменный столъ, простой стулъ, вообще скромная обстановка комнаты.

Черняевъ, вставъ изъ-за стола, подаль мнѣ руку.

— Прошу ваше пр—ство въ случаѣ моей смерти или раны протелеграфировать для друзей и родныхъ въ газету, въ которой я принимаю участіе, попросилъ я Черняева.

— Перестаньте! Богъ милостивъ!.. не надо объ этомъ думать. Вы куда назначены?

— Въ отрядъ полковника Хорватовича.

Впоследствии отмѣнили мое назначеніе въ луковскія войска.

Черняевъ раскланялся. Я съ своей стороны распростался.

Выхожу на подъѣздъ, — курьезная сцена: общество офицеровъ окружило двухъ вновь прибывшихъ добровольцевъ. Одинъ изъ нихъ съ жаромъ говорилъ:

— Помилуйте! так напиваться, — это безобразие! Это чистое безобразие! Какой порядочный человекъ допустить такое поведеніе офицера въ благоустроенной арміи?

Дѣйствительно одинъ офицеръ еле-еле держался на ногахъ.

Но, батюшки мои! Кто же это говорилъ?—Это говорилъ не кто иной какъ тотъ самый артиллерійскій полковникъ, который ѣхалъ въ Делиградъ и всю дорогу потягивалъ вмѣстѣ съ сапернымъ солдатомъ.

— Званіемъ полковника я вамъ приказываю: останьтесь здѣсь, а я доложу Монтеверде!

Минуты черезъ три выскочилъ самъ Монтеверде.

— Вотъ онъ! трагически указалъ полковникъ на пьянаго добровольца.

— Подъ арестъ!.. подъ арестъ!.. зычнымъ голосомъ закричалъ Монтеверде:—немедленно подъ арестъ!.. Господинъ дежурный офицеръ! отправить его въ редутъ!.. подъ арестъ!.. слышите: подъ арестъ!..

Монтеверде такъ усиленно кричалъ: „подъ арестъ!“, что какъ будто это сажанье подъ арестъ было его единственнымъ и самымъ любимымъ занятіемъ при штабѣ. Да кажется это такъ и было.

Но хорошъ и полковникъ!

Не далѣе какъ черезъ часъ послѣ этого происшествія полковникъ самъ лыкомъ не вязалъ, сидя въ полевой кафанѣ.

Наконецъ окончилось наше мыканье при штабѣ. Отдали вновь прибывшіе волонтеры свои паспорта въ канцелярію; при этомъ надо замѣтить, что въ канцеляріи въ это время, при всемъ многолудии и видимомъ благоустройствѣ штаба, господствовалъ такой безпорядокъ, какого я нигдѣ и никогда не видалъ.

— Тутъ самъ чортъ ногу переломить! говорилъ бывало, растопыривъ руки, самъ начальникъ канцеляріи, исполнявшій одновременно и должность писаря. Это былъ какой-то курьезный, бѣлокурый юноша, съ офицерскими нашивками, котораго впрочемъ Монтеверде, не взирая на офицерскія нашивки, чуть-чуть не кормилъ подзатыльниками.

XIV.

„Трогай!“

Окончилось, я говорю, наше мыканье при штабѣ и собралось насъ человѣкъ двадцать волонтеровъ. Подали намъ наши элегантные экипажи, т. е. длинныя колы, записались мы всѣ въ эти колы, какъ жида обыкновенно запикиваются въ крытыя долгушки Западнаго края. Кто сидѣлъ спиною къ другому, кто бокомъ, а кто и просто чуть ли не на спинѣ ближняго.

— Трогай! скомандовалъ передовой.

Колы тронулись.

Между нами нашлось пять-шесть человѣкъ такихъ волонтеровъ, какихъ развѣ можно было только встрѣтить въ Парижѣ во времена санкюлотовъ французской республики. Это были какіе-то оборванцы, въ лохмотьяхъ, имѣли видъ мазуриковъ.

— Вотъ такъ партія! острилъ капитанъ съ Георгіевскимъ крестомъ въ петличкѣ.

Дѣйствительно партія была курьезная.

— Почему вы въ статскомъ платьѣ, господа? спросилъ прапорщикъ санкюлотовъ.

— Позвольте!.. вмѣшался капитанъ:—Какъ вы не деликатно спрашиваете! Почему вы говорите: въ статскомъ платьѣ?

— А какъ же надо сказать?

— Почему вы, напримѣръ, не говорите: въ дамскихъ кофточкахъ?

Въ костюмахъ санкюлотовъ было нѣчто неопредѣленное.

— Ха!.. ха!..! ха!.. заголосила публика.

Съ другими вмѣстѣ смѣялись и санкюлоты.

— Вы, господа, откуда такіе-то? продолжалъ капитанъ серьезно.

— Изъ Кладова. Мы, знаете, прямо сюда прошли, въ Бѣлградѣ не были, почему и неомундировались, старались оправдаться санкюлоты.

— Вы говорите—откуда? переспросилъ капитанъ.

— Изъ Кладова.

— Изъ Кладова!.. а я думалъ изъ Италіи.

— Ха!.. ха!.. ха!.. повторился хохоть.

— Почему вы такъ думали?

— Потому у Гарибальди такіе были... ну, что-жъ такое! Это ничего! Теперь и у Хорватовича будутъ тоже гарибальдійцы.

— Поколѣвать-то все равно въ какомъ костюмѣ, захрипѣлъ кто-то изъ санкюлотовъ.

— А у васъ горлышко-то того... какъ будто не чисто!..

— Изъ Одессы наслѣдство везу, откровенно сознался санкюлотъ.

„Вотъ, думаю:—попалъ я въ партію-то!“

— Сто-о-о-й! скомандовалъ кто-то у перваго кабака.

— Этакъ, чего добраго, мы не скоро дойдемъ усомнился капитанъ.

— Нельзя-же, ваше высокородіе, безъ вышивки, вмѣшался волонтеръ изъ русскихъ солдатиковъ.

— Оно конечно трудно... но возможно, отвѣтилъ капитанъ.

Всѣ вытѣзли изъ трехъ коль.

— Ракіи! кричалъ одинъ.

— Что ни на есть лютой! кричалъ другой.

Подали ракію, выпили что-то много; поѣхали дальше.

— Сто-о-о-й! раздалась та же команда у слѣдующаго кабака и т. д. Это продолжалось до тѣхъ норъ, пока мы не доѣхали до понтоннаго моста, перекинутого черезъ рѣку Мѣраву въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ дорога поварачивала за джунисскую высоту.

Здѣсь, у понтоннаго моста, стоялъ предпоследній кабакъ. У этого предпоследняго кабака появились уже первые контуженные въ голову.

— Оставить ихъ на этомъ самомъ „перевыпитомъ“ пунктѣ! приказалъ капитанъ.

Мы ихъ и оставили.

— Хорошо сдѣлали! замѣтилъ выпившій солдатъ.

— Почему? спросилъ капитанъ.

— Потому не благородно!

— Вѣрно, братецъ ты мой!

Сербъ возница только могъ удивляться при видѣ столь могучей способности русскаго человѣка выпить такое количество ракіи, какое сербу даже и во снѣ не снилось.

— Те-те-те, покачивалъ сербъ головою.

— Чего головой-то мотаешь? спрашивали его волонтеры.

— Русы много піе!.. русы добре піе!.. отвѣчалъ сербъ.

— У-у-у, братъ! Русскіе такъ пьютъ, что мое почтеніе! хвастались волонтеры: — Тутъ, братецъ, русскіе всю вашу ракію выпьютъ.

— Екъ! У Сербіи доста (довольно) ракіи.

Наконецъ къ вечеру мы подъѣхали къ штабу Хорватовича. Штабъ Хорватовича помѣщался въ одномъ изъ домовъ деревни Шильговацъ. Деревня была частью покинута жителями; изъ нѣкоторыхъ домовъ еще не выѣзжали. Мы выѣзжали изъ колеѣ, хвавшише волонтеры подбодрялись, всѣ сразу вошли во дворъ. Рядомъ съ домомъ тянулась поляна. На полянѣ были раскинуты двѣ палатки. Передъ одной изъ палатокъ, сидѣлъ самъ Хорватовичъ.

XV.

Полковникъ Хорватовичъ.

Немногихъ, весьма немногихъ личностей выдѣлила послѣдняя сербско-турецкая война изъ рядовъ дѣйствовавшей сербской арміи, не смотря на то, что много человѣческой крови было пролито на потоптанныхъ, раззоренныхъ поляхъ сербской территоріи. Причиною тому два обстоятельства: во-первыхъ, дѣйствительное отсутствіе военныхъ талантовъ, во-вторыхъ, тотъ фактъ, что неуспѣхъ военныхъ дѣйствій той или другой войны, всегда ввергаетъ военныхъ дѣятелей въ мракъ ихъ прошлой неизвѣстности. Конечно, это не справедливо, потому что люди въ отдѣльности одинаково энергично могутъ работать на пользу ближняго и въ то же время терять дѣло въ общемъ; но фактъ остается все-таки фактомъ.

Въ тяжелый для горсти сербовъ періодъ времени выступилъ, въ качествѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей, полков-

никъ сербской службы Хорватовичъ. Онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ арміи генерала Черняева, былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ, вѣрныхъ помощниковъ послѣдняго, искренно преданныхъ интересамъ своей страны. Въ лицѣ полковника Хорватовича Черняевъ видѣлъ опытнаго, дѣльнаго полководца, храбраго солдата, а военная партія Сербіи—представителя ихъ интересовъ, иначе, поборника идеи войны. По своему происхожденію Хорватовичъ—австрійскій сербъ; онъ получилъ свое образованіе въ Австріи, гдѣ и служилъ въ молодыхъ лѣтахъ офицеромъ австрійской арміи. Въ настоящее время Хорватовичу около сорока лѣтъ; это высокій мужчина, весьма сохранившійся, не смотря на вѣчно скитальческую военную походную жизнь. При первомъ взглядѣ онъ производитъ впечатлѣніе и не скажу, чтобы это впечатлѣніе было неблагопріятное для полковника. Напротивъ, онъ кажется очень симпатичнымъ, хотя и неуклюжимъ и даже, можетъ быть, нѣсколько грубоватымъ человѣкомъ. Онъ одѣвался всегда въ походный зипунъ на распахку, имѣлъ жилетъ, носилъ очень широкія шаровары, длинные сапоги. Хорватовичъ высокаго роста, *chatin*, съ длинною, клинообразною, окладистою бородою, съ голубыми, покойными, умными, выразительными глазами. Голосъ его мягокъ, оборотъ рѣчи простъ, обращеніе непринужденно. При первомъ знакомствѣ съ нимъ вы находите въ немъ искреннаго, прямаго, честнаго человѣка, который рѣжетъ правду-матку прямо въ глаза. Правда, онъ грубоватъ въ обращеніи, нѣсколько неотесанъ, за то сколько симпатичнаго въ этомъ человѣкѣ. Голубые его глаза мягко смотрятъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ въ спокойную минуту и сверкаютъ, когда онъ разсердится. Черты лица его мягки, правильны; лице продолговатое. Онъ красивъ

собой; вѣчно задумчивый, Хорватовичъ не любилъ говорить, но любилъ слушать. Онъ выслушивалъ каждого спокойно, не перебивая, затѣмъ отвѣчалъ всегда коротко, ясно, опредѣленно. Въ корпусѣ Хорватовича служило много русскихъ добровольцевъ. Его отношенія къ русскимъ и вообще къ своимъ подчиненнымъ были до того просты, естественны, что насъ, свыкнувшихся съ молодую съ извѣстнымъ выработаннымъ у насъ отношеніемъ подчиненнаго къ начальнику—какъ-то поражала эта простота отношеній, ничуть не вредящая дѣлу, а напротивъ, способствовавшая сближенію подчиненнаго съ начальникомъ и располагавшая перваго къ послѣднему. Въ то же время Хорватовичъ чрезвычайно честно относился къ русскимъ, щадилъ ихъ самолюбіе, вѣрилъ имъ и подчасъ вѣрилъ до излішка, до того, что эта вѣра являлась причиною того или другаго неблагопріятнаго результата. Хорватовичъ отлично понималъ тѣ жертвы, которыя приносили русскіе на пользу славянскаго дѣла и берегъ русскихъ, усматривая въ нихъ способность храбро драться въ примѣръ сербскому войску. Бывало, въ скучныя минуты лагерной бездѣятельности, мы затѣвали не разъ ночныя вылазки на линію турецкихъ аванпостовъ.

— Не сходить ли намъ на вылазку? предложить одинъ изъ офицеровъ нашей бригады.

— Почему же и нѣтъ!... отвѣтять ему.

Обдумаемъ планъ, заручимся желающими, пошлемъ депутата: спросить разрѣшенія у Хорватовича.

Хорватовичъ выслушаетъ депутата, спросить о цѣли задуманнаго предпріятія.

— Турки трусливый народъ, замѣтитъ депутатъ Хорватовичу; — мы прорвемся сквозь цѣпь аванпостовъ и увѣрены въ томъ, что турки бросятся въ главный

лагерь... чѣмъ чертъ не шутить, можетъ и батарею возьмемъ.

Хорватовичъ улыбнется, сдѣлаетъ видъ, что ему пріятно видѣть порывъ военнаго увлеченія.

— Я самъ солдатъ, отвѣтитъ онъ депутату, я глубоко уважаю военный пылъ молодыхъ людей, но я вижу, что молодежь увлекается и рассчитываетъ на что, чего она въ сущности не встрѣтитъ. Я знаю моихъ сербовъ лучше, чѣмъ знаютъ ихъ русскіе. Не только ночью, но и днемъ они вяло идутъ въ огонь. Русскихъ падаетъ слишкомъ много для того, чтобы не дорожить ими. Мнѣ нужна храбрая молодежь и зря терять ее я не намѣренъ.

Хорватовичъ все прощаль храбрень, но ненавидѣлъ трусовъ. Я замѣтилъ въ Хорватовичѣ недюжинную способность полководца: онъ зналъ свой народъ до нельзя видѣлъ серба насквозь, понималъ его такъ, какъ ни одинъ изъ бывшихъ въ Сербіи начальниковъ не понималъ людей, съ которыми они сражались. Хорватовичъ былъ общителенъ съ войскомъ, всегда толковалъ съ солдатами, говорилъ имъ энергическія рѣчи и говорилъ такъ популярно, что каждый воиникъ понималъ его какъ нельзя болѣе. Онъ не разъ посѣщалъ нашу позицію при Радовицѣ и, какъ теперь помню, однажды посѣтилъ нашъ лагерь въ промежутокъ нашей бездѣятельности, продолжавшейся съ 1-го по 15-е сентября. Хорватовичъ пріѣхалъ за просто, какъ и всегда пріѣзжалъ на позицію, собралъ бригаду, поставилъ во фронтъ и сказалъ рѣчь. Рѣчь была сказана въ патріотическомъ духѣ и сводилась главнымъ образомъ къ тому, что „если, молъ, вы, сербы, будете удираить назадъ, то я поставлю васъ между двухъ огней: спереди васъ будутъ жарить турецкія гранаты, а сзади сербская картечь“.

Сербь слупали Хорватовича, опустивъ головы къ низу.

— Вотъ тоже!... трусить!... храбрились нѣкоторые изъ нихъ... заливъ трусить!... надо храбро драться!..

Хорватовичъ недовѣрчиво поглядывалъ на говорившихъ. Полковникъ терпѣть не могъ интригановъ и выходилъ изъ себя при видѣ какого нибудь нечестнаго поступка. Характера этотъ чедовѣкъ былъ желѣзнаго. Въ тяжелыя минуты, а такихъ много выпало на долю полковника, онъ никогда не терялся, не унывалъ. Любилъ иногда шутить, острить, но все это дѣлалъ въ мѣру. Возникали иногда у него въ корпусѣ между русскими и сербскими офицерами недоразумѣнія, сводившіяся подъ часъ къ серьезнымъ препирательствамъ. Причиною такихъ недоразумѣній было главнымъ образомъ уязвленное самолюбіе сербскихъ офицеровъ, которыхъ въ большей части случаевъ подчиняли русскимъ. Пользуясь случаями проявленія баши-бузукства со стороны нѣкоторыхъ пьющихъ, безобразныхъ русскихъ,—сербскіе офицеры корили русскихъ въ глаза этой лишней выпивкой ракии и другихъ сербскихъ напитковъ, въ минуты устныхъ препирательствъ. Слухи объ этихъ препирательствахъ иногда доходили до Хорватовича, и когда тотъ или другой русскій жаловался, бывало, Хорватовичу на неприятный для русскаго фактъ укора сербами его въ излишней выпивкѣ вина,—Хорватовичъ улыбался и отвѣчалъ такъ:

— Передайте, пожалуйста, этимъ сербскимъ офицерамъ, что у самого Хорватовича въ палаткѣ стоитъ огромная бутылъ вина, которую онъ ежедневно выпиваетъ къ вечеру; а васъ прошу оставаться все такимъ же храбрымъ офицеромъ, подавать примѣръ много разговаривающимъ и не обращать вниманія на ихъ неумѣстные разговоры.

Хорватовичъ — человекъ справедливый, характерный, съ желѣзной волею полководца; вмѣсто нервовъ у него какіе то канаты. Однажды одна баба пришла къ нему жаловаться на мародерство серба.

Хорватовичъ помѣщался въ то время съ своимъ небольшимъ штабомъ въ одномъ изъ домовъ деревни Шильговца. Рядомъ съ домомъ тянулась поляна. Мимо деревни шла шоссеиная дорога въ Делитградъ. На полянѣ были раскинуты двѣ палатки. Передъ одной изъ палатокъ, на чистомъ воздухѣ, обыкновенно сидѣлъ самъ Хорватовичъ. По крайней мѣрѣ я его постоянно встрѣчалъ на этомъ мѣстѣ.

Въ минуту прихода бабы съ жалобою на мародерство серба — по дорогѣ проходилъ предметъ негодованія крестьянки.

— Гдѣ онъ? спросилъ Хорватовичъ.

— А вонъ идетъ по дорогѣ, отвѣтила крестьянка.

— Часовой стрѣлай! долго не задумываясь приказалъ Хорватовичъ.

Часовой выстрѣлилъ, мародеръ тутъ же упалъ на мѣстѣ убитымъ.

Судя по такимъ рассказамъ, упорно ходившимъ въ обществѣ русскихъ, бывшихъ въ Сербіи — можно допустить отсутствіе гуманной жилки въ этомъ человекѣ, извѣстную долю даже звѣрства, если хотите. Но мнѣ не однажды приходилось говорить съ Хорватовичемъ, хотя бы по поведѣнію приѣмныхъ, могущихъ имѣть мѣсто ради искорененія чувства трусости въ рядахъ его солдатъ, и каждый разъ я встрѣчалъ въ полковникѣ Хорватовичѣ такія черты, которыя на первый разъ ошеломляютъ васъ, кажутся непонятными, негуманными, но понятными въ

томъ случаѣ, когда вы переживаете бой, прочувствуете эти особенно сильныя, новыя для васъ, боевыя ощущенія. Дѣло въ томъ, что въ минуты боя человѣкъ перерождается; изъ спокойнаго, нормальнаго состоянія духа — человѣка выводитъ боевой огонь, свистъ вражьиъ нуль, звукъ гудящей гранаты, трескъ ея взрыва и человѣкъ, переживая въ первый моментъ чувство ошеломленія, вдругъ заражается чувствомъ изступленія всѣхъ человѣческихъ инстинктовъ, дѣлается звѣремъ; порывистое негодованіе противъ подобнаго себѣ убійцы заставляетъ его ринуться впередъ, бить, колотить и убивать всѣхъ и каждого, какъ попало, кто только осмѣлился поднять на него руку, вооруженную смертоноснымъ оружіемъ. Человѣкъ можетъ быть въ сущности очень гуманнымъ человѣкомъ, но въ такія минуты онъ тѣмъ болѣе звѣрь, чѣмъ цѣльнѣе, честнѣе, неиспорченнѣе его натура. Храбрый человѣкъ во время боя, убійца большого числа враговъ, развѣ не то же, что честный сапожникъ, точащій сапоги изъ добродѣтельнаго матеріала и добросовѣстно исполняющій свой заказъ? Тотъ и другой одинаково воодушевлены своимъ призваніемъ, одинаково добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Теперь сообразите, что чѣмъ честнѣе заказчикъ сапоговъ по своей натурѣ, тѣмъ болѣе онъ негодуетъ, тѣмъ рѣзче онъ протестуетъ противъ недобросовѣстнаго исполненія заказа. То же самое бываетъ и съ воиномъ на бранномъ полѣ. Чѣмъ честнѣе воинъ по своей натурѣ, тѣмъ онъ болѣе воодушевляется дѣломъ убійства своего врага, тѣмъ онъ храбрѣе и тѣмъ ненавистнѣе для него тотъ, который, будучи обязанъ сражаться вмѣстѣ съ нимъ, — однако трусить, прячется, скрывается, убѣгаетъ съ поля битвы, оставляя храбрыхъ на жертву своему врагу.

Вотъ этимъ-то самымъ явлениемъ я и объясняю бывшія требованія полковника Хорватовича убивать изъ револьвера всякаго серба, который только посягнетъ кинуться назадъ въ моментъ боевой схватки. Это не требованія дикаго, лишеннаго гуманности челоѣка, это законное требованіе полководца, желающаго добросовѣстно отнестись къ исполненію возложенныхъ на его армію обязанностей. Требованіе покажется вамъ еще законнѣе, еще благоразумнѣе, если вы представите себѣ тотъ фактъ, что на практикѣ, за однимъ, начинающимъ бѣгство, слѣдуютъ обыкновенно другіе, которыхъ бѣгунецъ невольнo заражаетъ паническимъ страхомъ. Благо будетъ, если вы замѣтите желаніе одного бѣжать и убійствомъ его предупредите бѣгство цѣлой роты, цѣлаго баталіона, цѣлой бригады, цѣлаго корпуса, наконецъ цѣлой арміи! Лучше пожертвовать однимъ—чѣмъ проиграть дѣло и отдать въ руки турокъ тысячи раненыхъ въ ноги, въ руки, въ спины и т. д. Нельзя же быть нормально-гуманнымъ челоѣкомъ, когда нужно быть звѣремъ, когда война, эта челоѣческая бойня, сама по себѣ далеко не гуманно-нормальное явленіе?

Исходя изъ этой точки зрѣнія — Хорватовичъ приказывалъ намъ убивать всякаго серба, покушающагося на бѣгство, а тѣмъ болѣе приводящаго его въ исполненіе. Въ то же время Хорватовичъ никогда не рѣшался разстрѣлывать серба церемониальнымъ образомъ, передъ фронтомъ выстроенныхъ войскъ. „Мы не въ правѣ разстрѣливать войниковъ, мы не въ правѣ судить ихъ полевыми законами, потому что мы имѣемъ дѣло не съ регулярной арміей, а съ народнымъ войскомъ. Трусость, бѣгство съ поля битвы—это преступленіе противъ дисциплины. Судить и казнить за эти преступленія можно только тѣхъ,

которымъ силою ученія внушаютъ понятія о существованіи такихъ преступленій въ кодексѣ военно-полевыхъ законовъ“.

И Хорватовичъ былъ правъ, потому что дѣйствительно мнѣ простительно убить бѣгунца ради спасенія другихъ въ моментъ избытка душевнаго волненія, въ моментъ притока чувства негодованія, убить его какъ подлеца, какъ измѣнника, но мнѣ непрестительно церемониально разстрѣлать его какъ преступника, нарушившаго неизбѣжный и обязательный для представителя народнаго войска законъ.

Сербскіе войники боялись Хорватовича ужасно, уважали его до крайности. Многие изъ сербскихъ офицеровъ не любили Хорватовича и злорадствовали о немъ. Надо замѣтить, что среди сербскихъ офицеровъ, среди этой сербской интеллигенціи, было много сторонниковъ мира, враговъ идеи войны; поэтому они не могли сочувствовать Хорватовичу, этому постоянному пропагандисту военныхъ дѣйствій. Кромѣ того Хорватовичъ, какъ сказано, симпатизировалъ храбрымъ людямъ, часто предпочиталъ русскаго сербу, нерѣдко обходилъ сербовъ наградами, желая оставаться справедливымъ начальникомъ въ дѣлѣ раздачи наградъ за военные заслуги.

Въ продолженіе всей войны Хорватовичъ жилъ скромно, совершенно несоотвѣтственно своему положенію. Съ понятіемъ о начальникѣ корпуса тѣсно связывается понятіе о многолюдности его штаба, о нѣкоторомъ комфорта, хотя бы и военноположномъ, его жизненной обстановки. Ничего подобнаго я не замѣчалъ въ жизненной обстановкѣ полковника Хорватовича. Штабъ его былъ маленькій. Онъ состоялъ изъ начальника штаба, начальника артиллеріи, священника, одного ординарца изъ русскихъ и

нѣсколькихъ адъютантовъ иъ сербскихъ офицеровъ. Сначала Хорватовичъ жилъ въ центрѣ позицій, занимаемыхъ его корпусомъ, сзади линіи его войскъ въ деревнѣ Шильговцѣ. Позиціи его корпуса тянулись къ хребту горъ, параллельно турецкимъ позиціямъ, начиная съ Каокичъ, кончая его правымъ флангомъ, расположеннымъ около мѣстечекъ Зубовацъ и Суповацъ. Лѣвымъ крыломъ его корпуса командовалъ сначала сербскій майоръ Беницкій, одинъ изъ храбрѣйшихъ, добросовѣстѣйшихъ начальниковъ сербской арміи. 18 сентября майоръ Беницкій былъ раненъ въ ногу; мѣсто его заступилъ русскій подполковникъ Молоствовъ. Центральной позиціей командовалъ русскій полковникъ Клиндеръ, правымъ флангомъ полковникъ Журавлевъ.

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что въ началѣ войны турки боялись Хорватовича и называли его: „Хорватъ —пашею“. Недруги Хорватовича распространяли слухъ; что будто-бы въ турецкой арміи служилъ его родной братъ. Но Хорватовичъ никогда не обращалъ вниманія на сплетни злыхъ языковъ. Все, что писали дурного о Хорватовичѣ въ заграничныхъ и, къ нашему стыду, въ нашихъ русскихъ наданіяхъ—все это вымыселъ и клевета. Заграничные корреспонденты писали такъ, потому что они въ обществѣ вторили духу ихъ печати, а русскіе корреспонденты не церемонились сообщать слухи, на основаніи словъ людей, непризнанныхъ добрыми полковникомъ Хорватовичемъ. Повторяю—Хорватовичъ былъ одинъ изъ честнѣйшихъ, самыхъ симпатичныхъ и дѣльныхъ начальниковъ сербской арміи.

Хорватовичъ молча, задумчиво, сидѣлъ передъ своею палаткою, когда наша „банда гарибальдійцевъ“ гуськомъ подошла къ корпусному командиру. Гарибальдійцы по-

открыто начали садиться молочною. Из палатки вышли: начальник штаба, сербский офицеръ, начальникъ артиллеріи, тоже сербъ, ординарецъ, русскій майоръ Минихъ и русскій полковникъ Межениновъ. Послѣдніе двое были въ то время прикомандированы въ штабъ Хорватовича. Хорватовичъ принялъ всѣхъ ласково, каждому подавалъ руку, не исключая и санкилотовъ, при видѣ которыхъ онъ только слегка улыбнулся. Не прошло и десяти минутъ, начальникъ штаба вынесъ намъ списокъ, согласно которому мы всѣ распредѣлялись по четыре человека въ каждый батальонъ. Хорватовичъ предложилъ намъ отдохнуть и потомъ отправиться на позицію.

Хлебосоломъ оказался полковникъ Межениновъ. Онъ сейчасъ же пригласилъ насъ къ себѣ въ палатку и началъ радушно угощать насъ русскимъ чаемъ, изрѣдка похваливая Хорватовича. Вмѣстѣ съ Межениновымъ жили майоръ Минихъ и канитанъ.

Плотный, симпатичный, средняго роста, вполне русскій человекъ, съ небольшими бакенбардами на круглой физиономіи, голубыми, мягкими глазами — Межениновъ угощалъ насъ тѣмъ только могъ и такъ же безцеремонно заснулъ во время угощенія, какъ безцеремонно и звалъ насъ къ себѣ въ палатку.

Наступилъ вечеръ, и мы отправились на позицію.

XVI.

Майоръ Яковлевичъ и его адъютантъ: Свѣтловаръ.

Весь корпусъ полковника Хорватовича былъ раздѣленъ на нѣсколько бригадъ, въ каждой бригадѣ было до

шести батальоновъ. По мѣсту своего расположенія корпусъ дѣлился на три главныхъ позиціи, хотя собственно всѣ эти позиціи сливались одна съ другою и въ сущности составляли одну и ту же нераздѣльную позицію. Правую фланговою позиціей корпуса Хорватовича, а слѣдовательно крайнимъ правымъ флангомъ всей сербской арміи, командовалъ полковникъ Журавлевъ; центральная позиція была вѣрена сербскому маіору Яковлевичу (до первыхъ чиселъ сентября, до пріѣзда русскаго полковника Клиндера); лѣвою фланговою позиціей, смежною съ Джунисомъ, командовалъ сербскій маіоръ Бенипкій. На мою долю выпала служба на центральной позиціи, подъ начальствомъ маіора Яковлевича.

Деревня Шильговацъ лежала на шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Делиграда въ Ибарскія Бани и далѣе. Деревня эта находилась въ долинѣ между центральной и лѣвою фланговою позиціями корпуса Хорватовича. Начиная отъ Шильговаца, далѣе къ Ибарскимъ Банямъ, долина прекращалась (такимъ образомъ она раскидывалась только противъ Каоникъ, смежной высоты съ Джунисомъ), шоссейный путь шелъ какъ-бы въ ложнѣ, между возвышенностями съ обѣихъ сторонъ дороги. Пройхавъ Шильговацъ, слѣдовало взять налѣво, чтобы попасть на центральную позицію корпуса Хорватовича.

Было уже поздно, когда я прибылъ на позицію. Сначала мы поднимались въ гору, потомъ мы вошли въ лѣсъ, наконецъ, выйдя изъ лѣсу, нашли площадку, на которой была расположена лагеремъ крагуевацкая бригада маіора Яковлевича. То не былъ лагерь въ томъ видѣ, въ какомъ мы себѣ представляемъ лагери регулярныхъ войскъ. Нѣтъ, то были какіе-то бивуаки, напоминавшіе собою цыганскіе таборы. Въ смежныхъ съ площадкою

лѣсныхъ чащахъ горѣла масса костровъ, вокругъ которыхъ грѣлись полуодѣтые сербскіе войники. Ихъ ружья были составлены кучками, среди которыхъ мѣстами виднѣлись батальонныя знамена подъ прикрытіемъ одного часового у каждаго знамени. На площадкѣ стояло нѣсколько полевыхъ орудій, съ пороховыми ящиками. Артиллерійскія лошади были скрыты въ ближайшей лѣсной чащѣ. Въ центрѣ расположенныхъ въ лагерѣ батальоновъ были раскинуты двѣ, три небольшія палатки, принадлежавшія майору Яковлевичу и его штабу. Все остальное человѣчество группировалось вокругъ костровъ, просто подъ открытымъ небомъ.

Майоръ Яковлевичъ, уроженецъ города Брагуеваца, — старый служака сербскаго регулярнаго войска. Во всей его фигурѣ, въ его поведеніи, въ распоряженіяхъ — короче во всей его начальнической обстановкѣ не было рѣшительно ничего военнаго. Это былъ просто помѣщикъ, зажиточный землевладѣлецъ, съ давнихъ поръ разорвавшій всѣ свои связи съ военщиной и посвятившій себя агрикультурѣ, но силою случая оторванный отъ своихъ мирныхъ занятій и на время брошенный въ чужую и непріятную для него обстановку военнаго лагеря. Болѣе флегматичной натуры я не встрѣчалъ. Для этого человека было рѣшительно все равно, чтобы вокругъ него ни творилось. Три раза въ день — утромъ, въ полдень и вечеромъ — онъ выѣзжалъ на четверенькахъ изъ своей маленькой палатки, садился принимать пищу и, принявъ оную, снова залѣзалъ въ свою палатку до слѣдующей ѣды. Такимъ образомъ онъ проводилъ цѣлые дни: спалъ днемъ, спалъ ночью и внутренно молилъ Провидѣніе объ одномъ, — чтобы его по возможности поменьше беспокоили. Положимъ, вы его подчиненный и вы хотите заниматься

службою, учить солдатъ, дѣлать ночныя вылазки,—сдѣлайте милость; учите солдатъ, занимайтесь службою, отправляйтесь ночью куда вамъ угодно, только не беспокойте маіора Яковлевича. Хотите вы ровно ничего не дѣлать,—тѣмъ лучше для маіора Яковлевича!.. по крайней мѣрѣ сигнальная труба или бой барабана не будетъ беспокоить слуха почтеннаго начальника центральной позиціи.

Высокаго роста, въ лѣтахъ, съ просѣдью на головѣ и въ бородѣ, маіоръ Яковлевичъ былъ вполне необразованный человѣкъ и безъ всякой специально-военной подготовки. Какъ и большинство изъ подобной категоріи людей, маіоръ Яковлевичъ былъ добродушный человѣкъ но совершенно апатичный ко всему и ко всѣмъ вообще. Бывало подойдешь къ нему и скажешь: „А что, маіоръ Яковлевичъ, недурно было бы вонъ тамъ стражу выставить... какъ думаете?“ — „Что же, и прекрасно, прикажите выставить“!.. А черезъ пять минутъ скажешь ему снова: „Нѣтъ, знаете, тамъ не слѣдуетъ выставять стражу, а лучше вотъ здѣсь ее поставить“. — „Что же, отвѣтитъ Яковлевичъ:—въ такомъ случаѣ тамъ не выставляйте, а здѣсь поставьте“... Любилъ онъ иногда, когда уже достаточно выспится, покаякать съ офицерами. Въ минуты такихъ бесѣдъ разговоры шли на разные темы, только отнюдь не на темы текущихъ военныхъ событій; развѣ изрѣдка маіоръ Яковлевичъ спроситъ вашего мнѣнія относительно положенія турокъ и возможнаго исхода войны. „Турки сильны, позиціи ихъ хорошо укрѣплены“, скажешь маіору Яковлевичу. „Я самъ такъ думаю“, отвѣтитъ маіоръ Яковлевичъ. Явится другой доброволецъ, замѣтитъ маіору: „А знаете, маіоръ, турки вовсе не сильны, позиціи ихъ слабо защищены“. — „Я самъ такъ

думаю“, согласится маіоръ. Въ сущности маіоръ рѣшительно ни о чемъ не думалъ. Такъ же какъ и всѣ сербы вообще, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что наступитъ зима, — и турки сами по себѣ уйдутъ обратно въ Константинополь.

Само собою разумѣется, что въ лицѣ маіора Яковлевича и другихъ ему подобныхъ сербскихъ офицеровъ — полковникъ Хорватовичъ не могъ находить себѣ помощниковъ въ его трудномъ дѣлѣ. Придетъ бывало Хорватовичъ въ лагерь, — будь это въ мирный или въ боевой день, — онъ даже не разговариваетъ съ маіоромъ Яковлевичемъ. Послѣдній ходитъ за полковникомъ какъ тѣнь какая и, лишь только полковникъ удалится изъ лагеря, — маіоръ снова залѣзаетъ въ свою палатку и спитъ безмятежнымъ сномъ праведника впредь до слѣдующаго пріѣзда Хорватовича.

Штабъ маіора Яковлевича былъ небольшой, но своеобразный. Единственнымъ офицеромъ въ его штабѣ былъ двадцатилѣтній юноша Свѣтозаръ. Юноша только-что окончилъ курсъ военныхъ наукъ въ бѣлградской военной школѣ и почему то называлъ себя офицеромъ генеральнаго штаба. Свѣтозаръ приходился дальнимъ родственникомъ маіору Яковлевичу. Маіоръ вѣрилъ въ юношу какъ въ самого себя, признавалъ въ немъ необыкновенные военные таланты, подозрѣвалъ обширныя знанія, а потому трудно было рѣшить: былъ ли юноша подъ командою Яковлевича, или же Яковлевичъ былъ подъ командою юноши. Юноша, какъ и всѣ юноши вообще, былъ очень горячій человекъ, держалъ себя очень важно, храбрился когда былъ въ лагерь и падалъ въ обморокъ съ лошади при одномъ звукѣ гудящей въ воздухѣ гранаты. Про маіора Яковлевича и его начальника штаба

ходить такого рода рассказы: оба они, сидя на лошадяхъ, были во время боя гдѣ-то далеко позади дѣйствующихъ войскъ. Какая-то пальная граната пролетѣла, на приличномъ разстояніи, мимо начальника штаба майора Яковлевича. Услыхавъ звукъ гранаты, юноша поблѣднѣлъ и шарахнулся съ лошади. Майоръ Яковлевичъ недоумѣвалъ: какъ могла граната на такомъ большомъ разстояніи контузить юношу? Майоръ слѣзъ съ лошади и, подойдя къ своему начальнику штаба, убѣдился въ томъ, что онъ далеко не контуженъ, и еле-еле увѣрилъ послѣдняго, что опасность собственно миновала и что можно снова свободно сѣсть на коня. Я не передаю это за фактъ, не подлежащій сомнѣнію; я только повторяю рассказъ со словъ другихъ.

Майоръ Яковлевичъ всецѣло довѣрялся своему начальнику штаба и обращался къ нему за совѣтомъ во всѣхъ экстренныхъ или особенныхъ случаяхъ, не взирая на то, что между начальникомъ позиціи и его офицеромъ стояло цѣлое молодое поколѣніе. Поэтому, юный начальникъ штаба возмечталъ и держалъ себя довольно непринужденно даже съ людьми болѣе его опытными и вдвое его старшими чинами и лѣтами. Но такъ какъ всѣ распоряженія и повелѣнія юнаго начальника штаба сводились главнымъ образомъ: къ очередямъ стоянки того или другаго батальона на аванпостахъ, то само собою разумѣется, что между повелителемъ и исполнителями не возникало никакихъ серьезныхъ препирательствъ. Юный начальникъ штаба не имѣлъ достаточно смѣлости самолично входить въ планировку батарейныхъ укрѣпленій и въ укрѣпленіе мѣстности вообще, онъ не бралъ на себя серьезной отвѣтственности. Все это было предоставлено волѣ судьбы, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не явился на позицію русскій полковникъ Клиндеръ.

Въ штабъ майора Яковлевича входили еще два „профессора“, исполнявшіе должность бригадныхъ писарей. Они рекомендовались „профессорами“ каждому вновь прибывшему русскому офицеру, хотя собственно они были просто учителями сельскихъ школъ. Одинъ изъ нихъ былъ очень добродушный, симпатичный мужчина пожилыхъ лѣтъ, другой былъ моложе перваго. Первый казался большимъ патриотомъ и посвящалъ все свое досужее время,—а такого времени было очень много,—воодушевленію солдатъ своей бригады. Онъ постоянно говорилъ речи солдатамъ, всегда ссылаясь на примѣръ самопожертвованія русскихъ добровольцевъ, которые, по словамъ оратора, „побросали свои дома, своихъ женъ, дѣтей и явились въ Сербію проливать кровь за братьевъ-славянъ“. Второй профессоръ съ утра до ночи занимался письменною работою: составлялъ требовательныя вѣдомости, велъ отчетность и писалъ рапорты. Курьезная судьба была этихъ рапортовъ во время войны. Рапорты эти писались, адресовались куда слѣдуетъ, затѣмъ отсылались, но никогда не получались обратно съ резолюціями начальства. Вы могли подавать сто рапортовъ и быть увѣреннымъ въ томъ, что ни на одинъ изъ нихъ не получите отвѣта. Этими немногими лицами ограничивался собственно штабъ майора Яковлевича, если не считать еще одного серба, исполнявшаго должность повара, входившаго также въ общество и въ составъ майорскаго штаба.

Яковлевичъ принялъ насъ, русскихъ добровольцевъ, довольно хладнокровно. Его юноша важно отрекомендовался намъ начальникомъ штаба и указать каждому изъ насъ свои батальоны.

XVII.

Организація сербской арміи.

Бригады сербской арміи носили имена тѣхъ округовъ, изъ жителей которыхъ составлялись эти бригады. Батальоны назывались именами отдѣльныхъ селъ и городовъ. Мнѣ пришлось принять команду перваго грузжанскаго батальона. Маіоръ Яковлевичъ замѣтилъ мнѣ, что мой батальонъ считается наихрабрѣйшимъ батальономъ въ бригадѣ. Въ началѣ войны въ батальонѣ было семьсотъ человѣкъ. Я принялъ батальонъ послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ битвъ, благодаря которымъ выбыло изъ строя человѣкъ двѣсти. Къ концу кампаніи, т. е. при окончательномъ нашемъ отступленіи къ Крушевацу, въ батальонѣ осталось всего до двухсотъ человѣкъ; остальные были ранены и убиты. Та же участь постигла и другіе батальоны. Вообще надо замѣтить, что въ сербской арміи батальоны далеко не были одинаковой храбрости. Въ нѣкоторыхъ батальонахъ какъ нарочно сгруппировались люди стойкіе, даже храбрые, если хотите; другіе батальоны отличались полнѣйшей деморализаціею, бѣжали при первомъ турецкомъ выстрѣлѣ и увлекали за собою тѣхъ, которые могли бы еще постоять за себя. Какъ я ни старался объяснить себѣ это странное явленіе, невольно эти объясненія сводились къ простой случайности. Каждый батальонъ былъ раздѣленъ на 4 „четы“, т. е. роты. Каждымъ батальономъ, до прибытія русскихъ офицеровъ, командовалъ такъ называемый „народный командиръ“. Народные командиры принадлежали къ числу зажиточныхъ селянъ; ихъ зажиточность

была единственною причиною ихъ назначенія на должности народныхъ командировъ. Въ сущности это были такіе же неученые и неподготовленные въ военномъ отношеніи воины, каковы были и всѣ войники сербской арміи. У cadaго народнаго командира былъ свой „народный адъютантъ“, свой баталіонный писарь и свой баталіонный комиссаръ, избранные равнымъ образомъ изъ среды зажиточныхъ крестьянъ. Каждая рота, „чета“, была поручена „четоводнику“, по назначенію начальства, преимущественно согласно желанію нижнихъ чиновъ. Степень прочности „четоводника“ на этой должности гарантировалась степенью уваженія къ нему со стороны нижнихъ чиновъ. Взводы были подъ командою простыхъ „водниковъ“.

Ходили слухи, что генераль Черняевъ былъ недоволенъ организаціею сербской арміи. Черняевъ находилъ неправильнымъ дѣленіе арміи на бригады и подраздѣленіе бригадъ на баталіоны. Говорятъ генераль находилъ болѣе цѣлесообразнымъ подраздѣленіе арміи на болѣе крупныя единицы; такъ, на примѣръ, на полки и т. д. По моему (а я сужу на основаніи горькаго и близкаго мнѣ опыта), на какія бы единицы сербскую армію ни дѣлили,—получился бы одинъ и тотъ же результатъ. Сущность недостатковъ заключалась вовсе не въ дѣленіи арміи на тѣ или другія единицы, а въ дѣлѣ веденія этихъ единицъ въ бой и въ дѣлѣ управленія этими единицами во время боя, т. е., иначе говоря, недостатки эти заключались всецѣло въ начальствующихъ лицахъ этихъ единицъ. При описаніи ближайшаго боя я поясню свою мысль примѣромъ и примѣромъ же постараюсь доказать справедливость моихъ заключеній. Горе арміи заключалось вовсе не въ томъ, что она была раздѣлена на бригады и ба-

талыоны; оно заключалось въ томъ, что при наборѣ арміи ускользнула цѣлая масса здоровыхъ, сильныхъ, вполне годныхъ въ строй людей и ускользнула самымъ преступнымъ образомъ. Открылъ я это явленіе слѣдующимъ путемъ: однажды былъ полученъ приказъ, исходящій чуть ли не изъ военнаго министерства, о томъ, чтобы начальники отдѣльныхъ частей провѣрили составы нестроевыхъ командъ каждого батальона всѣхъ бригадъ. Надо замѣтить, что нестроевыми чинами считались въ батальонахъ такъ называемые „больничары“, т. е. санитарная прислуга, на обязанности которой лежить уборка и уходъ за ранеными во время боя, и „коморджіи“, т. е. та нестроевая команда, которая доставляла ежедневно провизію для своихъ батальоновъ. Въ каждомъ батальонѣ было ограниченное количество „больничаровъ“, такъ что при провѣркѣ этого состава можно было только пожалѣть о томъ, что ихъ было слишкомъ мало при батальонѣ. Приказъ относительно „коморджіевъ“ прошелъ въ арміи почти безслѣдно, т. е. онъ былъ выполненъ наружнымъ образомъ и не вызвалъ никакихъ послѣдствій. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе офицеры, командовавшіе сербскими батальонами, какъ-то вовсе не входили во внутреннюю жизнь арміи и ограничивались пониманіемъ себя исключительно въ роли боевыхъ офицеровъ, предоставляя все остальное тѣмъ же сербамъ. Конечно это были громадныя ошибки русскихъ офицеровъ, сильно вліявшія на весь ходъ военныхъ событій въ Сербіи, но что же будешь дѣлать, если русскіе офицеры *не хотѣли* серьезнѣе смотрѣть на исполненіе добровольно принятыхъ ими на себя обязанностей?! Такимъ образомъ и приказъ, о которомъ я упоминаю, прочитался русскими офицерами для проформы и переданъ былъ по началь-

поневоля уступали туркамъ въ такіе моменты. Трусливое поведеніе коморджіевъ вызвало приказъ, которымъ предписывалось каждому баталіонному командиру назначить по одному солдату изъ каждаго полувзвода и вмѣнить ему въ обязанность ношеніе во время боя сумки, подобно ранцу, наполненной патронами! Само собою разумѣется, что такая же небрежность замѣчалась и въ обращеніи сербовъ съ оружіемъ. Сербы никогда не чистили ружей, если за этимъ не слѣдили баталіонные командиры; теряли шомпалы, портили ружье умышленнымъ спускомъ курка во время ученья; короче среди сербскихъ войниковъ было много такихъ, которые всѣми легкими и нелегкими старались выйти изъ строя.

Въ кавалеріи чувствовался большой недостатокъ во время войны, и, отдавая должную справедливость существовавшей кавалеріи, слѣдуетъ замѣтить, что она не приносила рѣшительно никакой пользы дѣлу. Въ продолженіе всей войны не было ни одного случая кавалерійской атаки; въ то же время я ни разу не былъ свидѣтелемъ побѣды сербовъ, бѣгства турокъ; поэтому мнѣ и приходилось видѣть сербскую кавалерію въ дѣлахъ преслѣдованія непріятеля. Между тѣмъ турки обладали большимъ количествомъ вполнѣ регулярной и иррегулярной кавалеріи. Иногда эскадроны турецкихъ кавалеристовъ спѣшивались и принимали участіе въ боѣ, на ряду съ пѣхотинцами. Иррегулярная турецкая кавалерія, т. е. баши-бузуки, обыкновенно преслѣдовала отступавшихъ сербовъ и рубила своими шапками всѣхъ и каждаго, кто только попадался ей въ руки.

Сербскіе эскадроны были разбросаны на разныхъ позиціяхъ, стояли лагеремъ и большею частію бездѣйствовали. Иные эскадроны дробились на мелкія части и от-

командировывались въ распоряженіе бригадныхъ командировъ и начальниковъ позицій, гдѣ они и служили „на посылкахъ“. Развѣдочную службу кавалеристы несли самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Это были необыкновенно лѣнныя люди, хотя слѣдуетъ замѣтить, что лѣнность отличительная черта всѣхъ сербовъ вообще. Куда бы вы ни послали сербскаго кавалериста, въ большой части случаевъ, онъ даже не доѣзжалъ до мѣста посылки, отвѣтовъ не привозилъ и, будучи вашимъ конвоиромъ, отставалъ и скрывался, когда становилось жутко. Кавалерія была вооружена очень плохо.

Нѣкоторые изъ русскихъ офицеровъ - кавалеристовъ сформировывали эскадроны. Такъ между прочимъ былъ сформированъ въ Бѣлградѣ эскадронъ княгини Наталіи преимущественно изъ русскихъ добровольцевъ. Министерство и княгиня не пожалѣли средствъ на этотъ эскадронъ; они снабдили русскихъ кавалеристовъ лучшими лошадьми, сѣдлами, уздечками, но большинству не дали сабель и револьверовъ, за неимѣніемъ ихъ въ арсеналахъ. Я незнакомъ близко съ дѣятельностью этого эскадрона, но, по наслышкѣ, за нимъ не было особенныхъ заслугъ, видныхъ дѣлъ. Офицеры эскадрона били на шпикъ, фигурировали вѣншностью. Плохою репутаціею пользовались и наши казаки, которые прибыли въ Делиградъ къ концу военныхъ событій. Это былъ народъ распущенный, сильно пьющій и не оказавшій никакихъ особыхъ услугъ обществу дѣлу. Черняевъ возлагалъ на нихъ большія надежды, но эти надежды не оправдались на дѣлѣ. Я говорю про донскихъ казаковъ. Линейные кавказскіе казаки прибыли въ Бѣлградъ къ моменту заключенія перемирія, такъ что они поневолѣ остались въ Бѣлградѣ въ ожиданіи открытія военныхъ дѣйствій. Линейные казаки не прини-

мали никакихъ назначеній; они рассчитывали дѣйствовать самостоятельно, всё сообща своею партіею (нѣсколько десятковъ человекъ), въ которую не принимали никого. Планъ ихъ дѣйствій заключался въ томъ, чтобы грабить и жечь турецкія села и деревни. Каждый изъ линейныхъ казаковъ далъ клятву передъ всѣмъ своимъ обществомъ, что никто изъ нихъ не будетъ убивать женщинъ, младенцевъ и стариковъ.

Самая лучшая, самая полезная, стойкая, образованная, добросовѣстная часть сербской арміи была—сербская артиллерія. Странное дѣло! Артиллерія образовывалась изъ того же матеріала, что и остальные роды сербскаго оружія, но какъ рельефно выдѣлялись сербскіе артиллеристы изъ всего остальнаго войска. Артиллерія совершенно не нуждалась въ офицерахъ, такъ что русскіе артиллерійскіе офицеры хотя и служили въ сербской артиллеріи, но они были даже лишними въ батареяхъ. Сербскіе артиллерійскіе офицеры не имѣли ничего общаго съ армейскими; они и держались какъ то въ сторонѣ отъ послѣднихъ. Большинство были молодые, смѣлые, хладнокровные, хорошо знающіе свое дѣло артиллеристы; артиллеріею гордилась сербская армія. Не взирая на то, что во всей сербской артиллеріи насчитывали всего два, три орудія, заряжавшихся съ казенной части, тогда какъ у турокъ были орудія Крупна, — сербская артиллерія мѣткостью своей стрѣльбы наносила большой вредъ непріятелю.

Четвертая и самая малочисленная часть войска были саперы. „Піонеры“ были раздѣлены на нѣсколько „четъ“ и вели кочевую жизнь. Укрѣпивъ одну позицію, саперы переходили на другую, съ другой на третью и т. д. Поэтому вы можете судить, какъ много требовалось време-

ни для укрѣпленія всѣхъ сербскихъ позицій вообще. Иногда саперы даже не успѣвали оканчивать свои работы.

Въ заключеніе очерка организаціи арміи скажу нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ сербскаго воина. Въ началѣ войны сербское правительство снабдило каждаго воина одеждой, по формѣ похожей на походную одежду австрійскихъ солдатъ. Они получали отъ правительства шапку, панталоны, зипунъ и нѣкоторые—шинель. Шинелями были снабжены далеко не всѣ солдаты. Со временемъ одежда постепенно обнашивалась, рвалась, и въ концѣ концовъ сербскій воинъ принималъ видъ оборванца. Когда наступила осень, сербовъ, не снабженныхъ шинелями, начала бить лихорадка. Хотя писали и говорили о томъ, что турки не имѣли хорошей одежды, обуви, но турки собственно были одѣты несравненно лучше сербовъ. По мѣрѣ уменьшенія численности сербскихъ воиновъ въ батальонахъ, благодаря выбытію изъ строя убитыми и ранеными, численность батальоновъ пополнялась рекрутами новыхъ призывовъ. Рекруты являлись изъ деревень прямо на позицію въ томъ внѣшнемъ видѣ, въ той одеждѣ, въ какой они ходили въ деревняхъ; эта одежда состояла изъ длинной полотнянной рубахи, полотнянныхъ панталонъ и красной фески на головѣ. Въ такомъ точно видѣ рекруты вступали въ строи. Наступила осень, холодное, дождливое время года. Жалъ было смотрѣть на этихъ несчастныхъ рекрутовъ, когда холода вызывали лихорадку и постоянные дожди мочили этихъ полунагихъ воиновъ. Они жались у костровъ и ежедневно выбывали десятками изъ строя по госпиталямъ; имъ рѣшительно нечѣмъ было прикрыть свои обнаженные части тѣла и негдѣ было взять для нихъ одежды. Имъ не давали даже шапокъ, и они по необходимости

дрались съ турками въ красныхъ фескахъ. Не поручусь за то, чтобы сербы въ горячности боя, при видѣ красной фески, не принимали своего же серба за турка и не стрѣляли другъ въ друга. Однажды мнѣ пришлось съѣздить съ позиціи въ Делиградъ, для того, чтобы хлопотать о снабженіи одеждою рекрутовъ моего батальона. Говорили, что въ Делиградѣ при главной квартирѣ находился складъ одежды. Я нашелъ въ Делиградѣ нѣсколько сотенъ форменныхъ шапокъ, но тамъ не было ни одного зипуна, ни одной шинели. Военное министерство не присылало въ Делиградъ рѣшительно ничего, а между тѣмъ сколько милліоновъ рублей поступило въ кассу сербскаго правительства! Осенью полученъ былъ изъ Россіи транспортъ полушубковъ и большихъ сапоговъ. Тѣмъ и другимъ снабжались только русскіе добровольцы за неимѣніемъ достаточнаго количества присланныхъ вещей. Впослѣдствіи я встрѣчалъ въ Крушевацѣ много городскихъ жителей, разгуливавшихъ въ русскихъ сапогахъ, но я не видѣлъ на позиціи ни одного сербскаго воина, у котораго были бы русскіе сапоги или полушубокъ. Какимъ образомъ попадалъ въ руки мирныхъ горожанъ тотъ матеріалъ, который предназначался собственно для войска,—я рѣшительно не понимаю! Штабъ снабжалъ иногда сербовъ вещами, полученными изъ Россіи. Черняеву хотѣлось надѣлать сапогами и полушубками всѣхъ, безъ различія серба отъ русскаго. Хорватовичъ былъ противъ этого. Хорватовичъ говорилъ, что эти вещи присланы изъ Россіи, приобретены на средства русскіхъ, а потому одни только русскіе имѣютъ на нихъ право. При этомъ Хорватовичъ проклиналъ сербовъ, какъ своихъ, такъ и австрійскихъ, не хотѣвшихъ позаботиться о своихъ же братьяхъ. Проклятія Хорва-

товича конечно не помогали горю, и полунагіе сербы продолжали мѣсить осеннюю грязь мокрыми ногами, обувшими въ сербскія опанки.

XIX.

Первый вечеръ на бивуакѣ.—Отношенія русскихъ и сербовъ другъ къ другу.

Нашъ батальонъ стоялъ бивуакомъ въ разстояніи ста шаговъ отъ штабной палатки. Была темная ночь; костры ярко горѣли, окрашивая красноватымъ цвѣтомъ группировавшихся вокругъ огня сербовъ. Сербы только-что кончивъ ужинъ, окружали костры въ самыхъ разнообразныхъ позахъ; большинство молча глядѣли на огонь, казались мечтательными; меньшинство вели бесѣду. Приходъ русскихъ офицеровъ повидимому не произвелъ на сербовъ особеннаго впечатлѣнія; нѣкоторые апатично оглянули насъ съ ногъ до головы, другіе осматривали молча съ наивностью дѣтскаго любопытства. Я сѣлъ у костра.

— Руссь? ткнулъ меня пальцемъ въ грудь сосѣдній войникъ.

— Руссь! отвѣтилъ я ему.

Войникъ кивнулъ головою и замолчалъ. Другіе осматривали меня какъ дикаго звѣря.

Машинально поправивъ свалившуюся съ горящихъ дровъ головешку, я задумался. Сами знаете: каминъ, костеръ невольно вызываютъ мечтательность, и я началъ мечтать. Мечты унесли меня далеко, далеко изъ той страны, отъ того положенія, въ которомъ я очутился; я вспомнилъ родную мнѣ обстановку, вспомнилъ близкихъ

моему сердцу людей, оглянулся вокруг себя и почувствовать тоскливое чувство одиночества. Да, я былъ одинокъ, читатель! Всѣ эти увѣренія въ братствѣ насъ со славянами, всѣ эти разглагольствованія на тему племенной нашей связи, народной любви и т. д. — все это можетъ быть очень вѣрно и многозначительно въ устахъ политика, историка, публициста, если хотите, — но все это такая фикція въ смыслѣ природныхъ человѣческихъ чувствъ, которая можетъ имѣть мѣсто только при помощи возбужденія человѣческихъ нервовъ путемъ систематическаго навѣянія извѣстныхъ мыслей. Въ сущности что общаго было между мною и этими сербами, окружавшими меня и недовѣрчиво изподлобья посматривавшими на чужаго для нихъ человѣка? Племенная связь! И только?.. Неужели этого достаточно для того, чтобы люди одного племени, но различныхъ національностей, могли безкорыстно любить другъ друга и, будучи въ гостяхъ другъ у друга, чувствовать себя какъ въ родной семьѣ? Требовать этого отъ русскаго, явившагося въ Сербію, и отъ серба, явившагося въ Россію, — значило бы требовать отъ пасынка къ мачихѣ тѣхъ же чувствъ, какія питаетъ обыкновенно родной сынъ къ родной матери. Россія, какая бы она ни была, — моя мать родная; она меня вскормила, воспитала, вздѣляла, вдохнула въ меня любовь къ родному народу съ материнской колыбели, вкоренила во мнѣ народныя традиціи. А что такое Сербія для меня? Сербія — страна одного племени, но разныхъ взглядовъ, нравовъ, привычекъ, убѣжденій, разнаго воспитанія, развитія и направленія.

Чувство одиночества естественно должно было томить меня.

Конечно племенная связь народовъ роднитъ ихъ между

собою. Русскій чувствовалъ къ сербамъ такую же привязанность, какую въ обществѣ чувствуютъ обыкновенно родные братья, происшедшіе отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей, притомъ воспитанные разновременно и всю жизнь не видавшіе другъ друга. Вглядѣвшись бывало другъ въ друга и дѣйствительно много замѣчаешь общаго между русскимъ и сербомъ, но... все-таки есть что-то такое, что насъ раздѣляетъ и не можетъ соединить, несмотря ни на какія возбужденія нашихъ нервовъ. Насъ связываютъ: одинъ языкъ, одна вѣра. Сербъ такой же наивный, сердечный, мягкаго характера человекъ, какъ и нашъ крестьянинъ. Но нашъ крестьянинъ бѣденъ, сербъ богатъ; бѣдные люди въ большинствѣ бываютъ добрыми людьми, хлѣбосолами, богатый человекъ скорѣе жаденъ; сербъ такой же жадный человекъ. Русскій человекъ безгласенъ, забить, привыкъ гнуть свою покорную спину чуть не передъ каждымъ; сербъ, напротивъ, человекъ съ голосомъ, съ извѣстными понятіями, чуждыми намъ. Русскій крестьянинъ сроднился съ подзатыльниками, сербъ самолюбивъ и ихъ не перевариваетъ. „Въ сербахъ нѣтъ національнаго самолюбія“, говорятъ нѣкоторые. Напротивъ, я всега видѣлъ въ сербахъ національное чувство самолюбія и продолжаю видѣть его до сихъ поръ.

А мы, русскіе?..

Гдѣ-бы мы ни были,—мы вездѣ и всегда останемся такими, какъ мы есть. Наша широкая, необузданная и незастрѣженная натура, съ претензіей на господство и власть, не знаетъ предѣловъ. Мы гордо, надменно явились въ Сербію съ понятіями спасителей этой страны, съ убѣжденіями, что Сербія погибнетъ безъ насъ. Мы всѣ, начиная съ генерала и кончая прапорщикомъ, — маленькіе помпадуръ, поняли себя въ роли властителей чужой

страши и не стѣснялись властвовать и въ то же время корить сербовъ въ глаза деньгами и тюками коршій, которыми снабжала Россія Сербію. Само собою разумѣется, что чувство сербскаго самолюбія оскорблялось. Въ самыя естественныя, безпретензійныя, братскія, добрыя отношенія къ сербамъ стали нижніе чины, т. е. русскіе добровольцы изъ солдатъ. Я увѣренъ въ томъ, что большинство порядочныхъ русскихъ, весь неиспорченный русскій народъ счумѣлъ бы выработать эти братскія отношенія къ сербамъ, если бы это порядочное большинство оказалось въ Сербіи. Но къ несчастію въ Сербію ѣхало много отщепенцевъ русскаго общества, нравственныхъ монстровъ, ничтожныхъ, забытыхъ, загнанныхъ и молчаливыхъ въ Россіи, но почувавшихъ значеніе своей персоны тамъ, гдѣ нуженъ лобъ для пули, возгордившихся своимъ положеніемъ и поднявшихъ голосъ въ средѣ испуганнаго событіями сербскаго народа. Правда, много было и хорошихъ людей, послѣдніе брали иногда даже верхъ надъ дурными, но въ концѣ концовъ слѣдуетъ сознаться, что разница нашихъ убѣжденій, нашего духа дали о себѣ знать на первыхъ порахъ; этому явленію поспособствовали именно русскія необузданныя натуры, о которыхъ я только-что упомянулъ выше. Я не виню за это отщепенцевъ изъ русскихъ добровольцевъ; они были такими, какими они есть, и другими конечно они быть не могли; я ихъ даже оправдываю въ виду тѣхъ страданій, которыя выпали на ихъ долю; но я виню за это наше общество, счумѣвшее воспитать атихъ уродовъ и, воодушевившись славянскою идеей, выслать ихъ за предѣлы Россіи въ помощь славянамъ, на позоръ Западной Европы. Русское общество провожало отщепенцевъ восторженными криками „ура!“ и съ негодованіемъ отвернулось отъ нихъ

тогда, когда слухъ о ихъ поведеніи въ Сербіи дошелъ до него. Справедливо ли это? — Нѣтъ, читатель, этого слѣдовало ожидать и не возмущаться впоследствии. Дай Богъ, чтобы это явленіе послужило урокомъ для русскаго общества, повліяло бы на воспитаніе нашихъ дѣтищъ. Спрашиваю васъ: чѣмъ виновать какойнибудь армейскій прапорщикъ, поручикъ, капитанъ, конекръ и т. д. въ томъ, что онъ нѣющъ, невѣжливъ, беззастѣнчивъ, безшабашенъ, недалеко по своему развитію, деспотъ въ обращеніи съ ближнимъ и т. п.? Условія воспитанія и жизни вложили въ него эти милые принципы. Отъ пьетъ, потому что онъ спился ранѣе; онъ бьетъ серба, потому что привыкъ драться съ подчиненными; онъ обращается невѣжливо, безчеловѣчно, потому что въ каждомъ человѣкѣ, стоящемъ подъ ружьемъ, онъ прежде всего привыкъ видѣть своего денщика. Но взгляните въ него пристальнѣе, и вы замѣтите въ немъ хорошія стороны, вы даже очаруетесь имъ въ минуты его индивидуальнаго увлеченія. Онъ смѣлъ какъ левъ, онъ храбръ и честенъ на войнѣ, онъ гордъ, самолюбивъ, онъ ненавидитъ трусовъ; онъ не умѣетъ владѣть собою, въ немъ нѣтъ гражданскихъ доблестей, онъ неразвитъ, но онъ образцовый воинъ. Народъ воодушевленный идеею войны за независимость страны, простилъ бы все русскому добровольцу, но сербская интеллигенція не прощала ему, потому что интеллигенція не была воодушевлена, въ ней не было сознанія необходимости войны за свою независимость. Между тѣмъ сербъ оставался вполне гражданиномъ. Мы просто не понимали другъ друга, и въ этомъ слѣдуетъ искать сущности всѣхъ недоразумѣній и препирательствъ, происходившихъ между сербами и русскими, начиная съ высшихъ чиновъ и кончая низшими.

Вся военная власть была въ рукахъ русскихъ. Русскій увлекался этою властью, занималъ лучшія мѣста, получалъ высшія награды; опираясь на строгость дисциплинарнаго закона въ военное время, онъ творилъ то, что хотѣлъ, распоряжался въ Сербіи какъ въ своей странѣ, какъ у себя дома. Остановимся на примѣрѣ. Что такое въ сущности бывшія препирательства Черняева съ Николичемъ? По рассказамъ, ходившимъ въ Сербіи, они возникли главнымъ образомъ изъ того, что одинъ другаго не такъ встрѣтилъ, какъ бы тому хотѣлось. Все это развивалось вслѣдствіе какихъ-то дерзкихъ писемъ. И я охотно вѣрю этому, потому что имѣлъ случай убѣдиться въ томъ изъ примѣра отношеній русскихъ же генераловъ между собою. Покойный генераль Новоселовъ началъ вздорить съ генераломъ Черняевымъ изъ-за того, что одинъ другаго не такъ принялъ, какъ бы тому того хотѣлось. Кто изъ нихъ былъ лучше въ этомъ случаѣ? — Конечно оба хороши! Если уже родные по отечеству генералы, предводители одной и той же арміи, не сумѣли вести себя въ отношеніи другъ къ другу, въ моментъ служенія общей имъ идеѣ, въ чужой странѣ, то могли ли они работать добрыя отношенія къ представителямъ сербской власти, къ людямъ, которыхъ они пріѣхали „спасать“? Если генералы не сумѣли быть тактичными, то можно ли было ожидать тактичности отъ какихъ нибудь армейскихъ прапорщиковъ, юнкеровъ и т. д.? Вы сами знаете, что когда высшіе чиновники одного вѣдомства вздорятъ между собою, то и всѣ подвѣдомственные имъ лица становятся другъ къ другу въ такія же отношенія. Вздоры Черняева съ Николичемъ не могли пройти безслѣдно, хотя Черняева и нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ рѣзко оскорблялъ національное чувство сербскаго народа. Рѣзкихъ

оскорблений простому народу не было; сербскій народъ его даже любилъ, но сербская интеллигенція питала къ Черняеву затаенную злобу. Разладъ Черняева съ Николичемъ невольно отразился на сербской интеллигенціи и долженъ былъ повліять на отношенія сербскихъ офицеровъ къ русскимъ. вмѣстѣ съ чувствомъ задѣтаго самолюбія Николича, было задѣто и чувство самолюбія офицеровъ сербскаго военнаго министерства. Я не знаю, очень можетъ быть, что Николичъ и виноватъ въ этомъ случаѣ, но Черняевъ долженъ былъ встать выше этихъ дразгъ, избѣгать ихъ. Онъ долженъ былъ понимать, что сербская интеллигенція была близка къ народу, а потому въ немъ должно было существовать сознаніе, что опасна та игра, въ которую онъ игралъ.

Такимъ образомъ отношенія высокопоставленныхъ лицъ отразились и на отношеніяхъ мелкихъ дѣятелей. Когда корень такихъ отношеній пустилъ свои тлетворные отпрыски, начались случаи оскорбленія сербовъ русскими и русскихъ сербами. Корреспонденты винили за это исключительно сербовъ. Это несправедливо! Повторяю, были разные случаи, въ которыхъ иногда бывали виновны сербы, а иногда и русскіе.

Впрочемъ это нисколько не мѣшало русскимъ офицерамъ сохранять добрыя отношенія къ сербскимъ войникамъ, къ простому народу. Войники иногда ворчали на нѣкоторыхъ русскихъ офицеровъ, были ими недовольны. Бывало это въ тѣхъ случаяхъ, когда русскій давалъ волю кулаку или систематическими насмѣшками надъ трусостью надѣлалъ сербамъ, оскорблялъ ихъ. Но и тутъ я долженъ оговориться. Среди сербскихъ офицеровъ было едва ли не больше драчуновъ. Нѣкоторые русскіе нападали на сербовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда развитый умъ

простить бы сербу за его проступокъ. И это происходило именно вследствие неразвитости русскаго, его непониманія быта, понятій и условій жизни сербскаго народа. Сербь кротко переносили многое отъ русскихъ, продолжая любить ихъ за ихъ отвагу, преданность военному дѣлу, за ихъ храбрость. Я увѣренъ въ то, что въ сербскомъ народѣ, при всей массѣ дразгъ, происшедшихъ въ Сербіи, остались все-таки добрыя воспоминанія о русскихъ. Бывало напьется какой нибудь армейскій широкоплечій капитанъ въ сажень ростомъ, со свирѣпой, четырехугольной фивіономіей, и начнетъ честить сербовъ, ихъ старшинъ самыми что ни на есть оскорбительными, непристойными словами, а сербы сгруппируются вокругъ него, смотрять на него, умильно улыбаются, да приговариваютъ:

— О, лютый капитанъ!... лютый капитанъ!

Выспится лютый капитанъ, — и опять онъ другъ и пріятель съ сербами.

Сербь очень добрый народъ, ласковый. Придетъ ли какая баба въ лагерь, принесетъ она бывало овечьяго сыру, яблоковъ, вина, грушъ своему мужу, — мужъ первымъ дѣломъ дѣлится съ русскимъ добровольцемъ подарками своей жены. Увидитъ онъ ласковую, благодарную улыбку на лицѣ русскаго офицера — и растаетъ. Пріятно ему видѣть эту улыбку, она подкупаетъ его, онъ даетъ вамъ за улыбку еще одно яблоко и еще одно, еще сыру, льетъ вина сколько влѣзетъ, пока вы наконецъ сами не остановите его и не скажете:

— Довольно, братецъ, тебѣ самому ничего не останется.

Сербъ даетъ русскому не съ цѣлью дать взятку, а искренно. Онъ радуется, когда замѣчаетъ, что угодилъ вамъ своими подарками. Сербскій народъ отлично пони-

малъ жертвы, приносимыя русскими на пользу ихъ страны; онъ былъ благодаренъ за это русскимъ. Нѣкоторые изъ раненыхъ русскихъ офицеровъ нашей бригады отправленныхъ на излеченіе въ Крагуевацъ, рассказывали мнѣ, что по заключеніи перемирія, когда народное войско было распущено по домамъ, почти всѣ войники батальона, въ которомъ служили раненые офицеры, посѣщали ихъ въ госпиталѣ, привозили къ нимъ своихъ женъ, дѣтей, ухаживали за больными и надѣляли ихъ чѣмъ только могли. Къ одному раненому офицеру, капитану Гордіенко, *) лежавшему въ крагуевацкой больницѣ, приходилъ одинъ сербъ. Человѣкъ онъ былъ сумрачный, молчаливый, одинокій. Приходилъ онъ къ больному Гордіенко ежедневно, садился около его кровати и обыкновенно молчалъ и долго смотрѣлъ на больного.

— Ну, что скажешь? спросить его Гордіенко.

— Да нѣтъ, я вѣдь такъ пришелъ!.. Я что же?.. я ничего!.. я такъ себѣ... мнѣ вотъ пріятно посидѣть около тебя, посмотрѣть на тебя... я вѣдь одинокій!.. Мы вѣдь вмѣстѣ турокъ-то были.

И я увѣренъ въ томъ, что эта совмѣстность дѣйствій роднила русскихъ съ сербами такъ сильно, что всякія пререканія сербскихъ офицеровъ съ русскими не могли бы разорвать мало по малу устанавливавшихся народныхъ отношеній. Тѣмъ грустнѣе было переживать эти пререканія въ такія тяжелыя для сербовъ и для русскихъ добровольцевъ времена.

Сербскій народъ — народъ развитой, очевидно воспитанный на свободныхъ началахъ. Это развитіе сербскаго народа не есть плодъ народнаго ученія въ смыслѣ знанія грамотности, чтенія книжекъ и т. д. Это развитіе

*) Несчастный былъ убитъ въ Болгаріи 30 Августа подъ Плевной.

вдохновлено въ сербовъ сербскою интеллигенціей, независимо отъ ученія и грамотности. Интеллигенція такъ близко стоитъ къ народу, что народъ, часто не зная грамоты, усваиваетъ себѣ принципы интеллигенціи. Но такъ какъ эти принципы передаются интеллигенціей посредствомъ сближенія съ народомъ, а не вкореняются въ народъ путемъ самостоятельнаго мышленія, не являются плодомъ ученія, то они и шатки въ народѣ. Однако народъ все-таки настолько твердъ въ нихъ, что никогда не измѣнитъ своего образа правленія, если того не вызоветъ какая нибудь деспотическая, вооруженная сила. Переимѣна титула князя на короля кажется ему безразличной.

При всѣхъ симпатичныхъ сторонахъ сербскаго народа, въ немъ замѣчаются и крупные недостатки. Сербъ прежде всего эгоистъ, торгашъ, всегда и всюду соблюдающій по возможности только свои интересы. Эта порочная человеческая страстишка часто увлекаетъ серба до степени безчестнаго поступка. Въ смыслѣ торгашества сербъ напоминаетъ собою еврея. Намъ, русскимъ, напримѣръ, большаго труда стоило вывести въ средѣ сербскихъ солдатъ нашихъ батальоновъ страстишку торговать. Одинъ сербъ хочетъ ѣсть: онъ съѣлъ свою порцію и видитъ, что у другаго серба есть кусокъ хлѣба, кусокъ мяса, которымъ тотъ можетъ подѣлиться съ товарищемъ. Но тотъ, у кого есть лишнее, не подѣлится безвозмездно, онъ непременно потребуеъ за это вознагражденія. Я говорю, что это торгашество замѣчалось преимущественно въ сношеніяхъ сербовъ другъ съ другомъ, хотя были отдѣльные, исключительные случаи въ такомъ родѣ и въ отношеніи къ русскимъ. Къ чести русскихъ офицеровъ будь сказано, они на первыхъ же порахъ подмѣтили этотъ порокъ людей, одинаково несущихъ невзгоды военнаго

времени, и самыми энергичными мѣрами прекратили торговлю среди сербскихъ воиновъ. Страсть къ деньгамъ унижаетъ сербскихъ чиновниковъ до порока взяточничества.

XX.

Ночныя вылазки.

Мало по малу, день за днемъ, мы сближались съ сербами. Я пріѣхалъ на позицію 1-го сентября, и ровно до 16-го сентября между нами и турками не было стычекъ. Русскіе офицеры перезнакомились между собою, сошлись съ сербскими. Иногда пронаводились ученья, но очень рѣдко. Сербы съ любовью учились приѣмамъ, фронту; они отлично понимали, что въ этомъ заключается ихъ спасенье, что на этомъ должны быть основаны всѣ ихъ надежды. Къ несчастію, далеко не всѣ русскіе офицеры честно относились къ этимъ занятіямъ, а сербское начальство за этимъ вовсе не слѣдило. Не было въ арміи инспекторовъ, не было сдѣлано никакихъ росписаній лагерныхъ занятій. Въ этомъ отношеніи штабъ Черняева совершенно бездѣйствовалъ, упуская изъ виду много свободного времени, которое бы при другихъ условіяхъ могло быть употреблено съ большою пользою для сербской арміи. Мы бездѣйствовали по шестнадцать дней до одуренія, до жажды боя. Въ то же время каждый изъ насъ являлся на позицію съ возбужденными страстями, съ жаждою сильныхъ ощущеній, развившихся въ послѣднее время до бодренности. Такъ вотъ и хотѣлось начать бой, пережить эти боевыя чувства.

Русскіе офицеры не вытерпѣли. На второй же день

своей явки на позицію они задумали ночную вылазку. То была, если хотите, курьезная, безплодная вылазка, но она имѣла свое значеніе въ психическомъ отношеніи. Вызвали желающихъ; десять человекъ русскихъ вышли охотниками. Изъ сербскихъ войниковъ набралось человекъ 20. Получили разрѣшеніе отъ майора Яковлевича и стали ожидать вечера. Опытныхъ людей между нами не было; опредѣленнаго плана также никакого не было. Мы шли просто потому, что насъ тянуло идти и мы не могли заглушить въ себѣ этого чувства. Наступила ночь. Мы взяли ружья, патроны, вышли изъ лагеря, спустились съ горы, прошли наши аванпосты, вступили на поляну и вошли въ деревню, раздѣлявшую насъ отъ турецкихъ аванпостовъ, располагавшихся днемъ за отдѣльной горѣ, въ свою очередь раздѣлявшей поляну съ деревней отъ турецкихъ шанцевъ, батарей и главнаго турецкаго лагеря. Ночная темнота все гуще и гуще ложилась на землю. Мы медленно двигались впередъ, съ трудомъ различая окружающіе предметы. Ну, какъ вамъ сказать? Испытываешь такія ощущенія, которымъ нѣтъ равныхъ по силѣ. Сердце стучить, мракъ ночи усиливаетъ невольно зарождающійся страхъ, всякій пенъ кажется человекомъ, и вы затаивъ дыханіе, двигаетесь впередъ, останавливаетесь, прислушиваетесь къ каждому звуку, такъ или иначе нарушающему ночную тишину. Надо замѣтить, что мы даже приблизительно не знали положенія и разстоянія отъ насъ турецкихъ аванпостовъ. Вотъ спускаемся мы тихо по дорогѣ. Одна вѣтвь дороги огибааетъ дома направо, другая на лѣво. Куда идти? Пойдемъ направо, — турки могутъ замѣтить и съ большими силами обойдутъ насъ съ лѣвой стороны; пойдемъ налѣво, — турки сдѣлаютъ обходъ справа. Нѣтъ ли ихъ въ самой деревнѣ?

Не притаились ли они гдѣ нибудь за этими домами? Входимъ въ домъ, осматриваемъ, шаримъ, — нѣтъ никого! Идемъ далѣе, оставивъ стража на перекресткѣ. Вдругъ гдѣ то залаяла собаченка. Гдѣ она лаетъ? Какая это собака? Прислушиваемся; сердце бьется еще сильнѣе, во рту начинается сохнуть. Главное мы боимся попасть въ засаду. Слышимъ мы, какъ кто-то ударилъ собаченку и какъ она измѣнила свой лай на визгъ. Очевидно это турецкая собаченка; турецкій стражъ ударилъ ее за то, что она помѣшала ему прислушиваться къ шелесту приближающихся шаговъ, къ нашему шопоту, очевидно открытому турками, благодаря могильной тишинѣ темной ночи. Надо ожидать выстрѣла. Но выстрѣла нѣтъ! Мы двигаемся еще далѣе. Лай собаки снова раздражается съ большею силою. Собаченкѣ вторять другія; по всей линіи турецкихъ аванпостовъ начинается собачій лай. Это тѣ собаченки, которыхъ такъ много въ Константинополѣ, вообще во всѣхъ турецкихъ городахъ. Турки какъ видно не даромъ прикармливаютъ этихъ животныхъ; они ихъ употребляютъ на военные нужды. Дѣльно и практично!

Мы остановились на мѣстѣ, прилегли и стали прислушиваться, напрягая всю силу нашего слуха. Впереди насъ ничего не видно. Прошло минутъ пять. Собаки замолкли. Послышался впереди насъ тихій разговоръ, съ трудомъ различаемый слухомъ. Мы были близко къ аванпостамъ. Идти ли впередъ, не зная мѣстности, положенія непріятеля? Къ чему идти?.. чтобы безцѣльно, зря потерять кого нибудь изъ своихъ, чтобы тахіиш убить или ранить одного, двухъ турокъ? Благоразумиѣе вернуться и выждать дѣя, перваго съ турками сраженія; тогда мы съ большею отвагою, съ большею энергіею можемъ употребить наши силы. Мы такъ и сдѣлали. Мы вернулись назадъ и благополучно достигли лагеря.

Плодовъ прогулки повидимому никакихъ! Но въ сущности они были. Во первыхъ, мы испытали то, что насъ томило, закалили нервы, стѣлали въ этомъ отношеніи шагъ впередъ; во-вторыхъ, мы познакомили съ тѣми же ощущеніями двадцать человѣкъ сербовъ, которые хотя и бывали въ бояхъ ранѣе нашего приѣзда, но которые, такъ же какъ и мы, не переживали болѣе сильныхъ ощущеній ночью; а извѣстно, что ощущенія ночныхъ вылазокъ совершенно иныя, чѣмъ ощущенія боевого дня. Самый бой вѣдь не страшенъ; страшны приготовленія къ нему. Мы были совершенно увѣрены, что на слѣдующій разъ сербы пойдутъ храбрѣе. Не хватало только самой битвы, ружейнаго огня, во время котораго человѣкъ приходитъ въ состояніе одуренія; а затѣмъ всѣ остальные чувства мы пережили. Не забывайте, что вѣдь это былъ нашъ первый шагъ, — шагъ безцѣльный, необдуманный, безъ расчетовъ и соображеній о томъ, что насъ встрѣтитъ и чѣмъ онъ окончится.

Я привелъ этотъ безплодный примѣръ, для того чтобы сказать, что всѣ ночныя вылазки въ сербскую войну отличались такимъ же безцѣльнымъ и безплоднымъ характеромъ. Онѣ не давали результатовъ, потому что между нами не было опытныхъ людей.

XXI.

Неофициальное перемиріе. — Полковникъ Клиндеръ.

Проходили дни, проходили ночи, между тѣмъ позиціи наши не укрѣплялись. Мы видѣли, какъ турки постепенно зарывались въ землю, воздвигнули на трехъ господствующ-

щихъ пунктахъ противъ арміи Хараатовича три сильныхъ батареи, прекрасно построенныхъ въ техническомъ отношеніи; какъ они амфитеатромъ закопали эти три батареи тремя ярусами ружейныхъ ложементовъ; между тѣмъ мы продолжали себя считать наступающею стороною и довольствовались немногими засадами, наскоро устроенными изъ досокъ и огородныхъ жердей вдоль линіи нашихъ аванпостовъ. Тутъ еще кстати пронесся слухъ о какомъ-то перемиріи, якобы неофициально заключенномъ генераломъ Черныевымъ съ Абдуль-Керимомъ, по просьбѣ послѣдняго. Сербы были вполне счастливы. Лагерная жизнь уцѣлѣла дачной жизни. Прекратилась рѣдкая перестрѣлка непріятельскихъ аванпостовъ, и въ лагерѣ прошелъ слухъ, что сербы даже организовали правильныя сношенія съ турками, обмѣнъ визитами, гдѣ-то на полянѣ, подъ яблоней, у ручья. Это меня заинтересовало. Я выѣхалъ на линію аванпостовъ, и дѣйствительно узрѣлъ, какъ многіе сербы, оставляя ружья, спускались въ долину и сходились съ турками. Пригласивъ съ собою серба, говорившаго по-турецки, мы присоединились къ партіи визитеровъ и направились къ яблонѣ, стоящей у ручья, шагахъ въ сорока отъ турецкой передовой линіи. Когда мы подходили, турки только-что разошлись съ предупредившей насъ партіей сербовъ. Мои войники остановились, замахали руками, закричали; турки отвѣтили, и представители двухъ непріятельскихъ становъ сошлись подъ яблоней. Человѣкъ шесть турокъ, низамовъ, одѣтыхъ прекрасно, любезно, съ привѣтливыми улыбками на устахъ, пожали намъ руки, пригласивъ насъ сѣсть. Мы сѣли въ кружокъ подъ яблоней. Двое турокъ говорили по-сербски. Между нами не было дикихъ фізіономій, внушавшихъ страхъ; напротивъ, это былъ добродушнѣйшій народъ съ

виду. Начался разговоръ и любезный обмѣнъ нейтральными яблоками.

— Скоро миръ будетъ, говорили турки.

— Дай-то Богъ, молили сербы: — Вы отъ кого слышали?

— У насъ въ лагерѣ объ этомъ говорятъ. Теперь перемиріе, а потомъ будетъ миръ. Мы пойдемъ въ Константинополь, вы — въ Бѣлградъ.

У сербовъ слюнки текли по усамъ при одной мысли о мирѣ.

— Много васъ тутъ противъ насъ? спрашивали турки.

— У-у!.. много!.. А у васъ?

— И не говори!.. такія силы, что и сами не знаемъ!

Пріятели умышленно надували другъ друга.

— Ты кто такой?.. обратился ко мнѣ турка, замѣчая во мнѣ нѣкоторую разницу отъ остальныхъ сербовъ въ лицѣ и въ одеждѣ.

— Это „великій христіанинъ“, маіоръ, отвѣтилъ за меня переводчикъ.

„Великими христіанами“ турки называли насъ, русскихъ.

Турки съ большимъ любопытствомъ осматривали меня; даже на время разговоръ прекратили.

— Много у васъ „великихъ христіанъ?“ продолжали спрашивать турки.

— Десять тысячъ у одного Хорватъ-паши, безцеремонно бухнулъ переводчикъ: — да еще на-дняхъ столько же прійдетъ.

Пріятели покачали головами. Я далъ имъ нѣсколько серебряныхъ монетъ на табакъ. Они остались очень довольны.

Кто-то крикнулъ туркамъ съ мѣста ихъ ближайшаго

часоваго. Визитеры поднялись съ земли, обмѣнялись рукопожатіями, набрали яблокъ и разошлись.

Только-что я отошелъ отъ мѣста нашего свиданія, какъ на турецкой передовой линіи подняли такіе крики, что мы невольно остановились на мѣстѣ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Васъ зовутъ, пояснилъ мнѣ переводчикъ.

Я вернулся къ ручью, захватилъ переводчика. Отъ турецкой группы отдѣлился всадникъ; ко мнѣ подѣхалъ пожилой турецкій офицеръ верхомъ на отличномъ конѣ.

Приложивъ свою руку къ сердцу и колбу, офицеръ заговорилъ по-французски:

— Прикажете пожалуйста, маіоръ, вашимъ аванпостамъ не стрѣлять по нашимъ. Сербы вѣроятно забываютъ, что между нами заключено перемиріе.

— Они даже этого не знаютъ.

— Странно!.. во всякомъ случаѣ это такъ... иначе мы откроемъ огонь по линіи вашихъ аванпостовъ.

— Я обѣщаю передать вашу просьбу бригадному командиру, ибо лично не смѣю отдавать приказанія въ такомъ родѣ.

— Будьте такъ добры... Что до меня касается, я бы давно кончилъ съ этой глупой комедіей, вставилъ онъ словечко.

Я засмѣялся.

— Могу васъ увѣрить, подтвердилъ офицеръ: — я бы высѣкъ сербовъ и турокъ и разогналъ бы ихъ по домамъ.

Офицеръ снова любезно пожалъ мнѣ руку и поскакалъ обратно въ турецкій лагерь.

Слѣдовательно не въ одномъ только сербскомъ лагерѣ мечтали о мирѣ.

Когда дошли слухи о сношеніяхъ сербовъ съ турками до Хорватовича, полковникъ сильно разсердился.

Командиръ корпуса распекъ маіора Яковлевича, приказавъ пресѣчь эти визиты.

Но пресѣкать заведенные самими сербами порядки было очень мудрено. Эти визиты продолжались и въ слѣдующіе дни. Помню, мой батальонъ стоялъ на аванпостахъ; было отдано строгое приказаніе не пускать сербовъ къ туркамъ. Не взирая на приказаніе, сербы съ турками продолжали сходитьсѣ на полянѣ. Что было дѣлать? Слѣдовало начать стрѣлять въ турокъ, тѣмъ болѣе что о перемиріи намъ не было объявлено. Турки будутъ отвѣчать, и сходки „пріятелей“ сами собою прекратятся.

Такое приказаніе было отдано, но сербы не рѣшились исполнять его. Высмотрѣвъ случай сходки, я отозвалъ сербовъ обратно, взявъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ.

— Кто тамъ стрѣляетъ?!. чортъ возьми!.. съ ума что ли вы сошли?!. послышалась ругань съзади меня, съ присовокупленіемъ крѣпкаго словечка.

— Позови-ка ко мнѣ этого распорядителя, приказалъ я войнику.

Ко мнѣ привели ротнаго изъ народнаго начальства.

— Ты что тутъ командуешь, не будучи начальникомъ аванпостовъ?

— Зашто пугать (стрѣлять)? махать руками четоводникъ:—турцы не пугаютъ!.. зашто сербъ пугаетъ? сербъ будетъ пугать,—и турцы будутъ пугать...

Четоводникъ искренно возмущался моимъ поступкомъ и безъ церемоній наговорилъ мнѣ кучу дерзостей.

Это былъ четоводникъ стоявшаго въ резервѣ батальона.

— Отвести его въ лагерь...

Боже, какъ возмутились сербы! Человѣкъ двадцать кинулись впередъ и, заступаясь, отстояли своего командира.

Четоводникъ оказался однимъ изъ лучшихъ воиновъ.

Тишь да гладь, да Божья благодать снова наступили въ лагерь. Всѣхъ обуялъ какой то сонъ. Просыпали дни, просыпали ночи. Вечеромъ офицеры собирались кучками, пили ракію, пѣли пѣсни. Сербамъ ужасно понравилась пѣсня: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“; сербскіе артиллеристы принялись учить ее наизусть. Русскіе офицеры шутили, острили, рассказывали анекдоты. Подмѣтивъ трусость сербовъ, они утѣшали сербовъ тѣмъ, что есть еще одна національность, которая трусливѣе сербовъ, — это жидаы! Сербы слушали и смѣялись. Офицеры сочинили анекдотъ на эту тему, въ подражаніе Вейнбергу, который рассказывался русскими на сербскомъ языкѣ. Вотъ его текстъ: „една гильяда (тысяча) чифутовъ (жидовъ) долазили кодъ Черняевъ у Делиградъ и казали: „мысмо сви добровольцы, очимъ у рать!“ Черняевъ казалъ: „у кои очите батальонъ?“— „Нечемъ (не хотимъ) мысмо у батальонъ, очимъ у подпору (въ резервъ) за вапи коморджии“.

А извѣстно, что коморджии въ арміи были самые трусливые, бездѣятельные люди.

Сербскимъ воинамъ ужасно нравился этотъ анекдотъ. Они хохотали отъ души, когда русскіе рассказывали его, и просили повторять безъ конца.

Мы то благодумствовали, а служба отъ этого страдала.

А страдала она потому, что русскіе офицеры, будучи предоставлены самимъ себѣ и не чувствуя надъ собою начальнической плетки, мало занимались ею.

На первыхъ же порахъ нашъ лагерь посѣтилъ пол-

ковникъ Хорватовичъ. Прїѣхаль онъ запросто, какъ и всегда прїѣзжалъ на позицію, собралъ бригаду, поставилъ во фронтъ и сказалъ рѣчь. Рѣчь была сказана въ патристическомъ духѣ.

Полковникъ объяснялся съ сербами запросто, каждому онъ позволялъ высказываться.

Въ началѣ сентября прибылъ на позицію русскій полковникъ Петръ Александровичъ Клиндеръ; онъ принялъ командованіе. Рассказывали, что когда еще полковникъ ѣхаль на позицію, его подергивало!—„Давно я не слыхаль звука этихъ гранатъ, чортъ возьми!“ Прежде полковникъ служилъ на Кавказѣ. Какъ только Клиндеръ вступилъ въ свою роль, въ тотъ же день наша батарея послала туркамъ три-четыре гранаты.

Это производило на русскихъ офицеровъ обновляющее впечатлѣніе. Обрадовались, подумали: „наконецъ то прекратится эта спячка“.

Клиндеръ — основатель газеты: „Сибирь“, академикъ, кончившій курсъ двухъ академій: инженерной и генеральскаго штаба. Отдавая ему должную справедливость, слѣдуетъ замѣтить, что онъ вполне образованный человекъ, лингвистъ, отлично изучившій четыре европейскіхъ языка. Это—человѣкъ правдивый, мягкій, безкорыстный, дѣлившійся съ русскими добровольцами послѣднею копѣйкой. Онъ явился въ Сербію безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякихъ претензій (что вы усмотрите изъ фактовъ) на какую нибудь видную, высшую должность, положеніе и т. д. Такихъ русскихъ полковниковъ съ такими скромными пожеланіями было немного въ Сербіи. Клиндеръ не добивался ничего, не фигурировалъ, не напускалъ на себя, не интриговалъ и не увлекался своимъ саномъ и положеніемъ. Въ то же время у Клиндера не хватало

характера, сильного, жёсткого характера, каковой по моему долженъ быть у каждаго изъ главныхъ начальниковъ въ военное время. Когда я въ порывѣ случайнаго негодованія на тотъ или другой проступокъ офицера говорилъ объ этомъ съ полковникомъ, упрекая его въ излишней мягкости отношенія къ подчиненнымъ — къ сербамъ и русскимъ, во зло употреблявшимъ эту мягкость, Клиндеръ отвѣчалъ мнѣ: „Вы забываете, что мы въ чужой странѣ, въ гостяхъ у сербовъ... они здѣсь хозяева, а мы гости“.

Много зла происходило отъ этого ненормальнаго положенія въ Сербіи русскихъ людей!

Клиндеръ, какъ и всѣ русскіе начальники, стоялъ между двухъ огней. Ему нужно было поддерживать свои отношенія къ русскимъ и къ сербамъ, мирить, лавировать, тушить душевные пожары двухъ столкнувшихся на полѣ брани элементовъ. Задача нелегкая! Съ одной стороны: баша-бувукство, съ другой — излишняя гражданская доблесть! Въ этихъ двухъ противоположностяхъ выразились свойства начальниковъ частей сербской арміи.

Вотъ вамъ наглядный примѣръ, какъ трудно было уотждать людямъ въ арміи.

Былъ у насъ офицеръ, не скажу его фамиліи, довольно общій типъ русскіхъ добровольцевъ въ Сербіи и совершенно обыкновенный у насъ, въ Россіи. Съ перваго момента его явки въ батальонъ, не показавъ себя въ дѣлѣ, онъ храбрился, много говорилъ и рѣшительно ничего не дѣлалъ, такъ что, глядя на него, можно было удивляться, затѣмъ онъ пріѣхалъ въ Сербію? что влекло его туда? Въ то же время это былъ человѣкъ грубый до цинизма, неразвитый, не щадившій самолюбія серба. Никто никогда не слышалъ отъ него ласковаго слова, никто не

видѣлъ ничего другаго кромѣ толчковъ и пинковъ. Само собою разумѣется, онъ былъ нелюбимъ; но у него были подражатели. Вышелъ приказъ о томъ, чтобы русскіе офицеры негуманнѣе обращались съ сербами. Добровольецъ, прочитавъ этотъ приказъ, заподозрилъ своего батальоннаго командира въ томъ, что „его сплетня“ была причиною появленія приказа, и не стѣснился общаніемъ, аллегорически высказаннымъ почти въ глаза командиру, „выдрать“ вполнѣдствіи своего начальника. Въ самомъ дѣлѣ никто изъ начальниковъ не былъ обезпеченъ отъ возможности подобнаго исхода сербской службы. Русскіе могли выдрать, а сербы—убить изъ револьвера.

Тутъ и угождай кому хочешь!

XXII.

Бывшій наличный составъ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи.—Провозглашеніе Милана королемъ Сербіи.

Весь наличный составъ бывшихъ русскихъ въ Сербіи можно раздѣлить на пять группъ: на людей строго-сознательно явившихся въ Сербію, въ силу святаго увлеченія идеей борьбы за свободу и независимость родственнаго народа. Такихъ людей было очень не много, они на перечесть; большинство этой категоріи людей были бесспорно самые честные люди, но въ то же время самые не пригодные люди въ смыслѣ военнаго дѣятеля и непригодившіеся на пользу дѣла, какъ такіе люди, горячность которыхъ разбивалась о твердыню сербскаго народнаго хладнокровія. Они умирали безъ нужды, безъ пользы, умирали какъ мученики, умирали быстро, одинъ

за другихъ на первыхъ порахъ своего прїѣзда. Вторая группа русскихъ—люди мыслящіе, честные, но развитые жизнью, измученные ею, много страдавшіе, явившіеся въ Сербію съ открытымъ, безстрашнымъ взглядомъ въ глаза смерти. Такіе люди безспорно приносили пользу дѣлу, но—увы!—они тоже терялись въ большинствѣ. Третья категорія явилась подъ вліяніемъ возбужденныхъ чувствъ. Въ эту категорію вошли почти всѣ (за немногими исключеніями) русскіе нижніе чины. Будучи нижними чинами,—притомъ русскими,—они храбро дрались, стойко защищались; но какое же значеніе могутъ имѣть даже тысячи такихъ солдатъ подъ начальствомъ одного, нестоящаго самого послѣдняго изъ нихъ? Четвертая группа состояла изъ искателей приключеній, изъ жаждущихъ славы, высшаго положенія, увлекавшихся повышеніями, наградами въ виду удобнаго случая. Эти люди встали во главѣ третьей категоріи и... испортили дѣло! Пятая группа состояла изъ праздношатавшагося въ Россіи люда, пьющаго, безобразнаго, безшабашнаго, плохо-подготовленнаго въ военномъ искусствѣ, но занимавшаго постъ посредничества между искателями приключеній и слѣпыми исполнителями воли начальства. Въ видѣ исключеній были и такіе, которыхъ бывало спросить:

- Вы кто такой?
 - Купеческій сынъ.
 - Зачѣмъ прїѣхали въ Сербію?..
 - Тятенька пустилъ; позвольте, говорю, въ Сербію...
- „Должно тебя вши не ѣли, такъ поѣзжай“.

Такіе впрочемъ служили порядочно.

Но изъ вышесказаннаго вы можете судить вообще о гармоніи всего состава собравшагося синклита. А развѣ гармоніи не требуется на войнѣ?

Вспомните при этомъ, что любой пожаръ сербской деревеньки не могъ производить на русскіе нервы такого озлобленія, какое бы вызвалъ пожаръ родной нашей деревушки, вспомните, что мы были офицеры русской арміи, т. е. такой, въ которой прапорщикъ теряется, будучи поставленъ на постъ капитана, — и вы согласитесь со мною, что всѣ мы въ Сербіи просто не въ силахъ были достигнуть того, чего отъ насъ ожидало общество. А въ правѣ ли было русское общество ожидать отъ насъ чего нибудь другаго?

Это было въ первыхъ числахъ сентября. Яркое, южное, еще знойное въ эти мѣсяцы солнце сербскаго неба вышло изъ-за горъ восточныхъ возвышенностей турецкаго лагеря и своими теплыми лучами разсѣяло сѣренкій туманъ осенняго утра. Сербы поднимались съ сырой земли, почесывались, поправили костры, заварили паприкашъ; русскіе сгруппировались и завтракали. Бригадный адъютантъ Свѣтозаръ объѣхалъ всѣ палатки русскихъ офицеровъ и пригласилъ ихъ собраться у палатки бригаднаго командира, маіора Яковлевича. Собрались русскіе офицеры. Маіоръ Яковлевичъ сидѣлъ на пнѣ и со свойственною ему апатіей молча вертѣлъ въ рукахъ какую-то бумагу. Патріотъ-профессоръ стоялъ около маіора, и на лицѣ его скользила улыбка довольства. Что такое? Уже не битва ли въ перспективѣ?

— Господа! торжественно началъ патріотъ-профессоръ, обращаясь къ русскимъ офицерамъ: — бригадиръ пригласилъ васъ сюда, чтобы просить васъ присоединиться къ желанію сербскаго народа провозгласить Милана королемъ Сербіи? Согласны ли вы на это или нѣтъ?

Офицеры ровно ничего не понимали.

— Такъ какъ народъ въ Сербіи, продолжалъ профес-

сортъ: — составляетъ войско и такъ какъ изъ войска состоятъ собственно народъ, то желательно было бы, чтобы вы, какъ настоящіе руководители этимъ народомъ, присоединились бы къ желанію народа.

Маіоръ Яковлевичъ саркастически улыбался.

— Намъ что же?.. королемъ такъ королемъ, а то хоть и самимъ Бовой Королевичемъ!.. съострилъ охрипшій артиллеристъ, выѣхавшій съ „наслѣдствомъ“ изъ Одессы.

Публика конечно расхохоталась.

Патріотъ-профессоръ какъ будто обидѣлся. Добрый малый! Онъ въ самомъ дѣлѣ воображалъ, что этимъ самымъ актомъ онъ совершаетъ великое благо для сербскаго народа.

— Позвольте!.. я что-то не ясно понимаю! началъ было кто-то изъ толпы.

— Да чего тутъ понимать собственно!.. вмѣшались другіе:—народъ видно желаетъ, чтобы князь Миланъ отнынѣ былъ королемъ Сербіи.

— А княгиня Наталія была бы кралицей Сербіи, добавилъ профессоръ.

— Такъ пусть же отнынѣ и до вѣка одинъ будетъ кралемъ, а другая кралицей! категорически порѣшили юнкеры 125-й бригады.

Однако нашлись скептики.

— Вы намъ объясните потолоковѣ, попросили они профессора.

— Получена бумага изъ главнаго штаба, пояснилъ профессоръ:— въ которой приказано, чтобы всѣ бригадные командиры собрали подписи офицеровъ и войниковъ, находящихся у нихъ подъ командой и желающихъ провозгласить князя Милана королемъ Сербіи.

— Такъ вы бы намъ такъ и говорили! цюняли наконецъ офицеры.

Явилось перо на сцену. Подписались на листъ бумаги, и публика стала расходиться.

Только-что мы отошли отъ палатки Яковлевича, какъ въ сторонѣ слышались крики и звуки рыданія.

Что такое? Публика кинулась въ сторону плача.

Зѣло выпившій офицеръ Т. стоялъ подъ деревомъ, окруженный сербами и группою русскихъ, усилено размахивалъ руками и плакалъ навзрыдъ, какъ плачутъ малые ребята.

— Не за тѣмъ я прѣхалъ въ Сербію!.. Господи!.. да что же это такое!.. кричалъ Т., топая ногами.

— Что это публика собралась?.. спрашивали, подойдя, офицеры.

— Чудить парень, да и только!

— Не затѣмъ!.. не затѣмъ!.. вовсе не затѣмъ я прѣхалъ въ Сербію!.. билъ себя въ грудь пьяненькій.

— Затѣмъ же? спрашиваютъ его.

— Турокъ бить!.. понимаете ли вы, турокъ бить!.. магометанство это адское!

— Ну, и бейте!.. Кто вамъ мѣшаетъ?

— Какъ кто мѣшаетъ? если миръ подписываютъ!

— Что вы!.. Господь съ вами!..

— Бумагу пустили, проклятые!.. Дайте мнѣ эту бумагу?.. дайте мнѣ... я разорву ее въ клочки! Господи!.. да что жъ это такое!.. Боже мой... Боже мой!..

Отчаянію Т. не было предѣловъ.

Провозглашеніе короля онъ принялъ за мировую сдѣлку.

Отошли мы отъ Т. и вернулись къ батальонамъ.

Батальоны стояли во фронтѣ. Патріотъ-профессоръ говорилъ солдатамъ рѣчи на тему провозглашенія Милана королемъ Сербіи.

— Братья! до сихъ поръ мы были подъ игомъ турокъ!.. до сихъ поръ турка господствовалъ надъ нами!.. сбросимъ же съ себя мы это иго и образуемъ самостоятельное королевство!.. Хотите что ли?

— Хотимъ! раздаются два-три голоса.

— До сихъ поръ мы имѣли князя... теперь же будемъ имѣть короля!., Хотите что-ли?

Сербы молчали, потому что не понимали, въ чемъ дѣло.

— Живіо! краль Миланъ, кралица Наталія! крикнулъ профессоръ.

— Живіо! поняли это слово сербы.

Подожель профессоръ къ другому батальону.

— Хотите, что ли? спрашиваетъ.

— Не хотимъ!.. отвѣчаютъ, сербы ясеницкаго батальона.

— Что вы дурите-то! замѣчаетъ имъ ораторъ.

— Ладно, дурите!.. знаемъ мы это!.. слышится голосъ изъ батальона;—намъ по домамъ пора расходиться, а не королей провозглашать!..

Послали за маіоромъ. Сербы этого батальона объяснили провозглашеніе королемъ Милана вынужденіемъ народа продолжать войну съ турками.

Роковую бумагу каждый понялъ по своему.

На другой день вышло распоряженіе назначить депутатовъ отъ каждой бригады и подъ начальствомъ офицера послать въ Делиградъ съ поздравленіемъ.

Въ Делиградѣ депутация представилась Черняеву. Сербскіе попы говорили рѣчи. Черняевъ окруженный большою свитой, объѣхалъ войска, стоявшія въ Делиградѣ, и поздравлялъ войниковъ съ новымъ королемъ Сербіи въ лицѣ прежняго ихъ князя Милана. Я былъ посланъ де-

путатомъ отъ крагуевацкой бригады, и обѣзжалъ войска въ свѣтѣ Черняева. Много было роздано въ этотъ вечеръ дукатовъ на водку сербскому войску, но пользы отъ этого вышло не много. День закончился плясками, фейерверкомъ въ Делиградѣ и даровымъ угощеніемъ водкою и бараниной на дворѣ штабнаго дома.

Какъ теперь помню: сербы очень слабо кричали „живіо!“, когда Черняевъ провозглашалъ: „живіо краљ Миланъ!“, и они очень дружно кричали „живіо!“, когда переводчикъ Черняева предлагалъ это „живіо“: за генерала Черняева, дававшего дукаты на водку сербскому народу.

Это было, если не ошибаюсь, 4-го сентября. Въ этотъ день вечеромъ турки попробовали было сдѣлать слабое нападеніе на правый флангъ нашей центральной позиціи, но батальоны капитановъ Гордіенко и Сущинскаго, стоявшіе въ этотъ день на аванпостахъ, отбросили дерзкаго непріятеля, осмѣливагося сунуться въ историческій день, отъ памяти котораго въ настоящее время Черняевъ пожалуй не прочь былъ бы и отказаться.

XXIII.

Приготовленіе къ генеральному сраженію.—Полковникъ Медвѣдовскій.

Усталая, изнуренная форсированнымъ маршемъ путешествія съ позиціи въ Делиградъ ради непонятнаго для каждаго депутата провозглашенія Милана почему-то королемъ Сербін, послѣ пьяной пляски на дворѣ штабнаго дома и вслѣдъ затѣмъ скверно проведенной ночи подъ

открытымъ небомъ,—наша депутація двинулась обратно на другой день историческаго торжества. Солнце, высоко поднявшись надъ горизонтомъ, бросало свои палачіе лучи на сухую, измятую, всюду потоптанную землю. Сербы двигались медленно, потъ струился по ихъ исхудалымъ лицамъ, пыль шоссейной дороги пропитывала ихъ рваную одежду, покрывая грязнымъ слоемъ и безъ того уже смуглыя фізіономіи войниковъ. Когда обогнули мы Джуинскія высоты, голубой лентой заискрился на солнцѣ потокъ быстрой Моравы. Сербы радостно бросились къ рѣкѣ наполнять водою свои походныя фляжки.

Жаръ смѣнился прохладой прелестнаго вечера, когда мы достигли нашей центральной позиціи.

Меня окружили офицеры, спрашивая о событіяхъ прошлаго дня. Какой отвѣтъ могъ я дать любопытнымъ? Официальный обѣдъ въ присутствіи двухъ французскихъ корреспондентовъ, двѣ, три патріотически сказанныя, но никого не тронувшія рѣчи, пальба холостыми зарядами въ продолженіе цѣлаго дня, пѣсни и танцы ради разнообразія до глубокой полночи—вотъ и все, о чемъ я могъ передать моимъ товарищамъ. Почему явилась потребность въ такомъ историческомъ днѣ, въ силу какихъ соображеній князь Миланъ необходимо долженъ былъ стать королемъ Сербіи, чего добивались они путемъ подобнаго провозглашенія—все это было покрыто мракомъ неизвѣстности!

— Битва будетъ! рѣшилъ маіоръ Яковлевичъ.

— Войска воодушевляють, заключили другіе.

Но сербы остались все тѣми же неподвижными, мирно-настроенными сербами, какими они были и до 4-го сентября.

Вскорѣ нашъ лагерь посѣтили генералъ Черняевъ и

его свита. Военный министр Николичъ прїѣхалъ вмѣстѣ съ Черняевымъ, но онъ явился на позицію нѣсколько позже главнокомандующаго. Во время посѣщенія нашего лагеря военный министръ Сербїи объѣзжалъ войска отдѣльно отъ Черняева; за все время они не только не говорили между собою, но даже держали себя въ сторонѣ другъ отъ друга.

Тотъ и другой объѣхали батальоны, осмотрѣли строившіяся на нашей позиціи двѣ батареи и возвратились въ Делиградъ.

Военный министръ казался до оригинальности простымъ человѣкомъ. Въ одномъ изъ батальоновъ онъ встрѣтилъ своего земляка, простаго крестьянина изъ родного ему округа. Николичъ подозвалъ его къ себѣ, обнялъ, поцѣловалъ и долго разговаривалъ съ нимъ, причѣмъ крестьянинъ говорилъ съ нимъ на „ты“.

Русскихъ удивила подобная фамиллярность отношеній. Но сербы смотрѣли на это какъ на весьма обыкновенное явленіе.

— Здѣсь у насъ просто въ этомъ отношеніи, пояснялъ намъ одинъ изъ сербскихъ офицеровъ.

Въ прежнее время въ Бѣлградѣ легко было встрѣтить любаго министра въ простой кафанѣ за кружкой добраго вина, бесѣдующимъ съ простымъ народомъ.

— Почему вы говорите: „въ прежнее время“?.. развѣ теперь не такъ?

— Теперь иначе!.. съ тѣхъ поръ какъ прїѣхали къ намъ русскіе, — привился этикетъ, котораго мы прежде не знали.

Какъ же иначе? Мы явились инструкторами сербскихъ порядковъ!

День за днемъ прибывало все больше и больше русскихъ добровольцевъ.

Появленіе на позицію доктора Шлихтинга предсказало намъ приближеніе дня битвы. Въ лагерьъ прошелъ слухъ, что сербская армія дастъ генеральное сраженіе и предприметъ атаку на турецкія позиціи со всѣхъ сторонъ. День генеральной битвы назначенъ былъ на 14-е сентября. Мы узнали отъ полковника Клиндера, что съ нашего крайняго праваго фланга ударить почти въ тылъ туркамъ русско-болгарская бригада полковника Медвѣдовскаго; этотъ ударъ поддержать войска нашей позиціи; въ то же время сербы нападутъ на турокъ изъ Алексинаца, изъ Бабовиста,—словомъ со всѣхъ пунктовъ нашей линіи.

Русско-болгарская бригада была сформирована полковникомъ Медвѣдовскимъ изъ пластуновъ, болгаръ, бѣжавшихъ изъ родины, и русскихъ нижнихъ чиновъ. Это была единственная бригада, всецѣло укомплектованная русскими офицерами и находящаяся подъ командою исключительно русскихъ. На бригаду возлагали большія надежды, такъ какъ составъ ея говорилъ въ пользу этого предположенія. Въ храбрости, стойкости русскихъ никто не сомнѣвался; на болгаръ рассчитывали потому, что между ними находилось большинство мстителей, лишившихся въ Болгаріи не только своихъ домовъ, имущества, но и женъ, отцовъ, братьевъ и дѣтей. Пластуны всегда были храбрыми; не даромъ на ихъ черномъ знамени была изображена эмблема смерти: человѣческій черепъ съ двумя перекрещенными костями.

Полковникъ Медвѣдовскій, элегантный брюнетъ, академикъ генеральнаго штаба, бывшій служака кавалергардскаго полка, принадлежалъ къ числу строгихъ формалистовъ, весьма самолюбивыхъ и самонадѣянныхъ начальниковъ. Прислушавшись къ рассказамъ лицъ, ближе

его знавшихъ, прослѣдивъ за этой личностью въ минуты нашихъ сходовъ, я пришелъ къ тому заключенію, что это былъ человѣкъ, умѣвшій порисоваться и хвастнуть, еще не ѣдучи на рать. Онъ чрезвычайно строго относился къ службѣ, — и въ этомъ не было конечно ничего предосудительнаго, — но онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ способностяхъ и въ той силѣ, которой онъ еще не пробовалъ. Надо замѣтить, что полковникъ Медвѣдовскій съ его бригадою не принималъ еще участія въ битвахъ до той поры, о которой идетъ моя рѣчь. Онъ окружилъ себя офицерами преимущественно гвардейскаго корпуса, любилъ хвастнуть и занестись. Надо отдать ему полную справедливость, онъ сумѣлъ придать своей бригадѣ организацію правильно составленнаго отряда. У него былъ значительный штабъ, много ординарцевъ, полный комплектъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, и въ его отрядѣ дисциплина далеко не была забыта. Но опытъ доказалъ, что недостаточно быть хорошимъ организаторомъ, для того чтобы одерживать побѣды надъ непріателемъ. Помимо военнаго образованія, надо обладать находчивостью, и хладнокровіемъ, не говоря уже о необходимой, разумной храбрости, безъ удали и щегольства.

Бригада Медвѣдовскаго, состоящая изъ 4 батальоновъ, явилась къ намъ на позицію дня за два до 14-го сентября. Этотъ день совпадалъ съ праздникомъ Воздвиженія Креста. Медвѣдовскій явился на позицію и на другой день вечеромъ былъ приглашенъ съ полковникомъ Клиндеромъ къ Хорватовичу для обсужденія плана предполагавшагося сраженія. Вернувшись обратно въ лагерь, онъ собралъ въ палатку батальонныхъ командировъ тѣхъ частей, которыя въ помощь къ его отряду назначались изъ нашей бригады, и, разваливъ, укутанный въ черкесскую бурку, высокопарно повелъ такую рѣчь:

— Господа! считаю долгомъ вамъ сообщить, что наша общая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы послѣдовательно занять всѣ турецкія шанцы и выгнать турокъ съ сербской территоріи!

Легко сказать: выгнать турокъ съ сербской территоріи! но цѣль во всякомъ случаѣ была хорошая.

— И вотъ, господа, продолжалъ Медвѣдовскій:—мы начнемъ свои дѣйствія съ лѣваго турецкаго шанца, а послѣ начнется бой со всѣхъ пунктовъ; этимъ мы разстроимъ турецкіе резервы.

Одинъ изъ офицеровъ, старенькій капитанъ Сущинскій, замѣтилъ полковнику:

— Это вещь невозможная, потому что турецкіе резервы находятся въ центрѣ полукруга, защищеннаго большими батареями и тремя сплошными ярусами ружейныхъ ложементовъ.

— Нѣтъ ничего невозможнаго на свѣтѣ! разсердился полковникъ:—мы обойдемъ съ лѣваго фланга турецкіе шанцы, ударимъ на лѣвый фланговый шанецъ... вонъ тамъ! указалъ Медвѣдовскій, высовываясь изъ палатки:—гдѣ стоитъ дерево въ видѣ креста; а такъ какъ завтра Воздвиженія Креста, то мы и водрузимъ на этомъ мѣстѣ православный крестъ.

Полковникъ Медвѣдовскій такъ же раздавалъ шанцы, какъ Кутузовъ и Суворовъ при Измаилѣ.

Нашелся однако острякъ, который замѣтилъ, что онъ чужаго имущества пока не принимаетъ, а какой шанецъ подвернется, тотъ и возьметъ.

— Сообщите солдатамъ, приказалъ Медвѣдовскій въ заключеніе:—что тотъ, кто войдетъ на первый батарейный шанецъ, получить медаль и 100 дукатовъ, равно какъ и тотъ, кто первымъ положитъ руку на турецкую пушку.

Офицеры передали объ этомъ сербамъ. Всѣ заговорили какъ бы въ одинъ голосъ:

— Мы не баши-бузуки, за деньги шанцы не беремъ; если возможно будетъ взять,—то мы и такъ возьмемъ, а если неизбежно будутъ платить за это, то мы всѣ вмѣстѣ одновременно положимъ наши руки на турецкую пушку и даже подождемъ своего начальника.

На томъ и порѣшили. 14-го сентября съ утра пошелъ проливной дождь, такъ что битва волей-неволей была отложена до 16-го сентября.

XXIV.

День генеральнаго сраженія.—Мой адъютантъ.—Черногорцы въ битвѣ.

Наступилъ день Воздвиженія Креста (14-го сентября). Дождевыя облака съ ранняго разсвѣта заволокли небо и разразились частымъ, мелкимъ, проливнымъ дождемъ. Къ 6 часамъ утра глинистая почва мѣстности превратилась въ топкую грязь и затрудняла движеніе не только кавалеріи, но даже и пѣхоты. Съ мыслью нападенія на турокъ нужно было разстаться, во-первыхъ, потому что трудно было бы въ самомъ дѣлѣ бороться съ непріателемъ сербу, поднимающемуся на скользкую, грязную гору турецкихъ укрѣпленій, во-вторыхъ, потому что у большинства сербскихъ войниковъ были пистонныя ружья, заряжавшіяся съ дула; въ дождливые дни патроны легко подмокали, и ружья отказывались стрѣлять.

15-го сентября, какъ нарочно, выпалъ жаркій день, и солнышко подсушило почву. Ночь съ 15-го на 16-е

сентября была проведена многими из насъ въ первомъ состояніи духа. „Вотъ сегодня мы всѣ вмѣстѣ сидимъ у костра, а Богъ вѣсть, что будетъ съ нами завтра?.. Кому нибудь изъ насъ суждено умереть, непременно умереть. Но кто-же умретъ, кто умретъ?..“ жадно вглядываешься въ окружающихъ, стараешься уловить предчувствіе смерти на лицѣ ближняго. Это такъ интересно! Но уловить этого невозможно!.. Всѣ лица одинаково подвижны, одинаково веселы, ни одна фizioномія не насупилась подъ вліяніемъ мрачнаго предчувствія.

— У меня, господа, семь дукатовъ есть, говоритъ офицеръ собравшемуся обществу: — если меня убьютъ, такъ вотъ моя заповѣдь: приберите меня въ свой лагерь, похороните; семь дукатовъ отдайте на водку солдатамъ моей роты... пусть вспоминаютъ „душу усопшаго раба Божія“.

Публика хохочетъ. Гдѣ вы встрѣтите такое хладнокровное до цинизма отношеніе живаго человѣка къ собственному существованію?

Я не встрѣчалъ ни одного офицера, который бы „предчувствовалъ“ близость смерти... я въ глубокую полночь ужиналъ бывало съ такими, которыхъ турки въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня уже поднимали на штыки. Этимъ вспоминаю я бывшаго профессора минной школы Шпаковского и его помощника Ермолинскаго.

Я помню только фizioномію одного серба, „предчувствовавшаго“ недоброе передъ битвой; его блѣдное, сосредоточенное лицо очень рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти. То былъ рекрутъ, человѣкъ не первой молодости, отецъ шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было всего десять лѣтъ. Съ перваго момента своего поступленія въ строй онъ поблѣднѣлъ; эта блѣдность была еще

замѣтнѣе при черной какъ смоль бородѣ, окаймлявшей его фizioномію; подвижные глаза его потухли; онъ такъ жадно впивался своимъ взоромъ, такъ пронизывать меня взглядомъ своихъ красивыхъ, но какихъ-то дикихъ, блуждающихъ глазъ, что даже морозъ по кожѣ пробѣгалъ бывало, глядя на него. Подбодряешь команду; стоитъ она во фронтъ и смотритъ мнѣ прямо въ глаза... Боже!.. сколько упованія, вѣры, непоколебимой вѣры въ этомъ прекрасномъ, честномъ взглядѣ!.. чувствуется, что онъ такъ вѣритъ, такъ вѣритъ напускному слову отваги, что даже страшно становится за себя и за него... какъ будто ты подличаешь передъ нимъ!..

Онъ слушалъ, молчалъ, онъ не высказывалъ ни одного бравурнаго слова.

Онъ былъ тяжело, смертельно раненъ въ грудь въ первую же схватку съ турками!

А вотъ вамъ оригинальный образъ труса-артиллериста: Былъ на позиціи артиллеристъ, изъ отставныхъ: Чукмасовъ. Уморительная фizioномія—„птичья рожа“, какъ называли его товарищи. Сильно любилъ онъ выпить. Ходили слухи, что во время первой же перестрѣлки нашей батареи съ непріятельской Чукмасовъ залѣзъ въ какую-то яму. Во время второй перестрѣлки онъ уѣхалъ въ ближайшую кафану въ Шильговацъ. Въ третій разъ, во время ночной вылазки, онъ втихомолку скрылся отъ отряда. Полковникъ Клиндеръ разсердился на Чукмасова и перевелъ его изъ артиллерійской батареи въ пѣхотный батальонъ. Оскорбился Чукмасовъ.

— Такого оскорбленія я не переживу... изъ артиллеріи въ пѣхоту!.. нѣтъ, это слишкомъ!.. я застрѣлюсь!..

Чукмасовъ взялъ револьверъ и вставилъ дуло его въ ротъ.

Мнѣ стало его жаль. Я повѣрилъ этой комедіи.

— Что вы дѣлаете, съумасшедшій?..

— Я докажу всѣмъ и каждому, что я не трусь...

Большаго труда стоило уговорить Чукмасова принять мзду Клиндера и въ первомъ же боѣ доказать, что его собственно не такъ поняли, какъ бы слѣдовало.

Онъ доказать!.. Принявъ предложеніе быть моимъ адъютантомъ, единственно въ силу своей страсти къ лошадамъ, Чукмасовъ дождался 16-го сентября.

Съ трехъ часовъ ночи 16-го сентября началось движеніе въ нашемъ лагерѣ. Золотистыя тучки еще не показывались на восточной сторонѣ неба, темный небосклонъ еще не озарился свѣтомъ яркаго утренняго солнца, какъ Медвѣдовскій снялся со своими батальонами съ позиціи, принявъ направленіе на крайній правый флангъ корпуса Хорватовича, на то мѣсто, съ котораго онъ долженъ былъ ударить на турокъ. Независимо отъ отряда Медвѣдовскаго, въ распоряженіе Клиндера прибыла новая бригада (4 батальона) подъ командою сербскаго маіора Хаджича и его адъютанта, піонерскаго капитана Вучковича. Эти двѣ личности вполнѣ заслужили историческое имя въ исторіи сербской войны... но какое это имя, — имя славы или позора, — читатели увидятъ въ близкомъ будущемъ.

Я получилъ приказаніе Клиндера занять моимъ батальономъ среднюю часть аванпостной линіи, войти съ нимъ въ линію огня, а батальонъ, стоявшій въ то время на аванпостахъ, отданъ былъ въ распоряженіе Медвѣдовскаго. Резервы составляли: 4 батальона — 2 батальона маіора Хаджича, 2 — нашей бригады. Маіоръ Яковлевичъ съ 4 батальонами крагуевацкой бригады былъ откомандированъ въ распоряженіе полковника Медвѣдовскаго. Такимъ обра-

зомъ Клиндеръ, иначе наша центральная позиція, осталась всего съ 7 батальонами, по 500 человекъ среднимъ числомъ въ каждомъ; но за то наша позиція была сильна батареями. У насъ было болѣе 15 орудій легкой и тяжелой батарей. У Медвѣдовскаго было нѣсколько горныхъ орудій, перевозимыхъ подчасъ въ ручную, подчасъ одною лошадыю на каждое орудіе.

Клиндеръ выбралъ себѣ начальникомъ штаба капитана Вучковича. Это была непростительная ошибка, которую Клиндеръ призналъ впоследствии, но когда уже было поздно. Майору Хаджичу были поручены резервы; майоръ Минихъ былъ въ распоряженіи Клиндера. Надо замѣтить, что резервы по 2 батальона были размѣщены на двухъ мѣстахъ: на правомъ и лѣвомъ флангахъ нашей позиціи. Они были спрятаны въ лѣсъ и должны были двигаться по мѣрѣ движенія впередъ боевой линіи цѣпи. Сербовъ чрезвычайно подбодряло наличіе резервовъ. До тѣхъ поръ имѣли обыкновеніе вводить всѣ войска въ линію огня, несчастные сербы должны были драться цѣлый день съ непріятелемъ, утомлялись и проклинали свое сербское начальство за то, что оно не заботилось о резервахъ; поэтому, замѣтивъ, перемѣну въ распоряженіяхъ, сербы благословляли свою судьбу.

Вообще надо замѣтить, что передъ битвою 16-го сентября много старанія было израсходовано русскими, чтобы поднять бодрость сербскаго духа и воодушевить ихъ къ предстоящему бою. И дѣйствительно сербы сильно приободрились при видѣ многочисленнаго войска, которое, правда, разошлось въ ночь съ 15-го на 16-е сентября; но достаточно было сербамъ, болгарамъ и русскимъ 2 дня пожить вмѣстѣ на одной позиціи, чтобы почувствовать себя сильнѣе и бодрѣ духомъ.

Отдано было приказаніе, чтобы три батальона, составлявшіе линію огня, имѣли свои самостоятельныя резервы, т. е. каждый батальонъ вошелъ бы въ бой съ двумя ротами, а двѣ остальныхъ роты двигались резервомъ, со знаменами во главѣ, сообразно движенію цѣпи. Сообразно съ движеніями центра должны были двигаться правый и лѣвый фланги боевой линіи. Инструкція ограничивалась тѣмъ, чтобы перебѣжать долину, миновать деревню, сбросить линію турецкихъ аванпостовъ съ ихъ передовой горы, занять эту гору и держаться на ней до тѣхъ поръ, пока Клиндеръ не поставитъ на ней 2 легкихъ батарей; а тамъ—что Богъ дастъ!

Считаю долгомъ нѣсколько ближе познакомить читателя съ мѣстностью нашего и непріятельскаго положенія. Наша позиція была на горѣ. Хребетъ этой горы прорѣзывался мѣстами оврагами, мѣстами узкою полосой поляны, врывавшейся внутрь позиціи, и весь этотъ хребетъ тянулся, начиная съ джунисскихъ высотъ и кончая нашимъ крайнимъ правымъ флангомъ, почти параллельно турецкимъ позиціямъ. Вся линія положенія нашихъ войскъ отдѣлялась отъ турокъ поляною, которая была широка противъ нашей центральной позиціи и праваго фланга, но которая постепенно суживалась по мѣрѣ приближенія къ лѣвому флангу. Кое-гдѣ были разбросаны на полянѣ покинутыя жителями сербскія деревушки. Какъ разъ противъ насъ, сейчасъ же за деревню, круто поднималась отдѣльная гора, которая, обрываясь на концахъ своихъ, не имѣла связи съ общей цѣпью горъ. На этой отдѣльной горѣ помѣщались турецкіе аванпосты; эта передовая турецкая позиція предохраняла главный лагерь, главные турецкія батареи отъ непріятеля и давала возможность туркамъ свободно пасти и пить ло-

падеи на слѣдующей полянѣ, планировавшейся въ видѣ полукруга сейчасъ же за передовою аванпостною горою, между нею и хребтомъ горъ, на возвышенностяхъ которыхъ были воздвигнуты турецкія батареи. Такимъ образомъ, чтобы атаковать батареи, нужно было перебраться первую поляну, занять аванпостную гору, спуститься на вторую, полукруглую поляну и затѣмъ уже подниматься на батарейныя укрѣпленія, постепенно выбивая турокъ изъ ружейныхъ ложементовъ, вырытыхъ непрерывными линіями амфитеатромъ въ три яруса. Задача, какъ видите, нелегкая! Противъ нашего корпуса стояли три турецкихъ батареи, построенныя несомнѣнно англичанами, по строгимъ правиламъ военной техники.

Разсвѣло. Нѣсколько биноклей было направлено на турецкія позиціи, но движенія не было замѣтно. Тѣмъ не менѣе турки не спали. Вѣроятно благодаря шпионамъ, они ожидали сербской атаки.

Передвиженіе нашихъ войскъ окончилось. Ожидали приказаній начать наступленіе.

— Надо послать на лѣвый флангъ предупредить, чтобы капитанъ Мордвиновъ слѣдовалъ движеніямъ центра... Адъютантъ! Гдѣ адъютантъ?..

— Вашъ адъютантъ въ состояніи невмѣняемости, отрапортовалъ одинъ изъ офицеровъ моего батальона.

— Въ шесть то часовъ утра?.. Что я буду дѣлать?..

Чукмасовъ... о Чукмасовъ!..

Онъ лежалъ подъ деревомъ, вблизи резервной колонны; языкъ его не могъ произнести ни единого слова.

Къ счастью, въ батальонѣ нашелся австрійскій сербъ, отлично владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ; мы понимали другъ друга. Достаточно было отваги въ этомъ молодомъ человѣкѣ; онъ замѣнилъ собою Чукмасова.

Я объѣхалъ ряды. Сербы стояли въ линіи цѣпи, и рѣшительно всѣ то головы были обращены въ мою сторону. Видно было, какъ они, помирившись съ мыслью необходимости, ждали роковыхъ словъ: „напредъ, братья!.. съ Богомъ!“

Но нельзя словами передать степень того душевнаго волненія, которое испытываетъ человѣкъ въ такіе моменты: какое то нетерпѣніе безпокоитъ человѣческіе нервы, хочется кинуться впередъ, бѣжать безъ оглядки, бѣжать, пока хватитъ силъ. Страшная мысль насильно врывается въ ваше воображеніе, но вы прогоняете ее: „прочь, прочь отъ меня!..“ Если вы можете себѣ представить высшую степень возбужденія человѣческихъ нервовъ, когда не бываетъ такой жилки, которая бы не ходила ходуномъ въ человѣческомъ организмѣ, когда человѣкъ живетъ каждымъ нервомъ, несмотря на то, что чувство какого то отупѣнія овладѣваетъ имъ постепенно, — то это будетъ какъ разъ именно то состояніе, въ которомъ мы находились въ данную минуту.

— Съ Богомъ!.. начинайте бой!.. трубите!.. нервно отдавъ приказаніе Клиндеръ, подѣхавъ къ линіи нашей цѣпи.

Проходитъ еще минута томительнаго ожиданія.

— Трубите!.. начинайте бой!.. повторяетъ Клиндеръ въ волненіи...

Но вѣдь тяжело рѣшиться!.. Зачѣмъ мы идемъ?.. Мы идемъ на смерть!.. каждый изъ насъ на это рассчитываетъ... дайте же пожить хоть одну минутку, хоть на одинъ лишній моментъ продлить существованіе.

Перекрестились....

— Труби!..

Горнисть играетъ движеніе впередъ. „Ура!“ кричатъ

офицеры, высоко взмахнувъ своими саблями, кидаясь впередъ. „Ура! ура! ура-а-а!“ дружно раздается вдоль по линіи сербской цѣпи; цѣпь тронулась съ мѣста и бѣжить,, какъ одинъ человѣкъ!.. бѣжить она по полю безъ оглядки, бѣжить, ломая жердяныя заборы, бѣжить, перескакивая канавки, ручейки. Словомъ, нѣтъ для нея препятствій по тернистой дорогѣ, нѣтъ болѣе страха!..

Воздухъ тихаго утра огласился дружнымъ крикомъ сербскаго „ура!“, стрѣлковая цѣпь красиво рассыпалась на полянѣ... страшная турецкая граната гудитъ навстрѣчу дерзкимъ смѣльчакамъ. Все ниже и ниже опускается ея гулъ на встрѣчу цѣпи... вотъ... вотъ сейчасъ она ударитъ прямо въ лобъ!.. Ниже и ниже къ землѣ опускаются головы бѣгущаго люда; съ большой силой, съ болшей поспѣшностью и отвагой ринулись люди впередъ!.. граната лопнула въ десяти шагахъ сзади цѣпи!..

Всѣ чувствуютъ притокъ душевныхъ силъ!.. „Ура! ура-а-а!“ еще громче раздается въ воздухѣ; еще шибче побѣжала цѣпь. Другой, третій, четвертый выстрѣлы посылаются съ турецкихъ батарей. Но вотъ наконецъ первый выстрѣлъ изъ нашего орудія!.. Гудитъ въ воздухѣ наконецъ и сербская граната слѣдомъ за нами, высоко перелетая наши головы!.. „А-га, голубчики!“, думаютъ сербы... „Ура!.. ура-а!“ вторять они родной гранатѣ... Воздухъ оглашается необыкновеннымъ ревомъ непріятельскихъ батарей... Мы спасены!.. мы перебѣжали поляну, достигли подошвы аванпостной горы... Вдругъ залпъ!.. залпъ ружейныхъ выстрѣловъ... турецкихъ аванпостовъ!.. направо, налѣво попадало нѣсколько сербовъ. Мы турокъ не видали!.. „Ура!“ крикнули офицеры, и сербы дружно кинулись на гору... Одна красная феска, другая, третья выскочили изъ ружейныхъ ложементовъ, опро-

метью кинулись назадъ, бѣжать подъ гору по направле-
нію къ главному лагерю. Турки очистили ложементы по-
слѣ перваго своего залпа. Нѣсколько задыхаясь отъ уста-
лости, цѣпь дружно поднялась на крутую гору; но тутъ
наступилъ такой моментъ, котораго мы никакъ не ожи-
дали: пренебрегая нашими батареями, турки направили
всѣ свои орудія съ трехъ главныхъ батарей на гору, ко-
торую мы только что заняли. Насъ начали осыпать та-
кимъ количествомъ гранатъ, что оставалось только лечь,
предоставивъ себя волѣ судьбы.

Мы лежали въ ожиданіи прибытія нашей артиллеріи.
Я рѣшительно не понималъ, что вокругъ меня творится.
Переживая первый разъ въ жизни этотъ гранатный дождь,
долженъ сознаться, я ошалеѣлъ; я былъ какъ въ забытьѣ...
Направо, налево, впереди, позади раздавался свистъ
этихъ ужасныхъ гранатъ; я слышалъ стѣны, я видѣлъ,
какъ одна граната разорвалась, оторвавъ ноги сосѣднаго
сербъ,—я ожидалъ: „вотъ, вотъ сейчасъ еще одна гра-
ната ударитъ мнѣ въ спину и покончитъ съ моимъ су-
ществованіемъ... хоть бы скорѣе!.. къ чему она застав-
ляетъ такъ долго ожидать себя!..“

А во рту тѣмъ временемъ быстро сохнетъ, хочется
глотнуть воды,—нѣтъ ея!.. спрашиваешь у серба,—сербъ
протягиваетъ фляжку съ раки. Одинъ глотокъ этого на-
питка благодатно дѣйствуетъ на организмъ. Минута за
минутой постепенно привыкаешь къ своему положенію,
приходишь въ себя и впадаешь въ какое то небывалое
до тѣхъ поръ состояніе хладнокровія.

Турки бѣсили меня. Лишь только поднимешься съ
мѣста на ноги,—они не жалѣютъ гранаты, наровятъ по-
слать ее какъ разъ на ваше мѣсто. Очевидно различая,
при помощи бинокля, начальника отъ солдата, турецкіе

артиллеристы предпочитали докупаться на жданъ сербскаго начальства.

Черезъ полчаса батарея капитана Никодина съ русскимъ капитаномъ артиллеріи Ладогой прискакала на занятую нами гору, открыла усиленный гранатный огонь по непріятельскимъ батареямъ. Снова завязалась артиллерійская перестрѣлка. Оставивъ небольшое прикрытіе у орудій, намъ нужно было спуститься съ горы въ полукруглую долину, продолжать атаку турокъ. Здѣсь только, въ этотъ моментъ, мы увидѣли, какъ трудно, какъ невозможно правильно атаковать непріятеля съ разныхъ пунктовъ его позиціи безъ строго-опредѣленной инструкціи, которая должна была быть составлена высшимъ начальствомъ и сообщена всѣмъ батальоннымъ и ротнымъ командирамъ безъ исключенія. Такой инструкціи у насъ не было, вслѣдствіе чего получился самый плачевный результатъ. Вся растянутая на длинномъ пространствѣ сербская цѣпь, предоставленная самой себѣ, дѣйствовала такъ, какъ ей заблагорассудится, въ частности. Потерявъ связь въ густыхъ кустарникахъ склона горы, каждый офицеръ, разгоряченный боемъ, увлекалъ за собою по нѣскольку десятковъ солдатъ и направлялся на тотъ непріятельскій пунктъ, какой ему казался болѣе удобнымъ для атаки. Другіе войники, образуя кучки, принимали совершенно иное направленіе, третьи, — болѣе трусливые — просто оставались въ густомъ кустарникѣ, и какъ бы ихъ не выгоняли, они снова обратно возвращались въ кусты. Тѣмъ не менѣе сербы, слѣдуя движеніямъ офицеровъ, перебѣжали долину, залѣзли въ неглубокій оврагъ, скорѣе канавку, и открыли самый усиленный ружейный огонь противъ первой линіи турецкихъ ружейныхъ ложементовъ. Мы чувствовали,

что мы имѣемъ дѣло съ непріятелемъ, положеніе котораго несравненно выгоднѣе и сильнѣе насъ. Турки въ большомъ количествѣ были спрятаны въ ложементахъ, изъ которыхъ они осыпали насъ тысячами дуль. Мы были приблизительно въ двухъ шагахъ отъ батарей. Одно изъ турецкихъ орудій попробовало было отогнать насъ картечнымъ огнемъ, но картечь перелетала черезъ наши головы, благодаря крутому склону горы, съ которой стрѣляло турецкое орудіе. До послѣдней минуты битвы сербы были глубоко убѣждены, что мы выгонимъ турокъ не только изъ ружейныхъ ложементовъ, но прогонимъ ихъ и съ высоты ихъ турецкихъ батарей. Сербы были воодушевлены такъ, какъ никогда еще никто не видалъ ихъ воодушевленными. Очевидно они хотѣли порѣшнить съ турками, вѣруя въ слова воодушевлявшихъ ихъ русскихъ офицеровъ, что вслѣдъ за сербскою побѣдою будетъ заключенъ миръ, выгодный для Сербіи. Утомленные, измученные, лежали они въ канавѣ, не останавливая огня и временами умолая о резервахъ. Каждый часъ подходили резервы и разсыпались вдоль по линіи всей цѣпи. Пространство поля битвы было такъ растянута, что вся эта сербская цѣпь, всѣ эти резервы просто пропадали, терялись въ пространствѣ отъ глаза наблюдателя. Съ ранняго утра до полудня сербы выдерживали самый ужасный, самый смертельный турецкій огонь; онъ былъ смертеленъ потому, что этотъ огонь былъ направленъ исключительно въ нашу сторону. Не знаю, что дѣлали въ это время начальники другихъ сербскихъ позицій. При началѣ боя мы слышали перестрѣлку въ сторонѣ Бобовистовъ, но эта перестрѣлка вскорѣ затихла. Былъ уже полдень, а Медвѣдовскій только-что началъ атаку. Мы видѣли, какъ нѣсколько турецкихъ орудій правой, крайней отъ насъ ту-

репкой батареи, стрѣлявшихъ до тѣхъ поръ по нашей позиціи, направили свой огонь совершенно въ другую сторону, въ сторону атакующихъ колоннъ полковника Медвѣдовскаго. Открылись свободными двѣ амбразуры; наши сербы почувствовали необыкновенное нетерпѣніе (по крайней мѣрѣ тѣ двѣ роты, которыя были подъ командою прапорщика Звѣринскаго), оставалось кипуться и вскочить въ эти свободныя амбразуры. Нѣкоторые сербы готовы были на рукопашную схватку, но необходимъ былъ хотя маленькій резервъ въ подпору. Я посылаю за резервомъ, но ко мнѣ возвращаются съ роковымъ отвѣтомъ: „резервы всѣ израсходованы“. Какъ будто обухомъ по головѣ ударило меня это роковое для всѣхъ насъ извѣстіе. Былъ лишь первый часъ въ началѣ, а резервы были израсходованы окончательно, и мы, державшіеся въ жестокомъ огнѣ съ 7 часовъ утра, рѣшительно не видѣли, гдѣ эти резервы и что они дѣлали.

— Дайте мнѣ одну роту резервовъ!.. выходилъ изъ себя молодой горячій офицеръ Звѣринскій.

— Нѣтъ резервовъ... израсходованы! отвѣтилъ я ему.

— Господи!.. Господи!.. столько труда, столько силы, столько убитыми, ранеными потеряли мы съ ранятаго утра и теперь должны будемъ отступить обратно, въ отчаяніи рвалъ на себѣ волосы прапорщикъ Звѣринскій. — Такъ пусть же лучше проклятые турки убьютъ меня, убьютъ какъ собаку; я не хочу, я не могу переживать этого позора.

Съ этими словами Звѣринскій увлекся до того, что выскочилъ на открытое мѣсто и растопырилъ руки, подставляя свою грудь подъ турецкія пули.

— Безуміе! толкнулъ я его въ сторону. Нѣсколько пуль просвистали между нами:—прикажите вашей ротѣ

отступать постепенно... вы видите, турки обходят насъ съ праваго фланга.

Дѣйствительно мы очутились въ затруднительномъ положеніи. Было очевидно, что атака на правый флангъ не удалась полковнику Медвѣдовскому. Было очевидно, что онъ принужденъ былъ быстро перейти отъ наступленія къ отступленію; турки, само собою разумѣется, кинулись вслѣдъ за отступающими, и такимъ образомъ общая линія нашихъ войскъ была разорвана, и наши центральные три батальона оказались въ тылу у непріятеля. Турки быстро обходили насъ, но мы не замедлили отступить и, вернувшись на гору турецкихъ аванпостовъ, отбросили турокъ въ ихъ ружейные ложементы. Мы возобновили атаку, но съ тѣми же результатами. Такимъ образомъ нашъ центръ цѣлый день велъ атаку противъ турокъ и турки противъ насъ, пока темнота приближавшейся ночи не положила предѣлъ кровавой битвѣ. Мы въ правѣ были считать себя побѣдителями, потому что за нами осталась турецкая аванпостная гора, на которую мы выдвинули наши сербскіе аванпосты. Но какая это была ничтожная побѣда сравнительно съ нашими потерями убитыми и ранеными!

Батальонъ капитана Страдовскаго, опытнаго, хорошаго стрѣлка, бьющаго навѣрняка на извѣстное количество шаговъ, дрался рядомъ съ нами на нашемъ правомъ флангѣ, составляя лѣвый флангъ полковника Медвѣдовскаго.

При началѣ боя батальонъ Страдовскаго потерялъ связь, потому что его сняли со знакомой батальону мѣстности и двинули на новую, никому неизвѣстную мѣстность. Человѣкъ двадцать черногорцевъ кинулись впередъ. Капитанъ Страдовскій присталъ къ черногорцамъ, потому что ви-

дѣль полнѣйшій кавардажъ во всемъ отрядѣ Медвѣдовскаго. Его батальонъ отсталъ шаговъ на 1,200.

— Кто вы такіе? спрашиваетъ Страдовскій черногорецъ.

— Мы храбрые черногорцы, идемъ впередъ на турецкіе шанцы.

— Я русскій, идемъ выѣсть!..

— Айда заодно!.. крикнули черногорцы.

— Бери яблокъ, угощаетъ черногорецъ Страдовскаго.

— Не хочу!

— Бери, а то торба полна, тяжело носить.

Черногорцы идутъ ругаютъ сербовъ.

Спустились они со склона и приблизились къ турецкому шанцу. Открылись турецкія траншеи... замелькали красныя фески... трескотня ружейной пальбы... лопанье гранатъ—страшный моментъ!.. Играютъ черногорцы сигналъ: „движеніе впередъ“ и кидаются на турокъ. Турки моментально очистили шанцы. Держатся черногорцы нѣкоторое время, но турки видятъ, что у нихъ нѣтъ резервовъ и съ криками „алла!“ выпускаютъ цѣлый таборъ противъ 20 черногорцевъ. Изъ 20 человекъ остаются 8 въ живыхъ.

Возвращается Страдовскій обратно, встрѣчаетъ черногорца по дорогѣ. Черногорецъ показываетъ ему 5 человѣческихъ носовъ.

— Зачѣмъ тебѣ нужны эти носы?

— Надо воеводѣ Вбрицѣ показать; за носы получу я медаль.

— А зачѣмъ губу захватилъ съ усами? спрашиваетъ Страдовскій, замѣчая часть усовъ подъ отрѣзаннымъ носомъ.

— Это нужно для того, чтобы по усамъ видно было,

что я не зарѣзалъ женщину или старика, отвѣчаетъ черногорець.

Отрядъ Медвѣдовскаго былъ отброшенъ въ первый же моментъ атаки и отступилъ въ полномъ безпорядкѣ. Отрядъ потерялъ много людей, но не только не помогъ остальнымъ частямъ войска, но даже повредилъ имъ. Причины потери битвы 16-го сентября объясняются: 1) неправильнымъ расходомъ резервовъ; 2) поздней съемкою отряда Медвѣдовскаго изъ нашего лагеря; 3) позднимъ началомъ атаки Медвѣдовскимъ или раннимъ началомъ атаки центральныхъ войскъ, по приказанію Хорватовича; 4) полнѣйшимъ незнаніемъ той мѣстности, съ которой Медвѣдовскому пришлось начать атаку, какъ его солдатами, такъ и самимъ полковникомъ; 5) перемѣщеніемъ батальоновъ крагуевацкой бригады со знакомой имъ мѣстности на незнакомую (въ отрядъ Медвѣдовскаго), гдѣ эти батальоны не только не принесли пользы Медвѣдовскому, но даже своею потерянностью деморализовали и остальные части войскъ Медвѣдовскаго.

А въ концѣ концовъ слѣдуетъ замѣтить, что были у насъ самонадѣянные начальники, но не было опытныхъ и серьезныхъ.

XXV.

Послѣ битвы въ лагерѣ.

Замолкъ наконецъ ревъ пушечной пальбы, замолкъ трескъ лопавшихся гранатъ, замолкли дерекаты ружейной перестрѣлки подъ вечеръ боеваго дня 16-го сентября, и только кой-гдѣ раздавался послѣдній заунывный

трубный звук сигнала „сбора“. Разстроенные ряды наших сербовъ угрюмо, молча и тихо начали собираться во мглѣ наступившаго вечера на завоеванной горѣ, на мѣстѣ центральной побѣды. Какъ это громко сказано!.. На мѣстѣ центральной побѣды!.. Можетъ быть эта фраза еще громче была высказана вамъ въ побѣдоносныхъ телеграммахъ того времени, но какою ничтожною побѣдою казалась тогда эта побѣда на мѣстѣ намъ, чувствовавшимъ всѣми фибрами нашего существа, что не пройдетъ и часа, какъ турки захотятъ и стогнать насъ позорно съ горы, обратятъ въ бѣгство въ нашъ центральный лагерь.

Что же дѣлали въ это время турки? Ярко, весело за-сверкали огни ихъ костровъ, наскоро, но щедро сложенныхъ изъ чужаго дерева; заколыхались вокругъ огней ихъ низенькія фигуры; турки очевидно сѣли ужинать. Живыми, такъ весело настроенными фигурами казались тогда эти колыхавшіеся во мракѣ вечера... тамъ... недалеко... въ турецкомъ лагерѣ низамы. Утомленный, нервно-измученный почти до степени истерики, я сѣлъ подъ дерево и, подъ вліяніемъ притока необыкновенной досады, злобы, сталъ слѣдить за движеніями турецкихъ фигуръ. Я не знаю, былъ ли это плодъ болѣзненнаго воображенія или это было дѣйствительно такъ, но мнѣ слышался какой-то веселый говоръ, мнѣ казалось, что турки торжествовали, веселились, смѣялись, хохотали... хохотали надъ кѣмъ?.. надъ нами!.. а мы?..

— Ой-ой-ой! раздавался стонъ умирающаго сбоку.

Слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Никогда въ жизни я не плакалъ такъ искренно, такъ сильно... Надо вѣдь это пережить читатель!

— А-а, вздоръ какой!.. побѣдимъ еще!.. любовно хлопнулъ меня по плечу мой добрый адъютантъ:—къ чему отчаяваться? Ёдемте въ лагерь, вы утомлены! 12*

— Побѣдимъ?.. переспросилъ я его машинально...

— Конечно!..

Славная улыбка не сходила съ его кроткаго лица.

Да! ему нравились эти слезы. Онъ и самъ плакалъ въ первый день неудачной битвы!

Сѣли мы на коней и поѣхали въ лагерь, вполне предоставивъ себя волѣ не менѣ насъ утомленныхъ животныхъ.

Мы спустились съ горы въ лощину, въ деревню. Нѣсколько батальоновъ заняли новую позицію, остальные были отозваны обратно.

Небо заволакивалось барашковыми облаками, малу по малу заслоняя собою звѣзды, только-что успѣвшія быстро высыпнуть и такъ живо, живо разсѣяться по небесному пространству въ глубинѣ темноголубаго свода. Наступила прохладная, сырая осенняя ночь. Подулъ легкій вѣтерокъ, листья деревьевъ зашелестѣли; слышно было, какъ журчалъ ручеекъ; гдѣ-то вдали завывла собака.

„Ахъ, зачѣмъ она воетъ!..“ Начнешь даже вѣрить предразсудкамъ.

Конь остановился у ручья какъ вкопанный. Фыркнувъ ноздрями, сильно дернулъ онъ поводья, вытянулъ шею и жадно наклонилъ свою голову къ ручью!

„Что ты!... что ты!“... потянулъ я въ свою очередь поводья:— „воду отравили турки дохлыми свиньями“. Но лошади конечно не понравилась моя осторожность.

Не охотно двинулась она съ мѣста и еле-еле поплелась по проселочной дорогѣ.

Мнѣ самому хотѣлось пить, пить много, много!.. потъ не сходилъ съ моего лица: а во рту такъ горѣло, горѣло и горѣло!

Поминутно натыкались мы на группы убивавшихъ

раненыхъ и убитыхъ. Отрывистый стонъ, тяжкіе вздохи, болѣзненный плачь — все тѣ же плоды нашей громкой побѣды—нарушали воцарившуюся тишину ночнаго часа.

Вотъ, взбираясь на гору, миновали мы лѣсную чащу, подъ тѣнью деревъ которой мы часто располагались до тѣхъ поръ, изъ нѣдръ которой мы обыкновенно обозрѣвали расположеніе непріятельскаго лагеря, при помощи зрительныхъ трубъ и биноклей. Я различилъ нѣсколько движущихся фигуръ: два серба бережно вели подъ руки какъ будто раненаго человѣка. Я догналъ этого человѣка, нагнулся съ сѣдла, узналъ въ немъ офицера, заглянулъ ему въ фizioномію и... о удивленіе!.. то былъ Чукмасовъ! Печально опустивъ свою птичью голову на правое плечо, онъ еле-еле тащился по узкой тропинкѣ, тщателью поддерживаемый своими провожатыми.

— Чукмасовъ!.. что съ вами?..

— Я раненъ, сказалъ Чукмасовъ, еще ниже опускавая голову.

„Онъ пьянъ!.. пьянъ, несчастный!.. онъ пьянъ съ ранняго утра до глубокой ночи?.. Господи!..“ мелькнуло въ моей головѣ.

Но нѣтъ! Чукмасова дѣйствительно контузила шальная граната; контузила его какъ разъ въ то время, когда онъ лежалъ пьяный и высыпался. Вотъ судьба-то! отъ нея не уйдешь никуда!

По крайней мѣрѣ и Чукмасовъ вспомнить когданибудь, что.

Были схватки боевыя
Да говорятъ еще какія!..

Мы проѣхали батареи. Артиллеристы чистили свои орудія. Хороше ребята! Они много поработали въ этотъ день. Говоръ, живая бесѣда—какъ будто ничего и не

было. Во мракѣ обрисовался силуэтъ лагернаго стража.

— Кто идетъ? громко отчеканилъ онъ, ловко и смѣло приткнувъ штыкъ своего ружья къ груди моей лошади.

— Эхъ, кабы ты, любезный, такъ же смѣло тыкалъ сегодня турокъ своимъ штыкомъ!

— Кто идетъ? грозно повторилъ часовой.

— Офицеръ!

— Отзывать?

— Не знаю.

— Пароль?

Мы молчали.

— Не можно! отвѣтилъ стражъ, ближе и ближе подходя къ сѣдлу и нерѣшительно вытягивая впередъ свою голову, чтобы разглядѣть мою фizioномію. Ружье ходунѣ ходило въ его рукахъ.

Смѣшной человѣкъ! Онъ пропустилъ насъ.

Рядомъ съ штабной палаткой—большое собраніе людей. Стоитъ фургоны съ надписью: „съ Богомъ, встрѣчный путь“. То былъ фургонъ нашего доктора Шлихтинга. Въ немъ хранились медикаменты. По крайней мѣрѣ тридцать раненыхъ ожидали каждый своей очереди. Два, три фонаря еле-еле освѣщали группы несчастныхъ людей. Тутъ лежитъ человѣкъ навзничъ и стонетъ; кровь струится изъ затылка, щека въ крови; временами поднимаетъ онъ свою голову кверху и съ новымъ стономъ опускаетъ ее на подложенныя взамѣнъ подушки руки. Тамъ другой!.... посмотрите вы на эту несчастную жертву артиллерійскаго огня: онъ лежитъ на спинѣ; вмѣсто ногъ у него какіе-то неопредѣленные куски раздробленнаго мяса; ни одного звука, ни одного стога не выры-

вается изъ его впалой груди; онъ тупе смотритъ на небо... онъ ждетъ своей смерти. А этотъ!.. Онъ еще живъ, но также долженъ погибнуть во цвѣтъ лѣтъ. Рубаха распорота, грудь все медленнѣе и медленнѣе поднимается; дыханіе становится все рѣже и рѣже; онъ... онъ уже умеръ; не замѣтилъ смерти никто.

Потомъ разглядѣли, подхватили подъ мышки, за ноги, сволокли въ сторонку, вырыли наскоро яму и зарыли какъ падаль какую. Только штабный попъ отчиталъ молитву и то ради соблюденія законной формальности.

„Кто же этихъ людей смѣлъ лишить жизни, драгоценной для нихъ жизни? думалъ я, отойдя отъ перевалочнаго пункта и улегшись подъ вѣтвями широкаго дуба: — почему же говорить, что разбойникъ, убивающій человѣка, — преступникъ, а человѣкъ, убивающій человѣка на войнѣ, — доблестный воинъ, достойный почета, награды? Кто этотъ человѣкъ, который посылаетъ другихъ людей на вѣрную смерть, подъ вражью пулю? Кто онъ? Посылаетъ сотни, тысячи“...

Желчи слишкомъ много накопилось въ ту минуту. Сонъ, — и тотъ не заглушалъ притока этой злобы, не смотря на разбитое тѣло.

„Кто онъ?.. продолжаетъ работать больная голова: — его нѣтъ совсѣмъ! какъ нѣтъ? не можетъ быть!.. Миланъ?.. Черняевъ?.. Ристичъ?.. Герцеговинцы, заварившіе всю кашу?.. все не то!.. кто же онъ наконецъ?.. Ты!.. ты извергъ, ты варваръ, ты убійца всѣхъ этихъ погибшихъ людей!“ какъ подколодная змѣя медленно выкрадывается ужасная мысль въ больное воображеніе. „Нѣтъ, это слишкомъ!.. слишкомъ много страданія!.. лучше бы меня убили сегодня!.. зачѣмъ эти мысли?.. зачѣмъ эта пуля не попала мнѣ въ грудь, зачѣмъ она

не ранила меня смертельно?... Я бы лежалъ теперь у штабной палатки, туно смотрѣлъ бы на это небо, одно только „прости!“ посылалъ бы близкому сердцу человеку, и это „прости!“ вышло бы такъ тихо, кротко, спокойно изъ моей груди... Ну, что же? любимый человекъ поплакать бы... забыть бы потомъ... а теперь?.. мученье, страданье и... нѣтъ утѣшеній!..“

„Ты варваръ!.. ты убійца!“ продолжаетъ шептать внутренній голосъ.

Вѣдь это не плодъ больного воображенія, это дѣйствительно такъ. У меня было въ батальонѣ 500 человекъ; я повелъ батальонъ въ бой,—вернулись 400. Какъ я повелъ?.. куда я повелъ?.. зачѣмъ я повелъ? Мнѣ сказали: „начинайте бой!“, а я взялъ и въ самомъ дѣлѣ началъ бой! Одинъ пошелъ въ одну сторону, другой въ другую; подошли мы на 150 шаговъ къ турецкой батарее: бейте, молъ, насъ, турки. Намъ жизнь не мила! А вѣдь храбро держались; сколько энергій потратили противъ смерти-то... шутка сказать!.. а вѣдь могли бы обдумать, сообразить, пойти въ порядкѣ и выиграть бой... Какъ много значитъ выиграть бой!.. Кто же виновникъ то?.. Я виноватъ, потому что я не требовалъ отъ Клиндера подробной инструкціи; Клиндеръ виноватъ, потому что онъ не спрашивалъ Черняева; Медвѣдовскій вдвойнѣ виноватъ, потому что онъ не создалъ гармоніи и сунулся въ воду, не спросившись броду... А виноваты мы всѣ, потому что мы не искренно честные люди. Если бы мы были такими людьми, я бы не взялъ на себя командованіе батальономъ. Клиндеръ и Медвѣдовскій не приняли бы бригады, Хорватовичъ—корпуса, а Черняевъ—арміи. Помилуйте, какъ намъ было не принять ихъ?.. Вѣдь это лестно!.. Намъ почетъ, слава, мы—великіе лю-

ди, а о томъ: что же простыя— не люди пѣшки?—мы не подумали! Не подумали просто потому, что такъ уже человѣкъ гадко устроенъ, что говорить онъ: „деремся за идею“, а самъ думаетъ, какъ бы повыше встать. Вотъ она гдѣ гадость-то самая! Всѣ мы, рѣшительно всѣ такіе люди!

„Бросить надо! думалъ я, переворачиваясь съ боку на бокъ:—нѣтъ, подожду, можетъ быть и мы поколотимъ турокъ“.

Турки не долго заставили насъ дожидаться.

XXVI.

Паническій страхъ 18 Сентября.

18-го сентября, черезъ день послѣ битвы, завязалась перестрѣлка на лѣвомъ флангѣ нашего корнуса, на позиціи маіора Беницкаго. Беницкій — маіоръ сербской арміи, былъ начальникомъ, достойнымъ своего назначенія. Къ 2 часамъ по полудни перестрѣлка приняла довольно ожесточенный характеръ. Мы были какъ на угольяхъ, съ минуты на минуту ожидая нападенія турокъ. Въ 2 часа пріѣхалъ на нашу позицію полковникъ Хорватовичъ и замѣтилъ:

— Турки сердиты на насъ, мстятъ намъ за прошлую побѣду... Однако пошлите два батальона въ помощь Беницкому, отдавъ онъ приказаніе маіору Яковлевичу.

Назначеніе выпало между прочимъ и на долю моего батальона.

Ни разу во время войны я не испытывалъ такого дурнаго предчувствія какъ въ этотъ разъ. Предчувствіе

говорило мнѣ, что предстоитъ что-то дурное, лучше было бы остаться въ лагерѣ. И не одинъ я находился подъ вліяніемъ этого предчувствія;—офицеры моего батальона также нехотя собирались въ бой.

Мы двинулись ускореннымъ шагомъ на незнакомую намъ позицію, не зная даже дороги, которая должна была привести насъ къ маіору Беницкому. Адъютантъ Хорватовича указывалъ намъ путь. Сербы шли молча, угрюмо... тотъ или другой затягивали временами пѣсню, но голосъ обрывался, заунывный напѣвъ сербской пѣсни умолкалъ. Шли мы лѣсомъ, по проселочной дорогѣ, постепенно приближаясь къ мѣсту сраженія. Все внятіе и внятіе слышалась ружейная перестрѣлка, громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Все сильнѣе и сильнѣе билось сердце, напрягались нервы. Когда идешь въ бой, чувствуется усиленный притокъ какой-то энергіи; какъ я уже говорилъ, хочется кинуться и бѣжать впередъ, бѣжать быстро, безъ остановки.

— Вотъ ваше мѣсто, указалъ адъютантъ въ незнакомой намъ лѣсной чащѣ.

Какъ будто какая вѣйшія сила толкнула моихъ сербовъ впередъ. Они ринулись сами по себѣ, не слушая команды, приказаній.

— Стой!.. на мѣстѣ!.. бросились офицеры останавливать сербовъ.

Пули свистали надъ головами. Очевидно мы находились въ линіи огня. Нехотя сербы остановились на мѣстѣ, залегли въ кусты. Я отправился отыскивать маіора Беницкого.

— Тамъ, на батарее! указывали мнѣ попадавшіеся по дорогѣ люди.

Дѣйствительно на батарее я встрѣтилъ Беницкого.

Средняго роста, коренастый, смуглый, съ черною окладистою бородою, Беницкій стоялъ у орудія и обмѣнивался полужесткими съ начальникомъ своего штаба, кѣмъ-то офицеромъ, капитаномъ австрійской службы. Беницкій былъ въ высшей степени въ возбужденномъ состояніи. То онъ направлялъ бинокль, то перебѣгалъ на другое мѣсто, то оглядывался въ стороны. Глядя на него, я чувствовалъ, что дѣло плохо, но полнаго отчета не могъ себѣ отдать. Я передалъ Беницкому записку. Въ запискѣ Клиндеръ просилъ маіора по возможности поберечь людей, не пуская безъ нужды въ бой.

— Что я буду дѣлать?.. что мнѣ дѣлать?.. схватился Беницкій за голову:—посмотрите, сколько ихъ!..

Съ открытой площадки представился видъ, достойный кисти художника. Мы стояли на горѣ съ крутымъ спускомъ на поляну, и эта поляна далеко тянулась влѣво отъ насъ, а *vis à vis* снова поднималась въ высоту. Прямо передъ нами грозно возвышалась турецкая батарея. Я взглянулъ влѣво и увидѣлъ: стройные ряды турецкихъ войскъ. Два эскадрона кавалеріи красиво спустились съ турецкой батареи на поле. Сейчасъ же сзади кавалеристовъ шли 3 табора регулярной пѣхоты. Спокойно, въ стройномъ порядкѣ двигались они по полянѣ, по направленію къ нашей позиціи, въ помощь своимъ товарищамъ, которые уже съ утра дрались самымъ смѣлымъ, самымъ настойчивымъ образомъ.

— Дѣлать нечего, замѣтилъ я Беницкому:—скажите, когда понадобится, мой батальонъ стоитъ здѣсь! указалъ я мѣсто Беницкому.

— Гранату!.. живо гранату! крикнулъ онъ артиллеристамъ. Орудіе выстрѣлило, граната упала въ шагахъ въ пятнадцать отъ турецкаго эскадрона. Три, четыре ло-

шади шарахнулись было въ сторону, но сѣдоки сейчасъ же привели ихъ въ стройный рядъ.

Еще нѣсколько гранатъ; одна удачно попала въ средину табора пѣхоты и... турки скрылись за высотой.

Я вернулся къ батальону.

Шагахъ въ тридцати отъ батальона докторъ перевязывалъ раненыхъ. Австрійскій еврей смѣло стоялъ подъ огнемъ, останавливалъ кровь, клалъ повязки такъ же спокойно, какъ будто въ больницѣ; только усиленный притокъ раненыхъ заставлялъ его нѣсколько торопиться.

— Вы рискуете, докторъ!

— Что же дѣлать?... хуже то, что нѣтъ ни людей, ни повозокъ перевозить эти трупы, замѣтилъ врачъ.

Несчастные люди валялись на землѣ, и некому было убрать ихъ.

— Батальонъ во фронтъ!.. скорѣй, скорѣй!.. подлетѣлъ начальникъ штаба маіора Беницкаго.

Сербы вытянулись и пошли. Куда мы шли?—зачѣмъ мы шли?—мы не знали! Мы шли, потому что насъ вели, шли вдоль линіи огня, совершенно напрасно теряя по дорогѣ людей.

Наткнулись на русскаго офицера, перевязывающаго рану какому-то сербу.

— Ломанъ!... здравствуйте, какъ дѣла?

— Плохи! отчаянно махнулъ рукою знакомый чело-вѣкъ. Махнулъ онъ рукою и подпрыгнулъ, подпрыгнулъ и упалъ. Пуля ударила ему въ ногу.

„Боже мой, какъ это быстро! Не успѣешь и моргнуть, —вдугъ раненъ, убить!..“

— Батальонъ стой! скомандовалъ начальникъ штаба: —вотъ съ этого мѣста идите впередъ.

Мы стояли на какой-то проселочной дорогѣ. Правая

и лѣвая стороны дороги густо заросли дубовымъ кустарникомъ. Слѣва начинался спускъ въ долину, съ которой вѣлъ на насъ аттаку непріятель; справа—такой же спускъ въ оврагъ. Тысячи пуль свистали надъ нами. Не успѣвъ сдѣлать ни одного выстрѣла, люди падали какъ мухи.

— Впередъ, за нами!.. кинулись офицеры въ лѣвую сторону.

Произошелъ хаосъ. Одни сербы бросились за нами, другіе кинулись въ сторону, третьи удрали въ оврагъ. Въ такіе моменты человекъ теряется. Я кинулся съ солдатами въ кусты; наткнулись на ружейные панцы, въ панцахъ сидѣлы сербы и усиленно стрѣляли по наступающимъ туркамъ. Я взглянулъ съ высоты внизъ долины. Страшный видъ представился моимъ глазамъ. Въ два ряда турки лѣзли на нашу гору. Первый рядъ сѣпившихся черкесовъ почти-что ползъ, не дѣлая ни одного выстрѣла. Второй рядъ, турокъ, поднимался правильной цѣпью, поддерживая самый ожесточенный огонь. Турки были шагахъ въ пятидесяти отъ насъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вдругъ сербы выскочили изъ нашихъ панцевъ и опрометью кинулись въ кусты оврага. Паническій страхъ, этотъ ужасный страхъ въ моментъ жестокаго боя, сразу охватилъ толпу, и не прошло секунды, какъ я очутился одинъ.

— Стой! схватилъ я за воротъ одного изъ сербовъ.

— Я убью тебя какъ собаку! приставилъ я револьверъ къ груди бѣгунца.

— Нѣма боруть!.. затрясся сербъ, показывая пустой патронташъ, и снова кинулся, скрывшись въ кустахъ.

Одинъ, всѣми брошенный на произволъ судьбы, я стоялъ какъ съумашедшій и не могъ придти въ себя. Вотъ уже замелькали красныя фески, вотъ чувствую я,

что ещё одна минута,—и бросившіеся за нами турки поднимутъ на штыки! Боже мой!.. Какой ужасный моментъ!.. Я собралъ послѣднія силы и кинулся въ оврагъ бѣжать,—бѣжать безъ оглядки!.. Передать тѣхъ ощущеній, которыя я испытывалъ въ эти минуты, невозможно, читатель! Сербы разсыпались въ кустахъ; никого не было видно. Я бѣжалъ по склону оврага, спотыкался, падалъ, вставалъ, снова бѣжалъ, а слѣдомъ за мною свистѣли сотни пуль. „Сейчасъ пуля ударитъ мнѣ въ спину... сейчасъ она ударитъ мнѣ въ ногу... я упаду... некому взять, спасти!.. Живымъ достанусь я варварамъ туркамъ, живымъ сожгутъ они меня на кострѣ“.

И сколько досады, чувства негодованія, срама, позора накапливаетъ на сердцѣ бѣгунца, но бѣжать нужно, отдаваться глупо, невозможно, умирать не хочется. Бѣжать!.. легко сказать „бѣжать!“ Чтобы бѣжать, нужны силы, а силъ этихъ нѣтъ, онѣ изсякли. Вотъ съ глубины оврага надо подниматься на гору, а ноги нейдутъ; я чувствую, что сейчасъ упаду отъ изнеможенія, и никто, рѣшительно никто не протягиваетъ мнѣ руку помощи.

Слѣпое счастье спасло меня въ эту ужасную минуту моей жизни. Турки, сбросивъ насъ съ горы въ оврагъ, почему-то остановили наступленіе. Я уже не могъ бѣжать; медленнымъ шагомъ поплелся я по какому то лѣсу, временами натыкаясь на сербовъ.

Укоръ, одинъ безплодный укоръ только срывался съ языка, когда я встрѣчался съ сербами. Какими нечестными, гадкими, низкими казались мнѣ эти люди въ моментъ этихъ встрѣчъ съ бѣгунцами. Гдѣ мои солдаты, гдѣ офицеры, гдѣ мое знамя, горнистъ, адъютантъ?—я не зналъ, да признаться и не хотѣлъ знать въ эту минуту. Одна только мысль крѣпко засѣла въ головѣ—

мысль немедленной отставки. Какъ теперь оставаться въ Сербіи послѣ позорнаго бѣгства нашихъ войскъ?.. оставаться затѣмъ, чтобы получить пулю въ спину и умереть мученикомъ за идею, которая не воодушевляетъ ровно никого?.. Это глупо, безумно, это невозможно и смѣшно! Слѣдуетъ идти, идти дальше отсюда, идти безъ оглядки, покинувъ надежды, оставивъ иллюзіи... слѣдуетъ уйти отсюда и открыто, громко сказать всѣмъ и каждому: смотрите что творится, кладите немедленно предѣлъ этой бойнѣ, разгоните варваровъ съ одной стороны, разгоните это баранье стадо съ другой стороны!.. Война невысказана, невозможна!..

И такъ гадко было смотрѣть на этихъ сербовъ, такими низкими людьми казались они въ моментъ моего полного разочарованія.

Но вотъ благополучно достигъ я лагеря. Луна выглянула изъ-подъ грозовой тучки темнаго неба. Заревомъ пожара освѣтилась восточная сторона нашей позиціи. Турки, вторгшись въ долину, зажгли дома давно покинутой деревни.

XXVII.

Таинственные незнакомцы. — Рграбленный офицеръ. — Хитрость турецкаго офицера. — Храбрый докторъ. — Боевое увлеченье турка. — Черная кошка. — Ходжичъ, Вучковичъ. — Канунъ турецкой атаки.

Бой 18-го сентября окончился тѣмъ, что мы потеряли связь между позиціями Клиндера и маіора Беницкаго. Самъ маіоръ Беницкій въ этотъ день тяжело раненъ въ

ногу. Мѣсто его заступилъ полковникъ Депредавичъ. Такимъ образомъ турки вторгнулись было въ линію нашихъ позицій, но сербско-русскій отрядъ, присланный изъ Делиграда, прогналъ ихъ ночью на ихъ старыя мѣста.

Опять тѣ же результаты. Много крови изъ-за ничего.

Въ поздній часъ этой темной ночи на нашей позиціи произошелъ курьезный случай. Утомленные дневнымъ боемъ солдаты лежали уже подъ деревьями и шаламами, сколоченными изъ вѣтвей лиственницы, многіе уже засыпали, какъ вдругъ по дорогѣ въ нашъ лагерь показался конный отрядъ какихъ то таинственныхъ людей. Люди ѣхали шагомъ, молча, понутивъ свои головы, нѣкоторые завернулись въ какія то бурки незнакомаго намъ фасона, фізіономіи нѣкоторыхъ показались въ высшей степени подозрительными. Болѣзненно настроенное воображеніе, таинственный видъ этихъ незнакомцевъ, совершенная неизвѣстность новаго положенія непріятеля—заставили меня преградить имъ путь въ лагерь.

— Кто идетъ? отзывъ?.. пароль?

Люди молчали.

— Что вы за люди?

— Сербы, отвѣтилъ передовой.

— Что вамъ нужно?

Новое молчаніе было отвѣтомъ на мой вопросъ.

— Какая позиція? кто командиръ? спросилъ наконецъ одинъ изъ группы неизвѣстныхъ кавалеристовъ.

Конечно достаточно было такого вопроса, притомъ вскорѣ послѣ разрыва нашей связи, чтобы заподозрить въ нихъ турецкихъ шпионовъ.

— Стой!.. на мѣстѣ!..

Дали знать Клиндеру, подняли тревогу. Но все напрасну. Кавалеристы оказались просто сербами, посланными въ развѣздъ Хорватовичемъ.

Я упоминаю объ этомъ случаѣ для того, чтобы показать вамъ наглядно, насколько мы не привыкли видѣть въ нашемъ лагерѣ патрульные разѣзды и насколько сербская кавалерія была далека отъ знанія позицій и ихъ командировъ.

Много разсказовъ передавали другъ другу наши офицеры послѣ двухъ послѣдовательныхъ боевъ съ турками. Былъ у насъ молодой офицеръ Блиновъ; онъ хромалъ на правую ногу. Въ день боя 16-го сентября онъ пошелъ слѣдомъ за черногорцами. Сзади находились сербскіе солдаты. На первыхъ же шагахъ пуля ударила ему въ правое плечо. Блиновъ наложилъ наскоро повязку и сторяча кинулся снова впередъ. Граната разорвалась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Блинова, и онъ упалъ, лишившись чувствъ, вслѣдствіе сильной контузіи въ голову. Онъ конечно не помнитъ, сколько времени онъ лежалъ, будучи въ безчувственномъ состояніи; придя въ себя, онъ совсѣмъ не узналъ обстановки, при которой суждено было ему упасть на землю. Другіе кусты, другая тропинка, не то дерево, которое было передъ нимъ; слышать онъ пушечные выстрѣлы, трескотню ружейной перестрѣлки; оглядывается и что же?.. при немъ нѣтъ револьвера, нѣтъ сабли, нѣтъ даже семи дукатовъ, которые были у него въ карманѣ.

Другой случай, до нѣкоторой степени характеризующій военную хитрость турецкаго офицера. Поручикъ Троицкій находился при моемъ батальонѣ въ день битвы 18-го сентября. Онъ командовалъ полуротою охотниковъ, вышедшихъ изъ рядовъ старыхъ сербовъ. Въ моментъ, когда мы кинулись въ наши ложементы, прикрывающіе позицію Беницкаго, поручикъ Троицкій съ охотниками находился на правомъ флангѣ батальона. Только что онъ бро-

сился впередъ, какъ вдругъ видить въ кустахъ какаго то сербскаго офицера.

— Впередъ!.. впередъ, братья! кричить офицеръ по сербски, энергично размахивая своею саблею.

Въ первый моментъ Троицкій потерялся. Какой это офицеръ? Откуда онъ взялся? Какимъ образомъ онъ попалъ въ кусты ранѣе другихъ? Внѣшній видъ офицера однако внушалъ полную довѣренность. Троицкій бросился впередъ, но сербъ схватилъ его за руку.

— Турокъ!.. турокъ онъ! указаль сербъ на офицера.

У страха глаза велики... „Быть не можетъ“, думаетъ Троицкій.

Другой сербъ довѣрчиво подошелъ къ офицеру. Онъ нанесъ ему ударъ саблею по головѣ. Хитрый турокъ конечно нарвался на штыкъ сербскаго охотника. Но тѣмъ не менѣе онъ устроилъ было западню для группы людей, которые такъ храбро ринулись въ битву.

Въ отрядѣ полковника Журавлева находился одинъ молодой врачъ, страшный любитель сильныхъ ощущений. Онъ сошелся съ кружкомъ порядочнаго офицерства, принималъ участіе во всѣхъ вылазкахъ, дневныхъ и ночныхъ, которыя нерѣдко предпринимались офицерами на крайнемъ правомъ флангѣ корпуса Хорватовича. Подбирая наиболѣе храбрыхъ сербовъ, преимущественно бывшихъ конокрадовъ, охотившихся въ мирное время на турецкій скотъ, офицеры часто переступали сербскую границу съ небольшими отрядами и такъ или иначе беспокоили турокъ. Молодой докторъ всегда былъ вмѣстѣ съ ними. Однажды онъ изъявилъ готовность принять участіе въ самой битвѣ съ турками. День битвы насталь. Докторъ примкнулъ къ нѣкоторымъ офицерамъ, которые въ свою очередь соединились съ черногорцами, и компанія,

разгоряченная впечатлѣніями и обстановкою сраженія, энергично ринулась впередъ. Докторъ не отставалъ ни на шагъ. Чуть ли это не было 16-го сентября. Черногорцамъ удалось выбить турокъ изъ первыхъ ружейныхъ ложементовъ. Надо замѣтить, что черногорцы рѣдко стрѣляютъ, когда атакуютъ турокъ. Имѣя ружья на перевѣсѣ, черногорцы идутъ ровнымъ, увѣреннымъ, спокойнымъ шагомъ, идутъ впередъ, не обращая рѣшительно никакого вниманія на самый сильный огонь непріятеля и на убилъ въ своихъ рядахъ. Они идутъ такимъ ровнымъ шагомъ до тѣхъ поръ, пока схватятся съ турками въ рукопашную или пока въ кустахъ не замелькаютъ красныя фески удирающаго непріятеля. Такъ точно было и въ тотъ разъ, когда докторъ отправился съ черногорцами на турокъ. Одному черногорцу удалось какимъ то образомъ поймать турка за шиворотъ. Два, три офицера и докторъ въ томъ числѣ кинулись къ плѣннику, побуждаемые чувствомъ любопытства, осмотрѣть пойманнаго непріятеля. Они уже готовы были схватить его, отправить въ лагерь, но черногорецъ по своему обещанію съ красною фескою. Онъ быстро опустил на одно колено, сильнымъ движеніемъ руки положилъ голову турка на другое колено, выхватилъ острый какъ бритва ятаганъ и уже занеся его съ очевиднымъ намѣреніемъ отрѣзать голову.

При всей своей жадѣ сильныхъ ощущеній, при всемъ своемъ хладнокровіи въ жаркую минуту боевой схватки, докторъ все-таки оставался прежде всего въ душѣ гуманнымъ цѣлителемъ челоуѣчества. Пораженный ужасомъ отъ намѣренія черногорца, докторъ кинулся къ нему, явно желая освободить турка изъ рукъ этого черногорца, этого ваджара, какимъ онъ казался въ эту ми-

пути. Доктор схватилъ уже черногорца за руки, но упрямый монтегренинецъ оттолкнулъ его, сказавъ:

— Чекай, чекай мало!... (подожди немного).

Сказавъ это, черногорецъ такъ же спокойно отрезалъ человеческую голову, какъ обыкновенно повара отрезываютъ головы у курицъ. Насадивъ эту голову на кончикъ своего ятагана, черногорецъ кинулся впередъ, молодцовато взмахнувъ своимъ ятаганомъ съ турецкою головою на глазахъ всѣхъ остальныхъ черногорцевъ, и какимъ-то дикимъ, нескончаемымъ „ура!“ огласился воздухъ при видѣ этой турецкой головы и ея окровавленнаго носителя. Черногорцы еще шибче бросились впередъ съ неистовствомъ какихъ-то дикихъ людей. Много турецкихъ головъ насадили они въ этотъ день на свои острые ятаганы; на другой день битвы они выставили ихъ на накладе въ одинъ рядъ вдоль по шоссеиной дорогѣ, идущей къ Шильговацу.

Что же случилось съ докторомъ? Возмущенный до глубины души докторъ кричалъ, тоналъ ногами, спрашивалъ самъ себя: куда онъ прѣхалъ? а въ концѣ концовъ все-таки согласился съ тѣмъ, что такія картины суть нормальныя явленія всякой войны, тѣмъ болѣе войны черногорцевъ съ турками.

Разсудокъ перестаетъ управлять человѣкомъ въ такія минуты боевыхъ схватокъ. Во время битвы 18-го сентября одинъ турокъ до того увлекся движеніемъ впередъ, до того потерялъ разсудокъ при наступленіи на наши ружейные ложементы, что очнулся только тогда, когда увидѣлъ себя обезоруженнымъ въ рукахъ сербовъ. Многие видѣли, какъ этотъ турецкій солдатъ слишкомъ забѣжалъ впередъ изъ линіи своихъ товарищей. Съ красною, потною, дикою фizioномією, съ разъяренными,

блестящими кровью глазами, съ задвинутою на затылокъ красною фескою, онъ лѣзъ на крутую гору, не признавая никакихъ для себя препятствій. Онъ такъ быстро, такъ дико, такъ безумно двигался одинъ на нашу гору, что сербы даже перестали стрѣлять въ него, рѣшительно не понимая такого бессмысленнаго поступка со стороны разумной твари. Онъ достигъ напихъ шанцевъ, кинулся на нихъ какъ сумасшедшій и только тогда ономнился, пришелъ въ себя, когда увидѣлъ вокругъ себя чуждыхъ ему сербовъ.

Процессъ притушенія человѣческаго мышленія быстро перешелъ въ чувство необыкновенно сильнаго страха. Ружье само собою вышло изъ его рукъ; турокъ затрясся какъ осиновый листъ. Сербы расхохотались при видѣ этого курьезнаго человѣка, не взирая на то, что въ эту минуту имъ было вовсе не до смѣха. Турка отправили къ Хорватовичу въ штабъ, гдѣ его напоили, накормили, отогрѣли и успокоили и гдѣ онъ конечно навралъ съ три вероба относительно состоянія турецкихъ войскъ, какъ бы въ знакъ благодарности за ласку оказаннаго ему приема.

Много такихъ этюдовъ можно было бы рассказать вамъ, читатель, изъ сербско-турецкой войны, но они слишкомъ отвлекли бы насъ отъ болѣе существеннаго разсказа.

Всѣ случаи отдѣльной храбрости, энергій, отваги конечно не принесли никакихъ благоприятныхъ результатовъ на пользу общаго дѣла. Въ общемъ тѣмъ не менѣе наступилъ духъ унынія въ войскахъ корпуса Хорватовича послѣ двухъ послѣдовательныхъ неудачныхъ битвъ. Мы наступили и потеряли, на насъ наступили, — мы тоже потеряли. Съ мыслью дальнѣйшихъ наступленій нужно было разстаться. И мы разстались. Мы молили только Прокидѣнне о томъ, чтобы оно сохранило намъ возмож-

ность не допустить турокъ подойти къ Бѣлграду. Правда, до Бѣлграда было далеко еще, но какъ легко было туркамъ быстро совершить этотъ переходъ.

Какъ и въ жизни отдѣльныхъ, такъ или иначе судьбою связанныхъ лицъ, наступаютъ иногда моменты, которые, благодаря вдругъ обоюдно вкравшемуся недоверію, разлучаютъ самыхъ лучшихъ друзей, — такъ было и въ Сербіи послѣ 18-го сентября. Какъ будто черная кошка пробѣжала между русскими и сербами послѣ неудачныхъ для насъ сраженій, хотя собственно этой кошки мы явно не усматривали. Сербскій народъ упалъ духомъ, а сербская интеллигенція, офицеры просто разсердились, мысленно складывая всю вину неудачъ исключительно на русскихъ, находившихся въ Сербіи и внѣ Сербіи. То былъ ужасный для русскихъ моментъ, который затѣмъ потянулся часы, дни, недѣли и мѣсяцы. Были такіе сербы, которые до послѣдней минуты вѣровали въ заступничество русскихъ за сербовъ; такіе сербы не нарушали установившихся болѣе или менѣе дружественныхъ отношеній къ русскимъ добровольцамъ; но были и такіе сербы, которые окончательно потеряли всякую вѣру въ русскихъ, и эти послѣдніе возмутились до глубины души своей, они готовы были объявить открытую войну русскимъ добровольцамъ, не говоря уже о томъ, что они совершенно отдѣлились отъ русскихъ въ нашей обыкновенной лагерной жизни. Къ числу послѣднихъ примкнули: майоръ Яковлевичъ, его адъютантъ Свѣтозаръ, майоръ Ходжичъ и капитанъ Вучковичъ, который съ 16-го сентября состоялъ начальникомъ штаба при полковникѣ Клиндерѣ. Впослѣдствіи ихъ партія возросла настолько, что въ нее вошли всѣ коренные сербскіе армейскіе офицеры. Съ двумя первыми вы уже знакомы, читатель; остается

познакомить васъ съ майоромъ Ходжичемъ и капитаномъ Вучковичемъ. Майоръ Ходжичъ былъ человѣкомъ чрезвычайно хитрымъ, самолюбивымъ, выскочкою во всѣхъ случаяхъ удачи и ступевывался, умывалъ руки въ случаяхъ потерь или непріятностей. Въ отношеніяхъ къ русскимъ онъ дѣйствовалъ изъ-за угла, какъ подлый человѣкъ; онъ науськивалъ другихъ, нашептывалъ болѣе простодушнымъ, но никогда самъ не выступалъ на сцену, достигая своихъ цѣлей всегда окольными путями и не падая даже тѣхъ, которые служили ему слѣпымъ орудіемъ его интригъ. Враговъ у него не было, но у него не было и друзей. Сербъ онъ или русскій — для него было безразлично; онъ смотрѣлъ на человѣка какъ на пѣшку, съ помощью которой онъ можетъ достигнуть того, чего онъ добивается. А добивался онъ конечно повышенія, какъ самолюбивый человѣкъ. По совѣсти я не могу опредѣлить твердо, безъ обиняковъ, въ силу какихъ собственно соображеній нужны были ему эти повышенія въ виду неудачъ дѣйствующихъ войскъ. Одни факты говорятъ въ пользу того, что эти повышенія нужны были ему ради скорѣйшаго достиженія своихъ цѣлей, которыя сводились къ мысли ближайшаго окончанія военныхъ дѣйствій, хотя бы путемъ полнаго пораженія сербской арміи. Но, повторяю, это былъ такой умный, хитрый человѣкъ, который всегда и при всякихъ обстоятельствахъ вышелъ бы правымъ изъ всякаго военного суда, если бы этотъ судъ заподозрилъ его въ измѣнѣ и привлекъ на скамью подсудимыхъ. У Ходжича всегда нашелся бы какой нибудь пріятель Вучковичъ, и этотъ Вучковичъ, влопавшись, какъ слѣпой исполнитель воли Ходжича, всегда остался бы единственнымъ виновникомъ въ измѣнѣ.

Вучковичъ — молодой саперный офицеръ, слишкомъ

увлекался своимъ положеніемъ начальника штаба и, пользуясь слабохарактерностью полковника Клиндера, иногда дѣлалъ что хотѣлъ. Между тѣмъ для успѣха въ дѣлѣ ему, какъ начальнику штаба, не хватало ни специальной подготовки, ни опытности, ни достаточныхъ знаній, ни энергіи, ничего рѣшительно. Да и заботился ли Вучковичъ объ успѣхѣхъ сербскаго дѣла?

Вучковичъ сдѣлался начальникомъ штаба по рекомендаціи маіора Ходжича. Добродушный, застѣнчивый, несомнѣнно храбрый, отчасти безхарактерный, но честный Клиндеръ, всегда готовый видѣть въ человѣкѣ прежде всего одни только добрыя качества, не умѣлъ конечно подозрѣвать и обвинять, не умѣлъ въ то же время и господствовать въ чужой странѣ, гдѣ мы были въ сущности гостями, а не хозяевами, какъ говаривалъ бывало самъ Клиндеръ. Видите, въ какомъ ложномъ положеніи находились мы, русскіе, въ Сербіи! Мы стояли во главѣ народныхъ войскъ и невольно считали себя гостями среди того народа, бразды правленія надъ которымъ мы такъ охотно приняли на себя.

Замѣтивъ эту застѣнчивость, это добродушіе, эту слабость характера полковника Клиндера, Вучковичъ и Ходжичъ встали на дыбы, и дальнѣйшіе факты укажутъ вамъ, что изъ всего этого вышло и произошло.

И такъ, черная кошка пробѣжала между сербами и русскими. Русскіе офицеры пока еще являлись представителями партіи за войну; сербскіе офицеры потеряли вѣру въ фактическую помощь со стороны Россіи и жаждали мира. Какое ужасное положеніе постигаетъ ту армию, когда во время военныхъ дѣйствій, при необходимости общей гармоніи дѣйствующихъ лицъ, начинаются козни въ арміи, интриги, подвохи, сплетни и наконецъ

полный разладъ начальствующихъ лицъ. Первыя проявленія этого разлада, какъ всегда это бываетъ, выразились отдѣльными столкновѣніями русскихъ съ сербами изъ-за пустяковъ. Въ моменты такихъ столкновѣній обѣ стороны начали высказываться. Одна сторона, подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства недовѣрія, упрекнула другую сторону въ недостаткѣ энергии къ лагерной службѣ, въ излишнемъ пьянствѣ; другая сторона обвинялась въ трусости, неблагодарности русскимъ за ихъ помощь, поддержку, за добровольное пролітіе русской крови. Болѣе безтактные русскіе упрекнули въ глаза сербовъ даже въ грошахъ и корпія, которая шла тогда изъ Россіи въ Сербію. Достаточно было этого упрека, чтобы и безъ того уже уязвленное самолюбіе сербовъ достигло апогея своего развитія. А тутъ еще на грѣхъ нѣсколько русскихъ бѣгунцовъ попались на глаза полковнику Хорватовичу, спокойно пирующими въ кафанѣ во время жаркой битвы 18-го сентября. Хорватовичъ, написавъ приказъ тономъ упрека и посрамленія, предписалъ всѣмъ русскимъ офицерамъ подписать его.

— Пусть читаютъ этотъ приказъ тѣмъ изъ нашихъ, которые бѣжали съ поля битвы, но неприлично читать его всѣмъ намъ, тѣмъ болѣе требовать подписей подѣ этою неблагодарною бумагою, возмутились многіе изъ русскихъ.

Они вѣроятно забывали, что во время военныхъ дѣйствій разговоры не допускается.

Мало по малу отношенія наши натягивались все больше и больше, пока окончательно не лопнула струна, связывающая насъ, русскихъ, съ сербами. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Наступилъ день 7-го октября. Съ 18-го сентября до

7-го октября не было никакихъ серьезныхъ столкновений; были кой-какія перестрѣлки при Бабовистѣ, но вѣдь онѣ никогда не прекращались и до этого времени. До насъ дошли слухи, что турки намѣреваются сдѣлать серьезное нападеніе на всѣ позиціи корпуса Хорватовича. Мы приготовились. Въ чемъ же заключались наши приготовленія? Вучковичъ распорядился вырыть ружейные ложементы въ одинъ только рядъ; и то эти ложементы не выдерживали никакой критики мало-мальски имѣющаго понятія по части самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ саперныхъ работъ, даже не распорядились срубить лѣсъ, препятствующій стрѣльбѣ изъ этихъ ложементовъ, несмотря на то, что съ 18-го сентября по 7-е октября было много свободныхъ ночей; не принимая во вниманіе того, что турки постоянно, безостановочно, систематически рубили лѣса, могущіе скрывать непріятеля въ моментъ его наступленія на турецкія батареи. Я бы могъ указать на многія погрѣшности и безтолковость нашихъ фортификаціонныхъ работъ, но это вѣроятно скучно и неинтересно для моихъ читателей. Короче, укрѣпленій въ сущности у насъ никакихъ не было, а стоило только по серьезнѣе отнестись къ этому, просто даже ограничиться нѣсколькими ярусами ружейныхъ ложементовъ,—и туркамъ не легко было бы занимать наши позиціи, потому что сербы все-таки недурно держались въ ружейныхъ ложементахъ и бѣжали только тогда, когда они усматривали себя на болѣе или менѣе открытой мѣстности.

Мы слышали о намѣреніи турокъ сдѣлать нападеніе, но не знали дня, когда турки рѣшили начать свое наступленіе. Это самое худшее состояніе человѣка, когда онъ ждетъ и не знаетъ, что будетъ съ нимъ въ скоромъ будущемъ. Батальоны несли аванпостную службу своимъ

чередомъ, и какъ разъ случилось такимъ образомъ, что мой батальонъ соединился съ аванпостомъ въ полночь 6-го октября.

Вечеръ 6-го октября рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти. Это былъ прелестный тихій вечеръ. Я сидѣлъ у костра на мѣстѣ главнаго караула аванпостной линіи и жадно прислушивался къ звукамъ турецкой военной музыки, издавѣка долетавшихъ до насъ, благодаря невозмутимой тишинѣ вечерняго воздуха. Турки каждый день наслаждались въ своемъ лагерѣ музыкою своего очень недурно составленнаго оркестра, а мы?.. мы слушали все время одни только стоны, вопли, да иногда неловкій заунывную пѣсню угрюмаго серба или дикій напѣвъ какой нибудь русской пѣсни, исполняемой пьянымъ, охранившимъ армейцомъ. Но вотъ звуки турецкой музыки утихли. Ярче загорѣлись турецкіе костры, и... какъ будто какое то усиленное движеніе замѣтили мои сербы вдоль по линіи ихъ цѣпи. Я вышелъ изъ опушки лѣса, въ которомъ скрывался мой главный карауль, на открытое мѣсто. Ночь была такая темная, что съ трудомъ различалась человѣческая фигура даже въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія. Все ярче и ярче разгорались костры въ турецкомъ лагерѣ; заревомъ большаго пожара казался яркій свѣтъ отъ сотенъ громадныхъ костровъ. Какъ будто фигуры двигались вокругъ этихъ сильныхъ огней, какъ будто силуэты лошадей обрисовывались въ области освѣщеннаго костромъ пространства. Что это было на самомъ дѣлѣ — я того не зналъ. Я былъ только увѣренъ, что въ турецкомъ лагерѣ происходятъ какія то движенія и суета.

— Турки въ Нишъ собираются, подшутил мой знаменщикъ, пристально всматриваясь въ даль темнаго пространства.

Вдругъ воздухъ огласился дружнымъ крикомъ „алла!“ Появилось это „алла“ на лѣвомъ турецкомъ флангѣ и понеслось, понеслось оно къ Делиграду вдоль по всей линіи турецкихъ костровъ. Напрягли мы всѣ силы нашего зрѣнія на волнующихся турокъ—и силуэты цѣлой группы кавалеристовъ обрисовывались на горизонтѣ.

Видимъ, эти всадники скачутъ, одниъ впереди, другіе сзади. Группа галопомъ движется вдоль по линіи турецкихъ огней и рветъ не по часамъ, не по минутамъ, а по секундамъ. Громче: „алла“ дружно слѣдуетъ за таинственными всадниками, и вотъ эти всадники наконецъ скрываются отъ нашихъ глазъ.

— Что это значитъ? спрашиваемъ мы другъ друга въ недоумѣніи.

— Сейчасъ начнется наступленіе.

— Ночью?.. Никогда! Коранъ не позволяетъ!

— Какой тутъ Коранъ, когда войну кончать пора!

— Завтра будетъ бой!

— Вотъ это вѣрнѣе!

— Я васъ смѣняю, маіоръ, послышался сзади меня голосъ капитана Облова.

Новый батальонъ пришелъ на смѣну моего.

Прытко повскакали мои сербы, быстро встали они во фронтъ, медленнымъ шагомъ потянулись вразсыпную по горамъ, лѣсамъ и оврагамъ, по направленію къ штабной палаткѣ нашей бригады.

„Завтра будетъ бой!“ тяжело засѣло въ головѣ каждого изъ насъ. „Завтра будетъ бой и... можетъ быть послѣдній! Господи!.. о, Господи!.. что то будетъ завтра?..“

XXVIII.

Аттана турокъ. — Картина общаго бѣгства арміи Хорватовича. —
Новыя позиціи. — Начало раздоровъ.

Часовъ въ шесть утра 7-го октября кто-то сильно толкнулъ меня, спящаго, въ бокъ. Я вскочилъ на ноги, протеръ глаза; передо мною стоялъ майоръ Яковлевичъ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, но небу неслись сѣренькія тучки и густо стлались по возвышенностямъ сосѣднихъ горъ. Батальонъ мой былъ уже на ногахъ. Солдаты складывали на-скоро свои пожитки, коморджин грузили ящики съ патронами на деревянныя сѣдла своихъ тощихъ лошадей; всѣ суетились, убирались, готовились къ послѣдному выходу. На линіи нашихъ аванпостовъ слышалась перестрѣлка, которая усиливалась не по часамъ, а по минутамъ.

Предчувствіе наше сбылось. Турки, накануне подкрѣпленные новыми ниваами, явившись изъ Ниша, сдѣлали наступленіе на наши позиціи; только трудно было опредѣлить, какія части нашего корпуса они намѣрены были атаковать своими главными силами. Наступленіе началось съ нашего лѣваго фланга, т. е. турки пошли именно на высоты, занятыя войсками полковника Молостова, который замѣнилъ Денрерадовича вскорѣ послѣ 18-го сентября. Удачная атака турками позицій майора Беницкаго въ ночь на 19-е сентября, не имѣвшая успѣха только случайно, заставила турокъ снова попробовать свои силы путемъ наступленія на тѣ же самыя позиціи, но уже съ большими силами, съ большей энергіею и отвагою.

Весь нашъ лагерь находился въ сильномъ движеніи,

когда я подошелъ къ штабной палаткѣ, для того чтобы получить приказанія отъ полковника Клиндера. Полковникъ Клиндеръ въ это время находился на батарее, которая открыла сильный огонь по наступающему непріятелю. Завязалась жестокая артиллерійская перестрѣлка; турки начали бросать свои гранаты въ лагерь, но, къ счастью, эти гранаты не причиняли намъ большого вреда.

Не стану передавать вамъ всѣхъ подробностей этого памятнаго для насъ боеваго дня; остановлю только ваше вниманіе на главныхъ моментахъ, пережитыхъ нами въ этотъ день пораженія нашихъ войскъ.

Сильнымъ, частымъ огнемъ вступили мы непріятеля, не взирая на то, что турокъ было несмѣтное количество. Но уже къ 12 часамъ пополудни мы почувствовали, что наши шансы на успѣхъ сомнительны, хотя еще не теряли надежды выиграть дѣло. Дождь какъ нарочно усилился къ 9 часамъ утра, и перестрѣлка какъ будто затихла. Турки прилегли на тѣхъ мѣстахъ, которыя они успѣли занять, и мы уже начали себя утѣшать надеждою, что небо не допуститъ враговъ до нашего центральнаго лагеря. Но эти надежды не оправдались. Около 10 часовъ утра прекратился дождь, и перестрѣлка снова возобновилась еще съ большею поспѣшностью и силою. Къ полковнику Клиндеру прискакалъ майоръ Яковлевичъ, который съ начала боя находился въ линіи огня, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи. Онъ передалъ полковнику, что положеніе наше сомнительно, что онъ вмѣстѣ съ адъютантомъ Свѣтзаромъ чуть-чуть не попался въ руки непріятеля. Случилось это такимъ образомъ. Турки направили весь свой батарейный огонь на одинъ пунктъ сосѣдней намъ позиціи Молостова. Очень скоро имъ удалось выбить сербовъ артиллерійскимъ огнемъ изъ ру-

желейных ложементовъ, а тѣмъ временемъ цѣль регулярныхъ войскъ оттиснула сербовъ въ чащу лѣса, прорѣзаннаго мѣстами глубокими, крутыми оврагами. Такимъ образомъ общая связь была нарушена, и наша линія была прорвана, хотя мы и не знали объ этомъ. Турки вошли въ общую линію нашихъ войскъ, которые увидѣли себя обойденными съ лѣваго фланга; неизвѣстность положенія непріятеля въ лѣсистой мѣстности заставила сербовъ начать отступление.

Около 6 часовъ вечера часть моего батальона находилась въ резервѣ, въ серединѣ центрального лагеря. Полковникъ Клиндеръ, храбро и хладнокровно развѣзжая педь пулями, собиралъ бѣгунцовъ и составлялъ изъ нихъ отдѣльныя резервныя роты. Обстоятельства поминутно измѣнялись: линія турецкой цѣпи то приближалась къ лагерю, то снова отступала, услышавъ фальшивую тревогу, или громкіе крики нашего несчастнаго резерва. Наконецъ турки поняли нашу хитрость, убѣдились въ томъ, что наши резервы—нѣкоторымъ образомъ мыльный пузырь, и энергичнѣе прежняго начали наступать на наши позиціи.

— Батальонъ во фронтъ! неистово крикнулъ артиллерійскій подполковникъ Пичугинъ, проскакавъ въ галопъ мимо двухъ ротъ моего батальона. На немъ не было лица, онъ казался встревоженнымъ до высшей степени нервнаго напряженія.

— Что случилось? спрашиваю его.

— Готовьтесь въ огонь!.. въ штыки!.. турки въ ста шагахъ отъ нашихъ батарей!

Пронеслась одна батарея въ карьеръ мимо моего батальона, пронеслась другая съ крикомъ, гиканьемъ артиллеристовъ, энергичными ударами по лошадямъ, со сту-

комъ и скрипомъ тяжелыхъ колесъ, съ бряцаньемъ принадлежностей пушечныхъ лафетовъ. Градь пуль участился, свистъ ихъ полета сталъ рѣзче отражаться на барабанной перепонкѣ необыкновенно чуткаго въ такихъ случаяхъ уха, громче прежняго защелкали эти пули о стволы буковаго лѣса, убыль людей изъ строя увеличивалась ежеминутно. Смѣшанные крики сербскаго „ура!“ и турецкаго „алла!“ слились въ одинъ общій ужасный гулъ. Пороховой дымъ густымъ слоемъ заволокъ пространство, на которомъ происходилъ бой, и трудно было опредѣлить, въ какомъ дѣйствительномъ разстояніи находились отъ насъ въ этотъ моментъ турки. Лагерь заволновался своимъ предсмертнымъ движеніемъ. Больничары не успѣвали убирать раненныхъ; кавалеристы скакали назадъ и впередъ; бѣгунцы старались пробиться сквозь разсыпанные въ линію резервные ряды; въ лагерь показались какія-то совершенно новыя личности офицеровъ и солдатъ съ сосѣднихъ позицій; произошелъ такой хаосъ, предѣлъ которому не могла положить никакая нравственная, ни даже физическая сила. Резервы были уже готовы броситься въ штыки при первомъ появленіи турокъ въ дыму ожесточенной битвы, но лѣвый флангъ, объятый паническимъ страхомъ, а за нимъ и другіе, какъ одинъ человѣкъ, вдругъ парашнулись въ сторону и побѣжали въ лѣсъ.

— Стой!.. стой на мѣстѣ! кричали офицеры, останавливая сербовъ. Но мнѣ кажется, что и картечный огонь не могъ бы даже остановить въ этотъ моментъ это баранье стадо, бросившееся бѣжать отъ наступающаго непріятеля.

Все было потеряно!.. все погибло!

Самая безпорядочная, самая хаотическая толпа ты-

сять пораженныхъ людей смяла резервы, сокрушила все преграды, попадавшіяся по дорогѣ, и бѣжала, напрягая все силы, лишь бы только скрыться отъ наступающихъ турокъ.

Я не помню конечно отчетливо этотъ моментъ, потому что впечатлѣніе было слишкомъ поражено ужасами картины всеобщаго бѣгства, разнообразіемъ деталей этой поистинѣ ужасной картины. Я помню только, что моя лошадь очутилась въ серединѣ толпы, встала на дыбы, бросалась въ разныя стороны. Я помню, какъ я оглянулся еще разъ назадъ и увидѣлъ красныя фески, мелькавшія между деревьями, въ пяти шагахъ отъ штабной палатки. Убитые, раненые, замѣшкавшіеся въ кустахъ, избравшіе себѣ околѣный путь,—все это досталось туркамъ и было поднято ими на штыки. Въ этой битвѣ погибли: профессоръ минной школы Шпаковский, его помощникъ Ермолинскій, молодой офицеръ Козловскій и тысячи несчастныхъ сербовъ. Нѣкоторые офицеры были свидѣтелями послѣднихъ минутъ жизни молодого Козловскаго. Турецкая пуля поразила его въ спину; онъ упалъ навзничь; три черкеса моментально налетѣли на несчастную жертву, быстро обшарили его карманы, разорвали платье; сняли сапоги, раздѣли его до нага. Наберется ли десятокъ такихъ сербовъ, которые уцѣлѣли въ рукахъ турокъ, въ этотъ день? Турки убивали всехъ и каждого, живаго и раненаго, мимо которыхъ они пробѣгали, слѣдуя по пятамъ за бѣгущими.

— Гдѣ сборный пунктъ?.. спрашиваю я адъютанта Свѣтозарова.

— Не знаю! отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Гдѣ сборный пунктъ? обращаюсь я съ тѣмъ же вопросомъ къ капитану Вучковичу, котораго я нагналъ во главѣ бѣжавшихъ солдатъ.

— У водяной мельницы, на горѣ! отвѣтилъ онъ мнѣ: — а наша позиція будетъ у церкви св. Архангела.

Войска перебѣжали шоссею дорогу, поднялись на противоположную гору и въ полномъ безпорядкѣ разсыпались въ лѣсу. Турки остановили преслѣдованіе, но мы только къ полнотчи кое-какъ собрали нѣкоторыя части нашихъ батальоновъ.

Пораженіе, можно сказать, было окончательное и съ ужаснымъ послѣдствіемъ — полной деморализаціей нашихъ войскъ.

Здѣсь я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ новыхъ позиціяхъ. Противоположная нашему прежнему лагерю гора, на которой мы собирали части нашихъ батальоновъ, оказалась совершенно отдѣльною горою, не имѣющею никакой общей связи съ хребтами другихъ горъ этой мѣстности. Лѣвый склонъ этой горы врѣзывался въ долину почти напротивъ мѣстности Каеникъ, правая половина горы оканчивалась также долиною, открывавшею свободный обходъ этой передовой позиціи. Такимъ образомъ поляна окружала гору, которую можно было обойти съ двухъ сторонъ.

Гора была покрыта частымъ, высокимъ лѣсомъ и растягивалась на нѣсколько верстъ. Въ глубинѣ поляны, около ручья, стояла церковь св. Архангела, и эта поляна замыкалась хребтомъ высокихъ горъ, на которомъ были построены батареи на случай отступленія нашихъ войскъ. Вотъ эти то горы и оказались мѣстомъ сбора нашихъ главныхъ силъ, а передовая гора сама по себѣ не только не представляла выгодной передовой позиціи, но даже была опасна для тѣхъ частей войска, которыя были оставлены на ней, по распоряженію капитана Вучковича. Она была опасна потому, что турки легко могли обойти

ее съ двухъ сторонъ, окружить ее и взять въ плѣтъ или уничтожить всѣ расположенные на ней сербскіе батальоны. Турки могли обойти эту гору со своихъ крайнихъ, далекихъ фланговъ, и мы даже не замѣтили бы этого обхода изъ-за дремучаго лѣса передовой позиціи. На горѣ оставалось три батальона, остальное войско было отозвано къ церкви св. Архангела.

8-го октября съ ранняго утра началась битва около Шильговаца. Сербы, занимая каоникскія высоты, начали наступленіе на турокъ, по приказанію полковника Хорватовича, съ цѣлю возвращенія потерянныхъ наканунѣ своихъ позицій. Около полудня мы получили приказаніе: „начать наступленіе“. Но съ мыслью наступленія нужно было разстаться и разстаться навсегда. Усталые, голодные и холодные сербы не только не могли наступать на турокъ, но не были въ состояніи даже защищать свои новыя позиціи. Тѣмъ не менѣе нужно было исполнить приказаніе корпуснаго командира. Наступленіе вышло ниже всякой критики. Проиграли сигналъ: „движеніе впередъ“, и ни одинъ сербъ не тронулся съ своего мѣста. Они стояли за деревьями, дрожали какъ осиновые листья и на приказаніе начальства отвѣчали, не стѣсняясь: „иди впередъ, если тебѣ это нравится, но мы не хотимъ умирать, мы не смѣемъ умирать, потому что у насъ есть жены, старики и дѣти, которыхъ мы обязаны поддерживать своимъ существованіемъ“. Рука не поднималась на этихъ несчастныхъ.

Они потеряли всякую надежду, всякую вѣру, они были разбиты, деморализованы, ихъ было такъ мало, а турокъ такъ много, что идти имъ впередъ на непріятеля значило бы идти на вѣрную смерть, безъ всякихъ послѣдствій, безъ всякой пользы для своей страны и дѣла. Дис-

циплина конечно взяла свое. Сербь тронулись съ мѣста, спустились съ горы, завязали перестрѣлку, но черезъ нѣсколько часовъ они снова вернулись обратно на гору въ безпорядочныхъ группахъ, вернулись еще болѣе утомленными физически и нравственно, еще въ болѣе деморализованномъ состояніи. Вечеромъ того же дня я ѣздилъ къ Хорватовичу, по порученію полковника Клиндера, и доказалъ Хорватовичу невозможность какихъ либо атакъ съ нашей стороны. Полковникъ согласился со мною, но ломать руки въ порывѣ отчаянія, казался взволнованнымъ, убитымъ горемъ.

— Бѣдные сербы! говорилъ онъ, закрывая лицо своими руками, и слеза выступала на его рѣсницѣ.

Ночь провелъ я въ домѣ, смежномъ съ церковью св. Архангела. Церковь была заперта на ключъ, вся церковная утварь находилась въ храмѣ. Мы разломали двери, спасли все что могли забрать на небольшую колу, которую и отправили немедленно въ Крушевацъ.

9-го октября солнце еще не выходило изъ-за гребня восточныхъ возвышенностей, какъ мы уже были на ногахъ. Надо замѣтить, что мы въ эти дни почти ничего не ѣли, не пили и чувствовали полнѣйшій упадокъ силъ. Дождь пронизывалъ насъ до костей. Маіоръ Яковлевичъ отдалъ мнѣ приказаніе немедленно ѣхать на передовую гору и принять на себя командованіе этою позиціей.

— Удержать эту позицію за собою немыслимо, отвѣчалъ я Яковлевичу:—турки могутъ обойти насъ съ двухъ сторонъ, окружить, разбить, уничтожить, взять въ плѣнъ,— все что хотите!

Яковлевичъ только пожалъ плечами въ отвѣтъ на это заявленіе.

Нелишне сказать, что въ эти тяжелые дни сербскіе

офицеры вели такіе разговоры, изъ которыхъ можно было заключить, что они по справедливости считали общее дѣло вполнѣ потеряннымъ. Они желали немедленнаго заключенія мира, на какихъ бы условіяхъ этотъ миръ ни былъ предложенъ со стороны Турціи.

Я обратился къ Вучковичу, какъ къ начальнику штаба нашихъ войскъ съ тѣмъ же заявленіемъ, съ которымъ обращался къ Яковлевичу.

— Прошу не разсуждать и точно исполнять мои приказанія! крикнулъ Вучковичъ въ порывѣ негодованія, забывая простыя правила вѣжливости и военныя отношенія низшаго чина къ высшему. Я обратился къ майору Ходжичу съ тѣмъ же заявленіемъ, но майоръ Ходжичъ по обыкновенію согласился съ моими заключеніями, однако не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы образумить Вучковича. Какой смыслъ заключался въ защитѣ этого опаснаго, никому ненужнаго клочка земли? Вучковичъ говорилъ, что каждый шагъ отступленія сербскихъ войскъ долженъ быть обогрентъ турецкою кровью. Положимъ, это благородно сказано, но не знаю, благородно ли было подводить три сербскихъ батальона только для того, чтобы убить десятокъ турокъ. Каждый лишній шагъ нашего отступленія усиливалъ паническій страхъ и безъ того уже въ сильной степени обуявшій наши войска, уничтожалъ сотни сербовъ, которые частью попадались въ руки турокъ, частью разбѣгались куда глаза глядятъ.

Ничего больше не оставалось, какъ исполнять приказанія начальства. Но вы можете себѣ представить состояніе моего духа, когда я прибылъ къ несчастнымъ батальонамъ, которые не могли занять всей горы, будучи всѣ разсыпанными въ линію одной пѣши. Мы не видѣли, что дѣлалось на крайнихъ флангахъ, занимая одну только середину позиціи.

Одинъ бравый сербъ доложилъ мнѣ черезъ полчаса, что турки послали два эскадрона кавалеріи и два табора регулярныхъ войскъ въ обходъ нашей горы съ нашего праваго фланга. Я донесъ объ этомъ по начальству, но начальство не удостоило меня отвѣтомъ. Минуть черезъ двадцать послышался пушечный выстрѣлъ; граната, переброшенная черезъ шоссе, упала въ десяти шагахъ отъ резервной роты. Выстрѣлъ повторился, послѣ втораго послѣдовалъ третій; картечь разсыпалась по лѣсу, ранивъ много солдатъ. Я опять донесъ по начальству, просилъ прислать хотя бы одно орудіе, но начальство снова не удостоило меня отвѣтомъ. Наконецъ черезъ четверть часа турецкая цѣпь высыпала изъ противоположнаго лѣса, перебѣжала дорогу и наступила на нашу передовую позицію. Сзади цѣпи спустились три батальона турецкаго резерва въ замѣчательно стройномъ порядкѣ. Наканунѣ, при нашемъ наступленіи, турки убѣдились въ томъ, что мы окончательно деморализованы и что у насъ нѣтъ болѣе войска, что мы разбиты, уничтожены.

Не получая отвѣта на свои выстрѣлы, они убѣдились и въ томъ, что въ лѣсу нашей передовой позиціи нѣтъ и орудій. Поэтому они такъ смѣло, дерзко, нахально и спустили свои резервы.

Достаточно было сербамъ увидѣть этотъ стройный фронтъ турецкаго войска, чтобы опрометью, безъ оглядки кинуться назадъ къ церкви св. Архангела. Легко кинуться назадъ, а какъ трудно остановить бѣгущее деморализованное войско, какъ трудно спасать раненыхъ, подбирать убитыхъ!

Еще одно лишнее позорное бѣгство!

Турецкій обходъ отрѣзалъ полвзвода сербской цѣпи съ праваго фланга, десять несчастныхъ сербовъ попали въ плѣнъ.

Быть может вы меня спросите: какъ поступали турки съ плѣнными сербами? Въ большинствѣ случаевъ они убивали. Бывали иногда и исключенія. Вотъ между прочимъ фактъ плѣненія одного русскаго офицера въ день битвы 7-го октября. Офицеръ заблудился въ лѣсу при общемъ бѣгствѣ нашихъ войскъ; онъ недавно прибылъ на позицію и мало былъ знакомъ съ мѣстоположеніемъ нашего лагеря. Офицеръ долго бродилъ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока не наступила темная осенняя ночь. Вечеромъ онъ увидѣлъ костеръ и обрадовался огню, представивъ себѣ, что на этомъ мѣстѣ расположены наши войска, но офицеръ подошелъ къ костру, вокругъ котораго сидѣли башибузуки. Они накинулись на плѣннаго и начали бить его. На крики явился турецкій капитанъ. Капитанъ выручилъ несчастнаго, отправивъ его въ главный лагерь; оттуда его препроводили въ Нишъ. Говорятъ, что этотъ офицеръ до сихъ поръ не можетъ поправиться отъ тѣхъ ужасныхъ побоевъ, которые выпали на его злосчастную долю.

Судьба сербовъ была рѣшена. Каждую минуту мы ждали новаго наступленія турокъ, окончательнаго пораженія нашей арміи. Не было человѣка, который бы вѣровалъ и надѣялся. Полковникъ Клиндеръ упалъ духомъ; въ ночь съ 9-го на 10-е октября онъ отправился въ Крушевацъ съ цѣлью ознакомленія съ путемъ нашего дальнѣйшаго отступленія. Отъѣздъ полковника, не объяснившаго причины своей неожиданной отлучки, еще сильнѣе повліялъ на безъ того уже достаточно обезкураженныхъ русскихъ офицеровъ. Всякій чувствовалъ, что наше дѣло проиграно окончательно, всякій жилъ наканунѣ своей смерти, но всякій таилъ эту мысль въ самомъ себѣ, никто не рѣшался ее высказать открыто, желая поддержать хотя бы кое-какую бодрость духа сербскаго войска. А

тутъ еще полковникъ Журавлевъ отказался отъ дальнѣйшаго командованія правымъ флангомъ. Начали искать начальника, который могъ бы замѣнить вакантное мѣсто, но никто не принималъ на себя серьезной отвѣтственности въ эту критическую минуту сербско-турецкой войны. Правда, вы видите, что всякое предпріятіе, всякая ошибка, всякое своеволие сходили съ рукъ начальствующему лицу; всякій былъ въ правѣ поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится, какъ ему желательно, и никто рѣшительно не несъ никакой отвѣтственности за свои дѣянія передъ буквою военного закона; но всякій вѣдь понималъ извѣстную нравственную отвѣтственность, съ которою связывается назначеніе лица на постъ начальника, и эта нравственная отвѣтственность чувствовалась въ эту тяжелую минуту несравненно сильнѣе чѣмъ когда либо. Вотъ почему не было желающихъ замѣнить отказавшагося отъ командованія Журавлева, а напротивъ того, всякій желалъ послѣдовать его примѣру.

Наступила памятная ночь съ 9-го на 10-е октября. Кромѣшная тьма спустилась на мокрую землю. Рядъ послѣдовательныхъ дождей испортилъ всѣ проселочныя дороги; глинистая почва замочла и сдѣлала дороги трудно проходимыми, затруднила передвиженіе полевой артиллеріи. Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ ожесточеніемъ, производя необыкновенный шумъ въ лѣсу и кустарникахъ нашихъ новыхъ позицій. Отдано было приказаніе развести возможно большее количество костровъ, сдѣлать огни сильнѣе и ярче. Тѣмъ временемъ артиллерія снялась съ новой позиціи съ наступленіемъ темноты и удалилась по дорогѣ къ Крушевану. Все это сдѣлалось такъ таинственно, секретно, что мы недоумѣвали о томъ, что предпринимается. Около полуночи приказано было выстроить нѣ-

которые батальоны. Мы встали во фронтъ. Капитанъ Вучковичъ и майоръ Яковлевичъ сняли наши батальоны съ новой позиціи и повели куда-то по проселочной дорогѣ. Я говорю: „куда-то“, потому что рѣшительно никто не зналъ: куда мы идемъ? зачѣмъ мы идемъ? кто отдастъ подобное приказаніе? Соблюдая необыкновенную тишину перехода, сербы растянулись по проселочной дорогѣ, вдоль дремучаго лѣса. Несчастный народъ мѣсилъ липкую грязь въ своихъ жалкихъ опанкахъ, дождь пронизывалъ ихъ до костей. Холодные и голодные прошли мы вдоль хребта высокой горы, спустились въ долину и снова поднялись на хребетъ слѣдующей горы, который шелъ параллельно первому. Насъ остановили около деревни Сушица и приказали дожидаться разсвѣта. Штабъ помѣстился въ одномъ изъ домовъ покинутой деревушки, которая гнѣздилась въ глубокомъ оврагѣ. Къ счастью, жители только наканунѣ покинули свои дома и не успѣли забрать съ собою свиней, поросятъ и куръ. Наши коморджин разбѣжались послѣ 7-го октября; доставка провизіи въ батальоны такимъ образомъ прекратилась окончательно. Обрадовались голодные сербы живой твари въ покинутой деревушкѣ, развели костры, и не прошло десяти минутъ, какъ уже надъ кострами завертѣлись на вертелѣхъ откормленные свиньи, поросята и куры. Войско утолило голодь и заснуло чуткимъ сномъ преслѣдуемаго непріятелемъ чловѣка.

Утромъ мы осмотрѣлись, выстроили линію аванпостовъ. Наши горы шли параллельно передовымъ. Остатокъ нашего войска былъ раздѣленъ на двѣ половины. Одна часть была оставлена на передовой горѣ, другая образовала вторую оборонительную линію. Такимъ образомъ наступленіе на Крушевацъ оборонялось двумя боевыми

линіями изъ остатковъ сербской арміи. Первой боевой линіей командовали маіоры Яковлевичъ и Ходжичъ. Вторая боевая линія поступила подъ начальство капитана Вучковича. Она поступила подъ команду Вучковича просто потому, что не было другаго начальника и потому что Клиндеръ еще не возвращался изъ Крушеваца. Хорватовичъ даже и не зналъ объ отсутствіи Клиндера и о томъ, что Вучковичъ самовольно принялъ на себя командованіе второй линіей нашихъ войскъ.

На другой день непріятель отдыхалъ. Затѣмъ турки сбросили сербовъ съ каоникскихъ высотъ. Мы ждали, что вотъ, вотъ турки ударятъ на передовую гору, деморализованные сербы побѣгутъ при первомъ выстрѣлѣ и увлекутъ за собою войска второй линіи оборонительныхъ позицій. На той и другой горѣ было всего лишь по четыре полубатальона.

Вакантное мѣсто полковника Журавлева, поступившаго въ штабъ Хорватовича, занялъ русскій капитанъ Небольсинъ. До сихъ поръ Небольсинъ находился на правомъ флангѣ прежнихъ позицій Журавлева и командовалъ небольшимъ отрядомъ сербскихъ добровольцевъ. Прошло два дня, а турки еще не начинали своего марша на Крушевацъ.

Русскіе офицеры были увѣрены въ томъ, что Крушевацъ будетъ взятъ, что наша армія будетъ разбита окончательно. И при такомъ-то сознаніи русскіе стояли во фронтѣ и терпѣливо ждали часа окончательнаго пораженія.

Вучковичъ увлекся своимъ новымъ положеніемъ; чувство его самолюбія развилось до болѣзненности, до степени забывчивости своихъ правъ и обязанностей. Его прежнее распоряженіе о высылкѣ трехъ батальоновъ, подъ моею командою, было конечно извѣстно всѣмъ рус-

скимъ офицерамъ. Подобное распоряженіе не могли внушить довѣрія къ новому начальнику второй оборонительной линіи, къ этому новому самозванцу и выскочкѣ. Въ отношеніяхъ Вучковича къ русскимъ офицерамъ чувство обоюднаго недовѣрія смѣшалось съ чувствомъ ненависти. То и другое затаилось въ душахъ начальствующихъ лицъ. На второй день нашего перехода къ деревнѣ Сушица Вучковичъ объѣзжалъ линію аванпостовъ. Онъ подъѣхалъ къ батальонамъ капитана Небольсина, вознегодовать на какого-то серба и приказалъ его разложить и выдрать батогами. Небольсинъ не вытерпѣлъ при видѣ столь безцеремоннаго отношенія Вучковича къ нему и къ его солдатамъ. Онъ замѣтилъ Вучковичу, что никто не въ правѣ самолично отдавать приказанія, касающіяся его солдатъ, тѣмъ болѣе Вучковичъ, котораго онъ вовсе не знаетъ.

— Я начальникъ позиціи! закричалъ Вучковичъ на Небольсина.

— Начальникъ позиціи у насъ Клиндеръ! отвѣтилъ ему Небольсинъ.

— Я полковникъ Клиндеръ!

— Неправда! отвѣтилъ Небольсинъ: — полковникъ Клиндеръ — вѣжливый человѣкъ, а вы невѣжа и самозванецъ!

Вучковичъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Гдѣ тотъ приказъ командира корпуса, согласно которому вы замѣнили полковника Клиндера? Покажите мнѣ его! спросилъ Небольсинъ.

— Вы, русскіе, не честные люди, снова закричалъ Вучковичъ въ безсильной злобѣ:—вы явились въ Сербію для того, чтобы погубить нашъ народъ, уничтожить страну! Васъ никто не приглашалъ сюда.

Вучковичъ обратился къ солдатамъ, которые были свидѣтелями этой сцены съ начала до конца.

— Съ этой минуты, сказалъ онъ сербамъ:—вы должны знать, что у васъ нѣтъ другаго начальника, кромѣ меня! Малѣйшее непослушаніе со стороны кого либо изъ васъ,—и я убью того, какъ собаку.

Ропотъ слышался въ рядахъ даже сербскаго батальона. Я уже не говорю о русскихъ офицерахъ.

Что было дѣлать русскимъ? Русскіе были оскорблены до глубины души. Ихъ оскорбили передъ сербскимъ фронтомъ, ихъ оскорбили въ ту минуту, когда они, разбитые, больные, холодные и голодные, тѣснѣе прежняго связали свою судьбу съ несчастною участью бѣднаго народа, когда они покорно, безъ ропота на свою ужасную судьбу, ждали окончательнаго рѣшенія участи, ждали мученической смерти.

Русскіе собрались на совѣщаніе въ одну изъ пустыхъ избъ деревушки Сушица.

XIX.

Совѣщаніе русскихъ въ деревнѣ Сушица.—Отвѣтъ Хорватовича на адресъ.—Возвращеніе въ Делиградъ.

Деревня Сушица гнѣздится въ оврагѣ, среди двухъ крутыхъ и высокихъ возвышенностей. Часовъ въ 9 вечера въ одной изъ пустыхъ избъ небольшого селеньица собрались русскіе офицеры, оскорбленные поступкомъ Вучковича, на совѣщаніе, въ количествѣ всего наличнаго состава находившагося при войскахъ, расположенныхъ на томъ мѣстѣ. Въ пустой избѣ была настлана солома, въ каминнообразной печкѣ пылали дрова, сальный огарокъ еле-еле освѣщалъ мрачныя, грязныя стѣны старой

избенки. Одинъ за другимъ вошли въ избу русскіе офицеры, и эти униженные и оскорбленные имѣли видъ недовольныхъ судьбою людей; большинство казалось измученными, исхудалыми, блѣдными, больными. Угрюмая фізіономія, необыкновенная сосредоточенность, мракъ нищенской обстановки деревенской избы—все это вмѣстѣ взятое составляло необыкновенно мрачную картину горькой дѣйствительности. Среди офицеровъ находился молодой врачъ, тотъ самый искатель сильныхъ ощущеній, о которомъ я упоминалъ, когда рассказывалъ вамъ случай, какъ черногорецъ отсѣкъ голову турку. Тутъ же находился еще одинъ сербъ, молодой доброволецъ, чрезвычайно преданная русскимъ личность, который исполнялъ должности переводчика и писаря официальныхъ бумагъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что слухъ о столкновеніи Вучковича съ русскими офицерами моментально разошелся въ рядахъ сосредоточенныхъ при деревнѣ Сушица войскъ, и эти добрые понатурѣ и разумные сербы, этотъ сербскій простой народъ принялъ сторону русскихъ. Многіе подходили къ избѣ, вызывали своихъ начальниковъ, заявляли имъ соболѣзнованіе по поводу случившейся непріятности и горили искренно, открыто, что если русскіе оставятъ ихъ, уйдутъ отъ нихъ, они не будутъ болѣе сражаться подъ начальствомъ своихъ сербскихъ офицеровъ и разойдутся по домамъ.

Среди собравшихся русскихъ офицеровъ были люди различнаго развитія, различнаго характера, взгляда и различныхъ нравственныхъ качествъ, и нельзя сказать, что между ними не было людей безъ убѣжденій. Нѣскольکو личностей заявили себя разумными и стойкими людьми, каковымъ бы направленіемъ своихъ убѣжденій они

ни отличались. Въ число послѣднихъ входили какъ разъ именно тѣ, которые въ продолженіе всего военнаго времени были лучшими служаками и честнѣйшими исполнителями своихъ обязанностей. Другіе обнаруживали нѣкоторую безхарактерность, шаткость, и эти послѣдніе конечно просто примкнули къ голосу первыхъ, не заявляя никакихъ своихъ личныхъ мнѣній и требованій. Сначала разговоръ коснулся факта публичнаго оскорбленія капитана Небольсина капитаномъ Вучковичемъ. Всѣ русскіе офицеры сочли себя оскорбленными въ лицѣ одного изъ своихъ начальниковъ. Капитанъ Небольсинъ заявилъ, что на поступокъ Вучковича поданъ рапортъ полковнику Хорватовичу. Но на этомъ русскіе офицеры не остановились. Въ данный моментъ, можно сказать, въ самый критическій моментъ военныхъ событій, цѣлыя тысячи сербскаго народнаго войска стояли подъ ружьемъ, но у нихъ не было начальника! Отъ полковника Хорватовича не приходило ни какихъ приказаній по этому поводу. Нѣкоторые русскіе офицеры замѣтили, что нѣтъ слѣдствія безъ причинъ, и эти причины были слишкомъ очевидны для русскихъ офицеровъ: армія разбита, турки усиленно наступаютъ на Крушевацъ, мы находимся наканунѣ полнаго и самаго ужаснаго пораженія на окрестныхъ поляхъ Крушеваца; народныя селенія поминутно выжигаются; благодатная, плодородная земля Сербіи топчется безнаказанно и покрывается сплошнымъ пепелищемъ, льются потоки крови раненыхъ и убитыхъ; сербская интеллигенція, потерявъ окончательно бодрость духа и силу воли, винить въ этой войнѣ Россію, вымѣщаетъ свою злобу на ея представителей, стараясь какъ можно скорѣе захватить бразды правленія своею арміею и передать эти бразды въ руки представителей партіи мира,

для того чтобы покончить съ войною. „Зачѣмъ вы пришли сюда? спрашиваетъ насъ, русскихъ, сербскій начальникъ-самозванецъ, этотъ начальникъ двухъ сербскихъ бригадъ и позицій:—вы пришли сюда для того, чтобы сгубить нашу Сербію!.. вонъ отсюда, непрощенные гости, вы намъ болѣе не нужны!“ И намъ говорить это въ тотъ моментъ, когда мы поражены, когда мы напуганъ только-что потеряли тысячи отцевъ русскихъ семействъ, тысячи нашихъ братьевъ, и пали духомъ; когда мы нуждались въ душевной поддержкѣ, народной дружбѣ и единодушіи! намъ говорить это тогда, когда мы живемъ съ яснымъ и опредѣленнымъ сознаніемъ того, что если мы не умерли еще до сихъ поръ въ рядахъ этихъ сербовъ, то умремъ завтра и умремъ непременно! Вотъ эти-то размышленія заставили насъ призадуматься не на шутку. Вопросъ казался слишкомъ щекотливымъ, слишкомъ серьезнымъ въ данный моментъ. Какъ выйти изъ такого положенія?

Мнѣнія раздѣлились. Одни предлагали оставить армию, отправиться въ Делиградъ, объясниться съ Черняевымъ. Другіе возразили, что это невозможно сдѣлать въ настоящій моментъ уже потому, что это могутъ истолковать въ дурную сторону и объяснить нашъ поступокъ трусостью, отдать насъ подъ судъ, какъ бѣглецовъ, повѣсить насъ, разстрѣлывать—сдѣлать съ нами, все что хотите! Но первые твердо стояли на своемъ предположеніи.

— Объяснить нашъ поступокъ трусостью никто не посмѣетъ! говорили они:—добросовѣстность нашей службы слишкомъ доказана временемъ, обстоятельствами, нашими физическими и нравственными страданіями! Наконецъ если бы Черняевъ и захотѣлъ бы поступить съ

нами именно такимъ образомъ, то есть еще два исхода: первый—это доказать Черняеву на дѣлѣ, что мы дѣйствительно не боимся смерти!

— Какимъ образомъ?

— Пусть онъ предложитъ намъ: пойти и въ доказательство умереть въ нарочной схваткѣ съ турками... и мы умремъ, какъ это ни будетъ глупо!"

— Второй исходъ?

— Второй?.. второй: это предпочесть висѣлицу передъ бесполезностью службы въ такой арміи, которая не желаетъ войны!

Другіе предлагали ограничиться законнымъ требованіемъ немедленнаго суда надъ Вучковичемъ и назначеніемъ новаго начальника. Они руководствовались чувствомъ и тѣми соображеніями, что нечестно оставлять армію въ такой критическій моментъ, а ужъ если и придется умереть, такъ слѣдуетъ умереть всѣмъ вмѣстѣ.

— „Нѣтъ! отвѣчали первые:—вдругъ бы Черняеву захотѣлось продолжать вести войну до полного разоренія Сербіи, до прихода турокъ въ Бѣлградъ,—и мы обязаны умирать по его прихоти. Можетъ быть онъ и теперь надѣется! Но мы увѣрены теперь, что Черняевъ не имѣетъ никакого понятія о деморализаціи, которая существуетъ въ арміи Хорватовича. Почему мы его не видимъ? Почему мы не видимъ ни одного изъ его помощниковъ? Почему мы не слышимъ его голоса въ этотъ тяжелый для насъ моментъ? Почему же насъ всѣ бросили окончательно, почему насъ забыли всѣ наши русскіе начальники?"

Само собою разумѣется, что подобные разговоры немыслимы въ такія минуты въ регулярной арміи. Но въдѣ въ регулярной арміи и не затихаетъ голосъ главнокомандующаго равно какъ начальники не бросаютъ своихъ постовъ

Третьи предлагали послать немедленно депешу въ русскія газеты, въ которой они хотѣли категорически высказать, что все то, что печаталось о сербскихъ событіяхъ въ русскихъ газетахъ до сихъ поръ, все была наглая ложь и что истинные друзья Сербіи и славянъ не допустить полного разоренія страны, а категорическимъ ультиматумомъ положить конецъ этой ужасной рѣзни. Вы видите, что русскіе потеряли даже вѣру въ своего главнокомандующаго. Вы можете судить о деморализаціи арміи. Русскіе не знали намѣренія главнаго штаба; русскіе убѣждались только ежедневно, что ихъ и Россію обманываютъ, обманываютъ и обманываютъ! Говорятъ, что такая депеша будто-бы была послана въ „Московскія Вѣдомости“, но она шла не изъ нашей партіи, и, признаться, я ее не видѣлъ до сихъ поръ; хотя мысль эта была одобрена и нами, но мы почему-то не привели ее въ исполненіе. Офицеры рѣшили большинствомъ голосовъ написать адресъ Хорватовичу и удалиться въ Делиградъ, съ тѣмъ чтобы немедленно уѣхать обратно въ Россію. Адресъ, поданный русскими офицерами полковнику Хорватовичу, былъ написанъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Достойный полковникъ! Изъ подробнаго рапорта, поданнаго вамъ капитаномъ Небольсинымъ, вы усмотрите, что капитанъ Вучковичъ слишкомъ больно оскорбилъ русскаго начальника; въ лицѣ капитана Небольсина оскорблены всѣ русскіе офицеры. Жертвы, которыя принесли на пользу дорогаго, общаго намъ дѣла, слишкомъ извѣстны вамъ, для того чтобы распространяться о нихъ въ данную минуту. Поведеніе Вучковича, оскорбившаго офицеровъ передъ фронтомъ, не терпимо ни въ одной арміи, ни въ одной средѣ благовоспитанныхъ людей; поэтому

русскіе офицеры просятъ васъ уволить ихъ отъ дальнѣйшей службы въ корпусѣ и считаютъ священнымъ долгомъ заявить, что, покидая ввѣренную вамъ армію, они уносятъ съ собою самыя свѣтлыя воспоминанія о васъ, какъ о самомъ доблестномъ сербскомъ офицерѣ, какъ о *единственномъ* храбромъ воинѣ, настоящее мѣсто котораго должно находиться въ рядахъ русской арміи, гдѣ мы и льстимъ себя надеждою когда либо встрѣтиться съ вами. Мы не покидаемъ Сербію въ эту критическую минуту; мы намѣрены продолжать драться, но только въ рядахъ нашего русскаго отряда“. Слѣдовали подписи всѣхъ офицеровъ. Я оказался старшимъ въ чинѣ. Офицеры просили меня принять на себя роль депутата. Я пригласилъ Небольсина, и мы поѣхали къ Хорватовичу.

Была уже темная ночь. Мы ѣхали ощупью, узкой тропинкой по темному лѣсу. Мы нашли Хорватовича вблизи развалинъ древней церкви.

Хорватовичъ былъ тронуть до глубины души.

„Одного русскаго офицера не промѣняю я на двадцать Вучковичей!“ сказалъ онъ намъ и просилъ передать русскимъ офицерамъ, чтобы они успокоились, что этотъ фактъ уже извѣстенъ генералу Черняеву и что вчера ночью пріѣзжалъ къ нему полковникъ Монтеверде, который имѣлъ съ нимъ долгія объясненія по этому поводу. Вучковичъ будетъ отданъ подъ судъ, а мѣсто его заступитъ другой начальникъ, такъ какъ полковникъ Клиндеръ останется при штабѣ.

Но русскіе не удовлетворились этимъ отвѣтомъ Хорватовича; они покинули его, потому что очень хотѣли во что бы то ни стало говорить съ самимъ Черняевымъ. Вопросъ о Вучковичѣ былъ рѣшенъ; но не былъ рѣшенъ вопросъ завтрашняго дня для сербской арміи, для серб-

скаго народа, для его деревень, селъ и городовъ. Офицеры находились въ такомъ возбужденномъ состояніи, что, потерявъ вѣру въ Черняева и не зная его дальнѣйшихъ плановъ, они если и не хотѣли требовать отчета въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго, то во всякомъ случаѣ хотѣли доказать ему, что продолженіе войны немыслимо, что онъ, не являясь на позиціи, не видитъ и не знаетъ того, что видѣли, пережили и въ чемъ убѣдились русскіе офицеры, стоящіе бокъ о бокъ съ сербскими войскомъ и съ сербскими офицерами.

Молодой врачъ соблюлъ формальность свидѣтельства заявившихъ себя больными офицеровъ и эти свидѣтельства были препровождены къ маіору Ходжичу, который съ ранняго утра другаго дня заступилъ мѣсто начальника центральныхъ войскъ. Болѣе двадцати русскихъ офицеровъ, почти весь наличный составъ, покидали части маіора Ходжича, а маіоръ Ходжичъ даже не поинтересовался узнать о причинахъ такого явленія. Онъ только пожалъ плечами, но внутренне торжествовалъ и даже не владѣлъ собою настолько, чтобы скрывать свое внутреннее торжество.

Съ ранняго утра офицеры отправились черезъ Крушевацъ въ Делиградъ, такъ какъ прямой путь съ позиціи къ главному штабу былъ отрѣзанъ, и остатки арміи Хорватовича были окончательно отдѣлены отъ арміи генерала Черняева. Офицеры недолго собирались въ путь-дорогу. Надо замѣтить, что у большинства изъ нихъ не было рѣшительно никакихъ вещей при себѣ; они обладали только тѣмъ, что было надѣто на нихъ, т. е. сапогами, казенными шароварами и зипуномъ; на многихъ болѣе не мѣнялось въ продолженіе цѣлаго послѣдняго мѣсяца, такъ какъ вещи ихъ частью попались въ руки

турокъ вмѣстѣ съ деревнею Шильговацъ, частью же пропали при бѣгствѣ коморджіевъ послѣ пораженія 7-го октября.

Сербскіе войники долго и трогательно прощались съ русскими офицерами. Многіе изъ нихъ плакали, и эти искреннія народныя слезы, слезы разбитаго, обогрѣннаго братскою кровью, обнищалаго, несчастнаго народа выворачивали всю душу у нервныхъ изъ насъ. Многіе войники изъ сербскихъ добровольцевъ просили насъ взять ихъ съ собою, такъ какъ они знали о нашемъ намѣреніи поступить въ русскій отрядъ полковника Меженинова, но маіоръ Ходжичъ, даже вопреки закона, допускаяшаго переходъ всякаго добровольца изъ одной части арміи въ другую,—не разрѣшалъ сербскимъ добровольцамъ слѣдовать за русскими въ Делиградъ. Мы пошли лѣсами, время отъ времени подстрѣливая изъ берданки громадныхъ орловъ, которые вереницею кружились надъ нашими головами, чуя близость кроваваго дня на этомъ мѣстѣ. Мы миновали какую-то деревню, зашли въ избу. Въ тѣсной избенкѣ лежалъ семидесятилѣтній сербъ, тяжело раненый въ руку; по рассказамъ, его лечилъ какой-то шарлатанъ-черногорецъ за три дуката. Рука его опухла, антоновъ огонь уже началъ разрушать тощій организмъ старика, а онъ все-таки не соглашался отправиться въ больницу, не смотря на всѣ наши уговоры. Почему? Потому что ему тяжело было разставаться съ родной ему хатой, сколоченной при помощи тяжкаго труда бѣднаго крестьянина; потому что въ этой хатѣ находилась единственная радость его жизни, его единственная утѣха и ангель хранитель — восемнадцатилѣтняя дочь-красавица. Сиротка ухаживала за отцомъ какъ умѣла; она, заливалась горькими слезами. Отецъ

стоналъ отъ боли, но въра въ Провидѣніе не покидала старца. „Нѣтъ!.. этого быть не можетъ! говорилъ старикъ:—турка не придетъ въ мою деревню, турка не сожжетъ моей хаты, турка не изнасилуетъ мою единственную дочь... Богъ не допуститъ до этого“. Но турка сжегъ его деревню, и не знаю, что случилось съ несчастною дѣвушкою!

Въ самомъ дѣлѣ до какой степени можетъ развиваться въ старомъ человѣкѣ привязанность къ дому. Я видѣлъ другаго человѣка въ такомъ родѣ. Въ одной нищенской избѣ деревни Супица—я засталъ 80-лѣтнюю женщину. У нея было два сына; сыновья находились въ арміи. Старуха не выходила изъ своей хаты; она плакала съ утра до ночи и на отрѣзъ объявила сербскимъ войникамъ, уговаривавшимъ ее немедленно собрать свои нищенскіе пожитки и отправиться въ Крушевацъ, что она не покинетъ хаты, въ которой она родилась, что она предпочитаетъ умереть отъ турецкаго штыка, но только на пепелищѣ роднаго дома. „Здѣсь прошла вся моя горькая жизнь; въ этомъ домѣ я сама родилась, въ этомъ домѣ я родила двухъ сыновей... можетъ быть они убиты; это моя подпора, это мои единственные сыновья; пусть же и меня убьютъ поганые турки подъ роднымъ моимъ кровомъ!“

Драматическое положеніе этихъ встрѣчныхъ лицъ, тоска разлуки съ сербскими войсками, съ которыми мы такъ много пережили горя подъ градомъ турецкихъ пуль и гранатъ; неопредѣленность будущаго—все это нагоняло такую тоску, что не зналъ куда дѣться, какъ бы избавиться отъ ужаса подобныхъ впечатлѣній!

Къ вечеру мы достигли пѣшкомъ Крушеваца. Когда мы подходили къ городу, насъ перегналъ войникъ съ

депешю къ градоначальнику отъ Хорватовича. Онъ былъ весь въ пыли; онъ спѣшилъ. Кто-то изъ насъ замѣтилъ, что войникъ несетъ предписаніе отъ Хорватовича къ градоначальнику — арестовать насъ въ Крушевацѣ. Предсказаніе сбылось. Мы раздѣлились, пошли разными дорогами. Одна партія дошла до Крушеваца, другая была арестована въ загородной кафанѣ. Арестованныхъ выпустили, когда мы дали градоначальнику честное слово, что мы идемъ въ Делиградъ объясняться съ Черняевымъ по поводу событій; что мы не намѣреваемся оставлять Сербію, а что можетъ быть мы только перейдемъ въ русскую бригаду. На другой день съ ранняго утра мы продолжали путь въ Делиградъ.

Наше появленіе въ Делиградъ произвело необыкновенную сенсацию въ главномъ штабѣ. Начались праздные разспросы штабныхъ хлыщей, разговоры, суды, пересуды. На меня, какъ старшаго въ чинѣ, выпала роль депутата. Я явился къ Монтеверде. Последній принялъ меня сначала чрезвычайно подозрительно, но когда я рассказалъ ему подробно и послѣдовательно о всѣхъ событіяхъ въ корпусѣ Хорватовича за послѣднее время; когда я выяснилъ ему причины, заставившія русскихъ офицеровъ явиться къ генералу Черняеву, независимо отъ исторіи съ Вучковичемъ, — Монтеверде призадумался и хотѣлъ было ограничиться передачею чрезъ меня русскимъ офицерамъ различныхъ угрозъ и увѣщаній вернуться въ армію.

Я предложилъ ему объясниться съ офицерами лично, такъ какъ я видѣлъ по примѣру прошлаго, что мои слова не имѣли особеннаго вліянія на офицеровъ. Монтеверде передалъ нашъ разговоръ Черняеву, и на просьбу объ аудіенціи Черняевъ казался больнымъ. Штабные говорили, что онъ слишкомъ разстроенъ, что Черняевъ пла-

калъ, что Черняевъ хотѣлъ застрѣлится, что только Хлудовъ спасъ его и можетъ нѣсколько успокоить. Монтеверде пригласилъ офицеровъ въ свою комнату и, принявъ довольно хлыщеватую позу, тономъ: „знай съ кѣмъ говоришь“—началъ свои объясненія, предварительно предупредивъ насъ, что онъ будетъ говорить съ нами не какъ начальникъ, а какъ частный человѣкъ.

— Васъ, гг., могутъ отдать подѣ судъ!, говорилъ Монтеверде:—васъ отправятъ въ Россію, какъ никуда негодныхъ офицеровъ! васъ снабдятъ волчьими паспортами! вамъ не дадутъ прогонныхъ денегъ на обратный путь въ Россію! васъ обличатъ въ газетахъ! васъ оплюетъ русское общество! вы люди молодые, — пожалѣйте себя и свою будущность!

— Пускай насъ отдадутъ подѣ судъ! отвѣчали ему офицеры: — пускай насъ отправятъ въ Россію, и мы докажемъ въ Россіи, что мы годные офицеры! пускай намъ не дадутъ прогонныхъ денегъ, — мы пойдемъ пѣшкомъ, пускай насъ обличаютъ въ газетахъ, — никто изъ близко знающихъ насъ людей не повѣритъ вашимъ газетамъ. Газеты достаточно вралъ! пора и конецъ знать! Мы жили до сихъ поръ въ обществѣ людей намъ не чуждыхъ; эти люди знаютъ наше прошлое, нашу службу, и наша служба настолько непорочна, что никакіе ваши волчьи паспорта, никакія газеты не замажутъ насъ въ глазахъ нашего начальства, нашихъ знакомыхъ; за карьеру свою мы не боимся, но мы боимся за участь сербскаго народа!

Говорили такимъ образомъ конечно тѣ, которые чувствовали за собою право говорить такъ, а не иначе, а остальные молчали, всецѣло ввѣрившись болѣе честнымъ, болѣе развитымъ. Одинъ сказалъ было какую-то глупость, въ родѣ того, что мы не получаемъ въ Сербіи жалованья,

но товарищи заставили замолчать его моментально, а Монтеверде воспользовался случаемъ и въ порывѣ напускнаго благородства отвѣтилъ дерзостью, которую я въ точности не помню. Дерзость была обращена не лично къ тому, кто сказалъ глупость, а ко всѣмъ вообще. Какъ возмутилось общество офицеровъ поведеніемъ Монтеверде! Я привожу буквальные слова офицеровъ въ отвѣтъ Монтеверде.

— Полковникъ! сорвалось съ языковъ одновременно въ разныхъ концахъ маленькой комнаты:—не забывайте! Оскорблять себя мы не позволимъ! Мы говоримъ съ вами о такихъ предметахъ, о которыхъ не стали бы говорить съ помощникомъ начальника штаба; вы сами предупредили насъ о томъ, что вы говорите съ нами какъ частный человѣкъ! хороша эта двойственность.

Нѣкоторые сдѣлали такое энергично-сомнительное движеніе, что мнѣ показалось, будто они уже собрались бить Монтеверде. Я кинулся впередъ и сталъ между офицерами и Монтеверде; кучка отступила. Монтеверде хотѣлъ было исчезнуть въ смежную комнату, но офицеры категорически настаивали на аудіенціи съ Черняевымъ.

— Завтра! сказалъ Монтеверде и публика разошлась.

Не знаю, какіе были разговоры между Монтеверде и Черняевымъ, знаю только, что на другой день меня пригласилъ начальникъ штаба полковникъ Дохтуровъ. Съ этою личностью вы еще не встрѣчались въ моихъ запискахъ; вотъ вкратцѣ образъ полковника Дохтурова, который смѣнилъ генерала Комарова.

— Полковникъ Дохтуровъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій, стройный, бывшій гвардеецъ, кончившій курсъ академіи. Дохтуровъ необыкновенно мягокъ въ обраще-

ни, выжливъ до безукоризненности, въ то же время это человекъ безспорно умный и хитрый. Онъ жилъ въ отдѣльной палаткѣ. На другой день нашей явки полковникъ пригласилъ меня къ себѣ для переговоровъ. Доктуровъ передалъ мнѣ просьбу отъ имени Черняева—принять всѣ мѣры для того, чтобы склонить офицеровъ къ возвращенію ихъ на позицію. Я конечно отказался отъ этой миссіи, такъ какъ, повторяю, чувствовалъ себя безсильнымъ въ этомъ отношеніи. Доктуровъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ и самъ вступилъ съ ними въ объясненіе. Никогда въ жизни я не забуду этихъ объясненій офицеровъ съ Доктуровымъ. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда мы всѣ, начиная съ Доктурова и кончая каждымъ изъ насъ, страдали до глубины нашихъ душъ. Умный, общительный, симпатичный Доктуровъ вступилъ на почву откровенности и категорически заявилъ намъ, что война кончится черезъ недѣлю, что Черняевъ созналъ необходимость заключенія перемирія; всею мощью своей логики полковникъ старался уговорить насъ вернуться на позицію и отнюдь не возвращаться не только въ Россію, но даже въ Бѣлградъ.

— Вы понимаете, господа, говорилъ полковникъ:—что вы пріѣхали сюда вовсе не для того, чтобы портить дѣло, а для того, чтобы помогать ему.

— Мы не можемъ, мы наконецъ не смѣемъ драться съ сербами, отвѣчали офицеры:—потому что мы пришли къ тому заключенію, что, жертвуя своею жизнью, мы дѣлаемъ преступленіе. На рукахъ многихъ изъ насъ есть матери, сестры, жены, дѣти, которымъ дорога наша жизнь, которыхъ мы обязаны поддерживать. Мы готовы были жертвовать своею жизнью до тѣхъ поръ, пока сербы не дали намъ знать, что не хотятъ войны, что они не

нуждаются въ той свободѣ, за которую мы деремся. Мы бросили нашихъ родныхъ, мы искренно пришли въ Сербію, не задумываясь, чтобы съ честью умереть за хорошее дѣло, а намъ говорятъ здѣсь: вы пришли въ Сербію, для того чтобы погубить нашу страну!“

Долго, очень долго продолжались наши объясненія и доходили до такой стировенности, что нѣкоторые офицеры корили Черняева во лжи, которой онъ способствовалъ въ дѣлѣ сообщеній телеграммъ и корреспонденцій въ русскія газеты; другіе говорили, что Черняеву не нужна было становиться во главѣ этого движенія; что онъ сунулся въ воду, не спросившись броду, и увлечь насъ за собою. Дохтуровъ только разводилъ руками на эту фразу:

— Объ этомъ нечего говорить, господа!

Дохтуровъ предложилъ намъ отдохнуть въ Делиградѣ, подумать и дать ему отвѣтъ. Офицеры собрались еще разъ на совѣщаніе и раздѣлились на двѣ партіи. Одна партія окончательно отказалась возвращаться на позицію, другая выразила желаніе поступить въ русскіе отряды. Но тутъ явился въ Делиградъ полковникъ Клиндеръ съ предложеніемъ организовать сербско-русскій отрядъ у Хорватовича. Офицеры выразили желаніе поступить въ этотъ отрядъ, а другихъ Дохтуровъ просилъ остаться просто въ Делиградѣ или прикомандироваться къ штабу—все что хотятъ они, но только не возвращаться ни въ Бѣлградъ, ни въ Россію. Очевидно, что штабу Черняева сильно не нравился такой рѣшительный шагъ офицеровъ въ то время, когда весь штабъ приунылъ, съежился, замолкъ и подобно тѣни блуждалъ изъ угла въ уголъ, ожидая окончательнаго пораженія арміи.

Послѣ нѣсколькихъ дней большинство офицеровъ вер-

нулись къ Хорватовичу вмѣстѣ съ полковникомъ Клиндеромъ. Это было 16-го октября. Перебѣжавъ въ Сушницѣ, въ 6 ч. утра 17-го октября, мы услышали перестрѣлку на правомъ флангѣ передовой оборонительной линіи. Турки наступали на позицію при церкви святаго Архангела. Мы поспѣшили въ боевую линію на лѣвый флангъ второй оборонительной линіи въ болгаро-моравскіе батальоны, подъ команду полковника Клиндера. Не прошло и часа, какъ сербы бросились съ праваго фланга назадъ къ Крушевацу.

— Бѣгутъ? спрашиваю я встрѣчнаго сербскаго кавалериста.

— Всѣ бѣгутъ, отвѣтилъ кавалеристъ:—бѣгутъ не сдѣлавъ и выстрѣла!“

— Почему же такъ?

— Говорятъ, будто бы старѣйшины сказали сербамъ, что какъ только наступитъ турка, такъ бѣгите безъ оглядки.

Я повѣрилъ этому,—повѣрилъ потому, что все, чему я былъ свидѣтелемъ въ послѣднее время, клонилось къ умышенному бѣгству и къ отступленію.

Мы разбиты окончательно. Мы ждемъ въ Крушевацѣ смерти на ногѣ битвы или въ рѣкѣ Моравѣ при слѣдующемъ отступленіи.

Ультиматумъ спасаетъ насъ. Каоники, Джунисъ и Алексинацъ взяты. Слѣдуетъ замѣтить, что турки первоначально разбили армію Хорватовича и, убѣдившись въ окончательномъ безсидіи этой арміи, наступили на Джунисъ. Взявши Джунисъ, они почти церемоніальнымъ маршемъ вошли въ Алексинацъ, откуда волей не волей должны были выйти наши войска послѣ взятія Джуниса. Нача-

лась бомбардировка Делиграда, это былъ послѣдній актъ турецкаго наступленія.

Всѣхъ русскихъ созвали въ Парачинъ. Много горя претерпѣли волонтеры на обратномъ пути въ Бѣлградъ и вернулись въ Россію въ ожиданіи новой войны—на этотъ разъ войны Россіи съ Турціей.

Утомленные и иступленные послѣдствіями войны, мы вернулись домой. Теряя почву подъ собою—одна только мысль засѣла въ наши головы: когда-же наступитъ конецъ?.. Эта мысль свойственна каждому человѣку, пережившему ужасы той или другой войны. Спустится ли къ намъ съ небесъ, думалось тогда, хотя на время, та миѳическая дѣва, съ масляной вѣткой въ рукахъ, которая удалилась на небо, въ концѣ царствованія Сатурна, и которая, рано или поздно, по сознанію всѣхъ народовъ, должна вернуться на землю и воцарить миръ, ясный, вѣчный и чистый, какъ свѣтъ?

Но божество „Миръ“ было такъ-же таинственно, какъ таинственна и самая война. Мы бродили, какъ во тьмѣ: пробовали, испытывали, щупали и все-таки оступались.

Мы начали сводить итоги. Мы обращались за объясненіемъ причинъ войны къ печати, но и она, кромѣ противорѣчій, ничѣмъ себя не заявила и во всякомъ случаѣ стояла ниже того факта, которымъ она хотѣла руководить.

„Основный принципъ настоящей войны есть принципъ великій, принципъ освобожденія славянъ изъ-подъ ига деспота“.

Кто нашептывалъ намъ эти слова? Это нашептывали

публицисты, пѣль жизни которыхъ заключается въ томъ,— что-бы поправить всякую свободную мысль, всякую свободную инициативу.

Гдѣ была логика? гдѣ правда? гдѣ искренность?

Другая часть публицистовъ, болѣе логичныхъ, болѣе правдивыхъ и независимыхъ, отличалась въ этомъ вопросе разладомъ мнѣній. Одни доказывали намъ, что въ русскомъ народѣ никогда не существовало традицій славянофильства, что даже мысль освобожденія славянъ заимствована отъ Запада. Другіе отдѣлывались намеками и охлаждали шовинистовъ; ссылались на факты взятые изъ самой войны; изъ отношеній русскихъ къ болгарамъ изъ образа жизни болгаръ, изъ экономическаго состоянія Болгаріи, и заимствовали эти факты, ради большей аргументаціи, изъ органовъ самихъ-же шовинистовъ. Но прямого отвѣта и они не давали.

Очевидно, мы переживаемъ такое время, когда много русскихъ людей потеряли головы въ мозговомъ хаосѣ нашихъ дней. Въ лабиринтѣ всевозможныхъ противорѣчій здравомыслящій человекъ можетъ найти положительнаго только одно: что для здраваго смысла тутъ нѣтъ ни дороги, ни выхода. Оглянитесь вокругъ себя и посмотрите, какое броженіе умовъ происходитъ во всѣхъ слояхъ нашего общества; представьте всю славянскую эпопею отъ начала и до конца; вспомните всѣхъ дѣйствующихъ лицъ ея и всѣ ея перипетіи—и вы поймете, что „броженіе“—вотъ главный источникъ, изъ котораго оно вышло.

Много времени прошло, пока русское общество расшевелилось, подало руку помощи славянамъ и увлеклось движеніемъ сербовъ; это вовсе не было такъ быстро, какъ увѣряютъ нѣкоторые; много труда потратили гг. Черняевъ, Катковъ и т. д., что бы расшевелить русское общество.

Въ виду этихъ данныхъ, развѣ можно сказать, что наше общественное движеніе на помощь славянамъ было искренно, нормально, естественно? Да и тѣ, которые бросились изъ Россіи въ Сербію, развѣ сознавали, во имя чего они пошли? Если мы заглянемъ въ душу каждаго изъ нихъ, то окажется, что всѣ они—люди, недовольные дома, разбитые жизнью, нравственно подавленные, съ тою только разницею, что у каждаго изъ нихъ была своя собственная, различная другъ отъ друга причина своего недовольства. Извѣстно, что въ Сербіи мы ничего путнаго не произвели, а оставили по себѣ только весьма невыгодное заключеніе въ сербахъ и горькое объ нихъ воспоминаніе; тѣ же самыя слѣды мы оставили и по дорогѣ изъ Россіи въ Сербію и изъ Сербіи обратно въ Россію.

Тѣмъ не менѣе фактъ кровавой драмы остается, какія-бы причины не произвели его. Первый актъ этой драмы закончился въ Сербіи въ ужасу сербовъ. Маховое колесо политики не останавливалось ни на минуту. Догло томились мы въ неизвѣстности. Узелъ былъ завязанъ— нужно было и развязать его. И вотъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ мирной стоянки мобилизованной русской арміи въ Кишиневѣ и его окрестностяхъ — раздался сигналъ призвавшій насъ, уже русскихъ, на бранное поле.

Судьба меня сдѣлала очевидцемъ и этой кампаніи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОЙНА ВЪ БОЛГАРІИ.

I.

По дорогѣ въ Кишиневъ.

Я выѣхалъ въ Кишиневъ изъ Петербурга въ самый день объявленія войны. День былъ пасмурный, дождливый, сѣренькій, день—петербургскій. Когда я ѣхалъ въ вокзалъ желѣзной дороги, на улицахъ была обычная суета, впрочемъ, весьма ограниченная и малолюдная, сравнительно съ уличною суетою другихъ столицъ Запада. Глядя на обычное, меланхолическое, сосредоточенное и скучное настроеніе блуждающей по улицамъ публики, я невольно вспомнилъ о Западѣ. „Что было бы въ такой день въ Берлинѣ, подумалъ я:—еслибы нѣмцы объявили войну французамъ?.. Что было бы въ такой день въ Парижѣ, еслибы французы вздумали воевать съ нѣмцами? Неужели и здѣсь проявляется наша всегдашняя, убійственная апатія? Неужели это продуктъ нашей замкнутой жизни, отсутствія общественныхъ интересовъ, и т. д., и т. д.? Или мы, въ самомъ дѣлѣ, не сочувствуемъ войнѣ, которая только что объявлена нашимъ „историческимъ врагамъ“? Или война вообще противна намъ по складу нашихъ натуръ? Однако, примѣры прошлыхъ войнъ говорили намъ, что силою духа въ военное время русскій народъ похвастаться можетъ. Наше сочувствіе къ славянскому дѣлу мы выражали, насколько позволяли наши обстоятельства; мы ходили въ вокзалъ желѣзной дороги, кричали „ура“, махали шапками, платками, провожали

„нашихъ“. Почему же мы не дѣлаемъ этого сегодня, когда наши интересы ближе столкнулись съ дѣломъ славянской свободы, когда мы непосредственно приняли сторону войны?“ Пропагандисты славянскаго движенія объясняли намъ тогда, что мы потому хладнокровно относимся къ торжественному дню, что мы люди пылкіе и что въ насъ угасъ уже тотъ пылъ, который согрѣвалъ насъ во время сербской войны, что прошла горячность и что война объявлена слишкомъ поздно. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же была ваша логика, направленная въ пользу увѣреній, что ненависть къ туркамъ мы будто бы воссали чуть ли не съ колыбели прапрадѣдовъ, и что русскій народъ исторически воспитанъ на сознаніи ранняго или поздняго освобожденія славянъ?

Офицеры, отправлявшіеся на войну, кипятились въ вокзалѣ желѣзной дороги.

— Тащи, скорѣй, живѣй!.. Гдѣ багажный билетъ?.. Ну!.. слава Богу!.. теперь все хорошо, исправно!..

И они спокойно опускались на скамью въ вагонѣ, весело оглядывая своихъ сосѣдей.

— На войну ѣдете?

— На войну, милый человѣкъ.

— Слава Богу!.. Давай Богъ!..

Пассажиры крестились.

— Войска выступили?

— Выступаютъ, гордо кивнулъ офицеръ головою.

Наступила торжественная минута молчанія.

— Что будетъ—то будетъ... съ нами крестная сила!..

Поездъ трогался.

Всякій думалъ по своему. „Что бы ни было—посмотримъ, думалъ нейтральный зритель войны: — война, можетъ, выведетъ насъ изъ затруднительнаго положенія“...

Офицеръ думалъ: „Вовсе не такъ страшно вѣхать на войну, какъ полагаютъ, напротивъ того; очень пріятно, легко, весело!.. Зачѣмъ этотъ поѣздъ такъ медленно идетъ?.. Зачѣмъ? Скорѣй!.. иди скорѣй, поѣздъ!.. Какъ они смотрятъ на меня, эти пассажиры!.. Какъ, должно быть, я великъ и великодушенъ въ эту минуту въ глазахъ этихъ пассажировъ“.

„Какой молодецъ!“ въ самомъ дѣлѣ, думали пассажиры, глядя на офицера.

Но никто не говорилъ о туркахъ. Какъ будто ихъ вовсе не существовало.

„Что мнѣ нужно дѣлать?.. думалъ я, скромно забравшись къ уголку вагона.—Что будетъ со мною, когда я приѣду въ Кишиневъ? Допустятъ ли корреспондентовъ въ армию? Какъ отнесутся къ намъ?.. Будетъ ли цензура?“

— Куда ѣдете? вывелъ меня изъ раздумья мой vis-à-vis.

— Въ дѣйствующую армию.

Онъ смѣрялъ меня глазами съ головы до ногъ.

— Провіантъ доставляютъ? прищурился vis-à-vis.

— Нѣтъ!.. я ѣду корреспондентомъ.

— Гмъ! противно улынулся онъ:— вы думаете, васъ допустятъ? Напрасно ѣдете...

— Почему напрасно?

— Потому, что корреспондентомъ будетъ г. Всеволодъ Крестовскій... официальнымъ корреспондентомъ... Можеть, вы тоже официальнымъ ѣдете?..

— Нѣтъ...

— Ну, такъ напрасно, ворочайте назадъ, совѣтую.

Пассажиръ сказалъ это тономъ совершенно себя удовлетворяющимъ и убѣдительнымъ, откинулся на спинку скамьи и началъ безсмысленно глядѣть въ окно. Онъ глядѣлъ очень долго. Не знаю, о чемъ онъ думалъ. Его

лицо ровно ничего не выражало и я, глядя на него, полагалъ, что онъ ровно ни о чемъ не думаетъ.

„Какъ тутъ не воевать? Воевать надо!“ шепталъ мнѣ внутренний голосъ.

Разговоръ на тему войны по дорогѣ было очень мало.

II.

Въ Кишиневѣ.—Алчущіе и жаждущіе вампиры.—Выступленіе.

Когда мы подъѣзжали къ Кишиневу, въ вагонѣ начали появляться различныя личности, ѣхавшія изъ Одессы, изъ Николаева, изъ Ялты и изъ разныхъ другихъ мѣстъ. Ихъ было гораздо больше, чѣмъ офицеровъ. Были греки, евреи и русскіе, преимущественно содержатели гостинницъ.

— Торговли нѣтъ никакой, жаловались они сосѣдямъ.— Южный берегъ совсѣмъ опустѣлъ, просто бѣда!..

— Вы что же, въ Кишиневѣ?

— Да, надо попытать, непременно надо!.. Тамъ, должно, что-нибудь да будетъ.

— Вы насчетъ чего же?

— Насчетъ провіанта, а можетъ, трактиръ откроемъ, а можетъ, и полпивную.

„Можетъ, и домъ терпимости“, подсказывала мысль, когда, бывало, смотришь на фізіономію антрепренера.

— Только какъ?.. Гдѣ? Что?.. Вотъ вопросъ!.. Какимъ путемъ? Не знаете ли вы? спрашивалъ онъ послѣ долгихъ размышленій.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не знаю.

И видно было, какъ эти вопросы страшно мучили русскихъ антрепренеровъ. Всякій изъ нихъ зналъ твердо,

что прямымъ путемъ достигнуть почти невозможно. Время такое, люди такіе и почва такая. А другіе пути для нихъ, людей съ воли, были неизвѣстны. И вотъ они терзались. Они ни о чемъ другомъ не толковали, ни о чемъ другомъ не думали: ни о туркахъ, ни о предстоящемъ походѣ, ни о послѣдствіяхъ войны, ни о братьяхъ-славянахъ и необходимости помочь имъ; они думали объ одномъ: „какъ? что? гдѣ? какимъ путемъ?“ Видно было, что если эти русскіе люди и всосали что-либо съ молокомъ матери и если они дѣйствительно были воспитаны на какихъ-либо историческихъ традиціяхъ, то всѣ эти традиціи и обнаружили вотъ тутъ сразу и свелись къ одному только вопросу: „какимъ путемъ?“ Увѣренность, что есть какой-то „путь“, есть непременно, была такъ сильна, что они не скрывали ея и передъ другими. „Скажите мнѣ, не знаете ли вы, какимъ путемъ?“ жадно бросались они къ каждому встрѣчному и поперечному. Они были въ своемъ родномъ обществѣ и были убѣждены, что который нибудь изъ встрѣчныхъ и поперечныхъ этого общества непременно долженъ это знать, и во всякомъ случаѣ, не возмутится этимъ вопросомъ. Накопившееся чувство алчности, при сознаніи, что одинъ глупый шагъ и все превратится въ мнѣе—заставляло ихъ ставить вопросы круто и откровенно. И, дѣйствительно, я не видѣлъ ни одного человѣка, который бы возмутился ихъ вопросомъ. Напротивъ того, я видѣлъ очень много такихъ лицъ, которыя отвѣчали: „не знаю“ съ чувствомъ нѣкотораго соболѣзнованія: „вѣдь этакіе у насъ, право порядки!... Нѣтъ, чтобы дать русскому нажить... даютъ все жидамъ да жидамъ!... тыфу ты пропасть!“

И вотъ они снова задумывались и мучились.

— А вы читали въ газетахъ статейку по поводу

манифеста за освобождение славянъ?.. старались жкъ тѣмъ
нибудь разсѣять любезные сосѣди.

Тѣ только отчаянно рукою махали въ отвѣтъ.

Въ томъ же вагонѣ сидѣли евреи; они ѣхали туда
же и затѣмъ же. „Вотъ они знаютъ, они непременно
знаютъ, какимъ путемъ. Не подѣйствуй ли къ нимъ?“ ду-
мали жаждающіе и алчущіе. Наивные поддавались къ
евреямъ. Но! евреи вели такого рода разговоры:

— Вы совершенно вѣрно давнѣе замѣтили, што
турки привступленія горьки у въ Европа. Я самъ те-
перички изъ Берлинъ. И, Боже мой, какъ тамъ говорятъ
на этотъ случай; и тамъ у вси такъ говорятъ, такъ гово-
рятъ, што я даже не могъ утерпѣть... ви думаетете, я
за баришь пріѣхалъ?

Еврей шурился, моталъ нѣсколько разъ головою и
нахально смотрѣлъ на всю окружающую публику.

Публика улыбалась, но никто не замѣчалъ еврея;
„врешь шельма, знаемъ мы васъ!“ хотъ каждый и призна-
валъ это внутренно.

— Ей-богу, нѣтъ!.. ей-богу, нѣтъ!.. божился еврей:—
я самъ русскій.. мнѣ всю душу терзаетъ христіанская
кровь. Теперечки будетъ въ обязанность каждый поря-
дочный человѣкъ принести увъ пользу на Россію.

И еврей бросалъ при этомъ многознаменательный
взглядъ на русскаго антрепренера. „Чувствуй, молю.“
Рыбакъ рыбака видѣлъ издалека. Но русскій ровно ни-
чего не „чувствовалъ“; онъ еще больше негодовалъ про-
тивъ еврея.

Въ нашемъ вагонѣ было много бѣглецовъ, преиму-
щественно изъ еврейскаго народонаселенія Одессы. Каж-
дый день бѣжало до 200 семействъ, бросая дома, по-
житки, всю утварь на произволъ судьбы. На платфор-

махъ была давна страшная. Жандармы похаживали и острили:

— Карманы берегите, платки хороните!

Дѣти и женщины плакали, плакали и ныли до такой степени, что становилось даже смѣшно, глядя на нихъ. Ихъ обуялъ чисто панический страхъ.

— Ну, куда вы бѣжите?

— А вы куда бѣжите? огрызались, въ свою очередь, еврейки.

— Мы не бѣжимъ, а ѣдемъ, а вы чего испугались?

— Ахъ, Боже, Боже, и какъ страшно, и какъ страшно!.. Турки въ Одессу придуть.

Бѣдные малые ребята жались къ матерямъ со всехъ сторонъ, широко открывали свои глазенки и испуганно и бессознательно смотрѣли на окружающихъ; они видѣли какъ ихъ матери плакали, и такими же озабоченными казались имъ и другія окружающія лица; они хватались за подолы своихъ матерей, обертывались назадъ и вдругъ, инстинктивно пугаясь, заливались слезами всею мощью своихъ дѣтскихъ силъ.

Однѣ еврейки и вспоминали турокъ въ нашемъ вагонѣ.

— Да, вотъ подите, говорилъ сосѣдь-чиновникъ:— чего-бы кажется?.. Одесса укрѣплена, батарей тамъ понаставили, мины заложили, все какъ слѣдуетъ... ань вонъ, подите, какой страхъ нагнали.

— Что тутъ мины? Воевать надо! рѣшительно замѣтилъ купецъ, сидѣвшій напротивъ насъ, рядомъ съ своей женою.— Тутъ мины ни почему!..

— А ты что-же на войну не идешь? ехидно спросилъ его офицерскій деньщикъ.

— Я-то? Я-бы, братецъ, пошелъ на войну, да вишь я какую мину подъ себя подпустилъ, сказалъ онъ, указывая на жену.

— Нѣтъ, это, въ самомъ дѣлѣ, страшно, продолжать философствовать чиновникъ:—и мины есть, и пушки есть, и пороху достаточно, и ядѣрь тоже, а всё бѣгутъ. Почему же бѣгутъ?.. Что на этотъ счетъ въ народѣ говорить?

— Въ народѣ говорить, отвѣтилъ одесситъ: — что у насъ флота нѣтъ, что турки могутъ гулять по Черному Морю.

— Это, дѣйствительно, такъ точно, имъ очень-слободно гулять, согласился купецъ.

— Почему-же у насъ флота нѣтъ?

— Потому, что денегъ нѣтъ, не на что пострѣить, сказалъ чиновникъ.

— Какъ-такъ денегъ нѣтъ? удивился другой пассажиръ:—не можетъ этого быть, какъ же мы воевать начали? Безъ денегъ войны нельзя вести.

— Денегъ на войну мы заняли.

— Денегъ нѣтъ, говорите вы, разсудилъ купецъ, покачивая головою:—а деньги мы заняли, хорошо?.. А на какое дѣло мы заняли! Для пріобрѣтенія али для чего прочаго другого? На войну заняли... Нѣтъ это вы не такъ говорите.

Купца никто не разувѣрялъ. Купецъ долго думалъ. Не будь войны, онъ бы объ этомъ не подумалъ.

На одномъ изъ пунктовъ холмистой мѣстности, на нѣсколько десятковъ верстъ покрытой зеленымъ ковромъ первой весенней травки, раскинулся городъ Кишиневъ. Травка эта была еще въ зародыщѣ своей будущей роскоши, когда мы подъѣзжали къ Кишиневу. Но прелестная свѣжесть этой первой зелени, сплошнымъ ковромъ покрывающей черноземную почву плодороднаго бессарабскаго края, такъ вотъ и манила къ себѣ, такъ и дѣлала непривычный къ такой картинѣ глазъ сѣвернаго жителя.

Передо мною открылась, по истинѣ, живописная панорама молдаванской Швейцаріи. Здѣсь тянулось полотно желѣзной дороги, по рельсамъ которой, сердито фыркая и пыхтя, прытко бѣгали локомотивы около возкада взадъ и впередъ. Весь рельсовый кутъ былъ запруженъ вагонами съ открытыми платформами, нагруженными лаза-ретными фургонами, орудіями, зарядными ящиками и до-машнею утварью полковъ, по походному положенію. Во-еннымъ поѣздамъ не было конца. Солдаты ѣхали съ му-зыкою, съ пѣснями, выбѣгали изъ вагоновъ на полустан-кахъ, бросались къ водянымъ чанамъ и, по приказанію фельдфебелей: „въ вагонъ вались“, бросались снова въ помѣщенія. Иногда приходилось видѣть такого рода сцены: изъ вагоновъ поѣзда съ кавалеріей выпускали ло-шадей на волю, чтобы дать имъ возможность промяться. Лошади вылучали моменты отсутствія конюховъ и пер-вымъ дѣломъ валились на землю и катались въ грязь, пока конюхи не прибѣгали въ ужасѣ къ нимъ на по-мощь.

— Ахъ, ты дьяволъ, шутъ ты дери!.. окаянная, чтобъ тебя разорвало!..

Лошадь только фыркала, размазывая хвостомъ грязь по туловищу.

По разнымъ пунктамъ холмистой мѣстности небрежно разбросаны маленькіе домики молдаванскаго населенія. Необыкновенной бѣдноты крестьянскія мазанки рельефно обрисовывались въ глубинѣ тучныхъ и обширныхъ са-довъ.

На одномъ изъ такихъ зеленыхъ холмовъ, начинаю-щихся съ деревушки Парканъ и поднимающихся посте-пенно все выше и выше по мѣрѣ приближенія къ юго-западной линіи горизонта, стоитъ своеобразный городъ

Кишиневъ. Я говорю: „своеобразный городъ“, потому что Кишиневъ, действительно, принадлежит къ числу тѣхъ городовъ нашей имперіи, граждане которыхъ, еще со времени татарскаго нашествія, не успѣли вылезти изъ исторической грязи, хотя и усвоили себѣ страстишку строить дорогіе роскошныя дома рядомъ съ грязнымъ жидовскимъ кабаномъ. Городъ, занявъ большое пространство, утонулъ въ грязи мѣстнаго чернозема и живетъ своею общиною живною грязиваго, неповоротливаго, равнодушнаго молдаванина.

Наружная фивіономія города непривлекательна, какъ и всѣхъ нашихъ провинціальныхъ городовъ. Была середина апрѣля, дожди лили какъ изъ ведра; грязь была невылазная, а когда весеннее солнышко подсушивало почву, то подымалась пыль, выедающая глаза и забирающаяся въ самыя затѣнные отверстія человѣческаго тѣла и платья.

Городъ былъ интересенъ своею внутреннею жизнію. Вглядываясь въ толпу, кишѣвшую по улицамъ, можно было замѣтить маску нѣкоторой неопредѣленности, которую надѣлъ на себя Кишиневъ. Смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній здѣсь можно было замѣтить скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Но вся эта смѣсь держалась особнякомъ, каждая примыкая къ своей партіи. Казалось-бы, что время настало такое общее, что интересы самыхъ разнообразныхъ слоевъ кишиневскаго общества должны быть теперь тѣсно, неразрывно связаны другъ съ другомъ, что всѣ должны слиться во-едино, но тѣмъ не менѣе каждый держался особнякомъ: армейскій съ армейскимъ, гвардеецъ съ гвардейцемъ, штабный со штабнымъ, горожанинъ съ горожаниномъ, болгаринъ съ болгаринимъ, купецъ съ купцомъ, еврей съ евреемъ и т. д. Интересно

было прослѣдить за отношеніями военныхъ къ публикѣ и публики къ начинающейся войнѣ вообще.

Нигдѣ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ такъ рѣзко не бросалось въ глаза сознаніе военныхъ, что теперь одни только „мы“ имѣемъ право на существованіе и на голосъ, а вся остальная толпа „смотри и благоговѣй!“ Можетъ быть, это происходило отъ того, что я видѣлъ въ Кишиневѣ преимущественно такихъ военныхъ людей, которые всю свою жизнь прожили въ замкнутихъ, такъ называемыхъ „привилегированныхъ кружкахъ“ нашего общества, которые на весь міръ привыкли смотрѣть гордо и считать интересы этого міра — меркантильными и недостойными порядочныхъ людей. Какъ бы то ни было, но военные очень гордо смотрѣли на публику, когда возвращались ежедневно со смотровъ, и когда эта публика „смотрѣла на нихъ и благоговѣла“. Мало того, военные болѣе, чѣмъ когда-либо, старались отдѣлаться отъ толпы и не имѣть съ нею ничего общаго. Толпа толкалась по улицамъ, толкалась по иллюминаціямъ, какихъ въ Кишиневѣ никогда не было въ другое время, и, глядя на парады, разговаривала:

— А ты водку пьешь?

— Нѣтъ еще.

— Такъ пойдемъ, братецъ — нынѣ адмиральскій!

Или:

— Ахъ, какой душка?

— Кто такой?

— А вотъ этотъ офицеръ, который скачетъ.

Закричать, бывало, „ура“ въ штабномъ домѣ.

— Что такое? спрашивали одинъ другого изъ черной публики.

— Должно, пьютъ господа, говорили въ народѣ. —

— Житье-же тамъ, братцы, привольное.

— Настоящее!

— Слышали? дѣлилась въ то же время новостями публика, кто почище быть.

— Что такое?

— Мониторъ взорвался!.. потому „ура“ кричали.

— Совсѣмъ не то, Дунай перешли!

— Полноте вадоръ городить; турки высадку сдѣлали, а мы ихъ въ рѣкѣ потопили.

— Извините!.. а, впрочемъ... Вы видѣли, какъ адъютантъ-то Марья Ивановна глазки сдѣлала?

— Я-же вамъ говорилъ, что тутъ дѣло чистое...

— И какъ это Иванъ Степанычъ, право, терпѣть?!

— Удивляюсь... Однако... пора, кажется, какъ-бы не прозѣвать.

— Что-же, съ курочкой, что-ли?

— Ну, хоть съ курочкой.

„Курочка“ служила связывающимъ элементомъ, а связывающіе интересы обнаруживались только тогда, когда адъютантъ дѣлала глазки Марья Ивановна. И они обнаруживались до такой степени рельефно, до такой степени... вотъ до какой степени, напиримѣрь:

Шелъ однажды я вмѣстѣ съ однимъ изъ такихъ кипишевскихъ Ивановъ Степанычей изъ клуба поздно вечеромъ домой. Вмѣстѣ съ нами былъ одинъ офицеръ, хорошій знакомый Ивана Степаныча. По всему городу-известно было, что у Марьи Ивановны дѣло „чистое“. Подходимъ мы къ дому, смотримъ—капитала отперта.

— Что за оказія? удивился Иванъ Степанычъ.

— Должно быть, дворяникъ заснулъ, серьезно сказалъ офицеръ.

— Представьте себѣ! удручно отвѣтилъ Иванъ Степа-

нытъ.—И вотъ эта самая исторія, ~~заговорилъ~~ онъ, ~~печально~~ ~~начая~~ ~~головую~~: — ~~каждый~~ ~~день~~, ~~каждый~~ ~~день~~... Это вѣдь ужасно!..

— Какой вы чудакъ, Иванъ Степанычъ!

— А что?

— Да помилуйте... у вашей жены по ночамъ тоски ~~засиживаются~~, а вы философствуете...

Ивана Степаныча какъ-будто кто ~~обухомъ~~ по голове ударилъ.

— Ахъ, господа, господа, что вы говорите! ~~сказалъ~~ онъ послѣ долгаго ~~раздумья~~:—это не у жены а у горничной.

Вотъ до какой степени рельефно сказывались общіе интересы, связующіе офицера съ гражданиномъ, въ моментъ объявленія нами войны съ турками! Точно такіе-же связующіе интересы могли быть замѣнены и въ отношеніяхъ простаго народа къ солдатамъ. Въ этомъ отношеніи чернь нисколько не отличалась отъ привилегированныхъ.

— Эй, Сидоренко! кликнулъ однажды на улицѣ, на моихъ глазахъ, мужикъ знакомаго солдата.

— Что надо?

— Куда Фомичевъ-то дѣвался, дьяволъ, аль выступили?

Сидоренко, очевидно, зналъ, что Фомичевъ былъ другомъ дома мужичка, только онъ запомнилъ полкъ, въ которомъ служилъ Фомичевъ. Полковъ было много въ Кипиневѣ.

— Да онъ въ какомъ полку-то?

— Въ такомъ-то, отвѣтилъ мужикъ.

— Надо полагать, выступили.

— Гдѣ-бы мнѣ повѣрить узнать?.. въ штабѣ, что-ли?..

— Затѣмъ тебѣ знать? —
— Денегъ унесъ, взаимы бралъ... жалобно сказать мужичекъ...

— Затѣмъ въ штабъ! серьезно отвѣтилъ ему солдатъ:—ты у своей бабы спросилъ-бы, она должна это лучше знать.

Такимъ образомъ, его „собственная баба“ рекомендовалась лучшимъ указателемъ передвиженія частей нашей арміи.

Четыре главныя партіи замѣтны были въ Кишиневѣ: партія „дѣятелей“, партія „нейтральныхъ зрителей“ изъ мѣстной интеллигенціи (кишиневцы ничѣмъ не отличались отъ обывателей другихъ городовъ Россіи), партія „жаждущихъ“ и „алчущихъ“ и такъ-называемый простой народъ, который охотно сливался съ солдатами.

Партія „дѣятелей“ была занята съ утра до ночи. Ходили, ѣздили, бѣгали, суетились... и чѣмъ больше ходили и бѣгали, тѣмъ они серьезнѣе становились и тѣмъ непреступнѣе казались. „Секретъ“ такъ вотъ и окружалъ ихъ густою пеленою; лбы ихъ морщились, дума сосредоточивалась, уши затыкались, уста немѣли. „Секретомъ“ для нихъ было все, начиная съ побѣдоносной телеграммы о первомъ взрывѣ монитора, пока она не дойдетъ по назначенію, и кончая собственной персоной. Да, эта собственная персона была для каждого изъ нихъ тоже „секретомъ“, и едва-ли не самымъ интереснымъ. „Посмотримъ, думать каждый другъ про друга:—что-то изъ этого выйдетъ, посмотримъ, на что ты, голубчикъ, годишься... посмотримъ, кто выиграетъ, кто проиграетъ... посмотримъ!“

Партія „жаждущихъ“ и „алчущихъ“ не оразсуждала, а дѣйствовала. Это была самая дѣятельная партія въ это

время. Арена была широка; сушари, лошадиный кормъ; подвозъ провіанта, проводка желѣзныхъ дорогъ, марки-танство, пріобрѣтеніе необходимыхъ матеріаловъ для перехода черезъ Дунай и даже такія невинныя вещи, какъ, на примѣръ, телеграммы.

— Послушайте! мы поведемъ въ Румынію закупать матеріалы... это дѣло рѣшенное.

Такъ говорилъ одинъ другому—положимъ Х. У—ку, являясь къ У—ку на квартиру, еще до выступленія войскъ изъ Кишинева. Принесенная вѣсть, конечно, радовала У—ка.

— Отлично, ѣдьте... я очень радъ.

— Только это дѣло серьезное... надо его обдумать хорошенько... это дѣло рискованное... Положимъ, что румыны, какъ кажется, будутъ на нашей сторонѣ, а вѣдь, впрочемъ, чертъ ихъ знаетъ!.. какъ-бы они насъ не выдали туркамъ.

— Н-да!.. надо подумать!..

— Я, видите, долго думалъ объ этомъ, говорилъ Х: —потому что, признаться сказать, я такъ и рассчитывалъ, что насъ пошлютъ въ Румынію... я обдумалъ это дѣло со всѣхъ сторонъ и пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: намъ нужно замаскироваться и заручиться заграничными паспортами на имя какихъ нибудь иностранцевъ.

— Это хорошо... только, если позволите высказать мое мнѣніе: одни иностранные паспорта вовсе не гарантируютъ нашихъ личностей.

— Все это такъ, все это вѣрно, все это я, батюшка, обдумалъ... Слушайте дальше... для того, чтобы мы были совершенно гарантированы, намъ необходимо ѣхать съ дамами.

— Конечно, эта мысль гениальная... тогда каждый будет считать насъ туристами... Я понимаю вашу мысль.

— Я говорилъ объ этомъ съ кѣмъ слѣдуетъ, замѣтилъ X:—я, конечно, не встрѣтилъ никакихъ препятствій... Что значить какая нибудь лишняя ассигновка сравнительно съ такимъ грандіознымъ и великодушнымъ дѣломъ, какъ мы начинаемъ? Ассигновку намъ разрѣшили.

— Отлично... очень радъ.

— Такимъ образомъ, намъ остается теперь выбрать дамъ... и, я полагаю, что лучше всего остановиться на нашихъ женахъ.

— Лучше-ли это будетъ? усомнился У:—не лучше-ли поискать что-нибудь посвѣжѣе?

— Эхъ, вы, шутникъ, право, вы вѣчно съ вашими каламбурами... Что ихъ обижать?.. Возьмемъ нашихъ женъ.

— Все равно—женъ, такъ женъ, тутъ дѣло не въ женахъ.

— Затѣмъ намъ нужно остановиться на какихъ нибудь вымышленныхъ, иностранныхъ фамиліяхъ.

— Я назначаю фамилію: „Балю“, сказалъ У.

— А а выбираю фамилію: „Руле“, сказалъ X.

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ?

— Ёдемъ вмѣстѣ.

— Кончено!

Ударили по рукамъ. На томъ и порѣшили. Но въ дѣйствительности „мосье Руле“ уѣхалъ ранѣе „мосье Балю“. „Мосье Балю“, конечно, разсердился.

— Вѣдь этакій пролазъ монсье Руле; меня, небойсь, не взять съ собою!.. эгоистъ!.. Все для себя да для себя, а нѣтъ, чтобы объ другихъ подумать.

Путешественники остались незамѣченными, хотя ихъ французенки и производили нѣсколько странное впечатлѣніе смѣсю языковъ французскаго съ нижегородскимъ.

Въ ближайшемъ изъ городовъ „мосье Руле“ является къ протезирующей власти. Рекомендуется, объясняетъ свою миссію и просить указаній. Его снабжаютъ всѣми указаніями и совѣтами.

— Я васъ долженъ предупредить, заявляетъ тайносно мосье Руле своему протектору:—что за мною слѣдить по пятамъ турецкій шпіонъ... Мнѣ указали его... онъ имѣетъ французскій паспортъ и называетъ себя Балю... будьте осторожны.

Съ этими словами „мосье Руле“ раскланивается и удаляется, а на мѣсто его является, по прошествіи нѣкотораго срока, „мосье Балю“. Рекомендуется, объясняетъ свою миссію и просить указаній.

— Я вамъ, милостивый государь, вотъ что скажу, говоритъ ему протекторъ:—если вы, милостивый государь, моментально не удалитесь изъ моего кабинета, я васъ выдамъ, какъ шпіона, и васъ повѣсятъ, какъ собаку... вонъ изъ моего кабинета!..

Что оставалось дѣлать „мосье Балю?“—Онъ сконфуженно удалился изъ кабинета.

Припоминаю другую сценку въ Кишиневѣ.

11 часовъ ночи. На дворѣ дуетъ рѣзкій вѣтеръ. Косой, упорный, весенній дождикъ льетъ какъ изъ ведра и сильно стучить въ дребежжащія окна деревяннаго одноэтажнаго домика, съ вывѣскою надъ высокимъ крыльцомъ: „Гостинница“.

Небольшія, висячія керосиновыя лампы съ жестяными абажурами тускло освѣщаютъ три смежныхъ грязныхъ комнаты гостинницы. Двѣ изъ нихъ пусты, въ третьей

сидитъ компанія интендантскихъ чиновниковъ. „Старшіе“, съ штабъ-офицерскими витушками на плечахъ, восседаютъ на большомъ черномъ клеенчатомъ диванѣ; „младшіе“, съ оберъ-офицерскими витушками, опираются столъ, сидя на стульяхъ. Столъ, покрытый грязною скатертью, весь уставленъ пустыми бутылками. Стаканы наполнены портеромъ. Неряшливый служитель молча стоитъ въ углу и тупо поглядываетъ на компанію. На диванѣ между „старшими“ помѣщается плотный, степенный, солидный мужчина среднихъ лѣтъ. По чертамъ его лица не трудно угадать, что онъ изъ евреевъ. Его жирная, лоснящаяся фizioномія украшена маленькими бакенбардами. Черный, приличный сюртукъ спускается съ широкихъ плечъ и плотно обхватываетъ солидное брюшко. На указательныхъ пальцахъ брилліантовые перстни; на часовой цѣпочкѣ болтаются массивные брелоки.

Разстегнувъ сюртуки, чиновники кейфуютъ. Одинъ изъ нихъ, красивый мужчина, съ длинными бакенбардами, откинувшись на спинку дивана, солидно потягиваетъ портеръ, затягивается сигарою, поминутно выпуская кольца или тонкія струи сѣренькаго дыма; другой, косою, спортивный старичекъ, изподлобья посматриваетъ на дверь, какъ бы боясь, чтобы не вошелъ кто-нибудь; третій умиленно смотритъ на еврея; лицо еврея сіяетъ счастьемъ и довольствомъ; четвертый, рябой, съ рыжими усами, обьявивъ окончательно, спитъ и клячетъ носомъ, сидя на стулѣ; пятый, совсѣмъ молодой, подобострастно глядитъ на начальство, а шестой, тоже молодой, небрежно растянувшись на стулѣ, запустивъ руки въ карманы панталонъ и откинувъ голову за спинку стула громко поетъ:

„Ахъ, дербень, дербень Колуга
„Дербень—ягода моя!

„Тула, Тула, Тула, Тула,

Тула—родина моя!“

— Что вы кричите? таинственно замѣчаетъ ему седенькій старичекъ, поглядывая на дверь.

Пѣвецъ молча ударяетъ въ отфѣтъ кулакомъ по столу. Стаканы и бутылки подпрыгиваютъ. Еврей хихикаетъ. Старичекъ пожимаетъ плечами.

Какъ бы проснувшись отъ этого удара, медленно поднимается со стула рябой чиновникъ съ рыжими усами и, пошатнувшись, натывается предварительно на столъ, а потомъ начинаетъ медленно и угрюмо бродить по комнатѣ. Затѣмъ, наткнувшись въ упоръ на лакея, онъ останавливается на мѣстѣ и начинаетъ покачиваться со стороны на сторону.

— Человѣкъ!.. вдругъ оретъ онъ во всю глотку дысь того дысь сего.

— Здѣсь, человѣкъ!.. что прикажете?

— Портеру! кричитъ за рыжаго молодой, снова ударяя по столу.

— Безобразіе! фыркаетъ солидный бакенбардистъ.

— Притвори дверь, проситъ лакея горбатый старичекъ.

— Человѣкъ! значительно понизивъ тонъ, говорятъ рыжіе усы.

— Что прикажете?

— Позови хозяина.

Въ комнату входитъ хозяинъ, кругленькій коренастый нѣмецъ.

— Карла Карлычъ!

— Іозефъ Францовичъ, поправляетъ хозяинъ.

— Одинъ чортъ!.. обезьяна!.. мотають головою рыжіе усы... яичницу можно?..

— Яичницу? переспрашиваетъ нѣмецъ.

— Н-да, яичницу!

— Ви хотите яичницу? глубокомысленно повторять онъ вопросъ.

— Хочу яичницу.

Нѣмецъ прохаживается въ размышленіи два раза по комнатѣ; затѣмъ онъ снова останавливается передъ рыжими усами.

— Такъ ви жияеть яичницу? съ разстановкою и съ чувствомъ спрашиваетъ еще разъ нѣмецъ.

— Желаю яичницу!

Нѣмецъ снова задумывается.

— Я полагаю, што этъ будить возможно, такъ же глубокомысленно объявляетъ Іозефъ Францовичъ.

Рыжіе усы еле-еле ощупью находятъ свой стулъ. Хозяинъ удаляется въ буфетную комнату.

— Господа! поднимается съ дивана чиновникъ съ солидными бакенбардами: — я желаю сказать спичъ.. Мы объявили войну! говорить онъ басомъ: — По отношенію къ человечеству вообще можно замѣтить, что ежели турки притѣсняютъ болгаръ и ежели эти болгары, притѣсняемые турками, подвергаются турецкимъ притѣсненіямъ, то всякія такія насильственные притѣсненія, сопряженные съ кровопролитіемъ христіанской крови, представляютъ собою возмутительныя притѣсненія!.. Поэтому мнѣ кажется...

— Бра!.. бра!.. бра!.. хлопаетъ въ ладоши пьяный молодой чиновникъ.

— Позвольте! не перебивайте!..

— И што такой? Не хай говоритъ! замѣчаетъ еврей.

— И такъ, господа, продолжаетъ ораторъ: — эти притѣсненія сами по себѣ очевидны... они возмущаютъ душу каждаго благороднаго европейца, мою, вашу, его и такъ

далше, потому что можно сказать, этих еврейцев возмущают кровопийцы...

Ораторь остановился, утихнув перестъ въ столъ и бросивъ на всехъ взглядъ, какъ бы желая замѣтить впечатлѣніе, какое произвела на публику его острота.

— Ну, такъ и нѣй!.. снова ударяетъ по столу буйный чиновникъ.

— Наконецъ что невозможно! обижается ораторь:— это шортъ означаетъ что такое!

Онъ опускается на диванъ.

— Нѣхай говорить! замѣчаетъ еврей.

— Чего говорить! огрызается буйный.

— Ну, чиво тамъ слѣдуетъ!.. и христіанское, и ину разное такое!..

— Зачѣмъ тебѣ христіанское!.. вѣдь ты жида!

Бакенбарды, возмущившись, встакиваютъ съ дивана. Солідный еврей тоже обижается.

— Ви!.. ви, кричить еврей:— ви не можете мнѣ слыдать столько дерзости, смолки я слыхатъ могу.

— Бра!.. бра!.. бра!..

— Я предлагаю его вывести, господа, торячится бакенбардистъ.

— Боже мой!.. и какой, и какой это человекъ!.. воплескиваетъ руками еврей.

— Вывести!.. кричить старичекъ.

— Вонъ!.. раздается съ разныхъ сторонъ.

Шумъ будить рыжіе усы.

— Яичницу! кричатъ рыжіе усы.

— Какая тутъ яичница!.. Поликарповъ никому жекон не дасть!

— Поликарповъ! дино встакиваютъ со стула рыжіе усы!.. вонъ!..

На Поджарцова надвигают пальто, нахлобучивают фуражку и церемониально выводят из комнаты.

Наступает минута молчанія. Всѣ занимаютъ свои прежнія мѣста. Забылись впечатлѣнія буйной сцены, и кейфъ снова вступаетъ въ свои права.

— Пижалуйста, дайте еще портеру! приказываетъ еврей:—Ви совершенно вѣрно, продолжалъ онъ уже въ минорномъ тонѣ, обращаясь къ солиднымъ бакенбардамъ: — давички замѣтили, што турецки притѣсненія горьки у въ Европа. Я самъ теперечки изъ Берлинъ. И, Боже мой, какъ тамъ говорить на эта случай! и такъ увси говорить, што я даже не могъ утерпѣть! Вы думаете, я за барышъ прѣхалъ?

— Ей-Богу нѣтъ! ей-Богу нѣтъ!.. побоялся онъ внушительно: — Я самъ русскій... Мнѣ увсю душу терзаетъ христіанская кровь. Теперичка будетъ обязанность каждый порядочный человекъ принести увъ пользу на Россію.

— А залогъ есть? перебилъ его старичекъ, которому началъ уже надоедать этотъ минорный тонъ.

— Залогъ? А у въ Горвицъ, Коганъ, Грегерь—есть залогъ?

Еврей прищурился.

— Есть.

— Какой залогъ?

— Деньги!

— Ну, ну, ну!.. похлопалъ еврей по плечу старичка, саркастически улыбаясь:—Ви и мы знаемъ... деньги очень мали.

— Дома есть.

— Дома?.. ну, ну, ну! снова похлопалъ онъ старика:—ви и мы знаемъ... дома Гирша, Шмуэля, Ицки,

Соломона, такъ на слово, у въ Одессѣ, у въ Евпаторіи, у въ Ялтѣ, у въ Симферополѣ, у въ Феодосіи... какой дома?.. ви ихъ вида-али?

— Дома настоящіе!

— Ну, ну, ну!.. А по совѣсти, какая на нихъ цѣна?

— Цѣна настоящая.

— Ну, вотъ такъ, вѣрно! расхохотался еврей:—цѣна номинальный... у въ контрактная бумага домъ стоитъ 60 тысячъ, а теперички онъ у въ банкѣ въ залогѣ, а теперичка и цѣна упала у въ Крыму на дома, такъ онъ не стоитъ 20 тысячъ; а броненосны турки какъ будутъ бомбардировать у въ Евпаторію, у въ Ялту, у въ Одесса—дома фью!..

Еврей только дунуль на ладонь.

— Ха! ха! ха! расхохоталась публика:—Ничего! можетъ турки не будутъ бомбардировать.

Н-ну, да, можетъ и не будутъ! согласился еврей.

— А вы вотъ что, замѣтилъ еврею старичекъ:—вы хлопочите, чтобы вамъ обозный подрядъ выдали... су-хари, муку, провіантъ подвозить... выгодное дѣло.

— Какъ выгодно?

Еврей и самъ не замѣтилъ того, какъ у него вдругъ слюнки потекли.

— А вотъ какъ выгодно! пояснилъ старичекъ:—вы видѣли въ Кинишневѣ печи, устроенныя для притовленія хлѣба за время стоянки войскъ въ городѣ и окрестностяхъ?

Еврей отрицательно покачалъ головою. Старичекъ улыбнулся.

— Скажите мнѣ, продолжалъ онъ:—какъ вы, напри-мѣръ, замѣтили, много свободныхъ городскихъ мѣстъ у самого вокзала?

— Много, отвѣтилъ еврей, припоминая.

— А печи устроены на других мѣстахъ, далеко отъ вокзала, совсѣмъ въ противоположномъ концѣ города. Почему такъ?.. Ну-ка, смекните?...

Старичекъ продолжалъ улыбаться.

Еврей осклабился. Бакенбардистъ издалъ нѣсколько басовыхъ звуковъ. Молоденькій чиновникъ, не сводя глазъ съ начальника, разинулъ ротъ и весь обратился въ зрѣніе; онъ, такъ сказать, замеръ отъ мудрости задаваемой задачи.

— Смекнули?

Еврей молчалъ.

— Для выгоды подрядчика... все для его же собственной выгоды?.. куда бы онъ сталъ муку то вояить, если бы печи то около вокзала построили?

Еврей плотоядно расхохотался. Молодой чиновникъ даже подпрыгнуть отъ удовольствія столь простаго рѣшенія интендантскаго хитросплетенія.

— Вотъ тебѣ вы, какъ подрядчикъ, и сосчитайте, милостивый государь, сколько вашъ товарищъ денегъ въ карманъ положилъ за время стоянки въ Кишиневѣ, если каждая телѣга, такъ сказать, ему по три рубля въ день барыша приносила?

— Нѣкоторымъ образомъ ариметическая задача... хе!.. хе!.. хе!.., пробасилъ бакенбардистъ.

— Вотъ видите, милостивый государь, сказалъ старичекъ:—За это съ васъ бутылку шампанскаго.

— Съ удовольвіемъ! просіялъ еврей: — только!.. только... ей-Богу... ей-Богу, господа, я не за барышъ пріѣхалъ!

Попилось шампанское, и всѣ напились окончательно.

Оно въ сущности сводилось къ одному и тому же знаменателю. Я хочу сказать, что время военной дѣятель-

ности на первых же порахъ представила собою широкое поле, на которомъ грызлись вампиры разнообразныхъ положений и національностей, вырывая другъ у друга въ тьму арміи куски изверта, и выгребая все, что только можно было выгребсти изъ предмета государственнаго обихода, называемаго „денежнымъ мышкомъ“.

Русскіе солдатики въ это время собирались въ далекій путь. Вытѣзая изъ грязи, они вытаскивали на своихъ плечахъ и орудія. Имъ предстояла тяжелая дорога, много труда, много лишеній, много невзгодъ и страданій. И съ какимъ необыкновеннымъ терпѣніемъ и кротостію встрѣтилъ русскій солдатъ предстоящій походъ! Бывало, проходить полкъ по улицамъ Кишинева—толпа провожаетъ его, изъ толпы слышатся утѣшительные возгласы:

— Турку стрѣлять будешь!... старайся.

— Какъ его не стрѣлять, окаяннаго, коли онъ насъ баламутить... Стрѣлять-то мы въ турку будемъ, только вѣтъ бѣда, идтить къ нему надо... нѣтъ; чтобы туркъ къ намъ подойтить.

Утренняя зорька не успѣла еще всецѣло смѣнить темную кишиневскую ночь свѣтлымъ днемъ, какъ уже барабанный бой, раздавшійся на улицахъ, 25 апрѣля разбудилъ меня, спавшаго въ микроскопическомъ номерѣ моей гостиницы. Я наскоро одѣлся и вышелъ на улицу. Изъ за угла показалась телѣга, запряженная парой тощихъ лошаденюкъ; на телѣгѣ сидѣлъ еврей съ пейсами и дѣлливо похлопывалъ своихъ лошаденюкъ; рядомъ съ евреемъ помѣщался солдатикъ въ партикулярномъ платьѣ; его военная, измятая фуражка на головѣ съ желтымъ околышемъ, съ офицерскою кокардою, сразу изобличали въ

ности офицерского дежурника. Заваленная чемоданами тельга снова говорила, что сзади тельги слѣдуетъ выступавшее изъ города войско. Хоровое пѣніе на разные веселые и грустные мотивы, барабанный бой подъ тактъ веселой пѣсенки оглашали воздухъ, и не прошло минуты, какъ изъ-за угла словно угорѣлые выскочили стаи мальчишекъ, оружившіе горнистовъ и барабанщиковъ, шедшихъ во главѣ одной изъ болгарскихъ дружинъ.

Болгары выступали изъ Клишиева. То-то слышу я изъ-за угла знакомые мотивы, заунывный напѣвъ особенной тягучей пѣсни—не русской, но родственной намъ, такой грустной, монотонной, длинной, духъ захватывающей пѣсни. Проходить батальонъ мимо меня. Смотрю я на лица солдатъ... Нѣтъ!.. лица такіа веселыя, вдохновенныя, радостныя. Къ чему же затянули они такой грустный мотивъ?—Иначе они пѣть не умѣютъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ отражается вся жизнь болгарина отъ колыбели до смерти, среда, въ которой ему приходится жить. Тоска, хватающая прямо за сердце, безграничная жажда свободы—вотъ отличительныя черты болгарскихъ пѣсень. Немудрено, что они тянутъ длинную, заунывную ноту; немудрено, что эта пѣсня грустная.

Вышелъ батальонъ изъ-за угла. Промель онъ въ такомъ стройномъ боевомъ порядкѣ; все такъ чисто одѣты, все въ новомъ платьѣ, въ новыхъ длинныхъ сапогахъ. Стволы ружей блеснули на лучахъ подымающагося на горизонтѣ солнышка; все солдаты приободрились; точно на пиръ идутъ! Каждый болгаринъ воткнулъ ранній весенній полевой цвѣтокъ въ свою барашковую шапку, нагнувъ эту шапку залихватски на бокъ, и какая-то безграничная радость, пополамъ съ затаенной надеждой, отразилась на смутныхъ лицахъ каждаго изъ нихъ. Болгары нервно,

весело идти вперед, они идут все как один: неловко... Куда они идут? Они идут на родину, где они не были несколько лет; они идут туда, где их родная хата, где их отцы, матери, жены и дети. Что то с ними? живы ли они? кого они найдут, что встретят? Воображаю, как сильно должно биться сердце каждого из них!

Они идут уверенно, потому что чувствуют сильную поддержку под боком; они веселы, потому что предчувствие напентывает имъ добрые результаты; их не ждетъ болѣе на родинѣ упрекъ въ измѣнѣ, они не боятся пожизненнаго заточенія. Между выступившими болгарами я нашелъ такого, который былъ осужденъ на вѣчное заточеніе въ темницѣ Малой Азии. Судьба этого молодого человѣка однородна съ судьбою многихъ интеллигентныхъ болгаръ. Берковичъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 26, полный здоровья, молодыхъ силъ, энергій, кончилъ курсъ въ одной изъ реальныхъ гимназій въ Прагѣ. Вкусилъ прелестей хорошей жизни, онъ вернулся къ себѣ на родину. Нравственный гнетъ, безсудіе, позоръ, рабство возмутили молодую душу; не вытерпѣли нервы молодого Берковича, святія чувства были оскорблены, они заговорили въ немъ, и онъ вступилъ въ одинъ изъ многихъ бывшихъ революціонныхъ комитетовъ. Измѣнникъ донесъ на отдѣленіе ихъ центрального комитета, и несчастнаго Берковича, въ обществѣ двухъ его лучшихъ пріятелей, сослали въ Малую Азію и подвергли пожизненному тюремному заключенію. Судьба спасла его; онъ бѣжалъ и счастливо достигъ Сербіи, гдѣ и сражался подъ знаменами послѣдней войны.

Я увѣренъ въ томъ, что если бы поразспросить каждаго войника изъ числа этой болгарской дружины, — сколько-бы грустнаго, интереснаго, даже романческаго раскрылось бы предъ нашими глазами.

Потинулись за батальонами новоски; остановились болгары у вокзала железной дороги. Начальник эшелонный занялся размещением багажа, распределением вагонов, офицеры собрались в буфетъ, а болгары поставили ружья въ козлы и начали „хору“ *) водить. Дудка-сопѣлка заиграла родной имъ мотивъ, хороводъ становился все больше и больше, пока хватило силъ у старика-болгарина, лѣтъ шестидесяти, отпавшаго во главѣ танцовавшихъ войннковъ.

Среди нижнихъ чиновъ этой дружины я встрѣтилъ нѣкоторыхъ сербскихъ дѣателей изъ русскихъ добровольцевъ. Бывшій офицеръ въ Сербіи стоялъ въ рядахъ нижнихъ чиновъ. Офицеръ сербской службы, коренной сербъ, спрятать свои пожитки въ офицерскій вагонъ 2-го класса. Русскому предложено было съѣздить въ Петербургъ, соблюсти формальности, зачислиться на службу; онъ предпочелъ вступить въ дружины въ качествѣ нижняго чина. И посмотрите, какая разница между этими двумя офицерами. Когда этотъ русскій былъ въ Сербіи, голосъ его раздавался шибче трубнаго звука; онъ былъ диктаторомъ страны; сербъ пріѣхалъ въ Россію и стоитъ себѣ въ сторонѣ, такимъ скромнымъ, тихонькимъ, его никто не замѣчаетъ въ обществѣ болгарской дружины; онъ это чувствуетъ самъ, и я увѣренъ въ томъ, что онъ думаетъ въ эту минуту не о будущемъ своемъ величии; имъ не руководитъ желаніе повелѣвать, онъ не увлекается ролью начальства; онъ пріѣхалъ сюда трезвый, глубоко-проникнутый искреннимъ чувствомъ; оттого онъ и единственный

*) «Хора» — славянскій танецъ, одинаково принятый какъ у сербовъ, такъ и у болгаръ. Танцоры схватываются за руки, образуютъ кругъ и подъ звуки дудки-сопѣлки начинаютъ танцовать, притопывая ногами и поспѣвая, то отступая назадъ, то шагуя впередъ.

въ дружинѣ. Такихъ людей вообще мало на свѣтѣ, тѣмъ болѣе среди миролюбивыхъ сербовъ.

— Хорошій народъ болгары? спрашиваю я у русскаго унтеръ-офицера болгарской дружины *);

— Народъ хорошій, отвѣтилъ мнѣ унтеръ-офицеръ, улыбнулся и махнулъ рукою. Я пенялъ его улыбку; ему какъ будто хотѣлось сказать: „отпѣтый народъ“.

— Почему же такъ? спрашиваю я унтеръ-офицера: — должно быть дисциплину мало понимаютъ?

— Нѣтъ! дисциплину-то они понимаютъ, послушные такіе, такъ тебѣ въ глаза и смотрятъ, только нешто это войско?..

Солдаты проинчески улыбнулись.

— Съ ними спорить въ разговорѣ, говоришь: ученье нужно, а онъ тебѣ въ отвѣтъ: „Мы сюда не учиться пришли, а турокъ бить“.

Какъ сильна должна быть та дружина, въ которой дисциплина регулярнаго солдата сольется съ народною ненавистью и чувствомъ мести кровному врагу! Впрочемъ это мы увидимъ въ будущемъ.

Дружина не знала времени формировки. На вокзалъ желѣзной дороги явились при мнѣ три черногорца. Начальство вынуло изъ походной канцеляріи списки, и не прошло пяти минутъ, какъ они уже вставили въ хвостъ свои „счета“. Я видѣлъ нѣкоторыхъ русскихъ добровольцевъ-москвичей. Одинъ изъ нихъ произвелъ на меня впечатлѣніе свистуна-фигуранта.

Окончилась наконецъ посадка войска въ вагоны. На платформѣ появилась депутація членовъ мѣстнаго болгар-

*) Надо замѣтить, что въ дружинѣ всѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеры были изъ русскихъ.

сваго комитета, землевладельцевъ: Уваліева, купцовъ: двухъ братьевъ Калдоранъ, двухъ братьевъ Искровыхъ и Дмитріева. Мѣстный исправникъ г. Ивановъ, председатель болгарскаго комитета и мѣстнаго отдѣленія славянскаго комитета, представилъ депутацію генералу Столѣтову, командующему всѣмъ ополченіемъ.

— Что Богъ дасть, скромно отвѣтилъ Столѣтовъ на добрыя пожеланія, выраженныя надежды: — Теперь насталь моментъ дѣятельности; будемъ помендша говорить, но больше дѣлать.

Слѣдуетъ замѣтить, что за все время моего пребыванія въ арміи я дѣйствительно не слышалъ ни одного хвастливаго, бравурнаго слова со стороны кого бы то ни было. Всѣ ждутъ и скромно надѣются.

Члены болгарскаго комитета говорили и привѣтствовали многихъ нижнихъ чиновъ чисто по-братски. Одинъ болгаринъ, прощаясь, протянулъ между прочимъ руку г. Иванову. Г. Ивановъ, совершенно сохранившійся гниль нашего исправника, сконфузился; онъ не зналъ, стоитъ ли нижнему чину руку подать или нѣтъ?

Раздался свистокъ, поѣздъ двинулся. Какъ-бы подвліяніемъ электрической искры раздалось громкое, единоедушное «ура!» — какъ во всѣхъ вагонахъ перваго отряда вившагося ешелона, такъ и со стороны рѣшительно всѣхъ находившихся на платформѣ. Добрый путь, братья болгары!

Румынское правительство не успѣло еще категорически обнаружить путь своей политики, какъ турки уже направили огонь противъ румынскихъ крѣпостей, въ которыхъ не было ни одного русскаго солдата. Это произошло 26 апрѣля въ 6 часовъ вечера. Послѣ первыхъ турецкихъ выстрѣловъ комендантъ крѣпости Калафата

даже звать турецкимъ властямъ, что въ Калафатѣ нѣтъ ни одного русскаго солдата. Не взирая на такое заявленіе румынъ, турки продолжали бомбардировку. Первые снаряды падали въ воду, дальнѣйшіе же начали попадать въ гору Калафатъ. Румынской артиллеріи удалось зажечь нѣкоторыя суда, находящіяся въ гавани Виддина; и нѣкоторыя зданія въ прибрежной части города. Удачныя выстрѣлы со стороны румынъ приписывались батальону майора Попеску, который сейчасъ же послѣ бомбардировки Виддина былъ произведенъ въ чинъ подполковника. Почти одновременно съ пожаромъ въ Виддинѣ вспыхнулъ пожаръ отъ турецкой артиллеріи въ Калафатѣ; здѣсь сгорѣла мѣстная школа, церковь и карантинъ. Пожаръ на турецкой сторонѣ продолжался двое сутокъ. Независимо отъ Калафата, турки открыли огонь и по другимъ мѣстамъ румынской территоріи. Такъ, напр., они открыли огонь по румынской деревнѣ Гечитъ, который и поддерживали въ продолженіе 8 часовъ. Въ деревнѣ Магурели высадились баши-бузуки въ количествѣ 100—150 чел. и ограбили всѣ суда, нагруженные провіантомъ; это случилось почти одновременно съ бомбардировкою Калафата. Турки не пощадили даже судовъ, принадлежащихъ австро-венгерской компаніи, и стоящихъ тамъ подъ англійскимъ флагомъ. Когда началась бомбардировка Калафата, мѣстные жители бросились изъ города, объятые паническимъ страхомъ. Съ тѣхъ поръ бомбардировки со стороны турокъ начали повторяться почти ежедневно. Турки открывали огонь противъ Ольтеницы, деревень Сокаритію, Дикнени и Мугурели. Баши-бузуки переправлялись между прочимъ въ румынскую деревню Гряна. Систематическіе набѣги баши-бузуковъ ожесточили румынскихъ крестьянъ. Испуганные вначалѣ

крестьяне ринулись потомъ преслѣдовать турецкихъ разбойниковъ силою оружія; жители деревни Карнадже встрѣтили баша-бузуковъ, вооруженные касами, топорами и кое-какими ружьями мѣстныхъ охотниковъ. Частію благодаря большой многочисленности румынскихъ крестьянъ, частію же и ихъ овлобленію, имъ удалось отбросить орду баша-бузуковъ, которые, встрѣтивъ отпоръ, бросились спасаться въ свои лодки и быстро отплыли отъ берега. Во время этой схватки двое убитыхъ турокъ остались на румынской территоріи, а одного турка нашли утонувшимъ въ прибрежномъ тростникѣ.

Первая бомбардировка Калафата окончилась тѣмъ, что 8 мѣстныхъ жителей были ранены и 3 убиты. Первая бомбардировка Браилова окончилась тѣмъ, что на румынскомъ берегу были убиты двое мужчинъ и одна женщина. На второй день послѣ первой бомбардировки Калафата турки снова открыли огонь, но румыны не отвѣчали туркамъ и прекратили огонь послѣ первыхъ своихъ выстрѣловъ.

III.

Политика Румыніи при переходѣ нашихъ войскъ границы.—
Яссы.—Рѣчь Карла румынскаго.

Обычаи войны, какъ и дуэли, претендуютъ, на первыхъ порахъ на нѣкоторое „благородство“ пріемовъ со стороны противниковъ. Само собою, однако разумѣется, что они претендуютъ только до первой капли крови...

17 апрѣля, у нашего барьера, на берегу рѣки Дунай раздался первый холостой выстрѣлъ. Этотъ первый вы-

стрѣль должны были обозначать, что наши войска заняли берега Дуная и что съ этого момента, всякій турокъ, тайно переплывающій рѣку, будетъ считаться шпиономъ; всякій, переплывающій рѣку явно, будетъ пониматься перебѣжникомъ, и всякое турецкое судно, всякая шлюпка, попадая въ наши руки, будетъ считаться военною добычею.

Первый выстрѣлъ раздался съ батареи между Галицею и Рени; въ это самое время, по широкой рѣкѣ Дунаю, въ тихій, солнечный день, плыла себѣ потихоньку турецкая конерма подъ парусами; лѣвивый, непереворотливый, равнодушный турокъ кормчій лежалъ себѣ на палубѣ сверху брюшкою, не обнаруживая рѣшительно никакихъ мѣръ, для того чтобы поскорѣе убраться во свояси и для того, чтобы показать батарейному командиру, что онъ поиялъ значеніе его „международнаго сигнала“ и готовъ, по мѣрѣ своихъ скудныхъ силъ, исполнить требованіе „воюющей стороны“. Строгий и непремѣнно пылкій въ эту минуту батарейный командиръ, стоя у барьера поединка, приказалъ пустить ядро вслѣдъ плывущему судну; но сознавая, что турокъ зависить отъ вѣтра, приказалъ направить это ядро такимъ образомъ, чтобы не причинять вреда безпечному турку, а только спугнуть его и заставить поторопиться. Съ этой минуты началась собственно настоящая война.

Вспоминая этотъ эпизодъ въ настоящую минуту, когда мы покончили съ турками и когда начались разговоры между нами и англичанами — невольно усматриваешь въ этомъ главнѣйшемъ безпечнаго турка весь смыслъ его прошлой политики. Вѣтеръ задулъ въ нашу безпечности турка отъ скалистыхъ береговъ Великобританіи; едва-ли прошелъ моментъ, когда трудно сказать, заштилѣлъ-ли и какую

роль мы приедем на себя въ противномъ случаѣ, будучи на мѣстѣ батарейнаго командира? Безпечность турокъ обнаружилась на самыхъ первыхъ порахъ: 13 апрѣля, наши войска заняли румынскую деревню Барбоши, отстоящую въ одной милѣ отъ Галаца — заняли барбошскій мостъ, единственный мостъ желѣзной дороги, черезъ рѣку Сереть, связывающей Яссы съ Бухарестомъ, и турки совершенно игнорировали сознание важности этого стратегическаго пункта. Будучи сильными владѣльцами Дуная, обладая рѣчною флотиліею изъ 17 канонерскихъ лодокъ и мониторовъ съ 60 орудіями, они не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ для того, чтобы взорвать мостъ на рѣкѣ Серетѣ и этимъ значительно затруднить нашу сообщеніе между Бессарабіей и берегами Дуная.

Сердаръ-акремъ-Абдуль-Керимъ-паша семидесятирѣлѣтній, генералиссимусъ Турціи, бывшій воспитанникъ вѣнской военной школы, не былъ глупъ по природѣ, но лѣтъ служба ему какъ разъ въ этомъ накрацѣннѣ. Въмѣсто того, чтобы лично слѣдить за движеніями непріятеля на самомъ берегу Дуная и стараться, по возможности, угадать намѣреніе русскихъ при переправѣ, онъ сидѣлъ себѣ передъ лагерною палаткою въ Шумлѣ и любовался костюмами своего ободраннаго ландштурма.

Теперь, когда прошли всѣ событія изъ прошлой войны и когда вспоминаешь рядъ непростительныхъ и совершенно непопятныхъ промаховъ турецкаго главнокомандующаго и нѣкоторыхъ турецкихъ генераловъ (главнымъ образомъ, при переправѣ черезъ Дунай и переходѣ черезъ Балканы), можно заподозрить турокъ просто въ умышленной готовности скорѣе и какъ можно больше потерять, для того, чтобы передать дѣло поединка въ вѣдѣніе „заинтересованныхъ“ державъ... Одинъ только Ос-

манъ-шапа поддерживалъ честь Турціи, но послѣдствія подтвердили, что своею историческою защитою плавенскихъ позиций онъ оказалъ услугу не столько Турціи, сколько намъ, потому что заставилъ насъ обнаружить всѣ наши слабыя стороны и убедиться въ такихъ вещахъ, относительно которыхъ мы легко могли бы заблуждаться еще и до сихъ поръ...

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Какъ бы мы ни путались въ официальныхъ и частныхъ цифрахъ численности нашего войска, съ которымъ мы перешли черезъ Дунай, какъ бы насъ не старались увѣрять, что турки были сильнѣе насъ стороною своего англійскаго вооруженія, что они дрались храбро и что они вообще хорошіе солдаты, факты остаются фактами: восемьдесятъ семи-милліонное государство возстало противъ тринадцати двухъ-милліоннаго, изъ котораго всего четырнадцать съ половиною милліоновъ насчитываютъ магометанъ, т. е. нашихъ враговъ, а остальные перешли на нашу сторону. Регулярная, многотерпѣливая, всевыносливая, строго дисциплинированная физическая сила поднялась противъ полуголоднаго, полудоитаго, плохо обученнаго турецкаго солдата, противъ толпы сброда какихъ-то черкесовъ, баши-бузукъ, зейбековъ, сплахизовъ, бедуиновъ, арабовъ. Кто изъ насъ сомнѣвался съ перваго момента объявленія войны въ нашемъ успѣхѣ?.. почему же недѣзя допустить, что и турки были увѣренны въ несомнѣнности своихъ потерь?.. Послѣдствія подтвердили эту увѣренность; она выразилась поведеніемъ ихъ мониторовъ на Дунаѣ во время нашихъ работъ по части минныхъ загражденій. Наши моряки удивлялись нерѣшительности ихъ образа дѣйствій, когда заграждался Мачинскій Пролівъ. Извѣстенъ тотъ фактъ, что это загражденіе

окончилось бы без всякой помехи со стороны турок, если бы прибывший полковник Струковъ (вѣдѣ генералъ) не выѣхалъ на работы вмѣстѣ съ моржани и не выскочилъ бы стрѣлковъ у деревни Гечидъ; его сигналы привлекли вниманіе турокъ и мониторы открыли огонь по нашимъ минѣрамъ, когда они выѣхали оканчивать работы, вслѣдъ за перерывомъ послѣ удачнаго начала. Увѣренность въ потери подтверждается отсутствіемъ разумной инициативы со стороны турецкихъ генераловъ за все время кампаніи, нерѣшительностію ихъ образа дѣйствій, въ особенности Османа-паши послѣ второй нашей неудачной атаки на Плевну, когда вся армія барона Криденера находилась въ сильномъ упадкѣ духа и въ разбросанномъ состояніи, такъ что туркамъ стоило перейти въ рѣшительное наступленіе, и дѣло могло окончиться тѣмъ, что они заняли бы Систово и отрѣзали бы насъ отъ румынскихъ береговъ ¹⁾. Наконецъ, увѣренность турокъ въ томъ, что они слабѣе насъ — сказалась чрезвычайно объективно въ стремительномъ поголовномъ, народномъ бѣгствѣ за Балканы турецкаго населенія, обитавшаго во всей придунайской области Болгаріи — бѣгства, происшедшаго сразу вдругъ, какъ бы по предварительному уговору, вслѣдствіе паническаго страха, къ которому турецкій народъ уже былъ очевидно подготовленъ до момента нашего перехода черезъ Дунай, и который обуялъ ихъ всѣхъ отъ мала до велика, когда наше знамя впервые развернулось на турецкомъ берегу въ Систовѣ. Точно такое же бѣгство отдѣльных отрядовъ регулярнаго ту-

¹⁾ Разбросанность и упадокъ духа арміи бар. Криденера, ожиданіе, что турки перейдутъ въ наступленіе и опасеніе, обуявшее насъ за участіе Систова въ ту минуту, могутъ подтвердить всѣ очевидцы второй атаки на Плевну. *Авт.*

репента война было замѣнено всѣми участливыми во время первой экспедиціи генерала Гурко черезъ Балканы.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Я хочу только сказать, что турки ждали насъ несомнѣнно съ душевными трепетомъ; сердца ихъ конвульсивно сжимались и чувство страха усиливалось по мѣрѣ того, какъ грозная туча русскихъ полчищъ двигалась въ границѣ, смутно обрисовываясь на горизонтѣ румынскаго берега.

И это мы сознавали, какъ нельзя болѣе. Если въ наши души и вырывалась струя какого-либо сомнѣнія въ ту минуту, то эта струя отнюдь не нарушала гармоніи нашихъ радушныхъ надеждъ относительно борьбы съ ма-сульманами, а касалась только туманнаго выхода изъ того положенія, въ которомъ мы очутились. Толпа народа собралась 30 апрѣля на площади кишиневскаго сквера передъ соборомъ; войскъ не было, они уже вышли изъ города; выстроили во фронтъ ппалерами классическихъ гимназистовъ; на флангахъ каждаго вавода русской молодежи, стояли учителя, наставники и воспитатели въ полной парадной формѣ, въ треугелкахъ, въ мундирахъ и даже при ппигахъ на лѣвомъ бодрѣ... „Моисей и Исусъ Навинъ“, сказали намъ напутственное слово: — „освободили Израиль отъ тяжкаго египетскаго рабства; провели его по дну Чермнаго Моря, потопили египтянъ въ пучинѣ морской; побѣдили Амаликову силу въ пустынѣ, сокрушили твердыни Іерихона; истребили нечестивые народы ханаанскіе, повелѣвъ даже солнцу стати“... И мы, имѣя передъ собою столь убѣдительный примѣръ побѣжденія амаликовой силы въ пустынѣ, пошли храбро и увѣренно сокрушать и истреблять нечестивыхъ турокъ...

А въ толпѣ, благогоушно взиравшей въ сторонѣ на

величественную поступь блестящего и сияющего кружка красивых офицеров; стояли въ это время фабричные и чесали себѣ затылки, не зная куда имъ идти на работу, по случаю закрытія и некоторых обанкротившихся фабрикъ и заводовъ.

— Куда вы отправляетесь? спросилъ я офицера изъ штаба.

— Мы отправляемся прямо въ Бухарестъ... Музыканты поѣхали впередъ, туда же, какъ кажется, ѣдетъ эшелонъ съ конвоемъ. Смотрите, не опаздывайте, иначе вы проѣдете видѣть картину торжественнаго въѣзда въ румынскую столицу.

— А что скажутъ румыны?..

— Тамъ, батюшка, двигается такая сила, что имъ и подумать страшно...

Но какъ ни была величественна сама по себѣ картина отъѣзда, сколько утѣнительныхъ надеждъ она не внушала кишиневской публикѣ, тѣмъ не менѣе послѣдняя какъ-то молчаливо расплывалась по своимъ нормамъ и зажила своею вялою апатичною, провинціальною жизнью.

— Вы, Марья Дмитриевна, щиплите корпию?

— Щиплю, батюшка, каждый день щиплю...

— Щиплите, матушка, щиплите, да вотъ надо бы маскарадикъ съ тапцами устроить въ пользу краснаго креста...

— До маскарадовъ-ли теперь!

— Нѣтъ, отчего-же?.. современемъ, развѣченіе будетъ, раненыхъ подвезутъ, илѣнныхъ турокъ тоже, а пока, знаете, хотя маскарадомъ что-ли поразвлечься... ужъ болѣе скучно стало!

Какъ будто сто-пудовая гиря свалилась съ груди моей, когда я выѣхалъ изъ этого мертвато Кишинева: такое

подавляющее впечатлѣніе способны производить только наши города; они заражаютъ убійственнымъ силіиномъ самаго перваго человека, вырабатывая въ немъ невозможное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ, даже въ такую минуту, когда тутъ же подъ бокомъ начинаются событія первостепенной, европейской важности.

Въ послѣдній разъ пробѣжали мимо оконъ вагона низенькіе, широко разбросанные домишки городского предмѣстья, и дохмотивъ вынесъ меня на зеленый просторъ, окаймленный на юго-западной сторонѣ хребтомъ невысокихъ горъ. Грудь широко вздохнула; ароматическая струя весенняго воздуха ворвалась въ открытое окно вагона; сначала бѣжали мимо зеленныя поля, потомъ потянулось болото вдоль полотна желѣзной дороги; поѣздъ подѣхалъ, наконецъ, къ крутому обрыву горы. Мы достигли пограничной станціи Унгены, пробѣжали плагаbaumъ; таможенный солдатъ отдалъ поѣзду честь своимъ кистинемъ и этого русскаго стараго, сѣраго, неговоротливаго таможеннаго инвалида съ гладко обстриженной головою и щетиныстыми усами, смѣнилъ молоденькій румынскій полицейскій, необыкновенно подвижной и развязный, щегольски одѣтый, смуглый господинчикъ, съ предупредительными манерами и съ англійскимъ проборомъ на головѣ.

Еще нѣсколько часовъ путешествія и мы подъѣзжали къ городу Яссы. Онъ видѣнъ изъ далека. На скатѣ довольно высокаго холма, покрытаго ковромъ сочной молодой, весенней травки, раскинулся небольшой городокъ Яссы и производитъ самое лучшее впечатлѣніе на путешественника. Подъѣзжая къ дебаркадеру, вы видите городъ въ правой сторонѣ; среди массы тѣсно сгруппированныхъ городскихъ зданій, насчитываютъ до тридцати

купаловъ церквей, которые рѣзко выдаются темнотою и стариною своихъ закопѣлыхъ стѣнъ среди поселенъ, яркихъ красокъ въ общемъ колоритѣ. Маленькіе дома рѣзко бьютъ въ глаза своею близкою, несмотря на то, что они такъ тщательно стараются закутаться въ густой зелени садовъ. Крутомъ города раскинулись черноземныя поля, засѣяныя хлѣбомъ, кукурузою и виноградниками. При видѣ этой благодатной нѣчвы становится совершенно понятнымъ, почему этотъ черномазый молдаванинъ съ длинными, черными, какъ смоль, густыми кудрями, небрежно раскинувшимися по его плечамъ изъ подъ черной, войлочной шляпы съ широкими полями, одѣтый въ бѣлую рубаху и такія же шаровары, въ черную бурку, такъ вяло двигается и почему онъ лѣниво пахнеть свою землю, апатично поглядываетъ на полядь и моментуно отходить отъ сохи, ложась на землю и закусывая „мамадыгой“.

Населеніе Яссы состоитъ изъ коренныхъ румынъ, мѣстныхъ молдаванъ, евреевъ и скопцовъ, которые пользуются здѣсь полнѣйшими правами гражданства. Мѣстные скопцы занимаются здѣсь извознымъ промысломъ. Много такихъ скопцовъ (коренныхъ русскихъ) я встрѣтилъ и въ самомъ Бухарестѣ. Несмотря на смѣсь населенія, городское общество Яссы выработало свою довольно опредѣленную фizioномію; по крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ разъединенности политическихъ партій, что особенно рѣзко бьетъ въ глаза въ столицѣ Румыніи — Бухарестѣ. Мѣстные молдаване, евреи, равно какъ и скопцы преслѣдуютъ принципы безразличія; молдаванинъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы заниматься политикою вообще; еврей занять исключительно своими „гешефтами“, а русскій скопецъ на румынской территоріи является исклю-

чительно представлялось своимъ религиознымъ происхожде-
ниемъ. Такогообразомъ остается одна только мѣстная
интеллигенція, которая съ давнихъ поръ примкнула къ
партіи консерваторовъ, расположенныхъ къ русскимъ и
враждебныхъ турецкому правительству. Вотъ почему я и
замѣтилъ въ Яссахъ болѣе радушный пріемъ, чѣмъ гдѣ
либо, оказываемый русскимъ войскамъ.

Яссы представляли себѣ въ то время чрезвычайно
оживленный городъ, и притомъ онъ имѣлъ таковой видъ,
точно городъ объявленъ на военномъ положеніи. Черезъ
Яссы проходила цѣлая масса русскихъ войскъ: пѣхота,
кавалерія, артиллерія, санитарные обозы и т. д. Часть
этихъ войскъ слѣдовала по желѣзной дорогѣ, часть шла
пѣшкомъ, дѣлая въ Яссахъ только привалъ. На улицахъ
города русскіе солдаты попадались на каждомъ шагу; по
улицамъ поминутно проходили части отдѣльных командъ,
съ пѣснями и неизбежнымъ трепакомъ, всегда подхва-
тываемымъ уличною толпою. Вокругъ вокзала желѣзной
дороги были раскинуты солдатскія палатки; на платформѣ
дебаршдера одинъ оркестръ военной музыки смѣнялся
другимъ. Горожане являлись на вокзалъ желѣзной дороги
какъ на мѣсто общественнаго гулянья. Въ городѣ нахо-
дились нѣкоторыя отдѣльныя части администраціи арміи;
такъ, напр. администрація полевого почтамта, этажи и
т. д. На вокзалѣ желѣзной дороги помещалось русское
телеграфное отдѣленіе; на каждую станцію румынской
желѣзной дороги вплоть до Плоешть назначены были
русскіе коменданты изъ нашихъ офицеровъ. Смѣсь рус-
ской желѣзнодорожной администраціи съ румынской дала
поводъ румынскимъ желѣзнодорожнымъ чиновникамъ нѣ-
сколько пренебрегать своею службою; смѣю думать такъ
потому, что мнѣ не разъ на пути въ Бухаресту прихо-

дилось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ безпорядковъ и вообще слабыхъ сторонъ румынской желѣзнодорожной администраціи, что конечно не могло не отразиться на движеніи нашей арміи.

Весь недолгій путь отъ Яссы до Бухареста дѣлился на два самостоятельныхъ отдѣленія желѣзной дороги, и обѣ дороги связаны съ именами двухъ евреевъ: компаніи Оффенгейма и столь славнаго бывшаго желѣзнодорожнаго царька Струсберга.

Слѣдуетъ замѣтить, что путешествіе по таинств. дорогамъ обходилось чуть ли не 8¹/₂ коп. съ версты. При исправленіи поврежденій работали наши солдаты, которымъ общество румынской желѣзной дороги давало отъ себя по чаркѣ водки въ день и по 2 франка заработной платы. По пути одна картинка военно-походной жизни смѣнялась другой. Вдругъ вы увидите бывало въ сторонѣ отъ дороги, около румынской деревушки: несется рыхло въскладренъ русскихъ уланъ; всюду разставлены были русскіе никеты, всюду гарцовали казаки. Вы ѣхали дальше и снова видѣли около села расположенную лагеремъ русскую пѣхоту. Гдѣ нибудь на станціи вы догоняли военный поѣздъ съ кавалеріей. Всѣ станціи рѣшительно переполнялись военнымъ людомъ. Все это продолжало двигаться къ берегамъ широкаго Дуная, гдѣ въ скоромъ будущемъ суждено было разыграться кровавой драмѣ, на которую теперь обращены были взоры рѣшительно всей Европы. Европа жаждала событій, а мы собирались съ силами.

Наши войска застали румынскій народъ за полевыми работами.

— Чудной народъ! говорили солдатики.

— Почему чудной?

— Потому бѣгутъ!.. какъ нашихъ съ поля увидать, что мы по дорогѣ идемъ — такъ сейчасъ въ разсыпную въ разныя стороны!.. Мы имъ въ слѣдъ „поводи!.. поводи!.. мамалыга есть?“ а у нихъ только дятки сверкаютъ... чего они бѣгутъ?..

— Боятся!

— Чего бояться? Мы ихъ не трогаемъ, зачѣмъ болтаются!

И дѣйствительно, солдаты не трогали румынскій народъ. Онъ бѣжалъ отъ солдатъ, памятуя прошлые переходы русскихъ черезъ Румынію, когда наше войско, по словамъ очевидцевъ держало себя въ Румыніи довольно непринуждено.

Въ сущности, чудного не было въ бѣгствѣ народа, при видѣ приближавшейся массы ярко блестящихъ на солнцѣ штыковъ; чудно было видѣть выраженіе необыкновеннаго удивленія на лицахъ не только крестьянъ, но и интеллигентныхъ гражданъ, хотя бы города Яссы, когда первый эшелонъ нашихъ войскъ появился на границѣ. Появленіе войска въ предѣлахъ Румыніи было для нихъ такъ неожиданно, что они рѣшительно не знали, какъ отнестись къ гостю.

Дождь лилъ какъ изъ ведра, когда первый эшелонъ пришелъ въ Румынію. Слухъ о появленіи русскихъ войскъ въ предѣлахъ Румыніи съ быстротою молніи облетѣлъ городъ Яссы, и многие горожане ринулись на станцію желѣзной дороги, несмотря на проливной дождикъ. Вышло замѣчательство.

— Я протестую! могъ только заявить пограничный стражъ и съ этими словами воткнуть свое ружье штыкомъ въ землю и отвернуться въ сторону.

Въ точно такомъ-же курьезномъ положеніи очутился

и весь румынский народъ. Ясскіе жители сошлись на станціи желѣзной дороги и, видя, какъ дождь проникъ въ наплывъ солдатъ до костей подъ макиавориними палатками, раскинутыми по обѣ стороны полотна дороги, соболѣзновали объ ихъ участи въ ту минуту; но никто, однако, не рѣшился пригласить ихъ въ городъ и укрыть подъ кровлею темнаго жилья. „Какъ еще отнесется къ неожиданному гостю наше правительство?“ думали румыны. Изъ этой ихъ думѣ выключалась, конечно, вся турьская сторона отношенія народа къ правительству и „народнаго“ правительства къ народу вообще. Правда, что въ это время по румынскимъ дорогамъ двигалась такая военная сила, для которой могли быть взяты только чрезвычайные средства, тѣмъ не менѣе это нисколько не измѣняло значенія личной политики князя Карла и его министровъ.

Русскій консулъ въ Яссахъ, г. Якобсонъ, послалъ депешу въ Бухарестъ, черезъ генеральнаго консула въ Бухарестѣ, барона Отюарта, въ которой онъ внушительнымъ образомъ требовалъ отъ румынскаго правительства немедленныхъ распоряженій относительно пропуски русскихъ войскъ въ виду состоявшагося приказанія: „вступить въ предѣлы Турціи“. Въ депешѣ значился категорическій намекъ на то, что еслибы румынское правительство вздумало воспрепятствовать движенію русскихъ войскъ, то этимъ войскамъ ничего болѣе не остается, какъ прибѣгнуть къ силѣ оружія. Войска появились въ 4 часа утра. Къ четыремъ часамъ пополудни получены были отъ Братіано, согласно которому русскимъ войскамъ предоставлялась полная свобода движенія въ берегамъ Дуная. Румынская армія, предварительна распоруженная на войну въ важныхъ стратегическихъ пунктахъ

Румынии, предупредительно подвинулись назад, а штаб этой армии заступили русские отряды. Части 8, 9, 11 и 12 корпусов двинулись 12-го апрѣля къ румынской границѣ изъ Унгенъ на Яссы, изъ Галтсмаха на Яссы и изъ Болграда на Чесме, Рени и Галацъ. Князь Карлъ и министр Когольничану выдерживали роли до вѣща. Обмѣнявшись депешами съ русскимъ консуломъ, князь Карлъ соблюлъ, въ глазахъ Европы, видъ удивленнаго и пораженнаго и созвалъ немедленно народныхъ представителей. Но прежде, чѣмъ эти представители собрались въ Бухарестъ, онъ былъ атакованъ турецкимъ визиремъ. Вслѣдъ за переходомъ русскихъ войскъ черезъ рѣку Прутъ, князь Карлъ получилъ депешу отъ великаго визиря приблизительно слѣдующаго содержанія: „Въ виду концентрированія русскихъ войскъ на берегу Прута и другихъ признаковъ очевиднаго приготовленія русскихъ къ открытію военныхъ дѣйствій, предлагаемъ, вашему высочеству войти въ соглашеніе съ Портою и выработать немедленно мѣры, вмѣстѣ съ нашею Абдуль-Керимомъ, ради огражденія границъ княжества и интересовъ государства, согласно парижскому трактату“. Князь Карлъ ничего не отвѣчалъ на эту депешу великаго визиря, а румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Михаилъ Когольничану, отвѣтилъ въ Константинополь такимъ образомъ: „Княжеское правительство приняло къ свѣдѣнію депешу вашего высочества, адресованную на имя князя румынскаго. Такъ какъ содержаніе этой депешы требуетъ отъ насъ немедленнаго единства дѣйствій, ради отбѣженія непріятеля, то удовлетвореніе подобнаго требованія не зависитъ отъ нашего личнаго произвольнаго распоряженія и отъ нашихъ личныхъ силъ. 14-го (26-го) апрѣля созывается парламентъ въ чрезвычайное общее собраніе; политиче-

ское положение дѣль будетъ выяснено передъ лицомъ законодательнаго корпуса и предстоящее рѣшеніе нашего правительства будетъ немедленно мною сообщено вашему высочеству; министерство конституціоннаго государства, каковымъ является въ настоящее время Турція, не можетъ требовать отъ румынскаго правительства пренебреженія основами конституціи, признанной всей Европой, и румынское министерство, очевидно, не можетъ высказываться категорически по поводу столь важнаго вопроса, какъ настоящій, безъ особаго на то уполномочія цѣлой націи“.

Забавно было слышать этотъ упрекъ о „пренебреженіи основами конституціи“, увѣреніе, что удовлетвореніе требованія „не зависитъ отъ личнаго произвольнаго распоряженія“—въ виду отвѣта г. Когольничану, уже адресованнаго на имя нашего консула въ Яссахъ и въ виду удивленія конституціоннаго народа, съ которымъ онъ встрѣтилъ наши первые эшелоны.

Коренные соотечественники князя Карла румынскаго писали въ это время, ссылаясь на прокламацію главнокомандующаго, изданную румынскому народу: „Русскіе вошли друзьями въ предѣлы Румыніи и *обтщаютъ* щедро платить румынамъ за всѣ ихъ потребности и нужды“. Такого рода извѣстія жадно перенечатывались во всѣхъ официальныхъ, офиціозныхъ и независимыхъ органахъ румынской печати (исключая туркофильствующихъ), и вызывали весьма ощутительныя новышенія цѣнъ на хлѣбъ и мясо. Евреи, проживающіе въ предѣлахъ Румыніи и нахлынувшіе туда со вступленіемъ русскихъ войскъ, заволокли и скупали хлѣбъ массами, почему цѣны быстро возвысились и ударили по карманамъ мѣстныхъ жителей. Справедливость заставляетъ замѣтить, что мы прее-

вытаймо какъ деликатно отнеслись къ румынамъ на пер-
вакъ перахъ. Когда фактъ похищенія цѣны денегъ, на-
примѣръ, до слуха перкуснаго бомандира, находившагося
въ авангардѣ генерала Ванновскаго, то послѣдній по-
спѣшилъ заявить мѣстной администраціи, что народона-
селеніе платится мажрасно, что его войска ни въ чемъ
не нуждаются, потому что имѣютъ при себѣ все, что
имъ полагается. Наша деликатность доходила до такой
степени, что мы смотрѣли сквозь пальцы на то, какъ
румыны и евреи обирали нашего солдата. Были случаи,
что евреи и румыны размѣшивали солдату 20 франковъ
за 16, да, кромѣ того брали 1 или 2 франка за размѣнъ
этой монеты. При размѣнѣ золота на серебро евреи взя-
мали съ солдатъ 5% и 6% заработка. Желая отплатить
деликатностью за деликатность, румынское правительство,
безъ всякаго податайства, само обнародовало курсъ, со-
гласно которому, русскій полумимераль стоялъ 20 фр.
и 40 сент., серебряный рубль шелъ за 4 фр., а бума-
жнѣй за 2 фр. 60 сент.

Тѣмъ не менѣе, румыны, мочуя въ время, обрадова-
лись ловлѣ золотой рыбки въ мутной водѣ. Известно,
что въ Бессарабіи существовали имѣнія, которыя не-
давно принадлежали русскому правительству. Эти имѣ-
нія составляли когда то собственность молдаванскихъ мо-
настырей и были признаны княземъ Кукою собствен-
ностью Румынскаго Княжества. Вопросъ о правахъ соб-
ственности на эти имѣнія былъ всегда самымъ животре-
пещущимъ вопросомъ для всѣхъ румынъ вообще. При
началѣ войны, эти имѣнія были переданы въ собствен-
ность Румыніи. Независимо отъ передачи правъ на эти
имѣнія, Россія передала Румыніи нѣсколько миллионъ
франковъ дохода съ нихъ за прошлое время. Яскіе жи-

тебя видѣли шесту лонку въ рукахъ русскаго консула, барона Стюарта, на станціи желѣзной дороги, куда она выѣзжала на всерѣху Государю. Всѣ газеты, печатаніе объ этомъ извѣстии, румыны были въ восторгѣ и деньги были очень востати въ ту минуту, потому что въ сундукахъ румынской государственной кассы не было ни гроша. Это не подлежитъ сомнѣнію, потому что въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій палаты, если вы помните, былъ возбужденъ вопросъ о выкусѣ кредитныхъ денегъ. Въ палатѣ нашлись благоразумные люди, которые опровергли тогда эту ненужную мѣру, и эти благоразумные люди имѣли при этомъ въ виду главнымъ образомъ россійскую казну. Они, конечно, не ошибались въ своихъ разчетахъ.

Слѣдуетъ ли говорить о томъ, что, подъ вліяніемъ этого исключительнаго „разчета“, дѣйствовало рѣшительно всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ лица. „Разсчетъ“ былъ совершенно ясенъ и обязательенъ для каждаго изъ нашихъ союзниковъ. Подъ вліяніемъ этого „разчета“ находился князь Карлъ, обмѣнивался деньгами наканунѣ дня своего рожденія и провозглашенія его королемъ румынскимъ; подъ вліяніемъ этого „разчета“ находились всѣ истинные горячіе патриоты своего отечества, вся молодая, сильная, либеральная, интеллигентная Румынія наканунѣ провозглашенія независимости страны; подъ вліяніемъ матеріальнаго „разчета“ находилось все народонаселеніе румынскихъ городовъ, черезъ которые проходили наши войска и подъ вліяніемъ прелести предвѣщенія плодовъ при „разчетѣ“ — собрались народные депутаты на первое засѣданіе палаты въ бухарестскомъ университетѣ.

Залъ палаты былъ переполненъ массою публики. Гро-

малая толпа народа, весь Бухарестъ, толпился на улицѣ противъ здания университета; затихъ дыханіе, съ чувствомъ самаго глубокаго интереса и душевнаго волненія—народъ ждалъ рѣшающаго слова изъ устъ своихъ умолкомоченныхъ. „Т-с-с-ъ“ пронеслось въ толпѣ, когда князь Карлъ появился среди своего народа; слова застыли на устахъ, улеглось волненіе толпы, умолкли разговоры, всѣ обратились въ слухъ и зрѣніе, и князь Карлъ твердою поступью вошелъ въ залату: окинувъ смѣлымъ, прямымъ взоромъ всѣхъ собравшихся въ залѣ депутатовъ, онъ сказалъ имъ тремную рѣчь: „Гг. нейтралитетъ не принять!..“ Какой?... Гдѣ?... Почему?... объ этомъ никто не знаетъ!.. Но, это было совершенно безразлично для народа въ ту минуту... „Мы обязаны защищать наши интересы!“ сказалъ князь Карлъ, и эти слова наплыли себѣ отголоски въ сердцахъ каждаго румына, потому что всѣ, безъ различія пола, возраста, положенія и развитія—всѣ сразу поняли вѣрный и глубокий смыслъ этой фразы. „Русскіе вступили въ предѣлы нашего отечества; укажите мнѣ путь политики, по которому я долженъ слѣдовать...“ „Изъ чему указывать? думали депутаты:—это такъ ясно, такъ очевидно!..“ „Изъ чему указывать?“ думалъ и самъ князь Карлъ, обмѣнявшись денешами заранѣе. „Надѣюсь, что ненависть политическихъ партій, сказалъ онъ:—эта вѣчная вражда ихъ между собою, наконецъ, прекратится въ виду столь важныхъ и серьезныхъ событій настоящаго дня“. И громъ рукоплесканій потрясъ своды переполненнаго зала. Князь Карлъ воодушевился и заговорилъ депутатамъ: „Что касается меня, будьте увѣрены, гг. сенаторы и депутаты, что я свято исполню свои обязанности. Съ того дня, какъ я вступилъ на эту землю—я сталъ румыномъ; съ того дня, какъ я возсѣлъ на престолъ, укра-

мои великими и славными предшественниками (?)—
ваши мысли стали моими мыслями, ваши желанія стали
моими желаніями. Возвышеніе Румыніи, наши задачи на
устьях Дуная—выше всего: удержаніе нашихъ правъ—
вотъ наши цѣли! Пусть страна будетъ увѣрена, что ради
этихъ святыхъ цѣлей—я сдѣлаю встать во главѣ моей арміи!“

И вотъ, послѣ всего того, что пережито и переку-
ствовано въ Кишиневѣ, я пріѣхалъ въ Бухарестъ въ день
провозглашенія румынской независимости.

Фиакръ еле-еле двигался со станціи желѣзной дороги
по улицамъ румынской столицы. Ликующая толпа рас-
франченныхъ мужчинъ, дамъ, блузниковъ и простото на-
рода въ праздничномъ нарядѣ, двигалась по улицамъ, об-
разую инталеры. Всюду былъ шорохъ, всюду торжествен-
ная тишина и спокойствіе. День былъ солнечный, ясный,
веселый. Зданія были украшены флагами, коврами. Кон-
чилась обѣдня въ соборѣ. Князь Карлъ скромно ѣхалъ
изъ церкви въ свой двухъэтажный дворецъ. Его окружала
свита. За нимъ не было блестящаго войска; за нимъ
ѣхали на извозничьихъ фиакрахъ министры, сенаторы,
депутаты, журналисты, ораторы, нѣсколько генераловъ
и небольшая свита офицеровъ; всѣ во фракахъ, всѣ въ
бѣлыхъ галстукахъ, меньшинство украшено регаліями;
процессія двигалась медленно, толпа разступалась. Про-
стой народъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія, смотрѣлъ
на эту группу статныхъ людей; дамы бросали букеты изъ
живыхъ цвѣтовъ, махали платками. Всѣми фибрами сво-
его существа, я чувствовалъ, какъ вся народная масса
радовалась, ликовала вокругъ меня спокойно и торже-
ственно. Народное счастье полонило меня.

Вечеромъ городъ иллюминировался; всѣ высыпали на
улицы, всѣ были веселы, шутливы, разговорчивы; хва-

тали газеты, читали, покупали телеграммы. Гулъ общаго гевора несся въ воздухѣ съ одного конца города на другой. Энтузіазмъ, патриотизмъ, увлеченія давали о себѣ знать на каждомъ шагѣ. Рѣчь Карла, посвященная войску, была у каждаго на устахъ: „Гг. офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты!.. знамя нашей страны находится въ вашихъ рукахъ; деритесь храбро съ непріятелемъ — и зелень побѣдоносныхъ лавровъ увѣнчаетъ и украситъ горы и поляны румынской земли!“ Эти поэтическія слова съ быстротою молніи неслись отъ одного конца города на другой. Они всѣмъ нравились, всѣхъ востраивали...

Вдругъ, среди этого общаго ликующаго волненія массы раздалось вдали пѣніе народнаго гимна.. Гдѣ это поютъ? И куда хлынулъ этотъ счастливый народъ?.. Пѣніе несло отъ зданія университета; оно все ближе и ближе подходило къ главной улицѣ Бухареста; толпа росла и росла и все громче и громче раздавались аккорды народной пѣсни; прелестные, страстные звуки очаровательной для народа пѣсни охватили всю уличную массу; блуждники стремительно окружили студентовъ; студенты, молодежь, эта сила, эта надежда, эта радость, это упованіе и будущность румынскаго народа—шла торжествующею, съ факелами въ рукахъ. Вотъ они подошли ко дворцу. Карль вышелъ на балконъ... смолкло все!.. замеръ духъ народной толпы. Карль улыбался, онъ гордился молодежью въ эту минуту, онъ сіялъ отъ радости; онъ былъ веселъ, доволенъ и счастливъ; выслушавъ привѣтствіе депутатовъ, онъ отвѣтилъ имъ теплымъ словомъ благодарности; спокойный воздухъ весенней ночи моментально отласился громкимъ и неудержимымъ крикомъ: „да здравствуетъ независимая Румынія!“

И все это ликование было совершенно политич., потому что каждый действовал въ видахъ интересовъ страны. Глубокая ночь легла на землю; и въ то время, когда румыны-крестьяне, переисполненные самыхъ сильныхъ чувствъ и сознательностей радости переживаемого событія, кончали праздникъ въ тавернахъ неужеможно пляскою съ бабами, тамъ, въ сторонѣ отъ торжества, по холмамъ и долинамъ Румыніи, пѣшечкомъ тянулись батальоны нашихъ русскихъ солдатиковъ, обливаясь потомъ, изнемогая отъ усталости и выкидывая изъ ранцевъ все, ради облегченія себя: рубашки, тряпки—все, заведомое ими на послѣдній грошъ, выбрасывая даже лишнюю порцію сухарей, безъ которыхъ они завтра могли быть голодными.

— Не отставай, братцы!.. говорили имъ—за святѣе дѣло идемъ!.. идемъ мы за братьевъ-славянъ... освободждать!!..

Раздѣляли ли румыны чувства нашего одинокупія въ ту минуту?

IV.

Взрывъ двухъ мониторовъ.—Демонстраціи турокъ на берегу Дуная.

Главный штабъ выѣхалъ изъ Кишинева въ Плоешты. Войска вступили въ Румынію, и нѣкоторыя изъ дивизій проходили черезъ этотъ городъ. Не взирая на усталость, несмотря на то, что солдатамъ приходилось дѣлать форсированнымъ маршемъ по 400 и по 500 верстъ, они смотрѣли очень бодро; запыленные и обремененные солдат-

свою непою и утомленные благодаря зною (до 35°)—они едва спасались въ палаткахъ или подъ брезентами во время остановокъ. Но, преодолая всѣ трудности похода, терпѣливая и выносливая физическая сила двигалась все впередъ и впередъ.

Румынію заняла масса нашихъ войскъ, хотя далеко не въ такомъ количествѣ, какое предполагали, основываясь отчасти на официальныхъ, отчасти на частныхъ свѣдѣніяхъ (500,000); при началѣ кампаніи было всего около 200,000. Протяжая по желѣзнымъ дорогамъ Румыніи, являясь на берега Дуная, рѣшительно нигдѣ нельзя было встрѣтить русскихъ войскъ. Проходя проселочными дорогами, наши главные силы двигались черезъ Беніашъ, отстоянцій отъ Бухареста на 6 верстъ, и сосредоточивались около Александрии. Впечатлѣніе совершеннаго отсутствія войскъ въ Румыніи было очень выгодно для насъ въ то время. Армія пряталась до поры, до времени, и въ этой таинственности заключалась, конечно, лучшая сторона исполненія задуманнаго плана: перехода черезъ Дунай.

Переходъ черезъ Дунай представлялся всѣмъ и каждому однимъ изъ самыхъ труднѣйшихъ маневровъ послѣдней кампаніи. Въ дѣйствительности, это такъ и было. При современномъ вооруженіи турокъ, при сосредоточеніи турецкихъ войскъ вдоль береговъ широкой и быстрой по теченію рѣкѣ, при защитѣ этихъ береговъ вооруженными рѣчными мониторами, канонерскими лодками и пароходами и при совершенномъ отсутствіи равносильныхъ средствъ съ нашей стороны—переходъ черезъ Дунай занималъ умъ всей Европы и считался поводомъ къ громадной потерѣ людей съ нашей стороны. Ходили слухи, что генеральный штабъ рассчитывалъ на убыль при переходѣ въ 25,000 человекъ.

Первая забота съ нашей стороны свелась къ миннымъ загражденіямъ Дуная. Это дѣло было предоставлено нашимъ морякамъ, какъ специалистамъ миннаго искусства, и нѣкоторымъ изъ минеровъ сапернаго вѣдомства.

Минныя загражденія должны были запереть турецкія суда въ ихъ гаваняхъ. Будь на мѣстѣ турокъ любая держава Европы—намъ бы они обошлись не такъ дешево, какъ случилось. Минныя загражденія были отданы около Рени, у Мачинскаго Пролива и у деревни Паранашъ. Я не буду рассказывать всѣхъ подробностей этихъ работъ. Замѣчу только, что сама судьба помогла намъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Удачный выстрѣлъ изъ орудія взорвалъ на первыхъ же порахъ турецкій мониторъ, мѣшавшій нашимъ работамъ по части минныхъ загражденій, выходя изъ Мачинскаго Пролива. Взорванный турецкій мониторъ назывался „Летфи-Джелиль“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: „Красавецъ“. Мониторъ этотъ былъ лучшимъ изъ турецкихъ мониторовъ на Дунаѣ и принадлежалъ къ типу такъ называемыхъ броненосныхъ корветовъ, которые вооружаются обыкновенно тремя мачтами и снабжаются нѣсколькими орудіями. На мониторѣ „Летфи-Джелиль“ было пять орудій большого калибра и около 200 человѣкъ команды. Не въ первый разъ вышелъ онъ изъ Мачинскаго пролива, когда судьба указала столь трагическій конецъ его существованію. Мониторъ выходилъ и раньше этого случая и обстрѣливалъ наши батареи, по словамъ очевидцевъ, съ большою стойкостью. Моряки бывшіе очевидцами послѣдней его перестрѣлки и самаго взрыва, рассказываютъ, что капитанъ погибшаго монитора храбро и стойко держался, когда на него направлялся самый жестокій огонь съ нашихъ береговыхъ укрѣпленій; такимъ образомъ компетентные люди вспоминаютъ покойника добрымъ словомъ.

Когда удачный снаряд попалъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ крышѣ-камеру монитора, громадный столбъ густаго, чернаго дыма вырвался изъ нутра монитора на воздухъ, затѣмъ раздался такой сильный взрывъ, который былъ слышенъ весьма отчетливо даже въ Галацѣ. Вы можете себѣ представить тотъ моментъ первоначальнаго ошеломленія и затѣмъ послѣдующаго необыкновеннаго восторга, которыми были охвачены не только солдаты нашихъ прибрежныхъ отрядовъ, но и всѣ жители городовъ: Браилова и Галаца. Послѣ столь удачнаго для насъ окончанія артиллерійской перестрѣлки, въ рядахъ нашей арміи начались шумныя ликованія: громадными толпы народа высыпали на улицы, покрыли крыши домовъ Браилова и Галаца. Молва о взрывѣ турецкаго монитора съ быстротою молніи переходила изъ устъ въ уста, вызывала всюду восторгъ и оваціи русскому оружію. Въ Галацѣ есть кафе-шантанъ; вечеромъ этого дня этотъ кафе-шантанъ былъ переполненъ массою публики: въ порывѣ общаго ликованія полилось шампанское, причемъ предлагались тосты за упокой турецкаго монитора. Когда турецкій „Красавецъ“ пошелъ ко дну, съ нашего берега были посланы три шлюпки съ адъютантомъ главнокомандующаго, полковникомъ Струковымъ, капитаномъ 2-го ранга Рогудей и лейтенантомъ гвардейскаго экипажа Дубасовымъ съ цѣлью спасенія экипажа погибшаго судна и для снятія флага, висѣвшаго на гафелѣ торчавшей изъ воды бизань-мачты. Исполненіе этого маневра выпало на долю лейтенанта Дубасова.

Жители Браилова пожелали выразить герою дня свою благодарность за уничтоженіе турецкаго монитора, который пугалъ ихъ не на шутку своими массивными размѣрами и наносилъ имъ вредъ силою своей артиллеріи.

Героемъ дня былъ перучникъ Самейло, самъ лично наводившій орудіе, ядро котораго произвело взрывъ. Мѣсто взорваннаго монитора находилось въ весьма близкомъ разстояніи отъ мѣста нахожденія другихъ турецкихъ мониторовъ. Турки до того опалѣли при видѣ этой катастрофы, что не рѣшились даже сдѣлать ни одного выстрѣла по нашимъ шлюпкамъ, окружившимъ затонувшее судно. Спасенный турецкій матросъ оказался раненымъ и сильно обожженнымъ. Онъ лежалъ въ госпиталѣ вмѣстѣ съ единственнымъ русскимъ раненымъ рядовымъ. Русскій солдатикъ ухаживалъ за раненымъ туркомъ какъ за своимъ роднымъ братомъ: онъ поправлялъ ему перевязки, крутилъ папироски и вставлялъ ихъ ему въ ротъ. Многіе посѣщали первыхъ раненыхъ въ госпиталѣ, щедро снабжали ихъ деньгами и табакомъ.

Сорванный флагъ турецкаго монитора былъ торжественно внесенъ въ городъ при общемъ ликованіи толпы мѣстныхъ войскъ.

Фактъ взрыва монитора сильно повліялъ на моральное состояніе командъ другихъ турецкихъ мониторовъ. Между тѣмъ этотъ случай вызвалъ такой притокъ душевной энергіи въ средѣ морскаго отряда, работающаго на Дунаѣ, что моряки высказывали готовность идти просто на абордажъ турецкихъ судовъ съ закупоркою люковъ и взятіемъ, такъ сказать, живьемъ.

Они не заставили себя дожидаться. Геройскіе подвиги гг. Шестакова и Дубасова выдвинулись на сцену. Легко можетъ быть что подробный рассказъ этого подвига, согласно тѣмъ даннымъ, которыя мнѣ удалось собрать на мѣстѣ и за правдивость которыхъ я не могу не ручаться, такъ какъ я ихъ слышалъ изъ устъ весьма

компетентныхъ свидѣтелей этого подвига, представить его въ нѣсколько иномъ свѣтѣ сравнительно съ тѣмъ представленіемъ, которое у насъ получилось, благодаря разсказамъ и донесеніямъ за прошлое время.

На сколько мнѣ помнится, этотъ случай взрыва минами на водѣ судна миною былъ вторымъ случаемъ въ морской исторіи всѣхъ народовъ вообще. Первый случай относится ко времени американской войны. Принимая это во вниманіе, каждый изъ насъ имѣетъ полное право сказать, что наша морская исторія дѣйствительно украсилась подвигомъ, который никогда не умретъ ~~и~~ умахъ и сердцахъ какъ современниковъ, такъ и нашихъ потомковъ. Страницка исторіи, на которую будетъ внесенъ этотъ подвигъ Шестакова и Дубасова, будетъ свѣтлой страницей въ объемистыхъ томахъ исторіографіи нашихъ дней; она будетъ очень свѣтло отражаться среди остального матеріала, если принять во вниманіе скудость текущихъ матеріаловъ по морскому дѣлу ¹⁾).

Когда касались подвига Шестакова и Дубасова, до сихъ поръ всякій разъ говорили: „подвигъ Дубасова и Шестакова“. Я говорю: „подвигъ Шестакова и Дубасова“. Этимъ я нисколько не желаю умалять значенія Дубасова въ этомъ дѣлѣ, сохрани меня Богъ! Но я оставляю за собою право относиться къ этимъ героямъ совершенно безпристрастно. Будучи свидѣтелемъ историческаго событія, каждый изъ насъ имѣетъ въ тоже время полное право и быть судьей этого событія, согласно своему внутреннему убѣжденію, основанному на данныхъ

¹⁾ Этимъ я вовсе не желаю умалять значенія подвиговъ нашихъ черноморскихъ моряковъ за время прошлой восточной войны. Я имѣю въ виду матеріалы морской исторіи нашей эпохи.

самаго событія. Передавая рассказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ переданъ мнѣ людьми, неразрывно связанными съ событіемъ геройскаго поступка нашихъ первыхъ героевъ на Дунаѣ—я, конечно, предоставляю каждому опровергать меня, если только этотъ „каждый“ будетъ видѣть за собою фактическое подтвержденіе и чувствовать нравственное право на то. Не буду распространяться о томъ, что всякій истинный герой только тогда и будетъ „истиннымъ героемъ“, когда онъ холодно и безпристрастно отнесется къ самому себѣ. Правда, иногда это бываетъ очень трудно; человѣчество привыкло превозносить героевъ до небесъ, а иногда и кружить имъ головы. Но въ этомъ случаѣ и при такомъ-то развращающемъ вліяніи массы и обнаруживается истинный герой, когда онъ сохраняетъ самообладаніе, какъ по отношенію къ другимъ, на благо которымъ онъ служить, такъ и по отношенію къ самому себѣ. Честность и истинный героизмъ—это два неразрывныя свойства въ одномъ человѣкѣ; это два синонима.

Отрядъ моряковъ, находившійся въ Браиловѣ, состоялъ въ то время подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Рагули. Для работы на рѣкѣ необходимы были средства. Нашлись два небольшіе буксирные парохода, старые, собственно говоря, гнилые, уже отслужившіе свою службу; но, за неимѣніемъ лучшихъ, и эти были пригодны для насъ. Какъ мнѣ передавали, за одинъ пароходъ мы заплатили 15,000 р.; за другой 20,000 р.; одинъ назвали: „Загражденіе“, другой окрестили именемъ „Взрывъ“. Независимо отъ этого, румынское правительство предложило въ наше распоряженіе княжескую яхту, находившуюся подъ командою румынскаго моряка Муржеско, одну канонерскую лодку и одинъ небольшой па-

рекодь, употребленийъ: прежде для марширъ работъ. Канонерская лодка была вооружена однимъ орудиемъ, и хотя она построена по образцу крестныхъ рѣчныхъ канонерскихъ лодокъ, но румыны придали ей типъ броненоснаго судна съ тараномъ, утѣшая себя мыслью, что они истребятъ судно, хотя и не броненосное, но похожее на такое по внешнему своему виду. Такимъ образомъ, наша эскадра образовалась изъ этихъ малыхъ судовъ. Въ эскадрѣ присоединились четыре минныя шлюпки. Это—обыкновенные паровые катера, употребляемые на судахъ нашей броненосной эскадры. Они только приспособлены для употребленія минъ, согласно практикѣ, выработанной нашей кронштадтской минной школою и минною эскадрою, плавноющею ежегодно подъ командою контръ-адмирала Пидкина и занимающеюся практически миннымъ дѣломъ. Обыкновенный паровой катеръ носить вдоль своихъ бортовъ минныя шесты въ 40 фут. длины. Въ концѣ такого шеста насаживается цилиндрическая мина, равная по силѣ своего дѣйствія ста фунтамъ пороха. Каждая паровая шлюпка вооружена двумя такими шестами и слѣдовательно, двумя минами, независимо отъ кормоваго шеста, вооруженнаго также миною. Кормовая мина можетъ дѣйствовать на случай не успѣха носовой при поворотахъ около непріятельскаго судна, хотя за носовыми минами остается большее вѣроятіе на успѣхъ. Мина взрывается двумя способами: путемъ автоматическаго проводника, причемъ мина воспламеняется при ударѣ о непріятельское судно, или путемъ проводника обыкновеннаго, по желанію. Специалисты спорятъ, какой изъ этихъ двухъ проводниковъ лучше для употребленія. Шейтанъ и Шестаковъ убѣждали меня, что обыкновенный проводникъ оны всегда предпочтеть автомати-

нескому. Минная плюшка покрыта металлическим зонтомъ, а вдоль бортовъ отъ этому зонту принадлежавшихъ мѣшки съ толченымъ каменнымъ углемъ, которые предохраняють людей, сидящихъ въ плюнкѣ, отъ дѣйствій неприятельскихъ пуль. Во всемъ остальномъ плюшка ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго пароваго баркаса. Простота минныхъ приспособленій дала намъ возможность вооружить такими же шестами и такими же минами, только въ большихъ развѣрахъ, рѣчную румынскую канонерскую лодку. Тить такихъ минъ выработать въ нашей арсеналѣ минной школы, въ которой много трудился горячо преданные этому дѣлу профессора: Петрушевскій, Боресковъ и покойный (убитый въ Сербіи) капитанъ-лейтенантъ Шпаковский. Эти лица усовершенствовали мину и применили ее къ плюнкѣ, тогда какъ изобрѣтеніе такой мины принадлежитъ всецѣло штабс-капитану морской артиллеріи Трумберу. Устройствомъ такой мины и приспособленіемъ ея къ плюнкѣ въ южной дѣйствующей арміи занимались выродожденіи декабры, января и февраля мѣсяцевъ лейтенанты: Ломинъ и баронъ Штапельбергъ. Минные плюшки, послѣ нѣкоторыхъ переимѣненій, поступили въ окончательное вѣдѣніе лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, мичмановъ Перкина и Баля.

Когда черноморскій отрядъ прибылъ на берега Дуная, моряки раздѣлились и каждый занялся своимъ дѣломъ. Я уже говорилъ, что въ началѣ была заграждена минами рѣка Сереть, для предохраненія моста желѣзной дороги, затѣмъ сдѣлали загражденіе у Рени, потомъ кончили съ загражденіями выше Браилова, наконецъ приступили къ загражденію Мачинскаго Пролива. Какъ разъ къ этому времени подоспѣлъ профессоръ минной школы,

генералъ-маіоръ Борсень, подъ руководствомъ котораго и были окончены мѣшныя работы въ Мачинскомъ Пролитѣ.

Попонядя съ загражденіями, у гг. Дубасова и Шестакова родилась мысль попробовать соорудить турепній мониторъ, стоявшій въ Мачинскомъ Пролитѣ и безпоясанный ихъ во время производства работъ, когда они заграждали проливъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ разскаду самого взрыва, необходимо познакомить васъ съ положеніемъ мѣстности.

Въ первыхъ числахъ іюня я прибылъ въ Браиловъ (уже послѣ взрыва монитора). Это было не за долго до нашей переправы. Душино было въ воздухѣ; спиралось дыханіе въ груди; грѣла шиза, шиза, и такъ вотъ и чувствовалось, что она скоро и быстро разразится на берегахъ Дуная.

Путешествіе въ Браиловъ и Галацъ умалило это подавляющее впечатлѣніе. Галацъ и Браиловъ и вообще весь лѣвый берегъ какъ будто находился въ мирномъ положеніи. Здѣсь не было порестрѣльмъ, здѣсь не видно было даже кикетовъ. Течетъ рѣка Дунай между знаменнымъ турецкимъ берегомъ и возвышеннымъ румынскимъ, и по этой рѣкѣ, между Браиловымъ и Галацемъ, русскіе пароходы поддерживали сообщеніе такъ же спокойно и безпрепятственно, какъ по рѣкѣ Нейѣ.

Прелестными видами любовались мы у Браилова. Этотъ городъ, равно какъ и Галацъ, построенъ на высокихъ и обрывистыхъ берегахъ Дуная. У подношья этихъ обрывовъ несутся мутныя воды этой быстрой рѣки, а на другомъ берегу тянется нѣчто въ родѣ шхеръ мачинскаго архипелага. Тамъ далеко далеко, противъ Браилова, кончаются эти зеленыя шхеры турецкими, конусообразными горами темно-коричневаго цвѣта. Дунай разлился ужасно,

ноя фарватеръ его, можно сказать, даже узкій. Матинскій Пролить такой же узкій. Съ правой стороны, когда смотришь изъ Браилова, при входѣ въ Матинскій Пролить, раскинулись отдѣльные острова различныхъ формъ и величинъ. Во время разлива Дуная, всѣ эти острова бывають обыкновенно залиты водою, такъ что съ возвышеннаго мѣста вы видите одинъ сплошной, густой лиственный лѣсъ, какъ бы растущій изъ воды, да различаете еще, среди густой зелени этого лѣса, отдѣльные узенькіе проливы. Густая, гучная, сочная зелень манить васъ къ себѣ; но горе вамъ, если вы пробѣтесъ на плюскѣ внутрь архипелага и останетесь тамъ лишній часъ: страшную лихорадку схватите вы въ этомъ архипелагѣ зеленыхъ острововъ. Матинскій Пролить тянется неправильной линіей: сначала онъ идетъ вправо, потомъ заворачиваетъ влево и т. д. Съ лѣвой стороны пролива вы видите такую же зелень, затопленную на громадной пространствѣ поперекъ и внизъ по рѣкѣ. Но это — не острова: это — низменный берегъ, громадная поляна, густо заросшая кустарникомъ и сплошь затопляемая Дунаемъ каждый разъ, когда разливается эта рѣка. Во время моей бытности тамъ, вода спадала довольно быстро; почва этой поляны, равно какъ и всѣ возвышенные острова матинскаго архипелага, постепенно выходили изъ воды, какъ будто выростали все выше и выше надъ водою и образовывали что въ родѣ громаднаго сплошнаго болота. Лиственница путается съ камышемъ, среди котораго растутъ болотныя травы. Вездѣ, по всему пространству, цапли перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Сейчас же при входѣ въ Матинскій Пролить, съ лѣвой стороны, выступаетъ остроконечный мысъ на рѣку Дунай. На этомъ мысѣ, окруженномъ сплошною водою или, вѣрнѣе, во-

домъ снереди и сплошнымъ болотомъ сзади, стоитъ небольшая деревня Гечидь. Она разрушена въ настоящее время, стѣны домовъ ея превратились въ развалины. Почва этого мыса идетъ одною полоскою вдоль по проливу на нѣкоторое, недалѣе разстояніе и снова обрывается въ воду. Вы минуете этотъ мысъ, плывете далѣе вдоль по Мачинскому Проливу и видите домъ, залитый водою. На крышѣ этого брошеннаго дома съ утра до ночи и съ ночи до утра покоилась вѣрная собака, предпочитавшая голодную смерть измѣнѣ своему жилью. Мучительнымъ воемъ голоднаго пса оглашался воздухъ Мачинскаго Пролива.

Мы плыли по Мачинскому Проливу на пароходѣ „Заграждение“. Лейтенантъ-черноморецъ Турнулъ любезно предложилъ намъ эту небольшую прогулку. Пароходъ взялъ на буксиръ баржу съ ротою солдатъ, которая должна была смѣнить другую роту, занимавшую пикеты на противоположномъ мысѣ, у деревни Гечидь. Надо замѣтить, что послѣ вторичнаго взрыва монитора мы хозяйничали у Браилова, не только на нашемъ берегу, но и на турецкомъ. Солдаты располагались вокругъ костровъ и несли аванпостную службу. Турки нисколько не препятствовали намъ—до того у страха были глаза велики. Болгаре-пастухи, узнавъ о томъ, что деревня Гечидь и окружающій ее небольшой кусокъ территоріи былъ занятъ русскими войсками, пригоняли сюда черезъ болота цѣлыя стада быковъ и лошадей мѣстныхъ жителей и спасали ихъ, такимъ образомъ, отъ грабежа башки-бузуковъ.

При выходѣ изъ Мачинскаго пролива, прямо круто подымаясь обрывистый берегъ Румыніи; на высотѣ этого берега кутался въ зелени очень хорошенькій городокъ Браиловъ, съ его красиво высматривавшимися домами и

бѣлыми куполами, паркой. Сзади тянулась болотистая, громадная поляна, а еще далѣе высидись горы Турції, какъ будто совершенно необитаемыя челоуѣчествомъ. Даже при помощи бинокля вы съ трудомъ различаете турецкія деревни у подножья этихъ горъ, а самый Мачикъ прячется въ зелени мачинскаго архипелага. Вотъ въ общіихъ чертахъ внѣшній видъ этой мѣстности, которой суждено было стать исторической, благодаря подвигу Шестакова и Дубасова.

Мысль о взрывѣ монитора давно занимало умы этихъ моряковъ, но осуществленіе ея встрѣчало препятствіе, главнымъ образомъ, потому, что никто изъ начальствующихъ лицъ не бралъ на себя отвѣтственности за результаты такого рискованнаго предпріятія. Дубасову и Шестакову было сказано, что сначала нужно покончить съ загражденіями, а потомъ уже можно будетъ подумать и о нападеніи. Когда окончили работы по загражденію, начальникъ отряда, капитанъ 1-го ранга Рагуля, уѣхалъ въ Плоешты. Во время его отсутствія, моряки задумали осуществить свой прое́ктъ. Между ними назначень былъ одинъ день нападенія. Ходили слухи, что начальство категорически не запрещало Шестакову и Дубасову взрывать мониторъ, но что оно показывало видъ, что ничего не знаетъ о намѣреніи двухъ лейтенантовъ. Шестаковъ и Дубасовъ твердо рѣшили исполнить задуманное предпріятіе. Вы понимаете ту отвѣтственность, которую брали они на себя на случай неуспѣха, въ особенности Дубасовъ, какъ старшій въ чинѣ между ними.

Эскадра составилаь изъ четырехъ минныхъ шлюпокъ. Планъ былъ составленъ: слѣдовать другъ за другомъ и нападать послѣдовательно, оканчивая, въ случай неуспѣха, дѣло предъидущаго. Катера должны были слѣ-

довать въ такомъ порядкѣ: во главѣ долженъ былъ идти Дубасовъ, какъ старшій въ чинѣ, за нимъ Шестаковъ, затѣмъ мичманъ Персиль и, наконецъ, мичманъ Балъ долженъ былъ завершать атакующій кортежъ.

Турецкія суда уходили на ночь въ глубину Малинскаго Проліва и становились на якорь въблизи самаго Мачина.

Наступила темная ночь, сырая, тихая іюньская ночь. Съ вечера развели пары, приготовили все необходимое, собрали команду, причемъ приняты были всевозможныя мѣры для того, чтобы не обнаруживать своего намеренія. Когда наступила окончательная темнота, которая, одинъ за другимъ, въ условномъ порядкѣ отвалили отъ браиловской пристани.

— Съ Богомъ! проводили ихъ товарищи.

Это была ужасная ночь... Эта ночь никогда не изгладится изъ воспоминаній героевъ; эта ночь заставила ихъ жить новою жизнью... Знаете ли вы, что значить встать лицомъ къ лицу съ опасностью?.. Знаете ли вы, что значить сознательно идти противъ силы, которая во сто кратъ сильнѣе? Герои подвига такъ же рѣдки, какъ рѣдки и гении, какъ рѣдки и высокіе таланты изъ области отвлеченнаго міра. Легко заразиться недугами массы, но какъ трудно и какъ тяжело бороться съ ними и какъ чрезвычайно великодушно ставить свою жизнь на карту во благо человѣчества!

Въ моментъ рѣшимости Шестакова и Дубасова, когда отъ нихъ отвернулись всѣ, на пользу которыхъ они жертвовали жизнью, ихъ одушевляла одна божественная искра, которая, равнымъ образомъ, воодушевляетъ поэта, мыслителя и художника-творца! Эта божественная искра зарѣдась въ образѣ свѣтлой звѣздочки, которая ласково ма-

шла къ себѣ: „Сюда!.. за мной идите!.. Тамъ.. тамъ вы найдете цѣль вашей жизни!“

Герои забывали все въ мірѣ и увѣренно шли по указанію своего мистическаго лопмана.

Какъ только катеръ Шестакова отвалилъ отъ пристани, онъ прежде всего заснулъ... онъ былъ очень утомленъ предварительными работами.

— Шурка, что ты спишь! сказалъ ему удивленный его товарищъ, лейтенантъ Петровъ.

Лейтенантъ Петровъ пошелъ съ нимъ охотникомъ. Его обязанность заключалась въ томъ, чтобы рвать мину по приказанію Шестакова.

На катерѣ Дубасова находился другой охотникъ — морякъ румынской службы, Муржеско.

Катера перешли Дунай. Дубасовъ вошелъ первымъ въ Мачинскій Проливъ. Архипелахъ Зеленыхъ Острововъ сливался въ одну общую массу таинственнаго сада. Вокругъ было пустынно, дико и темно. Берега пролива обрисовывались смутной контурной линіей, а впереди, за поворотомъ пролива еле-еле видѣлась темная масса турецкихъ судовъ. Невозмутимая тишина царила въ воздухѣ, только невольный паръ иногда нарушалъ эту тишину, вырываясь изъ трубы катера, и досаждала доблестнымъ пловцамъ.

— Мониторы показались! сказали Шестакову на катерѣ.

Дремоту какъ рукой сняло. Шестаковъ ободрился, пришелъ въ себя и напрягъ всѣ силы своего зрѣнія и слуха для того, чтобы слѣдить за передовымъ движеніемъ катера Дубасова.

Они подходятъ все ближе и ближе... Силуэты турецкихъ судовъ яснѣе и яснѣе обрисовываются въ глубинѣ темнаго фона... Вотъ они видятъ часового, неподвижно

стоящаго на палубѣ монитора... вотъ они слышать его окликъ.

Дубасовъ отвѣтилъ. Отвѣтилъ разъ, отвѣтилъ два (вы знаете его отвѣтъ)... Сверкнулъ огонь... послышался выстрѣлъ... На мониторѣ забѣгали и человѣческія фигуры начали выростать, какъ изъ земли.

Ужасная минута наступила вслѣдъ затѣмъ. Эта была минута начала отчаянной борьбы силы съ видимымъ ничтожествомъ! По сигналу часового, поднялась тревога на всѣхъ турецкихъ судахъ. Ихъ было три. Турки открыли огонь изъ орудій, изъ ружей, съ берега и съ судовъ. Демоническій гулъ гранатъ оглушилъ моряковъ; пронизывающій свистъ турецкихъ пуль послышался со всѣхъ сторонъ.

Это былъ моментъ необходимости атаки. Нельзя было звать. Вдругъ громадный столбъ воды поднялся въ воздухъ, катеръ Дубасова черпнулъ воды... всѣмъ показалось, что смерть скосила въ одинъ мигъ и Дубасова, и Муржеско, и всѣхъ матросовъ, находящихся съ ними.

Шестаковъ даетъ полный ходъ впередъ. Онъ видитъ, что Дубасовъ цѣлъ; онъ не знаетъ, терпитъ онъ, или нѣтъ.

— Все ли благополучно? кричитъ онъ Дубасову.

— Все благополучно!.. Мониторъ не тонетъ... Хотите—идите, взрывайте!

Огонокъ блестѣлъ еще въ иллюминаторахъ (окнахъ) судовой каюты; масса монитора не двигалась на водѣ. Это видѣлъ матросъ Стенинъ.

Шестаковъ бросился на мониторъ.

— Смотри, Шурка, рзныше уменьши ходъ! *

* Слова Петрова.

— Знаю! отвѣтилъ Шестаковъ.

— Ну, смотри, хоть умремъ, а взорвемъ миниторъ! крикнулъ Петровъ.

— Неужто-жь? пошутилъ въ эту минуту Шестаковъ. Это была его обычная поговорка.

Петровъ хотѣлъ рвать мину автоматическимъ проводникомъ.

— Брось! приказалъ ему Шестаковъ. Онъ хотѣлъ рвать мину по желанію.

Не доходя до монитора сажени на 3, на 4, съ монитора раздался выстрѣлъ изъ 9-ти дюймового орудія.

Они только поклонились этому выстрѣлу. Весь катеръ обдало дымомъ, граната пронеслась надъ головами. Дубасовъ подумалъ въ эту минуту, что ихъ уже болѣе не существуетъ.

— Стопъ машина! крикнулъ Шестаковъ, когда носъ его катера коснулся борта монитора. Тогда онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что мина, высунутая на шесть, подошла подъ самый мониторъ. Ему хотѣлось подвести ее подъ машинное отдѣленіе.

— Ванюха, рви! крикнулъ онъ Петрову.

Получился взрывъ и цѣлый столбъ всевозможныхъ щепъ и осколковъ обдалъ катеръ Шестакова со всѣхъ сторонъ. Какая-то дверь (должно быть, отъ каюты) упала на катеръ между Шестаковымъ и матросомъ.

Мониторъ началъ медленно опускаться въ воду.

— Задній ходъ! крикнулъ Петровъ сейчасъ-же послѣ взрыва. Между ними было условлено ранѣе дать задній ходъ сейчасъ-же, какъ только получится взрывъ.

Наступилъ слѣдующій моментъ, котораго никакъ не ожидали наши герои. Машинѣ дали задній ходъ, но винтъ ея отказался дѣйствовать, вѣроятно, вслѣдствіе того, что

онъ засорился въ щепкахъ и осколкахъ, плававшихъ на водѣ. Наконецъ, какіе то тали (лопары) съ монитора, вѣроятно, отъ шлюпбалокъ, на которыя поднимаютъ обыкновенно шлюпки на суда, захлестнули за что-то на носу катера Шестакова. Положеніе его было критическое. Унтеръ-офицеръ Нечипуренко кинулся на бакъ (на носъ) съ цѣлю очистить катеръ отъ лопаря. Турки продолжали стрѣлять и пуля ударила въ катеръ около самого Нечипуренки, коснувшись воды.

— Ишь ты, стерва!.. глаза загорошила! сказалъ Нечипуренко.

Мониторъ продолжалъ тонуть. Согласно условленному заранее плану, Шестаковъ сдѣлалъ сигналъ свистомъ, что должно было означать, что онъ проситъ помощи. Никто не отвѣтилъ ему на этотъ сигналъ. Вдругъ Шестаковъ увидѣлъ, что на него шелъ турецкій катеръ на веслахъ съ грёбцами и стрѣлками. Силуэтъ бѣлаго катера ясно очертился на водѣ.

— Ваше бл-діе, что дѣлать? крикнулъ одинъ изъ матросовъ Шестакова.

У Шестакова было всего лишь 4 стрѣлка.

— Катай, ребята! крикнулъ Шестаковъ, и стрѣлки открыли огонь по турецкому катеру. Штыки были отомкнуты, но было приказаніе взять ихъ съ собой на всякій случай. Самъ Шестаковъ выпустилъ изъ револьвера 9 пуль. Матросы выстрѣлили около 30 пуль.

Петровъ въ это время давалъ передній и задній ходъ, ради очищенія винта катера. Турецкій катеръ, къ счастью, повернулъ назадъ.

— На катерахъ! крикнулъ Шестаковъ, начиная отчаяваться. — Дайте помощь!

На зовъ Шестакова не было отвѣта. Но въ этотъ мо-

ментъ машина на катерѣ начала дѣйствовать и дала задній ходъ. Шестаковъ и Нечипуренко обрѣзали концы талей съ утопающаго монитора и Шестаковъ крикнулъ: „возьми весла!“ Матросы: Ржепа и Лисагорскій взяли весла и начали выводить ими катеръ изъ обломковъ съ носа. Нечипуренко и Шестаковъ, при помощи такихъ же веселъ, дѣйствовали на кормѣ. Въ это время матросы на катерѣ увидали барахтавшагося турку на водѣ. Матросъ Ржепа крикнулъ съ бака:

— Ваше бл-діе!.. братъ турку?

— погоди, дай очистить винтъ, послѣ возьмемъ, отвѣтилъ ему Шестаковъ. Когда вышли изъ обломковъ, машинѣ дали задній ходъ и потомъ полный передній. Пройдя нѣкоторое пространство, Шестаковъ приказалъ застопорить машину и кричать „ура!“ Команда крикнула: „ура“ и всѣ матросы, какъ одинъ человѣкъ, бросились цѣловать Шестакова. Здѣсь нервы Шестакова не выдержали... онъ зарыдалъ....

Катеръ направился вверхъ по Мачинскому Протоку. Мониторъ окончательно погружался въ воду.

Пройдя сажеей 150, Шестаковъ нагналъ катеръ мичмана Персина. Его мѣсто было третьимъ въ ряду при движеніи катеровъ къ мониторамъ.

— Есть-ли раненные? спросилъ Персинъ.

— Раненыхъ нѣтъ, но меня вы ранили сердечно, отвѣтилъ ему Шестаковъ: — я былъ въ самомъ критическомъ положеніи.

И съ этими словами онъ поплылъ дальше. Рыданія душили его грудь. Истерика не прекращалась. Петровъ началъ утѣшать своего товарища.

— Ваше бл-діе, ласково сказалъ унтеръ-офицеръ Нечипуренко, обращаясь къ Шестакову: — да вы не мучьтесь... взорвали мониторъ—надо радоваться.

Тутъ сказалъ кое-что еще одинъ человекъ... но я не буду приводить его словъ.

Батеръ Дубасова былъ залитъ водою. Это обстоятельство обязывало его заботиться о своемъ батерѣ, а главнымъ образомъ о людяхъ.

Этотъ случай подождать конецъ всякой активной дѣятельности турокъ противъ насъ на Дунаѣ. Они оставили насъ въ покоѣ и продолжали демонстрировать только противъ береговъ, занятыхъ румынскими войсками.

Для полной характеристики, этихъ демонстрацій приведу еще нѣсколько случаевъ: въ ночь съ 27-го на 28-е апрѣля румынская батарея, состоящая изъ 6 орудій, заняла позицію почти противъ Туртука. На другой день турки увидѣли поставленную румынами батарею и открыли по ней огонь. Послѣ первыхъ 7 выстрѣловъ со стороны турокъ, румыны начали отвѣчать турецкимъ батареямъ. Турецкіе снаряды были плохо направлены, они падали преимущественно въ открытое поле, и въ Ольтеницу упали всего лишь 3 гранаты. Вскорѣ въ Туртука вспыхнулъ пожаръ съ двухъ сторонъ; въ это самое время на Дунаѣ показались два турецкихъ монитора. Мониторы открыли сильный огонь, направленный во флангъ румынскихъ батарей, но безъ особыхъ послѣдствій и вреда. Послѣ 400 (приблизительно конечно) выстрѣловъ съ турецкой стороны и 200 — съ румынской бомбардировка прекратилась въ 7 час. вечера. Во время бомбардировки въ Ольтеницѣ находилось мало румынскихъ войскъ; но скорѣ прибылъ туда генералъ Ману съ нѣсколькими атаками и артиллерійскою батареей.

Въ тотъ же день турецкіе башни-бузуки высадились на румынскій берегъ у деревни Чесанешты, въ округѣ Яломница. Разбойникамъ удалось увести 1,200 головъ скота, причемъ башни-бузуки бросили въ полѣ нѣсколько убитыхъ черныхъ буйволовъ и стрѣляли въ едва успѣваго спастись пастуха.

Въ тотъ же самый день, правѣ деревни Зибница, турки подплывали къ шедшимъ по Дунаю австрійскимъ и греческимъ судамъ, грозили ихъ сжечь и бомбардировать, если они не перейдутъ на сторону турокъ; однако судамъ удалось причалить къ румынскому берегу, гдѣ они и укрылись. Въ тотъ же самый день, т. е. 28-го апрѣля, турки сожгли румынскій пикетъ выйдя на берегъ въ количествѣ 50 вооруженныхъ человекъ; башни-бузуки напали на пастуха, нанесли ему нѣсколько ударовъ саблями по головѣ и, ограбивъ мѣстную мельницу, подожгли ее и ушли обратно на турецкій берегъ. Мѣстные крестьяне собрались было отразить башни бузуковъ, но подоспѣли уже поздно. Поиски крестьянъ относительно мельника Костаки Стайко оказались тщетными; предполагаютъ, что Костаки Стайко былъ перенесенъ турками на другой берегъ.

4-го мая турки открыли сильный огонь изъ Видина по Клафату съ цѣлью отвлечь вниманіе и силу артиллеріи отъ турецкаго парохода, который турки хотѣли провести внизъ по рѣкѣ подъ прикрытіемъ своихъ батарей. Пароходу удалось проскочить мимо Клафата и начать спускаться внизъ по Дунаю; мѣстный комендантъ дѣлъ знать по телеграфу войскамъ, стоявшимъ ниже Клафата. Артиллерійскій полковникъ Круцеску открылъ противъ деревни Чупарчени сильный огонь по пароходу, капитанъ котораго, потерявъ нѣсколько человекъ изъ прислуги

рашешин, почувствовать себя въ опасности, и немедленно сдѣлся румынскимъ войскамъ. Судно это шло безъ флага, и на вопросъ: „Почему оно шло безъ флага?“ — капитанъ отмалчивался. Некоторые матросы показали, что пароходъ этотъ предназначенъ былъ служить нуждамъ турокъ и шель изъ Пейшта внизъ по рѣкѣ, чтобы поступить въ нихъ въ дѣйствіе. Румынскія власти не нашли никакихъ компрометирующихъ бумагъ на пароходѣ, почему и предполагаютъ, что бумаги эти были выброшены капитаномъ за бортъ передъ сдачею себя въ руки румынъ. Впоследствии узнали, что пароходъ этотъ назывался „Клотильдой“, что онъ принадлежалъ венгерцу и былъ построенъ въ Буда-Пештѣ. Точно такой же пароходъ задержанъ сербами въ Кладово!

V.

Первое чувство, охватившее насъ въ Румыніи.

Раздѣляли ли румыны чувство нашего великодушія при началѣ войны за освобожденіе болгаръ?

Едва ли слѣдуетъ говорить, что вопросъ этотъ совершенно праздный. Они не вѣрили въ безкорыстіе русскихъ на случай успѣха, въ которомъ они почти не сомнѣвались. Каждому изъ нихъ казалось, что мы дѣйствуемъ подъ вліяніемъ предвзятаго разсчета, и это было въ сущности самое выгодное заключеніе для насъ, такъ какъ иначе они должны были бы окончательно отказаться отъ объясненія смысла войны съ турками. Въ ту минуту ихъ симпатіи были ближе къ туркамъ, чѣмъ къ намъ, и достаточно вспомнить ихъ политику во время сербской вой-

ны (когда они отказывались предпустить военные траншеи и разоружали болгарскія дружины, переходившія ихъ границу, по пути слѣдованія на театр военныхъ дѣйствій), чтобы убѣдиться въ ихъ безучастіи къ судьбамъ славянскихъ народностей вообще.

Румыны приняли нашу сторону въ силу сознанія, выгоды ихъ роли „союзниковъ“, выгоды, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ; поэтому, между нами и установились сразу совершенно особыя отношенія, въ которыхъ холодная дѣловитость заняла мѣсто горячихъ чувствъ. Я не знаю, съ какимъ чувствомъ приняло русское общество протянутую руку помощи нашихъ союзниковъ; думаю, однако же: что русскій человѣкъ, привыкшій ходить на помонахъ въ дѣлѣ рѣшенія политическихъ вопросовъ, отнесся къ этому совершенно индифферентно. Не такъ думали румыны. Каждый шагъ своего дальнѣйшаго соучастія, они старались обставлять согласно съ требованіями ихъ народной гордости, самостоятельности и чести, хотя эта честь подчасъ и казалась довольно сомнительнаго свойства. Будучи въ Румыніи, я имѣлъ возможность наблюдать за отношеніями румынъ къ русской арміи и, наоборотъ: эти отношенія были очень оригинальны.

— Теперь, господа, держи ухо востро, говорили мы съ перваго же момента нашего вступленія въ Румынію.

Это была, такъ сказать, первая фраза, произнесенная устами русскаго воина, въ отвѣтъ на порывы нашихъ союзниковъ. Съ этой фразы у насъ и начались собственно дальнѣйшіе разговоры.

Апрѣль мѣсяцъ былъ дождливый мѣсяцъ въ Румыніи въ прошломъ году, а предшествовавшая зима была снѣжная на Карпатскихъ горахъ, такъ что въ ближайшіе ру-

чейки разливались въ рѣчки и поминутно размывали полотно желѣзной дороги. Главная квартира переходила въ Плошты и съ этихъ поръ по румынской желѣзной дорогѣ установилось многолюдное сообщеніе, которое часто прерывалось, вслѣдствіе порчи дороги. Само собою разумѣется, что подобныя перерывы весьма неблагоприятно отзывались на движеніе частей арміи и военныхъ транспортовъ; и хотя временныя порчи полотна казались весьма понятными, если принять во вниманіе съ одной стороны недобросовѣстность постройки (одна половина дороги построена была извѣстнымъ Струсбергомъ), а съ другой—обиліе горныхъ водъ, но все-таки казалось, что тутъ есть что-то подозрительное.

— Нѣтъ, это не ладно, говорили русскіе, глядя на желѣзно-дорожныя неисправности.—Было бы смѣшно думать, что беспорядки происходятъ вслѣдствіе независимыхъ причинъ. Тутъ непременно кроется какая-нибудь тайна, которую надо разслѣдовать... Ужъ не подкуплены-ли турками директора и управляющіе желѣзныхъ дорогъ? Вѣдь эти желѣзнодорожныя дѣятели... что значить имъ продать насъ за грошъ?

Очевидно, что подобнаго рода сужденія о желѣзнодорожныхъ дѣятеляхъ имѣли свое основаніе. Но главнѣйшимъ образомъ, они представляли собой плодъ заключеній, выведенныхъ нами изъ дому и основанныхъ на собственномъ горькомъ опытѣ.

Этими горькими опытами собственной жизни объясняется и наша недовѣрчивость, и наша страсть къ подозрѣніямъ, обнаруживавшаяся на каждомъ шагу. Вотъ вамъ примѣръ.

Въ вагонѣ желѣзной дороги ѣхало нѣсколько членовъ нашихъ гвардейскихъ кавалеристовъ. Это было на

— 1000 1891/2/4/35

первых порах вступленія въ Румынію, когда мы были въ дружбѣ съ румынами. Вѣсть съ кавалеристами, вѣхаль Ясъь господинъ средняго роста, прилично одѣтый, не первой молодости. Офицеры довольно косо поглядывали на штатскаго, сидѣвшаго съ ними въ одномъ вагонѣ, потому что всякій штатскій человекъ казался не у мѣста въ обществѣ военныхъ въ военное время.

— На войну, господа, ѣдете? спросилъ ихъ штатскій господинъ.

— Да, на войну, а вы куда?

— Я ѣду въ Бухарестъ... дѣло доброе, господа, съ вашей стороны; защищать интересы своего отечества— это ваше призваніе... Я также ѣду на войну, въ дѣйствующую армію хочу поступить... Я докторъ медицины, и думаю войти въ составъ медицинскаго персонала.

— Вы русскій?

— Нѣтъ, я полякъ! я все время жилъ за-границею. Офицеры переглянулись.

Это шпионъ, замѣтилъ одинъ другому.

— А что же?... легко можетъ быть...

Я его сейчасъ поймаю.

Разговоръ начался съ личнаго происхожденія штатскаго господина. Господинъ заявилъ, что его судьба такъ же до нѣкоторой степени связана съ событіями текущаго времени, потому что его дѣдъ имѣлъ когда-то помѣстье въ Турціи, что его отецъ подвергался случаямъ грабежей съ стороны турецкихъ баши-бузукъ, и что ему ближе, чѣмъ кому либо, известны гнилые порядки турецкой администраціи.

— Что вы называете гнилыми порядками?

— Боже мой! да все, что основано на произволѣ; все, гдѣ нѣтъ ни суда, ни расправы, гдѣ одинъ безчест-

но обогащается на счетъ другаго, гдѣ наша грабить райо, словомъ мало ли признаковъ гнилой админист-
раціи.

Одинъ изъ слушателей толкнулъ друга подлѣ ботъ.

— Я искренно сочувствую вообще всякой войнѣ за освобожденіе угнетеннаго и поработеннаго и вполнѣ раздѣляю благородство политики Россіи; хотя, строго говоря, самый принципъ войны представляется мнѣ до этой степени туманнымъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Если судить съ точки зрѣнія принципа.

— Ну, да, это шпионъ, снова шепнулъ одинъ другому.

Господинъ, увлекаясь все болѣе и болѣе своею темою, самъ не замѣчая того, пришелъ къ довольно рѣзкимъ выводамъ.

— Это порицаніе дѣйствій русскаго правительства, разсудили слушатели.

— Не слышали ли вы чего-нибудь, господа, о послѣднихъ событіяхъ на Кавказѣ? спросилъ господинъ въ заключеніе:— правда ли, рассказываютъ, будто турки сдѣлали высадку въ Сухумъ и одержали побѣду надъ русскимъ отрядомъ?

Поездъ остановился въ Плоэштахъ. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ къ туристу.

— Прошу васъ послѣдовать за мною, сказалъ онъ ему.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами на платформѣ.

— Извините, но я боюсь опоздать на поездъ, у меня билетъ до Бухареста.

— Прощу васъ послѣдовать за мною, я беру на себя всю отвѣтственность... Я считаю васъ подозрительнымъ человекомъ...

— Напрасно вы меня такимъ считаете; я сказалъ вамъ, что я докторъ.

— Если вы докторъ, потрудитесь опредѣлить значеніе этихъ желтыхъ пятенъ на моей груди.

Съ этими словами офицеръ растегнулъ мундиръ и показалъ ему свою мохнатую грудь.

— Я не могу опредѣлить болѣзни такъ скоро, какъ вы того желаете, отвѣтилъ туристъ.

Незнакомецъ былъ арестованъ. Началось слѣдствіе. Потомъ ходили разные слухи; говорили, что онъ оказался отставнымъ чиновникомъ министерства юстиціи, исключеннымъ изъ службы за неблагонадежность. Говорили, что въ его чемоданѣ найдены компрометирующія его ~~данные~~: визитныя карточки съ вымышленными званіями и положеніями, шифры для подозрительныхъ фразъ. Говорили, что онъ обнаруживалъ страхъ и отчаяніе во время производства слѣдствія, боясь, что его повѣсятъ. Много говорили по поводу ареста незнакомца; но заинтересованные въ дѣлѣ военные юристы или отмалчивались, или говорили, что трудно придти къ несомнѣнному заключенію, что онъ шпионъ.

Какая участь постигла незнакомца—я не знаю.

Не разъ вспоминалъ я этотъ случай, будучи уже въ Болгаріи и слѣдуя съ казаками въ авангардѣ. Приведутъ, бывало, казаки, изъ какой-нибудь деревни, возвращаясь въ лагерь изъ разѣзда, двухъ, трехъ, старыхъ турокъ, очевидно, опоздавшихъ бѣжать за Балканы, а можетъ быть и отказавшихся отъ этой мысли, по старости лѣтъ; приведутъ въ лагерь, окружатъ со всѣхъ сторонъ и начнутъ, бывало, осматривать съ головы до ногъ.

— А, вѣдь, это, братцы, баши-бузуки!

— Ну, во ужь и баши-бузуки!.. почему-же такъ?

— Вѣрное слово, баши-бузуки; глянь-ко ему въ рыло-то!

— Ничего нѣту въ рылѣ... просто такъ себѣ.

— Какъ: такъ себѣ? кто-жъ они такіе?

— Одно слово: жители!..

— А рыло-то?

— Чаво рыло?.. рыло, какъ рыло...

— Ну, нѣту, братцы!.. а борода-то... а глянь-ко ему въ зубы-то...

Точно также, подозрѣвали мы шпионовъ въ Плоештахъ, въ Журжевѣ, въ Бухарестѣ и вездѣ, гдѣ хотите. Подобно тому, какъ среди темныхъ людей, казаковъ, находились такіе, которые непремѣнно желали видѣть въ лицѣ стараго турки—баши-бузука, мы, культурные люди, усматривали шпиона въ лицѣ каждаго незнакомаго человека, почему-либо обратившаго на насъ свое вниманіе.

— Это непремѣнно шпионъ, говорили мы, глядя на прохожаго, пристально посматрѣвшаго въ нашу сторону.

— Почему шпионъ?

— Видите, какъ онъ смотритъ въ нашу сторону... Посмотрите, какая у него фізіономія, какая пляпа, какіе волосы, какое платье!

И ежели сказать по правдѣ, то окажется, что эти слова нашептывали намъ наши домашніе городовые, засѣвшіе въ наши души.

— Какіе изумительные мудрецы телеграфной станціи! кричалъ однажды откровенно англійскій корреспондентъ, будучи въ Плоештахъ, незадолго до выступленія оттуда главной квартиры:—мнѣ нужно выѣзжать отсюда, я не имѣю въ рукахъ паспорта, хотѣлъ его вытребовать, а они меня заподозрили въ обличеніи военной тайны.

Корреспондентъ подалъ дещену такого содержанія:

— *J'attends le passe; faut que je passe...*

Телеграфистъ коварно улыбнулся и передалъ ему дещену обратно.

Замѣчу, что этотъ корреспондентъ почти все время находился въ дѣйствующей арміи и, видимо, пользовался одинаковымъ довѣріемъ со всеми, хотя на перекъ порахъ у него и встрѣчались какія-то затрудненія, за недостаткомъ рекомендацій.

VI.

Бывшій составъ корреспондентовъ въ арміи.

Вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ армію былъ однимъ изъ вопросовъ пущей важности, возникшихъ при самомъ началѣ войны. Война застала насъ въ эпоху такихъ условій жизни, когда рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ могло только вызвать горькое для насъ и постыдное глумленіе всей Европы. Я говорю: именно Европы, потому что русскій человѣкъ легко могъ бы помириться и на однихъ официальныхъ донесеніяхъ. Отрицательное рѣшеніе этого вопроса во всякомъ случаѣ не вязалось съ той идеей, во имя которой началась самая война. Примѣры франко-прусской войны были у всѣхъ на свѣжей памяти и эти примѣры говорили, что печать всегда у всѣхъ народовъ принимала сторону искреннихъ патріотовъ. Оставалось только рѣшить: въ какомъ смыслѣ и въ какой степени понимать искренній патріотизмъ; но какъ бы этотъ вопросъ ни рѣшался, во всякомъ случаѣ, не было примѣровъ, чтобы печать той

или другой воюющей стороны переходила на сторону противника. Въ военное время, когда на долю народа выпадаютъ всѣ тяжести этого времени, когда арміи переносятъ ужасныя страданія и невзгоды, симпатіи печати всегда тѣсно и неразрывно связываются съ судьбами армій и печать служить чуткимъ отголоскомъ народныхъ интересовъ. Во всякомъ случаѣ, печать должна пользоваться свободою слова. При всей самобытности нашихъ воспитательныхъ системъ, примѣры запада не проходятъ для насъ безслѣдно и невольно отражаются и на нашемъ умственномъ развитіи. Въ виду убѣдительныхъ примѣровъ положенія западной печати во время франко-прусской войны, казалось бы, что вопросъ о допущеніи корреспондентовъ въ нашу армію самъ по себѣ переставалъ быть вопросомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ возбужденъ въ смыслѣ настоящаго, кореннаго и существенно важнаго „вопроса“. Ходили слухи, что нашлись даже мнѣнія, высказанныя въ отрицательномъ смыслѣ. Ихъ было, впрочемъ, немного, потому что большинство стояло за свободу слова.

❖ Какъ у той, такъ и у другой стороны, конечно, были свои основанія, свои аргументы и доводы. Какъ подошли къ этому вопросу рѣшающія стороны? Они подошли точно также, какъ мы вообще подошли и къ нашимъ союзникамъ. Обѣ стороны поставили вопросъ такъ, какъ будто они ничего общаго съ печатью не имѣли, а рѣшали согласно собственнымъ выгодамъ. Сторонники допущенія исходили съ точки зрѣнія политической: „мы такъ сильны, говорили они:—въ сравненіи съ недругомъ, и такъ прекрасно организованы сами по себѣ, что огласки намъ бояться нечего“. Противники хотъ и не высказывали своей неувѣренности въ томъ, что сторонники считали

неподлежащимъ сомнѣнію, но боялись иностранныхъ корреспондентовъ, какъ людей, среди которыхъ могутъ появиться шпионы. Опять-таки „шпионы“ явились главнымъ пугаломъ и въ этомъ случаѣ. Очевидно, что такого рода доводъ былъ неоснователенъ и не вѣсокъ, если принять во вниманіе законы военнаго времени, допускающіе безапелляціонно предавать всякаго шпиона смертной казни черезъ повѣшаніе, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ и какими бы правами гражданина болѣе сильнаго народа онъ ни пользовался. Обѣ стороны, при всемъ видимомъ разладѣ мнѣній, нашли, однако, возможнымъ слить противуположные доводы въ одну общую, умиротворяющую форму. Чтобы найти почву, на которой можно было бы помириться, необходимо было предварительно взвѣсить степень вліянія гласности на массу, и приемы, при помощи которыхъ можно было бы держать гласность въ желаемыхъ предѣлахъ. При этомъ каждый изъ сторонниковъ своихъ мнѣній принималъ въ расчетъ исключительно европейскую печать, касательно же нашей печати не могло даже и разговоровъ возникнуть, потому что это дѣло считалось разъ и навсегда поконченнымъ, а во-вторыхъ никто изъ нихъ и никогда не признавалъ нашу печать „вліяніемъ“. При такой постановкѣ вопроса, болѣе всего оказывались заинтересованными въ этомъ дѣлѣ политики. Только съ политической точки зрѣнія важно было опредѣлить роль иностраннаго корреспондента въ нашей арміи, и выработать соответствующія отношенія, потому что передъ нами были осязательные примѣры какъ то или другое извѣстіе съ театра военныхъ дѣйствій вліяло на рѣшеніе того или другого правительства. Мы должны были помнить, напримѣръ, рѣшенія англійской политики во время франко-прусской

войны, принятыя сейчас же послѣ полученія перваго извѣстія отъ корреспондента мистера Форбеса о томъ, что въ Парижѣ вспыхнуло волненіе. И вотъ тотъ же самый мистеръ Форбесъ явился однимъ изъ претендентовъ на званіе корреспондента и въ нашей арміи. Благоразуміе подсказывало, что ничего больше не остается, какъ допустить мистера Форбеса, но, въ то же время, прибѣгнуть къ помощи нѣкоторой „политичности“. Прежде всего необходимо было открыто признать въ немъ общественнаго дѣятеля съ несомнѣннымъ вліяніемъ на общество и даже показать, что мы отдѣляемъ его изъ ряда остальныхъ ему подобныхъ претендентовъ. Это во-первыхъ могло польстить его самолюбію, а, во-вторыхъ, доставляло много другихъ удобствъ, касавшихся его лично. Но въ то же время необходимо было дать знать мистеру Форбесу, что со своимъ уставомъ въ чужой монастырь все-таки соваться не полагается.

— Вы желаете быть корреспондентомъ, мистеръ Форбесъ?

— Желая.

— Въ какомъ органѣ печати вы будете писать?

— Въ „Daily News“...

— Какого рода и отъ какихъ именно лицъ вы можете доставить рекомендаціи?

— О, помилуйте, меня знаетъ вся Европа; я пользуюсь такимъ добрымъ именемъ, что надѣюсь, что ни одно изъ вашихъ посольствъ не откажется зарекомендовать меня. Да вотъ кстати, идетъ мой хорошій знакомый...

Дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ находились такіе высокопоставленные знакомые мистеровъ: Форбеса, Макъ-Гахана и другихъ, послѣ пріятельскаго рукопожатія которыхъ ничего больше не оставалось, какъ сказать мистеру Форбесу:

— Милости просимъ; тѣмъ болѣе, что ваша газета, кажется, придерживается довольно дружеской политики.

— О, помилуйте!..

— А вы, милостивый государь, корреспондентъ какой газеты?

— Лондонскаго изданія „Daily Telegraph“...

— Н-да? Ну, просимъ извинить; это самая враждебная къ намъ газета...

— Въ такомъ случаѣ, я буду писать изъ Бухареста... буду врать...

— Откуда хотите, только не изъ арміи.

Мистеры: Форбесъ, Макъ-Гаханъ и другіе радостно улыбаются, потому что для нихъ было выгодно отстраненіе конкурента.

Немудрено, что Мистеръ Форбесъ какъ изъ земли выросталъ каждый разъ и при всякихъ важныхъ событіяхъ войны. Пользуясь средствами богатой газеты, распространенной въ Англіи въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ, будучи по природѣ человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ, неутомимымъ, мистеръ Форбесъ (а за нимъ и Макъ-Гаханъ) поражали своимъ вездѣсущіемъ. Мистеръ Форбесъ является, напримѣръ, первымъ у мѣста переправы черезъ Дунай, при самомъ началѣ, когда эта переправа сохранялась въ страшной тайнѣ отъ всѣхъ рѣшительно, находившихся въ арміи.

— Случайность привела меня сюда, говорилъ мистеръ Форбесъ, когда удивлялись его нюху.—Просто пріѣхалъ въ Зимницу посмотрѣть, а тутъ какъ разъ и переправа!...

Можетъ быть! Но, увѣ! меня никогда не приводила эта случайность, и хотя я шелъ по стопамъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, но все-таки опоздалъ на цѣлый день, и прибылъ въ Зимницу только къ вечеру другого дня,

т. е. уже послѣ ночи переправы. Но я былъ русскій, а онъ англичанинъ. Мистеры Форбесъ и Макъ-Гаханъ приглашались, бывало, на одинъ поѣздъ съ главной квартирою — вотъ и объясненіе. Мистеръ Форбесъ являлся всюду первымъ и, надо отдать ему справедливость, всегда умѣлъ тщательно умалчивать передъ товарищами о причинахъ наведившихъ его на случайность. Затѣмъ, высмотрѣвъ всѣ плевионскія атаки, опредѣливъ численность нашей арміи, изучивъ порядки, взвѣсивъ качества отдѣльныхъ дѣятелей, усвоивъ себѣ способъ веденія войны и планы всей кампаніи, онъ удалился въ Лондонъ, подъ предлогомъ болѣзни, не дождавшись даже конца кампаніи. И тамъ началъ „разоблачать“...

Общество корреспондентовъ, допущенныхъ и побывавшихъ въ нашей арміи, доходило до весьма почетной цифры. Я приведу здѣсь списокъ всѣхъ лицъ, оставившихъ свои портреты въ корреспондентскомъ альбомѣ главной квартиры ¹⁾. *Англійскіе*: Форбесъ и Макъ-Гаханъ (американецъ отъ газеты „Daily News“; Грантъ—отъ газеты „Times“; Виллерсъ (художникъ)—отъ иллюстрированнаго журнала „Graphic“; Гейль (художникъ) журнала „Illustrated London-News“; Фредерикъ Бойль (впослѣдствіи удаленный изъ арміи)—отъ газеты „Standart“; Бравенбюри (полковникъ, состоявшій на дѣйствительной службѣ въ англійской арміи, пользовавшійся отпускомъ)—отъ газеты „Times“; Каррикъ (докторъ, проживающій въ Петербургѣ) и Розъ — отъ газеты „The Scotsman“; Доканковъ—отъ газеты „New-York-Herald“; Кинтъ—отъ га-

¹⁾ Известно, что каждый корреспондентъ обязанъ былъ представлять два экземпляра своего портрета. На одномъ прописывался пропускъ и прикладывалась казенная печать, другой поступалъ въ общій альбомъ собранія корреспондентскихъ портретовъ.

зеты „Boston-Journal“; Джексонъ (не помню какой американской газеты). Корреспонденты газеты „Daily Telegraph“ и большинства вѣнскихъ газетъ, какъ недопущенные въ армію, проживали въ Бухарестѣ, пользуясь свѣдѣніями изъ вторыхъ источниковъ отъ товарищей по профессіи, а иногда и своими умозаключеніями. *Прусскіе* корреспонденты: Дангауеръ—отъ газетъ „Militär Wochenblatt“, „Hambourger-Nachrichten“ и „National Zeitung“; фонъ-Маре—отъ газетъ: „Augsburger-Allgemeine Zeitung“; Иоганъ Шембергъ (художникъ)—отъ журнала „Ueber Land und Meer“; фонъ-Браухичъ—отъ газетъ „Post“ и „Neue Militärische Blatt“; Бета—отъ газеты „Berliner-Tagblatt“. *Вѣнскіе* корреспонденты: Лукешъ — отъ газеты „Neues Wiener-Tagblatt“; графъ Рейнштейнъ (отставной поручикъ) и Лахманъ—отъ пражской газеты „Politik“; Лихтенштадтъ—отъ газеты „Presse“ (Alte). *Французскіе* корреспонденты: Бребанъ — отъ газетъ „XIX Siècle“, „National“ и „Journal d'Odessa“; Иванъ де-Вестинъ—отъ газеты „Figaro“; Дюкъ-де Лонле — отъ газетъ „Moniteur Universel“ (органъ герцога Деказа) и „Monde Illustré“; г. Белина—отъ газеты „Estafette“; Контъ-Абрестъ—отъ газеты „Indépendance Belge“; Ламонтъ—отъ газеты „Temps“; Гране—отъ газеты „République Française“; Фарей—отъ газеты „La France“. Представителемъ *шведской* печати былъ Берлингъ, шведскаго генеральнаго штаба поручикъ, корреспондентъ газеты „Stockholms Dagblat“. Г. Погенполь былъ высланъ корреспондентомъ отъ слѣдующихъ телеграфныхъ агенствъ: „Agence Havas“, „Reiter“, „Wolf“ и „Vienne“. *Итальянскіе* корреспонденты: Марко-Антонио-Канини—отъ газетъ: „Opinione“, „Pungolo di Napoli“, „Gazetta Piemontaise“ и „Courier du soir de Milan“; Маркотти—отъ газеты „Fanfulla“; Ладааро — отъ газетъ

„Roma di Napoli“ и „Illustrazione Italiana di Milano“ (художникъ). Затѣмъ былъ еще одинъ художникъ изъ Мадрита, фамилію котораго я не упомяну отъ испанской мадридской иллюстраціи; Сатмари — художникъ князя Карла румынскаго и Душень — фотографъ князя Карла румынскаго. Русскіе корреспонденты: гг. Модзольскій и Комаровъ — отъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“; гг. Каразинъ, Немировичъ-Данченко, Буренинъ, Суворинъ, Масловъ и Ивановъ — отъ „Новаго Времени“ (г. Немировичъ-Данченко былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты: „Нашъ Вѣкъ“, а г. Ивановъ былъ въ тоже время и фотографомъ); Федоровъ (художникъ) — отъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Всемирной Иллюстраціи“; г. Сакальскій былъ въ началѣ кампаніи корреспондентомъ газеты „Голосъ“; впослѣдствіи его замѣнили американцы: гг. Макъ-Гаханъ и Стэнли, который въ тоже время корреспондировалъ въ англійскія газеты: „Манчестеръ-Гардиенъ“ и въ ирландскій журналъ: „Фрименсъ“; Гирсъ — отъ „Сѣвернаго Вѣстника“; гг. Раппъ и Георгіевичъ — отъ „Русскаго Мира“; г. Мецъ состоялъ чиновникомъ гражданскаго управленія при покойномъ князѣ Черкасскомъ и былъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“; впослѣдствіи въ качествѣ корреспондента этой газеты — появился князь Шаховской; г. Иловайскій (профессоръ) былъ временнымъ корреспондентомъ „Московскихъ Вѣдомостей“; г. Байковъ (подполковникъ) былъ корреспондентомъ „Сѣвернаго Вѣстника“; г. Сухотинъ (подпоручикъ) былъ корреспондентомъ „Русскаго Инвалида“; г. Теохаровъ — корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей“ и я въ качествѣ корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, исключая вре-

менных корреспондентовъ, всѣхъ акредитованныхъ было около 58 человекъ. Принимая во вниманіе эту цифру, нельзя пожаловаться на затрудненія въ допущеніи корреспондентовъ въ армію въ количественномъ отношеніи. Что же касается отношенія арміи къ представителямъ печати въ нравственномъ смыслѣ, то позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ интересномъ предметѣ. Представители печати въ рядахъ русской арміи—это новость, о которой стоитъ поговорить.

VII.

Характеристика военныхъ корреспондентовъ по національностямъ.

Въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденія, какъ и среди корреспондентовъ были люди различныхъ способностей, взглядовъ и традицій; поэтому и отношенія ихъ между собою должны были быть различны. Но это частности, о которыхъ мы говорить не будемъ; достаточно обрисовать эти отношенія въ общихъ чертахъ, какъ къ представителямъ иностранной печати, такъ и къ русской.

Прежде всего, самая арена войны представляетъ собою такую почву, на которой откровенно дѣйствуютъ только сталь штыка, да свинецъ пули; затѣмъ, самые руководители штыка и пули только тогда бываютъ счастливы, когда имъ удастся пронзить животъ непріятеля, или всадить пулю въ лобъ. Такое тяжелое положеніе людей должно было усугубиться для насъ, русскихъ, потому что мы никогда не бывали твердо удержаны изъ сво-

ихъ силахъ. Пропоротъ животъ чедовѣка надо умѣть, а понасть пулею прямо въ лобъ — тѣмъ болѣе. И вотъ на арену этой штыковой дѣятельности явились вдругъ люди, которые задались дѣлю контрола надъ дѣйствіями штыка и нули... Эти люди могли при всякомъ удобномъ случаѣ сконфузить, сказавши, что штыкъ залѣзъ въ неуказанное мѣсто, что пуля не понала въ лобъ, потому что плохо была выпущена, что много лбовъ остались дѣлыми, потому что свинцу и пороку не хватило, и на оборотъ: много лбовъ было прострѣлено нецѣлесообразно, потому что ихъ повели не такъ и не туда, куда слѣдовало. Само собою разумѣется, что гг. контролеры были совершенно лишніе люди въ арміи; но они явились необходимыми зломъ, котораго желая было избѣгнуть. Такъ ихъ понимали съ перваго момента войны до послѣдняго.

Я говорю, что въ рядахъ русской арміи были люди различныхъ положеній, развитія, воспитанія и убѣжденій, хотя въ сущности умственная разница между ними была и не особенно велика. Иные занимали болѣе выгодные пѣсты, болтали на всѣхъ языкахъ, пили шампанское, другіе шли подъ пули, разговаривали, не избѣгая крѣпкихъ выраженій, и, вмѣсто шампанскаго, пили си-вуху. Но и тѣ и другіе почти сходились во взглядахъ на присутствіе представителей иностранной печати. Если же они раскодились въ степени радушія относительно корреспондентовъ, то это касалось только корреспондентовъ русскихъ.

Блестящая часть арміи, то, что было по ближе къ нтабу, относилась къ иностранцамъ по примѣру старшихъ. Если старшій въ чинѣ протягивалъ руку мистеру Форбесу, то всѣ младшіе считали своею обязанностию сдѣлать тоже самое. Выше было объяснено, почему стар-

шіе рѣшились протянуть руку мистеру Форбесу; младшіе этихъ причинъ не понимали и не разбирали; они дѣлали это просто по примѣру.

Сѣрая часть интеллигентной арміи тоже не касалась этихъ причинъ; за то она не конфетничала, а откровенно разсуждала такъ, при видѣ англичанина: „а, рыжій песъ!.. турку бунтовать вздумалъ! ну ка пойдѣмъ теперь съ нами вмѣстѣ подѣ пули то!“ Вотъ вамъ, напрямѣръ, случай подобнаго отношенія къ англичанинѣмъ.

Однажды утромъ, въ бытность мою въ деревнѣ Парадимѣ, гдѣ помѣщался штабъ генерала Зотова, только что принявшаго въ то время командованіе надъ западной арміею (послѣ второй неудачной атаки барона Бриденера), къ намъ пришелъ посланный изъ штаба. Я говорю „къ намъ“, потому что въ это время насъ было семеро: Стэнли, Макъ-Гаханъ, Бойль, Добсонъ, Грантъ, американецъ Джексонъ и я. Мы помѣщались въ избѣннѣ болгарина, въ ожиданіи событій подѣ Плевною. Присланный пригласилъ меня къ начальнику штаба, полковнику Новицкому. Штабъ помѣщался на дворѣ другого дома, въ концѣ деревни.

— Будьте столь любезны, пригласите ко мнѣ англійскихъ корреспондентовъ, я имѣю имъ передать кое-что— и сами приходите вмѣстѣ съ ними.

Сказано—сдѣлано. Мнѣ подѣернулись подѣ руку мистеръ Бойль и американецъ Джексонъ. Другихъ корреспондентовъ въ это время не случилось.

Мистеръ Бойль, низенькій, кругленькій, съ рыжеватойспаньодкою, маленькими, хитрыми, бѣгающими глазами, былъ чрезвычайно умный англичанинъ, начитанный, серьезный и дѣльный человекъ. Онъ былъ туркофилъ, но его туркофильство основывалось не на личныя выгоды

или смутныхъ симпатіяхъ, а на строгихъ убѣжденіяхъ, выработанныхъ при помощи спеціального изученія исторіи турокъ, ихъ быта, характера, нравовъ, образа жизни и т. д.

Мы явились къ Новицкому. Насъ окружили офицеры.

— Я имѣю къ вамъ порученіе, началъ Новицкій, обращаясь сначала къ Джексону.

— Это не онъ.. остановили его офицеры: — это американецъ.

— Въ такомъ случаѣ я имѣю къ вамъ порученіе, обратился Новицкій къ Бойлю: — мнѣ приказано передать письмо туркамъ. Пленные турки сообщаютъ въ этомъ письмѣ своимъ собратамъ о гуманномъ обращеніи съ ними русскихъ. Кроме того, мы желали бы передать просьбу Осману-пашѣ: позволить намъ убрать трупы нашихъ убитыхъ, гниющіе на полѣ битвы.

— Прекрасно, замѣтилъ Бойль; — въ чемъ же дѣло?

— Мы посылали парламентаря... вотъ капитанъ ѣздилъ вчера къ туркамъ, указавъ Новицкій на капитана: — но турки открыли по немъ огонь, не смотря на бѣлый флагъ и трубные звуки.

— А, понимаю! вы желаете значить составить объ этомъ протоколъ и опубликовать въ англійскихъ газетахъ? съ удовольствіемъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Новицкій, лукаво улыбаясь: — я желаю другого. Вы англичанинъ?

— Да, англичанинъ.

— Вы принадлежите къ націи, большинство которой дружелюбно относится къ туркамъ и не довѣряетъ намъ.

Бойль улыбнулся.

— Если хотите, да и нѣтъ.

— Позвольте... эти диспуты заведи бы насъ далеко... отвѣчайте прямо: турки ваши пріятели?

Бойль продолжалъ улыбаться.

— И такъ, турки ваши пріятели. Значить, вамъ, какъ другу, легче передать имъ это письмо. Вы собственнымъ опытомъ можете убѣдиться въ турецкомъ гостепріимствѣ.

„Вотъ была бы штука, еслибы въ самомъ дѣлѣ турки всадили пулю въ лобъ англичанина“, думали окружающіе, улыбаясь.

Бойль сконфузился до такой степени, что долге не могъ пріискать отвѣта.

— Я обязанъ корреспондировать въ газету, редакція которой послала меня на театръ военныхъ дѣйствій. Развозить письма, хотя бы въ качествѣ парламентаря, вовсе не входитъ въ кругъ обязанностей корреспондента. Если меня убьютъ, редакція лишится корреспондента, а посягать на интересы моей редакціи я не имѣю права.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ штабнаго двора. Молча пошли мы по улицѣ. Бойль былъ озадаченъ.

— Вы слышали? спросилъ онъ меня нервнымъ голосомъ.

— Слышалъ.

— Что же это такое значитъ?

Я молчалъ.

— Какъ тяжело быть иностранцу въ русской средѣ.

Мнѣ стало жаль Бойля, до того онъ сконфузился.

— Вы смотрите на это слишкомъ сурово, сказалъ я:—по моему, это лишь своеобразный отвѣтъ на ваши симпатіи къ туркамъ...

— Какое кому дѣло до моихъ личныхъ симпатій?

— То есть, до симпатій вашей націи?

— Еще того хуже!

Бойль окончательно разсердился.

Нельзя сказать, чтобы англичане этого не предвидѣли, когда они ѣхали въ армію. Англичане сразу поняли ха-

раakterъ нашихъ отношеній къ нимъ; поэтому, они сначала отвѣчали любезностью на любезности, оказанныя имъ въ главной квартирѣ. Достаточно прослѣдить за ихъ корреспонденціями, писанными въ началѣ войны, въ періодъ времени до перехода за Дунай, когда они придерживались преимущественно главной квартиры, чтобы убѣдиться въ тонкости ихъ поведенія. Всѣ корреспонденціи писались тогда въ духѣ, преисполненномъ хвалебныхъ гимновъ. Все было не только позволительно, но даже законно и желательно. И этимъ они оказали намъ большую услугу. Описаніе англичанами духа нашего войска, многотерпѣнія, мужества, кротости, строгой дисциплины, общаго порядка, прекрасной организаціи арміи—все это читалось турками и всею Европою, и если эти описанія не достигали цѣли въ Европѣ, то во всякомъ случаѣ они дѣйствовали на моральное состояніе турокъ въ ту минуту. Турки слушали англичанъ и трепетали, будучи уже и безъ того напуганы примѣрами прошлыхъ войнъ. Но потомъ, обстоятельства нѣсколько видоизмѣнились, а вмѣстѣ съ тѣмъ видоизмѣнились и отношенія къ англичанамъ. Послѣ историческаго дня 31 августа — мистеръ Форбесъ считалъ за лучшее уѣхать въ Лондонъ; мистеръ Бойль былъ высланъ изъ арміи за разоблаченіе какихъ то тайнъ; говорить, что Макъ-Гаханъ обижался на то, что ему не дали ордена; остальные англичане тоже уѣхали во свояси. Ихъ призывали политическіе интересы своего государства. Въ Англіи начались митинги, движеніе умовъ, парламентскіе дебаты. Нужно было кое-что разсказать волнующейся публикѣ.

Къ французамъ относились въ арміи совершенно индифферентно: впрочемъ, французы и не заслуживали иного отношенія, потому что большинство изъ нихъ дальшее

Бухареста не ѣздило и никто изъ нихъ ничѣмъ не отличался отъ пресловутаго г. Ивана-де-Вестина, корреспондента не менѣе пресловутаго „Figaro“. Ихъ можно было встрѣтить въ гостяхъ у соотечественницъ-кокотокъ, проживавшихъ въ Бухарестѣ; ихъ можно было встрѣтить въ кафе, въ театрѣ, но они очень рѣдко показывались въ рядахъ арміи, а если и показывались, то непременно вблизи перевязочныхъ пунктовъ. Если въ лицѣ англійскихъ корреспондентовъ мы встрѣчали людей строго-спеціальныхъ, разумныхъ и пытливыхъ, то въ обществѣ французовъ находились такіе, которые сегодня пишутъ военную корреспонденцію, а завтра сочиняютъ опереточныя либретто или ведутъ хронику изъ жизни маленькихъ парижскихъ театровъ.

Нѣмецкіе корреспонденты, исключая г. фонъ-Гуна, отставнаго лейтенанта прусской службы, специально выпедшаго въ отставку для того, чтобы поѣхать на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента „Кёльнской Газеты“ (замѣтите: опять недружелюбной намъ газеты), были преимущественно отмѣтчивы безцвѣтны. У нихъ ни хватало ни энергіи англичанъ, ни любезности французовъ, ни интереса къ самымъ событіямъ войны. Ихъ понимали въ арміи „нашими друзьями“, и они примыкали всегда къ русскимъ нѣмцамъ. На этотъ счетъ у нихъ былъ нюхъ удивительный; выѣдетъ нѣмецкій корреспондентъ на поле, повѣсть вѣтеръ—онъ уже знаетъ, гдѣ корпусъ барона Криденера стоитъ, или дивизія Шильдеръ-Шульднера. Въ своихъ корреспонденціяхъ нѣмцы корреспонденты описывали подвиги корпусовъ, въ которыхъ они находились, оправдывали ошибки пріятелей, или поэтизировали на тѣму выпитой чарочки, при лунномъ свѣтѣ, въ лагерь казаковъ, которые ѣздятъ „на особенной породѣ лошадей, называемыхъ конями“.

Итальянцы, немногіе испанцы и шведы — объ нихъ нечего говорить: ихъ было и немного, да и литературою этихъ націй мы мало интересуемся.

Русскіе корреспонденты! вотъ наше горе. Увы! русскій писатель нашихъ дней совсѣмъ особенный человѣкъ, и судьба и дѣятельность этого человѣка до такой степени несчастны, что одно воспоминаніе объ условіяхъ этой дѣятельности можетъ отравить весь организмъ, какъ отравляютъ здороваго человѣка міазмы тифозной горячки, нарывающія въ окружающемъ воздухѣ.

Когда я ѣхалъ въ армію, публика говорила мнѣ: „куда вы ѣдете?.. ворочайте назадъ!.. совѣтую!... официальнымъ корреспондентомъ будетъ г. Всеволодъ Крестовскій“.

А когда я пріѣхалъ въ армію и встрѣтился въ первый же день, вечеромъ, съ г. Всеволодомъ Крестовскимъ на телеграфной станціи, то онъ мнѣ сказалъ:

— Допустятъ-ли васъ корреспондентовъ въ армію?— это еще вопросъ!.. а если и допустятъ, то, вѣроятно, подчинять этапному начальнику.

„Что-то раненько отсылать меня къ этапному начальнику“, подумалъ я; однако, ничего невѣроятнаго мнѣ въ этомъ не показалось.

Наконецъ, меня обрадовали извѣстіемъ, что корреспондентовъ допустить.

— А цензура будетъ? спрашиваю.

— Помилуйте, какая цензура! разъ допуская васъ въ армію, мы не только не намѣрены подчинять васъ нашей цензурѣ, но готовы вамъ, какъ русскому корреспонденту, дѣлать всевозможныя предпочтенія передъ иностранцами.

Я такъ и понялъ это буквально, понялъ и обрадовался. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему цензура по отношенію къ

намъ, русскимъ корреспондентамъ? За спиною стояли ликующіе редакторы, вокругъ насъ была ликующая толпа читателей, наконецъ, въ арміи насъ окружали ликующіе воины. Да если я не буду ликовать—меня никто и читать не станетъ. Прежде всего мы „патріоты своего отечества“, и затѣмъ всякій изъ насъ отлично зналъ, что нельзя обнаруживать военныя тайны. Вѣдь англичане же были допущены всюду безъ различія направленія, и подчинить ихъ какой бы то ни было цензурѣ было немислимо,—отчего же и намъ, русскимъ корреспондентамъ, не дать такихъ же льготъ? Лелѣя эту мысль, я уже началъ предвкушать прелести ея осуществленія, какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро (по утрамъ мы являлись обыкновенно къ полковнику Газенкампфу, который былъ посредникомъ между нами и главною квартирою и котораго нѣмцы называли: „unsere Mama“, мнѣ показали телеграмму, касающуюся насъ, и приказъ, согласно которому было поставлено въ обязанность остерегаться разговоровъ съ корреспондентами. „Конечно, не съ нами, подумалъ я:—а съ иностранцами, съ англичанами!“ Прошло еще нѣсколько дней, и я принужденъ былъ убѣдиться въ томъ, что и по отношенію къ намъ, русскимъ корреспондентамъ, приказъ сталъ исполняться съ буквальною точностью. Куда бывало ни сунусь—всѣ отъ меня, какъ отъ чумы. Я началъ было искать общанныхъ „предпочтеній“, „указаній“, „совѣтовъ“ и т. д., но увы!.. я вошелъ въ общую группу людей различныхъ національностей, которые ежедневно являлись къ полковнику Газенкампфу за новостями дня.

— Il n'y a rien de nouveau, messieurs; une petite canonade de coté d'Olténiza, говорилъ намъ полковникъ.

Эта фраза сдѣлалась на устахъ полковника до того

стереотипной, что я уже начал думать, что вся славянская драма сведется къ тому, что „il n'y a rien de nouveau“ и т. д. Фраза эта даже разсердила, наконецъ, Ивана де-Вестина, и онъ немедленно замѣтилъ въ своей газетѣ, что онъ, Иванъ-де-Вестинъ, увѣренъ въ томъ, что когда у полковника родится ребенокъ, то отецъ будетъ качать своего сына въ люлькѣ съ припѣвомъ: „il n'y rien de nouveau; une patite canonade de côté d'Olténiza“ ... Между тѣмъ, корреспонденты англійскихъ газетъ быстро сдѣлались кумирами.

Все это меня, конечно, огорчало, не не оскорбляло, потому что это вѣдь относилось не ко мнѣ лично, а всецѣло къ вамъ дорогіе читатели. Такимъ образомъ, не успѣвъ еще оцѣнитися (это общее направленіе нашей литературы: щетиниться), а напротивъ того, подчиняясь покладистой натурѣ русскаго человѣка, имѣющаго обыкновеніе ликовать еще болѣе, если его поглазятъ по головкѣ, я вдругъ почувствовалъ, какъ я съ самаго же начала началъ залѣзать въ раковину неуязвимости, въ скорлупу совершеннаго равнодушія. Сначала я испугался мрака, спустившагося передъ моими глазами, а потомъ, опять-таки по свойству русскаго человѣка, махнулъ на все рукою. Махнулъ я рукою, отвергнутый, такъ сказать, начальствомъ и дипломатіей, отвернулся отъ сильныхъ и вѣшался въ общую толпу русской публики.

Съ тѣхъ поръ, я сдѣлался Подхалимовымъ. Представители арміи, общества и свои собраты по перу такъ меня и поняли, и всѣ сходились въ смыслѣ этого пониманія, хотя всякій помнилъ, что и Подхалимовы — народъ до нѣкоторой степени „полезный“.

— Ахъ, здравствуйте... очень радъ васъ видѣть...

истали, выньте-ка вашу записную книжку из кармана, и вам кое-что интересное расскажу.

— Ну, рассказывайте.

— Вхаль я, знаете, берегом Дуная съ моимъ генераломъ (имя рекъ)—на рекогносцировку зашли, вчера только вернулись—вхали мы въ открытой коляскѣ, берегъ, знаете, открытый, турки съ той стороны все видѣли; вдругъ, откуда ни возьмись! турецкій мониторъ лѣзетъ...

— Куда? на берегъ?

— Нѣтъ же, онъ выльзъ изъ-за острова... выльзъ оттуда, да какъ пустить, знаете, гранату, прямо въ коляску; кучеръ наклонился, а граната пролетѣла съ ревомъ надъ нашими головами, ударилась въ двухъ шагахъ, да какъ разорвется!

— Что же генераль?

— Удивительный человекъ!.. „стой“! говорить кучеру. А самъ взялъ бинокль, да и навелъ его на мониторъ... Вы это запишите!.. удивительной храбрости человекъ!.. представьте наше душевное состояніе въ эту минуту!.. мониторъ лѣзетъ, а мы стоимъ... кучеръ-румынь стрелка задалъ: казаки даже побѣднѣли, а мы стоимъ!.. Вы это запишите!..

— Чѣмъ же кончилось?

— Мониторъ стрѣлялъ, стрѣлялъ въ нѣсколько сажень отъ насъ... ну, и ушелъ, а мы уѣхали.

— Безъ кучера?

— Самъ возжи взять, кончилъ рассказчикъ не запинаясь.

Не думайте, что это рассказъ исключительный. Нѣтъ, это всегда и совѣмъ такъ было, съ кѣмъ я ни говорилъ. Хотите провѣрить? не угодно ли развернуть любую страницу любой газеты; прочитайте—и убѣдитесь.

Мистеръ Форбесъ прїѣзжалъ въ Петербургъ. Я посѣтилъ его.

— Вы теперь куда поѣдете?

— Не знаю; редакція убѣдительно проситъ меня поѣхать опять въ армію...! только едва-ли я поѣду.

— Отчего же не ѣхать?

Мистеръ Форбесъ улыбнулся, приподнялъ плечи, спрятавъ въ нихъ голову, запустилъ руки въ карманы и житированно прошелся по комнатѣ. Какъ будто не-задрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Я написалъ брошюру въ Лондонѣ...

Слышали.

— Этой брошюрой я предпослалъ предисловіе, въ которомъ, упоминая о награжденіи меня орденомъ, я...

— И это слышали, перебилъ я его.

— Въ такомъ случаѣ вы понимаете, что едва-ли мнѣ возможно вернуться въ армію.

— Отчего же?

— А какъ вдругъ со мною случится тоже самое, что случилось съ мистеромъ Бойлемъ?

— Вы отъ этого во мнѣніи англичанъ не потеряете...

— Положимъ... Но, знаете, я не могу себѣ представить, чтобы можно было пережить что-нибудь подобное.

„Чудакъ“! думалъ я въ эту минуту. Оказывается, что мы просто не понимали другъ друга.

Не понимая другъ друга въ сношеніяхъ съ англичанами, мы однако-жъ, отлично понимали другъ друга въ своемъ обществѣ.

Однажды вечеромъ, мы сидѣли въ одномъ изъ садиковъ гор. Пловиты. Наше общество составляли: два русскихіхъ корреспондента, инженерный подполковникъ и гвар-

дейскій штабъ-ротмистръ, товарищи и друзья котораго состояли преимущественно при штабѣ. Разговоръ шелъ по поводу какого-то событія тогдашнихъ дней.

— Еслибы я былъ корреспондентомъ, воскликнулъ подполковникъ въ минуту увлеченія:—я бы такъ и такъ отнесся къ этому дѣлу; жаль, что я не пишу...

— Хотите, я вамъ устрою, что вы будете писать? сказалъ я ему.

— Очень радъ...

— Позвольте! грозно воскликнулъ штабъ-ротмистръ:—надѣюсь, что мнѣ не придется напоминать вамъ вашихъ словъ, сказанныхъ при постороннихъ свидѣтеляхъ! Честь моего мундира заставляетъ меня „доложить“ ваши слова кому слѣдуетъ... я—штабъ-ротмистръ, а вы—полковникъ...

Съ этими словами, штабъ-ротмистръ приложилъ руку къ козырьку.

— Вы видите: я отдаю вамъ должное; но, г. полковникъ, я считаю ваши слова оскорбленіемъ мундира, который мы одинаково носимъ съ вами. Вы хотите быть корреспондентомъ... это простительно вотъ имъ...

Съ этими словами, онъ указалъ на насъ. Мы, конечно, обидѣлись; но штабъ-ротмистръ слишкомъ разгорячился и не слушалъ насъ.

— Это непростительно, г. полковникъ!.. ваша обязанность заключается въ защитѣ части армии и отечества, а не въ томъ, чтобы унижаться до степени „строчилы“.

Тутъ поднялся такой гвалтъ, который могъ кончиться Боже знаетъ чѣмъ; но, въ концѣ-концовъ, скандальчикъ, конечно, уgomонился. Однако подполковникъ очень долго и весьма энергично искалъ случая помириться съ штабъ-ротмистромъ, и я узналъ потомъ, что онъ даже отказался отъ своихъ словъ, признавъ правильность и благородство

всегда штабъ-ротмистра, потому что былъ совершенно увѣренъ въ возможности „доклада“ и напередъ зналъ, что и другіе, то есть и тѣ, кому хотѣли декладывать, и тѣ, къ обществу которыхъ принадлежалъ штабъ-ротмистръ, вполне раздѣлять его взглядъ.

Когда я рассказывалъ объ этомъ случаѣ челоѣку разумному, но стоявшему, по своему положенію, близко къ единомышленникамъ штабъ-ротмистра—этотъ челоѣкъ удивился:

— Неужели это правда? вотъ чудакъ-то!..

Но либеральное сужденіе этого челоѣка, однако, не мѣшало ему сказать, при случаѣ, корреспонденту:

— Вотъ у васъ въ такой-то корреспонденціи...

(А въ „такой-то“ корреспонденціи были высказаны кой-какіе упреки).

— Да! такъ вотъ въ такой-то корреспонденціи у васъ... какъ вамъ сказать?... у васъ верались нѣкоторыя ошибочки...

— Если это действительно ошибки, на нихъ можно возражать или ихъ исправить.

— Да, конечно!.. но это вѣдь я такъ говорю... за-чѣмъ же!.. я такъ сказалъ, чтобы только васъ навѣстить... Свѣрая часть, т. е. настоящая армія, относилась къ русскимъ корреспондентамъ нѣсколько иначе. Идетъ бывало, по дорогѣ бригада; жара невыносимая, солдатики еле-еле влечать ноги, а сами такъ вотъ и отчеканиваютъ каждое слово:

Суена дкуются, нѣтки раутся.

Коло меня, молодой, солдатики вьются!

Хоть вы вейтеса, хоть не вейтеса,

На меня, да на молодку не надѣйтеса!

Я ихъ перегоняю верхомъ. Солдатики съ любопыт-

ством осматриваютъ съ головы до ногъ штатскаго чело-
вѣка и острять про себя: „турна ѣдетъ“!

— Болгаринъ, а не турка.

Не мало они удивятся, когда я, бывало, обращусь
къ фельдфебелю:

— Какая бригада?

— Такая-то.

— Кто командуетъ?

— Генераль Х.

— Какой полкъ?

— Такой-то.

— Куда вы идете?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Такъ, говорю:—любопытно.

— Нѣтъ, однако?

— Просто такъ.

— Кто вы такіе будете?

Физиономія фельдфебеля вдругъ приметъ депрашиваю-
щее выраженіе.

— Все равно не поймешь, если я тебѣ и скажу,
кто я такой.

— Нѣтъ, позвольте... однако, все-жъ-таки? Вы откуда
ѣдете?

— Изъ Россіи.

При такомъ моемъ отвѣтѣ фельдфебель окончательно
усомнится. Солдатики наострятъ уши, любопытство ихъ
возростаетъ.

— Что-жъ, коли такъ, Иванъ Филиппычъ, можно ихъ
и предоставить куда слѣдуетъ, скажетъ солдатъ фельд-
фебелю.

— Извѣстное дѣло... кто вы такіе будете? возвысить
голосъ фельдфебель.

— Корреспондентъ.

— Корреспондентъ?.. что такое, понять не могу.

— Нешто не видите—русскій ъдетъ! заступится другой солдатикъ.

— Знай—помакивай, не твое дѣло... тоже, братъ, по нынѣшнимъ временамъ смекать надо, глубокомысленно замѣтить фельдфебель и, ради большей внушительности, приложить даже палецъ къ своему лбу.—Доложи-ка его благородію, на всякій случай! прикажеть онъ солдатику.

Явится прапорщикъ.

— Ваше бл-діе, они все спрашиваютъ, какъ, что, почему, какая бригада, куда идетъ? Кто они будутъ—богъ ихъ знаетъ!

Какъ только дѣло объяснится, такъ сейчасъ всѣ эти прапорщики, поручики, капитаны, не исключая полковниковъ—обступать со всѣхъ сторонъ и смотреть прямо въ глаза. Чисто русское гостепріимство, радушіе, простота, эти отличительныя черты простого русскаго чело-вѣка скажутся сейчасъ же.

— Вы корреспондентъ?

— Корреспондентъ.

— Ахъ, очень пріятно! сдѣлайте милость, не хотите ли закусить?

Каждый потянетъ въ свою сторону.

— Вы гдѣ будете ночевать?

— Вотъ у нихъ въ палаткѣ.

— Нѣтъ... ночуйте у меня...

— А то ко мнѣ милости прошу...

— Благодарю васъ.

— Часто вы пишете?

— По возможности.

— Пишите, батюшка, пишите; вот насъ компанія жидовъ одолѣваетъ; обозы ломаются—все гниль.

— Многого писать будетъ нельзя, скажешь имъ.

— Жаль, очень жаль, замѣтять въ отвѣтъ; но замѣтять такимъ тономъ, что и не знаешь какъ думать: дѣйствительно ли имъ жаль, или такъ себѣ?

— Вотъ тоже, г. корреспондентъ, нельзя ли обратить вниманіе на положеніе солдатъ... Солдатамъ тяжело идти, ранцы очень нагружены.

Всѣ продолжаютъ радоваться присутствію обличителя пока сидишь вмѣстѣ съ ними; расскажем тебѣ всю подноготную, вывалять всѣ анекдоты, только... только дальше этого нейдетъ. А коснешся какогонибудь генерала—генераль сейчасъ же обидится: никогда еще онъ ничего про себя не читалъ при всей нашей гласности.

Опоздаешь, бывало, къ побѣдѣ—сейчасъ вамъ говорятъ:

— Что-жъ вы, батюшка, опоздали?.. вотъ теперь и пеняйте на себя! Вотъ вы сами себя и лишили хорошей тѣмы для корреспонденціи. Мы побѣдили, а вы не видели; ну, что вы теперь будете писать?

Очевидно, ему кажется, что кромѣ, какъ о побѣдѣ, корреспонденту писать нечего.

Вообще, тяжело было положеніе наше въ арміи; оно становилось еще тяжелѣе, принимая во вниманіе невообразимыя для человѣка спокойной, домашней жизни, лишенія, нужды, жажды, голода, вѣчнаго пресмыканія и впечатлѣнія ужаснѣйшихъ страданій человѣчества. Англичане — тѣ, по крайней мѣрѣ, хотъ капиталы составляли во время войны; а мы и того были лишены.

VIII.

Въ Плоэштахъ. — Политическая партія въ Румыніи. — Движеніе войскъ.

Въ гер. Плоэшту прибыла главная квартира и этому городу суждено было быть центромъ общаго движенія арміи и исходнымъ пунктомъ ея дѣйствій и направленій.

Городъ Плоэшту считается въ Румыніи вторымъ городомъ послѣ Бухареста по своей величинѣ и численности городского населенія, равно какъ и по важному виду. Онъ стоитъ почти на серединѣ желѣзной дороги, связывающей Браиловъ съ Бухарестомъ (нѣсколько ближе къ Бухаресту), и представлялъ весьма удобный пунктъ сообщенія съ лѣвымъ и съ правымъ флангами войскъ, расположившихся на Дунаѣ. Части нашихъ войскъ заняли берега Дуная, начиная отъ Рени и кончая правымъ флангомъ, остановившимся у мѣстечка Турнъ-Магурели, находящагося противъ турецкой крѣпости Николель. Все небольшое береговое пространство отъ Турнъ-Магурели до австрійской границы было занято румынскими войсками, причемъ крѣпость Калафатъ служила главнымъ средоточіемъ румынской артиллеріи.

Съ именемъ раздѣлявшаго насъ отъ румынъ города, Турнъ-Магурели, связывалось воспоминаніе румынъ о кровопролитной битвѣ, происходившей въ его окрестностяхъ, въ 1598 году, между турками и румынами, состоявшими тогда подъ командою Михаила Браваго, которому потомки воздвигли памятникъ въ Бухарестѣ, на площади противъ университетскаго зданія. Съ именемъ этого города связаны многія воспоминанія о нашихъ дѣятеляхъ войны

1853 года. Самъ по себѣ, Турнъ-Магурели, маленький городокъ съ 5,000 жит., стоитъ при впаденіи рѣки Ольты въ Дунай. Согласно задуманному плану и выбору мѣста переправы, это былъ важный стратегическій пунктъ на Дунаѣ, потому что рѣка Ольга давала намъ возможность сплавлять матеріалы и средства, необходимыя для переправы, а Виминца была въ близкомъ разстояніи отъ Турнъ-Магурели. Имя этого городка происходитъ отъ находящейся тамъ развалины древней башни, которая была построена въ времена Трояны; самый городъ былъ въ то время одной изъ многихъ колоній, устроенныхъ римлянами на берегу Дуная.

Но берега Дуная были заняты исключительно одними только пикетами, которые несли сторожевую службу. Главныя силы двигались внутри Румыніи, проходили черезъ Плоешты, миновали Бухарестъ и сосредоточивались около Александрии. Одна часть войскъ, корпусъ генерала Циммермана, находилась около Браилова. Армія пряталась до поры до времени, а въ этой таинственности заключалась лучшая сторона задуманнаго плана. Всякій ждалъ момента, когда вся армія сразу выростетъ какъ изъ земли въ известномъ пунктѣ, и корреспондентамъ въ особенности хотѣлось знать мѣстоположеніе этого пункта: такъ сильно интересовалась вся Европа труднымъ маневромъ переправы черезъ Дунай. Городъ Журжево былъ серединою растянутыхъ пикетовъ и эта середина, будучи *vis-à-vis* Рушукъ, находилась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ генерала Скобелева 1-го, у котораго былъ начальникомъ штаба его сынъ, Скобелевъ 2-й, командовавшій въ то время летучимъ отрядомъ, составленнымъ изъ кубанскихъ, терскихъ и донскихъ козаковъ. Еще за долго до переправы, на генерала Скобелева 2-го

возлагали большія надежды; имя его уже пользовалось популярностью въ арміи. Ходилъ слухъ, что Сикобелу 2-му предстоитъ чрезвычайно интересная экспедиція съ летучимъ отрядомъ на Софію, причемъ его отрядъ будетъ совершенно изолированъ отъ остальной части арміи и дѣйствія этого отряда представлять собою рядъ интереснѣйшихъ эпизодовъ военной хитрости, отваги и всевозможныхъ приключеній. Но это были одни только предположенія, не имѣющія никакихъ основаній, какъ показали послѣдствія.

Вслѣдъ за главною квартирою въ городѣ Плоешти прибыла вся организація дѣйствующей арміи, всѣ ея отдѣльныя административныя учрежденія: интендантство, казначейство, инженерное вѣдомство, главная почта, и проче, всѣ насыщающіе армію элементы; такъ что населеніе города, съ 30,000 румынскихъ жителей, приняло чрезвычайно оживленный и необыкновенно пестрый колоритъ.

Что касается внѣшняго вида этого, нынѣ историческаго города, то онъ же представляетъ собою рѣшительно интересное. Центръ образуютъ высокія, намоленные зданія, построенныя по общеевропейскому плану. Этотъ центръ окруженъ притгородомъ съ низенькими зданьями, широко раскинувшимися по городскому пространству безъ всякой симметріи; одинъ домъ отдѣляется отъ другого широкимъ садомъ или дворомъ; одна улица принимаетъ направленіе, совершенно независимое отъ направленія сосѣдней улицы; вслѣдствіе этого, происходитъ такой кавардакъ въ общей планировкѣ города, что заблужденному человеку приходится долго изучать переулки и закоулки, чтобы находить тотъ домъ, въ которомъ онъ остановился. Эта особенность придаетъ румынскому городу характеръ

интересныя подробности. Судя по обилию лавокъ и магазиновъ, Плевны — городъ торговый. Много гостинницъ въ городѣ. Всѣ онѣ сосредоточиваются въ центрѣ и не отличаются комфортомъ. Содержатели гостинницъ преимущественно австрійцы, драли съ русскихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Въ городѣ сосредоточилось такъ много русскаго элемента, что едва ли находился домъ, въ которомъ не стоялъ бы русскій офицеръ или чиновникъ. Но нельзя сказать, чтобы румыны охотно уступали свои комнаты русскимъ, какъ и нельзя было понаблюдать вообще дружественности отношеній между нами и румынами. Мы жили двумя совершенно раздвоенными обществами и рѣшительно не находилось почвы, на которой могли бы мы сойтись съ румынами. Общественной жизни въ городѣ не было никакой. Развлеченій ожидали; безъ нихъ было скучно, мы не знали какъ коротать вечеръ и какъ убивать время; казалось, что дѣла было много, но въ сущности работали: телеграфъ, штабъ, двѣ чиновники, заваленные письмоводствомъ въ своихъ канцеляріяхъ; затѣмъ, большая часть общества оставалась праздною, и въ четвергъ каждый искалъ пріюта въ небольшихъ садикахъ городскихъ гостинницъ. Единственное развлеченіе въ городѣ — плохенькій циркъ, да временами набежали сюда итальянскіе артисты изъ Бухареста. Коротать вечера въ гостинницахъ вонюю въ обыкновеніе очень скоро. Въ садикахъ этихъ гостинницъ сосредоточивался городской beau monde и можно сказать все офицерство. Жаркая и душная погода днемъ быстро смѣнила дождливые дни весенняго времени, такъ что прохлада вечера вытывала обыкновенно изъ дому каждаго, спасавагоса днемъ въ комнатахъ отъ солнечнаго зноя. Въ особенности много публики собиралось обыкновенно въ гостин-

нингъ „Молдавія“, гдѣ за стаканомъ плехенькаго вина, бесѣда длилась за полночь. Каждый вечеръ сюда являлись расфранченныя дамы городского общества. Общество размѣщалось особнякомъ: русскіе съ русскими, румыны съ румынами, причемъ весь вечеръ проходилъ въ нѣмомъ созерцаніи другъ друга. Въ садахъ играли небольшіе оркестры венгерскихъ цыганъ. Это было постоянное и несносное терзаніе слуха исполненіемъ какихъ-то необычайно-заунывныхъ пѣсень или романсовъ, и притомъ въ переводѣ на русскій языкъ, а именно:

„Ахъ, если-бъ я
Любилъ тебя—
То полюбила-бъ ты меня“ и т. д.

Или же это было дикое, необузданное ерзаніе смычкомъ по струнамъ, на венгерскіе мотивы, причемъ по тѣлу слушателя пробѣгала невольная дрожь и нервы его ходили ходуномъ.

Необходилось и безъ курьезовъ. Помню былъ такого рода случай:

— „Ахъ, если-бъ я, любилъ тебя“... подтягивалъ однажды вечеромъ молодой интендантскій чиновникъ, сидя съ товарищемъ за маленькимъ кругленькимъ столикомъ.

Публики было много и вся она находилась въ веселомъ расположеніи духа. Со всѣхъ сторонъ только и слышалось:

— Человѣкъ! эй! „биръ“!.. „биръ“!.. эй, ты!.. „биръ“ давай сюда, „биръ“!.. „Биръ“ такъ и висѣть въ воздухѣ. Молодые чиновники наклонившись, другъ къ другу, вели между собою разговоръ. Одинъ изъ нихъ казался чрезвычайно озабоченнымъ.

— Ты когда ѣдешь въ Бухарестъ?

— Надо завтра ъхать... непременно надо ъхать, я и такъ два дня просрочилъ.

— Побѣжай завтра.

— Дай два золотыхъ.

— Нѣту, братъ.

— Чортъ возьми, не на что выѣхать.

Озабоченный чиновникъ началъ грызть себѣ ногти.

— Что дѣлать?.. эй, человѣкъ!.. давай биръ!

— Погоди немного, черезъ два дня жалованье получу—дамъ.

— Невозможно! Завтра надо выѣзжать.

— Чортъ возьми, плохо! Сходи въ агенство къ Когану.

— Былъ.

— Взялъ?

— Взялъ.

— Куда дѣлъ?

— Селивановъ, анаеема, вчера подвернулся,—ну, и закрутили.

— Досадно!.. Стой!.. идея!..

— Ну?

— Возьми у хозяина.

— Гостинницы?

— Да!.. вещи оставь...

— Хорошо!.. только какъ бы ему объяснить.

— По-французски онъ говорить?

— Говорить.

— Зови его, я объясню...

— Отлично! Вонъ хозяинъ! Мусью! мусью!.. пожалуйста сюда!

Къ чиновникамъ подошелъ пріятный брюнетъ итальянскаго типа, въ бархатномъ, изрядно поношенномъ пид-

шнѣ, въ клѣтчатыхъ штанахъ и лайвовыхъ подуботникахъ, съ черною какъ смоль вскальбою. Элегантно расшаркиваясь ножкою, онъ остановился:

— Eh bien messieurs?

— Вуаля!.. русь! ткнулъ пальцемъ одинъ чиновникъ въ другого:— русь... чиновникъ... компрене?.. какъ бинь чиновникъ по-французски?.. Позабылъ! чортъ возьми!

— Все одно, говори какъ нибудь.

— Русь!.. русь, компрене?

— Oui, monsieur!.. moi je suis italien! отвѣчаетъ итальянецъ, граціозно откинувъ ножку въ сторону.

— Ну, вуй... тре биень!.. вуаля!.. доне... де наполеонъ...

— Napoleons dites vous? изумился итальянецъ, выпучивъ глаза.

— Ну, вуй, доне!.. иль!.. иль!.. тычетъ чиновникъ чиновника:— иль... ранде ву...

— Mais... sacré nom!.. хохочетъ итальянецъ:— c'est tres bien ça, vous avez des chances!

Переводчикъ выпучилъ глаза.

Зовутъ на выручку третьяго чиновника изъ почтового вѣдомства. Тотъ объяснился довольно правильно.

— Вотъ этотъ господинъ, русскій интендантскій чиновникъ, съ откровенничать итальянцу помощникъ почтмейстера, указывая на молоддаго интенданта, не имѣетъ денегъ при себѣ. Онъ живетъ здѣсь въ гостинницѣ; ему непремѣнно завтра надо ѣхать въ Бухарестъ по службѣ... тамъ онъ получить жалованье и скоро вернется назадъ. Вещи его останутся здѣсь въ гостинницѣ. Онъ проситъ у васъ два золотыхъ взаймы. Вы запишите ихъ въ общій счетъ, а потомъ онъ расхитается.

Итальянецъ растерялся.

— Хорошо, отвѣтитъ итальянецъ: — только у меня тоже денегъ нѣтъ; если позволите, я передамъ вашу просьбу моему импрессарио.

— Какому импрессарио?.. Что такое?.. Ничего не понимаю, заговорили всѣ чиновники сразу: — Да вы-то кто такой?

— Я?

— Вы хозяинъ гостиницы?

— Я?.. я?.. гордо выкрикнулся итальянецъ: — Нѣтъ, милостивый государь, обидѣлся онъ: — я первый теноръ итальянской оперы!

Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе скуки, которая почему-то всегда преслѣдуетъ русскаго человѣка по пятамъ, рѣшительно всѣ сосредоточивались ежедневно въ одинахъ, еле-еле освѣщенныхъ небольшимъ количествомъ фонарей и украшенныхъ четырьмя жалкими деревцами. „Молдавія“ была нѣкоторымъ образомъ такимъ маленькимъ военноположеннымъ Пальовскомъ.

Болѣе мѣсяца пришлось намъ скучать въ Плоэштахъ. Дунай постепенно и медленно входилъ въ свои обычные берега; морини продолжали работы по части минныхъ загражденій; отдѣльные лица штаба получали временами порученія съ цѣлью рекогносцировокъ. Продолжительное житье въ Плоэштахъ, при волнующихъ вопросахъ будущаго, вызвало сознание нѣкоторой медленности военныхъ дѣйствій. Румыны начали уже высказывать предположеніе, что между турками и русскими будетъ заключенъ миръ, прежде чѣмъ наши войска перейдутъ Дунай. Дальнезорность ихъ политики основывалась, между прочимъ, на томъ соображеніи, что въ Плоэшту прибылъ Государь съ полнымъ составомъ своей дипломатической канцеляріи. Сверхъ того, румыны разсуждали, что русское прави-

тельство потому медлить въ своихъ дѣйствіяхъ, что желаетъ выиграть время, пока кавказская армія сдѣлаетъ свое дѣло въ Азіи. Это было время, когда изъ Азіи приходили извѣстія объ энергичномъ наступленіи русскихъ войскъ. „Турки, получая пораженія, разсуждали румыны:—смеянуть, что имъ лучше спасти Азію, въ которую они должны будутъ ретироваться изъ Европы, чѣмъ потерять то и другое“. Увы! какъ ни сладко было намъ слышать эти рѣчи, но то были рѣчи праздныя.

Изъ политическихъ условій нашихъ отношеній къ румынамъ сложились и наши общежитейскія отношенія. „Ничего общаго“ — вотъ девизъ этихъ отношеній. „Румыны сами по себѣ, мы—сами по себѣ“.

— Какой жалкій народъ! говорили мы часто, глядя на румыновъ: — какая у нихъ армія! что за люди! что за порядки—чортъ знаетъ, что такое! а администрація?.. Въ сущности, это жалкая горсть несчастнаго народа, который топорщится и лѣзетъ куда-то... посмотрите, вонъ ѣдетъ, напимѣръ, кавалеристъ!.. ха!.. ха!.. ха!

Однажды вечеромъ, въ садикѣ „Молдавіи“ сидѣло общество офицеровъ; между ними были иностранные корреспонденты. Разговаривали на французскомъ языкѣ по поводу предстоящаго перехода и будущихъ событій въ Болгаріи.

— Что то будетъ?... сказали одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не бойтесь, господа, наивно отвѣтилъ ему румынскій офицеръ, помѣщавшійся за сосѣднимъ столикомъ:— не бойтесь, мы идемъ съ вами и поддержимъ васъ на случай надобности.

Какой хохоть возбудили эти наивныя слова румына!

— Слышите, что онъ говоритъ? мы васъ поддержимъ!.. они насъ поддержать!.. комики эти румыны!

Условія народной жизни румынъ, дѣйствительно, заставляютъ желать многого. Насколько я приглядѣлся къ румынской интеллигенціи, эта одна изъ самыхъ антипатичныхъ интеллигенцій Европы. Исторія Румыніи говорить, что румынскій народъ находился долгое время подъ страшнымъ гнетомъ румынскихъ бояръ. Нашелся свѣтлый умъ, который освободилъ валаховъ и молдаванъ отъ ига бояръ и вотъ, вслѣдъ за крестьянской реформой, Румынія становится конституціоннымъ государствомъ. Крестьянская реформа въ Румыніи произошла довольно выгодно для крестьянъ, и значительно способствовала раззоренію румынскихъ бояръ, при ихъ страстишекъ пожить широко и воспитываться непременно за-границею.

Народное образованіе не успѣло еще достаточно подготовить румынскій народъ къ исполненію обязанностей народнаго депутата, а румынскіе бояре успѣли уже раззориться окончательно. Привычка широко пожить, захватывши верхушекъ въ парижскихъ школахъ, способствовала этому раззоренію. Боярамъ, бывшимъ деспотамъ, ни къ чему серьезному неподготовленнымъ, и лишеннымъ средствъ къ жизни, ничего больше не оставалось, какъ захватить въ свои руки бразды государственнаго правленія въ Румыніи, и вотъ эти лица, вѣнчающія ничего общаго съ народомъ, становятся защитниками народныхъ интересовъ. Само собою разумѣется, что между сенатомъ и палатою сейчасъ же рождается разъединенность и идетъ постоянная ожесточенная вражда между партіями. Нѣтъ другого государства въ Европѣ, гдѣ бы разъединенность политическихъ мнѣній была такъ значительна, какъ въ Румыніи. На правительственную должность смотреть, какъ на доходное мѣсто, или какъ на средство вывести въ люди своего родного, или добраго пріятеля. Такимъ образомъ, нужды народа отходятъ на задній планъ.

Во главѣ консервативной партіи стоялъ въ то время министр иностранныхъ дѣлъ Михаилъ Кагольничано; искренній его другъ Василій Бояреско, издатель газеты „Presa“, былъ его горячимъ единомышленникомъ. Консервативная партія была сильна въ Румыніи, но и она дѣлилась между собою на фракціи. Существовалъ центръ, во главѣ котораго стоялъ министр финансовъ Братіано. Его другъ, даже болѣе, чѣмъ другъ, его правая рука, Розетти, издатель газеты „Romaniul“, славился въ Бухарестѣ іезуитизмомъ. Во главѣ либеральной партіи, значительно ослабѣвшей при началѣ войны, стоялъ туркофильствующій сенаторъ, Іонъ Гика. Замѣтимъ, что было время, когда Кагольничано былъ ярымъ либераломъ, но убѣжденія этихъ людей принимаютъ направленіе задущаго вѣтра. Братъ Іона Гика, Пантази Гика, издаетъ журналъ „Nuvilistul“. Министръ финансовъ Братіано занималъ въ тоже время должность и министра-президента.

Для того, чтобы пояснить существующія отношенія избирателей къ избраннымъ, достаточно сказать, что съ именемъ стоявшаго во главѣ министерства финансовъ неразрывно связано имя такого господина, какъ Струсбергъ. Извѣстно, что Струсбергъ, когда то рекомендованный Берлиномъ, взялся строить въ Румыніи желѣзную дорогу. Братіано занималъ въ то время мѣсто министра финансовъ. Когда Струсбергъ сдѣлалъ предложеніе принять на себя постройку желѣзной дороги въ Румыніи — палата отвергла это предложеніе. Но берлинская рекомендація имѣла слишкомъ вѣское значеніе въ глазахъ князя Карла и его помощника Братіано; поэтому, сказано было, что палата будетъ распущена, если она не дастъ концессіи Струсбергу, и... Струсбергу дали концессію. Конечно, онъ построилъ партонную дорогу. Но ранѣе конца ра-

ботъ обнаружился другой скандальчикъ, имѣвшій общевропейскую извѣстность. По условію Струсберга съ румынскимъ правительствомъ, первый обязанъ былъ внести залогъ и держать этотъ залогъ почему то въ Берлинѣ. Одинъ ключъ отъ портфеля съ залоговыми бумагами долженъ былъ находиться у Струсберга, другой—у румынскаго правительства. Однажды, во время желѣзно-дорожныхъ работъ, румынскому правительству вздумалось проконтролировать струсберговскій портфель въ Берлинѣ. Поѣхала туда комиссія и нашла залоговый портфель совершенно пустымъ. Г-ну Братіано ничего больше не оставалось, какъ пропѣть передъ депутатами пѣсню Лазаря, въ родѣ того, что „дѣлайте со мной, господа, что хотите, но что же будешь дѣлать теперь, когда и я и всѣ мы попали на удочку такого мошенника“.

Правда, что за портфель Струсберга — Братіано лишился своего собственнаго портфеля, но выборъ снова палъ на Братіано въ послѣдствіи, и избиратели опять поставили во главѣ министерства финансовъ человѣка весьма сомнительныхъ качествъ.

Извѣстіе о взрывѣ монитора героями Шестаковымъ и Дубасовымъ произвело необыкновенную сенсацию въ обществахъ русскихъ, находившихся въ Плоэштахъ. Новость о геройскомъ подвигѣ нарушила обычное теченіе вѣлой жизни, вызвала рядъ овацій, много говора, шума, надеждъ и ликованій. Это былъ второй случай въ морской исторіи всего свѣта и этотъ случай выпалъ на долю русскихъ моряковъ! Наконецъ, этотъ случай бросалъ совершенно новый, неожиданный свѣтъ на наше положеніе на Дунаѣ и отбѣнялъ до нѣкоторой степени силу и зна-

ченіе другихъ турецкихъ мониторовъ; не говоря уже о томъ, что онъ ведунгивилъ нашихъ моряковъ и значительно повліялъ на моральное состояніе турецкихъ рѣчныхъ командъ на Дунаѣ. Два удачныхъ взрыва одинъ послѣ другого! Было надъ чѣмъ призадуматься туркамъ.

Герои подвига были вытребованы въ главную квартиру. Рядъ овацій выпалъ на ихъ долю. Днемъ они обѣдали у великаго князя. Вечеромъ, первые георгіевскіе кавалеры въ прошлую кампанію были предметомъ любопытства публики, собравшейся въ саду „Молдавіи“. Герои появились въ саду въ большомъ обществѣ штабныхъ офицеровъ. Общество, окружившее героевъ, слилось безъ различія чиновъ и положеній; нашлась ночва, на которой вдругъ сошлись все. Каждый силился протянуть руку съ бокаломъ шампанскаго поздравить Шестакова и Дубасова. „Ура!“ вышло въ воздухъ. Обаяніе героевъ сказалось очень рѣзко. Но и во время этой оваціи, при всемъ томъ, что подвигъ героевъ сдѣлалъ ихъ общими и необходимымъ достояніемъ каждаго — героевъ и тутъ оттягивала какая то сила отъ массы и старалась заключить ихъ въ тѣсную среду, отстраняющую себя отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Какъ будто и герои дѣйствовали не во благо всей Россіи, а во благо только этой среды.

Помню, какъ герои, окруженные офицерствомъ, сидѣли за большимъ столомъ и вели оживленную бесѣду. Мнѣ необходимо было меремолвиться съ Шестаковымъ. Я подошелъ къ столу. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ офицеровъ поторопился дать мнѣ знать косвенно, что разговаривать съ Шестаковымъ нечего, что подвигъ его извѣстенъ въ подробностяхъ г. Всеволоду Крестовскому, который уже написалъ объ этомъ подробную корреспонденцію и послалъ ее въ Петербургъ.

Другая черта замѣчнаго отношенія окружавшихъ къ первымъ, дѣйствительно настоящимъ героямъ дня, была черта, какого то душевнаго волненія, которое безпокойно копошилось внутри человѣка, въ виду пріобрѣтенной героями популярности въ глазахъ такой массы людей, что просто страшно и подумать. Какъ ни выгодно пользоваться любовью „своего“ общества, но еще пріятнѣе быть любимцемъ всего народа. Это чувствовалось въ ту минуту каждымъ изъ окружавшихъ Шестакова и Дубасова.

— Что значить наша служба въ кавалеріи; говорили кавалеристы, искоса поглядывая на загорѣлыя, обросшія бородами лица и на мовелистые руки моряковъ, день и ночь работавшихъ на Дунаѣ, безъ раздѣленія труда офицера и матроса: — что значить наша служба въ сравненіи со службою моряковъ? Положимъ, что и мы имѣемъ возможность лихо ворваться въ ряды иѣхоты и рубить направо и налево, но мы никогда не въ состояніи будемъ заработать такой популярности, какъ Шестаковъ и Дубасовъ. Они сѣли на маленькія шлюпки, подплыли къ громадному монитору и ничтожная горсть людей уничтожила цѣлое морское зданіе! Понятно, что они будутъ популярны.

Такъ разсуждали въ ту минуту, глядя на Шестакова и Дубасова, забывая, что для того, чтобы взорвать мониторъ, необходимо прежде всего серьезно и долго поучиться, умѣть снарядить мину, шлюпку, знать слабыя и сильныя стороны непріятеля, организацію его судовъ, а, главное, быть инымъ человѣкомъ, обладать иными душевными силами, умѣть преслѣдовать иныя цѣли.

Подвигъ Шестакова и Дубасова выделялся изъ ряда ординарныхъ событій; поэтому, было бы непростительно

упустить случай воспользоваться имъ. Я не буду называть людей по именамъ, скажу только, что были личности, которыя, какъ вампиры, впились въ подвигъ Дубасова и Шестакова и отнимали у нихъ инициативу предприятия, приписывая эту инициативу себѣ. А когда увидѣли Шестакова и Дубасова въ ореолѣ славы, то поспѣшили выпить съ ними на брудершафтъ.

Черезъ Плошты проходили части нашихъ войскъ, двигавшихся на западъ, отдѣльныя дивизіи и бригады. Проходя черезъ городъ, они каждый разъ слѣдовали мимо квартиры Великаго Князя. И каждый разъ, громадная толпа народа собиралась на улицѣ. Иностранные корреспонденты не рѣдко присутствовали тутъ же. Одинъ бѣглый взглядъ на русскихъ солдатъ заставлялъ ихъ убѣждаться въ необыкновенной выносливости этихъ крѣпкихъ натуръ. Одинъ видъ бригады убѣждалъ ихъ въ физической силѣ нашего войска.

Вошла бригада въ городъ. Вотъ ея авангардъ появляется уже на улицѣ; изъ далека несутся напѣвы пѣсенъ и рѣзкіе звуки бубенъ и мѣдныхъ тарелокъ. Жара невыносимая; солнце печетъ, въ воздухѣ душно, ѣдкая и мелкая пыль подымается при самомъ слабомъ прикосновеніи къ почвѣ. Бригада только что сдѣлала большой переходъ. Растянулись солдатики, забросили свои кепи на затылки, навоняютъ другъ друга, строятся, теряютъ ровненіе, снова строятся, ружья перекрещиваютъ и снова равняются, нѣтъ градомъ дѣть съ загорѣлыхъ лицъ. Волосы, бороды, брови, ранцы, сапоги, бѣлые рубахи—все это въ пыли—точно сѣдлою покрылось. Дышать они тяжело, устали!

— Подтянись!.. не растягиваться! раздается команда. Ровнение направо... Точно электрическая искра пробежит по рядам солдатиков. Взглянуть они друг на друга, принуждены, некоторые догонять свои ряды — снова ровнение и снова: „лѣвой!.. правой!.. лѣвой!.. правой!“ только штыковые чехлы сапожками бьются съ боку. Впереди полка начальство идетъ, съ боку офицеры идутъ, тоже измученные, сзади полъ верхомъ идетъ на маленькомъ конѣ, въ широкой шляпѣ, да два доктора; а за ними фургоны двигаются: лазаретные, полковые и ящики съ патронами.

И пить буду и гулять буду,
А смерть придетъ—помирать буду—

раздаются громкіе голоса передовыхъ заливаль.

— Бодрый смотри!.. глаза нальва!.. бодрый, молодцы!.. въ ногу!..

Подымутъ бывало солдатики свои утомленные взоры и головы, бороды впередъ, кепи на затылкѣ; подавлять они чувство усталости, соберутъ послѣднія силы — и смотреть такими молодцами, какъ будто и еще версты 400 пройти въ состояніи. „Ура!“ несется въ воздухѣ.

Завернули за уголъ. Нѣтъ болѣе силъ!.. отдохъ, видимо, нуженъ. Опять опустили головы къ низу, опять потеряли ровнение, опять зашагали разными ногами.

Вышли изъ города въ поле. Повѣяла прохладная струя вѣтерка; грудь легче вдохнула. Свободнѣй стало дышать.

— Стой! говорить имъ навонецъ.

Встала бригада на привалъ. Взяли ружья къ ногѣ, утерли ладонью потъ съ лица, размазали грязь по физиономіи. Раскинули палатки, напились воды, составили ружья, сняли ранцы, тяжело опустились на землю, от-

докнули маленько, забѣгали съ манерками за водою къ ближайшему ручейку, развели костры, начали ужины варить. Поуживали, сняли сапоги, перекрестились, спать легли. Крѣпкимъ сномъ сохраняли хорошіе русскіе люди и даже образы близкихъ сердцу людей не тревожатъ спокойнаго сна утомленныхъ труженниковъ. Ничто не волнуетъ ихъ на сонъ грядущій. Дума отказывается дѣлать свое дѣло послѣ такого физическаго утомленія. „Куда мы идемъ? что встрѣтится тамъ?.. придется-ли вернуться на родину, или сложить кости въ чужой сторонущей?“ даже эти вопросы не волнуютъ ихъ усталыя головушки. Чуть забрежжетъ свѣтъ, не успѣетъ еще зардѣться восточный горизонтъ алымъ цвѣтомъ ранней зорьки—какъ барабаны уже будятъ, выстраиваютъ бригаду во фронтъ и снова гонять въ путь дорогу.

— Да!... это войско дѣйствительно сильное, думали иностранцы, глядя на движеніе солдатъ: — если умѣть пользоваться ими, то можно драться не съ одними турками.

Наступили первыя числа іюня мѣсяца. Пришло извѣстіе, что Дунай наконецъ вошелъ въ берега. Вблизилось время переправы. Сперлось дыханіе въ груди. Въ воздухѣ какъ-будто стало еще тяжелѣе. Придвинулась грозовая туча ближе къ намъ; она висѣла надъ нами. По мѣрѣ того, какъ туча надвигалась, мы становились сосредоточеннѣе, пугливѣе и подозрительнѣе. Каждый началъ искать силъ въ самомъ себѣ и многихъ это вывело изъ нормальнаго состоянія духа. Приходилось даже слышать на послѣднихъ дняхъ пребыванія въ Плошцахъ какого-то рода разговоры:

— И къ чему война?... это наши внутренніе враги вызвали насъ на войну...

Куда ѣхать? гдѣ будетъ переправа? какъ-бы не прозывать ее? Поѣду въ Журжево.

IX.

Журжево.—Рушукъ.—Подвигъ лейтенанта Скрыдлова. Путь къ переправѣ.

Городъ Журжево приткнулся къ самому берегу Дуная. Это — небольшой торговый городокъ, имѣющій въ мирное время лишь 15,000 постоянныхъ жителей. Журжево всегда было чрезвычайно живою городокъ, какъ придунайская гавань, какъ портъ, соединенный съ Бухарестомъ вѣтвью желѣзной дороги. Но какимъ одичалымъ, пустымъ, всѣми брошеннымъ городомъ казался онъ въ то время, когда я туда пріѣхалъ! Безлюдныя площади и улицы, широкій и одинокій бульваръ. Ставни оконъ были заперты во всѣхъ домахъ, двери и ворота наглухо заколочены; ни одной женщины, ни одного ребенка не встрѣтишь на улицѣ. Везде пустота и могильная тишина! Кое-гдѣ пройдетъ грекъ, еврей, венгерецъ, румынъ—неизвѣстно кто такой! Въ иномъ дворѣ увидишь бмвшаго жильца; онъ вернулся къ своему заброшенному очагу и утробно собираетъ въ кучу жалкіе остатки домашней утвари, чтобы спасти ихъ. Лавки заперты, торговли никакой, судоходство прекратилось. Безпорядочно приткнулись къ берегу коммерческія суда съ высокими мачтами небрежно перепутались между собою ихъ швартовы (ка-

наты), и тамъ, гдѣ прежде была таможня, находится теперь караулка нашихъ сторожевыхъ аванпостовъ.

Журжево раскинулось на широкомъ пространствѣ. Какъ и русскіе города, онъ требуетъ простора. Широкія, прямыя улицы, обширные сады между низкими домами, рядъ „кафанъ“ на главной площади города, открытыя лавки, гостинницы съ постоянными дворами — словомъ, торговый городъ Журжево старается одинаково удовлетворить вкусамъ и проѣзжаго европейца, и сосѣднаго восточнаго челоуѣка. Рядомъ съ бронзою, позолотою и мраморнымъ столикомъ вы видите грязную, открытую лавченку съ бараниною и турецкимъ табакомъ. Контингентъ покупателей, быть очень не великъ въ немногихъ лавкахъ, открытыхъ на площади. Иногда покажется казакъ отряда Скобелева, пройдутъ по улицѣ нѣсколько солдатиковъ; иной разъ появится и крестьянинъ изъ сосѣдней деревеньки. Разсчитывая найти въ Журжевѣ много русскаго войска, я нашелъ одни только пикеты, необходимые для аванпостной службы. Изъ мѣстныхъ жителей осталось въ городѣ семейство греческаго консула. „До перваго выстрѣла“, говорили офицеры, гуляя вечеромъ по тѣнистому бульвару и подмигивая на развѣвавшійся флагъ надъ зеленою крышею.

Съ этого бульвара мы смотрѣли обыкновенно на страшные холмы и редуты грознаго Руцукъ. Руцукъ, это было наше больное мѣсто въ ту минуту; онъ пророчилъ намъ десятки тысячъ будущихъ смертей. И дѣйствительно, Руцукъ былъ страшенъ своими укрѣпленіями.

Вдоль по берегу на много верстъ отъ Журжева, вверхъ и внизъ по Дунаю, тянутся крестьянскія деревни. Крестьяне выѣзжали изъ своихъ избъ; русскіе солдатики заняли ихъ помѣщенія и скоро освоились на новыхъ мѣстахъ,

какъ у себя дома. Рушукъ стоитъ нѣсколько выше Журжева; его скрываетъ за собою густая зелень продолговатаго острова, который тянется посреди Дуная. Рушукъ былъ страшенъ и въ тоже время красивъ. Прелестный видъ открывался съ румынскаго берега. Широко разлился Дунай между берегами двухъ противниковъ и затопилъ поперечный островъ; курчавая зелень высовывалась изъ воды. Вдоль по берегу видѣнъ былъ рядъ высокихъ минаретовъ. Стройные, какъ пальмы, они рѣзко выделялись своею близкою среди остальныхъ турецкихъ зданій; надъ плоскими крышами турецкихъ домовъ красиво развѣвались разноцвѣтные флаги европейскихъ консуловъ. Рушукъ стоитъ у подошвы очень высокой, конусообразной горы. Рядомъ съ этою господствующей возвышенностью подымается къ востоку еще одинъ холмъ, затѣмъ слѣдующій, и такимъ образомъ вся эта мѣстность представлялось гористою и окаймленною сильными укрѣпленіями. На самой высотѣ господствующей горы построена внушительная батарея. На соседнихъ холмахъ воздвигнуты такіе же сильные редуты. Справа и слѣва Рушука, вдоль по берегу Дуная, тянулись батареи для четырехъ, шести и болѣе орудій. При помощи бинокля мы насчитывали ихъ до 14. Редуты были окопаны въ нѣсколько ярусовъ ружейными дожеменами. На высокой горѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, былъ раскинутъ главный турецкій лагерь. Мы видѣли цѣлую массу бѣлыхъ палатокъ. Группы такихъ же палатокъ показывались и на высотахъ соседнихъ холмовъ. Вѣтъ желѣзной дороги тянулась вдоль по берегу, и локомотивы работали день и ночь. Вообще, цѣлыми днями замѣчалось усиленное движеніе на турецкомъ берегу: поездовъ и обозовъ, нагруженныхъ телятъ, запряженныхъ волами. На военного

движенія не было никакого. Вдали обрисовывались только фигуры турецких часовыхъ, мѣрнымъ шагомъ расхаживающихъ вдоль по берегу Дуная, да изредка выводились изъ лагеря роты на ученье.

Во время моей бытности въ Журжевѣ, въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ помѣщалась канцелярія штаба дѣтучаго отряда. Въ одномъ изъ номеровъ этой гостинницы, выходящемъ окнами прямо на Дунай, занимался генераль Скобелевъ 2-й.

— Да, говаривалъ онъ не разъ, взирая на силу позицій грознаго Рушукъ: — намъ придется брать Рушукъ силою и дорогою цѣною мы купимъ эти турецкія укрѣпленія.

„Намъ придется брать Рушукъ силою!“ говорилъ онъ. Значить, мы предполагали „брать“ его атакою, блокадою, осадою, чѣмъ хотите. И это говорилъ не одинъ Скобелевъ; объ этомъ толковали и въ главной квартирѣ, и всюду въ арміи. Представленіе кровавой атаки уже рисовалось въ воспаленномъ воображеніи нашихъ воиновъ; въ арміи передавали другъ другу даже способъ проектируемой осады Рушукъ, направляя туда дальнѣйшія орудія. По всѣмъ признакамъ дихорадочнаго движенія подъ Рушукъ можно было заключить, что мы рѣшились брать его „силою“; оставалось только выбрать способъ и приступить къ дѣлу. Но Рушукъ мы, все-таки, не атакывали и не осаждали: онъ налъ по силѣ мирнаго договора. Чѣмъ это объяснить? Благоразуміе ли взяло верхъ надъ увлеченіемъ, или атака Рушукъ съ специальною цѣлью „взять“ его вышли изъ программы нашего плана въ силу сложившихся обстоятельствъ? Мы не можемъ даже утверждать, что планъ кампаніи существовалъ вообще...

Мы бродили въ Журжевѣ, какъ тѣни, ожидали пе-

репрavy. Съ каждыѣ лишніѣ часомъ приближавшагося роковаго дня—мы все болѣе и болѣе старались сосредото-
читься въ самихъ себѣ. Ничто не развлекало нашихъ
тяжелыхъ думъ, и городская обстановка вполнѣ гармо-
нировала съ тяжелымъ настроеніемъ нашихъ чувствъ. Мы
не могли сознавать нашихъ собственныхъ силъ, потому
что, никогда ихъ не прилагали къ дѣйствительности, ни-
когда не испытывали ихъ. Все, чѣмъ мы жили до сихъ
поръ, во имя чего мы горевали, радовались, сдержива-
лись и увлекались, волновались и утѣшались, все это
были ложь, самооболщненія, тѣнь. Но вотъ приближалась
минута, когда намъ сказали: „идите и докажите!..“ Гос-
поди, какъ тяжело доказывать то, во что самъ такъ смутно
вѣришь!

Днемъ, на бульварѣ, подъ тѣнью деревъ, грудь тя-
жело дышала, губы сохли, взоръ обращался далеко, туда,
за Дунай и старался проникнуть сквозь зеленѣющіе
холмы Рушука и провидѣть картины и положенія ско-
раго будущаго. Воображеніе витало надъ долинами, хол-
мами, горами и ущельями несчастной Болгаріи. Болгарія
представлялась намъ именно „несчастною“ въ эти часы.
Звѣрство, фанатизмъ, посягательство на жизнь, на честь,
на собственность несчастныхъ болгаръ—все это казалось
безусловно вѣрнымъ. При всей отрадѣ сознанія роли
„спасителей“, въ душу каждого порядочнаго человѣка
врывалось и другое сознаніе: ужасное, безпокойное, гне-
тущее сознаніе того, что мы являлись отчасти причиною
этихъ звѣрствъ. Отъ этого внутри происходилъ такой сум-
буръ разнородныхъ чувствъ, что иногда становилось про-
сто невыносимо. Правда, немного было въ арміи людей
нервныхъ; военная дисциплина, особенные интересы, при-
вычка солдата оставлять вопросы безъ анализа двигали

армію все впередъ и впередъ, а чувство физическаго утомленія подавляло всякую мысль. Но каково было желаніе тѣхъ немногихъ людей, которые привыкли и чувствовать, и разсуждать, и тревожиться, и волноваться!

Мы видѣли офицеровъ, которые дѣйствительно радовались походу на турокъ. Но для нихъ было совершенно безразлично идти на турокъ или на нѣмцевъ. Я увѣренъ, что на нѣмцевъ они пошли бы еще съ большимъ увлеченіемъ, потому что за спиною каждаго изъ нихъ стоялъ непремѣнно какой нибудь нѣмецъ, который насолалъ имъ не мало въ жизни. Это была просто радость человѣка, всю свою службу стрѣлявшаго въ мишень холостыми зарядами въ мнимаго непріятеля и, наконецъ, уарѣвшаго его въ дѣйствительности. Это была радость человѣка, познавшаго, что послѣ долгаго мирнаго періода скучныхъ и никому ненужныхъ ученій наступила, наконецъ, пора настоящаго дѣла на благо и на пользу своего народа. Но кровожадности тутъ не было. Многихъ влекло и чувство тщеславія, потому что передъ каждымъ открывалось широкое поле отличій, хотя большинство и ошиблось въ разсчетахъ.

Днемъ мы сидѣли обыкновенно на бульварѣ, подъ вліяніемъ тяжелыхъ думъ, вечеромъ собирались тосковать въ городскомъ циркѣ. Какъ ни курьезно существованіе цирка въ брошенномъ городѣ, но артисты ошибаются въ своихъ разсчетахъ. Помню, какая-то несчастная труппа забрела въ Журиково, надѣясь встрѣтить здѣсь обширный контингентъ зрителей. Двѣ полуголодные танцовщицы, три тощія, голодные лошади, пьяный наѣздникъ, общій любовникъ двухъ танцовщицъ, причина ихъ ревности, голода и душевныхъ страданій, вереница оборванныхъ дѣтей, три тускло мерцающія лампы, убійствен-

кий оркестръ армейскаго полка, одна только занятая
 ложа молодымъ Скобелевымъ и самый скудный сборъ:
 вотъ своеобразная картина изъ жизни города, находяща-
 гося на военномъ положеніи. Бѣдныя танцовщицы! Мы
 сидимъ въ ложѣ; въ театрѣ пустынно; глухимъ эхомъ
 раздается каждое слово подъ сводами большого цирка;
 вдругъ, среди этой тишины, залъ оглашается сильными
 ударами, неистовымъ крикомъ женщины, слезами и моль-
 бами... Пьяный танцоръ вымѣщаетъ неудачный сборъ на
 голодной танцовщицѣ матери его несчастныхъ дѣтей. Но
 вотъ, наконецъ, умолкли стоны, прекратился женскій
 плачь, вывели коня; *она* вышла на арену и сдѣлала кник-
 сентъ; *онъ* крикнулъ: „гоп-ля!“, „гремятъ музыка боевая“;
она пляшетъ сквозь слезы... Кто поручится за то, что
 турецкая граната не сорвется въ эту минуту въ стѣну
 деревяннаго цирка и не уничтожитъ разомъ воздушную
 мать многочисленной семьи?

Вечеромъ 7-го іюня кружокъ офицеровъ и корреспон-
 дентовъ, собравшійся на прибрежномъ бульварѣ города
 Журжева, находился въ нѣсколько возбужденномъ со-
 стояніи. Всѣ чего-то ждали, и это „что-то“ волновало
 каждого. Корреспонденты не хотѣли ложиться спать,
 офицеры выражали свои пожеланія насчетъ возможно ус-
 пѣшнаго исхода ночнаго предпріятія. Вечеромъ того-же
 дня прибылъ я въ Журжево и узналъ, что въ эту ночь
 предполагено устроить нѣсколько минныхъ загражденій
 немного выше Рушукъ, вблизи небольшого селенія Па-
 рапанъ. Мѣстечко это находится приблизительно въ 20
 верстахъ отъ Журжева, между островами Каталина и Ме-
 чеки. Минныя загражденія въ данномъ пунктѣ имѣли
 чрезвычайно важное значеніе, ибо они запирали всѣ
 находящіеся въ Рушукѣ турецкія суда; постановка мин-

ныхъ затрудненій въ этой мѣстности вообще была сопряжена съ большими трудностями, такъ какъ нашимъ паровымъ катерамъ приходилось дѣйствовать между берегами и островами, на пространствахъ чрезвычайно узкихъ фарватеровъ и притомъ на такомъ мѣстѣ Дуная, гдѣ эта рѣка не разливается широко даже въ моментъ ея наибольшаго разлитія, а тѣмъ болѣе тогда, когда воды Дуная спадали быстро. Принимая это во вниманіе, укоренилось убѣжденіе, что маневръ постановки минъ вблизи Парапаца довольно затруднителенъ и что этотъ маневръ не обойдется такъ дешево, какъ обошлись всѣ минныя загражденія между Рени и Браиловымъ. Такъ оно и случилось.

Всѣ морскія силы, находящіяся въ нашей южной арміи, были раздѣлены на два отряда: на черноморскій, дѣйствовавшій въ низовьяхъ Дуная, и на отрядъ гвардейскаго экипажа, находящійся подъ командою капитана 1-го ранга Новакова, бывшаго защитника Севастополя, георгиевскаго кавалера, и его помощника капитанъ-лейтенанта гвардейскаго экипажа Тудера. Относительно отряда гвардейскаго экипажа прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что отрядъ этотъ былъ сильнѣе черноморскаго отряда по численности паровыхъ шлюпокъ, офицеровъ и команды. Онъ и долженъ былъ быть сильнѣе, такъ какъ этотъ отрядъ назначался на болѣе опасныя мѣста, на болѣе серьезныя положенія. Въ то самое время, когда наши черноморцы уже дѣйствовали между Рени и Браиловымъ, гвардейскій отрядъ находился на рѣкѣ Прутѣ и выжидать момента своего назначенія на Дунай. Армія двигалась по Румыніи; нѣкоторые офицеры гвардейскаго отряда отирались на рекогносцировку. Пришло время необходимаго призыва отряда къ берегамъ Дуная, и гвар-

дейскій отрядъ очутился выше Журжева, близъ мѣстечки Парапанъ. Прежде чѣмъ приступить къ миннымъ загражденіямъ вообще, нужно было выбрать мѣсто и придумать способъ, съ помощью котораго можно было бы осуществить этотъ планъ. Моряки сейчасъ же приступили къ этимъ работамъ, но на первыхъ же порахъ всѣ ихъ старанія разбились о мѣстныя преграды. Фарватеръ оказался узкимъ, теченіе громадной скорости, положеніе острововъ мѣшало свободному движенію ихъ шлюпокъ.

Ниже Парапана впадаетъ въ Дунай небольшая рѣчка, весьма удобная для убѣжища шлюпокъ, съ момента ихъ доставки, на то время, пока моряки занимались рекогносцировкой. Узкій фарватеръ шелъ изъ рѣчки среди безчисленныхъ мелей, тянувшихся вдоль по берегамъ румынскому и острова Каталина; этотъ фарватеръ касался почти вплотную острова Каталина. Мели препятствовали выходу шлюпокъ въ Дунай противъ сильнаго теченія, и если шлюпки могли проходить, то не иначе какъ одна за другой. Островъ Мечеки былъ крайнѣе вверхъ по Дунаю, т. е. выше Каталина, и за этимъ-то островомъ Мечеки нужно было сдѣлать минныя загражденія. Нужно было сдѣлать это такимъ способомъ, чтобы турки не открыли этой работы.

На нашемъ берегу, почти на линіи селенія Парапанъ, была построена батарея, выстрѣлы которой направлялись на турецкій берегъ въ пространство между островами Мечеки и Каталиномъ. Когда окончились рекогносцировки и былъ сдѣланъ промѣръ, моряки выработали планъ и способъ миннаго загражденія. Согласно этому плану весь отрядъ, въ полномъ его составѣ, долженъ былъ подняться по теченію и начать бросать мины. Выполненіе плана минныхъ загражденій было назначено на ночь съ 7-го

на 8-е июня. И вотъ эта-то ночь застарила трепетать и интересовала общество русскихъ, находившихся въ Жур-жавѣ. Генераль Слюбелевъ отправился со своимъ штабомъ въ Паранжъ, чтобы лично присутствовать при работахъ.

7-го июня вечеромъ, когда наступила темнота, всѣ паровые баркасы, числомъ десять, начали разводить пары. „Шутка“ (лейтенантъ Скрыдловъ), „Первенецъ“ (капитанъ 1-го ранга Новиковъ и мичманъ Нидовъ), „Опытъ“ (лейтенантъ баронъ Штапельбергъ), „Грейтъ“ (капитанъ-лейтенантъ Тудоръ и мичманъ Θεодосеевъ), „Низи“ (мичманъ Качаювъ), „Красотка“ (лейтенантъ Хвостовъ), „Не тронь меня“ (гардемаринъ Аренсъ), „Мима“ (мичманъ Нерсинъ), „Кремль“ (лейтенантъ Астромовъ) и „Варягъ“ (мичманъ саперный офицеръ штабсъ-капитанъ Яблочкинъ).

Всевозможныя приготовленія къ выходу, самая разводка паровъ, снаряженіе минъ и т. д. нѣсколько замедлили моментъ выступленія экспедиціи. Борьба шлюпокъ съ быстрымъ теченіемъ при проходѣ фарватера такъ способствовала этому замедленію. Въ 9 часовъ вечера катера пошли одинъ за другимъ, по преимуществу своего хода. Художникъ Верещагинъ, только-что вернувшійся изъ Паранжа (куда онъ ѣздилъ на короткий срокъ, уже побывавъ въ арміи), находился въ это время въ отрядѣ гвардейскаго экипажа и, будучи товарищемъ и приятелемъ лейтенанта Скрыдлова, выдвигаясь идти съ нимъ охотникомъ на его катеръ. Лейтенантъ Скрыдловъ нѣсколько замѣшкаться при выходѣ и пошелъ тогда, когда уже нѣкоторыя шлюпки ушли. Вслѣдствіе темноты, поздняго выхода шлюпокъ и трудности хожденія по такому уакому фарватеру, моряки должны были разсѣяться съ мыслями постановки минъ до разсвѣта. Паровыя шлюпки, имѣя

на буксиръ шестерки, снабженные минами Герца, начали выходить на видъ турокъ въ пятомъ часу утра. Было уже совершенно светло, и солнце взошло. Впереди остальныхъ паровыхъ шлюпокъ оказался паровой катеръ Наслѣдника Цесаревича „Шутка“, съ лейтенантомъ Скрыдловымъ и художникомъ Вережагинымъ. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ катеръ былъ чрезвычайно красивая быстроходная шлюпка въ 38 фут. длины, при незначительной ширинѣ, такъ что шлюпка могла идти до 16 узловъ въ часъ. Итакъ впереди шла „Шутка“, сзади вѣхъ другихъ шелъ лейтенантъ Хвостовъ на своей „Красоткѣ“, также имѣя у себя на буксирѣ шестерку съ полнымъ числомъ гребцовъ и съ запасомъ минъ Герца. Какъ только наша эскадра оказалась на виду у турокъ, цѣлыя сотни стрѣлковъ высыпали на турецкомъ берегу и начали стрѣлять въ нашихъ моряковъ залпами. Съ нашей стороны были высланы предварительно стрѣлки съ берега на островъ Мечки, которые и завязали перестрѣлку съ турками. Какъ только первыя шлюпки достигли своихъ позицій и, бросивъ якоря, принялись за постановку минъ, въ это время турки цѣлыми массами стали собираться на берегу, и черкесы, верхомъ на лошадяхъ, открыли учащенную пальбу. Было 7 часовъ утра, когда шлюпки приступили къ работамъ. Катеръ „Грейтъ“ далъ течь, „Бремль“ занялся на позицію, а быстроходнымъ шлюпкамъ „Шуткѣ“ и „Минѣ“ (мичмана Персина) было приказано держаться у нижняго мыса острова Мечки, на случай, если неприятельскія суда вздумали бы помѣшать работамъ. Лейтенантъ Скрыдловъ и мичманъ Персинъ притаились за зеленую острова Мечки и стали наблюдать за движеніями неприятельскихъ судовъ. Около 7 часовъ утра раздался съ нашей батареи первый выстрѣлъ, и этотъ пер-

вый снарядъ былъ направленъ такъ ловко, что онъ угодилъ въ большую группу собравшихся на берегу турокъ. Турки бросились въ стороны, какъ уторганные. Эта первая удача подняла духъ нашихъ моряковъ. Дальѣйшіе выстрѣлы нашей батареи нельзя было назвать удачными. Въ 8 часовъ утра, когда солнце уже высоко стряло надъ горизонтомъ, изъ Рундука показался большой турецкій колесный пароходъ. Лейтенантъ Скрыдловъ, убѣдившись въ томъ, что пароходъ быстро приближается къ нашимъ работавшимъ нырякамъ, рѣшилосъ напасть на него и взорвать его на воздухъ. Но прежде чѣмъ пойти впередъ, лейтенантъ Скрыдловъ обратился къ художнику Варецагину и сталъ просить его оставить катеръ. Скрыдлову тяжело было брать на свою отвѣтственность будущность своего пріятеля и въ тоже время челоуѣка посторонняго, не принадлежащаго къ его командѣ и къ составу офицеровъ отряда. Эти просьбы Скрыдлова нѣсколько обидѣли Василия Васильевича Варецагина.

— Что съ тобою? Съ ума ты сошелъ? отвѣтилъ онъ Скрыдлову и заявилъ рѣшительно, что, что бы ни воспо слѣдовало, онъ не оставитъ Скрыдлова ни на минуту. Выпили по глотку хереса, оставаясь въ фляжкѣ, и приказаніе Скрыдлова: „По мѣстамъ!“ сразу, моментально разбудило частую заснувшую было команду. При видѣ дыма и черной массы действительскаго судна матросы сразу ободрились духомъ, — куда и сонъ прощаль! — — Отваливай! командовалъ лейтенантъ Скрыдловъ. „Ходъ впередъ!“ и... „Шутня“, все больше и больше прибавляя ходу, бросилась на массивный турецкій пароходъ. Это была неистинно оригинальная и действительная картина: такая то маленькая, сравнительно съ массивнымъ судномъ, илюпочка летѣла на своемъ парадѣ и

приводила въ панику всю неприятельскую команду, обращая въ бѣгство цѣлый пароходъ. На пароходѣ было до 80 человекъ команды. Минный шестъ былъ спущенъ въ воду. „Шутка“ рѣзала поверхность воды, корпусъ ея дрожалъ отъ быстрого хода; и турки на пароходѣ сразу замѣтили, что „Шутка“ не шутитъ; пароходъ быстро повернулъ кругомъ и, придерживаясь все ближе и ближе къ турецкому берегу, началъ буквально удирать отъ быстро бѣгущаго пароходика.

— Большие ходы! Полный ход! командовалъ штурманомъ Скрыдловъ своему механику, прапорщику морского инженеръ-механиковъ Вакрелавскому.

Иона „Шутка“ догонила турецкій пароходъ, турки сдѣлали въ нее шестъ выстрѣловъ изъ орудій. Приближаясь все ближе и ближе къ берегу, „Шутка“ все больше и больше входила въ районъ ружейныхъ выстрѣловъ береговыхъ стрѣлковъ. Уже Скрыдловъ и Верещагинъ начали ясно различать фizioноміи турецкихъ стрѣлковъ; вотъ они уже приблизились къ нимъ на сто шаговъ, пули свистѣли вокругъ и ударялись въ зонтъ, были въ металлическій корпусъ катера. „Шутка“ добилась наконецъ турецкій пароходъ и нанесла ему машинный шестомъ ударъ въ правый бортъ, ниже колесъ. Вы не можете себѣ представить того ужаса, который обунлъ турокъ на палубѣ парохода. Орудія перестали стрѣлять, стрѣлки, разсыпанные вдоль по борту, кинулись, сломя голову, съ кормы на бакъ парохода, капитанъ и вахтенный начальникъ соскочили съ мостика на палубу, — и все это бросилось въ носовую часть судна съ страшными криками ужаса. Мина ударила пароходъ, но не взорвалась. Скрыдловъ въ тотъ же моментъ почувствовалъ ударъ пули въ плечо. Василий Васильевичъ Верещагинъ и команда адмигали,

какъ передернуло лейтенанта. Не теряя присутствія духа, Скрыдловъ переоснащаетъ болѣе и отдаетъ приказаніе вооружить мину посредствомъ проводниковъ. „Есть!“ кричитъ минеръ Винаградовъ и пускаетъ токъ, но мина опять-таки не взрывается. Лейтенантъ Скрыдловъ въ отчаяніи хватается за голову, рветъ на себѣ волосы, глаза его наполняются слезами досады. Василій Васильевичъ Верещагинъ начинаетъ его уговаривать и успокаивать. Минеръ Винаградовъ бросается осматривать проводникъ, — оказывается, что проволока оборвана пулею. Ничего больше не остается какъ отступить. Полный задній ходъ, — и катеръ отходитъ отъ борта. Другая пуля попадаетъ въ другую ногу лейтенанта Скрыдлова, третья задѣваетъ его правую руку. Лишь только катеръ отошелъ отъ борта турецкаго парохода, какъ были ранены и Верещагинъ. Намъ почтенный художникъ такъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ эпизодѣ:

„Пуля ранила меня на вылетъ; сгоряча я почувствовалъ только не большую боль, а потому не сразу пришелъ къ тому заключенію, что раненъ; я преспокойно началъ ощупывать мѣсто боли и замѣтилъ между прочимъ, что нѣтъ входить въ какое то отверстіе, а панталоны наполняются кровью“.

Крови вытекло такъ много, что Василій Васильевичъ до сихъ поръ находится въ лихорадочномъ состояніи. Тогда онъ уже убѣдился въ томъ, что раненъ, подобно Скрыдлову. Въ этотъ моментъ лейтенантъ Скрыдловъ находился на бакѣ шлюпки, около миннаго шеста, а Верещагинъ стоялъ на кормѣ шлюпки. Вся „Шутка“ оказалась улитиною пулями, подводная часть была пробита въ одномъ мѣстѣ доскою, такъ что шлюпка дала течь; одна изъ пуль разорвала фуражку на головѣ минера Ва-

поградова. Въ машинномъ отдѣленіи была найдена цѣлая горсть сплюснутаго свинца. Когда Скрыдловъ сталъ отступать, то было замѣчено, что въ катеръ начинаетъ прибывать вода. Скрыдловъ отдалъ приказаніе отливать воду шапками и наличными ковшами. Носовой шестъ, свернувшійся при ударѣ о пароходъ, замедлялъ движеніе „Шутки“ и, съ волочившеюся микой, дѣлалъ невозможнымъ управленіе рулемъ. Тогда лейтенантъ Скрыдловъ приказалъ матросамъ: Антропову и Петрову оторвать и бросить шестъ за бортъ, что и было немедленно исполнено командою. Какъ только „Шутка“ отошла отъ парохода, турки онемѣлились и открыли страшный картечный огонь вслѣдъ удаляющемуся катеру. На катерѣ лейтенанта Скрыдлова не было раненъ ни одинъ матросъ. Спускаясь по Дунаю на „Шуткѣ“ увидѣли поднимавшійся вверхъ по рѣкѣ изъ Рущука мониторъ; но мониторъ стрѣлялъ издали и не рѣшился выйти впередъ. Подойдя къ небольшому островку „Шутка“ пошла по корабельному фарватеру, направляясь къ своему отряду. Замѣтивъ, что катеръ быстро нагоняется водою, Скрыдловъ придерживался берега. Одинъ матросъ заткнулъ картечную пробину въ носовой части катера. Прапорщикъ Болеславскій сдѣлалъ на скоро перевязку двумъ раненымъ. Когда „Шутка“ вернулась къ отряду, отрядъ уже кончилъ свои работы. Скрыдловъ и Верещининъ были спешны на берегъ.

Когда окончились работы, начальникъ отряда, капитанъ 1-го ранга Новиковъ, отдалъ приказаніе: лейтенанту Хвостову, мичманамъ Качалову, Персяну, Нилову и штабсъ-капитану Яблочкину идти вверхъ противъ теченія и на случай возможности поставить мины выше острова Мечки, между нимъ и турецкимъ берегомъ. Впереди, по

преимуществу хода, шедъ Яблочный. Выйдя изъ за острова въ Дунай, команда широко замѣтила разсыпанныхъ стрѣлковъ и въисловно орудій, которыя сейчасъ же дане занять не имѣли, какъ только онѣ вышли изъ глаза турокъ. Каждая аялика поочереди подходила къ своей позиціи и убѣждалась въ невозможности работать при такихъ условіяхъ. Маленькій отрядъ повернулъ назадъ, отстрѣливаясь насколько возможно, и, вернувшись за островъ, офицеры объявили капитану 1-го ранга Новикову результаты своей попытки. Въ это время на нашемъ берегу появился генералъ Скобелевъ 2-й со своимъ штабомъ, слѣдившій все время за работами моряковъ, и отдалъ приказаніе уходить немедленно вверхъ по рѣкѣ, такъ какъ на турецкомъ берегу въ это время сосредоточивались 3 новыхъ батальона и еще одна конная батарея занимала уже свою позицію. Нѣсколько шестерокъ было вытѣснено на землю. Часть отряда осталась на прежнемъ мѣстѣ, другая подъ начальствомъ Новикова, пошла вверхъ по теченію.

— Желаете присутствовать при переправѣ? спросилъ меня Скобелевъ, получивъ приказаніе оставить Журжево и двинуться въ походъ.

— Непременно желаю, отвѣтилъ я ему.

— Въ такомъ случаѣ сѣдлайте коня и ѣдьте; мы выйдемъ сегодня вечеромъ; если побѣдите со мною, то какъ разъ попадете на переправу.

Этимъ было 2-го июня. Къ вечеру того же дня турки открыли огонь изъ Гущука на Журжево, а къ ночи мы уже выѣхали по направленію къ румынской деревнѣ Гогошани Нову.

Насъ было шестеро: Скобелевъ 2-ой, его бывшій ординарецъ, урядникъ князь Цертелевъ, я, переводчикъ и

два казака. Мы выѣхали за городъ, когда уже солнце начало закатываться за горизонтъ. Проѣхавъ сосѣднюю съ городомъ деревушку, по направленію къ деревнѣ Парпанъ, мы очутились на широкой полянѣ, засѣянной кукурузою и хлѣбомъ, и дорога начала постепенно отходить отъ берега Дуная и повела насъ вправо отъ рѣки. Тамъ далеко, на правой сторонѣ, открылись курганы, покрытые хвойнымъ лѣсомъ; слѣва искрилась лента Дуная, орошая подошвы возвышеннаго берега Турціи. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, слабо шелестя колосьями поснѣжавшихъ хлѣбовъ; убаюкивающий шумъ волнующейся ржи пріятно раздражалъ нервы; легко стало дышать послѣ знойнаго дня, и лошади пошли охотнѣе. Поляна была широка и пустынна; ни одной деревушки не открывалось передъ нашими глазами; безлюдностію повѣяло отъ этихъ мѣстъ, и одно только небо очаровывало путника подборомъ своихъ неподражаемыхъ, разнообразныхъ красокъ. Вся поляна и горные скаты были покрыты сплошнымъ ярко-зеленымъ ковромъ. Но мѣръ того, какъ солнце закатывалось за линію западнаго горизонта, мракъ все ниже и ниже спускался на землю, тщательно окутывая предметы, между тѣмъ какъ голубое небо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и покрывалось подборомъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ. Вотъ солнце уже закатилось окончательно, и весь западъ залился огненнымъ пурпуромъ. Сѣверная часть небосклона покрылась мрачною, свинцовою тучею. Восточныя горы окрасились лиловымъ краскою. Но вотъ эти горы, дола и деревья начинаютъ быстро скрываться въ темнотѣ вечерней мглы; прошло еще десять минутъ, и все исчезло.

Звѣзды показались на небѣ, но луна еще пряталась. Наши кони выпрямили шею и пошли ровною рысью.

Блѣ замѣтная роса легла на землю. Грошкинѣ, веселитѣсь порохъ залились кунички вдоль и поперекъ по всему зеленому пространству.

Лѣтняя прелестная ночь вошла въ свои права; она была совершенно темная, только изрѣдка блистѣла молнія на сѣверѣ, да падали загадочные метеоры.

Тихо и безлюдно было по всему пространству. Жердь козодѣя показалась въ сторонѣ отъ дороги. Три лошади свободно паслись на полянѣ; онѣ фыркнули и жутливо шарахнулись въ стороны, услышавъ тонотъ нашихъ коней. Садуть одинокаго дуба показался впередъ, и стеклинныи звукомъ быстрого потока огласился тихій воздухъ, когда мы переѣхали канавку по сосѣдству съ деревомъ.

Тихимъ шагомъ ѣхалъ къ намъ на встрѣчу румынскій крестьянинъ.

— Окросите его, эта-ли дорога на Гогопани-Нову? обратился Скобелевъ къ переводчику.

Крестьянинъ тихо и молча указалъ намъ путь на западъ. Онъ возвращался съ полевыхъ работъ.

— Пусть онъ проведетъ насъ, сказалъ генераль.

Два казака припиорили коней, занесли свои плети и, пригнувшись къ сѣдлу, налетѣли на крестьянина, такъ что тотъ даже и опомниться не успѣлъ.

— Какъ дорогу!

И лошадь крестьянина моментально повернулась въ обратную сторону.

Къ полночи мы уже были въ деревушкѣ.

Деревушка состояла изъ нѣсколькихъ домовъ; низенькія мазанки околазы глубокими канавками и заросли въ

сокою, дикою травю. Румыновъ какъ будто и не было въ деревнѣ; но изъ каждой подворотни выглядывало по нѣсколку злыхъ собакъ, готовыхъ броситься на всякаго прохожаго. Переночевавъ на крыльцѣ какой-то мазанки, я проснулся съ первымъ проблескомъ утренней зари. Деревушка стояла въ долинѣ между двумя холмами. Утренняя зорька зарѣялась первымъ, дребезжащимъ свѣтомъ. Солнышко привѣтливо выглянуло изъ-за горъ востока и быстро осушило траву, покрытую влагою ночной росы. Раннее юнское утро встало кавказскую бригаду на походномъ ночлегѣ, расколотенную летучихъ лагеремъ по скатамъ холмовъ съ обѣихъ сторонъ деревеньки.

Кавказская бригада была единственная бригада въ арміи, составленная изъ сыновъ „погибшаго Кавказа“. Это была, во всякомъ случаѣ, интересная бригада, среди остального казачьяго войска, главнымъ контингентъ котораго составляли донскіе казаки. Терцы и кубанцы, это—молодое войско, воспитанное въ традиціяхъ старыхъ казаковъ, всю свою жизнь джигитовалихъ по ущельямъ, горамъ и долинамъ противъ дикихъ и неустрашимыхъ черкесовъ. Правда, въ составѣ этой бригады сейчасъ почти не было старыхъ казаковъ, но воинственный духъ горнаго джигита передается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Извѣстно, что главнымъ развращающимъ элементомъ старо-казачьяго духа, главными напирателями дорогой для нихъ старины, являются у насъ такъ-называемые „временщики“, т. е. казачьи атаманы изъ пѣшцевъ; но, не взирая на цѣлый рядъ такихъ „временщиковъ“, въ средѣ кубанскихъ казаковъ можно замѣтить и до сихъ поръ совершенно самостоятельный складъ, отличающій ихъ отъ всего остального войска. Кубанскій казакъ свое-

образно честенъ, гордъ, самостоятеленъ; въ немъ живетъ жажда воли, духъ простора и чувство самолюбія, товарищества и даже нѣсколько дикая черта: чувство мщенія за кровную обиду. Кубанскій казакъ терпѣть не можетъ „временщика“; онъ вѣритъ только своему. Гоголь очень популяренъ среди кубанскихъ казаковъ. „Это нашъ, кровный“, говаривали мнѣ не разъ казаки. Тарасъ Бульба никогда не умретъ въ сердцахъ кубанскаго войска; это ихъ любимое чтеніе, лучшее воспоминаніе. Въ разговорахъ съ кубанскимъ казакомъ, онъ поражаетъ всѣхъ своей смѣлкой, смѣлымъ взглядомъ, правдивостію и независимостію заключеній. Впрочемъ, въ мирное время, казакъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ военное. Въ военное время, понятія его извращаются, становятся часто совершенною противоположностью тѣмъ, на которыхъ онъ основывается обыкновенно въ своей станичной жизни. Въ военное время, его нельзя упрекнуть въ излишней гуманности, въ правильномъ пониманіи чужой собственности.

— Эта битва похарчила, случилось мнѣ слышать среди казаковъ: — одного турку спибъ, у него въ карманѣ нѣтъ золотыхъ нашель.

— Ну, и что же?

— Ничего, взялъ и товарищу не сказалъ.

Но кубанскій казакъ никогда не тронетъ и не обидитъ бѣдняка. Судя по отношеніямъ ихъ къ болгарамъ, мнѣ случилось приходиться къ тому заключенію, что нищета всегда смѣло можетъ рассчитывать на состраданіе казака. Подъ грубой, внѣшней оболочкой бьется мягкое, доброе кубанское сердце. Съ богатаго крестьянина онъ, пожалуй, и поживется, если терпитъ голодъ, но собственности бѣднаго никогда не тронетъ, если ему прямо не прикажутъ скосить ячмень для корма лошадей.

Другимъ развращающимъ элементомъ казачьей старшины являются „пришельцы“. Последніе становятся въ строй казаковъ. Само собою разумеется, что между казаками и пришельцами нѣтъ ничего общаго. Казаки терпѣть ихъ не вѣдаютъ, а пришельцы, чувствуя неловкое положеніе въ чужой семьѣ, стараются или породниться съ ними, или поддѣлаться подъ нихъ; но не имѣя никакихъ понятій казачьяго быта, они бьются на вытѣшность и часто ошибаются. Нѣтъ ничего болѣе рѣзкого глаза, какъ пришелецъ въ обществѣ казаковъ. Ради достиженія популярности, они готовы даже брить свои головы, какъ дѣлаютъ это казаки, впрочемъ только въ очень жаркое время года. Какая-то ермолка на голоѣ, какихъ въ сущности казаки вовсе не носятъ, какая-то пресестественная, театральнo-комическая поза напускной лихости, поддѣланная трубость рѣчи, хамскія манеры—все это считается, по мнѣнію пришельцевъ, свойственнымъ казаку; но, въ сущности, все это выходитъ самою грубою клеветою на казачье войско.

Бѣтъ чего?.. замѣчали мы, бывало, подобные пришельцы на предположеніе, что запасы закусокъ съѣдены, въ походѣ:—Намъ-то бѣтъ нечего?.. намъ, казакамъ? что вы — Богъ съ вами! вы срамите казаковъ... эй, Куриченко! поищи-ко, братъ, гдѣ-нибудь на заднихъ дворахъ... авось, чего-нибудь...

Замѣйте, что это приказывало начальство нижнему чину. Начальство при этомъ подмигивало, котирадо руки, какъ-бы хвастаясь доблестью подобной миссіи, будто-бы столь естественной въ казачьей средѣ. Это была, одна-кожъ, чистѣйшая клевета на казаковъ. Кубанскіе казаки никогда не были дорами, хотя и не отказывались, отъ долгу службы, исполнять приказанія начальства. Правда

они: перешли границы убитых турокъ, у нихъ была даже узаконенная обычаями общая касса, въ которую поступили всѣ добычи, но это касалось только собственности неприятеля.

Всякому пришельцу было очень лестно служить съ терскими и кубанскими казаками; за ними была боевая слава ихъ отцевъ, а, главное, каждый пришлецъ безонаснѣ чувствовалъ себя въ обществѣ такихъ воиновъ. Слѣдо можно сказать, что это — единственное войско, на которое можно полагаться, замуривъ глаза, въ самую критическую минуту битвы. Казакъ васъ не броситъ, онъ не оставитъ даже вашего тѣла на полѣ битвы, если только не крайность. Изъ боевой жизни кавказскихъ горцевъ известны многіе случаи, когда изъ за-тѣла убитаго развѣднаго или аванпостнаго казака начинались цѣлыя битвы. Въ томъ же кубанскомъ полку я зналъ одного офицера, подполковаго командира Кухаренко, который имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ, получивъ его, по приговору товарищей, за то, что, будучи еще простымъ казакомъ, онъ отбивался одинъ отъ неприятеля, защищая трупъ своего товарища до тѣхъ поръ, пока не явились ему на выручку. Съ такими казаками всякому пришельцу служить было и лестно, и выгодно, потому что скорѣе можно было затрести жаръ при помощи ихъ рукъ.

Казачья бригада состояла изъ двухъ полковъ: терскаго и кубанскаго. Я позволяю себѣ останавливаться на нѣкоторыхъ подробностяхъ о кавказской бригадѣ, потому что ей пришлось играть довольно ответственную роль на правомъ флангѣ, въ отрядѣ барона Криденера, и она займетъ довольно видное мѣсто въ моемъ послѣднемъ разсказѣ. Дѣятельность кавказской бригады — впрочемъ, не столько дѣятельность самой бригады, сколько дѣятельность

ея начальнико — тѣсно связанъ съ судьбою знаменитой
Плевны. Вотъ почему итѣ хочется познакомиться насъ и
съ составомъ этой бригады. Въ самомъ началѣ войны;
кавказскій отрядъ дунайской арміи состоялъ изъ четы-
рехъ элементовъ: кубанскихъ казаковъ, терскихъ каза-
ковъ, осетинъ и ингушей. Въ составъ кубанскаго полка
вошли исключительно казаки изъ за Кубани, въ со-
ставъ терскаго: трехъ-племенные жители Терской Об-
ласти. Осетины — на половину христіане, на поло-
вину магометане. Въ началѣ войны, когда сведенный
кавказскій казачій отрядъ двинулся, подъ командою Обо-
белева 1-го, въ предѣлы Румыніи, ингуши, какъ дикое,
необузданное племя, начали грабить и дѣлать всякія без-
чинства. Поведеніе ингушей вызвало съ одной стороны
репрессивныя мѣры начальства, съ другой — всеміло въ
отрядѣ товарищескій раздоръ, молва, ругань и уличенія.
Ингушамъ все это не нравилось. Въ отиѣтъ на репрес-
сивныя мѣры начальства — ингушки начали двусмысленно
высказываться относительно будущей войны съ турками,
„съ братьями по религіи“, какъ они называли турокъ.
Подожитъся на ихъ добросовѣстность было мудрено;
они доказывали это на дѣлѣ, да кромѣ того, въ составѣ
ингушей не было постороннихъ элементовъ, на которые
можно было бы разсчитывать, какъ на могущіе сдержать
ихъ двусмысленные порывы. Контингентъ ихъ офицеровъ
состоялъ тоже изъ ингушей, которые ничѣмъ не отлича-
лись отъ нижнихъ чиновъ какъ въ смыслѣ поведенія, такъ
и въ смыслѣ развитія вообще. Несмотря на то, что среди
осетинъ находилось много магометанъ, послѣдніе не со-
чувствовали ингушамъ, и между ними всегда выходили
жестокія ссоры. Это объясняется тѣмъ, что осетины при-
надлежать къ родѣ мирному, болѣе обрусѣлому племени

кавказскихъ горцевъ, среди которыхъ были себѣ почти христіанскіе миссіонеры. Послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ безобразій ингушей, пришла молва, что они хотятъ „передать свое знамя туркамъ“, при первомъ удобномъ случаѣ. Благоразуміе заставило, конечно, отдѣлить ингушей отъ отряда и отправить ихъ обратно на родину. Передъ отъѣздомъ ингушей изъ Журжева въ отрядѣ произошло довольно бурная сценка. Они, кажется, передрались съ осетинами. Потомъ, уже на перепутьи, ингуны фигурировали на куликовомъ полѣ мирной Одессы, въ качествѣ сердцеводовъ и развлекателей одесскихъ дамъ и дѣвицъ, джигитовкою и дикими плясками съ кинжаломъ. Такимъ образомъ, отрядъ остался съ двумя полками.

Лихое это было войско. Лихо, бывало, вскочать десять сотенъ казаковъ на свои высокія сѣдла и, красиво подбоясь, всѣ сразу готовы кинуться съ мѣста въ атаку при первой командѣ полковаго командира. Осетины, стройные, какъ пальмы, черные какъ смола, съ выразительными лицами—страстные любители лихихъ набѣговъ. Они оставили на родинѣ женъ, дѣтей, покинули хозяйства, приносящія многимъ изъ нихъ тысячи рублей годового дохода, и, не будучи призваны въ обязательную службу, сами просились на войну. Что влекло ихъ сюда? Война — ихъ жизнь. Георгіевскій крестъ — ихъ мечта и счастье.

— Мэнэ нычаво нэ нужно, только Георгій давай! мечтали они въ разговорахъ.

Любо смотрѣть на эти стройные ряды кубанскихъ и терскихъ сотенъ въ походѣ. Образуя дивизіонъ, казачья бригада, растягивается по дорогѣ, окружая орудія своей легкой полевой батареей. Рослые, широкоплечіе, здоровые кавказцы свободно и красиво держатся въ сѣдлѣ. Заки-

нужь назадъ свои высокія мѣховыя шапки, казаки гарпують на коняхъ, высоко подтянувь мѣдныя, круглыя стремена и коротко подобравъ уздечку, украшенную жестяными пуговками. Кубанцы — блондицы; терцы — брюнеты. Загорѣлыя лица казаковъ, обросшія широкими и длинными, клинообразными бородами, носятъ отпечатокъ удалы, терпѣнія, силы, хладнокровія. Туго подтянувь кинжалъ и шашку, по завѣту отцовъ, закинувь за спину винтовки въ мохнатыхъ чехлахъ, казаки двигаются въ авангардѣ, будучи всегда на чеку и на готовѣ. Во главѣ каждой сотни красиво разбѣвается цвѣтной значекъ. Въ одной сотнѣ значекъ этотъ желтый, въ другой — голубой, въ третьей — оранжевый и т. д. Эффективный видъ представляется зрителю, когда онъ смотритъ со стороны на двигающуюся по полямъ и холмамъ бригаду кавказскихъ казаковъ. Это — лучшая боевая кавалерія нашей арміи; это самый удалой, самый надежный авангардъ для пѣхотной части, если счумѣть управиться имъ.

При всемъ томъ, это — самое дешевое для правительства войско. Правительство выдаетъ ему жалованье и кормовыя деньги. Все обзаведеніе казака возлагается на его собственные средства. Казакъ долженъ обмундировать себя; завести лошадь, купить сѣдло, подковать коня на собственный счетъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если онъ и выскажетъ о своихъ правахъ громче остальныхъ, всякая собственность даетъ право на нѣкоторую самостоятельность. Требованія казака весьма ограниченны: они касаются неприкосновенности сокровенныхъ въ казачьей средѣ обрядностей; между тѣмъ, „временщики“ не стѣсняются накладывать руку и на эту неотъемлемую казачью собственность.

Между кубанцами — все молодой народъ; терцы и ку-

башки не изъяты отъ обязательствъ по части воинской повинности. Между осетинами и волонтерами находилось много стариковъ, убѣжденных сѣдинами, отцовъ многочисленныхъ семействъ. Были даже юнкера, лѣтъ пятидесяти. Въ первыхъ офицерскихъ чинахъ были люди старые, и офицеры почти не отдѣлялись отъ нижнихъ чиновъ въ своей обыденной жизни. Большинство изъ нихъ какъ люди самостоятельные, часто очень богатые, отправлялись на войну, рассчитывая „воевать“—и только. Никому и въ голову не приходила черновая сторона службы; они даже и мысли не допускали, что кому нибудь изъ нихъ придется исполнять роль офицерскаго денщика, убирать навозъ офицерской лошади и т. д. Вы видите, что это были, въ своемъ родѣ, помѣщики, не безъ претензіи на привилегированность. Но когда, въ дѣйствительности, имъ пришлось и вычистить офицерскій сапогъ, и убрать навозъ изъ офицерской конюшни, между ними начался ропотъ; многіе готовы были вернуться на родину, но ропотъ скоро прекратился, и осетины снова погрузились въ сладкія мечтанія объ георгіевскомъ крестѣ.

Въ концѣ концовъ, казачій отрядъ Скобелева, какъ извѣстно, былъ расформированъ сейчасъ же при вступленіи нашихъ войскъ въ Болгарію. Одна часть этого отряда, донцы—перешла подъ команду Гурко, другая, кавказская бригада—поступила подъ команду гвардіи Уланскаго полка, полковника Тутолмина.

Кавказцы не любили донцовъ. Донцовъ считали трусами, балованными, нечистыми на руку. „Имъ бы только грабить“, говорили кубанцы про донцовъ.

— Ну, братцы, Донъ идетъ, домой пойдемъ, острили кубанцы, при видѣ снимавшихся съ позиціи донскихъ казаковъ.

Донцы, въ свою очередь, не сходились съ кубанцами.

Надо отдать справедливость донцамъ — кубанцы выставили ихъ въ настоящемъ видѣ. Донецъ такъ и поровнеть, какъ бы стащить что-нибудь, бабу поймать на молѣ жатвы и ротъ ей заткнуть. Придѣтъ болгаринъ къ кубанцамъ жаловаться, что у него рожь скосили казаки.

— Иди вонъ туда, указываютъ кубанцы болгарину на донскихъ казаковъ.

Придѣтъ болгаринъ къ донцамъ, сниметъ шапку, поклонится низко, почешетъ въ затылкѣ и выразитъ свою претензію:

— Такъ, молъ, и такъ, казаки у меня рожь скосили, корову нечѣмъ кормить, корова подохнетъ.

— Ничего, братушка, отвѣтятъ донцы, ласково похлопывая его по плечу:—пуцай лучше твоя коровадохнетъ, чѣмъ моя лошадь. Моя лошадь подохнетъ, казаку на твоей коровѣ не приходится ѣхать.

Засмѣются казаки въ отвѣтъ на такой резонъ. Улыбнется и болгаринъ сквозь слезы. Что дѣлать? война!

Въ число коренныхъ офицеровъ изъ казаковъ вошли многіе служившіе прежде въ разныхъ кавалерійскихъ полкахъ; въ особенности, они лакомы были на высшія должности; всякому хотѣлось командовать, но командовать казаками надо умѣючи; у казаковъ свои приемы, своя выправка, своя тактика и свои соображенія. Это—цѣлая школа, при незнаніи которой, иной командиръ можетъ и спасовать, рискуя быть осмѣяннымъ своими подчиненными.

Рѣзкій звукъ кавалерійской трубы раздался въ сыромъ воздухѣ, когда ранняя зорька разбудила насъ на разсвѣтѣ. Въ бригадѣ началось лихорадочное движеніе. Тамъ, гдѣ за ночь царилъ глубокая тишина, понесся гулъ общаго

говора; люди закопошились, лагерь проснулся. Вытѣзая изъ-подъ теплыхъ бурокъ, разоспавшіеся за ночь казаки сначала крестились, озираясь вокругъ себя, приводили на скоро въ порядокъ свою одежду, затѣмъ подходили къ своимъ конямъ, привязаннымъ на коновязи, чистили ихъ и повели на водопой; вернувшись, опускаясь на корточки, принимались закусывать размоченнымъ сухаремъ или оставшимся отъ ужина, кое-какъ на скоро подогрѣтымъ, супомъ-брандахлыстомъ. Движеніе царило во всемъ лагерѣ. Палатокъ не было раскинуто; здѣсь была короткая стоянка на перепутьи къ Дунаю. Палатки были только у бригаднаго, у полковыхъ командировъ, да у офицеровъ, у которыхъ онѣ были легкія, французскія. Офицеры, группируясь въ кучки, каждый около своихъ сотенъ, пили чай, поминутно отдавая приказанія. Короче, съ первой утренней зорькой, закипѣла жизнь живымъ ключемъ въ бригадѣ, гдѣ за полчаса до того царилъ непробудный сонъ людей, до нельзя утомленныхъ походною жизнью.

— Сходимте въ бригаду, я васъ познакомлю съ полковымъ командиромъ К.—хорошій человекъ, предложилъ мнѣ капитанъ А.

Мы отправились. Мнѣ никогда не случалось бывать въ обществѣ линейныхъ казаковъ. Признаться, я находился въ эту минуту подъ впечатлѣніемъ того представленія, которое выработалось во мнѣ на основаніи общеннаго мнѣнія о казакахъ. Я рассчитывалъ встрѣтить людей черствыхъ, грубыхъ, съ которыми можно говорить только о лошадяхъ, подпругахъ да нагайкахъ. И подъ вліяніемъ этихъ мыслей я началъ взбираться по скату холма въ лагерь, слѣдуя пѣшечкомъ за капитаномъ А., который значительно уѣхалъ впередъ, будучи верхомъ.

Казакъ довольно безразлично относился къ новому пришельцу, штатскому человеку, когда я проходилъ ихъ лагерь. Немногіе даже и оглядывались въ мою сторону. Я видѣлъ, какъ капитанъ А. подѣхалъ къ лучшей палаткѣ, которыя стояли въ рядъ въ задней линіи, всталъ съ лошади и вошелъ въ палатку, гдѣ сидѣло общество офицеровъ и старикъ, генералъ Скобелевъ, съ которымъ я имѣлъ случай познакомиться еще въ Журжевѣ. Около палатки стоялъ какой-то господинъ съ бумагою въ рукахъ и отдавалъ какія-то приказанія чрезвычайно рѣзкимъ голосомъ, крикливымъ тономъ и сильною жесткостью. Его видъ былъ очень оригиналенъ. На немъ не было никакихъ признаковъ офицерскаго достоинства. Высокаго роста, худощавый, онъ былъ одѣтъ въ бѣлый, длинный бешметъ, который казаки надѣваютъ подъ чепецъ; на гладко выстриженной головѣ, едва ли даже не выбритой, сидѣла уморительная бѣлая ермолка. Лицо его отличалось татарскимъ типомъ; вообще видъ его казался донельзя оригинальнымъ, но во всѣхъ его движеніяхъ, въ интонаціи крикливаго голоса казалось такъ много напыщенности, горделивой повелительности, разносительнаго элемента, что даже хотѣлось обойти этого господина. Когда я поровнялся съ нимъ, онъ остановилъ меня самымъ дерзкимъ, грубымъ тономъ.

— Куда вы идете? кто вы такой?

Онъ говорилъ почему-то по-французски.

— Что вамъ здѣсь нужно? что вы шатаетесь здѣсь? неуютно ли вамъ немедленно удалиться отсюда... вонъ!

Я до того растерялся, что первую минуту не зналъ, что и отвѣчать ему.

— Позвольте, я иду въ палатку полковника К. сказать я по-русски.

— Здѣсь—моя палатка, здѣсь—мое знамя, потрудитесь убираться вонъ отсюда!

„Ничего нѣтъ удивительнаго въ такомъ приѣмѣ“, подумалъ я въ первую минуту. „Я залѣзь въ общество линейныхъ казаковъ... я долженъ былъ впередъ предвидѣть такой приѣмъ“. Мнѣ померещился даже видъ нагайки. Но я жестоко ошибся въ эту минуту и совершенно несправедливо обвинилъ казаковъ. Каюсь въ этомъ. Передо мной стоялъ уланскій полковникъ, бригадный командиръ, не имѣвшій ничего общаго съ казаками и сходившійся съ ними до тѣхъ поръ только на марсовомъ полѣ.

— Позвольте, полковникъ, явился ко мнѣ на выручку капитанъ А., позвольте вамъ представить корреспондента; мы идемъ въ палатку К.

Полковникъ и не подумалъ сконфузиться или извиниться. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, по своему положенію, воображаютъ себя внѣ всякихъ условій публичнаго слова. Желчь его обрушилась на капитана А., но не въ томъ смыслѣ, что онъ не предупредилъ его, а въ томъ смыслѣ, что онъ подвелъ меня къ его палаткѣ, а не къ другой.

Генералъ Скобелевъ вывелъ меня изъ затруднительнаго положенія, пригласивъ обѣдать.

Привожу эту сценку ради характеристики того положенія, въ которомъ приходилось бывать корреспонденту. Пожалуй, это весьма яркая черта многихъ „дѣятелей“ войны, выработанная на фундаментѣ нашихъ своеобразныхъ понятій и дисциплинарнаго отношенія къ людямъ.

Къ вечеру того же дня мы снялись съ позиціи и сдѣлали еще одинъ промежуточный переходъ къ Дунаю, на деревню Бея.

X.

Переходъ черезъ Дунай.

Русские не были новичками въ дѣлѣ переправы черезъ Дунай. Въ продолженіи послѣдняго столѣтія, мы совершили не менѣе двадцати переправъ въ различныхъ пунктахъ Дуная; мы переходили у Видина, у Силистрии, у Гособоля, у Черноволъ и Сатунова; мы переходили у Кладово, Брадлова, Галаца, у Туртукая, Гирсова и Исмаила.

Но никогда еще эти переходы не совершались при такой обстановкѣ, въ которой была теперь турецкая армія. Время измѣнило положеніе вещей. Въ былыя времена, мы имѣли дѣло съ безарманными турками, слабымъ, жалкимъ и плохо вооруженнымъ войскомъ: мы видѣли устья Дуная въ своихъ рукахъ и вообще владѣли рѣкою, какъ у себя дома. Въ настоящее время турки, хотя и являлись слабѣйшимъ войскомъ, сравнительно съ нашей арміей, но эта слабость касалась лишь внутренней организаціи ихъ арміи, нравственныхъ и умственныхъ силъ ихъ генераловъ... Мы могли спорить съ турками на полѣ битвы съ полнымъ расчетомъ на успѣхъ, но касаясь переправы черезъ Дунай, мы должны были отдать туркамъ должное и признать ихъ болѣе сильными на берегахъ шумной, быстротечной рѣки, высокіе берега которой защищались рядомъ первоклассныхъ крѣпостей, прекрасно устроенныхъ въ фортификаціонномъ отношеніи и отлично вооруженныхъ круповскими орудіями и устьемъ которой запиралось броненосною эскадрою турецкаго флота. Цѣлая рѣчная эскадра съ вооруженными рѣчными мониторами плавала въ самомъ Дунаѣ и грозила разбить

мость, потопить всякій понтонъ—словомъ, нанести намъ такихъ неприятностей, мысль о которыхъ даже не могла придти въ голову во времена нашихъ прошлыхъ переправъ. Вооружение турокъ значительно превосходило наше. Засѣяніе въ своихъ границахъ, на высокихъ берегахъ рѣки, турки могли во всякое время дня и ночи засыпать насъ миллиардами пуль и гранатъ и уничтожить десятки тысячъ нашего войска. Что могли мы, лишённые всякихъ перевозочныхъ средствъ, въ формѣ мало-мальски порядочно-устроенныхъ судовъ, съ какими-то плотами и воздушными понтонами? Вся Европа взирала на насъ съ чувствомъ глубокаго любопытства, и едва ли находился одинъ недругъ, который бы не предсказывалъ намъ полнаго фiasco на берегахъ Дуная.

Нужно было сдѣлаться владѣльцемъ какой-нибудь части Дуная прежде, чѣмъ приступить къ переправѣ. Чтобы сдѣлаться владѣльцемъ, нужно было покупать участки рѣки, шагъ за шагомъ, дорогою цѣною труда и терпѣнія. У насъ были подъ рукою однѣ только мины—это единственное средство, при помощи котораго можно было заручиться клочкомъ Дуная. Но что такое мины? Это—средство новое, неиспытанное; каждую мину можно выловить легко изъ воды, а какъ трудно опускать ее съ математическою точностію подъ градомъ непріятельскаго огня! Безъ математической же точности страдаетъ вся система миннаго загражденія. Это доказали намъ факты миннаго загражденія при Паранѣ, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ моряковъ, часть Дуная, между турецкимъ берегомъ и островомъ Мечинъ, осталась, все-таки, незагражденной, по случаю убійственнаго огня непріятеля. Такимъ образомъ, мониторы могли свободно проходить изъ Русска въ Систову и разрушать мосты. На второй день

переправы, турецкій мониторъ даже показывался въ виду Зимницы; но онъ почему-то не рискнулъ приблизиться къ мосту, который мы тогда наводили. Нервничательность турецкихъ мониторовъ можно объяснить, влияніемъ страха который нагнали на нихъ Шестаковы, Дубасовы и браиловская батарея.

При выборѣ пункта переправы, нужно было принимать многое въ соображеніе. Мы находились въ зависимости отъ нашихъ обстоятельствъ, отъ прошлыхъ примѣровъ изъ исторіи турецкихъ войнъ, отъ проведенныхъ дорогъ въ Румыніи и отъ будущихъ намѣреній въ Болгаріи. При двадцати кратныхъ примѣрахъ переправы черезъ Дунай, мудрено было выбрать такое мѣсто, гдѣ бы насъ вовсе не ожидали. Наученные совѣтами своихъ европейскихъ друзей, турки довольно бдительно слѣдили за нами, хотя и прозѣвали въ концѣ концовъ. Необходимо было выбрать такой пунктъ, который не былъ бы слишкомъ удаленъ отъ вѣтви желѣзной дороги, проходящей черезъ Бухарестъ на Яссы и Кишиневъ, и отъ такого мѣста, откуда открывался бы болѣе или менѣе открытый и прямой путь за Балканы. Такимъ пунктомъ было Систово. Дорога отъ Систова вела насъ прямо на Трново, въ столицу древне-болгарскаго княжества, оттуда — за-Балканы на Габрово, на Адрианополь и прямо въ Константинополь, о которомъ мы тогда мечтали, какъ о завоеванномъ уже городѣ. Эта дорога сокращала путь, разрѣзала турецкія силы и была даже выгодна, съ точки зрѣнія дипломатической: она являлась, такъ сказать, неожиданностью въ глазахъ Европы и Турціи, потому что въ это время всѣ газеты предсказывали переправу у Никополя и кричали объ этомъ съ такою настойчивостью, что турки готовы были совершенно искрен-

но вѣрить глашатаямъ. Этотъ путь велъ насъ прямо въ древнюю столицу Болгаріи, что входило отчасти въ интересы гражданскаго управленія, а благополучное занятіе этого города могло воодушевить болгарское народонаселеніе и увеличить численность болгарскаго ополченія. Всѣ крѣпости восточнаго четырехугольника Турціи оставались въ сторонѣ. Такимъ образомъ, Зимница, находящаяся почти противъ Систова, явилась самымъ выгоднымъ, самымъ удобнымъ мѣстомъ для переправы. Недалеко отъ Зимницы, выше по Дунаю, течетъ рѣка Ольта, на верхнихъ берегахъ которой заготовлялся лѣсной матеріалъ для моста и по теченію которой удобно было сплавлять его и спускать потомъ, по теченію же Дуная къ Зимницѣ. Возвышенные, крутые турецкіе берега у Систова, весьма опасные для атаки, и плоскій, низменный противоположный берегъ Зимницы, съ котораго чрезвычайно мудрено предпринимать переправу, не будучи замѣченнымъ на первыхъ же порахъ своего движенія — могли только отвлечь вниманіе турокъ отъ этого мѣста и убѣдить ихъ окончательно, что здѣсь русскіе переправляться не будутъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣка Дунай широка и представляетъ, по внѣшности, большія неудобства для переправы. Словомъ сказать, переправа у Зимницы представляла собою всѣ шансы на успѣхъ и, сверхъ того, это былъ пунктъ, гдѣ мы никогда еще не переправлялись.

Кому принадлежитъ мысль переправы черезъ Дунай и планъ ея исполненія? Мысль переправы черезъ Дунай — одна изъ свѣтлыхъ мыслей прошлой кампаніи, а когда являются хорошія мысли въ замкнутомъ кружкѣ одинаково заинтересованныхъ лицъ, то оказывается потомъ, что каждому хочется быть ея хозяиномъ. Я слы-

шаль такъ много имѣнь собственниковъ этой мысли, что, положа руку на сердце, рѣшительно не могу указать на ея настоящаго хозяина. Курьезнѣе всего то, что каждый тянетъ сторону „своего“. Трудно себѣ представить, чтобы эта мысль родилась на самомъ берегу Дуная; поздно собакъ кормить, когда надо на охоту идти. Вѣроятноѣе всего, что выборъ мѣста переправы былъ уже сдѣланъ заранее, такъ сказать, вошелъ въ общій планъ кампаніи, безъ котораго воевать нельзя. Современемъ, всѣ эти планы могутъ, конечно, видоизмѣняться; но исходная точка должна же быть. Вотъ почему, мнѣ кажется, грѣшатъ передъ истинною тѣ, которые увѣряютъ, что мысль переправы черезъ Дунай вблизи Турно-Магурелли родилась на самомъ берегу Дуная, во время рекогносцировки зимническихъ прибрежій. Что же касается плана исполненія и замѣчательной систематичности этого исполненія, то это принадлежитъ всецѣло генералу Драгомирову.

Уже въ Кишиневѣ ходили слухи, что дивизіи генерала Драгомирова, входящей въ составъ 8-го корпуса, предстоитъ совершить переправу черезъ Дунай. Ничего невѣроятнаго въ этихъ слухахъ не было, такъ какъ генераль Драгомировъ извѣстенъ былъ своимъ научнымъ образованіемъ, какъ одинъ изъ рабочихъ теоретиковъ генеральнаго штаба. А кому же и поручать подобные маневры, какъ не людямъ, имѣющимъ за собою научную подготовку? Правда, Драгомировъ никогда не былъ практикомъ, но въ этомъ отношеніи всѣ наши генералы стояли на одной почвѣ. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ выдѣлялся своею прошлою ученою дѣятельностью и былъ извѣстенъ, какъ иниціаторъ новыхъ теорій по части образованія нашихъ войскъ. Безспорно, и у Драгомирова были свои недруги; и теперь не рѣдко слышатся мнѣнія

въ осужденіе нѣкоторыхъ его теорій; но отъ враговъ избавлены только тѣ люди, которые ничего не дѣлають. Драгомировъ не разъ выступалъ на поприще обществённости по части литературной пропаганды своихъ теорій и, слѣдуетъ замѣтить, теорій до извѣстной степени либеральныхъ, принятіе которыхъ налагало печать забвенія на старые порядки автоматической дисциплины. Случалось, что онъ бралъ верхъ къ досадѣ тѣхъ, которые охотно вырыли бы ему яму. Конечно, людямъ свойственно ошибаться; легко можетъ быть, что и Драгомировъ подъ-часъ ошибался въ своихъ тактическихъ соображеніяхъ; съ нѣмъ можно спорить, но никто не въ правѣ отнять отъ Драгомирова его дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, Драгомировъ работалъ въ своей жизни. Мы переживаемъ такое время, когда честная дѣятельность человѣка и честные пути должны цѣниться на вѣсъ золота.

Драгомировъ—человѣкъ чисто русскаго ума, не воспитаннаго на теоріяхъ смѣлыхъ, самостоятельныхъ заключеній; но умъ его—сильный, не лишенный до нѣкоторой степени, нѣмецкой педантичности и систематичности. Положительная и самая цѣнная сторона его натуры выражается въ томъ, что русскій солдатъ его любитъ искренно и горячо. Не много такихъ начальниковъ, которыхъ такъ любятъ нижніе чины. Затѣмъ извѣстна и другая чрезвычайно симпатичная черта его характера: идти по возможности прямымъ путемъ къ достиженію своихъ цѣлей.

Я говорю „по возможности“, потому что мудрено же, въ самомъ дѣлѣ, быть простакомъ человѣку его среды. Въ лицѣ генерала Драгомирова я видѣлъ свѣтскаго генерала, но въ немъ не было рѣшительно ничего напускного, заносчиваго, наружно-самолюбиваго; все было въ

немъ просто и искренно настолько, насколько позволять его тонкій умъ. Онъ хмурился, когда ему покушались говорить комплименты, и весь успѣхъ переправы черезъ Дунай приписывалъ „доброму, послушному русскому солдату“. Онъ плакалъ, говоря о солдатахъ: несомнѣнно это—человѣкъ добраго сердца.

Четырнадцатая дивизія генерала Драгомирова выступила на деревню Атернаци изъ деревни Кареда, находящейся въ семнадцати верстахъ къ югу отъ Бухареста, 8-го іюня, дивизія пришла въ Атернаци. На другой день, т. е. 9-го іюня, туда же прибыла часть штаба главной квартиры.

— Мы ѣдемъ на рекогносцировку, пояснилъ генералъ Левицкій.

Драгомирова пригласили ѣхать вмѣстѣ со штабомъ. Въ тотъ же день вечеромъ, выѣхали къ берегамъ Дуная, въ Зимницу: Главнокомандующій арміей, генералы Непокійчикій, Левицкій, Драгомировъ и Рихтеръ заняли, 10 іюня, мѣста въ небольшой рощѣ, находящейся на самомъ берегу Дуная, въ правомъ концѣ деревни и, принявъ самыя тщательныя мѣры предосторожности, для того, чтобы не обнаружить своего присутствія, провели цѣлый день въ наблюденіяхъ за движеніями и положеніемъ противоположнаго турецкаго берега. Но прежде всего, необходимо познакомить читателя съ мѣстностью.

Турецкій берегъ вполне господствуетъ надъ лѣвымъ, румынскимъ берегомъ Дуная. На сравнительно низменномъ, хотя и обрывистомъ (на нѣсколько сажень), румынскомъ берегу расположена Зимница. Почти противъ Зимницы, нѣсколько правѣе, на противоположномъ бере-

гу, усматривается среди росистой зелени болгарской городъ Систово. Онъ какъ будто приклеенъ къ высокой горѣ, которая переходитъ въ безконечную цѣпь возвышенностей. Всѣ эти горы густо заросли зелеными лѣсами, кустарниками. На румынскомъ же берегу Дуная вы видите громадную, песчаную поляну, которая тянется на нѣсколько верстъ вдоль румынского берега и затопляется каждый разъ, когда воды Дуная поднимаются выше своего нормального уровня. Во время разлива здѣсь цѣлое море воды, но лишь только вода спадаетъ, образуется топкая песчаная степь. Узкій рукавъ Дуная врывается въ одномъ мѣстѣ въ эту песчаную степь и орошаетъ крутой берегъ самой Зимницы. Лѣвѣе, въ порядочномъ разстояніи отъ Зимницы, на песчаной полянѣ, на самомъ берегу нормального Дуная находится небольшая роща; она приходится какъ разъ противъ узкаго и длиннаго острова на Дунаѣ, находящагося гораздо ниже Систова. Правѣе отъ этой рощи, т. е. выше по Дунаю, въ нѣкоторомъ разстояніи, находилась, такъ-называемая, австрійская мачта, мѣсто остановки пароходовъ у Зимницы. У самой рощи стояла караулка. Затѣмъ, все громадное пространство песчаной и низменной поляны оставалось совершенно открытымъ съ высоты турецкаго берега. Прежде, чѣмъ дойти до рѣки, нужно было проходить пространство болѣе двухъ верстъ. Черезъ зимницкій рукавъ Дуная былъ перекинутъ мостикъ. Самый городъ Систово расположенъ въ лощинѣ, окруженъ фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Если смотрѣть на Систово съ румынского берега, вы видите густую зелень, изъ-за которой еле-еле виднѣются крыши домовъ и куполь большого болгарскаго собора. Турецкіе минареты при-

даютъ общей картинѣ своеобразную, чрезвычайно красивую обстановку; стройные и высокіе, они украшаютъ мѣстность въ связи съ этой роскошной зеленью, съ этими холмами и зеленѣющими лощинами. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Систово. Турецкіе берега на всемъ этомъ пространствѣ чрезвычайно круты и обрывисты: мѣстами находятся овраги и лощины. Ниже Систова, почти какъ разъ противъ австрійской мачты, втекаетъ въ Дунай небольшая рѣчка Текирь-Дыре; она течетъ въ оврагѣ. Мѣстами берега до того круты, что нѣтъ никакой возможности на нихъ взобраться. Общій планъ занятія города Систова могъ заключаться въ томъ, что войска, по мѣрѣ своей высадки, должны были направляться лѣвѣе Систова въ горы, занимать рядъ отдѣльныхъ возвышенностей и, по мѣрѣ занятія этихъ холмовъ, двигаться на самую высокую гору. Эта гора образуетъ, такъ сказать, фонъ передовыхъ холмовъ и тянется хребтомъ, отдѣляя собою прибрежные окрестности Систова отъ другихъ, внутреннихъ болгарскихъ округовъ. Выше того мѣста, гдѣ течетъ Текирь-Дыре, стоитъ городъ Систово, какъ разъ у подножія этой высокой горы. Такимъ образомъ разъ эта гора занята и непріятель прогнанъ съ ея возвышенности городъ самъ собою попадалъ въ руки побѣдителя.

Но для того, чтобы овладѣть этою горою, необходимо было пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній: спуститься съ понтонами, съ артиллеріею и съ войсками, съ румынскаго берега, перейти песчаную поляну, спустить понтоны на воду, переплыть Дунай, взобраться на крутизну турецкаго берега, выбить непріятеля со всѣхъ отдѣльныхъ высотъ и тогда уже стараться занять конечную, большую гору сзади Систова.

Въ день упомянутого наблюденія изъ Зимницы за Систовомъ генераль Рихтеръ получилъ приказаніе — съ возможною тщательностію освидѣтельствовать почву песчаной поляны, насколько она плотна и возможно ли провезти по ней артиллерію и понтонные парки. Результаты его дневной рекогносцировки увѣнчались успѣхомъ и привели къ благопріятнымъ заключеніямъ. Съ тѣмъ и уѣхалъ Главнокомандующій съ остальною своею свитою изъ Зимницы въ Пятру, вечеромъ 10 іюня, ничего не рѣшая на мѣстѣ относительно переправы. Въ Пятрѣ ночевали. Берега Зимницы охранялись въ то время пикетами люблинскаго гусарскаго полка, находящагося подъ командою полковника Бороздина. Люблинцы мирно коротали время на своихъ аванпостныхъ пикетахъ и не видѣли рѣшительно ни малѣйшаго движенія нашихъ войскъ. Около Зимницы не было построено ни одной нашей батареи; не было вырыто ни одного стрѣлковаго ложементъ. Мѣсто переправы сохранялось въ полномъ секретѣ не только отъ турокъ, но и отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. Мѣстоположеніе береговъ, въ связи съ тѣми соображеніями, что движеніе войскъ по песчаной полянѣ сопряжено съ громадными потерями отъ артиллерійскаго огня непріятеля, что наводка моста чрезвычайно затруднительна, приводили турокъ къ заключенію, что переправы у Систова никогда не будетъ.

Изъ Пятры главная квартира поѣхала въ Сяку, верстахъ въ десяти выѣхали на берегъ, затѣмъ отправились въ Турнь-Магурели. Тамъ, около двухъ часовъ пополудни, собрался военный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе Главнокомандующій, Непокійчицкій, Левицкій, Драгомировъ и великій князь Николай Николаевичъ младшій. На совѣтъ принято было окончательное рѣшеніе

переправы черезъ Дунай у Зимницъ. Драгомирову приказано было вернуться въ Бею, гдѣ находилась его дивизія, и въ ночь съ 14-го на 15-ое приступить къ переправѣ. Рѣшено было для отвлеченія вниманія турокъ отъ пункта переправы, принять слѣдующія демонстративныя мѣры: корпусъ генерала Циммермана перевести черезъ Дунай у Браилова, въ ночь съ 12-го на 13-е іюня, открывать самыя сильныя канонады по ночамъ съ 13-го на 14-е іюня и съ 14-го на 15-е противъ Рущука и у Никополя; въ это время, противъ Систова должна быть могильная тишина. Великій князь Главнокомандующій приказалъ Драгомирову подводить войска къ Зимницѣ или ночью, или раннимъ утромъ, но отнюдь не днемъ и не вечеромъ, принимая во вниманіе сильное солнечное освѣщеніе румынской стороны берега, между тѣмъ какъ раннимъ утромъ солнце било въ глаза турокъ и, слѣдовательно, лишало ихъ возможности въ точности слѣдить за движеніемъ на румынскомъ берегу. Къ вечеру 11-го іюня, генераль Драгомировъ уѣхалъ въ деревню Бею.

Во время ночевки въ д. Пятра генераль Левицкій приказалъ послать офицера въ д. Бею съ цѣлью узнать, прибыли-ли туда понтоны? Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ отправился въ Бею и вернулся оттуда въ Пятру.

— Всѣ понтонныя парки прибыли уже въ Бею, донесъ онъ Драгомирову: — и сегодня въ ночь предполагается движеніе понтоновъ на Пятру, согласно маршруту, данному майору Копанскому, начальнику парковъ.

Это движеніе предполагалось въ ночь съ 12-го на 13-ое іюня. Въ это время, Литвиновъ уже не засталъ главной квартиры, такъ какъ она переправилась въ Драчу. Разговоръ этотъ происходилъ около семи часовъ вечера,

12-го іюня, а въ этотъ-же вечеръ, по донесенію Литвинова, понтонные парки должны были выступить по совершенно другой дорогѣ, если принять во вниманіе рѣшеніе переправляться черезъ Дунай у Зимницы. Разстояніе до Беи около двадцати верстъ. Если послать Литвинова обратно въ Бею, для того, чтобы остановить движеніе понтоновъ на Пятру и направить ихъ на Зимницу—офицеръ рискуетъ уже не застать ихъ въ Беѣ и, въ лучшемъ случаѣ, встрѣтитъ ихъ по дорогѣ; между тѣмъ какъ Литвинову необходимо еще ѣхать за главной квартирою въ Драчу съ этимъ донесеніемъ, такъ какъ онъ былъ посланъ генераломъ Левицкимъ. Что оставалось дѣлать Драгомирову, въ виду рѣшенія главной квартиры и въ тотъ моментъ, когда для него была дорога каждая минута и когда всякій лишній, ненужный маршрутъ понтоновъ вызывалъ вредную для дѣла проволочку времени?

— Подѣзжайте немедленно обратно въ Бею; я вамъ дамъ всѣ средства, загоните лошадей, дѣлайте, что хотите—остановите понтоны въ Беѣ; я сейчасъ тамъ буду самъ лично.

— Но мнѣ необходимо ѣхать въ главную квартиру съ отвѣтомъ, настаивалъ офицеръ, исполняя долгъ службы.

— Именемъ главной квартиры, я вамъ отдаю это распоряженіе, сказалъ ему Драгомировъ, не имѣвшій права говорить съ нимъ въ эту минуту искренно, дабы не наружить рѣшенія главной квартиры.

Литвиновъ, дѣльный и энергичный офицеръ генеральнаго штаба — одна изъ несчастныхъ жертвъ нашихъ за Дунаемъ (онъ былъ убитъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій въ Болгаріи)—сѣлъ на коня и поскакалъ обратно въ Бею. Генераль Драгомировъ пріѣхалъ въ Бею часовъ около двѣнадцати по полуночи. Подѣзжая къ мѣстечку

Смердозы, онъ встрѣтилъ длинный обозъ, тянувшійся по дорогѣ.

— Что такое тянется?.. какой обозъ?

— Понтонные парки, ваше превосходительство.

— Пригласите ко мнѣ майора Копанскаго.

Явился майоръ Копанскій.

— Куда идете?

— Мнѣ первоначально приказано было идти на Пятру, ваше превосходительство, отвѣтилъ майоръ Копанскій:— а потомъ мнѣ дали направленіе къ Смердозѣ, на Сойму.

— Офицеръ генеральнаго штаба Литвиновъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Съ Богомъ!

Дѣльный офицеръ понялъ, въ чемъ дѣло. Когда Драгомировъ проѣзжалъ, обозъ-понтонные парки уже перѣѣхали черезъ мостъ находившейся здѣсь рѣчонки. Перѣѣхать мостъ обозу—значить, половину дѣла сдѣлать.

Генералъ приступилъ къ исполненію плана переправы. 12-го іюня, часовъ около 11, онъ собралъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльных частей 14-й дивизіи, артиллерійской бригады, командировъ 4-й стрѣлковой бригады, полковыхъ и батальонныхъ командировъ, батарейныхъ командировъ 14-й бригады, командировъ двухъ горныхъ батарей, состоящихъ при стрѣлковой бригадѣ, командира пластуновъ, командира 68-го донскаго полка и командира гвардейской полу-роты. Всѣ эти части вошли въ составъ его отряда. Пригласивъ начальниковъ отдѣльных частей, генералъ обошелъ ряды войскъ и подозвалъ къ себѣ командира шестого понтоннаго парка,

— Намъ приказано идти на Зимницу, а куда мы пойдѣмъ дальше — того не знаю, объявилъ онъ офицерамъ. — Въ Зимницѣ мы будемъ ждать приказаній; тамъ

занимаютъ и будутъ занимать аванпосты, любинцы и брянцы; надо постараться сдѣлать движеніе возможно скрытно, и чтобы ничего не измѣнилось на берегу Дуная.

Затѣмъ генералъ пригласилъ начальниковъ въ ближайшій сарай, за немѣнѣемъ лучшаго мѣста, и объявилъ имъ:

— Движеніе пойдетъ въ слѣдующемъ порядкѣ; гг. командиры стрѣлковой бригады, пластуновъ, горной батареи, пожалуйста сюда!

Они вышли впередъ.

— Вы выступаете первыми, въ 6 часовъ вечера, дѣлаете привалъ у колодцевъ и должны приступить къ Зимницѣ въ 6 часовъ утра, когда разсвѣтеть, но вы примете все мѣры для того, чтобы ваше движеніе не было обнаружено.

Командиры поименованныхъ частей выслушали генерала и отошли въ сторону.

— Гг. командиры первой бригады 14-й дивизии и первыхъ трехъ батарей, пожалуйста сюда!

Опять образовалась группа: Юдицынъ, Родіоновъ, Молевскій.

— Вы составляете второй эшелонъ, выступаете 13-го іюня, рано утромъ, доходите до колодцевъ, дѣлаете большой привалъ до сумерекъ, и ночью подступаете къ Зимницѣ.

Приглашены были командиры второй бригады 15-й дивизии, Петрушевскій, Духонинъ, Тележниковъ и командиры двухъ батарей (четвертая, легкая, была уже въ Зимницѣ въ это время).

— Вы, гг., выступаете въ 5 часовъ пополудни 13-го іюня, доходите до колодцевъ и оттуда, сдѣлавши привалъ, идете на Зимницу и подходите къ ней къ тремъ или четыремъ часамъ утра.

Таковы были первыя распоряженія генерала Драгомирова. Я нарочно передаю сцену въ подлинникъ для того, чтобы охарактеризовать ту систематичность, метерая составляет одну изъ отличительныхъ чертъ характера Драгомирова.

Всѣ предписанныя движенія были сдѣланы, какъ говорится безъ осычки. Отъ бумагъ великій князь приказалъ воздерживаться. Вообще, на это время главная квартира умышленно отстранила себя отъ 14-й дивизии.

Тысячъ около 20,000 войска сверщали движеніе въ Зимницу; но никакой внѣшней стороны этого движенія не было видно. У Зимницы встрѣчали войска начальникъ штаба дивизіи Якубовскій и старшій адъютантъ, капитанъ Котельниковъ, которые и разсмѣщали эшелоны такимъ образомъ, чтобы не обращать на себя вниманіе, т. е. не разбивая палатокъ и прячась за дома и за заборы задняго фасада города, такъ что ночь съ 13-го на 14-е іюня войска провели на открытомъ воздухѣ. Въ эту же ночь, навели мостъ черезъ рукавъ Дуная, омывавшій берегъ самой Зимницы, и ушли по эту сторону Бодотовины, къ лѣвой рошѣ на берегу Дуная.

Сильно должны были биться сердца служащихъ 14-й дивизіи. По мѣрѣ дальнѣйшаго приготовленія люди ожитировались все болѣе и болѣе; всякій сознавалъ: сегодня живъ, завтра могу быть мертвымъ. Если бы не вѣра въ лучшее, согревающая каждого человека — это сознаніе способно убить человека сѣдинами въ одну ночь. День 14-го іюня проведенъ былъ генераломъ Драгомировымъ въ самомъ тяжеломъ ожиданіи. Это было для него вопросъ жизни или смерти; это было „экзаменъ грамоты“ въ рядахъ русской арміи.

14-го іюня, къ 12 часамъ пополудни, въ Зимницу

приѣхалъ генералъ Радецкий, съ своимъ начальникомъ штаба, полковникомъ Дмитровскимъ. Драгомировъ былъ въ такомъ жервно-возбужденномъ состояніи, что замѣтилъ между прочимъ Дмитровскому:

— Теперь я понимаю, почему люди иногда пускаютъ себя пулю въ лобъ.

Утромъ 14-го іюня, Драгомировъ снова пригласилъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, до ротныхъ командировъ включительно. Генералъ помѣщался въ томъ же самомъ домѣ, въ правой сторонѣ города, на берегу Дуная, гдѣ останавливалась и главная квартира. Размѣстивъ офицеровъ группами за деревьями небольшой рощицы, съ биноклями въ рукахъ — генералъ началъ съ ними рекогносцировку.

— Видите, гг., Систово, повелѣ онъ имъ такую рѣчь: — мы будемъ здѣсь переправляться черезъ Дунай; мы будемъ высаживаться у устья вонъ той рѣчки, называемой Текирь-Дыре. По высадкѣ на берегъ, прилагайте всѣ силы, чтобы скалывать на дорогѣ все, что вы встрѣтите... намъ нужно стремиться къ тому, чтобы занять высокую гору, надъ Систовымъ. Когда эта гора будетъ занята, мы займемъ и самый городъ. Этими пока ограничимся; преслѣдованіемъ непріятеля не увлекайтесь, намъ необходимо прикрыть переправу, а не гоняться за дешевыми лаврами. Теперь, чтобы насъ не замѣтили, разойдитесь по три, по четыре человека и постарайтесь хорошенько высмотрѣть все, что я вамъ указалъ.

Офицеры разошлись. Генералъ продолжалъ волноваться. Затѣмъ онъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ начальники собрались въ какомъ нибудь домѣ на сѣверной, т. е. задней сторонѣ города. Первый рейсъ должны были составлять: 1) стрѣлки Волинскаго полка; 2) пластунская

роты; 3) гвардейская полурота, и 4) вторая горная батарея. Въ составъ второго рейса вошли: 1) остальные роты Волынского полка; 2) десять ротъ Минскаго полка, первая горная батарея и т. д. Генераль предупредилъ, что первый составъ отцѣливаетъ разомъ, а остальные—по мѣрѣ возвращенія понтоновъ, и просилъ командира Люблинскаго полка усилить развѣды съ началомъ пераго рейса. Генераль наблюдалъ затѣмъ, чтобы людямъ было точно растолковано, чтобы на берегу не только не было скопленія, но одиночно стоящихъ людей; чтобы было обращено вниманіе, чтобы на берегу у Зимницы не разводились костры, нѣ являлись люди съ флагами и вообще съ подозрительными сигналами, а если кто нибудь будетъ замѣченъ, представлять его къ генералу Драгомирову.

Вдругъ, въ ночь съ 13-го на 14-е, на самомъ берегу Дуная, между лѣвою рощею и австрійскою мачтою, загорѣлась караулка. Это была мучительная минута для Драгомирова. „Ну, конечно! предупредили!“ подумалъ онъ. Сердце унало, онъ послалъ немедленно узнать, въ чемъ дѣло. Пожаръ объяснился простою случайностію. Стало легче на душѣ генерала, и онъ началъ приготовляться къ роковой ночи.

Молодой генераль Скобелевъ оставилъ казачій бивакъ въ д. Беѣ, гдѣ казаки нагнали дивизію Драгомирова, когда уже послѣдняя часть дивизіи снималась въ походъ на Зимницу. Скобелевъ 2-й пріѣхалъ въ Зимницу къ Драгомирову. Въ распоряженіи послѣдняго находился 63-й донской полкъ. Съ каждымъ рейсомъ предполагалось переправлять по 60 казаковъ.

Вечеромъ 14-го іюня, рѣшено было начать спускъ понтоновъ съ 9 часовъ. Понтоны спускались выше того дома, въ которомъ остановился Драгомировъ. Если до

силъ жоръ нравственное состояніе Драгомирова и было мучительно, то со спускомъ понтоновъ оно могло только ухудшиться. Всякій громъ, всякое бряцаніе артиллерійскаго лафета, всякій скрипъ телеги ударили прямо въ сердце.

Ночь наступила темная; въ воздухѣ пахло дождемъ. Рѣзкій вѣтеръ дулъ съ запада. Кругомъ было пустынно и дико. Вѣтеръ налеталъ шквалами на листья тучныхъ деревьевъ; деревья клонились, и рѣзкій шелестъ ихъ листьевъ раздавался въ мутномъ воздухѣ. Лѣсная опушка на берегу Дуная шумѣла какимъ то зловѣщимъ шинѣніемъ, на минуту воцарялась тишина, а тамъ снова налеталъ сердитый шеваль и снова смѣнялся тишиною лѣтняго вечера.

Низко колыхались грозныя тучи, темныя, тяжелыя, мрачныя; онѣ тѣснились и порывисто неслись по небу, лѣзли другъ на друга, распыливались, снова сгущались и снова разрывались на клочья, на отрѣзня, и всѣ эти отрѣзня летѣли потомъ куда то вдаль, неслись быстро, перегоняя другъ друга.

Въ моментъ зловѣщаго шинѣнія деревьевъ, среди возбужденной природы, при волнуемомъ, пѣнистомъ Дунаѣ—наши солдатики спускали понтоны, и каждый шумъ массивной клады заставлялъ ихъ останавливаться на мѣстѣ и устремлять свой взглядъ на турецкій берегъ. Темно было впереди; все, что творилось на турецкомъ берегу въ это время—все это было покрыто мракомъ. „Что дѣлають турки?.. знаютъ ли они наши намѣренія?.. можетъ быть, и они теперь готовятся насъ встрѣтить убійственнымъ огнемъ?.. можетъ быть, они въ душѣ гаждутся надъ

нами? все может быть!.. Какія тяжелыя, невыносимыя минуты!“

Спущенные понтоны вытянулись вдоль и ниже около австрійской мачты. Гуси подняли шумъ и, испугавшись, полетѣли въ сторону.

— Ну, еслибы это противъ черкесовъ — даромъ не прошло бы! сказалъ Дмитровскій, долго служившій на Кавказѣ.

Послѣ парковъ начала спускаться на болотовину артиллерія. Дорога до берега Дуная идетъ на три версты. Цѣлыя три версты приходится шумѣть артиллеріей, цѣлыя три версты нервнаго раздраженія! Для прикрытія этихъ батарей спустился брянскій полкъ. Три батареи заняли мѣста на берегу вправо отъ австрійской мачты, двѣ батареи — влѣво на площадкѣ, въ роцѣ. Батареямъ было приказано отнюдь не начинать огня ранѣе открытія артиллерійскаго или значительнаго пѣхотнаго огня непріятеля съ того берега. Необходимо было вести операцію насколько возможно тихо и осторожно до послѣдней крайности. Когда артиллерія проѣзжала мостикъ около Зимницы, поднялся такой шумъ, что пришлось остановить ее и послать за соломой для подстилки. Батареи вели на мѣсто офицеры люблинскаго полка, участвовавшіе съ Рихтеромъ на рекогносцировкѣ. Около десяти или одиннадцати часовъ, Драгомировъ отправился на берегъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ младшимъ, съ дивизионнымъ штабомъ и съ состоявшимъ или, вѣрнѣе, прикомандировавшимъ себя, генераломъ Скобелевымъ, полковникомъ Сухотинымъ, капитаномъ Ласковскимъ, штабсъ-ротмистромъ Пуриковымъ и поручикомъ Мухановымъ. Въ штабѣ Драгомирова находились: полковникъ Якубовскій, штабсъ-капитанъ Котельниковъ, ка-

питанъ Вольскій и бывший ординарецъ, поручикъ Шостаки. Генераль пришель на берегъ, артиллерія встала на мѣста, понтоны вытянулись, войка подошли въ полномъ порядкѣ и съ замѣчательною точностію. Воображеніе Драгомирова, послѣ ряда нравственныхъ мученій перешло въ фазисъ болязненнаго состоянія. „Да, *они* все знаютъ, *мы* все извѣстно...“ шептали его воспаленныя губы. Утомленіе вяло верхъ: Драгомировъ прилегъ, чтобы отдохнуть, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Проспавъ полчаса, онъ былъ разбуженъ, всталъ, и успокоился. Сдѣлавъ распредѣленіе по рейсамъ, онъ сказалъ солдатамъ:

— Счастливъ буду, если увижу васъ живыми и невредимыми на томъ берегу и если останусь самъ живъ вмѣстѣ съ вами. Онъ назначилъ очередь на случай его убыли. Команда переходила къ Петрушевскому, затѣмъ къ Юлшину и Родионову.

Около часу ночи, началась посадка перваго эшелона. Она была исполнена въ полной тишинѣ. Солдаты были проникнуты сознаніемъ торжественности минуты; они молчали отчасти вслѣдствіе глубокой и слѣпой вѣры въ руководителей, отчасти вслѣдствіе того состоянія сосредоточенности, въ которое приходитъ каждый человѣкъ въ такіа минуты.

— Съ Богомъ, отваливайте? сказалъ Драгомировъ, перекрестивши первый эшелонъ.

Солдатики сняли шапки, перекрестились. Весла ударили по водѣ. Начало брезжить... первые признаки утренней зорьки показались на восточной части неба. Въ бинокль можно было слѣдить за силуэтами отвалившихъ лодокъ. Съ минуты на минуту ждали выстрѣловъ. Но вотъ видно, какъ первыя лодки уже подплываютъ къ берегу... и вотъ они подплыли и начинаютъ высаживаться на

турецкій берегъ. Показались огоньки, раздались перемы-
ружейные выстрѣлы. Стрѣляли, очевидно, одна только
часовые и стрѣляли въ двухъ мѣстахъ, въ полуверстномъ
разстояніи другъ отъ друга. Изъ двосту-перваго рейса
весь турецкій берегъ занятъ стрѣлками и весь берегъ у
Текирь-Дыре, выше и ниже горѣлъ огнями. Турецкая
артиллерія открыла пальбу съ батареи у Систево. Ей от-
вѣтили двадцати-четырехъ фунтовая орудія 14-й бригады
отъ австрійской моты вправо. Батарея девятой бригады,
находившаяся въ ротѣ, открыла огонь по турецкимъ
стрѣлкамъ, спланившимся къ мѣсту высадки изъ лагеря,
въ двухъ верстахъ отъ Текирь-Дыре, ниже рѣчки, въ сто-
рону Вардина. Начало свѣтать; можно было ясно разли-
чать движенія на противоположномъ берегу. Большая
часть изъ состава перваго рейса переправилась почти
безъ потерь, но, такъ какъ теченіе было быстрее, то са-
мая высадка происходила неправильно, разбросанно. Вы-
саживавшіеся солдатики должны были сбивать турокъ
кучками. Первый рейсъ занялъ времени около 20 минутъ
или получаса. Данныхъ не было о теченіи Дуная, по-
этому трудно было рассчитать время переплытія заблаго-
временно. Мало по малу, по мѣрѣ дальнѣйшей высадки,
всѣ кучки сплочивались и дѣйствовали сообща. Приба-
жаютъ гребцы назадъ.

— Слава Богу, благополучно, говорятъ солдатики.

Но, какъ ни рассчитывай, какой порядокъ ни проэк-
тируй, въ дѣйствительности всегда выйдетъ ломка пред-
варительныхъ приказаній. Еще хвостъ перваго эшелона
не дошелъ до того берега, какъ уже начало свѣтать;
можно было различить все, что происходило на томъ
берегу.

Вотъ, видите Драгомировъ, что тамъ происходитъ ка-

какая-то каша; гдѣ турки, гдѣ наши — разобрать невозможно... Вотъ, видать всё, какой-то паромъ, болтающийся на водѣ; очевидно, онъ идетъ ко дну; это былъ тотъ самый паромъ, на которомъ погибъ несчастный Стрельбицкій. Въ одной изъ лодокъ, вначалѣ второго рейса, видно, какъ люди стрѣляютъ въ воздухъ... что это значить?... стрѣлять съ лодокъ было запрещено по инструкции! несчастные!.. они идутъ ко дну, они дѣлаютъ прощальный салютъ?

— Это была минута, когда Драгомировъ обратился къ Радецкому:

— Позвольте мнѣ вѣхать на тотъ берегъ, сказалъ онъ старшему въ чинѣ. Нервы его не выдерживали. Чувствовалъ потребность войти въ строй и увидѣть воочию, что творится на томъ берегу.

Больше всего досталось хвосту первого рейса и головѣ второго. Изъ минскаго полка два или три понтона пошли ко дну.

— Позвольте артиллерию и казаковъ пока не перевозить, обратился Драгомировъ къ Радецкому передъ отъѣздомъ: — давайте побольше пѣхоты, пѣхоты и пѣхоты, пока окончательно не утвердимся на томъ берегу.

Во время первого рейса, были эпизоды подчасъ трагикомическаго свойства. Выбросило одну кучку солдатиковъ прямо подъ обрывъ, выше Текиръ-Дыре. Увѣли солдатики передъ собою отвѣсныя стѣны, сходить на берегъ, начинаютъ харабкаться; но, какъ только высунуть головы, турки стрѣляютъ въ нихъ.

— Такъ, братцы, не годится, говорятъ они другъ другу:—это не резонъ.

— А какъ-же?

— Разомъ посадить человекъ пятнадцать, дать здо-

ровый залп—они и ошатаются, а потомъ кричи „ура!“ да и люди его прямо въ морду. Такъ и сдѣлали солдаты.

Драгомировъ вступилъ на турецкій берегъ съ мучительнымъ страхомъ за неуспѣхъ предпріятія. Видитъ онъ, что пластуны прячутся за кусты.

— Что вы прячетесь, ребята?

— Солдаты насъ за турокъ принимаютъ, въ насъ-же стрѣляютъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что костюмъ пластуновъ дѣйствительно малымъ отличается отъ костюмовъ турецкихъ башибузуковъ; высокая, мѣховая, казацкая папахъ, рваный бешметъ, загорѣлая фizioномія съ включенною бородою.

Драгомировъ высадился нѣсколько выше Текиръ-Дыре; первая встрѣча его была съ офицеромъ Бряновымъ. Штабсъ-капитанъ волынскаго полка — онъ получилъ 8 штыковыхъ ранъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ эти раны, весьма знаменательны. Иванъ Ильичъ Бряновъ былъ въ бою, командуя своею ротой. Когда онъ узналъ, что турки обошли флангъ стрѣлковой роты, онъ рѣшился выручить людей своего полка. Часть своей роты онъ отправилъ для поддержки обойденныхъ, другую часть поставилъ въ сомкнутый строй на случай атаки. Усиленная наша цѣпь быстро отодвинула и отрѣзала цѣлую турецкую роту. Бряновъ бросился на эту роту въ атаку. Немного опередивъ людей, онъ сразу наткнулся на два штыка, которые проткнули ему лѣвую и правую руки. У Брянова было ружье; несмотря на свои раны, ему удалось убить штыкомъ одного турка; человекъ 15 турокъ вдругъ окружили Брянова, и между нимъ и турками завязался рукопашный бой. „Многихъ я положилъ на мѣстѣ“, рассказывалъ мнѣ Бряновъ за нѣсколько часовъ до смерти (онъ умеръ отъ ранъ):—но, въ концѣ концовъ,

все-таки, получилъ 8 штыковыхъ ранъ и упалъ лишившись чувствъ“. Онъ былъ въ Сербіи, служилъ тамъ въ отрядѣ Меженнинова, былъ легко раненъ, но поправился, и вотъ судьба направила его въ первой же битвѣ здѣсь на 8 турецкихъ штыковъ.

— Ну, что Брянновъ, ранены... какъ идутъ дѣла? спросилъ Драгомировъ, при встрѣчѣ съ нимъ.

— Дѣла идутъ хорошо, ваше пр—ство, отвѣтилъ Брянновъ.

Драгомировъ подошелъ къ мельницѣ. Вправо валяется убитый турокъ, слѣва два музыканта что-то копошатся около мельницы... Имъ, видимо, хочется проникнуть въ мельницу, но они никакъ не могутъ найти дорогу.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— А вотъ, ваше пр—ство, покончить надо.

— Съ кѣмъ покончить?

— А Богъ ихъ знаетъ! народъ какой-то въ мельницу засѣлъ.

Посмотрѣли въ окно мельницы; изъ окна выглядываютъ два блѣдныя лица страшно перепуганныхъ, болгаръ... они не живы, не мертвы.

— Да это—болгаре! это—наши братья!

— Не должно быть, ваше пр—ство.

— Перекреститесь, сказалъ Драгомировъ болгарамъ.

Болгаре начали усиленно креститься.

— Видите вы, они крестятся.

Солдатики утомились. Это была самая первая встрѣча спасителей съ угнетенными. Мы даже не знали нашихъ братьевъ въ фізіономію.

Выйдя къ цѣпи, Драгомировъ въ волненіи обратился къ Скобелеву, какъ къ человеку болѣе или менѣе опытному въ дѣлахъ.

— Ну, какъ, по вашему мнѣнію?

— Все идетъ превосходно, придется поздравить васъ съ полнымъ успѣхомъ.

Это успокоило Драгомирова. Вся вышѣ взятая битва отличалась совершенно неправильнымъ характеромъ; дрались кучками, вытѣсняли прунпами, короче — это была какая-то общая свалка нападающаго съ непріителемъ. Всякая переправа черезъ рѣку, по понятіямъ теоретиковъ, относится къ категоріи правильныхъ нападеній, въ которыхъ все должно быть предусмотрено и все идти согласно выработаннымъ наукою правиламъ и порядкамъ. Но въ действительности получается нѣчто въ родѣ общаго хаоса, въ которомъ нѣтъ никакой послѣдовательности, ничего строгаго и опредѣленнаго. Когда нѣкоторые изъ иностранныхъ агентовъ поздравляли съ удачною переправою — они говорили: „теоретики будутъ весьма затруднены, въ какую сторону здѣсь выгибъ рѣки (такъ какъ въ наукѣ предполагается выгибъ рѣки для успѣха всякой переправы) и какимъ образомъ это могло случиться, что сначала начали переправляться, а потомъ открыли артиллерійскій огонь, тогда какъ сначала всегда предполагается открыть огонь, а потомъ уже начинать переправу... теоретики не будутъ знать, къ какой категоріи нападеній отнести настоящую переправу“.

— Къ категоріи нечаянныхъ нападеній, съострилъ генералъ Радецкій на замѣчаніе иностранныхъ агентовъ.

Въ разгарѣ самой переправы, часу въ шестомъ утра доложили генералу, что сверху идетъ турецкій мониторъ. Сейчасъ-же послали вверхъ по Дунаю лейтенанта Палтова узнать, насколько было основательно это донесеніе. Лейтенантъ Палтовъ убѣдился въ томъ, что это шель изъ устья Ольты нашъ пароходъ „Анета“, кундеменный нами

заблаговременно въ Австрія; пароходъ шель съ двумя баржами, подъ командою капитанъ-лейтенанта Тудера, въ Зиминцу для содѣйствія переправѣ. Смокнувшіе-было къ этому времени ружейные и артиллерійскіе выстрѣлы возобновились съ большею энергіею съ появленіемъ нашего парохода. Хотя одною гранатою туркамъ и удалось повредить одну баржу, буксируемую съ лѣвой стороны, но въ общемъ они стрѣляли плохо и не причинили пароходу никакого вреда. Убѣдившись въ этомъ, турки сами прекратили стрѣльбу въ пароходъ послѣ двухъ-часоваго упорнаго огня и направили этотъ огонь на островъ, гдѣ находился нашъ перевязочный пунктъ. Тѣмъ временемъ, пароходъ продолжать перевозку, забирая съ собою и на баржахъ до трехъ батальоновъ въ одинъ рейсъ. Моряки принялись за буксировку понтоновъ еще съ помощію двухъ паровыхъ шлюпокъ. Совершенное отсутствіе моряковъ и паровыхъ средствъ при самомъ началѣ переправы объясняется намѣреніемъ скрыть ее отъ турокъ. Буксировка понтоновъ ускорила дѣло, такъ что къ 6 часамъ утра переправились почти всѣ войска.

Наши солдатики встрѣтили чрезвычайно сильное сопротивленіе со стороны турокъ. Турки съ перваго-же раза заявили себя мужественными защитниками своихъ позицій. Борьба была ожесточенная. Турки разсыпались по кустамъ, по холмамъ, по оврагамъ и канавкамъ, и каждую турецкую роту приходилось выбивать штыками.

Выгнавъ турокъ съ первыхъ позицій, мы отправились занимать высокую гору, у подножія которой стоитъ Систо. Турки раздѣлились на двѣ партіи, находя дѣло проиграннымъ, они кинулись—одни въ сторону Никополя другіе—въ сторону Рушчука. Изъ Рушчука было послано имъ подкрѣпленіе, которое они встрѣтили по дорогѣ и

которое вернулось вмѣстѣ съ ними обратно въ Русчукъ. Турки совершенно не ожидали переправы русскихъ вблизи Систова. Наши войска встрѣтили всего шесть таборовъ низама.

Послѣ битвы мы вступили въ городъ. Городъ Систово принадлежитъ къ числу турецкихъ городовъ средней руки. Онъ расположенъ въ долинѣ, окруженъ весь фруктовыми садами, раскинулся въ оврагѣ, и вся эта мѣстность представляетъ собою чрезвычайно живописный видъ. Чтобы войти въ городъ, нужно взобраться на высокую гору и дойти до того оврага, въ которомъ раскинулся Систово. Улицы, узенькія, кривыя, отвратительно вымощенныя, застроены небольшими домами, въ нижнихъ этажахъ которыхъ помѣщаются лавки, турецкія кафаны, винные и хлѣбные склады и магазины. Переходя изъ одного квартала въ другой, приходится то подыматься, то опускаться по ступенькамъ узенькихъ лѣстницъ или по крутымъ переулкамъ и закоулкамъ города. Турецкое зданіе легко было отличить отъ болгарскаго: окна жилыхъ помѣщеній закрыты рѣшетчатыми ставнями, тщательно охраняющими въ обыкновенное время лица турецкихъ женщинъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя. Но въ то время эти зданія отличались еще по наружнымъ знакамъ: на каждомъ болгарскомъ домѣ можно было видѣть мѣломъ или углемъ сдѣланный крестъ; на каждомъ турецкомъ зданіи можно было видѣть луну, которую поспѣшили изобразить болгаре. Послѣдніе прибѣгали къ такому наглядному способу обозначенія своего имущества во всѣхъ случаяхъ, когда желали что-либо предохранить отъ опасности военнаго времени; они даже рисовали черные кресты на заднихъ частяхъ своихъ быковъ.

Русскому солдату стоитъ только разойтись. Солдаты-

ки, разгоряченные битвою, так разошлись въ городѣ, что, соединившись съ болгарами, камня на камень не оставили въ турецкомъ кварталѣ. Черезъ полчаса, послѣ занятія города, тамъ были одни руины. Я заходилъ въ турецкіе дома. Они были покинуты окончательно турками. Турецкое населеніе бѣжало изъ города въ паническомъ страхѣ, еле-еле успѣвъ спасти кой-какое имущество и захватывая у болгаръ подводы. Въ разрушенныхъ домахъ, съ выбитыми дверями и окнами я находилъ нѣсколько турецкихъ корановъ, много тряпья, разнаго ненужнаго хлама, брошенную домашнюю утварь, иногда склады овса, пшеницы и кукурузы. Вдоль по берегу Дуная, въ нижней части города, стояли турецкіе магазины съ хлѣбными запасами. Со взятіемъ Сисова, намъ досталось хлѣбныхъ запасовъ на сумму до 250,000 рублей.

Эти хлѣбные магазины въ разныхъ городахъ давали лишній поводъ къ злоупотребленіямъ. Такъ, напримѣръ, рассказываютъ случай съ магазинами, найденными въ Рушукъ. Тамъ запасы оказались громадныя, когда мы вступили въ городъ. Комендантъ хотѣлъ уже приступить къ пріемкѣ этихъ магазиновъ, содержимыхъ въ замѣчательномъ порядкѣ, гдѣ всякій продуктъ находился въ своемъ отдѣлѣ и за своимъ номеромъ. Между тѣмъ, турки, предъугадывая вступленіе русскихъ въ Рушукъ, поторопились перевести эти магазины якобы въ собственность желѣзно-дорожной администраціи. Такимъ образомъ, когда русскій комендантъ хотѣлъ-было приступить къ описи магазиновъ, ему сказали: „нѣтъ, позвольте!.. это—частная собственность, а если вамъ угодно воспользоваться запасами, не угодно ли купить ихъ за деньги; мы, пожалуй, готовы вамъ уступить“. Нечего дѣлать, пришлось торговаться. Запасы, говорятъ, уступали за весьма вы-

годную для насъ цѣну, во всякомъ случаѣ, несравненно дешевле, чѣмъ тѣ цѣны, по которымъ поставляла провіантъ въ армію жидовствующая компанія гг. Грегера, Горвица и комп. Говорять, что комендантъ обращался за разрѣшеніемъ купить въ хозяйственное отдѣленіе главнаго штаба. Отвѣтъ почему-то замѣшклся. Въ это время, налетѣли агенты жидовской компаніи, перекупили всѣ эти склады и поставили купленные продукты по справочнымъ цѣнамъ дѣйствующей арміи. Таковы слухи, идущіе изъ Русука.

На берегу Дуная въ Систовѣ стоитъ пароходная пристань, принадлежащая австрійскому товариществу пароходства и торговли. Въ гавани нашлось нѣсколько турецкихъ каяковъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ. Они пригодились нашимъ морякамъ, которые, выбравъ изъ нихъ лучшіе, помѣстили въ нихъ свои команды.

А высоты Систова замѣчательны. Весь городъ раскинулся амфитеатромъ на этихъ высотахъ въ нѣсколько этажей; его прорѣзываютъ два глубокіе оврага. Ни одна дорога, поднимающаяся на гору, не идетъ прямымъ путемъ, но всѣ выдѣлываютъ зигзаги, выискавши себѣ наименьшую крутизну; вотъ почему крыша одного дома находится у фундамента другого, другого — у фундамента третьяго и т. д.; вотъ почему необыкновенно кривые переулки и закоулки этого города выводятъ васъ на высоту такихъ громадныхъ и обрывистыхъ горъ, что просто духъ захватываетъ, когда вы становитесь на краю этого страшнаго обрыва. И такія позиціи турки отдали почти безъ боя!

Слѣдующіе дни были для насъ днями томительнаго ожиданія. Мы были убѣждены въ томъ, что турки, бы-

стро сосредоточивъ въ окрестностяхъ Сисова свои войска, ударять на насъ, пользуясь малочисленностью переправившихся войскъ; другіе предполагали это нападеніе въ связи съ появленіемъ мониторовъ при наводкѣ моста—и все это казалось весьма вѣроятнымъ, потому что нельзя же было сказать, что обстоятельства благопріятствовали намъ въ это первое горячее время. Переправа шла медленно, мостъ наводился вяло и долго, кавалерія отсутствовала на турецкомъ берегу, слѣдовательно не могла освѣщать мѣстность. Мы сидѣли какъ во тьмѣ; артиллеріи было немного, подвозъ провіанта затруднялся, короче—будь это другой непріятель, а не турки, грозовыя тучи непременно разразились бы изъ-за сисовскихъ высотъ, и, чего добраго, намъ пришлось бы выкупаться въ Дунай.

На другой день, утромъ, подѣхавъ къ берегу на румынской сторонѣ, я нашелъ картину торжественнаго ожиданія. Нѣсколько сотъ моряковъ молча сидѣли на понтонахъ, вытянутыхъ вдоль по берегу. У каждого было при себѣ полное вооруженіе. Безконечное число орудій стояли вдоль по берегу. Всѣ чего-то ждали, какъ будто на парадѣ какомъ!

— Въ чемъ дѣло? спрашиваю.

— Мониторъ идетъ.

— Откуда?

— Изъ Рущука.

Мы въ это время начали уже наводить мостъ.

— Что же будетъ?

— Будемъ его на абордажъ брать, хладнокровно отвѣтилъ морякъ.

Любопытно. До сихъ поръ моряки взрывали мониторы, а тутъ пришла имъ охота взять мониторъ живьемъ.

Однако, я не дождался этой картины. Мониторъ заблаговременно разсудилъ повернуть назадъ.

16-го и 17-го іюня, мало-по-малу начали прибывать понтоны и лѣсной матеріалъ для моста изъ устьевъ Олты. Рѣка Дунай раздѣляется между Зимниною и Сисовою на три рукава. Такимъ образомъ, приступили къ постройкѣ трехъ отдѣльныхъ мостовъ (двухъ большихъ). Съ этихъ поръ на обширной, высохшей полянѣ, между водою рѣки и крутымъ берегомъ Зимницы, потянулась нескончаемая вереница обозовъ, орудій, пороховыхъ ящиковъ и т. д. Батальоны, полки, артиллерія, саперы—все это потянулось къ мѣсту переправы. Вся поляна была буквально запружена народомъ, лошадьми, повозками и т. п.

Всѣ войска, расположенныя въ разныхъ пунктахъ Румыніи, потянулись къ Зимницѣ. Лазаретъ явился въ Зимницу какъ разъ къ началу переправы и раскинулъ палатки внутри города. Въ то время, когда я посѣтилъ полевой лазаретъ, дѣятельность полевыхъ врачей была въ полномъ разгарѣ. Раненые прибывали непрерывно. Ужасный, подавляющій видъ представляла собою внутренность палатки полевого лазарета: стоны, кровь, слезы, запахъ карболовой кислоты. Инспекторъ госпиталей былъ генералъ Косинскій; его нервы не выдержали—онъ рыдалъ.

Съ момента переправы, Зимница оживилась и оживлялась все crescendo и crescendo по мѣрѣ притока туда коммерческаго элемента. Когда уже наши войска всѣ перешли Дунай и начали оперировать въ Болгаріи, Зимница сдѣлалась перепутьемъ въ тылу арміи. Ради характеристики такого перепутья, имѣющаго чрезвычайно своеобразную фیزیономію, обрисую вамъ этотъ тыловой пунктъ дѣйствующей арміи въ военное время.

Широко разкинулась Зимница на возвышенномъ берегу Дуная. За все время моего пребыванія въ Болгаріи мнѣ случалось нѣсколько разъ проѣзжать черезъ Зимницу, по дорогѣ въ Бухарестъ и обратно въ Болгарію. Каждый разъ она поражала меня своею многочисленностью и необыкновенной грязью, въ которой одинаково пачкались люди и на улицѣ, и въ низенькихъ избахъ, домахъ и въ двухъ гостинницахъ, стоящихъ почти на самомъ берегу Дуная. Съ тѣхъ поръ, какъ наша армія перешла Дунай, въ Зимницѣ появились цѣлые полки евреевъ, румыновъ, грековъ и людей самой неопредѣленной національности, самаго смутнаго происхожденія. Всѣ эти господа, за малымъ исключеніемъ, сколотили на главной улицѣ этого города — не города, села — не села, деревянные лавки, разложили свои товары, въ видѣ бѣлья, фуфакъ, дешеваго шатъа, винъ, водки, снирта, чая, сахара, консервовъ и т. д. и начали безъ зазрѣнія совѣсти грабить и обирать всякаго, кто только покушался у нихъ купить что либо. Евреи выбрали Зимницу своею резиденціею по той простой причинѣ, что многіе изъ нихъ просто боялись переправляться черезъ Дунай въ Болгарію, гдѣ „пугали пушки“ и „летали бомби“. Пьянство шло въ Зимницѣ непомѣрное. Воровство было развито поразительное. Вамъ стоило только привязать вашего коня къ уличному фонарю около гостинницы, войти въ нее и пробыть тамъ минуточку, чтобы потерять коня безвозвратно. Его моментально воровали чуть-чуть не изъ-подъ самаго вашего носа. Дворы двухъ гостинницъ были переполнены извозчиками, которые поддерживали сообщеніе между Зимницею и Журжево. Маленькіе, грязные, душные, отвратительные номера гостинницъ были пореполнены женщинами, какихъ я нигдѣ не видѣлъ никогда. До того они

были противны и циничны. На улицахъ и въ кофейныхъ съ утра до ночи толпилась масса народа, и общій гулъ, пронзительные крики продавцовъ носились въ воздухѣ. Среди этой массы разноколибернаго люда я однажды наткнулся на курьезную личность. Пробираясь въ Бухарестъ изъ-подъ Плевны, я пріѣхалъ вечеромъ въ Зимницу. Извозчики не хотѣли меня везти ночью, между тѣмъ какъ я нигдѣ не могъ найти себѣ помѣщенія. Я рѣшился переночевать гдѣ нибудь на дворѣ. Я зашелъ на одинъ дворъ. Вижу: на дворѣ тянется бѣлая стѣна сложенныхъ кулей съ мукою. Около кулей съ мукою лежатъ на землѣ два человѣка. Я подошелъ къ этимъ лицамъ, но за темнотою ночи не могъ рассмотреть ни ихъ костюмовъ, ни ихъ фizioномій. Они спали на брезентѣ. Измученный поѣздкою, не зная, кто они такіе, я тѣмъ не менѣе рѣшился переночевать рядомъ съ ними, нашель какой то хлѣвъ, крытый хворостомъ, и поставилъ туда своего коня.

— Кто здѣсь? слышу я русскую рѣчь.

Я откликнулся. Передъ мною выросла фигура низенькаго, плотнаго человѣка.

— Вы кто такой?

— Корреспондентъ.

— Очень пріятно! я самъ когда то пописывалъ, ска- залъ мнѣ кто-то подозрительно хриплымъ голосомъ:—ночевать здѣсь негдѣ; будете ночевать вмѣстѣ съ нами, а пока пойдемте въ кофейную: тамъ публика въ карты играетъ.

Мы вошли въ кофейную. Народу была масса, несмотря на поздній уже часъ. Я посмотрѣлъ на моего новаго знакомаго и поразился его видомъ. Вся его грязная, опухшая фizioномія была изрыта оспою. Борода

ключками торчала изъ подъ толстаго подбородка. На головѣ небрежно сидѣла потертая, старая, измятая черная шляпа, съ широкими полями. Изъ подъ шляпы спускались длинныя, лѣтъ шесть нечесанные, волосы. Низенькій господинъ былъ одѣтъ въ длиннополое, мѣстами разодранное пальто, очевидно съ плечъ высокаго человѣка. На ногахъ широко болтались сѣренскіе, нанковые панталоны, мѣстами съ заплатами другаго цвѣта; мѣстами они были въ масляныхъ пятнахъ. Руки его были грязны и дрожали, когда касались какого-либо предмета. Посмотрѣлъ я на эту фигуру и невольно подумалъ: „что это за экземпляръ? кто онъ такой? мазурикъ?..“

— Вы это откуда? спрашиваю.

— Изъ Орловской губерніи... васъ это удивляетъ? н-да, могу сказать: совершилъ путешествіе!.. чуть-чуть не пѣшкомъ пробираюсь въ Болгарію.

— Зачѣмъ? Въ армію поступать?

— Нѣтъ!.. важно процѣдилъ сквозь зубы мазурикообразный господинъ:—я желаю на службу къ князю Черкасскому.

— Вотъ что? значить, въ администраторы!

— Н-н-да! въ нѣкоторомъ родѣ..

— Добрый путь и успѣха.

Въ слѣдующей комнатѣ стояли столы. За каждымъ столомъ сидѣли или еврей, или грекъ, или румынъ, и каждый изъ нихъ металъ штось. Масса публики военной и статской понтировала имъ.

— Слышь, ты! эй, руманешти! смотри, мазура паршивая, кричалъ одинъ понтеръ, подсовывая серебряный рубль подъ носъ банкомета:—передернешь — такъ прямо по мордѣ и свисну!

Банкометъ ласково улыбался и какъ нарочно давалъ карту.

— Смотри, ты!.. во! еще одинъ рубль!.. давай, слышь!.. не дашь—сейчасъ по мордѣ!

Самъ полиціймейстеръ игралъ тутъ же. Кое-гдѣ сидѣли женщины. Игра шла мирно. Вдругъ тотъ самый господинъ, который кричалъ: „эй, слышь, ты, не дашь—въ морду!..“ какъ свистнеть на самомъ дѣлѣ банкюмета по уху—такъ у того только мурашки по тѣлу пробѣжали. Полиціймейстеръ успѣлъ проигратъся. Позвали обходъ, выгнали публику, закрыли вертежъ.

На другой день, всѣ банкюметры сложились и возвратили полиціймейстеру его проигрышъ.

Съ тѣхъ поръ, вертежъ снова началъ процвѣтать подъ сводами грязной гостиницы.

Оставляя за собою подобные неизбежные слѣды всякой воюющей арміи, мы вошли въ предѣлы Турціи. За нами потянулись поразительные администраторы... Посмотримъ, что дѣлалъ въ это время нашъ авангардъ и какъ воевали „войтели?“

XI.

Въ авангардѣ съ казаками.—Погоми за баши-бузуками.—Нури.

Первый ночлегъ въ Болгаріи засталъ насъ въ лоцинѣ, между двумя холмами, недалеко отъ деревни Царевичи. Мы только-что перешли Дунай; кавказская бригада составила авангардъ праваго фланга, Гурко двинулся по дорогѣ въ Трново. Авангардъ Цесаревича получилъ назначеніе двинуться на Бѣлы, т. е. на лѣвый флангъ.

Сумракъ ночи — первой ночи за Дунаемъ — ждалъ ранняго луча жгучаго солнца. Въ лоцинѣ вѣяло холод-

комъ. Передъ разсвѣтомъ уналь сырой туманъ и заста-
вилъ казаковъ тщательно закутаться въ бурки.

Кто гдѣ приткнулся — тотъ тамъ и спалъ. Утомлен-
ные люди спали на сырой землѣ, какъ убитые, спали
сладкимъ сномъ передъ разсвѣтомъ. Силуэты часовыхъ:
у знамени, у значковъ, въ цѣпи, окружающей казачій
лагерь, мутно обрисовывались въ сумракѣ лѣтней ночи.
Лошади дремали на коновязяхъ, инныя еще лежали, инныя
уже вставали, фыркали и грѣли свои окоченѣвшіе члены
нервною дрожью. На восточной сторонѣ неба показалась
свѣтлая полоса. Она становилась все ярче и ярче; сна-
чала она была свѣтло-розовая, узкая; потомъ она рас-
ширялась и окрашивалась алымъ цвѣтомъ, и этотъ цвѣтъ
становился все гуще и гуще... Бомары усиленно зажу-
жали надъ ухомъ, чуя, что первый солнечный лучъ за-
ставитъ ихъ прекратить кровопіиство.

Вотъ, наконецъ, и само солнышко показалось изъ-за
горизонта. Крупныя капли ночной росы блеснули на
стебелькахъ свѣжей травки. Люди начинали просыпаться.

— Жаркій день будетъ, говорилъ одинъ другому,
глядя на восходъ солнца.

— День-то ничаво, а вотъ ежели жаркое дѣло будетъ!

Кто за это могъ поручиться? Прошла ночь благопо-
лучно — и слава Тебѣ Господи! лишнюю ночь прожилъ на
свѣтѣ. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и легко можетъ слу-
читься, что одинъ мигъ — и лихой джигитъ, молодой ка-
закъ свалится безжизненнымъ трупомъ со сины разго-
ряченнаго коня.

Положеніе кавалериста въ авангардѣ совершенно раз-
лично отъ пѣхотинца.

Авангардъ „освѣщаетъ“ мѣстность, авангардъ прокла-
дываетъ торную дорогу для пѣхоты, очищаетъ путь, Па-

хотинецъ двигается по слѣдамъ кавалериста; онъ спокоенъ, онъ знаетъ, что здѣсь прошла его кавалерія и что ему нечего ждать врага ежеминутно ни спереди, ни со стороны, тѣмъ болѣе сзади, пока кавалерія не откроетъ непріятеля. Тогда онъ уже предупрежденъ, кавалерія уступаетъ пѣхотѣ свое мѣсто, и пѣхотинецъ дѣйствуетъ, подготовивъ свои нервы; между тѣмъ какъ нервы кавалериста находятся въ постоянномъ напряженіи. Двигаясь по незнакомой мѣстности, при помощи часто невѣрной и неточной карты или по указанію проводника, кавалеристъ ежеминутно рассчитываетъ наткнуться на непріятеля. Онъ не можетъ поручиться, что изъ этой канавки, которая потянулась въ сторонѣ отъ дороги, не раздастся убійственный залпъ непріятельской засады; что залпъ этотъ не встрѣтитъ его и въ деревнѣ, которую онъ минуетъ. Пуля, пущенная изъ-за угла, пущенная тайкомъ, втихомолку, часто сваливаетъ казака съ лошади, и казакъ падаетъ замертво, прежде, чѣмъ опредѣлить, кто его убійца и гдѣ онъ?

Съ первыми признаками дня — бригада осѣдлала коней, выстроилась въ стройные ряды; цвѣтные значки красиво развѣвались во главѣ каждой сотни на утѣху бригаднаго командира, воспитаннаго на марсовомъ полѣ мирнаго парада.

— Сегодня на очереди терскій полкъ? раздается его рѣзкій голосъ.

— Терскій! отвѣчаютъ ему.

— Высланъ авангардикъ?.. кто отправился съ нимъ?..

— Корнетъ Вамаевъ.

— Артиллерія слѣдуетъ между полками, кубанцы идутъ въ арьергардъ, предлагаю обозу не растягиваться; потрудитесь внушить обозной командѣ!.. медленно собираются!.. изъ рукъ вонъ!.. садись!

— Кипятокъ! острять казаки, улыбаясь.

Сѣли на коней, тронулись.

Окруженный свитой ординарцевъ и адъютантами, бригадный пропускаетъ мимо себя первыя сотни, подбоченясь и напустивъ на себя видъ самаго лихаго джигита: все не по немъ, все заслуживаетъ замѣчанія!

— Бодрѣй! смѣлѣй! но не горячиться!.. удалъ въ мѣру, разсудокъ при себѣ!.. казаки—не уланы, уланы—не казаки!..

На такія истины—казакъ, конечно, улыбается:

— Кипятокъ! посмотримъ, каковъ онъ въ дѣлѣ будетъ?

— Значекъ—ближе ко мнѣ!.. не отставать!

Бригадный пришпорилъ коня и обогналъ всѣ сотни, которыя онъ только-что пропустилъ мимо себя. Солнце все выше и выше подымалось надъ горизонтомъ; стало-вилось жарко. Дорожная пыль обдала лошадей и казаковъ. Лошади зафыркали, широко раздувая ноздри и вдыхая въ себя пыльный воздухъ. Казаки не обращали вниманія на пыль; они свыклись съ нею; она густымъ слоємъ ложилась на ихъ платье, обдавала лицо, забиралась въ бороды и въ мѣховыя шапки. Жара начала размаривать какъ лошадей, такъ и людей; потъ покатился по ихъ смуглымъ, покрытымъ пылью фizioноміямъ. Лошади низко опустили головы, и бригада тихимъ шагомъ двигалась по направленію къ деревнѣ Турска-Слива. Впереди бригады слѣдовалъ небольшой авангардикъ, онъ обязанъ былъ освѣщать мѣстность главнымъ силамъ авангарда и доносить сейчасъ же въ случаѣ открытія непріятеля. Бригада двигалась по дорогѣ, шедшей между холмами. Съ обѣихъ сторонъ на высотѣ этихъ холмовъ мож-

но было видѣть отдѣльные, небольшіе отряды казаковъ, по два, по три человека вмѣстѣ. Кучки этихъ людей то показывались въ сторонѣ отъ нашего движенія на холмахъ, то снова исчезали, спускаясь въ лощины. Первый признакъ непріятеля, часто фальшивый признакъ, заставлялъ ихъ выѣзжать на высоту сосѣдняго холма и „маячить“ въ виду бригады. „Маячить“ — значить кружиться на одномъ мѣстѣ; это — условный сигналъ кавказскихъ казаковъ, обозначающій, что разъѣзды замѣчаютъ непріятеля. Если обнаруживается, что разъѣзды не ошибаются, открывъ непріятеля, то они высылаютъ донесеніе къ главнымъ силамъ, что по такому-то направленію замѣченъ непріятель и въ такомъ-то количествѣ. Тогда главныя силы авангарда предупреждены и поступаютъ такъ, какъ благоразуміе подсказываетъ командующимъ лицамъ.

Бригада двигались медленно; кое-гдѣ слышалась пѣсня въ полголоса:

Добрый казакъ на натуру
Добре грае на бандуру...

Но большинство ѣхало молча, было задумчиво. О чемъ думали казаки въ эту минуту? Что такъ низко опускались ихъ буйныя головушки подѣ мѣрный топотъ ровнаго шага казачьихъ коней?—Угадать не трудно. Мечты ихъ были далеко отсюда; онѣ витали въ родныхъ станицахъ, тамъ... за Кубанью; мечты, какъ орлы, носились надъ высотами родныхъ ауловъ. Судьба бросила казаковъ за Дунай; судьба вырвала ихъ изъ родной семьи, но не вырвала судьба изъ ихъ сердецъ жинокъ, ребятишекъ, стариковъ.

— Что, Охроменко, носъ-то повѣсилъ, аль жинку вспомнилъ?

— Богъ съ ей! отвѣтилъ казакъ, махнувъ рукою.

— Зачѣмъ такъ? Можетъ она тоже пригорюнилась.

— Хи!.. хи!.. хи!.. прыснулъ рядомъ ѣхавшій молодой казакъ.

— Чаво смѣешься?

— Такъ вотъ и пригорюнилась!.. нѣшто въ станицѣ мало народу осталось?

— Старики остались одни.

— Ничаво, братъ, и старичекъ такъ себѣ, коли по вкусу приходится.

Казакъ засмѣялся.

— Дуракъ ты я вижу, братецъ, оскорбился пожилой казакъ вторичной службы: — нешто у насъ станичныя бабы такія?

— Чаво дуракъ, правильно говорю!

— Молодому лучше знать.

— Какъ у кого.

— А у тебя небойсь иначе?

— У меня?.. У меня, братецъ, ни... ни!.. Чуть что узнаю, коли, Богъ дастъ, назадъ приду,—и-и... Боже мой!

— Чтожь ты сдѣлаешь? спросилъ рядомъ ѣхавшій офицеръ, заинтересовавшись разговоромъ.

— Я? я, ваше благ—одіе, ее до смерти прибую.

— А вотъ у насъ, братцы, въ Мышастовской станицѣ какой однова случай былъ, началъ рассказывать другой казакъ, какъ-бы въ отвѣтъ на офицерскія слова и въ то же время дѣлая видъ, что онъ ихъ не слышалъ:— Стоялъ у насъ тенгинскій полкъ... въ полку одинъ капитанъ, ротнымъ значился... молодой, красивый... пластуномъ родомъ будетъ. Жилъ въ станицѣ тоже пластунъ...

казакъ... была у казака жинка... молоденька... гарненька... Замѣтилъ капитанъ жинку, полюбилась казацка жинка капитану...

Казаки снова захихикали.

— И зачалъ это капитанъ шарка передъ нею... шарка да подлазить... ничаво, а казакъ молчить, такъ себѣ... только на усъ мотаеть... Вдругъ, братцы мои, казаку приказъ приходитъ: за Кубань на очередь идти... Ну, вѣстимо, проводы... то... другое... молебень отслужили... выпили... двинулись... казаки вышли провожать... Идетъ казакъ, кручинится, головой таково мотаеть, а у сердца такъ вотъ и свербить, и свербить... подступало это подступало, не могъ казакъ сдержать любовныства... „Пустите, говорить командиру: — ваше бл—діе, домой на часикъ... я, говорить:—полкъ на ольгинской переправѣ догоню“. — „Ладно, иди!...“ Доходить казакъ до хаты, смотреть, сѣни отперты... дверь заперта... Что такое?... Чье у хатѣ харчить кто-то... казакъ стучится... „Кто тамъ?“ спрашиваетъ жинка... „Отопри!...“ Услыхали голосъ — забѣгали... Входить казакъ у хату, а тамъ это капитанъ-то и сидить.

Разсказчикъ остановился и посмотрѣлъ вмѣстѣ съ другими казаками на офицера. Всѣ улыбались, офицеръ также улыбался.

— Взбунтовало ретивое. „Давай, говорить: — жена, сѣкиру..“ Капитанъ туда, сюда. „Какъ, говорить: — ты смѣешь?... знаешь какой ты отвѣтъ долженъ держать?..“ — „Ничаво, говорить: — ваше бл—діе, у своей хатѣ я хозяинъ...“

— Чу!.. выстрѣлъ!..

— Кажись—выстрѣлъ?

— Выстрѣлъ, братцы!

Разговоръ умохъ. Замерли сердца. Поднялись казаки на стремянахъ, подобрали уздечки...

— Гдѣ выстрѣль?

— Тамъ... впереди...

— Другой!.. третій!.. четвертый!..

Точно барабанная дробь, началась ружейная перестрѣлка.

Что сдѣлалось съ людьми и лошадьми? Какъ будто электрическая искра пробѣжала по рядамъ казаковъ. Люди и лошади ожили въ одну секунду, заволновались и загорячились. Бригада заколыхалась; гордо и высоко подняли кони свои морды, забили задними копытами о земь, и цѣлое облако густой пыли поднялось въ воздухъ.

— Въ деревнѣ—засада! Приготовиться! сказали офицеры.

— Смирно! осмотрѣть оружіе!

Впереди ничего не было видно. Только деревушка, черезъ которую вела дорога, производила тяжелое впечатлѣніе своимъ заброшеннымъ видомъ. Бригада пронеслась черезъ деревню, какъ несется по полянѣ передъ громомъ вихрь, гонимый грозовою тучею, нагибая кусты и деревья. Испуганная стая гусей, высоко поднявъ крылья, бросилась въ разныя стороны; курицы попрыгали съ высоты плетеныхъ заборовъ, громко кудахтая; здоровый буйволъ, лежавшій въ лужѣ, шархнулъ отъ дороги на пахатное поле; плачь испуганнаго ребенка раздался гдѣ-то, въ одной изъ болгарскихъ мазанокъ. Все замерло вокругъ насъ; какъ будто свинецъ висѣлъ въ воздухѣ. Всякій чувалъ, что несется вооруженная сила, и эта сила страшила каждого живаго человѣка: вотъ-вотъ опустится этотъ свинецъ на землю и задавить со-

бою остатки живаго и чуткаго. Деревня брошена на половину жителями; но всё мазанки стояли на своих мѣстахъ и нигдѣ не было видно слѣдовъ какого-либо разрушенія и разоренія. Окна турецкихъ домовъ были заперты, двери открыты, всюду были видны слѣды поспѣшнаго бѣгства. Нѣсколько болгаръ выглянули изъ-за угловъ, стараясь спрятаться отъ глазъ казаковъ. Какія испуганныя лица: сколько въ нихъ страха и ужаса!..

Вихрь миновалъ. Мы пронеслись черезъ деревню. Болгаре быстро выбѣжали на улицу и, образовавъ кучки, провожали насъ глазами. Одни крестились, другіе махали руками; лица ихъ повеселѣли. Они гонять насъ?.. или радуются, что мы нетронули ихъ?.. или радуются, что тамъ, впереди, завязалась перестрѣлка съ турками? За деревнею потянулись хлѣбныя поля. Нѣсколько женскихъ фигуръ на одно мгновеніе вынырнули изъ моря желтой ржи. Схвативъ сарны, онѣ опрометью кинулись обратно въ рассыпную и снова быстро утонули въ колыхавшемъ морѣ поспѣвавшаго хлѣба.

Болгаринъ выскочилъ неожиданно изъ-за кургана на поворотѣ дороги и, наткнувшись на конницу, остановился на мѣстѣ, какъ вкопанный. Съ ужасомъ, запечатлѣвшимся на лицѣ, блѣдный и взволнованный, онъ смотрѣлъ на казака, какъ приговоренный къ смерти. Казакъ осадилъ коня, и надменная улыбка скользнула на его лицѣ. Съ минуту болгаринъ не могъ придти въ себя. Потомъ онъ одумался, быстро сорвалъ съ головы свою барашковую шапку и стиснулъ ее между пальцами; потомъ вся его фигура сгорбилась, съежилась, весь онъ прыгнулъ къ землѣ, голова опустилась такъ низко, низко, и долго она не могла подняться передъ лицомъ явившагося спасителя. Даже на лицѣ нашего солдата скользнула улыбка.

на надъ робостію, самоуниженіемъ, раболѣпствомъ болгарина, и онъ не сказалъ ему весело и ободрительно: „здравствуй, *братъ!*..“ нѣтъ!.. онъ сказалъ ему: „здравствуй, *братушко!*“ конечно, тономъ протектора.

Миновавъ деревню, отрядъ поднялся на холмъ. На заднемъ скатѣ этого холма началась схватка казаковъ съ турецкими черкесами. Картина удали, простора, боеваго увлеченія открылась передъ нашими глазами. Рядъ кургановъ тянулся нескончаемо, и ничто не заслоняло общаго вида оригинальнаго зрѣлища. Разсыпавшись въ безпорядочныя группы, турецкіе черкесы показывались вдали на своихъ маленькихъ лошаденкахъ, то на высотѣ холма, то снова прятались за склонами слѣдующихъ холмовъ. Осетины горячились въ первой линіи. Опустивъ поводья, они дали полную свободу своимъ лошадямъ, стрѣлая на лету въ карьерѣ.

Пропали слѣды непріятеля. Отрядъ остановился на отдыхъ.

Впереди выставили цѣпь, позади помѣстились резервы. Офицеры собрались на высокомъ курганѣ и направили свои бинокли вдаль, осматривая мѣстность.

Въ сторонѣ отъ этого кургана стояло дерево. Это было единственное дерево на всемъ пространствѣ засѣянныхъ полей. Подъ тѣнью ласково манившихъ къ себѣ широкихъ вѣтвей орѣшника, лежали на этотъ разъ три трупа убитыхъ осетинъ.

Это были первыя жертвы первой схватки авангарда. Покрытые съ головою черными мохнатыми бурками, они лежали на спинѣ, пораженные вражьиими пулями прямо въ голову. Кровь струилась по вискамъ, лица блѣдныя, мертвенный взоръ обращенъ былъ на небо. Казаки молча

подходили къ павшимъ товарищамъ и, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, утрумо качали своими головами.

— Гдѣ рыть могилу? спрашивали они другъ друга.

— Здѣсь, братцы, надо рыть подъ тѣнью дерева... здѣсь хорошо лежать покойничкамъ; пусть лежатъ себѣ голубчики, далече отъ родины... Боже мой!..

— Царство небесное!..

— Упокой души усопшихъ рабъ твоихъ!

— Думали они, братцы, аль нѣту, что помереть имъ придется тутъ-ока?

— Ай, ай, ай, ай!.. качали головами товарищи:

И въ этомъ въ сущности малозначущемъ „ай, ай, ай, ай!“ сказалось такъ много искренней грусти, столько неподѣльной укоризны, желчи, сердечной боли и страданія за друга, что мурашки пробѣгали по тѣлу посторонняго зрителя.

Да!.. образъ этихъ первыхъ мертвецовъ за Дунаемъ произвелъ на товарищей глубокое впечатлѣніе. Надолго останутся въ ихъ памяти первые, простые, убогіе, жалкіе похороны солдатъ.

Вырыли казаки могилу, завернули убитыхъ въ бурки, свалили ихъ въ яму, забросали землею, слеза скатилась по смуглому лицу могильщика, кулакомъ ее онъ вытеръ, и одинъ только зеленый орѣшникъ, привѣтливо наклонивъ свою широкую вѣтвь надъ могилою, принялъ убитыхъ подъ свой таинственный, тихій, чудный покровъ на чужбинѣ. Но... пройдутъ года... измѣнитъ память... бурная стихія вырветъ орѣшникъ съ корнемъ изъ рыхлой почвы на курганѣ, вьюга замететъ послѣдній слѣдъ вѣчнаго покоя... только легенда, переходящая изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, будетъ смутно,

опушью, указывать своимъ современникамъ на историческия, тамъ и сямъ разбросанныя могилы страдальцевъ...

Немного подальше казаки образовали группу и наслаждались трепетомъ баши-бузука, котораго поймали за шиворотъ во время схватки.

— Что, братъ, пошался!..

— Показывай имущество!

Точно турокъ понималъ ихъ!

— Сказывай:—кто ты такой?

— Стой, братцы!.. давай провожатаго переводчикомъ.

— Мирный, отвѣтилъ турокъ.

— Врешь, басурманская рожа!.. на что у тебя патроны?..

— Патроны-то бумажные!

— И ружье-же, братцы, у него... пффу! прости Господи!

— Ну, теперича давайте, его нагайкой пороть будемъ.

— За што пороть?.. такъ не годится.

— Слышь ты!.. говори правду!.. вишь нагайку?

Баши-бузукъ затрясся лучше прежняго.

— Сеенимъ-башка будетъ!

— Чаво съ нимъ разговаривать... къ сѣдлу его привязать—вотъ и все!

— Прямо голову долой!

— Тамотка на деревѣ повѣсить, гдѣ казаковъ скоронили.

— Ы-й, па-а-ршивый!

— Зря-то языки чешете! замѣтилъ солидный казакъ, подойдя къ группѣ.

— Вовсе не зря; суку, небойсь, выдержать.

— Кто вамъ позволить?.. командирь-оть, онъ, вамъ задасть.

— Ничаво не задасть... отъ его, отъ промышлага сколько несчастія идеть?

— Сади-и-сь раздается команда.

— Вонъ, слынь... гайда, молодцы!

Попрыгали на коней; снова въ путь-дорогу. И такъ до ночи. Къ ночи остановились опять на ночлегъ. На этотъ разъ ночлегъ оказался между деревнями татаръ и черкесовъ. Прошла полуночь. Темень спустилась на землю и совсѣмъ закрыла земные предметы. Но вотъ яркое пламя сверкнуло огненнымъ языкомъ въ темномъ воздухѣ съ обѣихъ сторонъ отъ бригады. Что такое? Какой огонь? Какое пламя? Пламя разростается необыкновенно быстро, все сильнѣе и сильнѣе. Вотъ что-то рухнуло; облако мелкихъ искръ расплылось въ воздухѣ и понеслось по мрачному фону темныхъ небесъ. Лошади зафыркали, забились на коновязяхъ, разбудили казаковъ.

— Что такое?

— Горить!

— Гдѣ горить?

— Деревня горить... осетины зажгли.

Вѣтеръ яростно подхватилъ всепожирающее пламя, и обѣ деревни начали таять, какъ восковыя свѣчи.

— Мстять туркамъ за кровь свою, сказыль кубанецъ, почесываясь.

— Это хорошо, что осетинъ убили, а то-бъ они, дьяволы, може, на ту сторону подались бы.

— Очень просто.

Прошла ночь. Огонь стеръ съ лица земли двѣ деревушки. Подъ утро пахло гарью на полянѣ, и долго тлѣло деревенское пепелище бѣдныхъ, обнищавшихъ жителей. Деревни были черкесскія.

Бѣдно живутъ черкесы въ Болгаріи. Невольно воско-

минаются ими аулы Горнаго Кавказа, откуда их выселили въ Турцію. Каждая черкесская деревушка примыкает къ горному ручейку. Жалкія, низенькія мазанки окованы рвами. Ни одного дерева, ни одного куста. Деревню окружають кукурузныя поля. Мачеть—въ каждой деревушкѣ. Войдемъ въ избу, въ углу—очагъ; дымъ проходить черезъ отверстіе въ потолокъ; полъ земляной; стѣны и потолокъ вымазаны глиною. Не разъ случалось наткаться на табуны брошенныхъ лошадей. Это были живыя картинки въ походѣ; намъ доставляло развлеченіе зрѣлище, какъ казаки, окружая эти табуны, ловили лошадей за хвосты и кому-нибудь удавалось поймать кобылку, на утѣху своихъ товарищей. У казаковъ, какъ извѣстно, не принято ѣздить на кобылахъ.

На слѣдующее утро—опять въ путь-дорогу. Мы приняли направленіе на деревню Булгарени. За ночь собралось въ лагерь нѣсколько болгаръ. Они бѣжали теперь за бригадою въ припрыжку, захвативъ съ собою чаны, ложки и плошки, попавшіеся имъ подъ руку въ брошенныхъ черкесами деревняхъ. Мы шли, какъ будто не имѣя никакой опредѣленной цѣли; сзади насъ долженъ былъ слѣдовать корпусъ барона Криденера, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ окружить Никополь; и, тѣмъ или другимъ способомъ взять эту крѣпость. Казачій отрядъ составлялъ его авангардъ и дѣйствовать по усмотрѣнію своего бригаднаго командира. Легко можетъ быть, что исключительному положенію своего бригаднаго, его связямъ и протекціи обязаны были казаки своему самостоятельному положенію. Но, что въ этой самостоятельности? Еслибы образъ дѣйствія казаковъ зависѣлъ отъ нихъ самихъ—они не пошли бы на Булгарени; они двинулись бы на Шевцу. Но казаки подчинялись своему бригад-

ному, которому хотѣлось быть самостоятельнымъ и который не любилъ отдавать другимъ отчета.

Мы пришли въ Булгарени и основались тамъ лагеремъ. Отсюда мы высылали разъѣзды въ разныя стороны. Разъѣзды приносили намъ каждый день разныя новости. Всѣ эти новости развлекали насъ во время скучной стоянки, но отнюдь не отвѣчали намъ на существенно-важные вопросы: гдѣ непріятель? сколько его? куда онъ движется? откуда идетъ и кто руководитъ непріятельской силой? Какъ будто до насъ это вовсе и не касалось. Шпіоны—тѣ самые шпіоны, которые пугали насъ въ Румыніи—ихъ совсѣмъ не видно было въ Болгаріи. Приходилось догадываться, предполагать, горячиться и дѣлать фальшивыя заключенія.

— Гдѣ штабъ 9-го корпуса?.. напали вы на слѣдъ штаба девятаго корпуса? обращался бригадный командиръ каждый разъ къ обязанному офицеру, когда онъ возвращался съ разъѣзда.

— Не знаю...

Штабъ девятаго корпуса какъ будто провалился сквозь землю. Ни слуху ни духу въ продолженіи трехъ дней. Насъ раздѣляли всего какихъ-нибудь десятокъ верстъ, а мы не знали гдѣ штабъ девятаго корпуса? Наконецъ, мы напали на слѣдъ. Штабъ девятаго корпуса оказался вблизи Систова, въ деревнѣ Оресень. Успокоились и завели съ нимъ сношенія. Пѣхота, послѣдовательно, шагъ-за-шагомъ, подходила къ Никополю. Гдѣ была главная квартира? куда она направляетъ свои стопы?—Казалось, что все это зависитъ отъ случая. По крайней мѣрѣ, авангардъ праваго фланга не имѣлъ съ главною квартирою никакихъ сношеній.

Деревня Булгарени расположена на обширной полянѣ,

на берегу узенькой и мутной рѣчки съ высокими обрывистыми берегами. Мимо деревни Булгарени проходила дорога на Шлевку. Долина была окружена съ сѣвера, съ юга и съ запада сплошнымъ хребтомъ довольно покатыхъ и высокихъ холмовъ. Деревня заселена преимущественно болгарами. Издалека увидѣли они нашу бригаду и всѣ высыпали ей на встрѣчу. Одинъ изъ офицеровъ былъ высланъ впередъ съ приказаніемъ позаботиться о провизіи для команды. Вотъ ужъ трое сутокъ, какъ казаки сидѣли на сухаряхъ. Голодъ давалъ о себѣ знать чувствительно. Вѣхавъ въ деревню, въ сопровожденіи небольшого конвоя, мы прежде всего постарались найти лавочку. Болгаре указали намъ на лавку и, низко кланяясь и крестясь, подвели самого лавочника. Казаки почувствовали себя какъ дома.

— Хлѣбъ есть?

Болгаринъ покачалъ головою.

— Яйца есть?

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ, отвѣтилъ лавочникъ.

— Вино есть?

Болгаринъ молчалъ.

— Ну, а птица какая есть?

— Нѣтъ, братъ, нѣтъ птицы.

— Какъ нѣтъ птицы, шутъ ты дери, озлился конвойный казакъ:—вишь, птица по двору ходить.

Лавочникъ покачалъ головою, досталъ ключи и, нехотя отперъ лавку. Лавка оказалась подъ семью замками, въ подвалѣ. Казаки вошли туда, какъ въ собственную хату.

— Ну, и лавка же, братцы!.. ай да лавка!..

— Никакъ, тутъ табакъ находится?

— А вотъ, братцы, хлѣбъ.

— У-у, хлѣба то сколько!.. чуде-е-сно!

— Ну-ка, парочку дитекъ.

— Мнѣ, братцы, табаку: табакъ весь выпелъ.

— Перекинь хлѣбъ те... что онъ черствый?

— Ничаво, такъ себѣ...

— Ну, ладно.

— Винца бы хлебнуть...

— Хлебай, сколь хочешь... винца, братъ, страсть!..

Реквизиторы не успѣвали подавать. Сыръ, табакъ, яйца, хлѣбъ—казаки записывали въ карманы, въ шапки, за пазуху и за голенища. Лавочникъ безмолвно смотрѣлъ на эту картину.

— Чаво тамъ торчите—давайте сыру!

— Возьми, что ореншь?... намъ, братъ, не жалко.

Выходя изъ лавки, казаки похвалявали:

— Ну, и лавка же!.. чуде-е-сная лавка!.. ай да братушка!.. молодець, братушка!

Тѣмъ временемъ, офицеръ собралъ вокругъ себя попа, сельскаго учителя и старосту. Поставивъ ихъ въ полукругъ, онъ снаряжалъ экспедицію.

— Теперь вы свободны!.. слышите!.. ступайте, ветрѣчайте бригаднаго командира... скажите рѣчь.

Мысль эта чрезвычайно понравилась народному учителю, шустрому и бойкому молодому человѣку. Попъ имѣлъ видъ деревенскаго кулака; хитро и молча онъ смотрѣлъ въ-подлобья.

— Скажите, махримѣръ, продолжалъ офицеръ:—привѣтствуемъ хлѣбомъ-солью, какъ освободителей, и тамъ разное, такое, другое, что вадумаете.

Учитель началъ горячиться, а болгаре окружили его, смотрѣли и слушали. Онъ размахивалъ руками и выкрикивалъ: „Богъ...“ „помози...“ „русы...“ „турпы...“ и т. д.

— Ну, ладно!.. довольно!.. ступайте!.. скомандовалъ

корнеть. Казаки! проводи ихъ къ бригадному!

Достали хлѣбъ, выколупали кинжаломъ дыру, насыпали туда соли... депутація двинулась. Человѣкъ пять болгаръ, съ палками въ рукахъ, съ обнаженными головами, шли навстрѣчу бригадному командиру. Впереди всѣхъ шли попъ и учитель.

— Маршъ... подгонялъ казакъ депутацію:—ишь, боровъ толстый!.. бѣги, чтобъ тебя разорвало!

Толстый болгаринъ еле-еле поспѣвалъ за товарищами.

Бригада приблизилась. Во главѣ ѣхалъ бригадный командиръ.

— Епутація идетъ! пронеслось по рядамъ казаковъ.

Бригадный командиръ построилъ каре, просіялъ, подбочинился, принялъ торжественно-величественную позу. Попъ произнесъ рѣчь.

— Смотрите, ребята! крикнулъ казакамъ бригадный, потряхнувъ головою:—смотрите: болгаре преподносятъ намъ хлѣбъ-соль, оплатите же имъ честностію, правдою и славою. Кто не сдержитъ своего слова, да будетъ тому стыдно!.. У меня не воровать! оборвалъ онъ послѣднія слова особенно рѣзко.

— Слушаемъ, ваше высочествоблагородіе-е-е! дружно отвѣтили казаки.

Бригада расположилась лагеремъ на самомъ берегу рѣчки.

Лагерная жизнь военнаго времени имѣетъ много общаго съ жизнью монаховъ. Если хотите, она даже бѣднѣе монашеской жизни. Монахи ходятъ, по крайней мѣрѣ, въ церковь, въ лагерь и этого нѣтъ. Казаки раскинули палатки, залѣзали подъ тѣнь палаточнаго брезента, засыпали корму лошадей и спятъ они отъ завтрака до обѣда и отъ обѣда до ужина. Завели очередь,

каждый день начали высылать дивизионъ въ разѣздъ; нижшіе чины иногда отправлялись еще за фуражемъ; что же касается господъ офицеровъ, то между ними самими стереотипными фразами были:

— Дмитрій Петровичъ, вставайте!.. обѣдать подали.

Или:

— Полноте, господа, дрыхать-то, ужинъ готовъ!

Въ видѣ вечерняго развлечения, мы собирались въ кучку и, при тихой погодѣ луннаго вечера, забавлялись разсказами негра. Какими судьбами онъ попалъ въ нашу службу—никто объяснить этого не могъ. Говорили, что онъ остался у насъ со времени крымской кампаніи. Это былъ старый и добродушнѣйшій человекъ, хотя и весьма недалекій. Самымъ свѣтлымъ его воспоминаніемъ была его служба въ Сибири, въ какомъ-то судѣ, о которомъ онъ разсказывалъ съ увлеченіемъ.

Полно врать-то, говорили ему: — хорошъ былъ тотъ судъ, гдѣ ты засѣдалъ его членомъ.

— Да, вѣдь, это, господа, былъ шемякинъ судъ.

— Что же такое? отвѣчалъ наивно разсказчикъ: — Шемякинъ, дѣйствительно, былъ у насъ предсѣдателемъ.

Въ разговорахъ проходили часы и дни... никто не ждалъ такой спокойной жизни. Прошло, такимъ образомъ нѣсколько дней. Мимо Булгарени начали проходить части пѣхоты девятаго корпуса, которыя должны были подойти къ Никополю съ запада и съ юга. Прошла молва, что главная квартира направилась на Трновъ, который уже занятъ авангардомъ Гурко. Каждый разѣздъ привозилъ намъ разныя новости, имѣвшія интересъ исключительнаго случая. Плевна была въ тридцати верстахъ отъ Булгарени, но никому и въ голову не приходило осведомиться, что тамъ творится, и свободенъ ли городъ,

или онъ занять непріятелемъ?

Одинъ изъ первыхъ разъѣздовъ попалъ въ сѣсѣднюю деревню, почти всецѣло населенную турками. Толпа турокъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ различного возраста вышла на встрѣчу нашимъ казакамъ и заявила имъ свою покорность. Во главѣ этой партіи оказался татаринъ, выселившійся изъ Крыма и хорошо говорившій порусски. Татаринъ заявилъ, что все турецкое селеніе выражаетъ свою покорность и готовность сдать оружіе. Командиръ разъѣздной сотни привелъ ихъ въ лагерь; они подтвердили свое желаніе, и мы успокоились.

На слѣдующій день, объѣздъ перехватилъ турецкую почту. Шли по дорогѣ два турецкіе пилигрима. Они были вооружены однѣми палками, а за плечами несли котомки. Ихъ привели въ лагерь. Въ портъ-табакѣ, сдѣланномъ изъ чернаго дерева, нашелся потайной ящикъ. Изъ ящика вынули нѣсколько записокъ. „Въ Виддинѣ одаются и просятъ родныхъ не приходить сюда, писали турки: — у насъ 50,000 населеніе съ арміей и всѣ они обратились въ пепелъ“ (восточное выраженіе, обозначающее: предались страху). Уже 15 дней, какъ въ Виддинѣ пятнадцатитысячный турецкій гарнизонъ ожидаетъ сорокатысячную русскую армію, сорока-пяти-тысячный турецкій отрядъ двинулся на Казаларъ...“ „большая нужда въ деньгахъ...“ „наемщики просятъ денегъ“. Мы читали эти письма и рѣшительно не видѣли никакихъ причинъ волноваться и тревожиться. Напротивъ того, всѣ эти свѣдѣнія еще болѣе успокаивала насъ на лаврахъ удачнаго перехода черезъ Дунай.

Случилось, что казаки поймали черкесскаго офицера. Дивизіонъ объѣзжалъ деревни: Лежанъ, Каменку и Озер-

скей. Не доходя пяти верст до последней деревни, были усмотрѣны три всадника, которые тотчасъ же и скрылись. Болгаре сообщили, что нѣсколько черкесовъ только-что угнали болгарскій скоть. Казаки поскакали и поймали двухъ черкесовъ. Одинъ изъ нихъ оказался предводителемъ шайки. Это былъ молодой человекъ, не имѣвшій ничего общаго съ баши-бузуками. Черные, какъ смоль, волосы были подстрижены по-европейски. Онъ носилъ усы на смугломъ, загорѣломъ, красивомъ лицѣ общевропейскаго типа. На головѣ его была красная феска, изъ-подъ которой спускался вуаль, вышитый золотомъ, очевидно, рукою какой-нибудь турчанки. Его звали Нури.

Нури ходилъ свободно въ лагерѣ, будучи военнопленнымъ. Офицеры обращались съ нимъ, какъ кошка съ пойманной мышкой.

— Такимъ образомъ онъ можетъ уйти изъ лагеря, покусился однажды замѣтить кто-то.

— Нури отъ насъ не уйдетъ, отвѣтилъ сотникъ, поймавшій его въ объѣздѣ. — Нури насъ любитъ. Нури, ты, вѣдь, любишь насъ? спросилъ онъ его черезъ переводчика.

Нури горько улыбался.

Самая высшая деликатность обращенія казака съ пленнымъ заключается именно въ томъ, чтобы предоставить пленному полную свободу дѣйствій. Онъ можетъ идти куда хочетъ въ предѣлахъ лагеря; офицеры приглашаютъ его къ себѣ въ палатку на ночь, даютъ ему мѣсто, не убирая оружія, словомъ, принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы не давать чувствовать пленному грусти его положенія, но въ то же время, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, зоркій глазъ слѣдилъ непременно за каждымъ ша-

гемъ Нури, за каждыиъ его движениемъ. Но это дѣлалось такимъ образомъ, чтобы Нури не замѣчалъ этого.

Нури былъ одинъ изъ самыхъ злыхъ враговъ Россіи.

Это легко можно было замѣтить изъ рассказовъ о его прошлой жизни. Когда онъ былъ ребенкомъ, его родители переселились изъ Кавказа въ Турцію. При разсказѣ объ этомъ переселеніи глаза Нури блестяли, щеки горѣли, чувство особеннаго негодованія душило его грудь, и проклятія не сходили съ устъ при воспоминаніи о тогдашнемъ „временникѣ“ Филиппсонѣ, принимавшемъ весьма дѣятельное участіе въ переселеніи черкесовъ. Старички испытывали такіа страшныя лишенія во время этого переселенія съ Кавказа, что они не могли пережить страданій и умерли по дорогѣ, оставивъ мальчика Нури на произволъ судьбы.

— Намъ швыряли, какъ собакъ, въ парусныя лодки, говорилъ Нури, задыхаясь:—голодные, оборванные, больные, мы ждали смерти, какъ лучшей доли нашей судьбы. Ничто не принималось въ расчетъ: ни глубокая старость, ни ранняя молодость, ни болѣзнь, ни беременность!.. Всѣ деньги, которыя ассигновало наше правительство на поддержку переселенцевъ—всѣ они уходили куда-то, но куда... мы ихъ не видѣли! Съ нами обращались, какъ со скотомъ; насъ валили въ общій каякъ, сотнями, не разбирая, кто здоровъ и кто боленъ, и выбрасывали на ближайшій турецкій берегъ. Многіе изъ насъ умерли, остальные приткнулись, гдѣ попало. Конечно, самый худшій клочекъ земли достался черкесамъ въ Болгаріи, и прежніе достатки, прежнее наше богатство, плодородіе Кавказа остались въ образѣ однихъ только далекихъ прошлыхъ воспоминаній.

Мудрено ли, что Нури былъ нашимъ злымъ врагомъ?

Понятно, почему слеза напилась по щеку этого полудикаго человека при одномъ представленіи своего настоящаго положенія.

— Жаль, говорилъ Нури, горько улыбаясь: — жаль, что я попался въ плѣнь, не положивъ десятокъ „московъ“.

Надъ Нури сказалися какой-то турецкій жанна, взявъ его на воспитаніе, дать ему образованіе по керану и принять на службу.

Въ погоняхъ за единичными личностями проходило, такимъ образомъ, время, пока изъ Плевны не явились къ намъ въ лагерь два болгарина. Это было по прошествіи семи дней послѣ перехода нашей бригады черезъ Дунай, когда главная квартира прибыла въ Трновъ и войска 9 корпуса уже окружили Никополь. Болгары (одинъ изъ нихъ — учитель) сообщили намъ, что Плевна свободна отъ турокъ и приглашали бригаднаго командира занять этотъ городъ. Они передавали, между прочимъ, что городъ Плевну посѣтилъ на дняхъ одинъ русскій офицеръ съ небольшимъ отрядомъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что это былъ чугуевского уланскаго полка поручикъ Димиденко. Этотъ фактъ отрицаетъ бригадный командиръ кавказской бригады г. Тутолминъ, но я передаю его со словъ очевидцевъ этого офицера: двухъ болгаръ, съ которыми говорилъ г. Тутолминъ (чего онъ, надѣюсь, отрицать не будетъ), а фамилію этого офицера я записалъ со словъ генерала Татищева, въ кавалерійской дивизіи котораго состоялъ чугуевскій уланскій полкъ. Гурко двинулся за Балканы, корпусъ барона Кридинера вилотную окружилъ Никополь, а его авангардъ (полковникъ Тутолминъ) снялся изъ деревни Булгарени и направился на сѣверо-западъ, на новое мѣсто стоянки подъ Никополь, вмѣсто того, чтобы, слѣдовать въ Плевну, при

занятіи которой совершенно обезпечивался тылъ арміи барона Кюденера и флангъ главной квартиры, находившейся въ Трноуѣ.

Этимъ временемъ воспользовался Османъ-папа и занялъ Плевну. Армія Османа-Нури-паши находилась въ Виддинѣ. Лишь только онъ получилъ извѣстіе о переправѣ русскихъ черезъ Дунай, онъ стянулъ всё войско, какія только попались ему подъ руку, и направилъ ихъ на Плевну, противъ праваго фланга русской арміи. Пользуясь отсутствіемъ русскихъ въ Плевнѣ, онъ началъ укрѣпляться на возвышенныхъ, отлогихъ и совершенно открытых холмахъ этой мѣстности, сознавая всю важность своего стратегическаго положенія, преграждающаго путь русскимъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ Балканамъ изъ Никополя и грозящаго во всякое время во флангъ послѣдней главной квартирѣ. Такимъ образомъ, авангардъ генерала Гурко, перешедшій въ то время Балканы, оказался въ весьма опасномъ положеніи. Будь на мѣстѣ турокъ болѣе сильное по численности войско, европейская армія и приболѣе энергичныхъ руководителей въ дѣлѣ наступленія — занятый въ то время русскими шипкинскій проходъ и весь отрядъ генерала Гурко непременно былъ бы отрѣзанъ путемъ изъ Ловчи, на Сельмъ и на Трноуѣ.

Чѣмъ же объясняется маневръ полковника Тутолмина? Объясненія слѣдуетъ искать въ совершенномъ отсутствіи солидарности дѣйствій отдѣльныхъ начальниковъ съ главной квартирою. Едва ли я ошибусь, сказавъ, что главная квартира слишкомъ полагалась на безупречность знаній и талантовъ своихъ отдѣльныхъ генераловъ и полковниковъ. Увлекаясь быстротою своего движенія впередъ, главная квартира совершенно игнорировала положеніе

непріятеля на правомъ флангѣ и была болѣе, чѣмъ увѣрена, въ несомнѣнномъ успѣхѣ своихъ правофланговыхъ генераловъ и полковниковъ. Эта увѣренность подтверждается довольно общимъ планомъ дѣйствій, предначертаннымъ ею отдѣльнымъ начальникамъ 9-го корпуса и неопредѣленностію отношеній этихъ отдѣльныхъ начальниковъ между собою. Нельзя сказать, чтобы въ быстромъ движеніи главной квартиры отъ береговъ Дуная на Трново, по стопамъ авангарда генерала Гурко, не было свѣтлой мысли. Быстрота движеній, скорое появленіе непріятеля тамъ, гдѣ его вовсе не ожидаютъ, умѣнье воспользоваться моментомъ моральнаго пораженія противной стороны— все это составляетъ лучшую гарантію для успѣха предпріятія. Въ такомъ положеніи отчасти находилась наша главная квартира въ тотъ моментъ. Послѣдствія доказали что главная квартира преслѣдовала цѣль быстрого обходнаго движенія авангарда Гурко черезъ Ханкѣй, и это движеніе удалось, какъ нельзя лучше. Я увѣренъ въ томъ, что не ошибись главный штабъ въ выборѣ дѣятелей праваго фланга — Плевна не досталась бы въ руки Османа-паши; а въ такомъ случаѣ всѣ дальнѣйшія военныя операціи перенеслись бы за Балканы, вслѣдствіе чего мы выиграли бы во времени, скрыли бы наши недостатки передъ лицомъ Европы (обнаружившіеся главнымъ образомъ подъ Плевной) и достигли бы болѣе благопріятныхъ результатовъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Европою.

XII.

Путь въ Трново.—Завтракъ въ Акчаирѣ.—Мертвыя головы.—
Гурко за Балканами.

Какъ будто какая-то стихійная сила толкнула насъ

отъ Дуная къ Балканамъ и заставила забыть всю западную часть Болгаріи. Мы ворвались въ самое сердце Болгаріи, но не той Болгаріи, границы которой опредѣляются конференціей, съ главными городами Софіей и Трновымъ и южною границею — линіей балканскихъ горъ, а такъ-называемой горчаковской Болгаріи, границы которой опредѣлялись линіей морскихъ береговъ. Сейчасъ же послѣ переправы черезъ Дунай, линія отъ Никополя до Рушукъ послужила базисомъ для нашихъ военныхъ операцій, а голова нашей арміи очутилась далеко за Балканами, въ самомъ Казанлыкѣ. Достаточно взять карту въ руки для того, чтобы убѣдиться въ опасности нашего тогдашняго положенія, въ пространствѣ между двумя арміями—съ одной стороны, арміей Османа-паши, съ другой стороны—арміей Мехмеда-Али-паши, только-что смѣнившаго Абдуль-Керима.

Слухъ о взятіи Трново генераломъ Гурко дошелъ до нашего авангарда. Получивъ первыя извѣстія — я отправился въ Трново.

Полдень былъ ясный, солнечный; жара іюльская, невыносимая. По дорогѣ изъ Систова въ деревню Акчаиръ медленно двигалась пѣхотная бригада. Не хочется даже разговаривать, а многотерпѣливые русскіе солдатики, обливаясь потомъ съ головы до ногъ, подъ бременемъ тяжелой ноши—шинели, ранца, ружья—еле-еле влечать ноги, а сами такъ вотъ и отчеканиваютъ каждое слово.

— Не растягиваться! крикнулъ фельдфебель, обернувшись въ сторону отсталыхъ.

Отсталые, сгорбившись, подогнали бѣглымъ шагомъ свои роты. Но вотъ одинъ изъ нихъ, молодой солдатикъ, не вытерпѣлъ и, медленно опустившись на землю, застоналъ...

— Чаво сидишь? пугнуть было его товарищъ мимоходомъ.

— Ой, братцы, не могу! говорилъ онъ, упершись одною рукою въ землю, а другою глядя себя по животу.

Мимо его прошла рота, одинъ батальонъ, другой; только въ аррьергардѣ полка слышались крики:

— Взять его въ лазаретный фургонъ, чего смотрите?

Молча проходили солдатики мимо больного товарища и если оглядывались въ его сторону, то смотрѣли на него безучастно, съ тѣмъ полнымъ равнодушіемъ, съ которымъ человекъ имѣетъ обыкновеніе относиться къ заурядному явленію изъ его жизненной обстановки. Тяжело было бѣднымъ солдатамъ, очень тяжело. Тысячи верстъ тащились они пѣшкомъ по Румыніи и Болгаріи въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, опоражнивая за глазами начальства свои ранцы, чтобы только нѣсколько облегчить ношу на своей сторбенной спинѣ. Отказывались они отъ лишней, на собственный грошъ купленной, рубашки и сапоговъ, выбрасывали дневные запасы сухарей, предпочитая голодъ тяжести похода, валились какъ снопы на землю при всякомъ привалѣ и бросались къ ручьямъ, мучимые жаждою, опивались на пустой желудокъ, не разбирая качества воды, стонали, охали и ахали и снова становились на ноги, снова медленно двигались въ путь-дорогу. Тяжелое и смутное представленіе своего неизвѣстнаго будущаго заставляло ихъ только иногда опускать голову.

Вырывался подчасъ тяжелый вздохъ изъ груди русскаго солдата, но солдатъ стряхивалъ съ себя горькое и безропотно мирился съ судьбою.

„И пѣть буду и гулять буду“,
распѣвалъ онъ въ походѣ:

„А смерть придетъ—помирать буду!“

Верхомъ на своемъ маленькомъ, но крѣпкомъ турецкомъ конѣ перегонялъ я двигавшуюся по дорогѣ бригаду. Знакомыхъ офицеровъ въ бригадѣ не было, но знакомства заводились на театрѣ войны довольно быстро.

Солдаты съ любопытствомъ осматривали меня, штатскаго человѣка, и острили про себя: „Турка, молъ, ѣдетъ!“

— Болгаръ, а не турка, серьезно замѣчали другіе.

Не мало они были удивлены, когда я обратился къ нѣ фельдфебелю съ русскою рѣчью.

— На плечо!.. плечо!.. плечо!.. побѣжало вдругъ по рядамъ съ арьергарда къ авангарду бригады.

— Генераль ѣдетъ! генераль!.. послышалось въ рядахъ батальона. Батальонъ не шелохнулся; какъ кто шелъ, такъ и остались; только на плечо взяли.

Закрытая коляска, на подобіе тѣхъ, изъ которыхъ легко дѣлають кареты и въ какихъ обыкновенно ѣздить наши помѣщики, запряженная четверкою здоровыхъ русскихъ лошадей, перегоняла на рыскахъ двигавшуюся бригаду, обдавая ее пылью. На козлахъ правилъ лошадьми уморительный солдатъ изъ нестроевыхъ въ кепи и бѣлой рубашкѣ. Рядомъ съ нимъ помѣщался деньщикъ въ совершенно неопредѣленномъ костюмѣ; изъ коляски выглядывала полная, загорѣлая, съ черными щетинистыми усами физиономія генерала. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, въ черныхъ панталонахъ съ красными лампасами, въ синихъ вышитыхъ туфляхъ на ногахъ.

Коляска поровнялась съ полковымъ командиромъ. Лицо генерала имѣло суровый видъ.

— Сколько разъ говорилъ я всѣмъ, чтобы мнѣ не брали на плечо!.. началъ онъ рубить каждое слово: — Бригада растянулась!.. Сдѣлайте привалъ!.. Понимаете?..

Удивительно!.. Немостижимо!—и генераль откинулся къ спинкѣ экипажа. Коляска проѣхала дальне.

Полковой командиръ только улыбнулся въ слѣдъ генералу.

— Петръ Петрович Пѣтухъ да и только!.. вполголоса сказалъ онъ батальонному...

— На военномъ положеніи, добавилъ батальонный,

— Остановите людей.

— Стой!.. вольно!..

Молоденькій адъютантъ, прищипоривъ коня, поскакалъ маршъ-маршемъ остановить авангардъ.

Привалили на голой балкѣ... Кукуруза направо, кукуруза налево, голыя балки впереди, такія же назад. Боже, какая неприглядная мѣстность! Горы, высокія, широкія. Единственное убогое деревцо случайно выросло далеко отъ дороги, и рѣшительно-то негдѣ было укрыться отъ этого ужаснаго, подавляющаго солнечнаго зноя.

Кто легъ, кто сѣлъ, а офицеры собрались кучками и закурили папиросы. Вслѣдствіе усталости разговоръ между ними не клеился. Они вытирали свои потные лбы грязными платками, молча поглядывая на меня. Въ этихъ пристальныхъ, пытливыхъ взглядахъ рѣшительно каждаго офицера такъ вотъ и читаешь бывало мысль такого же сомнѣнія, которымъ заразился и фельдфебель. „Что это, въ самомъ дѣлѣ приходило въ голову:—меня какъ будто всѣ за шпиона принимаютъ,—надо знакъ надѣть“.

Въ сущности это было вовсе не такъ. Армія, войдя въ предѣлы театра военныхъ дѣйствій, какъ-бы совершенно отдѣляется отъ всего остальнаго міра. Мысль каждаго офицера, каждаго солдата, при извѣстномъ давленіи ея, вслѣдствіе утомленія и другихъ физическихъ лишеній, доводитъ воина до такого уакаго міросозерцанія, что каж-

дый новый человек дѣлается для него предметомъ не обыкновеннаго любопытства.

— Позвольте, говорю я полковому командиру:—привязать мою лошадь къ вашему фургону.

— А вы кто такой? прежде всего спрашиваетъ меня полковой командиръ.

— Корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

— Ахъ, очень пріятно познакомиться; сдѣлайте милость.

— Вы куда ѣдете?

— Въ Трново, говорю: — вы вѣроятно тоже туда ѣдете?

— Нѣтъ. Мы образуемъ авангардъ нашего корпуса и идемъ въ деревню Акчаиръ; тамъ будетъ двухдневная стоянка, согласно нашему маршруту... а потомъ... не знаемъ куда повернуть.

— Жара какая! замѣтилъ я послѣ минутнаго молчанія.

— Ужасная жара!.. Часто вы пишете? спросилъ меня полковой.

— По возможности.

— Пишите, батюшка, правду пишете; вотъ насъ компанія жидовъ одолеваетъ.

— Г. полковникъ, нельзя тоже не обратить вниманія на положеніе солдатъ... солдатамъ тяжело идти, ранцы по закону очень нагружены, обрадовался молоденькій адъютантъ присутствію обличителя.

— Многаго писать будетъ нельзя, говорю я имъ.

— Жаль, очень жаль, замѣтилъ полковой:—все равно шла въ мѣшкѣ не утаишь... Тяжела вамъ походная жизнь?

— Какъ видите.

— Я ее люблю, мнѣ она нравится... Вотъ у насъ бригадный есть, такъ тотъ все бранится, какъ изъ Россіи вышли... желчный сталъ, раздражительный... Мы Пѣтухомъ его прозвали.

— Можетъ ему въ Россіи лучше было?

— Конечно!..

Солдаты, отдохнувъ, двинулись дальше.

— Поѣдемте съ нами, пообѣдайте у меня въ Акчаирѣ, а тамъ скатертью дорога, пригласилъ меня полковой командиръ.

Деревня Акчаиръ—турецкая деревня. Она находится верстахъ въ четырехъ отъ Горнаго Студеня. Болгарскихъ домовъ въ ней очень мало. Жалкая, убогая, маленькая деревушка производитъ необыкновенно грустное впечатлѣніе. Деревня была брошена турками; большинство домовъ—черкесскіе. Обстановка черкесскаго дома въ Болгаріи очень бѣдна. Низенькая мазанка состоитъ изъ одной, въ рѣдкихъ случаяхъ изъ двухъ комнатъ. Стѣны вымазаны глиной, полъ земляной, въ углу тоится костеръ, дымъ выходитъ черезъ отверстіе, вырѣзанное въ потолокъ. Въ одномъ изъ такихъ домовъ помѣстидись мы съ полковымъ командиромъ, въ ожиданіи походнаго обѣда. Бригада вошла въ деревню съ музыкою и расположилась лагеремъ въ ущельѣ между двумя высокими холмами. Солдаты были рады отдыху. Они живо раскинули свои длинныя, но очень низенькія палатки, въ которыхъ только лежать и сидѣть можно было, и залегли на боковую чеповѣкъ по семи въ палаткѣ; парусина прикрывала ихъ только сверху. Заварили обѣдъ, забѣгали съ манерками за водою. Всѣ болгарскія и турецкія деревни снабжены ключами прекрасной, свѣжей, холодной воды. Мѣсто исхода этой ключевой воды тщательно обдѣлывается тур-

ками камнемъ въ родѣ фонтановъ. Это было нашимъ спасеніемъ въ лѣтнюю жару. Впослѣдствіи турки начали портить фонтанчики, но оставшіеся на мѣстахъ болгары всегда исправляли ихъ.

Побѣда у полковаго, я рѣшился выѣхать изъ лагеря въ 6 часовъ пополудни.

Событія тогдашнихъ дней влекли меня въ столицу Болгаріи. По слухамъ, главная квартира только-что вступила въ этотъ городъ; мнѣ хотѣлось понерпнуть свѣдѣнія относительно взятія Трнова; расчетъ заключался въ томъ, чтобы своевременно успѣть вернуться подѣ Никополь, гдѣ войска 9-го корпуса въ это время только-что окружили эту крѣпость. Я не былъ увѣренъ въ мѣстопробываніи главной квартиры. Гдѣ она находилась—этого никто не зналъ. Это считалось почему-то секретомъ.

— Скажите, полковникъ, гдѣ находится великій князь? спросилъ я, прощаясь съ полковымъ командиромъ, предполагая, что бригада сносится съ главною квартирою, слѣдовательно и знаетъ ея мѣстопробываніе.

— Мы ровно ничего не знаемъ, мы идемъ туда, куда намъ прикажутъ, стоимъ тамъ, гдѣ намъ велятъ...

Оставалось ѣхать на авось. Но какимъ путемъ ѣхать?.. Наконецъ куда ѣхать? Я былъ одинъ какъ перстъ.

„Лучше ѣхать по дорогѣ въ Трново“, рѣшилъ я мысленно. Хотя солнце уже клонилось къ горизонту и западъ уже окрасился пурпуромъ лѣтнаго заката, но близость ночи не пугала меня; мнѣ оставалось проѣхать нѣсколько верстъ въ сторону до шоссеиной дороги, а тамъ... тамъ я могъ безопасно продолжать свой путь при лунномъ свѣтѣ лѣтней тихой, прелестной теплой ночи юга.

— Господа! обратился я къ группѣ собравшихся офицеровъ, проѣзжая лагерь: — укажите мнѣ дорогу на деревню Иваница.

Иваница былъ промежуточный пунктъ между Акчаиромъ и Трновомъ.

Офицеры молча переглянулись, какъ бы не понимая моего вопроса.

— Какъ по вашей картѣ направо или прямо слѣдуетъ ѣхать? пояснилъ я мой вопросъ.

— У насъ карты нѣтъ, отвѣтили офицеры.

— Но вы же знакомитесь съ мѣстностью?

— По указанію начальства и болгарскихъ проводниковъ, былъ отвѣтъ одного штабсъ-капитана.

— Вы вѣроятно корреспондентъ?

— Корреспондентъ.

— Скажите, что новенькаго? Гдѣ главная квартира?.. Куда дѣвался штабъ нашего корпуса?.. Мы рѣшительно ничего не знаемъ. Не было ли какихъ сраженій?.. Гдѣ находится непріятель?..

Вопросамъ не было конца.

— А если васъ турки атакуютъ съ фронта, большими силами, куда вы отступите? спросилъ я офицеровъ, удивляясь изолированности ихъ положенія.

— Мы умремъ, но не отступимъ, гордо замѣтилъ мнѣ молодой прапорщикъ.

Я пожелалъ ему долгой жизни и выѣхалъ на высоту первой горы. Я очутился одинъ среди полей и кургановъ! У меня не было при себѣ ни револьвера, ни сабли... „Къ чему все это? думалъ я: — наѣжусь я на черкесовъ... ихъ будетъ нѣсколько!.. выстрѣлю я въ нихъ изъ револьвера, — этимъ только обозлю башки-бузуковъ и уже непремѣнно слѣбуюсь жертвою ихъ истязанія. Буду бѣжать отъ нихъ или сдамся въ плѣнъ!“ Подъ вліяніемъ такихъ мыслей я спустился въ лощину. По масштабу карты австрійскаго изданія мнѣ слѣдовало проѣхать одинъ

часть до пункта пересѣченія прѣселочной дороги съ шоссе. Но вотъ ѣду я одинъ часть... ѣду другой... солнце окончательно закатилось за горизонтъ, близится часть ночи. Выѣзжаю я на высокій пунктъ какой то горы, — картина необыкновенно безлюдной пустыни открывается передъ моими глазами во всей своей безпрѣльности. Ни одной живой души вокругъ меня... все это мертво... дико... поля, нескончаемая кукуруза, горы, долины!.. а тамъ? тамъ на далекомъ горизонтѣ еле-еле обрисовывается контуръ чудовищныхъ Балкановъ; они какъ бы обняты пеленою темно-голубой кисеи. Справа, слѣва, впереди — всюду виднѣются деревушки; крохотныя землянки кутаются въ зелень своихъ тощихъ садовъ, а стройные какъ тополь бѣлые минареты рѣзко отдѣляются отъ зелени окружающихъ полей. Куполь христіанской церкви блеснулъ при послѣднемъ лучѣ закатившагося солнца, и какъ то тяжело, скучно стало смотрѣть на эту покинутую людьми пустыню. Но кто же знаетъ, что она покинута? Можетъ быть въ ближайшей деревушкѣ сидятъ въ засадѣ какіе-нибудь башки-бузуки и поджидаютъ опрометчивую жертву своего разъяреннаго фанатизма. Вдругъ лошадь вздрогнула, — я вздрогнулъ вмѣстѣ съ нею!.. сердце забилось... черкесъ?... нѣтъ! отлѣгло!.. Большая птица поднялась изъ сосѣдней кукурузы и, тяжело замахавъ крыльями, полетѣла къ ближайшей деревушкѣ. Я повернулъ своего коня и рысью поѣхалъ обратно въ лагерь.

— Ou allez vous? грозно прекратилъ мнѣ путь самъ бригадный генералъ. Съ наикомъ въ рукахъ, все въ тѣхъ же вязаныхъ синею шерстью туфляхъ, онъ стоялъ у мостика черезъ ручей и отдавалъ приказаніе его исправить.

— Я русскій? смѣло отвѣтилъ я генералу.

— Ха-ха ха ха-ха! расхохотался генералъ своимъ

желудочнымъ смѣхомъ:—Кто вы такой? Тонъ его былъ грозенъ и повелителенъ.

— Корреспондентъ.

— Кор-р-р-респондентъ... пр-р-рекрасно!.. Очень радъ!.. Хотите рюмку водки?

— Хочу! отвѣтилъ я генералу.

— Ха-ха-ха-ха-ха!! Вы мнѣ нравитесь!.. Поѣдемте ко мнѣ ужинать.

Мы поѣхали по лагерю. Генераль зашумѣлъ, закипятился:

— Дежурнаго по линіи!.. Отчего часовые близко придвинуты къ лагерю?!.. Зачѣмъ, каналья, на караулъ берешь?.. Смотри, братецъ, турку впереди!.. Г. майоръ! пожалуйста сюда!.. Вашъ ба-а-атальонъ растянулся! Чортъ знаетъ что такое!! Господа офицеры ничего не смотрятъ!.. Послать ко мнѣ господъ офицеровъ!..

Была пора зори. Генераль шумѣлъ и шумѣлъ, а полковая музыка въ это время такъ тихо, тихо играла:

«Коль славы нашъ Господь въ Сѣни!»

Минуты черезъ три цѣлая ватага офицеровъ провожала своего бригаднаго генерала.

— Безпечность! господа, безпечность есть великій порокъ въ военное время!.. Удивляюсь и... надѣюсь!..

Генераль поклонился, офицеры молча разошлись по палаткамъ.

Мы вступили въ низенькую, душную черкесскую хижину. Ужинъ былъ накрытъ на складномъ походномъ столѣ. Генераль началъ ворчать: онъ видимо былъ недоволенъ обстановкою своей походной квартиры.

— Вы газетчикъ? вдругъ обратился онъ ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ.

— Позвольте представиться: газетчикъ, говорю ему:— такой-то.

— Ну-съ... а я генералъ Х... Такъ я вамъ вотъ что скажу, милостивый государь: всѣхъ этихъ газетчиковъ я повѣсилъ бы на первой осмѣи.

— Благодарю, поклонился я генералу.

— Прошу не обижаться... нѣтъ-съ! Я человѣкъ простой, я люблю выражаться просто, естественно... Скажите мнѣ: кто создалъ войну?—Газетчики!.. Кто ввернулъ насъ въ эту жалкую, грязную обстановку черкесскаго дома?—Газетчики!.. Кто разлучилъ насъ съ женами, сестрами, отцами и братьями? — Газетчики!.. Кто, спрашиваю я васъ, разорилъ несчастныхъ болгаръ? — Газетчики!.. Да-съ, я самъ хозяинъ... у меня есть домъ, жена, у меня есть имѣнье, прекрасный садъ... моя душа скорбитъ, скорбитъ... Вы понимаете, какъ она скорбитъ, милостивый государь?

— Понимаю, ваше пр—ство!

— Ну, вотъ видите!.. значить я правъ!.. Бутылку шампанскаго!.. крикнулъ онъ деньщику:—Ты гдѣ стоишь? вдругъ обратился онъ къ часовому, только-что зацѣпшему постъ у дверей генеральскаго дома.

— На *изанг* постахъ, ваше пр—ство! робко отвѣтилъ часовой.

— Дур-р-ракъ!... Отойди братецъ, дальше; отъ тебя воняетъ!

— Слушаю, ваше пр—ство!

Мы долго толковали на тему газетчиковъ съ генераломъ. Въ немъ было много странностей, но съ каждой минутой я все больше и больше убѣждался въ истинно-русской натурѣ моего новаго знакомаго. Все въ немъ было наружу. Хлѣбосоль онъ былъ, какихъ мало! Добродушію его не было конца.

Наконецъ онъ утомился и заснулъ, не раздѣваясь.

Рано утромъ съ восходомъ солнца я потихоньку вышелъ на дворъ, приказаль осядлатъ коня и уѣхаль. Мнѣ не хотѣлось будить моего генерала, и я оставилъ ему карточку съ припиской такого содержанія: „Благодарю за гостепріимство, надѣюсь увидѣть на обратномъ пути“.

Я ѣхаль тихимъ шагомъ и проѣхаль часа два. Солнце было уже высоко надъ горизонтомъ. Дорога тянулась по полямъ и кустарникамъ. Вдругъ слышу я конскій топотъ сзади меня. Оглянулся и увидѣлъ солдата, догнавшаго меня маршъ-маршемъ верхомъ на неосѣдланномъ конѣ. Онъ сильно размахиваль руками, потъ лиль съ его лица, и онъ отчаянно кричалъ мнѣ вслѣдъ:

— Ваше бл—діе!.. ваше бл—діе!.. Погодите!..

— Что тебѣ нужно? спросилъ я его.

— Пожалуйста, генераль васъ требуетъ.

— Затѣмъ?

— Не могу знать!

— Кланяйся генералу и благодари... я проѣхаль уже 15 верстъ, и мнѣ не расчесть возвращаться!

— Никакъ невозможно!.. пожалуйста!...

— Да убирайся ты вонъ отъ меня!..

— Никакъ нельзя, ваше бл—діе!.. они серчаютъ.

— Да не поѣду обратно.

— Какъ можно! велѣно предоставить, говорить солдатъ.

„Что такое! думаю:—неужели недоразумѣніе?“

— Дѣлать нечего!.. поѣдемъ.

— Нечего дѣлать, ваше бл—діе!.. Нельзя послушаться!.. Что дѣлать!.. кому какъ на роду написано!

Мы очевидно не понимали другъ друга.

— Время военное, сами знаете! продолжалъ солдатъ.

— Ну, такъ что же?

— Приказано, — значить и кончено!.. Что тамъ бу-

дѣть,—Богъ знаетъ; разсудить, може оный на волю пустать.

— Да ты что же меня въ тюрьму везешь?..

— Почему я знаю, должно не за добрыя дѣла тоже тянуть-то!

„Вотъ тѣ и на!“ думаю я. Меня наконецъ стало бѣсить все это. А главное вопросъ: что такое въ самомъ дѣлѣ случилось?—такъ вотъ и засѣлъ гвондемъ въ мою голову.

Подъѣзжаю я къ хижинѣ генерала и уже издали слышу, какъ генераль равносить всѣхъ въ пухъ и прахъ:

— Полковыхъ, ба-а-а-а-таальонныхъ, господъ офицеровъ позвать сюда! Обозъ, стой! (Обозъ проходить мимо). Зачѣмъ обозъ идетъ? Пылите только мнѣ въ глаза!.. Назадъ! назадъ! слышите вы?!

— Ваше пр—ство, предоставилъ! доложилъ мой проводникъ.

Я вхожу къ генералу въ комнату на немъ и лица нѣтъ.

— Что вы дѣлаете со мною?! что вы со мною дѣлаете? таинственно спрашиваетъ онъ меня и бьетъ себя въ грудь: — какъ вамъ это не стыдно?.. какъ вамъ это не грѣшно!.. Развѣ вы не видите, въ какое расположеніе духа вы привели меня своимъ непонятнымъ поведеніемъ?

Я рѣшительно ничего не понималъ.

— Я всѣхъ разнесъ!.. я всѣхъ обругалъ; а вы? — а вы, милостивый государь, причина моего гнѣва, преспокойно продолжаете себѣ путешествовать.

— Что же мнѣ дѣлать, наконецъ, ваше пр—ство? спрашиваю я генерала.

— Позавтракать, милостивый государь, виѣстѣ по-

завтракать... Понимаете ли вы, что такъ порядочные люди не уѣзжаютъ?

Въ концѣ концовъ, мой знакомый генераль честно сослужилъ службу своей родинѣ. Когда войска 30-й дивизии бросились изъ подъ Плевна (во время знаменитой крюднеровской атаки), генераль Х. скакалъ на конѣ подъ пулями и кричалъ испуганнымъ солдатамъ: „Бараны! стой! стой! у меня домъ, жена, имѣнье, да и не бѣгу, а у васъ ровно ничего нѣтъ, а вы удираете. Стыдно!..“ Генераль, не покидая позиціи, прикрывалъ отступление въ продолженіе цѣлой ночи, пока мы убирали всѣхъ нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Но кто же онъ такой? — онъ просто честный служака, веселый собесѣдникъ и хорошій человекъ, хотя, какъ видите, и не безъ нѣкоторыхъ странностей вообще.

Какъ разъ въ день переправы отряда Гурко черезъ ханкойскій проходъ я прибылъ въ Трново. Узнавъ о движеніи нашихъ войскъ черезъ Балкавы, я немедленно отправился въ горы, но не рѣшился догонять отрядъ генерала Гурко, — онъ былъ далеко впереди меня. Полезнѣе было слѣдовать за Святополкъ-Мирскимъ, который подходилъ въ это время къ шипкинскому перевалу со стороны Габрова. Путь предстоялъ такимъ образомъ на Шипку. Ѣхать надо было сперва на Драново, потомъ на Габрово. Интересъ путешествія по горной дорогѣ, о которой я такъ много слышалъ, въ величественной обстановкѣ дикой природы балканскихъ высотъ, и заманчивость предстоящаго поюудили меня поторониться отъѣздомъ.

Я выѣхалъ изъ Трнова вмѣстѣ съ капитаномъ Масло-вымъ, отправлявшимся въ Габрово съ предписаніемъ при-

нять новую должность уѣзднаго начальника. Это было въ то время, когда князь Черкасскій уже приступилъ ко введенію новыхъ порядковъ въ завоеванныхъ болгарскихъ городахъ.

Мы выѣхали въ вечерній часъ, когда лѣтнее солнце, передъ закатомъ, напрягло свои угасающія силы, для того чтобы послѣдній разъ облить земную поверхность знойными лучами. Минувая лагерь конвоя главной квартиры, мы выѣхали за городъ на шоссеиную дорогу, тянувшуюся вдоль по самому берегу рѣчки Янтры, которая начинается гдѣ то тамъ, далеко впереди, на высотѣ балканскаго хребта и, постепенно расширяясь, становится уже рѣкою, злобствуетъ, шумить и пѣнится по мѣрѣ своего дальнѣйшаго теченія внизъ по камнямъ извилистаго ската. Нѣтъ для нея препятствій и нѣтъ удержу! Увлечшись безграничною свободою своего вольнаго теченія, Янтра вдругъ неожиданно наткнулась у Трново на двѣ громадныя гранитныя скалы. Остановленная здѣсь, она энергично, круто повернула сначала вправо отъ своего направленія, потомъ влѣво и дерзко ворвалась, непрощенная, въ середину двухъ горныхъ скалъ. Уклонившись такимъ образомъ отъ могучей гранатной твердыни, Янтра какъ бы устала и успокоилась въ этомъ мѣстѣ. Плавню, гордо, не волнуя ни зрѣнія, ни слуха, безъ шума и безъ звона потекла она здѣсь между скалами и камнями. Раздражительно искрится ея потокъ днемъ, озаренный блескомъ солнечныхъ лучей, и упоительно серебрится ея теченіе ночью при фантастическомъ свѣтѣ полной луны. Я наслаждался бывало созерцаніемъ этой увлекающей рѣчки. Помню, какъ въ мѣстахъ покойнаго теченія она убаюкивала мои потрясенные нервы и какъ, наоборотъ, въ мѣстахъ бурнаго каскада она увлекала меня дикостію

своихъ порывахъ. То нѣжною радугаю разразятся на солиды канѣ ея волны, расфигурирующихъ (о) каменья, то фосфорическимъ блескомъ заскорода оги при лунномъ свѣтѣ въ ночное время. Какой притокъ душевныхъ силъ переживаешь бывало въ ту минуту, когда смотришь на эту бурную Янтру и видишь, какъ она дѣлится, бурлитъ, стекая съ высоты непроходимыхъ горъ, сталкивая камни съ уступа на уступъ и унося свои воды все впередъ и впередъ, не признавая границъ и препятствій. Въ началѣ треноваго участка Янтры покойна; ея тихая на видъ струя нѣжить вѣтви. Зеленые кусты и деревья покорно сложили свои вѣтки въ воду, и стебельки прибрежной травы любятъ своимъ изображеніемъ на зеркальной поверхности тихой воды. Кажется, что теченіе ея здѣсь слабо, но бросьте вы щепку на голубую поверхность ея потока, — и потокъ понесетъ эту щепку съ такою же быстрою, съ какою носить ровный вѣтеръ легкую ахтечку на спокойной поверхности синяго океана. Пробѣжавъ между скалами, Янтра снова круто повернула вправо и, оплывая городъ Трново, она бѣтъ каскадомъ внизъ по большимъ каменьямъ, въ теченіи яковъ полируя ихъ угловатыя формы. Въ одномъ мѣстѣ рѣка нашла себѣ замѣчательную лазейку. Два большихъ угловатыхъ камня, помѣстившіеся на третьемъ коллосальномъ и плоскомъ, упершись другъ о друга своими верхними концами, пропустили Янтру въ сквозное отверстіе своихъ нижнихъ оснований.

Здѣсь сама природа устроила какъ бы естественный мостъ, услугами котораго конечно не замедлили воспользоваться турки въ своихъ сношеніяхъ съ болгарами. Въ настоящее время этотъ естественный мостъ соединяетъ болгарскій кварталъ Трнова съ турецкимъ.

Вообразите круто-холмистую береговую обстановку Янтры, украшенную свѣжею зеленью съ обѣихъ сторонъ рѣки; представьте себѣ въ дополнение городокъ, съ его миниатюрными восточными клѣточками вмѣсто домовъ, тѣсно сгруппированныхъ на скатѣ одного холма, — и вы будете имѣть приблизительное понятіе о живописныхъ окрестностяхъ города Трнова.

Мѣсто водопада Янтры въ Трновѣ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о смерти одного болгарскаго революціонера. Молодой человѣкъ, житель Габрова, полный энергіи и силы воли, съ вѣрою въ будущее и въ счастье народа, изнемогъ въ борьбѣ съ угнетеніемъ и съ равнодушіемъ его окружающихъ братьевъ. Во время послѣдняго возстанія въ Габровѣ онъ вырвался изъ свинцовыхъ лапъ усмирителя Фезли-паши и бросился съ колоссальнаго камня въ кипучій бассейнъ водопада. Вольная Янтра похоронила сына свободы! Лучшее мѣсто могъ ли найти онъ для своей могилы?..

Большую услугу оказала Янтра и нашимъ солдатамъ. Она сроднилась съ нами теперь. Ея чистый, широкій потокъ обмылъ въ жаркія дни прошлаго лѣта много грѣшныхъ русскихъ тѣлъ. Эти многіе надѣли здѣсь послѣдній разъ въ жизни чистыя рубашки и умерли за славу родины на чужой сторонущѣ.

И на этотъ разъ, когда я проѣзжалъ по берегу Янтры, справа высились гранатныя стѣны сосѣднихъ скалъ, а слѣва весело барахтались въ водѣ наши солдатики. Усердно работая ногами и руками, окуная головы, брызгая въ лицо другъ друга, хлопая по водѣ и хватая одинъ другаго, они такъ весело купались въ рѣчкѣ, что едвали кто нибудь изъ нихъ помышлялъ въ ту минуту найти смерть на высотѣ шипкинскаго перевала.

Что смерть!.. они нашли тамъ истязаніе!

Солнце сильно пекло, пока мы не миновали дефиле. Впереди насъ ѣхалъ болгаринъ проводникъ. Онъ ѣхалъ молча, не развлекаясь картиною шумнаго купанья. Вооруженный кремневымъ ружьемъ, изъ котораго нельзя было стрѣлять, опоясавъ себя тесакомъ изъ заброшеннаго склада, болгаринъ ѣхалъ рысью, стараясь подражать казачкой ѣздѣ, поминутно осаживалъ коня и оглядывался въ нашу сторону. Рисуясь передъ нами напускною смѣлостью своей осанки, затаивъ въ самомъ себѣ непоколебимое сознаніе безопасности своего положенія въ тылу арміи, прошедшей по этой дорогѣ, онъ былъ храбрѣе любого героя.

— Есть турки по пути? трунили надъ нимъ.

Болгаринъ нарочно сомнительно покачивалъ въ отвѣтъ головою.

Проѣхавъ дефиле, мы круто повернули вправо. Дорога продолжала тянуться вдоль по берегу Янтры. Черезъ полчаса ѣзды Янтра продолжала свое прямое направленіе, а мы должны были повернуть черезъ мостъ влѣво и выѣхали на поляну, со всѣхъ сторонъ окаймленную краемъ живописныхъ горъ. Какая величественная картина, какое разнообразіе очаровательныхъ красокъ открылось передъ нашими глазами! Какая громадная разница между Балканами и придунайской областью Болгаріи!

Мы ѣхали по лощинѣ. Солнце начало закатываться. Горы окружали насъ со всѣхъ сторонъ. Эти горы все выше и выше поднимались отдѣльными зубцами одна надъ другою по мѣрѣ ихъ удаленія въ глубину таинственнаго фона. Всѣ поляны и горные крутые и пологіе скаты были покрыты сплошнымъ ярко зеленымъ ковромъ. Хлѣбныя поля, кукуруза, виноградники, фруктовые сады

виднѣлись на полянѣ; въ лонѣ зелени хвойнаго лѣса бросаются въ глаза; засѣянное поле въ видѣ свѣтлаго, желтаго, четырехугольнаго пятна или виноградникъ, выделяющійся мягкостью свѣжей зелени среди темнаго фона хвойнаго лѣса. Отдѣльныя свѣтлыя пятна хлѣбныхъ полей и виноградниковъ тѣмъ не менѣе теряются въ безпредѣльномъ пространствѣ темной зелени лѣсовъ. По мѣрѣ того какъ солнце закатывается за линію западныхъ возвышенностей, мракъ все ниже и ниже спускается на землю, тщательно окутывая земные предметы, между тѣмъ какъ небо,—это голубое небо становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе и окрашивается подпоромъ самыхъ яркихъ неподражаемыхъ цвѣтовъ. Вотъ солнце уже закатилось за горы, и весь западъ задился огненнымъ пурпуромъ. Сѣверная часть небосклона покрылась мрачною свинцовою тучею. Восточныя горы окрасились лиловою краскою. Но вотъ эти горы, поля и деревья начинаютъ быстро скрываться въ темнотѣ вечерній мглы; прошло еще десять минутъ, — и наступающая ночь положила свою печать и на свѣтло-голубое небо. Въ ярко-пурпурную полосу на западѣ ворвалось сосѣднее сѣрое облако съ сѣверо запада; по мѣрѣ того, какъ это облако постепенно расширялось, ослабляя цвѣтъ огненнаго пурпура, оно тушило въ то же время и золотистый блескъ сосѣдней тучки. Все шире и шире расплывались на востокъ сѣрыя тучи, все гуще и гуще становились онѣ по мѣрѣ того, какъ спускались къ горизонту. Цвѣтъ свинцовыхъ облаковъ на сѣверѣ перешедъ въ какой-то неопредѣленный цвѣтъ мрака. Сѣрое облако приблизилось наконецъ къ зениту, совсѣмъ, слабо зардѣлся пурпуръ на западѣ, судорожно блеснула въ послѣдній разъ золотистая тучка, и... горы, поля, рощи и деревья окончательно утонули въ лонѣ наступившей ночи.

Звѣзды показались на небѣ, но луна еще пряталась за горизонтомъ. Подулъ свѣжій вѣтерокъ. Наши кони выпрямили шеи и пошли ровною рысцекъ. Грудь вдыхала свѣжій воздухъ; какъ пріятель былъ этотъ воздухъ послѣ изнурительной жары іюньскаго дня!

Еле замѣтная роса легла на землю. Громкимъ, веселымъ хоромъ залились кузнечники вдоль и поперекъ по всему зеленому пространству.

Лѣтняя предѣстная ночь вошла въ свои права; она была совершенно темная, только изрѣдка блестяла молнія на сѣверѣ, да падали загадочные метеоры.

Черезъ часъ ѣзды дорога стала подыматься въ горы. Подъемы мѣстами были очень круты; мѣстами они довольно рѣшительно спускались въ лощины, въ ущелья; кое-гдѣ журчали горные ручьи. Иногда мы въѣзжали въ густой лѣсъ, и въ нѣдрахъ этого лѣса это глухо отвѣчало на топотъ нашихъ лошадей; мѣстами мы осторожно пробирались по краю пропасти, не рискуя своею головою только по инстинкту и по привычкѣ нашихъ лошадей. Вы себѣ не можете представить, какъ утомляетъ человѣка верховая ѣзда. Часъ длинно тянется за часомъ, и терпѣніе напрягается въ высшей степени, когда проѣзжаете пространство отъ деревни до деревни.

Мало деревень попадается по дорогѣ въ Габрово. Всѣ онѣ раскинулись хотя и не далеко отъ самой дороги, но прячутся за утесами, холмами, или въ лощинахъ, или на склонѣ горъ, гдѣ только бьетъ ключевая вода горнаго потока. Одинъ только лай сердитыхъ собакъ говорилъ намъ о близкомъ присутствіи человѣческаго жилья.

Около полуночи мы пріѣхали въ Габрово, предварительно поужинавъ въ Драновѣ. Луна выплыла изъ за тучъ и сдѣлала путь еще фантастичнѣе. Нигдѣ какъ здѣсь,

въ Габровѣ, рекомендуя поэту метать и набираться вдохновенія. Городъ плотно окруженъ горами. Являлись шумнымъ ключомъ, минуя городскія зданія. Ночи здѣсь сладкія, луна серебриста; она тонетъ въ прозрачной синевѣ небесъ; воздухъ чистъ и не душенъ. Все, рѣшительно все, начиная съ стебельки полевого цвѣтка, съ этихъ горъ, съ этой рѣки и кончая тихимъ образомъ жизни наивнѣшаго жителя, — все раздражаетъ здѣсь жажду жизни, жажду нѣги, жажду любви и наслажденія! Въ обстановкѣ этой первобытной природы хочется любить, любить шалко, страстно, долго любить! а люди проливаютъ здѣсь кровь, рѣжутъ головы, бросаютъ другъ друга въ чешницы, сажаютъ на колъ...

Едва только зарѣвлась заря на востокъ, я уже выѣхалъ изъ Габрова навстрѣчу румянаго дня. Солнышко привѣтливо выглянуло изъ-за горъ и быстро осушило листья, покрытые влагою ночной росы. Кучки крестьянъ тянулись по дорогѣ но направленію къ шипкинскому перевалу.

— Битва будетъ! говорили они.

Мнѣ не хотѣлось этой битвы. Она была противна мнѣ въ эту минуту; но... нужно было мириться въ действительность.

Пробѣжавъ семь верстъ, я достигъ начала подъема на гору св. Николая. Дальше дорога камризно новорачивалась то влѣво, то вправо и шла все выше и выше на крутизну громаднѣхъ скалъ. Лошадь съ трудомъ передвигалась ноги и поминутно останавливалась для передышки. Склоны горъ были покрыты лѣсами, но полоса дороги была камениста и свободна отъ растительности. По мѣрѣ того какъ я взбирался на высоту, передо мною открывался видъ горнаго лабиринта. Ущелья, глубокія ры-

вины, домики, поля, рѣка Янтра, деревушки стали открываться постепенно какъ на ладони.

Дорога тянулась по краю пропасти, она то граничила, то натыкалась на отдѣльный бугоръ или на гранитную скалу. Проѣхавъ еще часть, я наконецъ увидѣлъ впереди себя массу бѣлыхъ кепи. Можно было ясно различить, что то были войска, дѣлавшія привалъ.

— Идемъ въ атаку! сказали мнѣ офицеры, когда я поровнялся съ ними.

— Гдѣ же турки?

— Должно быть въ укрѣпленіяхъ... Вы видите ли этотъ бугоръ впереди насъ?.. турецкая цѣпь стрѣляла въ насъ вчера съ этого мѣста; мы были здѣсь, гдѣ стоимъ теперь. Насъ отбили турки... Двѣ роты орловскаго полка заходили влѣво отсюда, ударили изъ лопчины, но были тоже отбиты, не могли даже спасти своихъ раненыхъ...

Мы пока не видѣли турецкихъ редутовъ.

— Вы видите, какъ сильны турки на этихъ позиціяхъ, говорилъ мнѣ офицеръ:—Неправда ли: безуміе атаковать ихъ съ такими силами какъ наши?

У насъ въ наличности было всего два полка: орловскій и другой (имени котораго я теперь не помню). Мѣстность была совершенно открытая, притомъ такая крутая, что если бы развернуть цѣпь, то эта цѣпь должна была бы мѣстами карабкаться на утесы, съ вершинъ которыхъ турки могли убивать людей по выбору, какъ птицъ.

— Гдѣ генераль Гурко? спрашиваю я.

— Говорятъ, что онъ сегодня долженъ одновременно съ нами атаковать высоты со стороны казанлыкской долины.

„Да, это безуміе атаковать позиціи съ такими малыми силами“, повторилъ я слова офицеровъ. Бригадный

генераль по поводу такой мысли даже поссорился съ начальствомъ и былъ отстраненъ отъ должности. Но солдаты, эти кроткіе, покорные солдаты,—они не высказывались, но по ихъ лицамъ было видно, что каждый изъ нихъ хорошо понимаетъ критическое положеніе. Сила воли и дисциплины подавляли въ нихъ чувства и умъ.

— Смирно! носдышалась команда:—шагомъ маршъ!..

Первымъ двинулся Орловскій полкъ. Солдаты перекрестились. Наступила такая минута, когда люди не говорятъ, но когда они сильно чувствуютъ. Сердце забилося у каждаго изъ насъ... но никто о томъ не сообщалъ другъ другу. Угрюмо уткнулись солдаты глазами въ землю и только изрѣдка поглядывали впередъ...

— Впереди насъ Скобелевъ! сказали офицеры:—гдѣ онъ?.. куда онъ дѣлся?

Генераль Скобелевъ прибылъ наканунѣ изъ Трнова, для того чтобы вести войска въ атаку. Мы поднимались очень медленно. Орудія втаскивали на крутизну люди въ ручную. Болгары помогали „братушкамъ“. Изъ-за каменнаго бутра вдругъ грозно показался передній фасъ турецкаго редута. Два полка силотились на узкой дорогѣ, масса людей была видимо дѣлю для турецкой артиллеріи. „Сейчасъ!.. сію минуту, сію секунду! думали мы:—заклубится дымъ изъ орудія, и граната загудитъ и разорвется, выхватитъ изъ строя десятки людей!“ Однако... никто не стрѣляетъ! какъ странно!.. мы двигаемся все дальше и дальше, мы входимъ уже на первый редутъ... редутъ пустъ, въ немъ никого нѣтъ... въ редутѣ нѣтъ орудій! валяются кое-гдѣ разломанные патронные ящики, валяется тряпье, но людей нѣтъ.

Мы достигаемъ слѣдующаго редута,—и тамъ тихо и тамъ спокойно! Что это значитъ?.. Ужели турки бѣжали?

Мы видимъ двухъ всадниковъ впереди насъ, которые летятъ къ намъ на встрѣчу карьеромъ. Какія вѣсти везутъ они намъ? Одинъ изъ нихъ полковникъ Струковъ (адъютантъ штаба, нынѣ генералъ), подлетаетъ къ авангарду съ торжествующимъ лицомъ и съ турецкимъ значкомъ въ рукахъ. Потрясая этимъ флагомъ, онъ кричитъ намъ:

— Ура! ребята!.. Впередъ, смѣлѣе! турки бѣжали!

— Ура-а-а! громко раздалось въ воздухѣ.

Не мудрено, что мы смѣлѣе двинулись впередъ.

Результатъ былъ неожиданный. Вчера мы атаковали турокъ со стороны Габрова; а третьего дня атаковали стрѣлки изъ отряда Гурко. Турки, увидѣвъ себя окруженными съ трехъ сторонъ, разбѣжались по горнымъ тропинкамъ, бросивъ лагерь, пять орудій, тюфяки, запасы провіанта, снарядовъ, побрасавъ ружья, револьверы, сабли, даже телеграфическій станокъ.

„Ура!“ гремѣло, пока мы достигли крайняго лагеря; „ура!“ несло въ воздухѣ, пока мы шли мимо группы собранныхъ въ кучу турокъ, и „ура!“ прекратилось лишь тогда, когда мы достигли высоты св. Николая и заняли турецкіе ложементы. Болгары помогли намъ быстро очистить лагерь; я видѣлъ, какъ одинъ изъ нихъ подобралъ даже телеграфическій станокъ.

— Тащи, бр-а-тушки, радостно поощряли ихъ солдаты, ужъ очень они были ими довольны за ихъ помощь при подъемѣ орудій.

— Дешево достался намъ шипкинскій переваль, говорили многіе.

„Дешево“, думалъ я вмѣстѣ съ ними.

Двигаясь впередъ, я оставилъ пѣзади себя „стальную“ батарею. Я вышелъ уже на дорогу, спускавшуюся въ д. Шипку. Наступили сумерки, все небо заволоклось гу-

стою массою на этотъ разъ совершенно темныхъ тучъ. Вдругъ я наткнулся на картину, которая никогда не умретъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

На полянѣ, покрытой зеленымъ ковромъ, въ сторонѣ отъ дороги лежало около семидесяти обезглавленныхъ труповъ. Полуобнаженные или голые, они сохраняли самыя разнообразныя позы. Одинъ изъ нихъ лежалъ съ согнутыми колѣнами, у другаго были выломлены руки и ноги въ самыхъ суставахъ. Одинъ занесъ было руку, желая перекреститься, и такъ окоченѣлъ; руки другаго конвульсивно застыли въ тотъ моментъ, когда ему хотѣлось вырвать ножъ изъ рукъ убійцы, рѣзавшаго ему горло. Среди этихъ мертвецовъ валялись какъ щепки человѣческіе ноги, руки, носы, уши, головы. На спинахъ, на груди, на животѣ были вырѣзаны ремни; мягкія части тѣла были отрѣзаны ножами; груди, плечи были истыканы штыками. Багровыя широкія пятна выступили на щекахъ и на лбу отрѣзанныхъ головъ; глаза были выколоты, рты разорваны. Ужасъ, боль, страшныя страданія запечатлѣлись на лицахъ отдѣльныхъ головъ.

Боже, что случилось со мною въ эту минуту!.. Нервы, привычныя ко всякимъ случайностямъ военныхъ ужасовъ, не выдержали; я чувствовалъ, какъ всѣ мои мускулы съежились, дрожь пробѣжала по кожѣ, жажда мести охватила все мое существо. Я вдругъ сталъ звѣремъ: мнѣ захотѣлось взять ножъ и начать рѣзать виновника, рѣзать его медленно, рѣзать его живаго, наслаждаться его муками, упиваться его страданіями. Около меня стоялъ солдатъ. Онъ плакалъ навзрыдь. Подошелъ къ намъ офицеръ.

— Ваше бл — діе! сказалъ солдатъ сквозь слезы: — что это такое? что они съ нами дѣлають?

Офицеръ перекрестился.

— Терпѣть нужно, сказалъ онъ солдату.

— Терпѣть, а коли ежели они такъ съ нами поступаютъ, отчаянно крикнуть солдаты:—такъ надо и съ ними такъ же поступать, съ окаянными!

— Мы чувствовали одинаково, хотя сознанія наши и были различны.

Въ сосѣднихъ кустахъ нашли болѣе ста отрѣзанныхъ головъ. Мы клали туловища въ одну сторону, головы въ другую. Санитары продолжали подносить головы въ продолженіе цѣлаго дня.

— Энтотъ Петровъ... тотъ вонъ Смирновъ, а это никакъ голова Сидоренки, говорили солдаты.

— Держи, ишь покатилась!

Голова упала изъ рукъ санитара и покатилась по склону горы!

Вмѣстилище человѣческой мысли, гдѣ зарождаются лучшіе помыслы человѣка, обратилось въ мячикъ и собирается въ кустахъ какъ картофель. А мы?—Мы даже не въ состояніи были опредѣлить: какую голову къ какому туловищу нужно приложить, для того чтобы отдать послѣдній долгъ усопшему собрату.

Мы вырыли три большихъ могилы на самомъ высокомъ пунктѣ шишкинскаго перевала, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стальной батареи.

Въ одну могилу мы опустили туловища; въ другой похоронили головы; въ третьей—зарыли оторванные части всѣхъ жертвъ дикаго фанатизма. Я былъ въ состояніи умоизступленія. Голова моя горѣла, сердце билось, въ глазахъ потемнѣло, слезы ручьями лились по щекамъ, и съ каждымъ новымъ ударомъ твердаго заступа въ рыхлую землю я какъ будто слышалъ гробовой голосъ изъ могилы:

„Помни, врываясь въ глубокія недра мои;

Ихъ удобрили своими костями собратья твои!“

Оказалось, что генераль Гурко занялъ Трновъ почти безъ боя 25 іюня. Его отрядъ предпринялъ сейчасъ же обходное движеніе черезъ Ханькей. Планъ этого движенія заключался въ томъ, чтобы обойти шипкинскій проходъ и атаковать его съ обѣихъ сторонъ: какъ со стороны Казанлыка, такъ и со стороны Габрова. Паническій страхъ бѣжавшаго за Балканы турецкаго народонаселенія былъ переданъ и небольшимъ отрядамъ турецкаго войска, слабо защищавшаго горные проходы. Они бѣжали при первомъ появленіи казаковъ. Я не буду останавливаться на подробностяхъ перваго движенія отряда Гурко черезъ ханькейскій проходъ; это движеніе было описано своевременно во всѣхъ подробностяхъ и принадлежитъ, по правдѣ говоря, къ числу дешевыхъ лавръ, хотя свѣтлой мысли этого движенія никто отрицать не станетъ. „Дешевыми лаврами“ называется всякая побѣда, основанная на случаѣ или на счастьи. Серьезный періодъ нашей дѣятельности наступилъ за Балканами послѣ того, какъ отрядъ Гурко выступилъ изъ Казанлыка. Эта дѣятельность оказалась пассивною, и она положила собою начало всѣмъ дальнѣйшимъ неудачамъ. Періодъ этого времени и подробности этого странствованія генерала Гурко за Балканами остались незамѣченными. По смыслу тѣхъ реляцій, которыя описывали дѣятельность отряда Гурко, мы побѣждали; но ни одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи не вспоминаетъ ея добрымъ словомъ. Напротивъ того: самое грустное, самое тяжелое воспоминаніе вынесли всѣ тѣ лица, которыя дѣйствовали въ то время за Балканами. Справедливость заставляетъ возстановить нѣкоторыя подробности, такъ какъ, на основаніи реляцій, составились невѣрные заключенія.

Отрядъ генерала Гурко состоялъ изъ 30 эскадроновъ,

подъ командою братьевъ-герцоговъ Николая и Евгения Дейхтенбергскихъ и полковника Чернозубова, 6 болгарскихъ дружинъ, подъ командою генерала Столѣтова; четырехъ батальоновъ стрѣлковъ, 10 и 15 казачьихъ батареи, 16 конной батареи и 1 и 2 горной батареи. Такимъ образомъ, главный контингентъ цѣхоты составляли болгаре.

Способъ довольно небрежной комплектаціи болгарскихъ дружинъ, задачи, которыя преслѣдовались отдельными лицами, искавшими назначенія въ эту новую армію, наконецъ, невыгодная репутація, которая почему-то безпричинно составила о болгарскихъ дружинахъ еще въ началѣ кампаніи—отнюдь не наводили на мысль, что на долю этихъ болгарскихъ дружинъ сразу выпадетъ отвѣтственная роль за Балканами. Да едва ли эти операціи и входили въ общій планъ дальнѣйшей дѣятельности, на случай успѣшнаго захвата шипкинскаго прохода. Мнѣ кажется, что они были результатомъ слишкомъ сильнаго увлеченія послѣ неожиданныхъ успѣховъ. Во всякомъ случаѣ, никто не возлагалъ особенныхъ надеждъ на болгарскія дружины; слѣдовательно никто и не могъ себѣ представить, чтобы съ помощью одной кавалеріи и четырехъ батальоновъ стрѣлковъ можно было бы взять Адрианополь. Во время нашихъ сборовъ на войну, всевозможныхъ проектовъ и предположеній — былъ выработанъ и проектъ организаціи болгарской арміи. Согласно этому проекту, болгарская армія была задумана въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; въ началѣ предполагали, что въ составъ ея войдутъ всѣ молодыя, способныя силы Болгаріи и что въ лицѣ этой арміи мы встрѣтимъ, сильнаго и преданнаго намъ союзника. Но въ дѣйствительности никто о болгарской арміи и не заботился, исключая лицъ собственнаго штаба болгарскаго ополченія. Когда наша

армія находилась еще въ Кишиневѣ, болгаре, бывшіе въ Сербіи волонтерами, начали-было собираться въ Кишиневъ, но ихъ приняли довольно сухо, и не дали никакихъ положительныхъ отвѣтовъ. Многие болгаре удалились обратно въ Румунію, разбрелись по заработкамъ, а когда пришло время похода, ихъ снова начали собирать, гдѣ надо. Согласно проекту, въ составъ болгарской арміи, входила и кавалерія, при чемъ предполагалось познать болгарскую кавалерію съ казачьимъ образомъ веденія войны. Такимъ образомъ, болгарская армія проектировалась для передовыхъ движеній, съ цѣлью возбужденія возстанія; короче, она была задумана на совѣтъ другихъ основаній, чѣмъ это вышло въ действительности. Главный штабъ вытребовалъ, вмѣсто казачей кадры, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ гвардіи, и организація болгарской кавалеріи кончилась тѣмъ, что всѣ прибывшіе гвардейскіе кавалеристы заняли мѣста ординарцевъ и составили главный конвой генерала Гурко.

Ходили слухи, что генералъ Гурко не возлагалъ большихъ надеждъ на свое болгарское ополченіе, которое еще не было испытано и составъ котораго дошелъ всего до шести дружинъ, когда онъ двинулся за Балканы. Между тѣмъ, послѣдствія доказали, что генералъ Гурко, вѣроятно, на нихъ надѣялся и считалъ ихъ самымъ опытнымъ и сильнымъ войскомъ, судя потому, что болгаре получили весьма ответственное назначеніе. Болгаре постарались оправдать довѣріе начальника, хотя это оправданіе имъ обошлось дорогою цѣною многихъ убитыхъ и брошенныхъ на произволъ злосчастной судьбы, ихъ товарищей.

Казакъ, бывшій на развѣдываніи по пути на г. Елену, привезли въ Тривовъ извѣстіе, что непріятель не

усматривается по дорогѣ. Вечеромъ, 1-го іюля, отрядъ Гурко выступилъ изъ Трнова въ этотъ городъ, на другой день занялъ Беброво и въ составѣ трехъ колонъ поднялся на Балканы между Шипкою и такъ называемыми „железными воротами“. 12-го іюня, онъ занялъ ханкѣйскій проходъ, выбросивъ оттуда единственный турецкій батальонъ, защищавшій эту позицію. Для отряда открылась скатертью дорога по Розовой долинѣ, вплоть до Казанлыка. Нигдѣ не было видно непріятеля, въ смыслѣ настоящей арміи. „Поздравляю съ успѣхомъ, телеграфировать императоръ Вильгельмъ: — но гдѣ же турки?“ Въ этихъ лаконическихъ словахъ, очевидно, выразилось сомнѣніе или, во всякомъ случаѣ, совѣтъ государственнаго мужа: поискать главные силы непріятеля и постараться разбить его. Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣлись турки? Мы находили только отдѣльные отряды турецкаго войска, которые бѣжали отъ насъ при первомъ нашемъ появленіи. 3-го іюля, казаки генерала Гурко доходили до Ени-Загра и Ямболи, гдѣ имъ удалось попортить желѣзную дорогу и порвать телеграфную проволоку между Ямболи и Адрианополемъ. 3-го, 4-го и 5-го іюля, отряду Гурко удалось пройти долину Тунджи и занять Казанлыкъ, послѣ незначительной стычки съ непріятелемъ. Пятаго-же іюля, онъ двинулся на сѣверъ къ шипкинскому проходу. Этотъ день былъ назначенъ днемъ атаки шипкинской позиціи съ двухъ сторонъ: съ сѣвера и съ юга. Орловскій полкъ, дѣйствительно, атаковалъ непріятеля съ сѣвера, но былъ жестоко отбитъ съ большими потерями. Отрядъ Гурко, въ это время, еще не подоспѣлъ къ д. Шипка. Только на другой день, то-есть 6-го іюля, стрѣлки генерала Гурко пошли въ атаку на грандіозныя шипкинскія позиціи и были также отбиты съ большимъ

урономъ въ крутыхъ ущельяхъ. Но въ ночь съ 6-го на 7-е (юля, турки бѣжали съ шипкинскихъ высотъ, бросивъ часть своей артиллеріи, всѣ запасы и всѣ лагерныя палатки. Мехмедъ-паша позорно бѣжалъ съ 14 батальонами по большой дорогѣ черезъ Калотеръ на Филиппополь. Побѣда была полная и самая дешевая. Турки испугались, увидавъ себя обойденными и атакованными съ обоихъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ, при помощи одной кавалеріи, оказались одинъ главный и 5 побочныхъ проходовъ черезъ Балканы. Успѣхъ невѣроятный и неизмѣнный примѣровъ въ исторіи войнъ! Удачная переправа черезъ Дунай, неожиданная побѣда на Балканахъ! Чего лучшаго могли мы ожидать? Но счастье измѣнило намъ. Какъ въ казанлыкской долинѣ, такъ и подъ Плевною, свершились событія, положившія конецъ нашему наступленію и тяжело отозвавшіяся на всемъ ходѣ послѣдующихъ событій войны.

Къ 12 юля весь отрядъ генерала Гурко сосредоточился въ Казанлыкъ. Вѣсть о переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы быстро разнеслась въ долину Марицы и отразилась на участи несчастныхъ болгаръ. Турки начали рѣзню. Къ генералу Гурко пришло донесеніе, что армія Сулеймана-паши сосредоточивается въ долину. Въ это время генераль Гурко находился въ Казанлыкъ, а принцъ Лайхтенбергскій въ Эски-Загрѣ, во главѣ своей кавалеріи. Слѣдуетъ замѣтить, что, до сихъ поръ генераль Гурко не являлся инициаторомъ того или другого предпріятія: онъ перешелъ Балканы по инициативѣ лицъ главнаго штаба; въ казанлыкской же долинѣ онъ выступилъ въ роли самостоятельнаго руководителя, и нельзя сказать, чтобы первые шаги его были удачны. 16-го юля, произведена была рекогносцировка, которая ука-

зала маленькіе отряды въ мѣстечкѣ Терновѣ и Карабунарѣ (на желѣзной дорогѣ). Между тѣмъ какъ 19-го іюля послѣдовала атака Сулеймана-пашы; поэтому вы можете судить о бдительности предварительной рекогносцировки и о тщательности ея донесенія относительно состоянія непріятельской арміи. Вечеромъ, 16-го іюля, болгарское ополченіе, находившееся въ Эски-Загрѣ, получило диспозицію, согласно которой весь эски-загровскій отрядъ, казанлыскій и одна бригада, остававшаяся въ Ханкѣѣ, должны были двинуться на Ени-Загру и достигнуть этого города въ два форсированные перехода. Двигая такимъ образомъ отдѣльныя части своего отряда, генераль Гурко, очевидно, вѣрилъ въ результаты ошибочной рекогносцировки. 17-го іюля, болгаре двинулись, согласно диспозиціи, и, дойдя до д. Долбоки, встрѣтили непріятельскій авангардъ съ 12 орудіями, съ 6 таборами пѣхоты и съ отрядомъ конныхъ черкесовъ. Самъ генераль Гурко двигался изъ Казанлыка на Ени-Загру. Между болгарами и турками завязался ожесточенный артиллерійскій бой. Болгарскія дружины, не усматривая возможности соединиться съ отрядомъ генерала Гурко, отошли на ночовку отъ д. Долбоки на нѣсколько верстъ. Турки остались на своихъ позиціяхъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е іюля, командующій отрядомъ болгаръ и нѣкоторой части кавалеріи, герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій получилъ донесеніе отъ казачьяго полковника Краснова, что южнѣе Эски-Загры двигается турецкій отрядъ, состоящій изъ трехъ родовъ оружія. Положеніе отряда Лейхтенбергскаго оказалось критическимъ. Онъ стоялъ между двумя непріятельскими отрядами, имѣя предписаніе соединиться съ генераломъ Гурко въ Ени-Загрѣ, куда и дойти было невозможно. Собрался воен-

ный советъ. На советѣ пересилило мнѣніе: вернуться обратно въ Эски-Загру. Но конница и конная артиллерія должны были отправиться на соединеніе съ генераломъ Гурко. При болгарскихъ дружинахъ оставили одинъ только астраханскій драгунскій полкъ. Но прежде, чѣмъ вернуться въ Эски-Загру, герцогъ сдѣлалъ попытку пройти къ назначенному пункту. Подойдя вторично къ деревнѣ Долбоки, болгаре нашли положеніе вещей въ прежнемъ порядкѣ: турки занимали свои позиціи и преграждали намъ путь. Это было 18 іюля. Болгаре постояли на мѣстѣ часа полтора и опять двинулись назадъ. На этотъ разъ турки убѣдились въ малочисленности русскаго отряда, снялись съ позиціи и двинулись по стопамъ русскихъ. Они двигались двумя колоннами въ слѣдъ за болгарами по шоссе и частию параллельно съ нимъ. Въ этотъ день пробовали было войти въ связь съ генераломъ Гурко, но это не удалось. Наступилъ вечеръ, и передъ глазами болгаръ открылось новое зрѣлище, облившее кровью ихъ патріотическія сердца. Все пространство, по которому двигались турки, освѣтилось заревомъ громаднаго пожара: горѣли ихъ родныя села, деревни и города, и неистовству турокъ не было предѣловъ, такъ какъ вопросъ о жизни или смерти двухъ враговъ былъ слишкомъ круто поставленъ послѣ нашего перехода черезъ Балканы. Въ области огненнаго зарева двигались черныя массы турецкой арміи. Равнины, кусты, деревья, руины сгорѣвшихъ деревень — все это вдругъ обрисовалось на освѣщенномъ горизонтѣ. Въ составѣ этого отряда находилось всего 4 болгарскія дружины. Стрѣлки, часть кавалеріи и артиллеріи находились при Гурко. Двѣ дружины разставили ночью южнѣе города подъ командою полковника Депперадовича, остальные двѣ дружины, под-

критичныя кавалеріей и артиллеріей, заняли позицію восточнѣ Зеки-Загры. Обѣ отрядѣ генерала Гурко не было на слуху, ни духу. Только-что зардѣлась ранняя зорька, турки начали свое наступленіе. Посмотрѣли болгаре на турокъ и увидѣли, сколь великія силы развернули они передъ лицомъ ихъ несчастнаго отряда: это были громадныя силы Сулеймана-паши. Завязался упорный, ожесточенный бой двухъ непріятелей. Сначала дрались двѣ дружины; остальные двѣ оставались въ резервѣ. Резервъ помѣщался въ горномъ проходѣ, находившемся въ тылу болгарской позиціи. Скоро силы болгаръ начали изнемогать. Вызвали резервы. Всѣ четыре дружины развернулись въ одну линію общаго строя, и бой продолжался около пяти часовъ. Никогда и никто не подозрѣвалъ такой стойкости со стороны болгарскаго ополченія, правда, достаточно обстрѣленного въ прошлую сербскую кампанію. Враги дрались на протяженіи четырехъ верстъ. Въ послѣдствіи, когда эта армія Сулеймана-паши попала въ плѣнъ подъ Шипкою, начальникъ штаба Сулеймана, офицеръ генеральнаго штаба Зеки-бей, рассказывалъ, что противъ болгарскихъ дружинъ дралось 15 батал. и 3 батареи. У болгаръ было всего шесть орудій. Турки наступали колоннами и отчасти развернутымъ строемъ. Наконецъ, болгаре дрогнули, силы измѣняди имъ; наступилъ критическій моментъ, когда нужно было или бросаться въ атаку или начать отступленіе. Слѣдуетъ замѣтить, что составъ офицеровъ въ болгарскихъ дружинахъ не заставлялъ желать ничего лучшаго. Это были боевые, молодые офицеры, опытные, преимущественно служившіе въ Ташкентѣ. Почти всѣ ташкентцы пали жертвою настоящаго боя. Турки пошли первыми въ атаку. Что было дѣлать болгарамъ? Первая и третья дружины

были уже атакованы съ лѣваго фланга. Единственный уцѣлѣвшій въ третьей дружинѣ поручикъ Кисиковъ, родомъ болгаринъ, запѣлъ свою болгарскую пѣсню: „ой ви, болгаре-юнаце, ви во Балканы родени“, и болгаре, дружно подхвативъ напѣвъ любимой пѣсни, встрѣтили турокъ штыками. Начался одинъ изъ немногихъ въ прошлую кампанію рукопашныхъ боевъ. Напѣвъ родимой пѣсни долетѣлъ до слуха первой болгарской дружины; она подхватила: „напредъ, напредъ, на бой да вярвимъ“ и кинулась на поддержку своихъ братьевъ. Но то былъ послѣдній, предсмертный порывъ побѣжденнаго. Съ фланга показалась колонна турокъ; вначалѣ, съ горяча, болгаре приняли ее за подослѣвшихъ къ мѣсту боя стрѣлковъ генерала Гурко, такъ какъ имъ было постоянно говорено объ этомъ, въ видахъ поддержки ихъ энергіи и духа, но, разобравъ, что это были турки, болгаре кинулись назадъ. Турецкая колонна съ фланга дала 3 залпа, болгаре слышали, какъ турки кричали: „не бойтесь, это — не москвы: это гяуры-болгары дерутся!“; и ничего, кромѣ проклятій, не сходило съ устъ отступающихъ. Всѣ, кто только падалъ на бранномъ полѣ убитымъ и раненымъ— доставались въ руки турокъ, которые прикалывали ихъ на мѣстѣ. Генералъ Столѣтовъ распорядился убрать орудія на гору, такъ какъ турки начали уже обходить болгаръ на шоссе, а его начальникъ штаба, поднявшійся на гору къ третьей дружинѣ, убѣдился въ томъ, что шесть турецкихъ таборовъ действительно обошли болгарскую позицію. Всякій спасался, забывая о ближнемъ. Болгарскія дружины потеряли 22 офицера и 514 нижнихъ чиновъ. Въ началѣ боя раненыхъ выносили, подъ конецъ не было никакой возможности этого дѣлать. Болгаре отступали черезъ городъ. Почти изъ каждаго зданія разда-

вались выстрѣлы. Мѣстные жители изъ болгаръ передавали, что турки роздали турецкому населенію ружья еще въ 1876 году. Не знаю, насколько это было вѣрно, но когда слухъ объ этомъ дошелъ до начальника болгарскаго ополченія, полковникъ Депперадовичъ, бывшій комендантъ Эски-Загры, предложилъ сдѣлать повальный обыскъ въ городѣ. Генераль Гурко отказалъ, не желая оскорблять своимъ недовѣріемъ мирныхъ жителей. Въ городѣ была караулка въ конакѣ; въ этомъ конакѣ оставался болгарскій караулъ и нѣсколько человекъ аманатовъ (заложниковъ). Полковникъ Депперадовичъ вернулся въ городъ при отступленіи, успѣвъ смѣнить караулъ и повѣситъ 6 человекъ заложниковъ.

Болгаре отступили на Казанлыкъ. Турки преслѣдовали ихъ, рѣзали и уничтожали все, что имъ попадалось по дорогѣ. Съ генераломъ Гурко болгаре увидѣлись черезъ три съ половиною часа послѣ боя. Въ его штабѣ оказался генераль Столѣтовъ. Случилось это такимъ образомъ: генераль Столѣтовъ, спустившись съ горы, при началѣ отступленія, встрѣтилъ черкесовъ, проскакалъ подъ градомъ ихъ пуль и присоединился къ Гурко, который въ это время шелъ на мѣсто боя.

— Какъ это странно! сказалъ Гурко, начальникъ кавалеріи (герцогъ Лейхтенбергскій) остался при пѣхотѣ, а начальникъ пѣхоты очутился во главѣ кавалеріи.

Таковы странности всякаго боя, кончающагося подобными катастрофами. По дорогѣ изъ Ени-Загры въ Эски-Загру отрядъ генерала Гурко имѣлъ бой съ частью арміи Сулеймана. Согласно его реляціи, онъ выдержалъ бой съ самимъ Сулейманомъ-пашею. Около рѣки Тунджа болгаре переночевали и отошли въ Казанлыкъ.

Лишь только болгаре оставили Эски-Загру, турецкія

колонны подошли къ городу и начали разстрѣливать его. Несчастное, испуганное болгарское населеніе пошло частью въ руки турокъ, которые ихъ перевѣшали и перерѣзали, а частью спасалось слѣдомъ за нашимъ отрядомъ, бросая все свое имущество, лишь бы только спасти себя жизнь. Вскорѣ послѣ битвы, отрядъ Гурко раздѣлился опять на двѣ части. Одна часть, т. е. кавалерія отступила вмѣстѣ съ нимъ черезъ ханькійскій проходъ на Трново; другая часть—болгарскія дружины пошли на Шипку. При болгарскихъ дружинахъ оставался одинъ только казанскій драгунскій полкъ, который отступилъ во главѣ ополченія, такъ что черкесы преслѣдовали отступавшихъ болгаръ и заставляли арьергардъ (полковника Депперадовича) давать залпы. Позволю себѣ замѣтить, что въ реляціи генерала Гурко вкралась ошибка: именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, будто казанскіе драгуны прикрывали отступление болгаръ. Это было самое поспѣшное и самое безпорядочное, въ военномъ смыслѣ, отступление. Такимъ образомъ кончилась первая экспедиція за Балканами, послѣ которой генераль Гурко тотчасъ отправился въ Петербургъ — принимать свою гвардейскую дивизію. Въ это время прошла молва, что гвардія выступаетъ въ походъ.

XIII.

На Шипкѣ и Пораженіе.

Долгое время продолжалось затишье на театрѣ военныхъ дѣйствій послѣ плевнидскаго сраженія. Мы отходились отъ мысли наступленія, въ ожиданіи прибытія

подкрѣпленій, а турки давали намъ полную возможность укрѣплять наши лагери подъ Плевномъ, такъ что жизнь солдата на бранномъ полѣ начала было обращаться въ лагерную жизнь якомы мирнаго времени. Пользуясь этимъ временемъ, я объѣхалъ линію аванпостовъ вмѣстѣ съ капитаномъ генеральнаго штаба Куропаткинымъ. Линія эта, растянутая на нѣсколько десятковъ верстъ, начиналась почти отъ плевно-ловчинскаго шоссе и шла черезъ деревни Дранову, Пелишатъ, Сгалавице и Порадимъ до города Сельви. Въ Сельви (Севливо) была расположена незначительная часть 8-го корпуса, находившаяся подъ командою генерала Святополкъ-Мирскаго. Я уже писалъ вамъ о томъ, что весь 8-й корпусъ былъ раздробленъ по частямъ и что собственно его не существовало въ смыслѣ цѣлой сплоченной единицы. Генералы Радецкій и Драгомировъ находились въ Трновѣ, а подвѣдомственные имъ войска были разосланы по разнымъ пунктамъ, соединимъ съ городомъ Трново. Турки отлично знали расположеніе нашихъ аванпостовъ, какъ тамъ казаки ни старались скрыться отъ ихъ глазъ, взбираясь на вѣтви густыхъ деревьевъ и прячась въ рвахъ и канавахъ. Зная о томъ, что плевно-ловчинское шоссе находится въ виду нашихъ пикетовъ, турки прекратили сообщеніе изъ Плевна въ Ловчу по этой дорогѣ и поддерживали сообщеніе по другой, проселочной дорогѣ, находящейся южнѣе этого шоссе, скрытой отъ глазъ нашихъ аванпостовъ. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе извѣстіе о наступательныхъ намѣреніяхъ турокъ, легко можно было предположить, что турки, подкрѣпленные значительными силами, бросятся изъ Ловчи на Сельви, съ тѣмъ чтобы занять Габрово и этимъ отрѣзать часть нашей арміи, находящейся на Балканахъ. Къ такому по крайней мѣрѣ, пред-

подожению приводили самыя очевидныя тактическія заключенія.

Деревня Порадимъ находится почти на самомъ систено-плевиинскомъ шоссе, верстахъ въ тридцати отъ Плевны. Эта деревушка играла роль резиденціи начальника западнаго отряда со времени второй атаки плевнинскихъ позицій, такъ какъ находилась въ центрѣ русскихъ войскъ, расположенныхъ передъ Плевномъ. Селеніе растянулось на цѣлую версту; посрединѣ находилась каменная церковь, тщательно выбѣленная известью. Домышки стоятъ особнякомъ другъ отъ друга, прячась за высокими насыпями, обнесенными глубокими канавами. Планировка деревенскихъ зданій конечно никогда не существовало: каждый домъ стоитъ тамъ, гдѣ ему любо стоять, такъ что въ результатъ получается безсвязная группа отдѣльныхъ хозяйствъ. Улицы, переулки и закоулки вполне зависятъ отъ зигзаговъ деревенскихъ канавъ. Самый домъ болгарина первобытенъ и своеобразенъ. Сначала болгаринъ вырываетъ въ землѣ четырехугольную яму, потомъ обноситъ ее низенькими стѣнами, оставляя небольшое пространство для крыльца; плоская соломенная крыша покрываетъ эти стѣны, и земляная готова.

На крыльцѣ одного изъ такихъ домовъ мы помещались во время убійственно-скучнаго періода бездѣятельности арміи въ ожиданіи будущихъ событій. Насъ было семеро: Стѣяли, Макъ-Гаянъ, Бойль (корреспондентъ „Standard’a“), Добсокъ, Грантъ (корреспонденты „Times’a“), американецъ Джексоъ и я.

Скучно, однообразно и долго тянулись дни за днями. Единственнымъ нашимъ развлеченіемъ было перечитыва-

ніе романовъ Жоржъ-Занда. Наша жизньъ была напряхотливая. Мы спали на крыльцѣ всѣ вмѣстѣ, какъ едятъ солдаты на нарахъ въ казармахъ. Сѣдла служили намъ подушками, лошадиныя попоны—одѣялами. Раннее утро будило насъ бывало на новую тоску въ продолженіе слѣдующаго дня, а тухлая колбаса и бутылка прокислаго вина, купленная у еврея-маркитанта, утоляли голодь и жажду. Свои корреспонденціи мы писали на ведрахъ и вдохновлялись видомъ навозной ямы, въ которой съ утра до ночи хрюкала и копадась болгарская свинья, собственнo довольно рѣдкій экземпляръ въ Болгаріи вообще.

Но не мы одни скучали въ это время: съ нами вмѣстѣ скучали и всѣ войска, стоявшія лагеремъ вокругъ деревни; скучалъ штабъ-генерала Зотова, скучали докторъ, чиновники, короче—всѣ скучали въ Порадимѣ.

Вы не можете себѣ представить эту особенную тоску людей, брошенныхъ въ открытомъ полѣ или на крыльцѣ грязной хижины. Вдали отъ родины, вдали отъ всего дорогаго сердцу, лишеныя жизненныхъ удобствъ, полуголодные, вполнѣ изолированныя отъ внѣшняго міра, надобѣдающіе другъ другу, безъ всякаго обмѣна мыслей,—мы какъ тѣни бродили молчаливыя и угрюмыя и чего-то ждали въ смутномъ будущемъ. Чего же мы ждали?... мы ждали будущихъ сраженій, крови, смерти, страданій!..

Въ Порадимѣ пріѣхалъ генералъ Скобелевъ 2-й. Онъ сообщилъ мнѣ, что, получивъ отрядъ подѣ свою команду, онъ выступаетъ съ нимъ завтра утромъ съ разсвѣтомъ на селъви-ловчанскую дорогу. „Интересное движеніе; хотите видѣть его?“ Я рѣшился ѣхать.

И вотъ иду я по деревенской улицѣ, вечеромъ, собираться въ путь-дорогу. Встрѣчаю Макъ-Гахана.

— Bon soir!

— Bon soir!

— Вы видѣли Скобелева?

— Видѣль, говорю Макъ-Гахану.

— И я его видѣль. Вы ѣдете съ нимъ?

— Ъду!.. а вы?

— Вотъ что...

Макъ-Гаханъ отвелъ меня въ сторону, омянулся, какъ бы желая убѣдиться, не подслушиваетъ ли насъ кто-нибудь.

— Я ѡду вмѣстѣ съ вами, сказалъ онъ таинственно:— Нужно выѣхать сегодня ночью. Прошу васъ сохранить нашу повѣзку тайнѣ. Не говорите никому изъ корреспондентовъ о томъ, что говорилъ вамъ Скобелевъ и что мы выѣжаемъ сегодня ночью. Я распорядился вывести моего коня изъ общей конюшни подъ предлогомъ водоя. Совѣтую вамъ сдѣлать то же самое, чтобы не возбудить подозрѣнія.

— Къ чему же эта таинственность?

— Очень просто. Мы возьмемъ съ собою одного Стэнли. Онъ пишетъ въ провинціальныя газеты: „Манчестеръ-Гардиенъ“ и „Фрименъ“; онъ не конкурируетъ съ „Daily News“, потому его можно взять съ собою. Остальные просятъ, а мы можемъ быть кое-что увидимъ.

О, коварные сыны Альбіона!

Собравшись за ужиномъ, Грантъ предложилъ на общее обсужденіе программу завтрашнихъ занятій. Макъ-Гаханъ, Стэнли и я—мы вели себя какъ влюбленная бабышня, рѣшившаяся бѣжать ночью изъ родительскаго дома. Мы спорили, лгали, надували, но не выдали нашего секрета. Бойль, Грантъ, Джексонъ и Добсонъ наконецъ заснули. Какъ вору, желающему стащить что-нибудь изъ дому, мы убѣдились въ крѣпкомъ снѣ нашихъ

товарищей, затѣмъ тихо, тихо вывели со двора нашихъ лошадей и вздохнули свободно только тогда, когда уже были на дорогѣ.

Мы ѣхали по холмамъ, проселочной дорогѣ въ деревню Таглау. Тамъ находился отрядъ генерала Скобелева.

Нѣсколько осетинъ изъ конвоя Зотова отправились со мною. Они хотѣли притнать въ Порадимъскотъ кавказской бригады, который нельзя было брать съ собою въ горы. Ночь была тихая, темная. Ночная тишина нарушилась топотомъ лошадиныхъ копытъ да рѣзкимъ тѣніемъ пѣтуховъ, когда мы проѣзжали деревни; поля кукурузы и луга окружали насъ со всѣхъ сторонъ. Сырость пронизывала насъ до костей каждый разъ, когда мы спускались въ долину. Осетины держали свои винтовки наготовѣ. Одинъ выѣхалъ впередъ, другіе двое ѣхали по сторонамъ. Я дремалъ, сидя въ сѣдлѣ.

Скучно ѣздить верхомъ вообще, а ночью еще того скучнѣе.

Мы проѣхали три деревни. Оставляя послѣднюю въ сторонѣ, мы наткнулись на арбу, нагруженную солдатскими ранцами. Волось около телѣги не было, а на открытомъ полѣ безмятежно спали пять человѣкъ конвоирныхъ солдатиковъ. Востокъ уже зардѣлся первымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Мы знали, что какъ только ген. Скобелевъ снимется съ разсвѣтомъ съ этой позиціи, черкесы сейчасъ же займутъ мѣсто, гдѣ былъ расположено его лагерь. Турки находились отъ насъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла.

— Что вы спите? крикнули мы солдатамъ. — Отрядъ уйдетъ, вы останетесь одни, попадете въ руки черкесовъ, они перерѣжутъ васъ.

Осетинъ вытянулъ одного нагайкою для большаго
вынужденія.

— Чаво дерешися? обидѣлся солдатъ.

— За-а-чѣмъ спыять!

— Гдѣ волю?

— А чертъ бы его избралъ!

— Кого?

— Братушку!.. увелъ быковъ мочевать въ деревню!

— Солдаты закопошились. Мы ихъ напугали.

— Что это такое? Равнодушіе къ жизни? Непониманіе
своего опаснаго положенія? Безпечность русской натуры?
Нѣтъ!.. Это утомленіе, ужасное утомленіе, таѣе утом-
леніе, при которомъ человѣкъ валится какъ снопъ на
землю и говорить самъ себѣ: „Пусть лучше меня убьютъ
на этомъ мѣстѣ, а я не могу идти далѣе!“

День вступилъ въ свои права. Солнце выплыло изъ-за
горизонта. Мы подъѣзжали къ лагерю. Лагерь помѣ-
щался на курганѣ, сзади деревни. Люди попомились какъ
муравьи. Убирали палатки, сѣдлали лошадей, казани спу-
скались въ долину къ водоюу, къ деревенскому ручью,
артиллерія снималась съ позиціи. Не менѣе оскивленную
картину представляла и самая деревня. Проѣзжая ее,
мы видѣли какъ всѣ деревенскія женщины, дѣти и бра-
тушки высыпали на улицу и лихорадочно слѣдили за
движеніемъ нашего лагеря.

— Братушки айда? (уходить), спрашивали они насъ.

— Айда, говорили мы имъ.

И грустно опускались ихъ головы. Женщины плакали
и еще крѣпче прижимали къ груди своихъ ребятишекъ.
Болгары запрягали колы, собирали пожитки, рѣшались
лучше слѣдовать за арміей, чѣмъ попадать въ руки про-
возжадныхъ баши-бузуковъ.

12-го августа къ вечеру отрядъ занялъ новую позицію вблизи послѣдней деревни. Мы узнали, что на Шипку идетъ ожесточенная атака турокъ. Проводивъ Скобелева до мѣста его новаго распоряженія, мы отправились на Шипку. Шоссейный путь отъ Сельво до Габрова представлялъ раздирающую душу картину. Тѣсячи болгарскихъ семействъ ночевали, подобно цыганамъ, по обѣимъ сторонамъ дороги подъ арбами, нагруженными ихъ нищенскими пожитками. По ночамъ весь этотъ путь освѣщался тысячами костровъ, вокругъ которыхъ ежились и грѣлись полунагіе болгары, бѣглецы изъ-за Балканъ, Ловчи, Трояна, Плевна, Карлова и другихъ мѣстъ. Съ замѣчательною кротостію, безропотно переносили разоренные страданьями рѣзню и мученія, которыя выпадали на ихъ долю, какъ на виновниковъ настоящей войны.

Мы посетили капитана Маслова, воинскаго начальника; его рѣзали на части; домъ его съ утра и до утра переполнялся разнообразною публикою: „Иодводъ для подъема патронныхъ ящиковъ!“ требовали одни. „Нарядите 500 болгаръ воду таскать на позицію!“ требовали другіе. „Пошлите телеграмму въ Трново, чтобы не задерживали транспорта со снарядами!“ просили третьи. „Пожалуйте въ полицію!“ кричали четвертые. „Дайте казака! Дайте лошадей! Нарядите рабочихъ на новое шоссе!“

Вездѣ только и слышалось: „Ну, что, какъ на Шипкѣ?“ — „Плохо!“ тихо передаютъ явившіеся. „Отлично!“ противорѣчатъ черезъ 2 часа другіе. „Удержимся?“

„Удержимся; „Богъ знаетъ!“
„Едва ли!“ увѣряютъ черезъ полчаса... „Патроновъ нѣтъ на позиціи! Патроны вышли!“ какъ громомъ поражаетъ новый слухъ только что прибывшаго посланца за патроннымъ транспортомъ.

Такъ воть у всѣхъ въ глазахъ и помутилось! „Что дѣлать?..“ Патроны въ Трноу! Хорошо, если они вывезены; находятся на пути; ну, а вдругъ? „Телеграфируйте!“ совѣтуютъ одни; „побѣждайте сами, летите какъ можно скорѣе; сохрани Боже!..“ и у всѣхъ въ головахъ одна мысль: „Ну, а что если патроны за ночь не поспѣютъ!“

Это была ужасная мысль. Она отняла сонъ у всѣхъ насъ безъ различія положеній, должностей, профессій и обязанностей! Но воть разсвѣтаетъ: Потянулись ящики съ патронами; у всѣхъ на душѣ отлегло, всѣмъ стало легче. Къ вечеру прошли черезъ городокъ новый полкъ; еще легче стало! „Есть надежда, кажется удержимся!“ думаютъ всѣ пережившіе эти минуты.

Такого болѣзненнаго волненія, какимъ невольно заражался въѣзжавшій въ Габрово за время шипкинскихъ битвъ, я нигдѣ и никогда не переживалъ въ жизни моей.

Мы прибыли на Шипку. Странное чувство испытывать я, когда подѣлжалъ къ мѣсту сраженія. Перекаты ружейной перестрѣлки, громкіе пушечные выстрѣлы волновали меня, воображеніе все сильнѣе и сильнѣе; хотѣлось скорѣе увидѣть мѣсто сраженія, взять ружье и стрѣлять.

— Я возьму ружье и буду стрѣлять, сказалъ я Магъ-Гахану.

— Nous allons voir! отвѣтилъ онъ мнѣ улыбаясь.

На первомъ перевязочномъ пунктѣ мы застали кипучую дѣятельность. Тысячи раненыхъ, стоны, страданія—грустная картина дѣйствительности. Пробѣжая это мѣсто, я встрѣтилъ Немировича-Данченко съ книжкою въ рукахъ. Онъ что-то энергично записывалъ. Мы поздоровались.

— Спросите у товарища, охваченъ ли путь далѣе,

предложилъ мнѣ Махъ-Гаханъ, такъ какъ съ этого мѣста ничего не было видно.

— Опасенъ, сказали намъ Данченко: — Сейчас одного ранили вотъ здѣсь, на дорогѣ, недалеко отсюда.

— Eh bien? посмотрѣлъ Махъ-Гаханъ на меня. Я взглянулъ на Стэнли, Стэнли посмотрѣлъ на насъ обомъ. Всѣ мы молчали.

— Вы хотѣли стрѣлять, поѣзжайте впередъ, пошутить Махъ-Гаханъ и стрѣляйте. „Нѣтъ“ думаю: — „лучше поѣзжай ты самъ впередъ“. Однако поѣхали всѣ вѣсть. Встрѣчаемъ раненаго офицера, который сказалъ намъ: „Вотъ тамъ впереди, гдѣ вы видите открытое мѣсто дороги, — совѣтую ѣхать маршъ маршемъ... Тамъ пули по-свистываютъ безъ перемежки“. Мы дѣхали до роковаго мѣста.

Остановились.

— Eh bien? снова обратился ко мнѣ Махъ-Гаханъ: — Вы хотѣли стрѣлять?

Я наконецъ разсердился. Что за шутки! Душа уходитъ въ пятки. Стэнли собрался съ духомъ, пришпорилъ коня и понесся карьеромъ по дорогѣ.

Махъ-Гаханъ — за нимъ! я — за Махъ-Гаханомъ? Несусь и слышу: одна!.. другая!.. третья!.. у, у, у, — какъ жутко свистятъ проклятыя! Вотъ, славу Богу!.. мы за скалою!.. отлегло!.. Пули стали рѣже и свистать высоко надъ головою.

Недалеко отъ батареи св. Николая, у подошвы другой батареи, дѣйствовавшей противъ исторической позиціи „зеленаго древа“, мы нашли генерала Радецкого. Его окружала снѣга. Это было на третій день шимкинскаго боя. Въ это время мы уже атаковали турокъ. Генералу донесли, что нашу цѣль отгнѣснили турки.

— Коня! крикнулъ генералъ:— Я їду въ цѣнь господя!

— Останьтесь!.. не їздите! крайности нѣтъ!.. кинулись уговаривать генерала окружавшіе его офицеры:— Васъ убьютъ, Драгомировъ раненъ, Дерожинскій убитъ, Столѣтова нѣтъ на позиціи!.. Кто будетъ командовать нами?

Но Радецкій молча сѣлъ на коня и тихимъ шагомъ поѣхалъ въ цѣнь.

— Дайте бинокль, попросилъ я у Махъ-Гахана.

— Ни за что! самъ буду смотрѣть.

Но для того, чтобы видѣть, нужно было забраться на батарею. Скала, на которой находилась батарея, закрывала отъ насъ противоположную гору гдѣ происходило сраженіе. Подумавъ немного, мы полѣзли на скалу.

Гробовое молчаніе царило на батареѣ, когда мы перелѣзли за брустверъ.

Подавляющій видъ открылся передъ нашими глазами.

Вдоль всего передняго бруствера сидѣли солдатики, прижавшись въ плотную къ стѣнѣ, обращенной къ неприятелю; они молчали. Многие изъ нихъ были блѣдны. Но ни одного трусливаго лица! Полнымъ равнодушіемъ замечательлись ихъ суровыя лица; нѣкоторые изъ нихъ даже покуривали трубки. Съ мѣста на мѣсто они перебѣгали, низко нагибаясь къ землѣ. Ихъ было довольно много. Ружья лежали подлѣ на-готовѣ. Не теряя ни одной секунды, мы трое, какъ бы сговорившись, быстро спрыгнули съ бруствера; нагнулись къ землѣ, кинулись въ группу солдатъ и съ налета растянулись на брюхо. Солдаты захохотали.

— Что, господя? небось жутко?..

— Жутко, братцы!

— То-то жутко!.. а вотъ посидите тутъ маленьчко, можетъ турки въ атаку пойдуть.

„Ну, думаю:—тогда я возьму ружье,—и возьму его уже поневоля!“

— Сядьте вот тутъ, господа, здѣсь пуля не задѣнетъ, указаль солдатъ съ участіемъ на мѣсто совершенно вплотную къ брустверу.

Солдатики очистили намъ мѣсто. Подвинувшись далѣе отъ бруствера, они подвергались большей опасности, но они уступили мѣсто, отдали намъ то, что для нихъ было такъ дорого въ эту минуту. „Вотъ онъ, русскій солдатъ“, сказалъ я Макъ-Гахану.

Пули осыпали батарею. Онѣ падали или въ середину, или ударялись въ задній брустверь. Не прошло двухъ минутъ, какъ вдругъ рѣзкій свистъ пули прекратился ударомъ во что-то. Я видѣлъ, какъ солдатъ, поднявшійся было зачѣмъ-то съ своего мѣста, вдругъ перегнулся, схватился за спину, издалъ вопль страшной боли и снопомъ повалился на землю!

Пяти минутъ не проходило безъ новыхъ раненыхъ и убитыхъ.

— Хотите бинокль? предложилъ мнѣ Макъ-Гаханъ, сидя спиною къ брустверу и боясь сдѣлать малѣйшее движеніе.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ! смотрите сами.

— А стрѣлять будете?

— Ну, да, вотъ турки наступать, такъ и вы будете.

Турки однако не наступали. Съ наступленіемъ ночи прекратилась перестрѣлка. Задержанные пулями въ батарее въ продолженіе шести часовъ, мы наконецъ благополучно выбрались на дорогу, давъ себѣ слово никогда болѣе не залѣзать въ батарею на будущее время.

Прежде всего постараюсь познакомить читателей съ мѣстностью этихъ интересныхъ позицій. Представьте себѣ

возвышенность, которая поднимается на полдорогѣ отъ Габрова въ Шипку все выше и круче, пока не достигаетъ своей наибольшей высоты въ пунктѣ, называемомъ горою Св. Николая. Здѣсь въ этомъ пунктѣ, кряжъ поворачиваетъ направо и образуетъ какъ-бы подкову. Въ общемъ правая половина подковообразнаго хребта командуетъ высотами лѣвой половины и отличается отъ последней тѣмъ, что вся она заросла густымъ горнымъ лѣсомъ, тогда какъ лѣвая ея часть остается совершенно открытою каменистою мѣстностью. Шоссе горнаго шипкинскаго перевала избрало себѣ путь какъ разъ по лѣвой половинѣ этого кряжа, какъ по мѣстности, совершенно свободной отъ растительности, такъ и болѣе отлогей сравнительно съ правою половиною. Шоссейный путь въ пунктѣ Св. Николая поворачиваетъ сначала нѣсколько вправо, а потомъ сейчасъ же довольно рѣшительно беретъ направление влѣво, какъ разъ у начала лѣса праваго хребта. Начиная съ этого поворота, дорога необыкновенно, круто спускается внизъ въ казанлыкскую долину, которая отсюда открывается передъ вами во всей своей прелести. У горнаго исхода шоссейной дороги, у подножія горы св. Николая, стоитъ деревня Шипка именемъ которой и окрещенъ весь горный перевалъ этой мѣстности. Легко понять, что правая половина подковообразнаго хребта отдѣлена отъ лѣвой глубокимъ оврагомъ. Спуски оврага очень круты, оврагъ самъ по себѣ очень глубокъ, слѣдовательно линіи высотъ двухъ параллельныхъ между собою хребтовъ находятся другъ отъ друга на весьма близкомъ разстояніи, не болѣе полу ружейнаго выстрѣла. Представьте себѣ, что, занимая эти два хребта, сходятся непріатели другъ противъ друга; они оказываются въ такомъ положеніи, что могутъ избивать

другъ друга очень долгое время, не приходя ни къ какимъ побѣдоноснымъ результатамъ. Чтобы достичь этихъ результатовъ, нужно одному непріятелю согнать другаго съ противоположной высоты.

На шессейной дорогѣ, проходящей по перевалу, была расположена наша позиція. Выгодность ея вытекала изъ природныхъ свойствъ горнаго хребта, окруженнаго глубокими, но не широкими оврагами, въ связи съ отдѣльно взятыми командующими пунктами, укрѣпленными хорошими батареями и ружейными ложементами. Невыгодная сторона заключалась въ томъ, что, будучи окруженною, слѣва и справа господствующими высотами, она обстрѣливается вся ружейнымъ огнемъ. При такой позиціи, непріятель, занимающій сосѣднія высоты, обладаетъ возможностью стрѣлять прицѣльнымъ огнемъ въ каждаго, на кого только упадетъ его наблюдательный глазъ. Еще одинъ недостатокъ нашей позиціи заключался въ томъ, что на такой открытой мѣстности не было возможности имѣть около себя резервы, такъ какъ для нихъ не имѣлось прикрытій.

Шипкинскія позиціи были предварительно укрѣплены турками, причемъ турки укрѣпляли ихъ въ виду наступленія русскихъ. Турецкія укрѣпленія пригодились для насъ, хотя и потребовались нѣкоторые дополненія. Вы знаете, что послѣ бѣгства турокъ съ балканскихъ высотъ намъ досталось 5 стальныхъ крупновскихъ орудій. Эти орудія, снабженные брошенными турками снарядами, пригодились для насъ въ первые дни боя, пока хватало снарядовъ, какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе что и положеніе батареи благоприятствовало нашей оборонѣ, такъ какъ эта батарея была построена для обороны тыла бывшихъ турецкихъ позицій, слѣдовательно какъ разъ во фронтъ нынѣшней турецкой атакѣ.

Аттакa шипкинскихъ позицій, какъ уже извѣстно, началась 9-го августа. Послѣ отступленія бывшаго отряда генераль-лейтенанта Гурко, изъ Казанлыка, его пѣхотныя и кавалерійскія части отошли за Шипку. Часть этого отряда и болгарскія дружины остались на шипкинскихъ позиціяхъ, стрѣлки удалились за Габрово, а остатки измученной кавалеріи отправились на отдыхъ въ гор. Трново. Такимъ образомъ на Балканахъ были 5 болгарскихъ дружинъ и орловскій полкъ, который не сходилъ съ Балкановъ послѣ того какъ онъ первымъ поднялся на эти высоты со стороны Габрова. Армія Сулеймана-паши, количествомъ въ 100 таборовъ (по показанія плѣнныхъ турокъ) или 70,000, по расчетамъ другихъ лицъ,—повела атакку на шипкинскія позиціи съ ранняго утра 9-го августа. Командующимъ войсками на шипкинскихъ высотахъ былъ генераль Столѣтовъ.

Турки остановились предварительно на планѣ атаки съ высоты горы Бердекъ. На самой высшій пунктъ этой горы болѣе чѣмъ въ 5,000 футовъ, турки втащили нѣсколько орудій при помощи загнанныхъ болгаръ и цѣлаго десятка воловъ. Построивъ батарею, турки повели атакку 9-го августа съ горы Бердекъ, съ этого единственнаго мѣста, что и было спасеніемъ для нашихъ войскъ. Они атаквали 50,000 тысячной арміей 5 болгарскихъ дружинъ и одинъ орловскій полкъ. Эта сконцентрированная атакка турокъ была спасеніемъ нашихъ позицій. Она дала возможность сосредоточить наши отпорныя силы въ одномъ мѣстѣ и при общемъ усиліи 5 болгарскихъ дружинъ и орловскаго полка отбрасывать непріятеля каждый разъ, когда онъ бросался на батарею св. Николая. Турки дрались отчаянно, произвели 6 большихъ атакъ и не взяли нашихъ позицій. Солдаты орловскаго полка не

нахваляются поведеніемъ болгарскихъ дружинъ. „У нѣкоторыхъ изъ болгаръ, передавали мнѣ солдатики:—ружья перестали стрѣлять, тогда они брали камни и швыряли въ взбѣжавшихся турокъ“... „Нѣтъ, это не турки воюютъ, покачивали головами наши солдаты, передавая мнѣ впечатлѣнія перваго дня атаки: — это англичане за нихъ дерутся.“ — „Почему же англичане?“ спрашивалъ я ихъ. „Потому что турокъ такъ храбро драться не можетъ“. Только на основаніи этихъ аргументовъ нѣкоторые русскіе корреспонденты телеграфируютъ и пишутъ о присутствіи англичанъ въ турецкой арміи, въ которое я положительно не вѣрю. До сихъ поръ мы не имѣемъ ни одного убитаго, раненаго или плѣннаго англичанина, хотя встрѣчались поляки и венгерцы.

Послѣдняя атака 9-го августа была отбита поздно вечеромъ, но огонь не прекращался всю ночь; онъ поддерживался какъ въ самой цѣпи, такъ и съ горы Бердекъ. Болгары и орловцы, выдержавъ бой съ 6 час. утра до глубокой полуночи, были страшно утомлены; но на другой день имъ предстояла новая битва, рядъ новыхъ, сильныхъ испытаній.

Къ счастью болгаръ и орловцевъ, въ ночь на 10-е августа подоспѣлъ къ нимъ на помощь брянскій полкъ бригады генерала Дерожинскаго, находившійся до тѣхъ поръ въ Сельви. Вмѣстѣ съ тѣмъ явился и самъ генералъ Дерожинскій, который, будучи старше Столѣтова, замѣнилъ его мѣсто командующаго войсками.

- 10-го августа турки возобновили атаку, если не съ тою же энергію какъ наканунѣ, то съ большею хитростью въ сравненіи съ ихъ тактикою перваго дня. Сначала они повели атаку по тому же направленію, но къ вечеру этого втораго дня турки совершенно неожиданно

для насъ ударили въ нашъ флангъ (съ лѣвой стороны), выскочивъ изъ лѣсной чащи съ неистовыми криками: „Алла!.. Алла!.. Алла!..“ То была трагическая минута. Нашихъ силъ было достаточно, для того чтобы удерживать натискъ непріятеля съ одной стороны, но эти силы были ослаблены двухдневнымъ сраженіемъ безъ сна и пищи,—а тутъ вдругъ турки ударяютъ намъ во флангъ, заставляя дробить и безъ того уже малыя силы нашихъ войскъ. Всѣхъ охватило чувство отчаянія. Трагическій конецъ защиты шипкинскихъ позицій былъ уже близокъ: оставалось только умереть на мѣстѣ. На этомъ и порѣшили оба генерала; они напрягли свои послѣднія силы, быстро отдѣлили частицу своего войска съ цѣлью отбросить фланговый натискъ турокъ, но чувство отчаянія не покидало обороняющихся. Вотъ уже слышны крики турецкаго триумфа: „Алла!.. Алла!..“ Дрогнули сердца болгаръ, орловцевъ и брянцевъ!..

Но судьба сжалилась надъ героями этихъ двухъ несчастныхъ дней. По направленію горнаго шоссе за перевязочнымъ пунктомъ, устроеннымъ на скатѣ одного изъ многихъ переваловъ этой дороги, показалась масса какой-то кавалеріи. Какая эта странная кавалерія! На головахъ людей солдатскія кэпи, лошади казацкія, а за спинами кавалеристовъ блеснули на лучахъ заходящаго солнца стволы ружей пѣшихъ солдатъ. Вотъ кавалерія подѣхала еще ближе: „Подкрѣпленіе, ребята!“ пронеслось по рядамъ оборонявшихся героевъ. Могучее громкое „ура!“ вырвалось изъ грудей обрадовавшихся солдатъ... Турки дрогнули, остановились!.. Что такое!.. какъ бы эхомъ повторилось это „ура!“ въ рядахъ спѣшившагося подкрѣпленія и стройная масса стрѣлковаго батальона стала приближаться къ мѣсту отчаянной схватки.

Въ самую критическую минуту подоспѣли стрѣлки на выручку своихъ товарищей, тѣ самые стрѣлки, которые ходили въ отрядѣ генерала Гурко; мѣткая стрѣльба ихъ была слишкомъ знакома туркамъ. При видѣ приближавшейся знакомой колонны турки сдѣлали было послѣднее напряженіе, но было уже поздно. Стрѣлки кинулись бѣгомъ и ударили съ новыми силами на растерявшагося непріятеля. Солнце закатилось за горный горизонтъ, мракъ вечера вступилъ въ свои права. Стрѣлки погнались торокъ въ дебри непроходимой, лѣсной чащи и вся эта лѣсная дремучая мѣстность обратилась въ адъ страшнаго огня, гдѣ трудно было различить какой огонь русскій и какой турецкій. Долго еще раздавалась перестрѣлка, пока въ полуночный часъ не грянуло громкое „ура!“ нашихъ русскихъ побѣдителей.

Не взирая на благопріятные результаты отбитыхъ атакъ торокъ, положеніе нашихъ войскъ на шимкинской позиціи далеко нельзя было назвать благопріятнымъ. Наступалъ третій день, и всякій былъ увѣренъ въ томъ, что турки возобновятъ атаку, а наши войска уже чувствовали сильное физическое утомленіе. Голодные, безъ сна, отдыха и пищи, они проводили день и ночь въ своихъ ложементѣхъ, поминутно оглядываясь въ сторону ожидаемаго подрѣвленія. Каждый чувствовалъ, что только при помощи значительнаго подрѣвленія можно будетъ отстоять позиціи. Атакующая сила превращалась значительно обороняющуюся, но турки дѣлали грубые промахи, и эти промахи значительно повліяли на исходъ общаго дѣла. Турки очевидно не знали нашихъ силъ на Балканахъ, потому что, зная ихъ, они легко могли измѣнить планъ атаки и вмѣстѣ того, чтобы ее концентрировать, они могли бы растянуть свою линію и этимъ

окончательно ослабить наше утомленное, малочисленное войско. Убѣдившись въ томъ, что атаки со стороны Бердежа не приведутъ ни къ какимъ благоприятнымъ результатамъ, турки обратили вниманіе на господствующую надъ нашими позиціями возвышенность горнаго хребта. Средній изъ трехъ командующихъ холмовъ этой возвышенности турки избрали для постановки батареи и въ одну ночь выставили на немъ нѣсколько орудій. Слѣдуетъ замѣтить, что вся эта гора покрыта густою горною растительностью, равно какъ и вся долина, отдѣлявшая ее отъ нашихъ позицій. Съ 11-го августа турки не покидали этой позиціи въ продолженіе нѣсколькихъ слѣдующихъ дней и повели съ нея всѣ дальнѣйшія свои атаки. Атаки 11-го августа были отбиты подобно предыдущимъ, хотя въ этотъ день туркамъ и удалось было пробраться до высоты св. Николая. Подоспѣвшіе стрѣлки помогли болгарамъ и орловцамъ, и день завершился новой побѣдой для русскаго оружія. Въ тотъ же день вечеромъ на позицію прибылъ генералъ Радецкій и вступилъ въ командованіе, вмѣсто генерала Держинскаго. Наша помощь подходила частями, одна вслѣдъ за другою. Послѣ стрѣльбы явилась часть дивизіи генерала Драгомирова подъ личною его командою. День 12-го августа былъ днемъ послѣдней и самой ожесточенной турецкой атаки. Турки безумно бросались на наши позиціи со всѣхъ сторонъ, но всѣ ихъ усилія разбились о шипшинскія твердыни, и послѣ этого они уже не возобновляли ни одной новой атаки. Турокъ въ смыслѣ силы уже не существовало больше; вмѣсто большой, сильной, твердой духомъ, храброй арміи Сулеймана-паши — остались жалкіе, слабые, измученные физически и уничтоженные нравственно, слабосильные остатки, которые встѣли въ наскоро-построен-

ныхъ ложементовъ и думали только о томъ, какъ бы удержаться на занимаемой ими горѣ. Во время послѣдней турецкой атаки выбылъ изъ строя генераль Драгомировъ. Пуля попала ему въ ногу въ тотъ моментъ, когда онъ выѣхалъ на возвышенность св. Николая. Когда его уносили съ позиціи, подолицы и житомирцы поднимали ружья кверху и кричали: „Отомстимъ за васъ, ваше превосходительство, отомстимъ проклятымъ туркамъ!“ Одною и тою же пулею раненъ офицеръ генеральнаго штаба Мальцевъ. Оба раненые одною пулею были отправлены въ Габрово, гдѣ они и провели ночь въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ. На другой день рано утромъ я посѣтилъ генерала Драгомирова. Генераль былъ очень опечаленъ тѣмъ, что рана принудила его оставить строй, тогда какъ его присутствіе на мѣстѣ дѣйствія казалось ему необходимымъ въ настоящее время больше чѣмъ когда-либо въ другое. Слезы показывались на рѣсницахъ генерала, когда онъ вспомнилъ о Мальцевѣ, раненомъ одною съ нимъ пулею. Проводивъ генерала Драгомирова, я опять вернулся на мѣсто сраженія.

Былъ уже пятый день битвы. Благодаря достаточному вновь прибывшему количеству нашихъ новыхъ войскъ, открылась возможность отпустить съ позиціи болгарскія дружины на отдыхъ и дать такой же отдыхъ орловцамъ, ряды которыхъ сильно порѣдѣли за эти дни. Такимъ образомъ дѣйствующими войсками оставались брянцы, три стрѣлковые батальона, житомирцы и подолицы. Утромъ 13-го августа прибыли еще волынцы и въ тотъ же день вечеромъ подошли минцы въ Габрово. У насъ оставались еще свѣжія силы, хотя каждый изъ вновь прибывающихъ полковъ и чувствовалъ утомленіе, благодаря быстрому переходу изъ Сельви на шипкинскія позиціи. 13-го авгу-

ста. турки не возобновляли атакъ, но генераль Радзкій самъ пошелъ на турокъ, желая ихъ сбить съ правой соседней высоты и этимъ окончательно обезпечить за нами весь минкинский переваль. Дѣйствительно такое соседство сильно беспокоило насъ. Засѣвшіе въ кустахъ турецкіе стрѣлки день и ночь обстрѣливали всю дорогу, такъ что на всей нашей позиціи не было рѣшительно такого мѣста, гдѣ бы можно было расположиться, не рискуя ежеминутно быть убитымъ какою-нибудь пальною пулею, а на такомъ мѣстѣ какъ высота св. Николая пули летали шерекрестно, такъ какъ эта высота обстрѣливалась какъ съ правой турецкой позиціи, такъ и съ лѣвой, т. е. со стороны горы Бердека. Такою пальною пулею былъ убитъ генераль Дерожинскій. Свернувъ съ шоссе, около большой батареи, генераль началъ подниматься на холмъ, желая прослѣдить за ходомъ событія; только-что онъ поднялся на возвышенность, какъ пуля ударила его въ животъ навзлетъ, и генераль Дерожинскій умеръ на носилкахъ, не будучи еще донесеннымъ до перевязочнаго пункта.

Наша атака 13-го августа была отбиваема турками нѣсколько разъ и вовлекла въ сраженіе почти всѣ силы, которыми мы обладали на нашихъ позиціяхъ. Одна часть уходила въ бой, другія оставались въ ложементахъ, но простестіи нѣсколькихъ часовъ вводились другіе батальоны, а выводимые изъ боя занимали мѣста въ ложементахъ; и такимъ образомъ продолжалось это до глубокой ночи. Съ утра всѣ шансы были на нашей сторонѣ. Мы обхватили позицію Зеленаго-Древа съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга, а уже наши стрѣлки находились отъ турецкой батареи въ 30 шагахъ. Но резервъ былъ истощенъ, турки выставили нѣсколько резервныхъ батальо-

новъ, и наши стрѣлки были отброшены шаговъ на 300 назадъ. „Дѣлать нечего, сказалъ генераль Радецкий, когда ему донесли объ этомъ:—нужно вводить другія части въ бой, но отнюдь не отступать“. Съ этими словами онъ потребовалъ себѣ коня и выразилъ желаніе отправиться въ линію огня и лично повелъ въ атаку одинъ изъ батальоновъ волынскаго полка. Батареи наши дѣйствовали въ этотъ день по мѣрѣ возможности. Когда наши стрѣлки близко подходили къ Зеленому-Древу, батареи прекращали огонь; когда наши стрѣлки удалялись отъ турецкой батареи, отбрасываемыя огнемъ непріятеля,—наши батареи снова открывали пальбу. Турецкія пули свистали надъ нашими головами и ранили многихъ изъ нашихъ солдатъ. Слѣдуетъ замѣтить, что артиллерійская прислуга почти всѣхъ нашихъ батарей, равно какъ и стрѣлковые прикрытія, подвергались такой же участи въ продолженіе всѣхъ дней шипкинскаго сраженія. Были такія батареи, какъ напримѣръ „стальная“, (съ турецкими стальными орудіями), на которой была перебита вся артиллерійская прислуга пулями, пущенными съ горы Бердекъ. Наши солдаты до того привыкли къ свисту пуль за всѣ эти боевые дни, что онъ не производилъ на нихъ рѣшительно никакого впечатлѣнія. Пуля попала въ спину одного солдата. Несчастный закричалъ отъ боли и этимъ рассердилъ всѣхъ остальныхъ солдатъ. „Зажмите ему ротъ, что онъ оретъ!“ въ одинъ голосъ закричали всѣ остальные солдаты: раненаго унесли на перевязочный пунктъ.

День уже клонился къ вечеру, а турецкая батарея все-таки не была еще взята. Только бы какъ не отступить и продержаться до ночи, чтобы не вызвать новой атаки турокъ по пятамъ, на наши позиціи, а тамъ — что Богъ дастъ. Въ этотъ день мы потеряли самое на-

и больше количество раненых и убитых, так как атакующею стороною были мы. Вниз по шоссе тянулася нескончаемая вереница раненых. И какіе это были раненые! Съ тремя пулями въ груди, съ одною въ руку— раненый шелъ самъ къ перевязочному пункту, поддерживаемый слегка санитаромъ. Лицо его было блѣдно какъ полотно, но ни одинъ звукъ страданія не срывался съ его блѣдныхъ губъ. Наши солдаты какъ будто окаменѣли за эти послѣдніе дни. Я видѣлъ, какъ наши батальоны отирались въ бой. Они шли въ огонь такъ же спокойно какъ будто на ученье. Они перестали кланяться пулямъ невозмутимо говорили санитарамъ: „подбери“; когда турецкая граната врывалась въ ихъ среду и укладывала на мѣстѣ нѣсколько товарищей. Болгары очень усердно помогали нашимъ солдатамъ за дни прикинскихъ сраженій; они возили воду на прикинскія позиціи на своихъ собственныхъ лошадяхъ, ослахъ, возили ее день и ночь, не взирая на то, что многіе изъ нихъ возвращались ранеными или вовсе не возвращались обратно къ горному ключу. Этотъ горный ключъ помѣщался далеко за перевязочнымъ пунктомъ вниз, въ габровской долины; отсюда болгары поднимались на высоты по нѣскольку разъ въ день и довозили воду вплоть до самой линіи нашей дѣйствующей цѣпи.

Никогда и ни у одного изъ оставшихся живыхъ героевъ-защитниковъ прикинского перевала не изгладится изъ памяти констатъ мученическіе дни, которые выпали на ихъ злополучную долю. Ночь, проводимая подъ пулями, и цѣлый день въ огнѣ на страшномъ солнечномъ припежѣ.

„Досталась-то намъ легко эта позиція, говорили солдаты:—да каково ее теперь-то защищать. Такъ не от-

дадимъ же ее туркамъ ни за что! Имъ только отдай, а тамъ снова намъ же отбирать придется у нихъ“. Въ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ и въ Орловскомъ полку все офицеры выбыли изъ строя.

Сидя на большой батарее, мы видѣли, какъ самъ генералъ Радецкій повелъ баталіонъ въ атаку. Турки послали ему нѣсколько гранатъ; линія стрѣлковъ сейчасъ же подвинулась ближе къ турецкой батарее, турки начали отступать. Трудно было различать подробности движенія нашей цѣпи, такъ какъ она дѣйствовала въ туманѣ дыма. Линія нашего огня замѣтно стала подвигаться впередъ, но шаговъ на полтораста не доходя до турецкой батареи она остановилась. Очевидно было, что наши молодцы встрѣтили здѣсь сильный отпоръ непріятеля. Минуть черезъ 20 послѣ того какъ Радецкій повелъ баталіонъ въ атаку, его начальникъ штаба показавшись уже на шоссе, контуженный гранатою въ грудь и въ голову. Отдохнувъ за первымъ попавшимся камнемъ, онъ остался на позиціи, отказавшись слѣдовать въ госпиталь.

Сумерки спустились уже на землю, а битва еще продолжалась. Наши дѣйствовали залпами, турки стрѣляли рядами. Ружейные огоньки забѣгали по потемнѣвшему туману, во мракѣ наступившаго вечера. Конецъ битвы не предвидѣлось, — до того огонь сильно поддерживался съ обѣихъ сторонъ. Но вотъ становится еще и еще темнѣе; ружейная пальба какъ будто начинаетъ прекращаться, да и пули надъ нашими головами стали летать какъ будто рѣже. А турецкая батарея все-таки не взята; все рѣже и рѣже раздаются раскаты ружейныхъ выстрѣловъ, залпы совсѣмъ прекратились. Макъ, Гаханъ, Стэнли и я, просидѣвъ нѣсколько часовъ за фашинами, встали

на ноги и вздохнули посвободѣе. Мы спустились на шоссе. Солдатики, сидѣвшіе цѣлый день въ ложементахъ, засуетились, забѣгали, окружая свои артельные котлы. Въ этихъ котлахъ приготавлилась горячая пища далеко за предѣлами перевязочнаго пункта, и когда наступила ночь, котлы ввозились на позицію, и пища раздавалась солдатамъ. Днемъ нечего было и думать объ ѣдѣ, только съ наступленіемъ ночи солдаты утолили голодъ настолько, насколько позволяли средства. Послѣ ужина нельзя было спать, потому что каждую минуту можно было ожидать новой атаки турокъ. Ночи стояли такія лунныя, ясныя, ничто не препятствовало туркамъ начать наступленіе. Но турки не нападали ночью на наши позиціи, хотя нѣсколько разъ, неожиданно для насъ, они разражались неистовымъ, дружнымъ крикомъ: „Алла!“ „Алла!“ которому вторило громкое эхо сосѣднихъ горъ, дощинъ и дремучихъ лѣсовъ.

Усматривая наши значительныя потери 13-го апрѣля, трудно было и представить себѣ потери турокъ. Мы атаковали турокъ только одинъ разъ, они же атаковывали насъ раньше въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней. Ихъ атаки насчитывались десятками разъ и всегда производились всѣмъ наличнымъ составомъ арміи Сулеймана-паши. Человѣческими трупами были завалены всѣ высоты, сосѣднія шипкинскому шоссе. Въ какихъ нибудь 30 шагахъ отъ николаевской батареи вы уже натыкались въ кустахъ, не удаляясь съ самой батареи, на человѣческія ноги, руки, головы и т. д. И затѣмъ весь склонъ этой горы, равно какъ правый и лѣвый склоны горы, были буквально завалены трупами убитыхъ турокъ и русскихъ. Время и обстоятельства не позволяли убирать трупы и зарывать ихъ въ землю. Убитые быстро разла-

гались, благодаря страшной жарѣ, на другой день, и вокруг шишкинскихъ позицій воздухъ заражался до такой степени, что обоняніе ваше ощущало эту заразу, лишь только вы начинали подниматься на шишкинскія позиціи:

14-го августа ни мы, ни турки не возобновляли новыхъ атакъ. Я увѣренъ въ томъ, что потери турокъ за 5 боевыхъ дней (сужу по примѣрамъ прошлыхъ сраженій) простираются до 20,000 человекъ. 14-го августа турки начали выбирать новыя мѣста для своихъ батарей и приступили къ постройкѣ оныхъ. Они растягивали свою правую позицію, но наши батареи поддерживали огонь цѣлый день и бросали гранаты на тѣ пункты, на которыхъ окапывались турки. 14-го августа вечеромъ, къ подошвѣ шишкинскихъ позицій явилась еще одна новая бригада 2-й дивизіи: эстляндскій и ревельскій полки. Эта дивизія только-что перешла Дунай и свалилась намъ на голову какъ манна небесная. Одна бригада этой дивизіи по переходѣ черезъ Дунай была направлена въ Сельви, откуда вывели находившіяся тамъ войска, а другая бригада явилась на Шипку. Съ прибытіемъ этой свѣжей бригады дѣло можно было считать окончательно выиграннымъ и шишкинскій перевалъ вполне обезпеченнымъ за нами.

XIV.

Въ Порадимѣ. — Аѣтѣка турокъ.

Я оставилъ шишкинскія позиціи 16-го августа вечеромъ. Цѣлый день 15-го августа съ высотъ шишкинскаго перевала доносились до Габрово глухіе раскаты пушеч-

ныхъ выстрѣловъ. Турки копали новыя батареи, подвигаясь къ сѣверу по высотѣ правой половины подковообразнаго хребта; мы обстрѣливали ихъ работы. Послѣ того, какъ турки прекратили свои атаки съ фронта и съ фланговъ на наши позиціи, существовало убѣжденіе, что они остановились на новомъ планѣ обходнаго движенія. Этого обходнаго движенія можно было ожидать только съ правой стороны нашихъ позицій, такъ какъ для обхода насъ слѣва не представлялось имъ достаточныхъ удобствъ. Въ лабиринтѣ лежащихъ влѣво горъ, овраговъ и ущелій нѣтъ ни одной выгодной для турокъ позиціи, а горныя тропинки и немногія трудно-проходимыя проселочныя дороги могли поставить турокъ въ весьма затруднительное положеніе. Желая предупредить обходное движеніе турокъ съ правой стороны, генералъ Радецкій направилъ въ находящіяся отъ позиціи вправо горы болгарское ополченіе. Отдохнувъ у подножія шипкинскаго перевала, болгары поднялись по горной тропинкѣ на высоту, густо покрытую лѣсомъ, но съ которой можно было наблюдать за движеніемъ турокъ. Такимъ образомъ туркамъ остается одинъ только свободный путь—путь отетупленія ихъ на Шипку. Я едва ли ошибусь, если выскажу предположеніе, что Сулейманъ-паша вовсе не рассчитываетъ на дальнѣйшія атаки шипкинскаго перевала. Последнія его попытки стоили ему слишкомъ дорого, для того чтобы возобновлять ихъ снова даже въ случаѣ усиленія его арміи. Я думаю, что Сулейманъ-паша не покидаетъ занимаемыхъ имъ высотъ только потому, что обладая этими высотами, ему легче защищать казанлыкскую долину. Мы не можемъ спуститься въ эту долину до тѣхъ поръ, пока не выгонимъ турокъ съ правой горы; въ противномъ случаѣ Сулей-

манъ-паша легко можетъ очутиться въ нашемъ тылу и на нашихъ позиціяхъ. Конечно положеніе Сулеймана-пашы, обойденнаго болгарскими дружинами и поставленнаго такимъ образомъ между двухъ огней, весьма затруднительно, но что же ему остается дѣлать какъ не выбрать лучшее изъ худшаго?

Одинъ изъ моихъ спутниковъ, корреспондентъ Стэнли, отправился изъ Габрова въ Бухарестъ съ цѣлью отправки писемъ и телеграммъ, касавшихся защиты пинкинского перевала. Слѣдуетъ замѣтить, что только путемъ такихъ утомительныхъ путешествій корреспонденты достигали по возможности своевременной доставки своихъ извѣстій. Казенный телеграфъ отказывалъ въ приѣмѣ частныхъ денегъ, а услуги полевая почта въ этомъ отношеніи намъ уже извѣстны по опыту. Оставшись вдвоемъ съ Макъ-Гаханомъ, мы поторопились вернуться въ Порадимъ, такъ какъ рассчитывали на какія-либо новыя попытки турокъ со стороны Плевна. Послѣдствія доказали, что мы не ошиблись въ своемъ расчетѣ; наши предположенія не замедлили осуществиться.

Верховая ѣзда не располагаетъ къ разговорамъ. Ъдемъ мы съ Макъ-Гаханомъ и молчимъ, ѣдемъ потихоньку, нисколько не заботясь о томъ, пріѣдемъ ли часомъ ранѣе или часомъ позже на мѣсто нашего перваго ночлега. Вотъ наступилъ вечеръ. Проѣхали мы и Сельви; искали было въ городѣ ужина, но, при всемъ настоящемъ оживленіи этого города, ни въ одной гостинницѣ не оказалось ничего съѣстнаго. Выѣхавъ за городъ и минуя лагерь, мы наткнулись на маркитанта изъ евреевъ. За бутылку прокислаго вина онъ взялъ 5 франковъ, за фунтъ тухлой колбасы—4 франка; вмѣсто хлѣба намъ подали какой-то обгрызанный кусокъ полубѣлаго сахара.

Городъ Сельви раскинулся на шировой полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Со стороны Ловчи онъ защищается выстроенными нами батареями и люнетами, довольно симметрически расположенными по обѣ стороны шоссе. Въ ночь съ 15-го на 16-е мы достигли авангарда нашего отряда. Генераль Скобелевъ занимался планомъ обороны своей позиціи на случай наступленія турокъ, но въ пользу своего нападенія на Ловчу онъ пока не высказывался. Когда мы ѣхали на Шипку и когда скобелевскій отрядъ расположился лагеремъ у самого шоссе, въ лагерь явился изъ Ловчи одинъ болгаринъ (портной), который и передалъ между прочимъ, что въ Ловчѣ осталось всего 6 таборовъ (въ таборѣ считаютъ 800 человекъ) низама и тысячи полторы турецкой, нерегулярной кавалеріи при 5 осадныхъ орудіяхъ. Прежде было больше войска, но эти войска были теперь отозваны или въ Плевно, или въ Шипку; болгаринъ въ точности не зналъ, куда именно. Относительно паши, командовавшего ловчинскими войсками, болгаринъ показалъ что это низенькій, сѣденькій старичекъ, чрезвычайно крутаго нрава и притомъ одинъ изъ величайшихъ пьяницъ на свѣтѣ.

Этими словами собственно ограничивались показанія болгарина относительно положенія ловчинскаго гарнизона, затѣмъ всѣ остальные рассказы сводились къ рѣзкѣ болгаръ турецкими баши-бузуками; изъ словъ болгарина можно было заключить, что пьяненькій папа предоставлялъ баши-бузукамъ въ этомъ отношеніи полную свободу дѣйствій. И дѣйствительно, никто такъ не жаловался на кровожадность турокъ какъ жители Ловчи и окрестностей этого города. Здѣсь, въ этомъ районѣ, баши-бузуки свирѣпствовали сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня мы продолжали наше путешествіе. Проѣхавъ деревни Бакрина, Тинова, гдѣ мы оставили за собою послѣдній постъ кавказскихъ казаковъ, только къ вечеру 17-го августа мы спустились въ долину рѣчки Вида. Хотя разстояніе отъ мѣста нахожденія скобелевскаго отряда до береговъ рѣчки Вида было и незначительное, но горная тропинка, по которой мы ѣхали, была до того извилиста и трудно проходима что мы еле-еле подвигались впередъ. Спустившись благополучно въ долину рѣки Вида, переѣхавъ рѣчку въ бродъ, мы прибавили шагу и къ ночи достигли деревни Карасанъ, около которой стояли лагеремъ наши драгуны.

18 го августа мы были въ Порадимѣ, а 19-го рано утромъ раздался первый выстрѣлъ съ нашей батареи укрѣпленнаго лагеря при деревнѣ Сгалевице.

Деревня Порадимъ—было мѣсто пребыванія начальника западнаго отряда, генерала Зотова. Къ сѣверо-западу отъ этой деревни и къ юго-востоку отъ нея расположены вновь выстроенные нами укрѣпленные лагеря. Одинъ помѣщается между деревнями: Пелишатъ и Сгалевице; это лѣво-фланговый лагерь нашихъ позицій; а другой, право-фланговый, находится вправо отъ деревни Порадимъ и идетъ по направленію къ плевно-ловчинскому шоссе, соединяющему Плевно съ Булгарени. Линія этого полукруглаго укрѣпленнаго лагеря, съ деревнею Порадимъ въ центрѣ его, отстоитъ отъ Плевны всего лишь на 8 верстъ. Деревня Сгалевице находится верстахъ въ 4 впередъ деревни Порадимъ и нѣсколько влѣво отъ нея. По другую сторону шоссе, т. е. къ западу, находится Карагачъ-болгарскій, вблизи котораго расположены войска корпуса барона Крюденера и вновь прибывшая изъ Турнъ-Магурелли румынская дивизія. 19-го

августа, въ день атаки турками нашихъ позицій, въ лагерьъ между деревнями Пелишатъ и Сгалевица находилась 16-я дивизія. 30-я дивизія, бывшая подъ командою генераль-лейтенанта Пузанова и находящаяся нынѣ подъ командою генераль-лейтенанта Шлитникова, помѣщалась около самой деревни Порадимъ.

Въ 6 часовъ утра 19-го августа показался пороховой дымокъ на лѣво фланговой батарей лагеря, между Сгалевицею и Пелишатою. Прошло нѣсколько секундъ, — раздался первый выстрѣлъ. Выстрѣлъ поднялъ всѣхъ на ноги.

Штабъ генераль Зотова занималъ крайнюю избу, со двора которой ясно различались всѣ движенія въ передовомъ лагерѣ. Послѣ перваго пушечнаго выстрѣла раздался второй, затѣмъ третій, наконецъ всѣ пять батарей открыли огонь. Мы видѣли, какъ первые выстрѣлы поставили всѣхъ на ноги, какъ передовой лагерь быстро началъ убираться и какъ наконецъ солдаты выстроились въ боевыя колонны. Сначала, признаться, мы думали, что пушечные выстрѣлы вызваны какою нибудь нечаянною стычкой непріятельскихъ разъѣздовъ, но скоро батареи открыли огонь залпами, такъ что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что турки вышли изъ Плевна и атакуютъ наши позиціи. Черезъ 10 минутъ всѣ уже были на ногахъ, всѣ зажили лихорадочною жизнью боеваго часа. Штабъ, 30-я дивизія наскоро убрали свои палатки, обозы приготовились къ выступленію, лазаретные фургоны потянулись по направленію къ деревнѣ Сгалевице, и казаки засновали взадъ и впередъ. Высота балки мѣшала намъ видѣть наступающаго непріятеля, но уже не было никакого сомнѣнія, что турки повели ожесточенную атаку. Осѣдлавъ наскоро коня, я отправился

на мѣсто сраженія; встрѣчаю по дорогѣ перваго раненаго:

— Турки наступаютъ? спрашиваю его.

— Наступаютъ, отвѣтилъ мнѣ раненый въ руку.

— Много турокъ?

— Страсть сколько высыпало на поляну.

Я прибавилъ ходу. Навстрѣчу мнѣ бѣжали испуганные болгары, крестьяне, женщины и дѣти, жители деревни Сгалевице. Нѣкоторые изъ нихъ гнали стада барановъ, другіе тянули за рога упиравшихся буйволовъ; женщины заботились о томъ, чтобы спасти своихъ дѣтей, и вся эта масса бѣжала безъ оглядки по направленію къ деревнѣ Порадимъ. „Гранаты падаютъ въ деревню“, кричали мнѣ болгары, какъ-бы желая предупредить меня отъ несчастія. Я высмотрѣлъ курганъ съ правой стороны отъ мѣста боевой схватки и поѣхалъ по направленію къ нему.

Проѣхавъ съ версту, я уже могъ отчетливо различать завязавшуюся ружейную перестрѣлку. Орудія продолжали стрѣлять залпами, ружейная же перестрѣлка ожесточалась не по часамъ, а по минутамъ. Подъѣзжая къ деревнѣ Сгалевице, я слышалъ и знакомый свистъ пуль: пули перелетали деревню и рѣзко шлепались о землю. Я поѣхалъ рысью и вскорѣ выѣхалъ на курганъ.

Съ праваго кургана находившагося на одной линіи съ нашими батареями, открылся необыкновенно эффектный видъ поля сраженія. Широкая зеленая поляна начиналась у подножія нашихъ батарей и оканчивалась хребтомъ слѣдующей, противоположной горы. На этой возвышенности турки выставили нѣсколько орудій и стрѣляли по нашимъ батареямъ. Въ особенности сильное движеніе я замѣтилъ на правомъ турецкомъ флангѣ. Турецкая кавалерія появилась первою въ виду нашего лагера;

затѣмъ она разсыпалась, и мѣсто ея заняла пѣхота. Турецки повидимому направляли главные силы на нашу лѣвѣй флангъ; болѣе 10 турецкихъ колонъ спускались въ разныхъ пунктахъ въ полномъ боевомъ порядкѣ съ горы на равнину и быстро рассыпались въ цѣпь. На смѣну этихъ колонъ сейчасъ же показывались изъ-за хребта слѣдующія. Только наши гранаты иногда разстраивали колонны турокъ; въ особенности успѣшно дѣйствовала наша крайняя, право фланговая батарея. Клубы порохового дыма поднимались въ воздухъ съзади цѣпи, гдѣ стрѣляла турецкая артиллерія, но огонь въ турецкой цѣпи казался чрезвычайно вялымъ. „Алла!“ раздалось гдѣ-то на флангѣ, но это „Алла!“ прозвучало какъ-то слабо.

Турецкая цѣпь прошла уже половину пути; видно было, какъ очень многіе изъ стрѣлковъ падали и оставались на мѣстѣ, но турки, хотя и вало, но продолжали двигаться впередъ. Наши солдаты начали стрѣлять залпами. Заднихъ турки не выдержали и дрогнули; цѣпь какъ будто остановилась на мѣстѣ. Трескотня пошла ужасная. Показались какіе-то всадники, стали ѣздить по цѣпи и гнать турокъ нагайками. Громкое „Алла!“ раздалось на противоположной балкѣ, показались новые резервы, цѣпь какъ будто оправилась и снова пошла впередъ. Слѣва отъ меня былъ четырехугольникъ, засѣянный высокою кукурузою. Эта кукуруза выходила какъ разъ противъ крайнихъ нашихъ право-фланговыхъ ложементовъ. Видно было, какъ изъ кукурузы начали выскакивать турки (это было уже очень близко отъ ложементовъ), но большинство изъ нихъ падало и выносилось товарищами обратно въ кукурузу. Совершенно неожиданно для нашихъ стрѣлковъ лѣвѣе балки показалась новая цѣпь. Я не успѣлъ оглянуться, какъ эта турецкая цѣпь

побѣжала по кустамъ и заставила дрогнуть нашъ правый флангъ. Наши солдаты уже начали было выскакивать изъ крайнихъ правыхъ фланговыхъ ложментовъ и кидаться въ сосѣдніе но офицеры остановили бѣгущихъ, и турецкая цѣпь была встрѣчена дружнымъ залпомъ; турки начали отступать. Боевая линія растянулася, пули снова засвистали уже очень часто вокругъ моего кургана, и я поторопился уѣхать къ перевязочному пункту.

Я никогда не воображалъ, чтобы турки способны были вести атаку на открытомъ полѣ. Правда, это была какая-то нерѣшительная, боязливая атака, но тѣмъ не менѣе туркамъ удалось на нашемъ правомъ флангѣ побывать въ нашихъ укрѣпленіяхъ. Оставались они въ этихъ укрѣпленіяхъ недолго, но въ концѣ концовъ все-таки турки выдержали 3 атаки и обратились вспять только послѣ третьей отбитой нами атаки, тогда, когда у нихъ были видимо израсходованы всѣ резервы, а съ нашей стороны подошла свѣжая 30-я дивизія. При видѣ нашихъ резервовъ турки начали быстро отступать, оставляя на полѣ сраженія однихъ только убитыхъ, да тѣхъ раненыхъ которыхъ они не замѣчали. Бой продолжался до 4^{1/2} час. по полудни. Больше остальныхъ нашихъ батарей пострадала 2-я съ нашего праваго фланга, гдѣ лошади оказались всѣ убитыми или ранеными.

XV.

Подъ Плевною. — Тревожные слухи. — Паническій страхъ. — Ваятіе Ловчи. — Бомбардировка. — Атака. — Послѣ битвы. — Прогулка на редутъ.

Тревожный слухъ о событіяхъ подъ Плевной прошелъ во время неудачной экспедиціи за Балканами и принялъ

даже угрожающій характеръ, когда Гурко вернулся въ Трновъ и когда первые бѣглецы изъ Ловчи сообщали, что часть арміи Османа-паши завладѣла городомъ Ловчею, который дешево достался намъ во время первыхъ кавалерійскихъ разбѣдовъ нашего авангарда. Полагали, что турки выгнали насъ изъ-за Балкановъ и пробирались изъ Плевны, очевидно, на Трновъ, съ цѣлью отрѣзать шипкинскую армію; такъ, по крайней мѣрѣ, это казалось въ ту минуту, когда у страха были глаза велики. А глаза были велики по двумъ причинамъ: по случаю недостатка энергіи, столь свойственнаго большинству людей, имѣющихъ обыкновеніе увлекаться, ликовать и крикнуть духомъ, когда дѣла идутъ хорошо, и преувеличивать опасность послѣ первой неудачи, и вслѣдствіе того, что такому преувеличенію много способствовали и народная молва, и мысль объ участи тысячей болгарскихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ-за Балкановъ, изъ Ловчи, изъ Плевны и изъ другихъ мѣстъ, занятыхъ турками. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе этихъ несчастныхъ людей было отчаянное. Лишенные крова, безъ всякой собственности, голодные и холодные, они кочевали по дорогамъ между Шипкою и Трновымъ, между Сельви и Габровымъ, подобно цыганамъ; телеги служили имъ навѣсомъ, сырая земля—постелью. Первые неудачи породили въ нихъ чувство сомнѣнія, и, подъ вліяніемъ этого чувства, положеніе ихъ становилось еще ужаснѣе, еще страшнѣе. „Русскій уйдетъ, думали они:—болгарину уйдти некуда; висѣлица впереди и полное развореніе нашихъ полей и родного крова“...

Первые извѣстія о дѣлахъ подъ Плевною принудили меня вернуться обратно изъ Казанлыка. Говорили шепотомъ, какъ будто что-то скрывали; очевидно, была ка-

кая-то тайна, которую можно было проверить только на мѣстѣ. Какъ ни тяжело снова подыматься на Балканы въ жаркое, душное время юля мѣсяца, нужно было ѣхать. Спускаясь съ громадной высоты шипекинской позиціи, дорога снова повела меня вдоль по берегу рѣчки Янтры.

Главная квартира оставалась еще въ Трноуѣ, когда я сѣѣшилъ уже идти Плевну.

— Торопитесь, говорили мнѣ въ главной квартирѣ:— иначе опоздаете къ побѣдѣ. Въ побѣдѣ никто не сомнѣвался, и первый случай подъ Плевною съ дивизіею Шильдеръ-Шульднера объясняли простою случайностью. Мнѣ передали, между прочимъ, что въ настоящее время около Плевны сосредоточились два корпуса: барона Криденера и князя Шаховскаго. Но странное дѣло: когда я, ранѣе того, сѣѣшилъ идти подъ Плевну за Балканы, главная квартира имѣла самыя смутныя свѣдѣнія о томъ, что творится подъ Плевною и подъ Никополею. Сѣѣю заключать это изъ того, что, когда я прибылъ въ Трноуѣ, на меня посмотрѣли, какъ на перваго вѣстника событій изъ-подъ Никополя. Мнѣ задавали вопросы о томъ: когда баронъ Криденеръ намѣренъ брать Никополь? что дѣлаетъ бригада полковника Тутолмина? и т. д. По возможности, я отвѣчалъ на всѣ вопросы, сообщалъ перенесенныя мною содержанія турецкихъ писемъ, рассказывать какъ изъ Плевны являлись два болгарина, которые передавали намъ, что въ Плевнѣ нѣтъ турокъ, и подивился когда мнѣ сказали, что турки въ Плевнѣ оказались въ такомъ количествѣ, что нужны были сосредоточивать, цѣлые два корпуса для вторичной атаки этихъ позицій. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Булгарени, послѣдовавшаго вслѣдствіе слуховъ о взятіи Трнова и движенія за Балканы, пришло извѣстіе, на другой день моего прибы-

тія въ Трнѣвъ, что Никополь взять девятымъ корпусомъ. Что же случилось съ Плевною? Какимъ образомъ Шильдеръ-Шульднеръ могъ потерпѣть неудачу?

Не знаю, доводилъ ли полковникъ Тутолминъ до свѣдѣнія своего корпуснаго командира извѣстіе, привезенное болгарами изъ Плевны, но извѣстенъ только тотъ фактъ, что кавказская бригада снялась изъ деревни Булгаревъ и, вмѣсто того, чтобы слѣдовать на югъ, хотя-бы въ Плевну, она послѣдовала на сѣверо-западъ, подъ Никополь. Рѣшительно не могу объяснить себѣ и другимъ, какими мотивами руководствовалась кавказская бригада, слѣдуя къ Никополу? Извѣстно, что при взятіи такихъ крѣпостей, какъ Никополь кавалерія не могла имѣть никакого значенія; весь успѣхъ дѣла зависилъ всецѣло отъ пѣхоты. Вѣроятно, полковникъ Тутолминъ, руководствовался въ этомъ случаѣ чувствомъ личнаго любопытства и желаніемъ раздѣлить долю участія при взятіи Никополя, послѣ котораго ожидались награды. Можетъ быть, найдутся защитники такого маневра полковника Тутолмина и скажутъ мнѣ, что кавалерія была необходима при взятіи Никополя и, какъ на доказательство этой необходимости, сошлутся на примѣръ отступленія изъ Никополя, послѣ побѣды, по дорогѣ въ Видинъ, нѣкоторой части турецкой пѣхоты, которую каваллеристы должны были преслѣдовать. Этотъ случай былъ дѣйствительно ночью, послѣ взятія Никополя, когда эта часть пѣхоты совершенно случайно наткнулась на лагерь кавказской бригады и произвела неожиданную тревогу. Но я позволю себѣ замѣтить, что этотъ случай ничего еще не доказываетъ, такъ какъ кавказская бригада, разбуженная турками, вовсе не преслѣдовала отступавшихъ въ эту ночь турокъ, а когда наступилъ разсвѣтъ, турецкіе слѣды были уже потеряны.

Послѣ взятія Никополя, въ ночь съ 7-го на 8-е іюля, командиръ 5-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, отдѣлился отъ 9 корпуса и двинулся съ пятой бригадой, 1-й, 2-й, 4-й и 5-й батареями, 1 ротой 5-го сапернаго батальона на городъ Плевну. Способъ движенія какъ нельзя болѣе подтверждаетъ предположеніе начальствующихъ лицъ, что Плевна должна быть свободна отъ турокъ. Генераль двинулся, вопреки правиламъ военной тактики, не сдѣлавъ никакой предварительной рекогносцировки. Предположенія начальства, если они только были, оказались не вѣрными. Османъ-паша уже воспользовался временемъ занятій нашихъ войскъ подъ Никополемъ и занялъ высоты Плевны. Генераль Шильдеръ-Шульднеръ полагалъ достигнуть съ одной бригадой въ село Вербица черезъ Бестемницу, и если будетъ возможно, то и до Палаца; костромскому же полку было приказано двинуться въ этотъ же день до Сталупера, донскому казачьему № 9 полку — слѣдовать по большой дорогѣ до селенія Черкасса, а кавказской бригадѣ до Тученицы. Слѣдуя этому маршруту, пѣхота генераль-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера совершенно неожиданно наткнулась на чрезвычайно сильныя позиціи, въ небольшомъ разстояніи, не доходя до города Плевны. Очевидцы рассказывали, что это было такъ:

— Эй ты, молодецъ! сказалъ кто-то изъ начальства казаку, когда бригада уже подходила къ Плевнѣ:—сѣзди-ко впередъ, посмотри—нѣтъ ли тамъ гдѣ-нибудь ключевой воды, около которой можно было бы переночевать бригадѣ.

Казакъ поѣхалъ впередъ и, не доѣхавъ до источника, вернулся обратно и сказалъ:

— Да тамъ турки воду черпають.

— Какіе турки?.. что ты вздоръ городишь?

— Ей-богу, турки, извольте посмотреть.

Поѣхали, посмотрѣли—видятъ: дѣйствительно—турки.

Не предполагая значительныхъ силъ непріятеля, наша пѣхота была пущена въ бой съ турками, но достаточно было сдѣлать первый натискъ, чтобы обнаружилась громадная турецкія силы, расположенныя на замѣчательно сильныхъ позиціяхъ, на отдѣльныхъ холмахъ, охраняемыхъ оврагами, лощинами, голыми спусками и такими-же подъемами. Превосходство турецкихъ силъ обнаружилось, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Мы потеряли 20 штабъ и оберъ-офицеровъ (въ томъ числѣ двухъ полковыхъ командировъ), 1,244 нижнихъ чиновъ убитыми и одного бригаднаго генерала, 46 штабъ и оберъ-офицеровъ и 1,574 нижнихъ чиновъ ранеными. Убѣдившись въ значительной силѣ противника, мы прекратили атаку и начали поджидать новыхъ подкрѣпленій.

Баронъ Криденеръ донесъ въ главную квартиру о значительности турецкихъ силъ, занявшихъ Плевну, выразивъ мнѣніе, что съ его наличными силами атака повторять невозможно. Въ это время, по дорогѣ отъ Систова въ Трновъ находился корпусъ князя Шаховскаго, ожидая дальнѣйшаго маршрута. Главный штабъ направилъ этотъ корпусъ въ помощь барону Криденеру и предпринялъ вторично атаковать Плевну. Англійскіе корреспонденты, какъ извѣстно, послѣ вторичной неудачной атаки, оправдывали барона Криденера на томъ основаніи, что онъ считалъ силы даже двухъ корпусовъ недостаточными для того, чтобы сбить непріятеля съ его плевненскихъ позицій и въ этомъ смыслѣ дѣлалъ донесенія въ главную квартиру. Но главная квартира приказала атаковать, и барону Криденеру ничего больше не оста-

валось дѣлать. Я не буду отрицать факты, которые мнѣ не извѣстны, но скажу, что ошибка барона Криденера заключалась вовсе не въ томъ, что онъ атаковалъ Плевну по приказанію главной квартиры, а въ томъ, что онъ приступилъ къ атакѣ, ограничиваясь свѣдѣніями о положеніи непріятеля, почерпнутыми изъ прошлаго, горькаго опыта Шильдеръ-Шульднера, имѣющаго характеръ неудачной рекогносцировки и не выяснилъ предварительно въ точности всѣ необходимыя подробности положенія арміи Османа-паши. Прежде, чѣмъ приступить къ вторичному бою, баронъ Криденеръ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ онъ объявилъ собравшимся генераламъ о повелѣніи взять Плевну, замѣтивъ при этомъ, что задача занятія Плевны, прекрасно защищенной турками, далеко не легкая и что взятіе этого города будетъ имѣть большое вліяніе на общій ходъ настоящей кампаніи. Барономъ Криденеромъ была издана диспозиція, которая объяснила расположеніе войскъ до начала боя; не сдѣлавъ рѣшительно никакихъ указаній относительно предстоящихъ дѣйствій каждой отдѣльной части, согласно съ общимъ и частнымъ расположеніемъ непріятеля, его батарей, укреплений и т. д. Въ этомъ документѣ не было обозначень также пункта отступленія, такъ какъ отступленія собственно не полагалось; силы-же непріятельскія высчитывались въ ту минуту отъ 40 до 50,000. Слѣдуетъ замѣтить, что большинство нашихъ войскъ отстояло отъ непріятельскихъ позицій на болѣе или менѣе далекомъ разстояніи, въ смыслѣ пониманія пункта, съ котораго можно было бы начать атаку.

Наступило утро 18-го іюля. Бой начался артиллерійскимъ огнемъ.

Около пяти часовъ вечера, я достигъ деревни Булга-

рени. Двухдневное верховое путешествие из Трнова съ раннего лѣтнаго разсвѣта до поздней ночи, веркомъ на лошади, утомило меня ужасно; голодь давала о себѣ знать какъ нельзя болѣе. Моя тѣлая лошаденка еде-еле передвигала ноги. Я ѣхалъ по дорогѣ въ Плевну.

Слышу: выстрѣлъ!.. орудійный выстрѣлъ по направлению къ Плевнѣ! Началось или кончается?.. Въ такія минуты сердце сильно бьется. Я ѣхалъ рысью, торопился, а мракъ быстро пелемалъ окрестныя деревни, далекія горы, передніе курганы и кое-гдѣ небрежно раскинувшуюся растительность. Выстрѣлы повторялись часто. Хотѣлось кого-нибудь встрѣтить, спросить. Вотъ летитъ казакъ карьеромъ на встрѣчу; нагайка гуляетъ по спинѣ его донскаго жеребца.

— Сраженіе началось?

— Иде-е-тъ!

— Какъ дѣла?

— Мно-о-го легло! быстро проскакалъ онъ назадъ.

— Кого?

— Нашихъ! уже чуть-чуть глухимъ эхомъ донеслись роковыя слова.

„Нашихъ“ кольнуло прямо въ сердце, и во мракѣ темнаго горизонта, въ область котораго я вѣбжалъ, вдругъ обрисовался страшный силуэтъ смерти, косившій направо и налѣво живыхъ людей, безъ разбора ихъ лѣтъ, положеній, привязанностей, долга и обязательствъ.

Я миновалъ еще 15 верстъ, и лошадь окончательно отказалась идти. Обозъ попался по дорогѣ. Онъ стоялъ въ сторонѣ на ночлегѣ. Я притенулъ къ нему, въ ожиданіи разсвѣта. Выстрѣлы продолжались.

— Наши отступаютъ! громовымъ ударомъ пронеслось по лагерю передъ разсвѣтомъ. И по дорогѣ изъ Плевны

въ Систово уже неслись какіе-то обозы. Тутъ былъ новый транспортъ раненныхъ, тутъ были ящики со снарядами, просто какіе-то тележки—и все это летѣло, перегоняя другъ друга безъ порядка и безъ оглядки. Сила паническаго страха гнала этихъ людей!.. Долженъ вамъ сказать, что я не знаю ничего ужаснѣе этого паническаго страха. Онъ порождается при извѣстныхъ условіяхъ, подобныхъ настоящимъ, часто безъ всякой разумной причины, въ силу бѣшеннаго крика одного безумца, ни съ того, ни съ сего, вдругъ произнесшаго хотя бы просто имя непріятеля. „Запрягать!“ пронеслось по рядамъ стоявшаго въ сторонѣ обоза, и не прошло двухъ минутъ, какъ всѣ эти сотни стоявшихъ повозокъ вдругъ стремительно кинулись къ дорогѣ въ Булгарени. Одна перегоняла другую, колесо задѣвало за колесо, фургоны валились въ канавы; бѣгущая масса становилась пестрѣе и разнообразнѣе. Конные ѣхали рысью, пѣшіе старались забраться на повозки. Отступившая изъ подъ Плевны артиллерія перемѣшалась въ массѣ разнообразныхъ фургоновъ. Пѣхотныя части шли въ разсыпную; одинъ шелъ пѣшкомъ, другой велъ по три лошади, и никто не могъ отдать себѣ отчета о томъ, что творится въ тылу, тамъ повади, подѣ Плевною.

— Гдѣ ваша лошадь, батюшка?

Священникъ бѣжалъ, подобравши рясу.

— Пропала; я самъ-то чуть-чуть баши-бузукамъ не попался.

— Скажи мнѣ, родимый, почему отступаютъ?

— Турки!.. всѣ отступаютъ!

Страхъ клеймѣтъ бѣгунца. Ему хочется, чтобы всѣ отступали вмѣстѣ съ нимъ. Но отступала одна только дивизія генерала Пузанова.

— Гдѣ же турки?

— За нами бѣгутъ, близко! Ваши-бузуковъ впередъ пустили.

— Гдѣ турки?

— Говорятъ, близко!.. право, не знаю! отвѣчаетъ офицеръ.

— Тамъ! совершенно неопредѣленно махнулъ солдатъ рукою куда-то въ сторону.

— Ихъ не видать совсѣмъ!

— Сунься, такъ увидишь! кричитъ мнѣ кто-то въ отвѣтъ.

Вотъ ѣдетъ карета. Въ каретѣ сидитъ генералъ Пузановъ.

Все, что бѣжало сосредоточилось у моста, у деревни Булгарени. Перейхавъ мостъ, я встрѣтился съ Пузановымъ. Высокая фигура очень стараго генерала стояла, закинувъ руки назадъ, и смотрѣла на отступление. Узнавъ, что я—корреспондентъ, онъ молча указалъ мнѣ на картину дѣйствительности и... заплакалъ.

— Скажите мнѣ, обращался я ко многимъ потомъ:— почему все это случилось?

— Одинъ у друго хотѣлъ вырвать побѣду, отвѣчали мнѣ, а когда пришла критическая минута, они не поддерживали другъ друга.

Это говорила желчь.

Такъ объяснили вторичную неудачу подъ Плевною въ арміи. Во всякомъ случаѣ, если это такъ, то это была одна изъ побочныхъ причинъ. Главная заключалась все-таки въ томъ, что мы сунулись въ воду, не спросившись броду.

Положеніе вещей усложнилось. Главная квартира перешла въ Горный Студень. Плевна сосредоточила на себѣ вниманіе всей Европы. Духъ турецкаго войска возрастать. Духъ нѣкотораго унынія поселился въ рядахъ нашей арміи. Сулейманъ-паша началъ ожесточенныя атаки на шипкинскую позицію. Съ шипкинскихъ высотъ понеслись тревожные слухи. Недостатокъ численности нашей арміи вышелъ наружу. Отдѣльныя бригады и полки разсылались съ мѣста на мѣсто, съ позиціи на позицію, за неимѣніемъ достаточныхъ резервовъ. Корпуса дивизіи, бригады — все это перепуталось. „Мало войска“, говорили всѣ въ арміи, и въ этомъ недостаткѣ усматривалась единственная причина постигшихъ неудачъ, по мнѣнію лицъ, близко стоявшихъ къ главной квартирѣ. Насколько это мнѣніе выдерживало критику, можете судить сами. Начали искать виновниковъ. Всякому хотѣлось найти виновника. Слышались громкія обвиненія на бывшаго константинопольскаго посланника Игнатьева, по мнѣнію котораго, будто бы, наличныхъ силъ было достаточно для того, чтобы начать войну. Явилась потребность въ помощи. И вотъ тѣ самые румыны, про которыхъ мы ironically говорили: „слышите: онѣ хотятъ придти къ намъ на помощь!“—эти самые румыны дѣйствительно пришли къ намъ на помощь, и эта помощь была дорога для насъ въ ту минуту, когда гвардіи еще не было, когда задумали еще одну, новую, третью атаку и когда нужно было рѣшать, будемъ ли мы воевать зимою, или мы кончимъ войну подъ конецъ глубокой осени?

Мы стянули подъ Плевну все, что только могли стянуть въ то время. Войска подъ Плевною получили названіе: „западной арміи“. Генераль Зотовъ вступилъ на мѣсто начальника „западной арміи“, но чувство собственнаго

достоинства заставило румынъ снять отъ него это высокое званіе, и дипломатія показала, что его слѣдуетъ передать князю Карлу румынскому.

„Лишь бы кончить“, думали мы.

Слѣдующій періодъ войны былъ періодомъ полного застоя. Мы сводили итоги. Всякая новая неудача вызвала въ арміи критическое отношеніе къ ея причинамъ. Вторая неудача объяснялась недостаткомъ рекогносцировки и отсутствіемъ подготовки атаки артиллерійскимъ огнемъ. Сущность заключалась вовсе не въ этомъ. Въ основаніи неудачъ лежали другія, болѣе глубокія причины. Съ горяча онѣ, конечно, не могли придти въ голову. Самая существенная причина заключалась въ общихъ причинахъ всѣхъ нашихъ неурядицъ: военныхъ, гражданскихъ, земскихъ, какихъ хотите! Подобно тому, какъ въ земскомъ дѣлѣ во главѣ новой реформы встали старые люди — такъ это было и въ арміи. Что общаго были старые люди, старые ученики съ новою наукою, съ новыми усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ? Пришла пора дѣйствовать на основаніи этихъ новыхъ правилъ, и эта пора оказалась порою учебнаго курса людей, воспитанныхъ на основаніи старыхъ правилъ. Главное зло, тормозящее всякій прогрессъ заключается именно въ томъ, что общество слишкомъ мало вѣритъ въ молодыя силы. Что можетъ быть надежнѣе, честнѣе, энергичнѣе, умнѣе и сильнѣе молодого поколѣнія? Но, по смыслу существующихъ военныхъ отношеній, молодое поколѣніе равняется нулю. Да и въ нѣдра-то современнаго молодого поколѣнія закрадываются элементы отжившихъ традицій. Говорятъ, что артиллеристы дѣйствовали плохо, что наша кавалерія плохо зарекомендовала себя въ прошлую кампанію. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ, это

было странно: послѣ второй атаки мы насчитывали болѣе десяти тысячъ убитыми и ранеными въ пѣхотныхъ частяхъ, между тѣмъ какъ въ артиллеріи и въ кавалеріи убитые и раненые были самымъ рѣдкимъ исключеніемъ. Въ сущности, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Послѣ первыхъ неудачъ, мало-по-малу, начали обнаруживаться нравственные болѣзни нашей арміи, и самый существенный недостатокъ обнаружился въ системѣ общихъ порядковъ, въ условіяхъ службы, въ обстановкѣ, ея и въ воспитательной системѣ.

Генералъ Зотовъ, вступивъ въ новую должность, прежде всего энергично принялся за рекогносцировку мѣстности, обративъ особенное вниманіе на предстоящую роль артиллеріи. Въ штабѣ генерала Зотова, признававшего недостаточность наличныхъ силъ для новой атаки плевенскихъ позицій (обстоятельство довольно важное для тѣхъ кто неосновательно обвиняетъ Зотова), высказывалось мнѣніе въ пользу предварительной атаки Плевны, на случай необходимости ея, а потомъ уже и Ловчи, между тѣмъ какъ предварительное взятіе Ловчи обезпечивало за нами Сельви, Трновъ, отрѣзывало путь могущаго быть на Ловчу отступленія Османа-паши, въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, давало намъ возможность сосредоточить больше силъ подъ Плевной и могло, во всякомъ случаѣ, благопріятно отразиться на духѣ нашего войска пришедшаго въ нѣкоторое уныніе.

Такъ и рѣшили. Былъ сформированъ отрядъ, поступившій подъ команду молодаго генерала Скобелева 2-го. Судьба свела этого генерала съ опытнымъ ташкентскимъ героемъ, очень серьезнымъ человѣкомъ, образованнымъ офицеромъ генеральнаго штаба, капитаномъ Курокаткинымъ. Это было слитіе двухъ противоположныхъ харак-

теревъ: горячаго и хладнокровнаго, въ одно храброе, отважное, молодое цѣлое. 11-го августа, вновь сформированный отрядъ сосредоточился на лѣвомъ флангѣ зотовской „западной арміи“, противъ Ловчи, у деревни Уаглау, и рано утромъ выступилъ съ мѣста своей стоянки на ловче-сельминское шоссе. Движеніе этого отряда было обходное. Совершаемое въ виду непріятеля, было опасное, и во всякомъ случаѣ крайне дерзкое. Приходилось перейти рѣчку и войти въ горы, среди которыхъ Скобелеву предстояло пробираться съ артиллеріей по проселочной, трудно проходимой дорогѣ, круто взбирающейся на высоты среди узкаго ущелья, вдоль ручейка, между двумя крутыми возвышенностями. Ловчинскіе турки оставались на правомъ флангѣ движущагося отряда Скобелева; слѣдовательно, усмотрѣвъ движеніе этого отряда, они имѣли полную возможность ударить ему во флангъ или просто отрѣзать Скобелева прежде, чѣмъ онъ достигнетъ самого шоссе. Съ цѣлью предупрежденія возможности нападенія турокъ, Скобелевъ выслалъ кавказскую казачью бригаду въ авангардъ, предписавъ ей подойти ближе къ Ловчѣ. День былъ жаркій до невозможности. Солдаты шли безъ ранцевъ, которые везли на подводахъ, вследствие чего обозъ растянулся на нѣсколько верстъ и замедлилъ движеніе отряда. Артиллерія двигалась съ громадными трудностями по горной дорогѣ, мѣстами обращавшейся въ горную тропинку, нависавшую между горами дикаго камня. Разстояніе отъ деревни Уаглау до шоссе хотя и незначительное, но такой трудный путь возможно было совершить только въ двое сутокъ. 12-го августа, къ вечеру, отрядъ занялъ позицію вблизи деревни Себрія, какъ разъ по обѣимъ сторонамъ шоссе, соединяющаго Ловчу съ Сельви.

Замѣчено, что во время подобныхъ движеній многие офицеры пѣхоты, двигаясь походнымъ порядкомъ, не знаютъ, куда идти, и черезъ какія деревни они проходить. Карта театра войны между ними — рѣдкость. Солдаты, растягиваясь, отходятъ въ сторону отъ дороги, пьютъ всякую встрѣчную воду, ѣдятъ незрѣлые плоды, и на все это обращалось очень мало вниманія. Отсталые подтягивались обыкновенно къ ночлегу еще ночью. Предпріимчивая непріятельская кавалерія могла бы, такимъ образомъ, порубить многихъ. Останавливаясь на ночлегъ или привалъ, пѣхотинцы имѣли обыкновеніе отправляться партіями или поодиночкѣ, часто безоружными, за нѣсколько верстъ отъ расположенія частей, подъ предлогомъ закупки скота и фуража. Бывали случаи, когда ихъ рубили черкесы.

Отрядъ Скобелева занялъ новую позицію. Съ Шинки пришли извѣстія о наступленіи Сулеймана-паши. Не будемъ останавливаться на этихъ атакахъ; защита Шинки Радецкимъ достаточно знакома читателямъ по газетнымъ описаніямъ. Замѣтимъ только, что, при тогдашнемъ положеніи вещей, при недостаткѣ войска и при тогдашнемъ стратегическомъ расположеніи его — защита Шинки не имѣла никакого значенія. Чисто политическія соображенія заставляли насъ защищать эту позицію и оттягивать туда большія силы. Я передаю со словъ специалистовъ, офицеровъ генеральнаго штаба, отъ которыхъ мнѣ приходилось слышать подобное мнѣніе.

19-го августа, генералъ Скобелевъ повелъ атаку на Ловчу.

Городъ Ловча стоитъ въ ущельѣ. Его окаймляютъ возвышенности, среди которыхъ „рыжія горы“ представляли собою самую сильную позицію. Вообще позиція ту-

рокъ была сильна, вслѣдствіе открытости мѣстности, по которой приходилось наступать, пересѣчки этой мѣстности рѣкою Осьмою и глубокимъ оврагомъ и вслѣдствіе крутого подъема на турецкія укрѣпленія. Вотъ, видна опушка садовъ, окаймляющихъ рѣку Осьму; тамъ далѣе тянется поляна. На полянѣ видна мельница, окруженная нѣсколькими деревьями — единственное убѣжище для передышки во время наступленія, а тамъ, еще далѣе высился редуть — убѣжище турокъ, а передъ нимъ рядъ ружейныхъ ложементовъ.

Скобелевъ объѣхалъ войско. — „Съ Богомъ!“

Впереди двинулся К—ій пѣхотный полкъ. Турки открыли огонь при первомъ движеніи нашихъ войскъ. Приблизясь къ сферѣ непріятельскаго огня, полкъ потянулся по опушкѣ садовъ рѣки Осьмы, дошелъ до удобнаго мѣста для переправы черезъ рѣку, и вотъ видно, какъ отдѣльные люди стали выходить на открытую долину р. Осьмы. За однимъ идетъ другой, третій, вотъ, наконецъ, сотни людей показались въ одиночку. Начинается уронъ. По всему пространству наступленія люди уподобляются мухамъ, которыя только-что поднялись съ отравленной тарелки, летять, и падаютъ отъ вліянія яда. Одни перебѣгаютъ поляну однимъ духомъ, бѣгутъ прямо къ мельницѣ, другіе ложатся за небольшими грядами гальки, образованной теченіемъ воды. Толпа солдатъ растетъ у мельницы довольно быстро; шеренга лежащихъ за грядами становится все гуще и гуще. Солдатскія груди тяжело дышать, во рту у нихъ сохнетъ, духъ захватываетъ отъ волненія, хочется выпить воды — манерки пусты! Проводя полкъ мимо ручья, никто не догадался приказать набрать имъ воды. Толпа около спасительной мельницы возрасла въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Лежащіе за

грядами замѣтили, что они начали терять отъ огня; передніе оглянулись на заднихъ и видятъ, что перенгаль сгустилась, болѣе храбрые бросились къ мельницѣ.

— Не туда повели, замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Куда же нужно было вести?

— Стоило подвинуться далѣе, садами, пройти, вотъ видите, той окраиной города и выйти къ той же самой мельницѣ.

Офицеръ говорилъ правильно; разница была бы въ томъ, что, вмѣсто хорды, пришлось бы описать дугу.

Около мельницы раздался бой наступленія. Офицеръ, верхомъ на лошади, рванулся впередъ. Это былъ полковой командиръ. За нимъ двинулись нѣсколько солдатъ, но, замѣтивъ, что товарищи стоятъ на мѣстѣ, вернулись назадъ и эти.

— „Ура!.. Впередъ!..“ напрасно кричалъ молодой офицеръ, окришнимъ голосомъ, махая саблею. Толпа еще не была расположена идти за нимъ, и юноша, выбѣжавъ съ нѣсколькими солдатами впередъ, не успѣлъ пробѣжать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ уже убитъ. Его солдаты, частію были перебиты, частію залегли въ придорожную канаву.

Ахъ, какъ трудно рѣшиться идти впередъ въ ту минуту, когда тысячи пуль, сотни гранатъ свистятъ, режутъ и ломаются вдоль по всему пространству! Стоять остановиться на одну минуту для передышки, чтобы мозгъ сейчасъ же подѣйствовалъ на чувство самосохраненія и чтобы человѣкъ поддался влиянію какой-то страшной силы, такъ вотъ и оттягивающей его отъ риска движенія впередъ. Отъ этого чувства никто не избавляется. Но стоять только забыться хотя бы на секунду, рвануться впередъ, и опять-таки невольно поддаетесь вы влия-

нью такой сильной ажитации, что васъ можетъ остановить одна только жѣткая пуля, шальной осколокъ гранаты да холодная сталь штыка, вонзеннаго въ открытую грудь!

Толпа отдохнула. Эмоція отъ первой перебѣжки прошла, толпа готова была двинуться впередъ. Нѣсколько храбрѣйшихъ изъ офицеровъ перебѣжали 50—60 шаговъ, частью стали за деревья, частью легли на землю. Толпа бросилась за ними въ одиночку и кучками. До непріятеля оставалось еще полторы тысячи шаговъ. Всюду сыпался свинцовый градъ, но ажитация была уже настолько сильна, что эти пули не могли остановить наступленія. Сзади подходили товарищи по полку, правѣ бѣжали съ двумя офицерами люди стрѣлковаго батальона, лѣвѣ двинулась извивавшееся лентою стрѣлковая рота, еще лѣвѣ были видны густыя массы строящихся для боя войскъ. Каждый оглядывался, видѣлъ эту массу своихъ, видѣлъ близость поддержки, и вѣра въ успѣхъ росла въ сердцахъ каждого. Люди претерпѣлись къ выстрѣламъ. Они лѣзутъ, уже не пользуясь мѣстными укрѣпленіями. Нѣсколько всадниковъ-офицеровъ скакало между наступающими. Молодецъ-командиръ ободрялъ солдатъ. Но вотъ одинъ всадникъ пошатнулся и упалъ съ лошади мертвымъ. Это былъ адъютантъ л—скаго полка, принявшій участіе въ атакѣ к—цевъ. Другой всадникъ командиръ батальона, покотился на землю вмѣстѣ своею лошадью. Тамъ и сямъ падаютъ и стонутъ солдаты, падаютъ офицеры, но это уже не можетъ остановить наступленіе.

Но вотъ, пробѣжавъ шаговъ семьсотъ отъ мельницы, солдаты неожиданно наткнулись на глубокій оврагъ, съ обрывистыми берегами. Первые остановились; произошло

смятеніе, которое сейчас-же стоило жертвъ. Нѣсколько раненныхъ упали въ воду и утонули. Но болѣе хладнокровные отыскиали относительно возможный спускъ и частью сползали, частью скатывались внизъ. Вода, при довольно сильномъ теченіи, оказалась по поясъ. Рѣчку перешли и начался самый трудный маневръ, подъемъ на крутую гору. Все было пущено въ ходъ: плечи товарищей, воткнутыя ружья, толстыя жерди и скоро нѣскольکو сотъ человѣкъ были уже на той сторонѣ оврата. По мѣрѣ приближенія къ туркамъ, огонь становился менѣе смертоноснымъ. Непріятель поколебленъ. Турки бросили свои ложементы и бѣжали. Это придадо нашимъ новыя силы. „Ура!“ стало громче и громче. Добѣжавъ до линіи первыхъ ложементовъ, наши пріостановились и заняли ихъ. Турки стрѣляли, положивъ ружья на скатъ бруствера и не высовывая головы, т. е. не цѣлясь. Наши крикнули: „ура!“ и снова бросились впередъ. Вторая линія траншей уже близка! Вотъ, вотъ сейчасъ начнется рукопашная схватка, но... нѣтъ! Турки бѣжали частью въ редутъ, частью на дорогу въ Мидре. Въ редутъ происходила суета. Вотъ показались изъ него нѣсколько группъ всадниковъ. „Орудія увозятъ! раздались крики солдатъ, и прелесть ощущенія побѣды охватила нашихъ всѣми силами человѣческихъ впечатлѣній. Увѣренные въ побѣдѣ, мы сдѣлали послѣднее усиліе. Со всѣхъ сторонъ солдаты и офицеры карабкались на брустверь редута въ одиночку. Толпа обѣжала редутъ съ выхода и загородила дорогу туркамъ, имѣвшимъ намѣреніе отступать. Внутри шло избіеніе сопротивлявшагося непріятеля. Уголъ редута между брустверомъ и траверсами у выхода былъ заваленъ горою труповъ и живыхъ людей, лежавшихъ другъ на другѣ рядами. Одинъ изъ офицеровъ, ворвавшійся изъ

первых скромно стоялъ въ углу редута. Солдаты принялись разбирать кучу своихъ и непріятелей, отдѣляя живыхъ отъ мертвыхъ. Изъ кучи, въ углу редута, было вытасчено легко раненыхъ и совсѣмъ здоровыхъ турокъ 103 человекъ.

Смерть ближняго иногда поразительно дѣйствуетъ на обаяніе человека въ минуты атаки. Во время атаки Ловчи былъ убитъ одинъ батальонный командиръ N—го полка. Это случилось въ тотъ моментъ, когда солдаты и офицеры легли, а къ нимъ подходили другія части. При видѣ умирающаго командира, слышались крики: „полковника убили!“ Кучка людей бросилась назадъ. Товарищи, увидя полковника въ крови и слыша крики, подхватили ихъ, бросились за своими. Громаднаго труда стоило остановить солдатъ и двинуть впередъ. Отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, за пятьсотъ сажень до непріятеля, люди запыхались. „Ура!“ только изрѣдка вырывалось изъ охрипшихъ грудей, и тотъ страшный эффектъ, подавляющій непріятеля, когда масса наступающихъ людей крикнетъ свое громкое „ура!“ за сто, за двѣсти шаговъ отъ непріятеля—было уже потеряно.

Атака Ловчи принадлежитъ къ числу блистательныхъ атакъ прошлой кампаніи, хотя она и стоила большихъ жертвъ съ нашей стороны.

Но и первая удачная атака обнаружила собою существенные недостатки организаціи арміи. По замѣчанію специальныхъ людей, отрядамъ генераловъ Скобелева и Имеретинскаго надлежало взять сильно укрѣпленный лагерь сначала подъ г. Ловчею и, затѣмъ, дѣйствовать, подъ Плевной, на самое чувствительное мѣсто расположенія противника—на его правый флангъ, отъ котораго отходить путь отступленія къ Софіи. Отчего не приняли уча-

стія въ этихъ дѣйствіяхъ саперныя войска? Отчего при войскахъ не было ни одного сапернаго офицера и, наконецъ, гдѣ же наши спеціалисты? Вотъ вопросы, на которые никто не умѣлъ отвѣтить, хотя всякій съ убѣжденіемъ и утверждалъ, что присутствіе достаточныхъ саперныхъ частей въ отрядѣ спасло бы жизнь сотнямъ, если не тысячамъ солдатъ. Впослѣдствіи, во время атакъ на „зеленыхъ горахъ“, 29-го августа, надо было тотчасъ приступить къ устройству ложементовъ, и тутъ оказалось, что полкъ пришелъ на позицію безъ шанцевыхъ инструментовъ потому что нѣтъ солдатъ, наступаая въ жаркое время года—первымъ дѣломъ для облегченія себя, бросаетъ лопату, топоръ, затѣмъ слѣдуетъ шинель, и наконецъ, мѣшокъ съ сухарями. Спеціальныхъ инженерныхъ частей въ арміи было совершенно недостаточно.

Рекогносцировка подъ Плевной близилась къ концу. Румынія вошла въ составъ „западной арміи“. Мы назначили третью атаку на Плевну на 30-е августа.

Артиллерія плохо дѣйствовала въ прошлую атаку. Нужно было такъ сдѣлать, чтобы артиллерія дѣйствовала хорошо, чтобы она, такъ сказать, подготовила атаку. Мудрено было дѣйствовать нашей артиллеріи лучше турецкой, такъ какъ у турокъ были лучшія орудія, но она могла, во всякомъ случаѣ, дѣйствовать лучше прошлаго раза. Съ этою цѣлью ей даже рассказали анекдотъ про Фридриха Великаго. Когда Фридриху объявили: какъ тяжело рубить непріятеля, „потому что у него мечъ длиннѣе нашего“, то Фридрихъ отвѣтилъ: „приблизтесь къ непріятелю на столько ближе, насколько мечъ его длиннѣе“ и тогда шансы у васъ будутъ равны“. Мы усилили ар-

тиллерію привозомъ двадцати осадныхъ орудій, воздвигли громадныя батареи сосредоточили болѣе 200 орудій, вмѣстѣ съ румынскими, собрали все войско, какое могли, болѣе 100 батальновъ, исключая кавалеріи и позаботились, въ тоже время, собрать почти весь медицинскій персоналъ арміи, съ покойнымъ княземъ Черкасскимъ во главѣ.

26-го августа начались дѣйствія.

Но прежде всего позвольте васъ познакомить въ общихъ чертахъ съ мѣстностью и съ положеніемъ непріятеля. Турецкія позиціи расположены на отлогихъ, холмистыхъ высотахъ, окружающихъ городъ Плевну съ юго-восточной, восточной, сѣверо-восточной, сѣверной стороны.

Высота этихъ горъ растетъ по мѣрѣ ихъ протяженія съ юга на сѣверъ и достигаетъ наибольшаго возвышенія противъ деревни Гривицы, гдѣ и былъ построенъ большой редутъ. Всѣхъ редутовъ, воздвигнутыхъ турками, я считывалъ болѣе десяти. Въ трехъ центральныхъ пунктахъ были построены четырехъ-угольныя укрѣпленія, турецкіе лагери; каждый редутъ соединялся съ другимъ глубокимъ и широкимъ прикрытымъ путемъ; такіе же крытые пути были расположены вдоль всей линіи зигзагами отъ одного передняго редута къ слѣдующему заднему, такъ какъ они были построены не въ одну линію, а скорѣе въ шахматномъ порядкѣ. Независимо отъ путей, соединявшихъ редуты, были устроены еще передовые ложементы. Короче всѣ турецкія укрѣпленія были расположены такимъ образомъ, что нападающій попадалъ въ сосредоточенный артиллерійскій и ружейный огни. Покатость возвышенностей, на которыхъ построены турецкія укрѣпленія, и совершенно открытая мѣстность, еще болѣе усложняли ввя-

те редутовъ, такъ какъ атакующій долженъ былъ проходить съ версту и болѣе прежде, чѣмъ достигнуть турецкихъ батарей. Въ прошлую кампанію турки при тактической оборонѣ широко пользовались двумя факторами: своимъ скорострѣльнымъ оружіемъ и подготовкою поля сраженія въ фортификаціонномъ отношеніи. Турки встрѣчали огнемъ съ разстоянія, превышающаго 2,000 шаговъ, и уже наносили потери. Пули летали массами, облаками. Снабженіе турокъ патронами изумительно. Въ ложементахъ, кромѣ патроновъ, рожденных на руки, ставились большіе ящики съ патронами. Въ фортификаціонномъ отношеніи турецкія укрѣпленія были не только солидны по своимъ размѣрамъ, но и изящны по наружному виду. Расположеніе укрѣпленій не заставляетъ желать ничего лучшаго. Несомнѣнно, что очень опытные и даровитые инженеры работали при укрѣпленіи позицій подъ Ловчею и Плевною. Видѣнные нами турецкіе укрѣпленія подъ Ловчею и при Плевнѣ показывали, что земляныя работы въ этихъ лагеряхъ не прекращались ни на минуту. Въ турецкихъ траншеяхъ заботливость объ удобствахъ для солдата заслуживаетъ вниманія. По внутренней крутости траншей вырыты углубленія, въ которыя ставится для сражающихся вода, а иногда ледъ и сухари.

Наши позиціи находились частью на мѣстахъ болѣе низменныхъ сравнительно съ противоположными турецкими позиціями, частью — на горахъ, господствующих надъ послѣдними, но слишкомъ удаленныхъ отъ нихъ. Позиція нашего крайняго лѣваго фланга, „зеленыхъ горъ“, была значительно слабѣе праваго по своимъ мѣстнымъ условіямъ и обстановкѣ; между тѣмъ какъ операціи нашего лѣваго фланга играли главную роль въ дѣлѣ общей атаки и могли бы имѣть громадное значеніе на исходъ ея.

Нашъ крайній правый флангъ занималъ низменности (сравнительно), тогда какъ противоположный лѣвый турецкій флангъ находился на возвышенной мѣстности, укрѣпленной редутами. Наши сѣверо-восточныя позиціи, между деревнями Гривицей и Радишовымъ, господствовали надъ турецкими, но были удалены отъ нихъ на слишкомъ большое разстояніе, не позволявшее дѣйствовать болѣе или менѣе успѣшно нашимъ осаднымъ орудіямъ. Господствующій открытый хребетъ радишовской возвышенности тянулся вдоль линіи турецкихъ укрѣпленій на весьма близкое разстояніе.

Въ ночь съ 25-го на 26-е августа мы окопались на нашихъ позиціяхъ. Утромъ 26-го, раздался нашъ первый выстрѣлъ, за нимъ слѣдующій, и вся длинная линія нашихъ орудій за клубилась пороховымъ дымомъ; раскаты пушечныхъ выстрѣловъ потрясли воздухъ тихаго, жаркаго дня.

— Началось!.. пошли Господи! перекрестились солдатики.

Главная квартира явилась на позицію въ полномъ ея составѣ и помѣстилась на холмѣ сзади Гривицы, имѣя на правомъ флангѣ румыновъ и части корпуса барона Криденера, на лѣвомъ—батареи осадныхъ орудій съ прикрытіями отъ 4-го корпуса.

Сомкнутыя части прятались за откосами нашихъ холмовъ. Кое-гдѣ группировались люди, и офицеры слѣдили за бомбардировкою съ батареей. Въ сторонкѣ отъ батареи стояла кучка солдатиковъ.

— Вотъ такъ бандировка!

— Летить, летить—стой, смотри, смотри—ловко попало!

Граната ударила какъ разъ въ брустверь турецкаго редута.

- И что это люди не бѣгутъ?
- Людей-то какъ будто и нѣту.
- Чтобъ *ею* разорвало!
- Кого?
- Да *ею!*.. ишь ты, какая Плевна задалась!
- Ловко шарахнула!
- Громко палить, что говорить!
- А, вѣдь *ею* не взять?
- Уже будетъ пальба... погоди маленько.

На батарее разговаривали офицеры изъ штаба какого-то генерала. Батарейный командиръ лежалъ на брустверѣ, на животѣ, и молча смотрѣлъ въ бинокль. Прислуга то и дѣло, что придвигала орудія, молоденькій артиллеристъ понукалъ солдатъ.

— При такомъ большомъ количествѣ нашихъ орудій, слышалось въ группѣ:—турки бросать свои окопы.

— Легко можетъ быть... дай-то Богъ, чтобы они бѣжали.

— Нашъ огонь долженъ быть убійственнымъ.

— Странно, что они не отвѣчаютъ...

— Что бы это значило!

Въ сторонѣ потянулся батальонъ солдатъ. Нѣсколько турецкихъ гранатъ немедленно разорвались около батальона.

— Должно быть, у турокъ мало гранатъ... они экономятъ.

На мѣстѣ главнаго штаба—румыны и русскіе обмѣнивались комплиментами:

— Ваша батарея удивительно мѣтко стрѣляетъ.

Румыны самодовольно улыбались, отдавая честь. Князь Карлъ былъ въ восторгѣ.

Въ результатѣ, канонада не давала тѣхъ плодовъ, на

которые мы рассчитывали. Пострадавшія части турецкихъ редутовъ исправлялись по ночамъ, и на слѣдующій день снова возобновлялось то, что оказывалось попорченнымъ наканунѣ. Очень мудрено было попадать въ турецкіе ложементы. Ихъ резервы находились, конечно, на безопасныхъ мѣстахъ, отнюдь не въ редутахъ, и стоило намъ выразить малѣйшее поползновеніе начать атаку—ихъ орудія кровожадно раскрывали свои пасти при первомъ движеніи стройныхъ рядовъ нашей пѣхоты. Со второго дня бомбардировки турки почти перестали отвѣчать на наши выстрѣлы.

Насталъ, наконецъ, роковой день 30-го августа. Еще 29-го, вечеромъ, тучи заволокли весь горизонтъ, и небо разразилось частымъ, пронизывающимъ дождемъ. Въ полночь, всѣ войска получили диспозицію, подписанную генераломъ Зотовымъ.

Диспозиція гласила:

„Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ, со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 9 часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня, вновь открыть усиленный огонь и продолжать его до 1 часа пополудни. Съ 1 часа до 2¹/₂ часовъ опять прекратить огонь на батареяхъ, а въ 2¹/₂ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствию которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска; 2) въ 3 часа пополудни начать движеніе для атаки“. Слѣдовалъ порядокъ этого движенія.

— Почему это такъ: съ разсвѣтомъ начать — въ 9

вдругъ прекратить, потомъ опять начать и опять вдругъ прекратить? спросилъ я потомъ кого-то.

— Такъ обыкновенно бываетъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

Мнѣ подали „Военный летучій листокъ“, органъ главной квартиры. Я прочиталъ: „для того, чтобы истомить непріятеля, уничтожить его, убить его нравственно ужасомъ такого ожиданія“.

Тѣмъ не менѣе многіе предвкушали наканунѣ всю прелесть впечатлѣнія зрителя издалека при видѣ столь эффектной картины. Я тоже приготовился.

Румыны и баронъ Криденеръ должны были атаковать гривицкій редутъ. Генераль Крыловъ начать атаку съ радишевскаго хребта (середина арміи). Генераль Скобелевъ—съ лѣваго фланга, съ Зеленыхъ горъ. Генералу Леонтьеву предписывалось войти со своею кавалеріею въ связь съ кавалеріей генерала Лошкарева и дѣйствовать противъ турецкихъ войскъ, могущихъ появиться на лѣвомъ берегу р. Вида.

Задача атакующаго заключается въ томъ, чтобы опредѣлить главный нервъ непріятельской позиціи, ударить на него, разорвать связь, если позиція растянута и такимъ образомъ обезсилить непріятеля. Плевненскія позиціи растягивались на 30 верстъ. Нервомъ ихъ мы, очевидно, приняли гривицкій редутъ, потому-де онъ „больше и выше другихъ“. Противъ этой мѣстности мы сгруппировали до 64 батальоновъ, а на лѣвый флангъ Скобелева—послали 22 батальона. Когда кончился бой—нервъ позиціи оказался у Скобелева, а гривицкій редутъ представился мѣстомъ простой демонстраціи.

30-го августа, съ ранняго утра сталъ накрапывать мелкій дождь, который увеличивался по мѣрѣ приближе-

нія часа всеобщей атаки. Послѣ 9 часовъ утра, турки, замѣтивъ движеніе нашихъ резервовъ на лѣвомъ флангѣ, начали усиленно бросать гранаты. Меня интересовалъ лѣвый флангъ болѣе другихъ, какъ ключъ позиціи, какъ главный нервъ турецкихъ укрѣпленій; поэтому я съ утра и отправился туда, на Зеленныя горы.

За тученицкимъ оврагомъ, глубокимъ и глухимъ.— стояла палатка Скобелева, въ лощинѣ между двумя холмами, а сейчасъ же сзади палатки—пло плевно-ловченское шоссе. Слѣва двигались резервы.

— Скобелевъ зналъ, что, если онъ начнетъ въ 3 часа атаку, ему не удастся взять редуты.

— Надо начинать ранѣе, сказалъ онъ и, не дожидаясь 3 часовъ, двинулъ передовые батальоны на Зеленныя горы.

Турки сначала изрѣдка пострѣливали изъ орудій. Штабъ Скобелева вѣхалъ въ чащу лѣса и остановился въ виноградникахъ. Иногда наѣзжали корреспонденты, что называется „понюхать“. Пріѣхалъ рыжій корреспондентъ-мистеръ Розъ; онъ привезъ съ собою бутылку коньяку и жареную курицу. Всѣ мы до того были голодны, что мѣшокъ мистера Роза, съ запасомъ провизіи, очень быстро опорожнился. Гранаты ложились около. Мистеръ Розъ, должно быть, въ первый разъ ощущалъ впечатлѣнія ихъ полета. Каждый разъ онъ ложился на землю и пряталъ свою голову за виноградную вѣтку.

— Чудной какой! смѣялись конвойные казаки... такъ онъ за виноградомъ-то и спрячется.

По мѣрѣ движенія цѣпи впередъ, гранаты учащались. Нужно было предпочесть уѣхать назадъ, къ палаткѣ, въ лощину.

У палатки сидѣлъ флигель-адъютантъ, прикомандированный къ отряду, и пилъ чай.

— Не хотите ли чайку? предложить бы мнѣ, съ видомъ совершенно счастливаго челоуѣка.

— Давайте.

— Что, батюшка, скверно?

— Да, не хорошо.

— То ли дѣло теперь въ Петербургѣ, сказалъ онъ, наливая чай:—поѣхали бы мы съ вами къ татарамъ, закусили бы, а потомъ...

Граната лопнула въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Оба мы какъ-то дико оглянулись въ ея сторону.

— Да! хорошо бы!.. потомъ вечеромъ—въ буфѣ!..

Еще одна граната лопнула въ лощинѣ.

— Ахъ, чортъ возьми!

— Не хорошо!

Осколокъ отвратительно прожужжалъ гдѣ-то близко.

— Это вѣдь совсѣмъ скверно, сказалъ я, подымаясь.

— Да, не хорошо, отвѣтилъ адъютантъ, тоже вставая.

— Никакъ не дадутъ и о хорошемъ-то поговорить.

Мы замолчали. Должно быть, мы были блѣдны, по крайней мѣрѣ, мы стали очень серьезны. Однако, прошло.

— Ну, а потомъ бы что? возобновилъ я прерванный разговоръ съ улыбкою, довольный тѣмъ, что все благополучно.

— Ахъ, батюшка!.. а потомъ бы...

Вдругъ страшный ревъ гранаты послышался совсѣмъ уже близко. Мы кинулись къ лошадямъ; я не знаю, что потомъ было, но мы очнулись не ближе тученицкаго оврага; только здѣсь мы поняли, что собственно не разставались и что все это время мы перегоняли другъ друга. Сзади насъ раздалась страшная трескотня ружейной перестрѣлки.

Я выѣхалъ на гору—къ резервамъ генерала Крыло-

ва. Генераль Зотовъ, окруженный штабомъ, бѣжалъ юмѣ на встрѣчу.

— Что тамъ за перестрѣлка?

— Не знаю.

— Пошлите узнать, сказать оѣмъ начальнику своего штаба:—для атаки еще слишкомъ рано.

— Должно быть турки наступаютъ.

Въ три часа началась общая атака. Невозможно было охватить зрѣніемъ все пространство. Замѣтно было, что у Крылова дѣла шли совершенно вяло; только фланги и поддерживали. Дождь усилился. Наступилъ вечеръ.

Съ наступленіемъ ночи 30-го августа прекратилась перестрѣлка. Атака генерала Крылова была отбита съ большимъ урономъ; одни только правый и лѣвый фланги окончили битвы побѣдою. На правомъ флангѣ заняли большой гривицкій редутъ, столь страдавшій отъ нашей артиллеріи, на лѣвомъ флангѣ выбросили турокъ изъ двухъ редутовъ, защищавшихъ городъ Плевно. Наступила ужасная ночь, которая никогда не изгладится изъ моихъ воспоминаній. Тысячи раненыхъ запружали дороги къ селенію Садизово и по плевно-ловчинскому шоссе; дождь лилъ какъ изъ ведра. Раненые имѣють обыкновеніе сбрасывать свою верхнюю одежду и бросать свои шинели; почти голые, многіе босикомъ, танулись эти несчастные къ перевязочному пункту. Тяжело раненые въ грудь или въ голову должны были сами тащиться по нѣскольку верстъ и, не найдя себѣ помѣщенія въ палаткахъ, валялись въ лужахъ, подъ дождемъ, на открытомъ воздухѣ. Помощь „Краснаго Креста“ выражалась главнымъ образомъ въ доставкѣ сестеръ милосердія и студентовъ на перевязочные пункты, но фургоновъ „Краснаго Креста“ я насчитывалъ по-штучно при передовыхъ лазаретахъ.

Сплошной, ужасный стонъ, потрясающій самые крѣпкіе нервы, оглашалъ безмолвіе тихой ночи, а дождь лилъ себѣ какъ изъ ведра и пронизывалъ до костей.

Весь секретъ успѣха сраженія, когда планъ подготовленъ заранее и распределены роли отдѣльных частей, заключается именно въ сохраненіи боевого порядка сомкнутыми частями, часто превращающимися въ нестройную толпу. Милліарды пуль выбиваютъ изъ строя тысячи людей, и стройные бригады, полки и батальоны часто превращаются въ разстроенную кучку или въ безпорядочную толпу людей. Въ такія минуты присутствіе храбраго, разсудительнаго, хладнокровнаго начальника спасаетъ эту толпу отъ истребленія и приводитъ ее къ несомнѣнной побѣдѣ. Присутствіе начальника воодушевляетъ людей и заставляетъ всѣхъ офицеровъ находиться на своихъ мѣстахъ. Скобелевъ 2-й отличается именно этими качествами. Молодой генералъ передъ началомъ боя садится на коня и, окруженный свитой своихъ ординарцевъ, объѣзжаетъ ряды своего отряда.

— Здорово, ребята, звучно восклицаетъ генералъ, обращаясь къ фронту; при этомъ онъ смотритъ на солдата привѣтливо и любовно.

— Здравія желаемъ, ваше пр—во! въ свою очередь отвѣчаютъ солдаты, не спуская глазъ съ своего молодого генерала. Симпатичная, добрая, привѣтливая улыбка не сходитъ съ красиваго лица молодого генерала.

— Я вѣдь, ребята, счастливъ, что служу съ вами.

— Постараемся, ваше превосходительство!

— Вѣдь вы у меня молодцы, ребята? какъ-бы спрашиваетъ Скобелевъ своихъ солдатъ.

— Постараемся, ваше превосходительство!

— Надо постараться. Вѣдь на насъ смотритъ вся

Россія, ребята; ну, да вы у меня молодцы, я знаю... въ огонь увидимся! привѣтливо киваетъ генераль своею головою. Такъ вотъ и чувствуешь, какъ эти простые слова заходятъ глубоко въ душу каждого солдата. „Съ Богомъ!“ говоритъ генераль начальнику части передъ началомъ боя и часто самъ лично ведетъ часть въ непріятельскій огонь.

30-го августа Скобелевъ 2-й повелъ на турецкіе редуты владимірцевъ, суздальцевъ, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны. Во второй линіи находились 11-й и 12-й батальоны стрѣлковъ, ревельцы и либавцы. Расположеніе непріятельскихъ редутовъ было таково: какъ разъ противъ Зеленой горы, съ которой началась атака, передъ самымъ городомъ Плевномъ, дома, церкви и мечети котораго были видны какъ на ладони, находился большой редутъ, воздвигнутый на высотѣ совершенно отлогого холма; вправо сажень на 400 находился другой меньшій редутъ, а въ двухъ верстахъ далѣе—главный укрѣпленный лагерь. Влѣво отъ средняго редута, въ двухъ верстахъ, былъ третій; онъ стоялъ нѣсколько въ тылу атакующаго, когда послѣдній подходилъ къ среднему редуту. Прежде чѣмъ достигнуть бруствера средняго редута, нужно было пройти версты полторы по совершенно открытому полю. Можете себѣ представить тотъ адъ, въ который пошлѣли наши войска, когда, спустившись съ Зеленой горы, они смѣло пошли на приступъ съ криками „ура!“, съ музыкою, барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами.

Прошли владимірцы, суздальцы и стрѣлки, — и всѣ они не дрогнули отъ убійственнаго огня непріятеля. Генераль пропустилъ ревельцевъ и либавцевъ, самъ бросился впередъ верхомъ на бѣломъ конѣ и однимъ изъ

первыхъ вошелъ въ редутъ, сопровождаемый воодушевившимися войсками. Турки кинули свои укрѣпленія, оказавшіяся открытыми съ внутренней стороны, и открыли по насъ такой убійственный огонь, что мысль о возможности удержаться въ редутѣ почти не сживалась съ страшною дѣйствительностью. Хотя приказъ генерала относительно шанцевыхъ инструментовъ и былъ исполненъ, но этихъ инструментовъ оказалось такъ немного, что солдаты кинулись рыть землю руками и козьями, лишь бы только закрыть себя отъ убійственного огня отступавшихъ турокъ. Капитанъ Куропаткинъ немедленно позаботился о перестановкѣ орудій въ редутѣ. Чтобы судить объ огнѣ, какому подвергались части, вошедшія въ редутъ, достаточно сказать, что ни одна турецкая граната, направленная въ редутъ, не пропадала даромъ, такъ какъ турки имѣли планъ своихъ укрѣпленій и знали до точности разстояніе одного редута отъ другаго.

Солдаты между тѣмъ быстро окопались въ занятомъ редутѣ и повели новую атаку на сѣднѣй правый редутъ. Первые атаки были отбиты, но съ наступленіемъ вечера наши выгнали турокъ и изъ втораго редута. Турки не замедлили перейти въ наступленіе, но были отбиты; они повторили атаку ночью, засѣвъ въ траншеѣ, соединявшей средній редутъ съ крайнимъ, турецкимъ, право-фланговымъ редутомъ, но солдаты выбили ихъ изъ редута штыками, и ночная атака турокъ не увѣчалась успѣхомъ.

Груды тѣлъ лежали другъ на другѣ въ защищаемомъ нами редутѣ, и турецкія гранаты даже не щадили этихъ мертвецовъ. Вотъ вамъ сценка, характеризующая обстановку нашихъ героевъ, бывшихъ въ редутѣ, и то состояніе духа, до котораго они доходили. Граната ударяетъ

въ группу солдатъ. Нѣсколько человѣкъ, обезображенныхъ, падаютъ замертво, не издавая никакого звука. Мозги одного солдата обрызгиваютъ другаго, у котораго осколкомъ раздробило руку и обезобразило физиономію. Блѣдный, скрывая страшную боль, поднимается этотъ несчастный на ноги, перекрестившись, страхиваетъ съ себя мозги своего товарища и молча удаляется на перевязочный пунктъ.

31-го августа съ ранняго утра турки повели атаку на занятые нами редуты слѣва и справа. Два раза герои наши дрогнули въ редутахъ и уже готовы были отдать ихъ обратно туркамъ; но каждый разъ, когда приходила минута такого отчаянія, генераль Скобелевъ выросалъ какъ изъ-подъ земли передъ лицомъ дрогнувшихъ солдатъ и, ободряя ихъ духомъ, удерживалъ редуты за собою. 24 часа мы держались подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля, рассчитывая на успѣхъ и на поддержку какъ въ серединѣ нашихъ позицій, такъ и на правомъ флангѣ. Но всѣ эти надежды не осуществились, и войска таяли не по часамъ, а по минутамъ. 5 турецкихъ атакъ, самыхъ настойчивыхъ, самыхъ рѣшительныхъ атакъ выдержали защитники завоеванныхъ и буквально облитыхъ русскою кровью редутовъ; но въ концѣ концовъ у Скобелева не хватило больше силъ.

Пять отбитыхъ атакъ не испугали турокъ. Въ то время, когда по всей линіи прекратилась перестрѣлка, на лѣвомъ флангѣ она не умолкала ни на минуту. Моментъ моего пріѣзда на позицію былъ самымъ выгоднымъ моментомъ для атаки съ нашей стороны крайняго праваго турецкаго редута; но Скобелеву нечѣмъ была атаковать; онъ могъ только держаться, пока хватало его силъ. Въ 4 часу по полудни послѣ пятой отбитой атаки

было очевидно, что турки ослабли окончательно; нѣсколько свѣжаго войска,—и Скобелевъ, взять бы крайній редутъ. Занявъ такимъ образомъ три редута, мы бы утвердились на лѣвомъ флангѣ, и плевнинское дѣло окончилось бы полнымъ, несомнѣннымъ успѣхомъ. Генераль посылать просить подкрѣпленія нѣсколько разъ, но его считали достаточно сильнымъ и безъ помощи. Будучи очевидцемъ положенія дѣлъ на лѣвомъ флангѣ, я увѣренъ въ томъ и утверждаю, что Скобелеву не отказали бы въ просимой помощи, если бы лица, отъ которыхъ зависѣло это распоряженіе, вообщю убѣдились въ положеніи дѣлъ лѣваго фланга въ четвертомъ часу по полудни.

Турецкій полководецъ, пользуясь минутою всеобщаго затишья, собралъ всѣ свои наличные резервы, провелъ ихъ сзади города на свой крайній правофланговый редутъ и повелъ послѣднюю, самую ожесточенную атаку противъ завоеванныхъ нами редутовъ. Часть турецкаго войска начала на правый, малый редутъ, и турки при первомъ же дружномъ натискѣ выбили изъ редута небольшую горсть защищавшихъ его героевъ; часть изъ нихъ была застрѣлена, часть заколота штыками, и очень многіе спаслись, перебѣжавъ въ большой редутъ. Та же участь постигла и большой редутъ. Необыкновенно сильная, частая турецкая цѣнь, подкрѣпленная резервами, о которыхъ мы и не мечтали, высыпала изъ опушки лѣса слѣва и съ дружными криками „Алла!“ кинулась на большой редутъ. Наши умерли на редутѣ, но не оставили его. Тамъ были жалкіе остатки растаявшаго скобелевскаго отряда, и я не знаю, набралось ли бы тамъ какихънибудь двѣ роты. Само собою разумѣется, что всѣ бывшіе въ редутѣ пали жертвами штыковыхъ ударовъ. Моментъ турецкаго ослабленія былъ потерянъ, и вотъ послѣ

ожесточенной 24 часовой битвы, послѣ столькихъ жертвъ, послѣ столькихъ усилій, линія грозныхъ турецкихъ редутовъ снова предстала передъ жалкими остатками нашего обезсиленнаго войска во всемъ своемъ сплоченномъ и на этотъ разъ для насъ уже неприступномъ видѣ. Что оставалось дѣлать генералу Скобелеву въ 7 часу вечера?— Ему оставалось отступить; согласно полученному приказанію, къ баготскому ручью. Остатка обезсиленныхъ резервовъ князя Имеретинскаго были отведены туда, а генераль Скобелевъ, собравъ кое-какія силы изъ остатковъ командуемыхъ имъ полковъ, остался въ цѣпи въ ожиданіи наступленія турокъ.

Изъ нашихъ войскъ болѣе другихъ пострадалъ конечно отрядъ генерала Скобелева. Въ его личномъ конвое были убиты урядникъ, 3 казака и художникъ Сергѣй Васильевичъ Верецагинъ, раненъ младшій братъ Верецагинъ (владикавказскаго полка, адъютантъ генерала) одинъ казакъ.

Сергѣй Васильевичъ Верецагинъ состоялъ при бригадѣ кавказскихъ казаковъ. Онъ несъ службу въ качествѣ охотника. Генераль поручалъ ему дѣлать рисунки, давалъ ему и другія порученія, входящія въ обязанности ординарческой службы. Сергѣй Васильевичъ всегда казался мнѣ нѣсколько страннымъ человѣкомъ; онъ какъ будто искалъ смерти,—до того онъ безумно храбро велъ себя въ огнѣ. Можно было только удивляться, какимъ образомъ онъ до сихъ поръ оставался цѣлымъ и невредимымъ. Это была необыкновенно сосредоточенная въ самой себѣ натура; онъ мало говорилъ, много думалъ, ретиво служилъ и скучалъ въ періодъ мирнаго затишья. Мнѣ не разъ приходилось съ нимъ совершать маленькія путешествія. Онъ былъ всегда молчаливымъ. Солдаты,

двигавшіяся подъ начальствомъ генерала Скобелева, хорошо знали покойнаго Верещагина и обыкновенно говаривали: „Смѣлый баринъ!“ Въ день его смерти онъ былъ посланъ на правый флангъ позиціи Скобелева съ цѣлью слѣдить за движеніями непріятеля. Его конвоировали 2 казака осетина. Верещагинъ слишкомъ близко подбѣхалъ къ турецкой цѣни; турки открыли огонь, и пуля поразила его въ голову. Осетины успѣли снять съ него саблю, револьверъ и привести лошадь; тѣло же покойнаго осталось на мѣстѣ.

Я никогда не видѣлъ генерала Скобелева такимъ разстроеннымъ и потрясеннымъ, какъ вечеромъ 31-го августа. Даже нервы этого крѣпкаго человѣка, — и тѣ не выдержали.

Вечеръ 30 августа былъ тусклый, сѣрый; въ воздухѣ пахло дождемъ; густая пелена тумана спускалась все ниже и ниже на землю. Ознобъ пронизывалъ меня до костей и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу.

Осторожно высматривая путь, шагъ за шагомъ опускавая каждую ступню своимъ копытомъ, спускался утомленный конь по горной, изрытой, каменистой тропинкѣ, съ высоты голой скалы внизъ, въ Тучеицкій оврагъ; и точно такая же невольная дрожь пробѣгала поминутно по тѣлу лошади.

Мы были на краю пропасти. Крута была тропинка. Съ правой стороны поднималась скала; ея капризные выступы мѣстами загораживали путь. Съ лѣвой стороны открывалась глубокая пропасть. Мой добрый, умный конь оглядывался пытливо каждый разъ, когда его копыта должны были касаться самаго края оврага.

Рѣзкій и холодный вѣтеръ дулъ съ сѣвера. Зеленая волна просторно гуляла по вершинамъ пушистаго лѣса,

пусто покрывавшаго сосѣднія горы — знаменитыя „Зеленыя горы“... Крутомъ было пусто и дико. Вѣтеръ налеталъ шквалами на листья тучныхъ деревьевъ... деревья клонились... и рѣзкій шелестъ ихъ листьевъ раздавался въ мутномъ воздухѣ.

Лѣсная опушка шумѣла какимъ-то злобѣющимъ шипѣніемъ. Сердитый вѣтеръ стихійно срывалъ свое зло на слабыхъ листьяхъ; на минуту воцарялась тишина, а тамъ снова налеталъ сердитый шквалъ и снова смѣнялся тишиною осенняго вечера.

Небо... то не было небо, какимъ я его помню на югѣ... то была бездна небеснаго океана; низко надъ головою колыхались грозныя тучи, темныя, тяжелыя, мрачныя, свинцовыя тучи: онѣ тѣснились и порывисто неслись по небу, лѣзли другъ на друга, расплывались, снова сгущались и снова разрывались на клочья, на отрѣпья, и всѣ эти отрѣпья летѣли потомъ куда-то вдаль, неслись быстро, перегоняя другъ друга...

Такъ кинитъ бездна океана, когда громадная волны, разъяренныя вѣтромъ свирѣпой бури, искрятся фосфорическимъ блескомъ; такъ искрилось и небо блескомъ ясныхъ звѣздъ, когда тяжелыя тучи разрывались на клочья и когда передо мною вдругъ открывался прелестный фонъ чистаго неба... Увы! то были одни только свѣтлыя мгновенія!..

Въ моменты этого злобѣщаго шипѣнія темнаго лѣса, среди столь возбужденной природы, раздавались грозныя пушечныя выстрѣлы и ружейная перестрѣлка. То они усиливались, не взирая на темноту, то какъ будто прекращались; то опять снова раздавалась учащенная пальба, то опять на время умолкала...

Это спорили враги. Они спорили за смерть сотенъ

тысячъ людей... Разъяренные жаждою крови, возбужденные впечатлѣніями смерти, взволнованные поединкомъ, притупленные ненавистью другъ къ другу, они кололи, рубили, стрѣляли, били прикладами направо и налѣво, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ, кто живъ, кто мертвъ, кто встрѣчалъ смерть своею здоровою грудью и кто молилъ о пощадѣ, пораженный пулями и штыковыми ударами въ немощное тѣло.

Нѣтъ, здѣсь не было мѣста плѣннымъ! Одна только смерть царила въ этомъ омутѣ всеобщаго изступленія и одинъ только окончательный смертельный ударъ могъ положить конецъ этой бойнѣ. Здѣсь не было мѣста человеческой мысли... прочь мысль... здѣсь была слѣпая, дикая, неразумная сила!

Таковъ былъ бой 30-го августа.

Ужасъ и смерть—повсюду смерть и ужасъ!..

Но вотъ я спустился въ глубокой и узкой оврагъ. Какъ здѣсь тихо, спокойно!.. Меня окружили со всѣхъ сторонъ высокія, крутыя, гранитныя скалы. Оврагъ былъ такъ глубокъ и узокъ, что звуки выстрѣловъ, отражаясь отъ гранитныхъ стѣнъ, едва слышались на его днѣ. Въ оврагѣ протекалъ ручеекъ, позади бездѣйствовала мельница. Легкій шумъ ручейка, бѣжавшаго по камнямъ среди высокой и влажной травы, успокоительно дѣйствовалъ на мои возбужденные нервы. Я невольно остановился и машинально сѣлъ отдохнуть на ближайшій камень.

Я закрылъ лицо руками и хотѣлъ забыться хотя на минуту. Грудь свободно дышала, на душѣ стало легче. Я сдвинулъ свою голову руками, какъ бы желая выдавить изъ нея всю тяжесть накопившихся впечатлѣній. И одинъ моментъ я себя чувствовалъ отлично... это былъ моментъ,

когда моя голова совсѣмъ не работала... Но лишь только мысль вступала въ свои права,—опять лѣзли мрачныя, тяжелыя и тоскливыя представленія. Струя вѣтра ворвалась въ оврагъ и охватила меня съ ногъ до головы. Въ этой холодной, леденящей струѣ воздуха я почувствовалъ что-то зимнее. Дождь сталъ накрапывать съ неба, и въ холодномъ дождѣ также сказалась зима... „Да! зима приближается очевидно... Плевну мы не взяли, и Богъ вѣсть, возьмемъ ли ее завтра?.. Что будетъ дальше?.. дальше!“ И передо мною вдругъ туманно нарисовалось поле битвы, съ котораго я только что возвращался... грязное, широкое поле, окружавшее турецкіе редуты... Я стоялъ неподвижно и видѣлъ, какъ по полю рыскали голодные собаки, надъ полемъ летали, каркая, кровожадныя птицы... Я видѣлъ силуэты какихъ-то человѣческихъ фигуръ, которыя, какъ тѣни, молча бродили по полю и поминутно наклонялись, какъ будто что-то разыскивая... Кто такіе эти люди? Это мародеры!.. Да!.. это они!.. они вышли на добычу!.. они общаривали карманы убитыхъ, грабили раненыхъ... Все поле было покрыто трупами, полуживыми отъ холода и голода и отъ потери крови людьми... Эти люди протягивали руки и просили хлѣба... Небо было такъ же темно и пасмурно, какъ и теперь... было еще холоднѣе... снѣгъ хлопьями валилъ изъ свинцовыхъ тучъ... Тамъ въ сторонѣ, около дороги, влѣво, замѣчалъ я какую-то полузанесенную снѣгомъ странную груду, надъ которой вились вороны и перепархивали сороки... Я подходилъ къ этой грудѣ и видѣлъ нѣсколько десятковъ полураздѣтыхъ человѣческихъ труповъ, поваленныхъ другъ на дружку... Черныя опухшія фізіономіи... смрадъ и вонь поражали мое обоняніе. Я двигался дальше и натыкался опять на такую же груду

мертвыхъ людей; около которыхъ съ рычаньемъ и оска-
ливая зубы грызлись собаки...

„Прочь, неси меня прочь отсюда, мой добрый конь!..
Неси меня туда, гдѣ мнѣ легче, гдѣ такъ не оскор-
бляется человѣческое чувство состраданія...“ думалъ я
тогда...

И вотъ конь вынесъ меня на высокую гору, гдѣ
стояли наши резервы. Эффектная и ни съ чѣмъ не срав-
нимая картина вдругъ открылась передъ моими глазами.
Я былъ далеко отъ поля битвы; я не слышалъ стоновъ,
не видѣлъ раздирающихъ душу картинъ; я находился на
самомъ высшемъ пунктѣ окружавшихъ возвышенностей.
„Зеленая гора“ остались въ лѣвой сторонѣ; передо мною
тянулся голый холмъ, на которомъ дѣйствовали наши
батареи. Тамъ дальше за этимъ холмомъ я видѣлъ дру-
гую гору, господствующую надъ ней; она тянулась че-
ти параллельно линіи нашихъ батарей. Туманъ расти-
лся на высотахъ, облака порохового дыма поднима-
лись отъ земли и разносились по воздуху, подхватывае-
мые вѣтромъ. Во мракѣ осенняго вечера обрисовалась
линія нашихъ и непріятельскихъ огней. „Это вечерняя
иллюминація“, думалъ я, глядя на перестрѣлку непріа-
тельскихъ орудій. Ревъ пушекъ раздавался въ воздухѣ
довольно часто, по мѣрѣ того какъ дождь смачивалъ дула
раскалившихся орудій.

Гранаты жадно искали себѣ жертвъ.

Наступила ночь. Дождь полилъ какъ изъ ведра, вѣ-
теръ стихъ, почва превратилась въ тонкую грязь. Пальба
прекратилась, но не совсѣмъ. Кое-гдѣ изрѣдка стрѣляло
то или другое орудіе; за то ружейная трескотня умолкла
окончательно. Въ воздухѣ стало тихо; вдали, на перед-
ней горѣ, слышались даже человѣческіе возгласы. Мы

удерживали наши позиціи. Турки ужинали за брустверами своихъ редутѣвъ. Только Скобелеву, какъ извѣстно, удалось вырвать два турецкихъ редута, да гривицкій редутъ достался намъ дорогою цѣною крови румынъ и русскихъ.

Въ лощинѣ, сзади передовой позиціи, такъ же какъ и по скату холма, бродили люди. Они бродили кучками, не имѣя общей связи. Возвращаясь изъ цѣпи, каждый искалъ своей части. Утомленные, осунувшіяся, запачканные лица носили на себѣ печать какого-то нечеловѣческаго притупленія... Имѣя ружья на перевѣсѣ, подобравъ фалды сѣрыхъ шинелей, они передавали другъ другу свои впечатлѣнія битвы:

— Залегъ я въ канаву, пострѣливаю себѣ; гляжу, а Тихвинскій напередъ выскочилъ, приложился... хлопсъ!.. какъ онъ звякнется на землю!.. точно меня, братцы кровью обдало... Злость эта самая вскипѣла. Хочу броситься, точно зудъ какой... анъ броситься никакъ невозможно... пули градомъ летятъ. Я давай стрѣлять, а въ глазахъ потемнѣло... Пить, пить охота взяла, во рту сухо; я это кукурузный листъ въ ротъ запихалъ и давай сосать...

— А я одного чебурахнулъ... отлично попало!.. Выбѣжалъ онъ на конѣ, думалъ, мы пошабалили, а я ему, подлещу, какъ свистну, только его пятки засверкали... чудесно попало!..

— У меня тоже одинъ на штыкъ напоролся, анае-ма... здорово-жъ ему всадишь, индо въ другомъ боку выскочилъ... все нутро распоролъ... будетъ съ него!..

— Ахъ, братцы, а какъ я одного прикладомъ по башкѣ садонулъ, страсть, — башка въ дребезги, индо брѣвня полетѣли, и прикладъ-то, шутъ его дери, раскололся...

„Садонуть“, „всадить“, „свистнуть“, „чебурахнуть“, „распороть“—вотъ собственно все, о чемъ толковали солдатики. И объ этомъ толковали мирные, запуганные, кроткіе солдатики, которые въ обыкновенное время стоятъ передъ генераломъ на вытяжку и не находятъ даже словъ отвѣтить ему на случайную ласку...

Солдаты думали объ одномъ:

— Ничаво, ребята... заутро съизнова начнется... приготавлийся, молодцы!

И съ утра опять начиналось.

Я ѣхалъ по полянѣ, обгоняя возвращавшіеся въ резервы колонны оставшихся войскъ. Правда, солдаты казались мрачными вслѣдствіе неудачи; но тѣмъ мрачнѣе морщились ихъ лбы, тѣмъ апатичнѣе и тѣмъ сильнѣе становился каждый изъ нихъ въ виду будущаго дѣла. Демонъ смерти парилъ надъ головами солдатской колонны, они чувствовали его, и съ каждымъ новымъ взмахомъ его тяжелаго крыла солдатскіе мозги сдавливались, и въ головахъ у каждого неотступно являлась одна мысль:

— Ничаво, ребята!.. заутро съизнова начнется!.. Приготавлийся, молодцы!..

А тамъ, далеко на родинѣ, за солдатскими спинами, раскинулись еще тысячи деревень, десятки миллионовъ роднаго люда.

Русскій солдатъ вылѣзалъ изъ бессарабской грязи, вытащилъ на себѣ и орудія... Солдата жогъ такой сильный зной, о которомъ мы, жители Россіи, не имѣемъ никакого понятія, и этотъ зной былъ ему нипочемъ. Солдатъ переносилъ морозы,—и морозы ему нипочемъ. По три дня солдатъ не ѣлъ сухарей; люди собирали пше-ницу, молотили ее и приготавливали на-скоро кой-какую пищу. Солдату рѣзали ногу, отпиливали кость безъ хло-

реформа;—онъ только кусалъ себѣ кулакъ отъ боли, не издавая ни мольбы, ни стога... Солдата, раненаго въ ногу, случайно оставляли на полѣ битвы, и онъ, изувѣченный, томимый голодомъ и жаждою, прятался въ кустахъ четыре дня и четыре ночи, разбиралъ ружье и на одномъ ложѣ, какъ на костылѣ, потихоньку подвигался къ нашимъ позиціямъ... Скажите же мнѣ, есть ли другіе солдаты, подобные русскому?..

Подвигаясь все далѣе и далѣе по дорогѣ, я наконецъ вѣхалъ въ болгарскую деревушку. Деревня хотя и находилась подъ выстрѣлами непріятеля, но всѣ зданія были цѣлы. Рядомъ съ деревнею помѣщался перевязочный лазаретъ. Не только палатки, но и все пространство вокругъ этихъ палатокъ было занято ранеными. Доктора и сестры не успѣвали подходить къ больнымъ. Больные стонали, охали и ахали, но никто не помогалъ ихъ страданіямъ. Многіе изъ нихъ валялись въ грязи и въ лужахъ, подъ открытымъ небомъ; дождь пронизывалъ ихъ до костей; холодный вѣтеръ вызывалъ ознобы до зубоного скрежета. Больные валялись въ этихъ лужахъ и стонали всю ночь. Они не могли даже прикрыться шинелью, потому что шинель завалилась гдѣ-то въ обозѣ, а мундиръ былъ разорванъ, когда его ранили.

Въ одной избушкѣ привѣтливо свѣтились два крошечныхъ окна. Въ этой избушкѣ я рѣшился провести ночь. Весь домъ состоялъ собственно изъ одной хаты. На крышѣ лежали солдаты. Въ хатѣ сидѣло три офицера: два артиллериста и одинъ армейскій сѣдой капитанъ. Въ хатѣ было хотя и душно, и смирно, но это былъ рай въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило на дворѣ.

Измѣряя другъ друга взглядами, мы молча помѣстились около самаго костра, горѣвшаго въ углу избенки.

Яркое пламя высоко поднималось къ потолочной дырѣ, и, глядя на него, всё мы расположены были къ мечтанию. Намъ хотѣлось отдохнуть и успокоиться. Въ такую тяжелую минуту нашей жизни конечно и мечты были тяжелыя. Не разговаривая другъ съ другомъ, мы однако отлично понимали другъ друга безъ словъ. Мы видѣли насквозь, что у каждаго изъ насъ жгучею облизалось сердце, что для каждаго изъ насъ вся эта неудача сегодняшняго дня была такъ неожиданна, такъ горька и неприятна. Но что же дѣлать?..

Капитанъ распорядился поставить самоварчикъ. Это уже значительно повліяло на расположеніе нашего духа. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Какъ это странно и непонятно, сказалъ онъ, глядя на огонь.

Мы вопросительно посмотрѣли на капитана.

— Это предчувствіе въ человѣкѣ, сказалъ онъ торопливо, желая пояснить свою мысль.

Никто его не перебивалъ.

— Часъ тому назадъ... давно ли кажется?... всего часъ тому назадъ... (капитанъ говорилъ задумчиво и отрывисто):—мы потеряли въ полку между прочимъ одного товарища... Какой это былъ хорошій человѣкъ.

Слеза скатилась по сѣдой рѣсницѣ капитана. Онъ замолчалъ и опять задумался.

— Да!.. покачалъ онъ головой:—Гордненко, бѣдный Гордненко!..

— Убить?... вскопчил артиллеристъ.

— Убить, утрумо отвѣтилъ капитанъ:—Вы его знали?

— Зналъ... это былъ ангелъ доброты и сердечности.

— Честный человѣкъ! оборвалъ капитанъ.

— Вы говорите: предчувствіе?

— Да... предчувствіе... онъ предчувствовалъ свою смерть.

Всѣ опять замолчали и всѣ опять задумались. Трескъ хвороста монотонно раздавался въ комнатахъ... самонарѣ шумѣлъ въ углу... Вдали послышался пушечный выстрѣлъ.

— Р-р-р-азъ! сосчиталъ солдатъ въ сбѣняхъ.

Выстрѣлъ повторился.

— Д-в-в-ва!

Потомъ опять тишина.

— Утомону ему нѣтъ, дьяволу!.. сказалъ солдатъ.

— Пушай стрѣляеть! апатично замѣтилъ другой.

Помолчавъ, капитанъ продолжалъ:

— Да, предчувствіе, говорю я вамъ. Вы помните Гордненко? Это былъ человѣкъ общительный, временами даже веселый... Всѣ эти дни онъ былъ мраченъ и задумчивъ... Что это значило?.. Вчера мы играли съ нимъ въ карты; онъ выигралъ съ меня семь золотыхъ... „Послушайте, сказалъ онъ мнѣ: — если бы я зналъ, что я васъ этимъ не обижу, я предложилъ бы эти деньги взять обратно... Къ чему онъ мнѣ?.. зачѣмъ?..“ и вотъ видите: часъ тому назадъ онъ кинулся на редутъ и былъ убитъ почти въ упоръ... Онъ предчувствовалъ...

— Господа, да развѣ мы воюемъ съ турками? сказалъ артиллеристъ.

— Съ кѣмъ же?..

— Мы воюемъ съ англичанами...

— Англичанъ нѣтъ въ строю.

— И не будетъ... Зачѣмъ они пойдутъ? умирать?.. Имъ дома хорошо... Они дали туркамъ пушки, ружья, сухари, обозы, даже денегъ... Чего имъ больше нужно? Что такое турки? Это безпардонная, жалкая толпа не-

вѣждъ, которыхъ мы всегда били и разсѣляли и на этотъ разъ. Но за спинами турокъ стоять исполинъ мысли, знанія, ума, науки и таланта.

Въ день 31 августа нервы до того притупились, что безъ всякихъ ощущений я выѣхалъ на послѣдній хребетъ „Зеленыхъ Горъ“. Что такое жизнь человѣческая? думалось въ эту минуту: — тысячи стонали, охали, плакали, исходили кровью, изнемогали, сотни гнили и тухли, брошенные какъ дохлый скотъ... что такое я, съ правомъ жизни, среди этихъ несчастныхъ людей?..

Встрѣтился Куропаткинъ.

— Поѣдемте на средній редутъ.

Благоразуміе шепнуло: „нѣтъ, не ѣзди!“ ...

Остатки скобелевскаго отряда съ трудомъ отстаивали занятые наканунѣ два редута.

Возвращаясь къ нашимъ батареямъ, которыя оставались сзади, я услышалъ голосъ, окликавшій меня по фамиліи.

— Пожалуйте къ генералу Скобелеву, сказалъ мнѣ казакъ.

— Гдѣ генераль?

— А вотъ здѣсь, на площадкѣ.

Скобелевъ, Куропаткинъ и командиръ батареи Ружковскій сидѣли на площадкѣ, за опушкою, и завтракали. Все лицо Скобелева было забрызгано грязью, бакенбарды слиплись, голосъ хриплъ, пальто было разорвано, георгиевскій крестъ съѣхалъ съ груди куда-то на бокъ.

— Посмотрите, какіе герои сидятъ у меня на редутѣ, сказалъ онъ, и слезы навернулись на его глазахъ.

— Это — люди, достойные всякой награды... Это — лвы... Это — герои въ истинномъ значеніи слова“ ...

Позавтракали.

— Идите на редуት:

„Не ъзди“, шепнуло чувство.

— Нѣтъ, не поѣду, отвѣтилъ я.

— Вы боитесь?

И Скобелевъ посмотрѣлъ на меня такимъ взглядомъ, котораго я никогда не забуду. Въ этомъ спокойномъ, улыбающемся взглядѣ сказалось и бездна подкупающаго, и бездна презрительнаго.

„Чортъ возьми!“ шепнуть мнѣ демонъ на ухо:— что такое ты со своею жизнью!“

— Вы думаете, я боюсь?

Скобелевъ захохоталъ. Меня взорвало.

— Идите!

— Коня!

— Только не коня!.. идемте пѣшкомъ.

— Для васъ я дѣлаю эту уступку...

Пошли. Пошли въ троѣмъ: Скобелевъ, я и Куропаткинъ. Пули свистѣли вокругъ и рѣзко шлепались въ землю. Съ каждымъ шагомъ, разсудокъ шепталъ мнѣ: „глупо!.. глупо!.. глупо!.. вотъ сейчасъ!.. вотъ!.. нѣтъ!.. вотъ теперь!..“

Вдругъ что-то стремительно ударило меня въ бокъ! Одинъ моментъ—и я не сознавалъ себя! Я перевернулся! Шлепнуло въ землю!.. боль въ боку!.. что такое?

— Я раненъ! крикнулъ я громко, отдѣливъ руку отъ бока и увидѣвъ окровавленную ладонь.

Всѣ остановились. Скобелевъ улыбнулся.

— Въ руку? кинулся ко мнѣ Куропаткинъ.

— Нѣтъ, въ бокъ!..

„Пуля въ груди!.. ну, вотъ—конецъ!.. сейчасъ умирать“. Странно! Лишь только мелькнула эта мысль, я забылъ обо всемъ на свѣтѣ... даже самые дорогіе образы

не вспоминались въ эту минуту. „Какъ я буду умирать?“ — вотъ вопросъ, который сидѣлъ въ головѣ. Силы были при мнѣ. Разсудокъ здоровъ. А чувство самосохраненія незамѣтною силою гнало къ перевязочному пункту. „Скорѣй!.. скорѣй!..“ Меня положили на носилки. Кровь лилась изъ раны; ничѣмъ нельзя ее было остановить.

— Я пѣшкомъ пойду.

— Идите, сказали носильщики: — мы и такъ уже пятую сотню таскаемъ, плечи болятъ.

Я побѣжалъ. Въ глазахъ моихъ начало темнѣть. Вотъ путается дорожка, я перестаю различать кусты, деревья; вотъ, наконецъ, я ничего не вижу, опускаюсь на землю и думаю: „должно быть, смерть!..“ Какъ сильно захотѣлось мнѣ жить въ эту минуту! „Неужели я умру?“

— Ваше бл—діе, садитесь.

— Кто ты?

— Казакъ.

— Не могу, посади.

Казакъ поднялъ меня на сѣдло. Докторъ сказалъ на перевязочномъ пунктѣ:

— Счастливый человѣкъ... еще бы на йоту въ стору, и мы бы не видѣли васъ.

Легко, отрадно и пріятно стало мнѣ послѣ этой перевязки.

Вечеромъ 31-го августа, до насъ донеслись ликующіе крики турокъ: „Алла!“ Что значать эти крики, эта музыка, этотъ зловѣщій, постепенно приближающійся грохотъ орудійныхъ колесъ? Неужели турки отняли у насъ редуты, доставшіеся намъ кровью тысячей людей—редуты на которыхъ мы съ такими жертвами держались 24 часа?

Неужели всѣ эти тысячи раненыхъ, убитыхъ, изувѣченныхъ, обезображенныхъ — все это, напрасныя жертвы нашей злосчастной судьбы? Неужели мы снова отступали съ плевненскихъ позицій?

Мы отступали, потому что разбросали наши силы; вмѣсто того, чтобы сосредоточить ихъ въ одномъ мѣстѣ и прорвать непріятеля; потому что мы ошиблись въ опредѣленіи ключа позиціи; потому что у насъ не хватало шанцевыхъ инструментовъ, чтобы укрѣпиться на редутахъ; потому что кавалерія не помогла намъ, завязавъ бой съ какими-то баши бузуками; потому что артиллерія стрѣляла сильно 26 августа и очень вяло во время атаки; потому что румыны плохо помогали намъ и наконецъ потому что далеко не всѣ генералы ходили съ солдатами въ атаку, вслѣдствіе чего у Крылова, напр. получился полный безпорядокъ.

Этимъ окончился періодъ нашихъ неудачъ за Дунаемъ.

XVI.

Наши братушки и нѣчто о Болгаріи.

Придунайская область Болгаріи, иначе Дунайскій вилайетъ Турецкой имперіи, граничитъ на западѣ съ Старою Сербіею, на востокъ примыкаетъ къ Черному морю, имѣя Дунай своею сѣвѣрною границею, а Балканы — южною. Дунайскій вилайетъ въ настоящихъ его административныхъ предѣлахъ есть обширная страна, лежащая по правой сторонѣ нижняго Дуная. Живописные, дикіе, грандіозные, замѣчательно красивые и богатые своей растительностью Балканы отдѣляютъ сѣвѣрную часть Болга-

ріи отъ южной, образуя семь проходимыхъ горныхъ ущелій: одно находится у Софіи и по рѣкѣ Искарѣ ведетъ къ Татарь-Базарджику на Марицѣ; три около Трнова: одно ведетъ на Казанлыкъ черезъ Габрово, другое черезъ Травну въ Маглишъ и третье черезъ Златарицѣ на Сливно, и два около Шумлы: одно ведетъ на Карбанатъ, а другое на Чалыказанъ и Айдосъ. Трновскія ущелья, о которыхъ я говорилъ въ прошлой своей корреспонденціи, считаются самыми затруднительными, но они проходимы для артиллеріи. Въ 1829 г. русскія войска прошли ущельемъ изъ Шумлы на Айдосъ, а въ 1854 г. французская дивизія Боске съ артиллерією и кавалерією прошла изъ Галлиполи на Айдосъ, Кекрикію и Дервишъ-ханъ къ Варѣ. Въ 1855 г. турецкая кавалерія изъ 3,500 человекъ башы-бузуковъ прошла отъ Дарданеллъ въ Шумлу двумя колоннами, подъ командою англійскихъ офицеровъ; одна колонна шла черезъ Карбанатъ и Айдосъ, другая черезъ Казанлыкъ и Трново.

Дунай омываетъ болгарскій край на протяженіи 300 миль. Лѣвый его берегъ, румынскій, весь низменный, а правый берегъ, болгарскій, отъ Виддина до самого Рушукъ на 50—60 футовъ возвышается надъ уровнемъ рѣки. Отсюда до Чернаго моря Дунай течетъ по низменности, образуя рукава и протоки, и, принимая въ себя рѣки Прутъ и Сереть, впадаетъ въ Черное море. Глубина рѣки измѣняется отъ 18 до 60 футовъ, а ширина отъ 1 до 1½ версты. Воды его постоянно убываютъ, что подтвердила вѣнская коммисія. Высота воды во время его разлива неодинакова на всемъ его протяженіи: въ Рушукъ она можетъ подниматься на 4 аршина противъ обыкновеннаго уровня. Рѣка принимаетъ тогда грозный видъ. Весною и до конца полноводія, т. е. до середины мая,

морскія суда въ 400 и 500 тоннъ доходятъ обыкновенно до Журжева и Рущука, а въ случаѣ надобности и выше. Климатъ Дунайскаго вилайета вообще хорошій и здоровый, хотя довольно суровъ. Лѣтомъ очень жарко, зимою холодно. Зима бываетъ продолжительна, иногда стоитъ 6 мѣсяцевъ, съ ноября до апрѣля. Дождливые мѣсяцы мартъ и апрѣль. Дожди продолжаются около 4—5 дней сряду. Лѣтомъ случаются ураганы съ градомъ. Прибрежье болѣею частью заражено лихорадками, которыя господствуютъ въ особенности въ окрестностяхъ Виддина и Варны. Около Балкановъ лихорадокъ вовсе нѣтъ и климатъ вообще считается здоровымъ. Июль и августъ—самые жаркіе мѣсяцы. Шумла особенно страдаетъ лѣтомъ отъ жары.

Разработка статистическихъ данныхъ относительно народонаселенія Болгаріи ушла недалеко. Въ то время, когда Митхадъ-паша былъ генераль-губернаторомъ вилайета, была предпринята народная перепись людьми, вовсе не понимавшими своего дѣла, и притомъ она была затѣяна съ спеціальною цѣлью установить размѣры податнаго сбора и личныхъ налоговъ. Впрочемъ, еслибы правительство и хотѣло сдѣлать правильную перепись дунайскаго вилайета, оно не могло бы этого исполнить. Препятствіемъ тому служатъ нравы, обычаи и предрасудки восточныхъ жителей, а главнымъ образомъ невѣжество и личные виды чиновниковъ. Прусскій консулъ Рейзеръ въ своемъ донесеніи о Болгаріи въ 1859 г. даетъ слѣдующія цифры народонаселенія: болгаръ 965,000, мусульманъ 430,000, валаховъ (въ Добруджѣ) 25,000, евреевъ 13,600, армянъ 5,090, грековъ 10,000, нѣмцевъ (въ Добруджѣ) 2,500, липованъ (въ Добруджѣ) 6,000, татаръ крымскихъ 15,000, европейцевъ 2,000; итого 1.482,600 чел.

Господствующія религіи — мусульманская и право-

славная; католиковъ мало, хотя и существуютъ цѣлыя католическія деревни. Въ одной изъ такихъ деревень я побывалъ два раза, а именно въ дер. Орештъ—резиденція штаба 9-го корпуса передъ взятіемъ Никополя. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ болгарско-католическія деревни находились подъ покровительствомъ турецкаго правительства, и со стороны этихъ болгаръ я слышалъ меньше жалобъ на свою судьбу, что объясняется непосредственнымъ покровительствомъ ихъ пасторовъ, пользующихся протекціею римской духовной власти. Армяне въ этомъ вылаютъ еще меньше нежели католиковъ. Затѣмъ въ численномъ отношеніи слѣдуютъ евреи и цыгане. Мусульмане здѣсь — чистые турки, безъ примѣся мусульманскихъ сербовъ, босняковъ и албанцевъ. Мусульмане живутъ по берегу Дуная, отъ Силистріи до чернаго моря. Всѣ города, особенно же Варна, Шумена и Разградъ, переполнены турками. По мѣрѣ приближенія къ Балканамъ число ихъ въ городахъ уменьшается. Но вообще число мусульманскаго населенія уменьшается съ каждымъ годомъ; тогда какъ болгарскихъ растетъ довольно быстро и замѣтно. На это явленіе имѣетъ вліяніе какъ отбываніе мусульманами военной повинности, такъ и многія причины, уменьшающія рожденіе дѣтей и неблагопріятно вліяющія на ихъ воспитаніе. Въ числѣ этихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ существующее у мусульманъ многоженство. Впрочемъ въ настоящее время мало встрѣчается уже такихъ турокъ, которымъ средства позволяли бы имѣть нѣсколько женъ. Къ турецкой же народности причисляются въ разное время выселившіеся сюда изъ Россіи татары и черкесы. Послѣдніе принадлежать къ числу злѣйшихъ нашихъ враговъ. Мы видимъ теперь, что многіе мусульманскіе жи-

тели городовъ и деревень начинаютъ оставаться на мѣстахъ своего жительства и возвращаться въ города и села занимаемые русскими войсками; но ни одинъ черкесъ еще не возвратился въ свой домъ и не положилъ оружія. Пленные черкесы, рассказывая о своей прошлой жизни во время допросовъ, особенно рельефно отгѣляютъ время ихъ выселенія съ Кавказа, нужды и страданія, которыя, по ихъ словамъ, они пережили какъ во время самаго переселенія, такъ и послѣ его. Въ этомъ слѣдуетъ искать причины ихъ особенной непримиримой вражды къ русскимъ, доходящей до степени ненависти. Мнѣ случилось здѣсь встрѣтиться съ однимъ старымъ черкесомъ, который, вспоминая время выселенія при войсковомъ атаманѣ Филипонѣ, говорилъ: „Мы знали, что Царь давалъ тогда деньги на вспомошествованіе переселенцамъ, но эти деньги не доходили до насъ, и насъ бросали на дно турецкихъ канковъ и голодными и холодными перевозили въ Турцію“. Люди, бывавшіе на Кавказѣ и сравнивающіе тамошнее житіе черкесовъ съ настоящимъ въ Турціи, говорятъ что здѣсь они не видятъ и тѣни того довольства, которое окружало ихъ на Кавказѣ. И дѣйствительно необыкновенно жалкими, нищенскими показались мнѣ черкесскія деревушки съ ихъ несчастными домиками на куриныхъ ножкахъ. Нельзя сказать, что Турція надѣлала хорошею землею этихъ и безъ того малоспособныхъ къ труду людей. Турецкое правительство всегда старалось пользоваться наиболѣе плѣсообразнымъ способомъ переселенія татаръ и черкесовъ въ предѣлы Турціи. Въ верхней Добруджѣ живутъ татары, вышедшіе изъ Россіи въ екатерининскія времена. Послѣ присоединенія Крыма въ Россіи они сначала переселились было въ Бессарабію, но по взятіи Исмала русскими перешли за Дунай и по-

селились въ Добруджѣ. Въ 1853 году, изъ страха передъ нашими войсками, они вновь поднялись со своихъ мѣстъ и бросились черезъ всю Болгарію къ Балканамъ, причемъ отъ нихъ сильно пострадало христіанское населеніе, въ особенности въ Базарджикскомъ округѣ. Въ 1856 г., послѣ восточной войны, изъ Крыма, а именно изъ Евпаторіи, выселилось татаръ болѣе 15 тысячъ душъ, которые и поселились около Меджидіе.

Татары и по сіе время продолжаютъ выселяться изъ Крыма во избѣжаніе воинской повинности, хотя и не въ такихъ размѣрахъ какъ прежде. При поселеніи черкесовъ въ Болгаріи, Порта ассигновала на нихъ большія суммы, но эти суммы, проходя черезъ руки турецкихъ пашей, конечно не доходили по назначенію. Затрачивая средства на переселеніе черкесовъ, Порта дѣлала это въ виду той пользы, которую черкесы могли ей оказать въ борьбѣ съ славянами. Черкесы были поселены всюду, гдѣ только требовалось увеличить мусульманское народонаселеніе. Всѣхъ черкесовъ переселилось въ Турцію до 200,000, но теперь ихъ насчитываютъ здѣсь всего отъ 60 до 70 тысячъ. Черкесы неспособны работать, тогда какъ татары чрезвычайно трудолюбивы, и въ бытѣ крымскихъ татаръ въ Добруджѣ замѣчается полное довольство, тогда какъ въ бытѣ черкесовъ—полное нищенство.

Христіане разсѣяны по всему вилайету, казаки и липоване—около Тульчи, занимаясь рыбною ловлею и земледѣліемъ; помаки живутъ около Софіи, Базарджика, Ловчи, Врацы и Алексинаца; греки разбросались по городамъ, гдѣ и занимаются ростовщичествомъ, давая деньги землепашцамъ и взимая съ нихъ по 50% въ годъ: валахи — въ Добруджѣ и около Виддина и наконецъ армяне—по городамъ вдоль по Дунаю. Католическихъ и

нѣмецкихъ колоній здѣсь сравнительно очень немного, европейцевъ также мало, и послѣднiе большею частью принадлежать къ поддонкамъ европейскаго общества.

Земледѣліе есть единственный источникъ богатства Болгаріи.

Въ нѣкоторыхъ городахъ начала было развиваться торговля и кой-какая промышленность, какъ напримѣръ въ Габрово выдѣлка шкуръ и столярное мастерство, благодаря обилію лѣсовъ по сосѣдству въ Балканахъ, но все это зачахло на первыхъ же порахъ, вслѣдствіе невозможныхъ налоговъ и грабежей баши-бузуковъ. Такимъ образомъ болгаринъ остановился исключительно на хлѣбопашествѣ, какъ на такомъ занятіи, которое не требовало много труда, благодаря благодатной почвѣ, и еще менѣе денегъ. Невѣжество, нищета и чрезмѣрные налоги исказили также отношенія болгарина къ земледѣлію, но при лучшей обстановкѣ онъ могъ бы быть хорошимъ землепашцемъ.

При обработкѣ земли болгаринъ держится самыхъ первобытныхъ способовъ, существовавшихъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Молотьба совершается простымъ способомъ: заставляютъ лошадей бѣгать по гумну. Мидхатъ-паша старался было ввести машины въ Дунайскомъ вилайетѣ и уже выписалъ нѣсколько, но за недостаткомъ людей, умѣющихъ обращаться съ ними, онѣ остаются безъ употребленія. Да притомъ машины были куплены черезъ посредство такихъ проходивцевъ, которые хотѣли лишь больше нажиться при этомъ и сбыть съ рукъ негодныя орудія. Солома послѣ молотбы тутъ же рубится доскою съ набитыми маленькими кремневыми камнями и служить потомъ кормомъ скоту во время зимы. Очищенное зерно убирается въ амбары, большею частью дере-

вянные или сдѣланные изъ фашичника, обмазаннаго грязью. Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, зерно убирается въ ямы, внутри обожжены, и закрывается соломой и землею, какъ это дѣлается у насъ въ Малороссіи и въ Валахіи.

Въ Турціи вся земля принадлежитъ правительству или лучше сказать, султану, который даетъ позволеніе всѣмъ турецкимъ подданнымъ обрабатывать ее вездѣ, гдѣ кому угодно и возможно, съ единственнымъ условіемъ платить десятину. Такой порядокъ вещей ведетъ къ тому, что землепашецъ, зная, что земля ему не принадлежитъ и что она во всякое время можетъ быть отнята отъ него, не находитъ въ себѣ особыхъ побужденій заботиться о ней и не старается обрабатывать ее какъ слѣдуетъ. Впрочемъ въ самое послѣднее время сдѣлано кое-что въ этомъ отношеніи, но земледѣльцу все-таки не дано еще тѣхъ гарантій во владѣніи землею, которыя въ Европѣ считаются существенными. За болгаринѣмъ нѣкоторымъ образомъ признается теперь право владѣнія землею, ибо съ нѣкоторыхъ поръ онъ получилъ возможность располагать ею, продавать ее по своему усмотрѣнію, хотя земля по прежнему считается исключительно принадлежащею султану, и болгаринъ есть временный ея эксплуататоръ.

Горы составляющія южную и юго-западную границу вилайета, богаты лѣсами; тутъ растутъ: дубъ, букъ, липа, вязъ, береза, сосна и другія деревья. Балканы представляютъ собою самую живописную часть Европейской Турціи. По дорогѣ мнѣ попадались такія мѣста, съ которыми просто не хотѣлось разставаться. А эти чудныя лунныя ночи! А эти серебристые въ такую ночь водопады! Сколько здѣсь природной прелести, сколько нетронутаго богатства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ лѣса не принадлежали никому или, лучше сказать, принадлежали всѣмъ, желаю-

щимъ ими пользоваться; рубилъ ихъ всякій, кто хотѣлъ. Порта, вѣчно нуждавшаяся въ деньгахъ, всегда искала случая извлечь изъ нихъ выгоду; нужда въ деньгахъ заставила Порту присвоить себѣ исключительное право если не владѣнія, то по крайней мѣрѣ пользованія лѣсами. Нѣкоторые изъ нихъ оставлены были въ общее владѣніе деревень, другіе переданы были владѣльцамъ изъ мусульманъ, а третьи поступили въ казну.

Прежде съ земли не платилось никакой подати, взималось только 10% съ ея произведеній, чѣмъ и ограничивался весь оброкъ; нынѣ же введена подать за владѣніе землею 4 гроша съ четырнадцатой части десятины. Сборъ податей натурою отчасти соответствуетъ положенію здѣшнихъ поселеній, но способъ этого сбора до крайности нелѣпъ и разорителенъ. Жатва происходитъ въ половинѣ іюня мѣсяца. Составленные снопы должны оставаться въ полѣ до тѣхъ поръ, пока явятся оцѣнщики для опредѣленія части, принадлежащей правительству. Крестьяне обязаны привезти подать на опредѣленное мѣсто, невадалекъ отъ деревни, и смолотить. Правительственный агентъ распредѣлялъ трудъ между поселянами соответственно количеству доставленной каждымъ изъ нихъ подати: всякій поселянинъ, безъ различія вѣры и національности, обязанъ работать, какъ ему прикажутъ. Пока сборщики десятины не провѣрятъ и не возьмутъ части имъ принадлежащей, поселяне не могутъ снять съ поля хлѣбъ. Если же кто либо имѣетъ надобность взять съ поля свой хлѣбъ, то обязанъ предварительно обратиться къ начальству общины. Оно посылаетъ эксперта, который свидѣтельствуешь количество хлѣба, взятое до разсчета по десятинному налогу. Счастливыми считаютъ себя тѣ деревни, въ которыхъ десятина освидѣтельствована и подать

взята немедленно послѣ жатвы. Но обыкновенно по небрежности и еще чаще изъ за ваятокъ подобное засвидѣтельствованіе не дѣлается вовремя, вслѣдствіе чего происходятъ громадныя потери для поселянъ. Зачастую осенніе дожди застаютъ жатву на полѣ неубранною, такъ что весь хлѣбъ естественно долженъ испортиться.

Болгаринъ землепашецъ постоянно находится въ долгу, который имъ сдѣланъ или по особеннымъ причинамъ, или же вслѣдствіе неурожая. Съ году на годъ долговныя суммы, увеличиваясь процентами, возрастаютъ до такихъ размѣровъ, что состояніе землепашца рѣшительно разрушается. Когда землепашецъ по тѣмъ или другимъ причинамъ вынужденъ бываетъ прибѣгнуть къ займу, то кредиторъ всегда и очень легко находится въ лицѣ грека, еврея, а иногда и самаго зажиточнаго болгарина-чорбаджія, преданнаго интересамъ турокъ. Все тотъ же реформаторъ дунайскаго вилайета Мидхатъ-паша хотѣлъ было своевременно помочь этому горю болгарина; онъ заискивалъ тогда въ болгаринѣ, рассчитывая сдѣлаться болгарскимъ княземъ. Мидхатъ-паша принялся за учрежденіе поземельныхъ банковъ. Для учрежденія этихъ банковъ онъ нуждался въ деньгахъ, а деньги могли явиться только при сочувствіи чорбаджіевъ къ этому дѣлу. Но чорбаджіи откровенно отвѣчали ему, что они живутъ процентами отъ своихъ капиталовъ и что проектируемые банки могутъ разстроить ихъ коммерческіе обороты. Тогда Мидхатъ-паша постановилъ, чтобы всякому владѣльцу сохи выдано было извѣстное количество кукурузы для посѣва, съ тѣмъ чтобы сборъ посѣва былъ проданъ въ пользу основнаго капитала сельскаго банка. Затѣмъ крестьяне обязаны были обрабатывать часть необработанной земли и засѣвать кукурузою; такая земля поступала въ

управленіе самого банка. Такимъ образомъ губернаторъ успѣлъ образовать основной капиталъ, и черезъ годъ въ кассѣ банка находилось до 200 турецкихъ лиръ. Когда банкъ былъ открытъ, — чорбаджи, чтобы парализовать его дѣйствіе, сами стали занимать въ банкѣ деньги по 12⁰%, ссужая ихъ потомъ въ розницу крестьянамъ за 18 и 20% въ годъ. Тѣмъ не менѣе выгоды подобнаго учрежденія были поняты населеніемъ, и можно было ожидать, что черезъ нѣсколько лѣтъ землепашцы при помощи банка освободятся отъ своихъ кредиторовъ. Къ сожалѣнію, за смѣной Мидхата-паши его предпріятіе рушилось.

Съ несчастнаго болгарина драли семь шкуръ. Онъ обязанъ былъ платить: подушную подать, военную подать, въ общину, за десятину, за овецъ, за свиней, съ виноградника, за виноградъ особенно, за вино особенно, за ракію также. Косвенныя подати платились имъ за табакъ, за соль, за билетъ или паспортъ. Независимо отъ этого болгаринъ платилъ своему священнику, школьному учителю, старшинѣ или мухтару, чорбаджию, пастуху, лѣсничему; долженъ былъ кормить турецкаго чиновника и его лошадей и платить за шоссе, такъ что въ концѣ концовъ болгаринъ уплачивалъ по 30% съ своего имущества, кромѣ работъ натурою, процентовъ и прочихъ податей, неимѣющихъ даже названія на европейскомъ языкѣ. Даже сѣно было обложено податью. Подобными мѣропріятіями турецкое правительство само наносило смертельный ударъ нѣкоторымъ отраслямъ хозяйственнаго промысла; такъ, напримѣръ, прежде болгары особенно много занимались разведеніемъ свиней. Теперь во всей Болгаріи я не видалъ до сихъ поръ ни одной свиньи. Отсутствіе этого животнаго въ сельскомъ хозяйствѣ об-

яняется тѣмъ, что турецкое правительство ввело таксу по 10 грошей съ головы какъ взрослой свиньи, такъ и поросенка, такъ что деревни перестали разводить свиней и разорились. Свиньи, по словамъ турецкихъ властей, были даже причиною якобы революціи въ 1867—1868 годахъ. Возникъ ропотъ, которымъ воспользовалась болгарская молодежь и сдѣлала неудачную попытку къ возстанію. Мидхатъ-паша, по совѣту англійскаго консула, уничтожилъ пошлину съ поросятъ, но все-таки объяснилъ ропотъ населенія замыслами революціонными. Въ Болгарію приходили изъ Валахіи и Трансильваніи пастухи пасти большія стада, платя турецкому правительству по 3½ гроша съ головы. Съ тѣхъ поръ, какъ были поселены черкесы,—трансильванскихъ и валахскихъ пастуховъ стало приходить меньше, вслѣдствіе грабительства черкесскихъ шаекъ.

Весь сборъ съ недвижимыхъ имуществъ въ придунайской Болгаріи простирался въ послѣднее время до 36.654,995 фран.; расходы турецкаго управленія по officialнымъ источникамъ равнялись 6.920,619 фр. За вычетомъ расходовъ на мѣстное управленіе, получалось чистаго дохода 29.434,376 фр. Если присоединить къ этой цифрѣ 3 милліона таможеннаго сбора, то окажется, что дунайскій вилайетъ ежегодно вносилъ въ константинопольскую казну 32 милл. фр.

Постоянные рассказы о болгарскихъ бѣдствіяхъ, появляясь въ печати еще задолго до объявленія войны, возбуждали наши нервы. Искренно доверяя всему, что писалось въ газетахъ о болгаряхъ, за неимѣніемъ возможности проверить передаваемые факты на дѣлѣ, помню, какъ все мы явились въ Болгарію, рассчитывая встрѣтить въ ней голодающій, раззоренный, не имѣющій соб-

стесненное крѣво народъ, влачащій самую жалкую жизнь, исполненную всевозможныхъ лишений и бѣдствій. „Такъ было до войны, думали мы:—что же будетъ тогда, когда мы перейдемъ Дунай и погонимъ турокъ изъ Европы?“ Мы пошеюно имѣли основаніе предполагать, что съ этого момента турки выпрѣжутъ всю Болгарію и не оставятъ тамъ камня на камнѣ. „Мы будемъ свидѣтелями самаго ужаснаго насилія, самыхъ грубыхъ и дикихъ грабежей и разбоевъ, говорили въ арміи:—Посягательство на имущество, честь и жизнь — вотъ что собственно ожидаетъ нашихъ братьевъ-болгаръ!“

Вы помните съ какимъ ужасомъ, запечатлѣвшимся на лицѣ—смотрѣлъ на насъ первый встрѣчный „братушка“, котораго мы встрѣтили минуя съ авангардомъ деревню-Турска-Слива.

Вся фигура болгарина сгорбилась, съежилась; весь онъ припнулся къ землѣ, а голова опустилась, такъ низко, низко, и долго она не могла подняться передъ лицомъ явившагося спасителя. Рабство, безпредѣльная покорность, самоуниженіе, робость, забитость до того рѣзко сказались при первой встрѣчѣ съ болгаринцомъ, что на лицѣ даже нашего солдата скользя невольная улыбка, и ему стало жаль болгарина, но онъ не рѣшился сказать ему громко, весело и ободрительно:

„Здравствуй, братъ!..“ Нѣтъ!.. онъ сказалъ ему: „Здравствуй братушко! Ухъ, какъ ты съежился!.. Нѣтъ, ты настоящій „братушко!“ „Какой ты братъ?.. Посмотри на себя!..“ Солдатъ сказалъ это тономъ протектора. Чувство собственнаго достоинства, надменность, гордость, покровительство, даже нѣкоторая власть пополамъ съ юморомъ и сатирою послышались въ тонѣ русскаго солдата, а болгаринъ поклонился ему за это еще ниже прежняго

и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, сиротоговарною забормоталь:

— Здравствуй!.. здравствуй!.. здравствуй!..

И съ этой минуты первой встрѣчи русскаго солдата съ болгаринѣмъ на долю послѣдняго и выпало быть ему отнынѣ не „братѣмъ“, а „братушкой“.

Такъ по крайней мѣрѣ было на первыхъ порахъ, пока болгарскій крестьянинъ присматривался къ русскому солдату. А потомъ ихъ отношенія видоизмѣнились.

Говорятъ, существуетъ племенная связь между нами и болгарами и что эта связь рождаетъ насъ съ ними до такой степени, что мы всегда во все время чувствовали историческій зудъ заступаться за болгаръ и бороться за ихъ „свободу и независимость“. И это даже необходимо будто бы въ виду будущаго величія славянскаго племени. Можетъ быть это очень вѣрно, похвально и политично съ точки зрѣнія дипломата нашихъ дней, прозвѣвающего въ далекія времена будущаго. Но наша настоящій сѣрый русскій народъ едва ли знаетъ и едва ли хочетъ жить мечтами будущаго счастья и благодати. Народъ говорилъ такъ: „Нечего тебѣ журавля въ небѣ сулить, а дай ты мнѣ хоть синицу въ руки“.

Присматриваясь къ отношеніямъ болгарскихъ крестьянъ къ русскимъ солдатамъ, никакихъ я предвзятыхъ племенныхъ обиходныхъ симпатій и любви не усматривалъ. Въ подтвержденіе искренности моего заявленія я готовъ сослаться на свидѣтельство всѣхъ интеллигентныхъ очевидцевъ — офицеровъ арміи; я увѣренъ въ томъ, что они не только не будутъ меня оспаривать, но при случаѣ не прочь даже ругать болгаръ. „Вы возьмите нагайку, да въ случаѣ чего нагайкой ихъ“ — вотъ собственно изрѣченія, которыя мнѣ приходилось слышать иногда въ

случай нарядовъ болгаръ на работы или на иное что. Это нисколько не помѣшало русскому солдату сойтись съ болгаринѣмъ, полюбить и выражать ему свои привязанности, возродившіяся только съ того момента, когда они достаточно присмотрѣлись другъ къ другу. По правдѣ говоря, недолго суждено было солдату куражиться надъ болгаринѣмъ, называя его „братушкою“. Скоро пришелъ такой моментъ, когда болгаринъ понялъ русскаго какъ нельзя лучше и сказалъ: „Те-те-те!.. да и ты никакъ тоже братушко!..“

— Здравствуй, „братушко!“

— Здравствуй, „братушко!“

И съ тѣхъ поръ тонъ привѣтствія уравнился окончательно. Это было вторымъ фазисомъ духовнаго слиянія спасителя съ угнетеннымъ. Такому слиянію много поспособствовали взгляды, нравы, привычки, убѣжденія, воспитаніе и направленіе самихъ спасителей. Посмотрѣлъ солдатъ на болгарина, и защемило доброе русское сердце, глядя на страдающаго. Посмотрѣлъ болгаринъ на солдата, и съ одинаковою силою конвульсивной боли защемило и доброе сердце болгарина-страдальца. Болгаринъ пошелъ слѣдомъ за русскимъ солдатомъ, началъ ухаживать за нимъ, исправлять ему дороги, носить раненыхъ, дѣлиться послѣднею крохою хлѣба и носить воду въ цѣпь въ жаркій день боя, не взирая на убійственный огонь непріятеля... Болгарскія дружины дрались какъ львы... Дѣти перестали плакать въ деревняхъ, дѣвушки уже не бѣгали отъ солдатъ прятаться во ржи, а, напротивъ того, одна изъ нихъ показала мнѣ въ саду тайкомъ отъ отца и матери даже фотографическую карточку солдата. Смотрю, стоитъ маленький, коренастый, гладко выбритый, на всѣ пуговицы застегнутый Пя-я-туховъ, правую руку

держитъ по-шву, а въ лѣвой рукѣ, согнутой какъ по командѣ „на молитву“, у него кеди съ султаномъ, съ боку тесакъ виситъ какъ селедка; голову онъ держитъ прямо, напыщенно: „На-ко, молъ, посмотри какой я буду?“ Дѣвушка показала мнѣ портретъ, улыбнулась, губки сложила, глазки прищурила, головкою въ сторону мотнула, какъ будто хотѣла сказать; „А?.. Каково?... вотъ этотъ хорошій... очень хорошій... прелесть какой!“

Въ теплотѣ этихъ отношеній русскихъ къ болгарамъ несомнѣнно сказался залогъ будущей силы... если бы только... Но какъ ни небыточна моя мечта, а я увѣренъ въ томъ, что если бы предоставили болгаръ самимъ себѣ и, оставивши однихъ только русскихъ солдатъ въ деревняхъ, сказали имъ: „Ну, ребята, живите дружно съ братушками и защищайте ихъ отъ турецкихъ грабежей и разбоевъ! а вы, братушки, забудьте о старомъ“, — какой бы земной рай устроили у себя эти братушки, предоставленные самимъ себѣ. Такъ они добродушны, такъ дружны, такъ наивно простосердечны, столько молодыхъ хорошихъ задатковъ лежитъ, по правдѣ сказать, въ нѣсколько испорченной турецкими чиновниками натурѣ болгарина... Такъ земля плодородна и обильна... такъ не бѣдно его хозяйство!.. Прощло бы нѣсколько лѣтъ, и постепенно шагъ за шагомъ болгары дождались того, какъ благодатные плоды цивилизаціи зазрѣли бы на сучкахъ народнаго древа, привитые рукою интеллигентнаго болгарина, вышедшаго изъ народа, страдавшаго вмѣстѣ съ нимъ, знакомаго съ горемъ и нуждами своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Но... контингентъ цивилизаторовъ уже на готовѣ. Руководителями болгарскаго народа являются прежде всего губернаторы за ними пристраивается наличная болгарская интеллигенція и нако-

недѣ въ перспективѣ проектируется уже нѣмцкій принципъ.

Васъ конечно интересуетъ болгаринъ, какъ воспріимникъ будущихъ реформъ, и степень его способностей къ ихъ воспріятію.

Болгаринъ-крестьянинъ—это воскъ, изъ котораго можно лѣпить какія угодно облики. Вы можете судить объ его міросозерцаніи по первобытнымъ способамъ посѣвовъ, жатвы, молотбы и т. д. Хозяйство его обильно, онъ ни въ чемъ не нуждается, имѣетъ возможность жить прибиваючи, но гражданскихъ инстинктовъ въ немъ нѣтъ никакихъ! Вдача свою жизнь подъ гнетомъ турецкаго чиновника-взяточника, не находя правъ и правды, подвергаясь грабегамъ черкесовъ-туземцевъ, онъ попробовалъ было прибѣгнуть къ защитѣ своихъ единоверцевъ изъ интеллигентнаго класса, но болгарская интеллигенція состоитъ изъ полу-ученыхъ поповъ, учителей и горожанъ, занимающихся преимущественно торговлею предметами первой жизненной потребности. Учителя и помы, за малымъ исключеніемъ, начали эксплуатировать его въ свою пользу, хотя далеко не въ той степени, какъ это дѣлали такъ называемые „чорбаджии“.

Послѣдніе окончательно перешли на сторону турецкой администраціи и, ссужая деньгами, затянули болгарскаго крестьянина въ сѣти нескончаемаго долга. Много въ Болгаріи грамотныхъ, много школъ въ деревняхъ, но грамотному нечего читать тамъ. Городская интеллигенція мало образована, потому что всѣ немногіе воспитанники европейскихъ школъ и университетовъ жили до сихъ поръ внѣ Болгаріи, а тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ Болгаріи, казались до того зану-ганными, принижеными горемъ и нуждою, что только одна разумная энергія со стороны освободителя, безко-

рытно направленная на пользу болгарскаго народа, могла бы возбудить въ нихъ силу воли и заставить ихъ быть полезными своей родинѣ.

Я припомню нѣсколько болѣе или менѣе рѣзко запечатѣвшихся въ моей памяти эпизодовъ изъ нашихъ отношеній къ болгарамъ на первыхъ порахъ и ихъ отношеній другъ къ другу, не дѣлая никакихъ выводовъ и не заглядывая въ будущее.

Видъ слѣдующей болгарской деревушки, попавшейся нашему отряду по дорогѣ, произвелъ на насъ такое впечатлѣніе, что офицеры заговорили другъ съ другомъ:

— Посмотрите, господа, какая богатая деревня... Сколько света... сколько довольства!

Громадное стадо овецъ, буйголовъ, быковъ и коровъ паслось на широкой полянѣ. За время ночлега у деревни Татары въ нашъ лагерь начали появляться первые болгары. Казаки встрѣтили ихъ дружелюбно, напоили, накормили и начали задавать имъ кое-какіе вопросы и житейское бытие. Болгары давали отвѣты уклончивые, жалостные, были довольно исправно, но никто изъ нихъ не могъ мнѣ указать примѣромъ на фактъ какаго либо злѣчества со стороны турокъ.

— Здѣсь у насъ не рѣзали передъ сербскою войною, говорили болгары: — а вотъ за Балканами такъ бывали случаи.

Болгары жаловались преимущественно на воровство и грабежи черкесовъ и на утонку ихъ скота, когда пронесся слухъ между деревенскими жителями, что русскіе перешли Дунай и когда турецкое народонаселеніе бросилось за Балканы подъ вліяніемъ паническаго страха. Къ ночи явился въ бригаду попъ. Мы завели съ нимъ разговоръ. Пока я объяснялся съ первымъ попомъ, явив-

шимся въ нашъ лагерь на ночь, но по поводу стесненія участія болгарскаго народа въ правахъ объявленной Турціей конституціи, и пока этотъ пунктъ, очевидно не разумѣя даже слово „конституція“, толковалъ мнѣ все о какомъ-то патриархѣ, наши „братушки“ разсыпались по деревнямъ, зажженнымъ ночью осетинами, и алчно подбирали все, что только имъ попадалось подъ руки. Съ разсвѣтомъ мы двинулись далѣе къ югу, „братушки“ подбирали чугунные котлы, горшки, всякую рухлядь и бѣжали въ припрыжку за авангардомъ, боясь отстать отъ казаковъ. Мимовавъ слѣдующій день, мы вошли на обширную поляну къ деревнѣ Булгарени.

„Братушки“, посѣщая нашъ лагерь, такъ жалобно качали головами, разсказывая намъ о своемъ горькомъ житіи-бытіи, что полковникъ командиръ изъ жалости подарилъ двумъ, тремъ болгарамъ нѣсколько головъ скота. Въсть о подаркѣ быстро разнеслась не только по деревнѣ, но и въ окрестностяхъ. Болгары начали являться въ лагерь со всѣхъ сторонъ, такъ что отъ нихъ скоро отбоя не было; всѣ они являлись за новыми подарками. Между тѣмъ съ каждымъ лишнимъ днемъ мы все болѣе и болѣе убѣждались въ жизненныхъ достаткахъ болгарскаго крестьянина вообще. Принявъ мѣры къ обезпеченію собственности „братушекъ“, отъ нѣскольکو безцеремоннаго отношенія къ ней казаковъ, офицеры доставали за деньги все, что было необходимо для стола. Мы были даже удивлены, встрѣтивъ въ Болгаріи цвѣтущія села и такую общую среднюю зажиточность между крестьянами, которую отъ всей души можно только позавидать нашимъ землевладѣльцамъ. Время нашей стоянки въ Булгарени было время жатвы. Хлѣбныя поля и кукурузныя посѣвы тянулись широко и далеко вокругъ деревни, но людей

выходило мало на работу. Болгары работали на своих и на турецких полях, пользуясь отсутствием бѣжавших турецких землевладельцевъ. „Братушки“ не дремали и захватывали въ свои руки все, что только могли. Я помню, русскихъ весьма интересовали первобытные способы уборки хлѣба. Сжатый хлѣбъ болгары привозили въ деревню, складывали его въ стога и принимались за молотьбу. Молотьба совершалась простымъ способомъ: болгаринъ связывалъ нѣсколько лошадей и заставлялъ ихъ бѣгать по гумну.

Выѣзжалъ въ болгарскія деревушки, я всегда останавливался въ деревенскихъ лавкахъ. Обстановка лавки, полочки, убогая, но я находилъ въ ней все, начиная съ плохого вина и кончая даже колбасой, какъ-то особенной, съ избыткомъ перца, приготовленной болгаринами. Здѣсь, въ этой лавчкѣ, всегда собирается большое общество крестьянъ, въ особенности въ воскресные дни.

Болгары въ большинствѣ случаевъ плакались на свою бѣдность.

— Въ вашей деревнѣ турки рѣзали людей? спрашивалъ я ихъ.

— У насъ не рѣзали, а вотъ въ слѣдующей деревнѣ—тамъ рѣзали.

Въ слѣдующей деревнѣ мнѣ ссылались на примѣры въ далыѣйшей и т. д. За все время моего пребыванія въ Болгаріи я встрѣтилъ только двухъ крестьянъ, до которыхъ несомнѣнно коснулся ножъ башки-бузукъ, хотя причины покушенія и остались для меня тайною.

— Въ вашей деревнѣ грабили турки? спрашивалъ я „братушекъ“.

— Грабили, отѣняли дружно въ одинъ голосъ болгары:—Ты что это пишешь въ книжку? интересовались они, глядя на меня.

— Я записываю ваши рассказы.

Послѣ такого отвѣта болгары подходили ко мнѣ по очереди:

— Запиши: у Ивана Іенчу турки уирали 200 пиастровъ...

— Зовуть Гаджи Петро... У меня турки быка увели...

— Кристо Димовъ... У меня турки пять барановъ увели.

Болгары принимали меня за чиновника, присланнаго въ деревню властями; чиновникъ-де пріѣхалъ, съ тѣмъ чтобы собрать справки, что у кого украдено; для того чтобъ вернуть ему украденое обратно.

Чаще всего турецкіе чиновники предпочитали имѣть дѣло съ зажиточными болгарами въ своихъ сношеніяхъ съ крестьянами при взысканіи десятинъ. Такимъ образомъ образовалась цѣлая каста богатыхъ людей, изъ своихъ же „братушекъ“-болгаръ, которые, принявъ на себя роль откупщиковъ, не замедлили втянуть въ неоплатные долги болгарскаго крестьянина. Турецкое правительство съ послабленіемъ относилось къ злоупотребленіямъ откупщиковъ, для того чтобы откупщики находили для себя выгоду въ этомъ дѣлѣ и старались возвышать доходъ правительства, а не уменьшать его. И откупщики, понятно, не упускали случая этимъ пользоваться. Но главное зло составляли еще не сами откупщики, а переоткупщики или по нашему цѣловальники. По закону откупщикъ могъ перепродавать свое право взиманія другому лицу. Вотъ эти-то послѣдніе господа въ большинствѣ случаевъ были истинно бичами Божьими, вынуждая (способовъ было много) крестьянъ идти на самыя невыгодныя сдѣлки. Достаточно было, напримѣръ, откупщику не соглашаться принимать десятину до окончанія жатвы

во всемъ округѣ. Наиболѣе жадными пѣвицами такимъ образомъ были въ турки, а откупщики и чорбаджи, старосты изъ своихъ же братьевъ-болгаръ, и огромное большинство болгаръ разбогатѣло именно этимъ способомъ.

Чорбаджи жили припѣваючи. Я видѣлъ ихъ въ Болгаріи и въ особенности имѣлъ случай наблюдать одного въ Габровѣ до начала шипкинскихъ битвъ. Тучный, отѣвшійся, зажиточный болгаринъ былъ предметомъ злыхъ насмѣшекъ габровской интеллигенціи, особенно охотно откликнувшейся на зовъ къ управленію новаго окружнаго начальника изъ русскихъ офицеровъ. Богатый болгаринъ, не первой молодости, жилъ въ новомъ, обширномъ домѣ, пользовался всеми благами жизни, начиная съ молодой жены и кончая вкусною и многократною ѣдою. Въ этомъ собственно и заключалась вся прелесть его жизни. Чорбаджи находился въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ турками, что когда въ Габровѣ прошелъ слухъ о приближеніи русскихъ и когда габровское турецкое населеніе бросилось изъ города, то упомянутый чорбаджи спонялъ нагайцами своихъ же братьевъ-болгаръ, желая доставить подводы турецкимъ чиновникамъ. Само собою разумѣется, что такой господинъ застенно недружелюбно отнесся къ первымъ представителямъ новаго управленія въ лицѣ „кайманына“, и первымъ способомъ снисканія себѣ благоволенія новаго начальника былъ способъ закармливанія его въ своемъ собственномъ домѣ.

Со времени водворенія новаго управленія въ Болгаріи, крестьянинъ-„братушко“ очутился такимъ образомъ между новымъ администраторомъ и болгарскою интеллигенціею, причѣмъ общество болгарской интеллигенціи составилось изъ поповъ, учителей и городскихъ торговцевъ. Будучи свидѣтелемъ водворенія новаго управленія

въ Габровѣ (куда, слѣдуетъ замѣтить, назначены одинъ изъ лучшихъ представителей новаго евангелита болгарскихъ администраторовъ); я замѣтилъ, что перванствующее мѣсто, вѣдательное въ административномъ, судебномъ и городскомъ совѣтахъ, заняли учителя; на послѣднемъ планѣ оказались прежніе чорбаджии.

Учителя — народъ бѣдный, страдавшій выѣздомъ съ народомъ; чорбаджии — богаты. Немудрено, что между ними существуетъ нѣкоторый антагонизмъ. Конечно въ тайной перемѣнѣ административнаго состава можно было бы усмотрѣть залогъ добрыхъ началъ, которые могли бы привиться болгарскою молодежью, въ случаѣ энергіи съ ея стороны. Но на первыхъ же порахъ дѣятельности этихъ лицъ нельзя было не замѣтить двѣ отличительныя черты въ складѣ ихъ нравственной природы: учителя, преимущественно воспитанники нашихъ духовныхъ семинарій, оказались, во-первыхъ, мало образованными и совоѣмъ почти незнакомыми съ порядками и системою самоуправления; во-вторыхъ, — что еще того хуже, — они на первыхъ же порахъ своихъ сношеній съ новымъ администраторомъ обнаружили совершенное отсутствіе инициативы, униженное заискиванье во власти и полное упорабощеніе своей мысли, воли и желаній. Въ лицѣ учителей, врачей и нѣкоторыхъ поповъ мы видимъ ту самую интеллигенцію, которая агитировала въ свое время въ пользу возстанія въ кружкахъ, школахъ и непосредственно въ народѣ. Вамъ можетъ показаться страннымъ ихъ агитація въ народѣ, въ связи съ вышеприведенною чертою ихъ характера. Страннаго тутъ ничего нѣтъ. На это справедливо отвѣчаетъ намъ одинъ изъ корреспондентовъ (если не ошибаюсь, изъ Новаго Времени). „Важнымъ источникомъ, нинетъ онъ: — народнаго неудоволь-

ствія противъ турокъ было устрaненіе болгаръ, особенно выдающихся ихъ представителей, отъ какихъ бы то ни было административныхъ должностей. Что оставалось дѣлать представителямъ интеллигенціи, особенно тѣмъ, которые воспитывались въ Россіи, Франціи и вообще внѣ Турціи? Большинство ихъ, если только не всё, силой обстоятельствъ дѣлались народными сельскими учителями, и они-то внесли сознание въ народъ. Не даромъ турки такъ неохотно отпускали болгарскую молодежь за границу, особенно въ Россію; нечего и говорить, какому надзору подвергались они по возвращеніи на родину. Конечно подобныя мѣры только ухудшали, а не ослабляли рѣзкость оттоманскаго правительства. Восстанія болѣе или менѣе частыя повторялись въ теченіе послѣдняго десятилѣтія неоднократно; возстаніе же 1875 г. было задумано широко по опредѣленному заранее плану и подготовлено было недурно. Громадный недостатокъ былъ только въ средствахъ. Восставшіе знали это, знали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительнымъ, но все-таки ихъ хотѣли обратить на Болгарію вниманіе Европы, хотѣли показать, что и ихъ родина имѣетъ право на жизнь цивилизованныхъ народовъ. Они не ожидали конечно ни жестокостей, сопровождавшихъ усмиреніе возстанія, ни равнодушія“.

И вотъ они достигаютъ теперь двоякой цѣли: Россія освобождаетъ ихъ, и по горячимъ слѣдамъ этого освобожденія болгарская интеллигенція старается захватить въ свои руки бразды правленія.

Едва ли можно питать довѣріе и возлагать надежды на плодотворную дѣятельность во имя блага народа такихъ людей, которые агитируютъ въ народѣ, руководствуясь исключительно эгоистическими побужденіями. А

что болгарская интеллигенція имѣла въ виду именно свои личные интересы — въ томъ я нисколько не сомнѣваюсь съ момента первыхъ выборовъ въ Габровѣ.

Габрово всегда было гнѣздомъ болгарскаго возстанія, и въ то же время оно было центромъ эксплуатаціи богатымъ чорбаджіемъ бѣднаго крестьянина — „братушка“. Отличительная черта русскаго администратора заключается въ томъ, чтобы первымъ дѣломъ послѣ своего назначенія позаботиться объ организаціи полезной для него и усердной полиціи. Извѣстно, что безъ полиціи русскій человѣкъ спать не можетъ спокойно. При назначеніи въ Габрово одного изъ лучшихъ представителей административнаго синклита, ему особенно толково и настойчиво было внушено: организовать прежде всего дѣятельную полицію. И вотъ во главѣ этой полиціи всталъ одинъ изъ зоркихъ, болѣе или менѣе интеллигентныхъ болгаръ. Прошло нѣсколько дней, и я помню, какъ до слуха новаго окружнаго начальника дошла уже вѣсть о томъ, что префектъ габровской полиціи началъ свою дѣятельность прежде всего со взиманія взятокъ. Время военное, вы знаете, — время смутное. Судебный совѣтъ еще не былъ избранъ въ городѣ, между тѣмъ какъ понятіе о собственности уже достаточно успѣло стушеваться въ представленіи болгаръ по отношенію къ имуществу немногихъ оставшихся турокъ и даже по отношенію къ имуществу своихъ братьевъ болгаръ. Стали довольно часто повторяться случаи кражъ. Одинъ болгаринъ стащилъ у другаго вола, другой уворовалъ у перваго лошадь, и оба они сходились на одномъ рынкѣ съ предметами своего воровства. Понятно, что возникали тяжбы, и эти тяжбы, поступая въ полицію, за неимѣніемъ суда, рѣшались габровскимъ префектомъ по способу, завѣщанному турецкимъ чиновникомъ.

Грѣшно было бы дѣлать такого рода упреки наидѣятельнѣйшимъ членамъ вновь избранныхъ совѣтовъ, но при первыхъ появленіяхъ этой дѣятельности замѣчены были другія особенности. Учителя и попы, вошедшіе въ составъ административнаго совѣта, сейчасъ же поставили себя въ положеніе руководителей, указчиковъ и учителей равноправныхъ съ ними по закону членовъ совѣта изъ среды крестьянъ „братушекъ“, но не достаточно развитыхъ, „по ихъ мнѣнію“, болѣе молчаливыхъ и привычно-послушныхъ ребятъ. Поднявъ голосъ въ средѣ такого совѣта, они въ то же время подобострастно заглядывали въ глаза начальству и по прошествіи нѣсколькихъ дней уже начали исподволь возбуждать вопросъ о гонорарѣ за ихъ трудъ и обязанности. Дѣла они никакого еще не сдѣлали, а деньги подай. Долго они дожидались, бѣдные, этого золотого времени. Въ минуты моихъ бесѣдъ съ ними мнѣ случалось говорить о разныхъ не менѣе интеллигентныхъ представителяхъ ихъ города, не вошедшихъ въ составъ совѣтовъ: административнаго, городского и судебного. Они выражались о многихъ съ такою желчью, ненавистью и затаенною злобою, что во мнѣ не оставалось никакого сомнѣнія въ существованіи партіи... и гдѣ же?—въ городѣ, жившемъ лихорадочною жизнью военнаго времени, изъ котораго половина населенія бѣжала безъ оглядки, побросавъ дома и все свое имущество. „Теперь уже образовались партіи. Боже, что же будетъ потомъ?“ думалъ я въ эти минуты.

Существованіе партій не замедлило обнаружиться фактически. Одного молодого человѣка, претендовавшаго на мѣсто въ совѣтѣ, рисовали въ городѣ весьма безхарактернымъ и не честнымъ человѣкомъ. Вспоминая его прошлыя отношенія къ туркамъ, про него говорили между

прочимъ, что было время, когда онъ дѣйствительно принималъ участіе въ болгарскихъ заговорахъ, но затѣмъ вскорѣ переходилъ на сторону турокъ и задавалъ пиры турецкимъ чиновникамъ, желая разсѣять ихъ подозрѣнія. Этотъ молодой человѣкъ, оскорбившись въ свою очередь отстраненіемъ его отъ должности члена совѣта, порицалъ наличный составъ избранныхъ членовъ. И что-же? — Въ первые же дни пребыванія въ Габровѣ новаго русскаго окружнаго начальника ему былъ сдѣланъ первый доносъ на молодаго человѣка. И этотъ доносъ былъ сдѣланъ въ такомъ смыслѣ, что молодой человѣкъ не ограничивался порицаніемъ нравственныхъ качествъ лицъ, избранныхъ въ совѣтъ, но и выражалъ въ то же время публично, въ кофейной, порицанія дѣйствіемъ новаго въ Болгаріи русскаго правительства. Хорошо еще, что этотъ доносъ былъ сдѣланъ благоразумному человѣку, который посматрѣлъ на него сквозь пальцы и ограничился краткимъ внушеніемъ молодому человѣку. Понадись онъ на губернатора изъ горяченскихъ,—молодому человѣку грозила бы злая участь, не рѣдкая въ военное время въ Болгаріи.

Этихъ немногихъ фактовъ достаточно, мнѣ кажется, чтобы взвѣсить нравственныя силы новыхъ болгарскихъ администраторовъ и понять роль, которую призваны играть члены русско-болгарскаго административнаго синклита. Очевидно, что въ рукахъ русскихъ администраторовъ должны будутъ сосредоточиться всѣ пружины болгарскаго управленія, а потому понятна и та громадная нравственная отвѣтственность за себя и за болгарскій народъ, которую добровольно приняли на себя русскіе губернаторы. Нравы и развитіе болгарскаго народа въ общей массѣ настолько же первобытны, насколько первобытны и способы обработки болгарской земли. У насъ,

въ Россіи, общій уровень умственнаго развитія стоитъ несравненно выше чѣмъ въ Болгаріи. Такіе принципы какъ гласность, относительная свобода слова, обоюдный контроль и т. д. уже не оставляютъ въ Россіи рѣдкаго и исключительнаго явленія; между тѣмъ какъ въ Болгаріи о нихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія.

Что будетъ съ болгарами?.. Какъ воспитается этотъ народъ, находящійся въ состояніи младенчества, хотя нѣсколько уже испорченный турецкими администраторами? Онъ нуждается въ этомъ воспитаніи прежде всего. Кто будетъ его воспитывать?

Посмотрите вы на этого убитаго, подавленнаго, послушаго болгарина-„братушку“ съ другой стороны. Сколько состраданія онъ вызываетъ къ себѣ! Сколько добраго, нетронутаго заключается въ его мягкой, симпатичной натурѣ! Посмотрите, какъ онъ вѣритъ, какъ онъ искренно смотритъ въ глаза, какъ онъ, простой крестьянинъ-„братушка“, радуется своему счастью, при видѣ своего освободителя, роднаго ему „солдата-братушки“. Одинаково тягостно пережитое историческое горе, народная нужда и печаль сроднили ихъ между собою и такъ крѣпко связали ихъ симпатіи, что онѣ не заглотить на долгія времена въ будущемъ. Болгаринъ — это воскъ, изъ котораго можно лѣпить что угодно. Неужели теперешнему перевороту въ жизни болгарина не суждено еще слѣпить изъ него хорошаго человѣка и вдохнуть въ него жизнь, свободу и радость?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I. ВОЙНА ВЪ СЕРБІИ.

Первые слухи съ поля битвы	1
Первыя встрѣчи	6
„Яду!.. яду мнѣ!!“	12
Сборы и отъѣздъ въ армию	16
Артиллеристъ и саперъ по пути въ Делиградъ.	22
Семендрія и благодать Сербіи	32
Бѣгунцы съ поля битвы	36
Картина бѣгства и переселенія	41
Французъ въ Парачинѣ и австрійскій „сочинитель“	44
Делиградъ.—Сербскія и турецкія позиціи.—Мирныя занятія въ штабѣ.	55
Штабъ Черняева	65
Впервые на позиціи.	68
На перевалочномъ пунктѣ.	83
„Трогай“.	94
Полковникъ Хорватовичъ	97
Маіоръ Яковлевичъ и его адъютантъ: Свѣтозаръ.	107
Организація сербской арміи	114
Продовольствіе и вооруженіе Сербской арміи	119
Первый вечеръ на бивуакѣ.—Отношенія русскихъ и сербовъ другъ къ другу.	130
Ночныя вылазки	140
Неоффіціальное перемиріе.—Полковникъ Клиндеръ	143
Бывшій наличный составъ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи.—Провозглашеніе Милана королемъ Сербіи	151
Приготовленіе къ генеральному сраженію.—Полковникъ Медвѣдовскій.	157
День генеральнаго сраженія.—Мой адъютантъ.—Черногорцы въ битвѣ.	163

Послѣ битвы въ лагерѣ	178
Паническій страхъ 18 Сентября	185
Таинственные незнакомцы.—Ограбленный офицеръ.—Хитрость турецкаго офицера.—Храбрый докторъ.—Боевое увлеченье турка.—Черная кошка.—Ходжитъ, Вучковичъ.—Канунъ турецкой атаки.	191
Атака турокъ.—Картина общаго бѣгства арміи Хорватовича.—Новыя позиціи.—Начало раздоровъ.	206
Совѣщаніе русскихъ въ деревнѣ Сушица.—Отвѣтъ Хорватовича на адресъ.—Возвращеніе въ Делиградъ.	220

ЧАСТЬ II. ВОЙНА ВЪ БОЛГАРІИ.

По дорогѣ въ Кишиневъ.	241
Въ Кишиневѣ.—Алчущіе и жаждущіе вампиры.—Выступленіе . . .	244
Политика Румыніи при переходѣ нашихъ войскъ границы.—Яссы.—Рѣчь Карла Румынскаго.	272
Варивъ двухъ мониторовъ.—Демонстраціи турокъ на берегу Дуная.	292
Первое чувство, охватившее насъ въ Румыніи	313
Бывшій составъ корреспондентовъ въ арміи	320
Характеристика военныхъ корреспондентовъ по національностямъ.	328
Въ Плоештахъ.—Политическія партіи въ Румыніи.—Движеніе войскъ.	345
Журжево.—Рушукъ.—Подвигъ лейтенанта Скрыдлова.—Путь къ переправѣ.	362
Переходъ черезъ Дунай	392
Въ авангардѣ съ казаками.—Погони за баши-бузуками.—Нури . . .	426
Путь въ Трново.—Завтракъ въ Акчаирѣ.—Мертвыя головы.—Гурко за Балканами	450
На Шипкѣ и Порадимѣ.	487
Въ Порадимѣ.—Атака турокъ.	512
Подъ Плевною.—Тревожныя слухи.—Паническій страхъ.—Взятіе Ловчи.—Бомбардировка.—Атака.—Послѣ битвы.—Прогулка на редутъ	520
Наши братушки и нѣчто о Болгаріи	569

3 2044 020 058 137

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS
NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON
OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

